

Министерство образования и науки Российской Федерации
Дальневосточный федеральный университет
Школа гуманитарных наук
Учебно-научный музей

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт археологии и этнографии

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ АТР

Междисциплинарный аспект

**Материалы докладов ЛШ Региональной
(IX Всероссийской с международным участием)
археолого-этнографической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых**

24–30 марта 2013 г.
Владивосток

Владивосток
Издательский дом Дальневосточного федерального университета
2013

УДК 902/904 + 39
ББК 63.4 + 63.5 + 28.7
А87

Проведение конференции и публикация материалов осуществлены при финансовой поддержке проекта РГНФ № 13-01-14034 «ЛИИ Региональная (IX с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых», а также. Конференция проведена в рамках реализации следующих научных программ: Техзадания Министерства образования и науки РФ «Комплексное исследование механизмов межкультурной коммуникации в АТР»; Археологического центра «Бохай»; Дальневосточной лаборатории археологии и палеоэкологии ДВФУ и ИАЭ СО РАН

Рецензенты:

д-р ист. н. А.В. Табарев
д-р ист. н., проф. А.И. Харинский

Ответственные редакторы:

член-корр. РАН Н.Н. Крадин,
д-р филос. н. Ф.Е. Ажимов

Редакционная коллегия:

к.и.н. А.Н. Попов, к.и.н. А.А. Крупянко,
Б.В. Лазин, Д.Г. Кудряшов

Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект : материалы докладов ЛИИ Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 24–30 марта 2013 г., Владивосток / [отв. ред.: Н.Н. Крадин, Ф.Е. Ажимов ; ред. кол.: А.Н. Попов, А.А. Крупянко, Б.В. Лазин, Д.Г. Кудряшов]. – Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. – 436 с.
ISBN 978-5-7444-2989-8

В сборнике представлены результаты исследований в области археологии, этнологии, антропологии, музееведения, охраны историко-культурного наследия и смежных дисциплин, выполненные молодыми специалистами.

УДК 902/904 + 39
ББК 63.4 + 63.5 + 28.7

В статьях сохранена авторская редакция

© Дальневосточный федеральный университет, 2013
© Авторы статей, 2013
© Нюркина Т.В., дизайн обложки, 2013
© Издательский дом Дальневосточного федерального университета, оформление, 2013

ISBN 978-5-7444-2989-8

История, теория и методология археологии

Н.С. Гончарова

Барнаул, Алтайский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ СЕРЕДИНЫ 60–80-х гг. XX в.

Изменение условий развития советской исторической науки, накопление источниковой базы, развитие методологических принципов и рост исследований в смежных дисциплинах в 50–60-е гг. XX в. (С.А. Васютин, П.К. Дашковский, 2009: 41) привели к увеличению количества исследований памятников древнего изобразительного искусства и новому качественному уровню анализа изображений. Сформировавшаяся тенденция обозначила новый этап в изучении мировоззренческих позиций населения Южной Сибири эпохи бронзы.

Активное распространение эволюционистского направления изучения истории человечества, в т.ч. исследования ранних форм религии, проявилось в популярности у отечественных ученых работ Д. Мак-Ленана, Э. Тайлора, Л. Леви-Брюля, Дж. Фрэзера и др. Из отечественных исследователей, занимавшихся вопросами ранних форм религий, следует выделить С.А. Токарева, делавшего особый упор на социальный аспект сущности религии, а не на догматические принципы, вероучение и т.п.

Одним из ярких феноменов, привлекающих внимание исследователей этого времени являлось искусство окуневской культуры. В начале 60-х гг. XX в. активные работы по изучению памятников окуневской культуры проводили А.Н. Липский и Л.Р. Кызласов, считавшие их позднеафанасьевскими (Липский, 1961: 269; Кызласов, 1962: 112). Определение культурной принадлежности и описание памятников выступало в работах исследователей на первый план. Рост интереса именно к интерпретации предметов искусства стал активно проявляться в середине 60-х гг. XX в. Труды исследователей указанного периода отличаются реалистичной трактовкой рисунков и их деталей и, как следствие, идеологических установок, специфичным объяснением назначения изображений.

Наиболее показательными в этом плане могут служить работы Э.Б. Вадецкой. Подкрепив свои предположения этнографическими данными, исследовательница представляет пантеон «окуневцев», состоящий, по ее мнению, из женских божеств, антропоморфных богов, делящихся на добрых и злых, а также сохранившихся старых охотничьих духов (Вадецкая, 1967: 36–37; 1965: 176). Причину возникновения изображений Э.Б. Вадецкая видит в страхе людей перед силами природы, что вызвало веру в сверхъестественные силы, духов. Рисунки высекались для получения конкретной пользы в контексте симильной магии (Вадецкая, 1967: 36).

Попытка представить некоторые аспекты религиозных видений носителей окуневской культуры была сделана М.Д. Хлобыстиной. Исследовательница выделила древнейшие мифы в памятниках окуневского искусства на основании наличия в рисунках образной символики наряду с реализмом. Используя данные этнографии о мифологии народов Сибири как основу для реконструкций, М.Д. Хлобыстина показывает существование в представлениях «окуневцев» мифа о тотеме-прародителе и женщине; мифа о космической погоне; мифа о солнечной повозке; мифа о Солнце и змеях (Хлобыстина, 1971: 170; 172; 175; 177). Кроме того в работах исследовательницы большое внимание уделяется стилистическим канонам, символичности рисунков, возможности сведения образа до простого знака (Хлобыстина, 1971: 166–167). Позднее М.Д. Хлобыстина стала указывать на то, что основой религиозного понимания племен Среднего Енисея эпохи палеометалла являлся культ небесных светил и

антропо-зооморфных прародителей (Хлобыстина, 1978: 155). При этом следует отметить и некоторые дискуссионные моменты в концепции М.Д. Хлобыстиной, получившие ряд справедливых критических замечаний (Леонтьев, 1978: 112; Вадецкая, 1970: 262).

В совместной монографии Э.Б. Вадецкой, Н.В. Леонтьева и Г.А. Максименкова, помимо описания и учета особенностей предметов искусства окуневской культуры, довольно подробно представлена семантическая интерпретация рисунков и изваяний. Н.В. Леонтьев указывал на наличие культа быка в среде «окуневцев», интерпретировал часть антропоморфных личин как обожествленных шаманских предков, а животных с элементами раскраски – как зооморфных шаманских духов. Кроме того, ученый высказал замечание относительно интерпретации антропоморфных личин как солнечных божеств, указывая на противоречие между отношением их к высшим божествам и намеренным разрушением плит с таковыми изображениями, использованием их по утилитарному назначению (Леонтьев, 1980: 33–34; 1980: 75–76).

Э.Б. Вадецкая акцентирует свое внимание на культовом характере изваяний и смысле отдельных деталей антропоморфных изображений. Трактую составляющие рисунка в реалистичном ключе, тем не менее, ученый указывает на их культовый характер (Вадецкая, 1980: 71). Исследовательница критически относится к перенесению данных этнографии на окуневские изваяния, аргументируя это тем, что похожие изображения у сибирских народов могут иметь разное значение (Вадецкая, 1980: 74). Однако, по ее мнению, этнографические параллели могут указать на общее направление, в котором нужно искать смысл изваяний (Вадецкая, 1980: 57). Картину религиозных представлений «окуневцев» Э.Б. Вадецкая (1978: 118; 1980: 75–76) выстраивает исходя из предположенной формы культа – семейно-родовых святынь и покровителей. Исследовательница высказывает предположение о существовании шаманизма, заключая, что окуневские родовые покровители олицетворяли собой женских предков-родоначальниц, а с учетом их зооморфных черт родовые покровители были умершими шаманками.

В своей более поздней работе Э.Б. Вадецкая (1983: 88) отмечает оправданность внимания к отдельным деталям, выделению типичных элементов вместо расшифровки, исходящей из субъективных впечатлений. При этом сама исследовательница не указывает, каким образом производилась расшифровка конкретных деталей в ее работе. Например, детали одежды антропоморфных фигур трактуются как одежда шаманов вследствие внешнего сходства, что, на наш взгляд, является дискуссионным моментом (Вадецкая, 1983: 95). Э.Б. Вадецкая считает, что нет оснований предполагать столь развитый шаманизм у «окуневцев», соглашаясь с Г.А. Максименковым в том, что пока можно говорить лишь о наличии только что завершившего формирование отцовского рода (Вадецкая, 1983: 96). В отношении религиозных представлений Э.Б. Вадецкая отмечает связь изваяний с культами солнца, плодородия, родоначальницы, тотемистических или уже шаманских представлений (Вадецкая, 1983: 97).

В ключе шаманистской гипотезы интерпретирует антропоморфные изображения не менее известной своим искусством каракольской культуры В.Д. Кубарев. Исследователь соотносит одни каракольские сюжеты с мифологическими повествованиями, другие – с иллюстрацией древних ритуалов. Ученый реалистично трактует детали рисунков, но также указывает на их культовое назначение (Кубарев, 1987: 167). В своей монографии, непосредственно посвященной каракольским изображениям, ученый продолжает развивать мысль об антропоморфных фигурах как изображениях шаманов (Кубарев, 1988: 118–119). Однако исследователь не исключает, что рассматриваемые изображения являются конкретными мифологическими персонажами или добрыми и злыми духами, окружающими мертвого (Кубарев, 1988: 130). Более полно каракольские рисунки были изучены в последующие периоды.

Таким образом, следует отметить тенденцию к отходу от использования данных этнографии как основных. Наблюдаются попытки взглянуть на изображения, как на текст, знаковую систему. При этом особое внимание уделяется повторению изображений и стилистическим канонам.

Смена тотемической и магической концепций на мифологическую в мировой науке в 60-х гг. XX в. изначально не оказала влияния на отечественные исследования, в которых продолжал преобладать тотемистический подход.

Небольшое количество работ, посвященных реконструкции именно религиозных представлений, объясняется сложностью и многоплановостью проблематики, отсутствием желания делать поспешные выводы в силу сравнительной малочисленности изучаемого материала и отсутствием должной разработки относительно объективных методологических принципов.

Научный руководитель: д.и.н., проф. П.К. Дашковский

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Изображения зверя-божества из Хакасии // Новое в советской археологии. – М., 1965. – С. 174–176.

Вадецкая Э.Б. Древние идолы Енисея. – Л., 1967. – С. 80.

Вадецкая Э.Б. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск, 1970. – С. 261–264.

Вадецкая Э.Б. Проблемы интерпретации окуневских изваяний // Пластика и рисунки древних культур: (Первобытное искусство). – Новосибирск, 1983. – С. 86–97.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л., 1980. – С. 148.

Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул, 2009. – С. 399.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск, 1987. – С. 150–169.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск, 1988. – С. 172.

Кызласов Л.Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // Советская археология. – 1962. – № 2. – С. 112–123.

Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. – Новосибирск, 1978. – С. 88–118.

Липский А.Н. Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – М., 1961. – С. 269–278.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие сибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. – Новосибирск, 1971. – С. 172–176.

Хлобыстина М.Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // У истоков творчества. – Новосибирск, 1978. – С. 155–163.

Э.Р. Исмайлова

Кемерово, Кемеровский государственный университет

КЕМЕРОВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Термин «научная школа» используется в литературе довольно часто, но исследователи не всегда задумываются над его содержанием и ориентируются более на научную традицию, нежели на методологически обоснованное понятие. Кроме того, отсутствует общенаучное определение научной школы, следовательно, ученый, занимающийся изучением научных сообществ, использует собственные теоретические критерии для интерпретации терми-

на, выделения характерных черт, отличающих школу от других научных объединений, для классификации научных сообществ, определения методологических основ их исследования и т.п. Именно поэтому очень важно уделять внимание изучению конкретных научных школ, к числу которых научная традиция относит также коллектив археологов Кемеровского государственного университета (Бобров, Мартынов, Китова 2002; Мартынов 2003).

Ранее мы уже обращались к теоретико-методологическим проблемам феномена научных школ (Исмайллова, 2011). На основе анализа употребления термина «научная школа» в литературе нами были выделены следующие критерии:

1. неформальный характер объединения;
2. наличие идейного лидера;
3. групповая идентификация;
4. общий для школы методологический подход;
5. наличие определенной исследовательской программы;
6. деятельность основателя школы по передаче знаний ученикам, подготовке кадров молодых исследователей.

Формирование кемеровской школы археологов непосредственно связано с организацией в 1975 г. кафедры археологии КемГУ (НА КМАЭЭ: 571). На тот момент она стала пятой на территории СССР, третьей – на территории РСФСР и единственной в Сибири. Однако нужно отметить, что начало данному процессу было положено еще в 1955 г., когда на работу в Кемеровский краеведческий музей был распределен выпускник Московского областного педагогического института А.И. Мартынов. С 1956 г. он начинает преподавать в Кемеровском педагогическом институте и вести систематические археологические исследования в Кузбассе (Китова, 2013: 23–25). После создания СО АН СССР и переезда в Новосибирск А.П. Окладникова А.И. Мартынов получает от него поддержку. У молодого исследователя появляется возможность поступить в аспирантуру. В 1963 г. А.И. Мартынов защищает кандидатскую диссертацию. Постепенно им был создан работоспособный коллектив, которому стали посильны серьезные научные задачи. В 1965 г. при пединституте была открыта на общественных началах лаборатория археологических исследований. С 1967 г. коллективом кемеровских археологов издается сборник «Известия лаборатории археологических исследований» (НА КМАЭЭ: 628).

В начале 1970-х гг. защищают кандидатские диссертации Г.С. Мартынова, В.В. Бобров, А.И. Кулемзин, в 1975 г. – докторскую – А.И. Мартынов.

В 1974 г. на базе пединститута в г. Кемерово был образован госуниверситет, а через год открыта кафедра археологии. Коллектив кафедры разрабатывает систему подготовки кадров археологов в Кузбассе, создается специализация «археология», разрабатываются авторские программы дисциплин. В 1979 г. открыта аспирантура по специальности «археология», а в 1982 г. в КемГУ стал действовать специализированный диссертационный совет.

Все научные исследования кафедры проводились по комплексной программе «Археология Южной Сибири», с 1980-х гг. она стала называться «Археология Южной Сибири и степной Евразии» и была утверждена Институтом археологии АН СССР и ИИФФ СО АН СССР. Разрабатывая эту крупную программу, кафедра с 1979 по 1989 г. подготовила и провела 4 всесоюзные конференции, посвященные осмыслению процессов, которые проходили в скифское время в степях Евразии.

В рамках утвержденной программы научные изыскания 1980–1990-х гг. проводились преподавателями и сотрудниками кафедры по нескольким крупным темам:

1. Петроглифы Южной Сибири и Центральной Азии – А.И. Мартынов, Я.А. Шер, Б.Н. Пяткин, О.С. Советова, Т.В. Николаева, Е.А. Миклашевич;
2. Кузнецкая котловина в эпоху неолита и бронзы – В.В. Бобров, Ю.И. Михайлов;
3. Историография археологии Сибири – А.И. Мартынов, Л.Ю. Китова;
4. Проблемы средневековой археологии Сибири и Центральной Азии – А.С. Васютин, В.Н. Добжанский, Л.Н. Ермоленко, И.В. Окунева, А.М. Илюшин;

5. Поселения тагарского и тагаро-таштыкского переходного времени – А.И. Мартынов, М.Б. Абсалямов, В.В. Иванчук;
6. Михайловский археологический комплекс – Г.С. Мартынова;
7. Металлургия и металлообработка в Западной Сибири – Н.М. Зиняков;
8. Погребальные сооружения Горного Алтая – А.С. Васютин;
9. Археология лесостепного Алтая в V–I вв. до н.э. – Ю.П. Алехин;
10. Этногенез и этническая история народов Сибири – Р.В. Николаев, В.М. Кимеев, А.Н. Садовой (Китова 1995: 3).

В 1980 г. при кафедре археологии КемГУ был открыт археологический музей, экспозиция которого представляла историю Южной Сибири от эпохи камня до средневековья. Первоначально музей был ориентирован только на учебные задачи, но с 1994 г. в музее была создана новая экспозиция по археологии и этнографии Южной Сибири и его двери открылись для широкой публики. По инициативе кафедры в 1988 г. был создан музей-заповедник «Томская писаница», сотрудниками которого являются выпускники кафедры археологии КемГУ (Бобров, Мартынов, Китова, 2002).

Кафедра осуществляет постоянное международное сотрудничество, которое становится особенно активным в постсоветское время. Это и совместные научные проекты, экспедиции, стажировки членов кафедры в ведущих научных зарубежных учреждениях, участие в международных конференциях за рубежом, а также зарубежные публикации.

В настоящее время кафедра археологии КемГУ обладает высоким научным потенциалом: в ее составе работают 7 докторов и 6 кандидатов наук. Студенты имеют возможность работать с археологическими источниками (артефактами) и архивными материалами (отчеты о раскопках, полевые дневники, чертежи) в «Музее археологии, этнографии и экологии Южной Сибири», а также в четырех лабораториях кафедры археологии.

Основным научным направлением коллектива кафедры является тема «Археология и история древних культур Сибири и Центральной Азии». В 2009 г. Ученый Совет КемГУ утвердил статус научной школы «Исследование культуры и искусства древних обществ на стыке Северной и Центральной Азии (традиции и инновации)». Кафедра археологии участвует в Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Таким образом, кемеровская научная археологическая школа – это сильный исследовательский коллектив ученых, имеющий научно-исследовательскую программу, собственную научно-техническую базу, систему подготовки кадров, систему региональных и международных связей, в том числе и неформальных. Всероссийское и международное признание результатов исследований представителей данной школы позволяет нам отнести ее к авангардному типу, т.е. к научным коллективам, занимающимся разработкой и внедрением в общественно значимый фонд принципиально новых, передовых знаний.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Л.Ю. Китова

Список литературы

Бобров В.В., Мартынов А.И., Китова Л.Ю. 25 лет кафедре археологии Кемеровского государственного университета // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 2002. – С. 24–33.

Исмайылова Э.Р. Научная археологическая школа академика А.П. Окладникова (методологические подходы и критерии выделения) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия : материалы LI Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Красноярск, 2011. – С. 27–29.

Китова Л.Ю. 20 лет кафедре археологии. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1995.

Китова Л.Ю. Анатолий Иванович Мартынов – создатель кемеровской археологической школы // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. – Кемерово, 2013. – Вып. 26. – С. 23–30.

Мартынов А.И. Научная тематика кафедры археологии в контексте отечественной археологии (доклад к 25-летию кафедры археологии КемГУ) // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово, 2003. – С. 3–9.

НА КМАЭЭ. 1966. Д. 628: Материалы по проблемам лаборатории.

НА КМАЭЭ. 1977. Д. 571: Разное (справки о кафедре археологии).

Список сокращений

НА КМАЭЭ – Научный архив музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета

И.Н. Коробейников, М.В. Вавулин

Томск, Томский государственный университет

К ВОПРОСУ О КОМПЬЮТЕРНЫХ ТРЕХМЕРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ В АРХЕОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ КУЛЬТУРЫ ВАРЫ-ХАДЫТА

Керамика – самый массовый археологический материал. В ходе полевых работ, наряду с отдельными фрагментами, находятся скопления и развалы. К сожалению, целые сосуды сохраняются редко, поэтому неотъемлемая часть работ с коллекцией связана с восстановлением и реконструкцией керамических емкостей.

Компьютеризация всех сфер общества не обошла стороной и археологическую науку. В литературе появляются работы, посвященные современным методикам обработки и презентации находок. Одной из таких методик является трехмерная реконструкция керамических сосудов.

Виртуальная трехмерная реконструкция – технология визуализации, применяющаяся при воссоздании отдельных предметов искусства и памятников архитектуры, утраченных либо частично разрушенных объектов (Смолин, Румянцев 2010: 92).

На ее основе складывается целое направление в археологической науке, занимающееся реконструкциями материальной культуры. До середины 90-х гг. эти технологии были доступны лишь узкому кругу специалистов, но сейчас все большее количество археологов используют в своей работе трехмерные редакторы.

Отметим, что модели, созданные в трехмерном редакторе, безусловно, могут иметь допущения относительно реально существовавших предметов. Поэтому, чтобы точно реконструировать сосуд, нам требуется учесть такие факторы, как форма, материал, декор, технология и т.п. Количество учтенных факторов будет определять точность выполненной реконструкции.

Допустим, у нас имеется венчик и примыкающий к нему фрагмент тулова. Измерив угол искривления венчика, а также угол искривления профиля сосуда, мы можем предположить размеры и форму сосуда. Сравнивая данные с идентичными емкостями с сохранившимся дном, можно говорить о форме дна.

Проанализировав сочетаемость узоров в орнаментальных зонах в целом по коллекции, мы можем говорить о наличии определенного узора в придонной части сосуда, на его венчике и т.д. При этом мы получаем реконструкцию благодаря использованию методов аналогии, статистики и т.д.

В основу нашей 3D модели легла готовая графическая реконструкция сосуда стандартных форм с уплощенным дном культуры раннего бронзового века вары-хадыта с поселения Вары-хадыта II. К классу посуды стандартных форм мы относим сосуды с круглым устьем. Это емкости с прямыми и слегка изогнутыми венчиками и вертикальными стенками, плавно переходящими в округлые или уплощенные днища. Плоские

донца известны, но исключительно редки. В своей работе мы использовали трехмерный редактор 3Ds Max. Данная 3D-модель сосуда стандартных форм, сделана с упрощением по отношению к реальному сосуду, т.к. это лепная керамика, а лепной сосуд может быть несимметричным.

Заострим внимание на том, что построение точной, идеальной модели в компьютерной трехмерной среде не соответствует реальности. Соответственно, чтобы реконструкция была более близкой к оригиналу, как ни странно, следует применять модификаторы, придающие некоторый «шум», неровности и пр.

Исходным материалом для моделирования служит профиль сосуда (рис. 1а). В редакторе настраиваем масштаб и задаем плоскости размеры, совпадающие с размерами исходной графической реконструкции. Далее создаем объект с помощью модификатора вращения, сглаживания поверхности и материала (рис. 1 б). Затем из фотографий поверхности реального сосуда берем образец текстуры материала. Так как орнамент на сосуде циклический и повторяющийся, вырезаем часть изображения с графической реконструкции и накладываем на получившийся объект. Применяем модификаторы выдавливания и рельефности (рис. 1 в). Настраиваем освещение для полученной виртуальной модели.

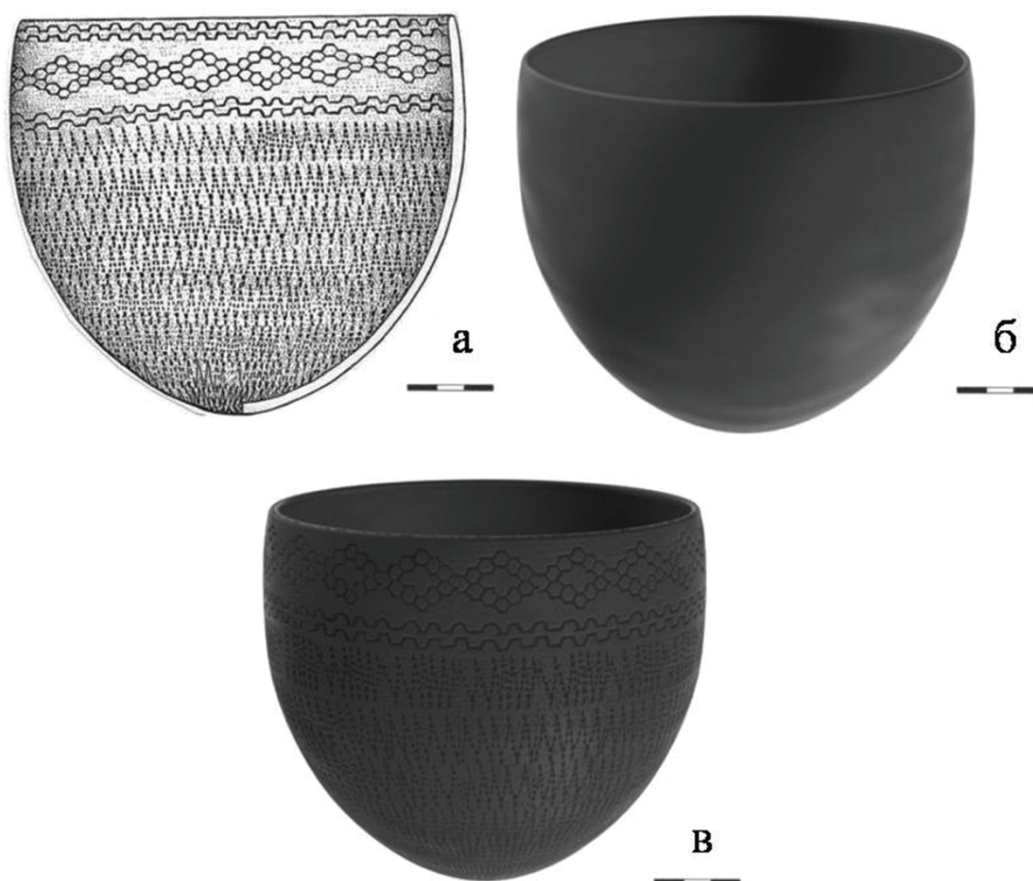

Рис. 1. Виртуальная трехмерная модель сосуда стандартных форм культуры вары-хадыта:
а – исходное изображение с профилем сосуда; б – модель с наложенной текстурой;
в – готовая 3D модель

Трехмерные реконструкции сегодня являются очень востребованной частью в археологическом познании. Такая способность представить результаты исследований в виде моделей и реконструкций нам видится важным шагом в подготовке специалиста-археолога.

Практический смысл такого представления материала во многом заключается в более наглядном способе отображения информации. В отличие от обычных иллюстраций, совре-

менные технологии трехмерной графики способны дать более точное представление о характере объекта, его внешнем виде.

Потенциальные возможности использования трехмерных реконструкций в археологии широки. Результаты трехмерного моделирования, несомненно, станут прекрасным подспорьем в создании виртуальных экспозиций музеев.

3D реконструкции керамических сосудов, сделанные непосредственно с фрагментов, извлеченных в ходе раскопок, могут стать настоящим археологическим источником в том случае, если коллекции не находятся в непосредственном доступе исследователя. Но, естественно, только в том случае, когда модели точно повторяют все параметры находок. Правда для этого требуется использование профессионального координатно-измерительного оборудования (3D сканер).

Проблемы реконструкции формы сосудов обычно являются стандартными задачами обработки информации – разбиением фрагментов на группы, поиск подходящих фрагментов, сортировка, сопоставление текстур, цвета и т.д. Программно-аппаратная реализация этих действий позволяет ускорить выборку фрагментов, их восстановление, а также обеспечивает надлежащую достоверность формы и размеров реконструированных сосудов (Гаврилова, Сингатулин, 2008: 241–242).

Можно также утверждать, что виртуальная трехмерная реконструкция перестает быть только зрелищным и наглядным способом визуализации, а выступает в качестве метода гуманитарного исследования. В этом случае появляется необходимость тщательного изучения возможностей трехмерного моделирования применительно к гуманитарной сфере исследований, необходимость создания стандартов и методик виртуальной трехмерной реконструкции (Смолин, Румянцев, 2010: 101).

Динамичное развитие трехмерных реконструкций и перспективы их широкого использования в археологии требуют наличие у специалиста соответствующих навыков работы с трехмерными редакторами.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Е.А. Васильев

Список литературы

Гаврилова Е.А, Сингатулин Р.А. Музейные технологии: информационные подходы при реконструкции сосудов // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2008. – Вып. 2, Т. 1. – С. 241–245.

Смолин А.А., Румянцев М.В. Виртуальные трехмерные реконструкции // Методический вестник исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. – 2010. – № 8. – С. 91 – Вып. 2, Т. 1. – С. 101.

А.С. Кравцова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

КОНЦЕПЦИЯ М. МОЗЛИ О ВЛИЯНИИ ПРИМОРСКОЙ АДАПТАЦИИ НА ЗАРОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

В настоящее время исследования, посвященные различным типам адаптаций к ландшафтно-климатическим условиям, получили широкое распространение в мировой науке. Для описания адаптационных процессов, происходивших в древнейших периодах человеческой истории в тихоокеанском бассейне, принято употреблять термин «приморская адап-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-31212 «Архаичные типы адаптационных стратегий по данным археологии Монголии и Центральной Америки» и гранта РГНФ № 12-01-00001а «Древние культуры Колумбии и Эквадора».

тация». Он применяется в основном к так называемым архаическим периодам, то есть до возникновения производящего хозяйства, и базируется главным образом на преобладающем значении рыболовства в древних обществах.

Целью настоящего исследования является рассмотрение концепции «Морские основы цивилизации Анд», или MFAS (Maritime Foundations of Andean Civilization), предложенной американским ученым Майклом Мозли из Университета Флориды (Moseley, 1974). Согласно ей, прибрежное рыболовство – как основа экономики – могло положить начало возникновению оседлого образа жизни в докерамический период, могло поддерживать достаточно крупные по масштабу общества, а также способствовало развитию социальной стратификации и монументальной архитектуры до внедрения в экономику ирригационного земледелия. Так, на примере археологических исследований памятников на территории тихоокеанского побережья Перу Мозли построил альтернативную теорию, согласно которой не только земледельческая экономика может быть основой для формирования цивилизационной модели (Moseley, 1974: 1).

Работа Мозли строится на предшествующих работах исследователей. В частности, на работе Эдуарда Ланнига (Lanning, 1967), за исключением нескольких выводов – например, Мозли критикует предпринятую Ланнингом попытку связать материалы Перу с мезоамериканской и месопотамской моделью, где зарождение цивилизации и доместикация растений происходят одновременно (Moseley, 1974: 4). Мозли пришел к выводу, что экономика с преобладанием приморской составляющей отличается высокой производительностью (выше, чем с преобладанием земледелия), при этом социальная организация древнейших перуанских обществ отличалась сложной стратификацией. Круглогодичная доступность к богатым протеинами источникам пищи привела к трансформации обществ охотников-собирателей, сменивших экономику на оседлое рыболовство без внедрения земледелия. Примечательно, что на высокогорьях Перу, скорее всего, подобной трансформации не произошло (Moseley, 1974:116).

Одним из факторов в защиту своей теории Мозли приводит тот факт, что все ремесла, которые характеризуют развитую цивилизацию Перу (кроме металлургии), берут свое начало в период активной эксплуатации морских ресурсов, до возникновения земледелия (обработка кости, камня, дерева и сосудов из тыквы-горлянки, а также текстиль и терракотовые статуэтки) (Moseley, 1974: 117). Прибрежные территории Перу отличались засушливым пустынным климатом, и это лишний аргумент в защиту того, что земледелие в этих условиях не могло быть развито в полной мере.

Еще один значительный фактор для тихоокеанского побережья Южной Америки – это явление Эль Ниньо. Для соседней с Перу территории Эквадора, чьи прибрежные воды также богаты пищевыми ресурсами, этот феномен не приносил столь резких изменений климата, однако культуры обеих территорий в значительной мере испытывали его влияние, что позволило Мозли выделить локальные варианты модели приморской адаптации (Moseley, 1987).

Гипотеза приморской адаптации и происхождения цивилизации Перу М. Мозли вызвала широкий резонанс среди исследователей. Некоторые поддерживали эту теорию, либо их исследования лежали в ее русле (напр. Lanning, 1965, Patterson, 1971, Engel, 1966 etc.), однако по большей части теория подверглась резкой критике, а подавляющая часть ученых продолжала придерживаться классического варианта развития доиспанских обществ на базе земледелия (напр. Kidder, 1964, Mason, 1968, Wilson, 1981 etc.).

В качестве яркого примера критики можно привести исследование Дэвида Уилсона, посвященное анализу и описанию двух основных биомов – морского и наземного – и их влиянию на зарождение цивилизации Перу (Wilson 1981). В первую очередь он указывает на то, что численность популяции приморского населения ранних периодов была значительно ограничена по сравнению с группами, живущими на земледельческой экономике. Согласно подсчету необходимых килокалорий в день на человека, Уилсон делает вывод, что Моз-

ли зависил численность популяции приморского населения в своем исследовании (Wilson, 1981: 105). Согласно работе Сандерса и Прайса (Sanders and Price, 1968) численность населения государственного образования должна превышать как минимум 25 тыс. человек, в то время как на территории всего прибрежного Перу не могло проживать более 20 тыс. Для статуса вожества этим обществам не доставало социальной ранжированности, а ни один из изученных на тот момент археологических памятников не может считаться «городским центром». Таким образом, Уилсон делает вывод о том, что единственный вариант экономической ситуации для прибрежных жителей Перу – это смешанный тип с превалирующей земледельческой составляющей (Wilson 1981: 114).

Результатом этой продолжительной дискуссии стала публикация М. Мозли «Maritime Foundations and Multilinear Evolution: Retrospect and Prospect» (Moseley, 1992). В ней автор дал краткий историографический очерк археологических исследований на побережье Перу, показав, что еще в первой четверти XX в. зародились теории альтернативного экономического развития древних обществ на базе приморских ресурсов. Так как с момента первоначальной публикации гипотезы прошло немало времени и были проведены дополнительные исследования, Мозли пересматривает оригинальную гипотезу, признавая, что она имеет множество ограничений и требует существенной доработки. Но в закономерности основных положений этой гипотезы он по-прежнему не сомневается. На этом острота полемики была снята, концепция MFAS продолжает существовать, однако лидирующие позиции продолжает занимать классическая модель зарождения цивилизации на земледельческой основе.

Таким образом, концепция приморской адаптации М. Мозли подверглась обширной и в целом обоснованной критике со стороны исследователей. Однако следует отметить несомненно положительные черты: эта концепция объединила предположения ряда исследователей об альтернативном пути возникновения цивилизации, привлекла всеобщее внимание к проблеме приморской адаптации древнего населения Нового Света и стимулировала междисциплинарные исследования на тихоокеанском побережье Южной Америки.

Научный руководитель: д.и.н. А.В. Табарев

Список литературы

Engel F. Geografia Humana Prehistorica y Agricultura Precolombina de la Quebrada de Chilca. – Lima : Universidad Nacional Agraria, 1966. – Vol.1: Informe Preliminar.

Kidder A. South American High Culture // Prehistoric Man in the New World. Jesse D. Jennings and Edward Norbeck, eds. – Chicago : University of Chicago Press, 1964. – P. 451–486.

Lanning E.P. Early Man in Peru // Scientific American. – 1965. – № 213. – P. 68–76.

Lanning E.P. Peru Before the Incas. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N.J., 1967.

Mason J.A. The Ancient Civilizations of Peru. – Baltimore : Penguin Books, 1968.

Moseley M.E. The Maritime Foundations of Andean Civilization. – Menlo Park, Calif.: Cummings Pub. Co, 1974.

Moseley M.E. Punctuated Equilibrium: Searching the Ancient Record of El Niño // The Quarterly Review of Archaeology 8. – 1987. – P. 7–10.

Moseley M.E. Maritime Foundations and Multilinear Evolution: Retrospect and Prospect // Andean Past 3. – 1992. – P. 5–42.

Patterson T.C. Central Peru: Its Population and Economy // Archaeology. – 1971. – Vol. 24. – P. 316–321.

Sanders W.T., Price B.J. Mesoamerica: The Evolution of a Civilization. – New York : Random House, 1968.

Wilson D.J. Of Maize and Man: A Critique of the Maritime Hypothesis of State Origins on the Coast of Peru // American Anthropologist. – Vol. 83 (1). – 1981. – P. 93–120.

**ИЗУЧЕНИЕ ЭЛИТЫ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1900–1940 гг.:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ***

В отечественной историографии проблематика изучения элитных групп в системе кочевого общества никогда не поднималась в рамках отдельных научных дискуссий. Однако изучение социально-политической организации кочевников, оценка уровня их общественного развития непосредственно ставила перед исследователем необходимость применения тех или иных категорий, определяющих правящий класс, элиту, таких как «племенные вожди», «знать», «аристократия» и т.д. (Грязнов, 1950: 68; Руденко, 1952: 54; Суразаков, 1983: 76 и др).

В дореволюционный период происходит длительный процесс накопления и сохранения фактического материала, собранного в частные коллекции из многочисленных памятников Саяно-Алтая, Сибири и Монголии. Во второй половине XIX в., при содействии Русского географического общества и Археологической комиссии, организуются экспедиции в различные регионы Центральной Азии (Марсадолов, 1996: 15–16). Исследователями данного периода не предпринимались конкретные попытки проведения палеосоциологических реконструкций. Их интерес в большей степени затрагивали вопросы этнокультурного характера (Васютин, Дашковский, 2009: 135). Однако при изучении масштабных погребальных памятников в некоторых случаях проводилась их «привязка» по отношению к конкретной социальной группе. В.В. Радлов, опираясь на многочисленные материалы Берельского кургана, связывал его с «богатой» частью общества кочевников. При этом наличие сопроводительных захоронений коней рассматривалось им как важный маркер социального статуса умершего (Радлов 1989: 463). Д.А. Клеменц в отношении памятников Минусинской котловины так же связывал показатели масштабности объекта и высокого социального статуса погребенного (Талько-Грынцевич, 1999: 31).

В конце XIX – начале XX вв. также проводились исследования археологических памятников хунну Забайкалья. Ю.Д. Талько-Грынцевич проводил работы по изучению погребального обряда сюнну, особенностей погребальных сооружений, разделив их на 4 типа. Однако исследователь воздержался от проведения каких-либо социальных интерпретаций (Талько-Грынцевич, 1999: 119–123).

Методологической основой исторических исследований с начала XX в. до конца 1920-х гг. выступал эволюционизм. В археологии он являлся важным принципом в изучении культурно-генетических процессов, этнической атрибуции, особенностей погребальной обрядности, палеосоциологических исследований, хотя последние практически не предпринимались (Васютин, Дашковский, 2009: 11–12).

В последующие после революции годы возобновляются экспедиционные работы по изучению древних памятников Алтая, Забайкалья, Монголии. В ходе археологических исследований происходит накопление фактического материала, необходимого для палеосоциологических реконструкций. М.П. Грязнов, опираясь на материалы скифских погребальных комплексов Алтая, признавал существование в кочевом обществе социальной дифференциации. Первый пазырыкский курган, а также памятники подобного типа, исследователь предложил интерпретировать как погребения вождей племен или родоплеменных союзов (Грязнов, 1940: 17–18).

* Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 гг. «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири», мероприятие «Конкурс грантов» проект № 2012.312.2.37 «Функционирование элиты в кочевых империях Южной Сибири и Центральной Азии в поздней древности и раннем Средневековье».

В середине 1920-х гг. были проведены раскопки элитных хуннских памятников в горах Ноин-Ула (Руденко, 1962: 8–10). Результаты работ дали богатый материал для характеристики культуры и общества хунну Центральной Азии. П.К. Козлов воздержался от проведения каких-либо социально-политических реконструкций, уделяя внимание анализу археологических находок. С.А. Теплоухов ограничился общими замечаниями о принадлежности исследованных памятников знатным лицам, на что указывают грандиозные размеры погребального сооружения (Васютин, Дашковский, 2009: 173).

В данный период времени, на материалах Горного Алтая и Монголии, происходит формирование фундаментального принципа социальной археологии о прямой зависимости общественного статуса погребенного лица и масштабности погребального комплекса.

В 1930–1935 гг. происходит изменение методологических принципов изучения исторического процесса. Официальной установкой было принятие формационного подхода и марксистско-ленинской схемы развития истории. В связи с этим, социально-политическим реконструкциям в области археологии стало уделяться гораздо большее внимание. Обозначившиеся изменения ставили перед историками необходимость «вписать» общественную систему кочевников в пятиступенчатую формационную концепцию.

С 1933 г. формируется дискуссия о рабовладении и феодальном строе у кочевников. С.П. Толстов полагал, что у средневековых кочевников сохранялись многие черты рабовладельческого строя при одновременном формировании феодализма. Наличие рабовладения у средневековых кыргызов отстаивал С.В. Киселев (Васютин, Дашковский, 2009: 17). Г.П. Сосновский различал предклассовую и классовую организацию хунну, А.Н. Бернштам утверждал наличие рабства у данных кочевников (Васютин, Дашковский, 2009: 175). Официальным завершением трансформации методологических принципов истории стало утверждение «Краткого курса ВКП(б)», в котором однозначно утверждаются принципы исторического подхода и диалектического материализма в интерпретации социально-политических явлений (Краткий курс, 1997: 104).

Установление формационного подхода потенциально создавало условия для изучения властных отношений и выделения элиты кочевников. Утверждение двух общественных полюсов – «эксплуататоров» и «эксплуатируемых» – аналогично делению социального пространства на элиту и массу. Диалектический принцип социальных изменений, утверждаемый в «Кратком курсе» соответствует принципу «циркуляции элит» В. Парето (Ашин, 1999: 32). С.П. Толстов, изучая политическую организацию скифов, выделял два социальных блока – «царей» и «монархов», противостоящих массе народа (Васютин, Дашковский, 2009: 19). Данное утверждение, основанное на «марксистско-ленинских» принципах совершенно не противоречит классическим установкам элитологии о противостоянии элиты и массы.

Однако научный дискурс третьего десятилетия XX в. был обращен на максимальную адаптацию формационного подхода к проблемам кочевого общества. Изучение властных отношений и элиты кочевников, несмотря на имеющиеся методологические возможности, в данный период не предпринималось.

Научный руководитель: д.и.н., проф. П.К. Дашковский

Список литературы

Ашин Г.К. Основы политической элитологии. – М. : Приор, 1999.

Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2009.

Грязнов М.Н. Раскопки на Алтае // Сообщения Гос. Эрмитажа. – Вып.1. – Л., 1940. – С. 17–21.

- Грязнов М.Н. Первый Пазырыкский курган. – Л. : Гос. Эрмитаж, 1950.
- Краткий курс истории ВКП(б). – М. : Писатель, 1997.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х гг. XX в.). – СПб. : Гос. Эрмитаж, 1996.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М. : Наука, 1989.
- Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.–Л. : АН СССР, 1952.
- Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л. : АН СССР, 1962.
- Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 72–87.
- Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. – СПб.: Азиатика, 1999.

К.В. Моряхина
*Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПЕРМСКОЙ ЧУДИ КАК ОБ УГОРСКОЙ НАРОДНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Археологическая наука начала развиваться повсеместно на территории России в конце XVIII в. Первые археологические раскопки в Пермском крае проводились в 1819 г. В.Н. Берхом.

В историографии можно выделить три периода формирования представления о Пермской чуди:

1. Конец XVIII – середина XIX вв. Появления первых археологических и этнографических работ о Пермском Предуралье. Впервые название «чудь» употребляется по отношению к древнему населению Пермского Предуралья в литературе.
2. 50–80-е гг. XIX в. Исследователи Пермского края стали понимать под чудью финский народ.
3. 80-е г. XIX – начало XX вв. Начинается дискуссия по вопросу этнического определения чуди: одни исследователи считали, что это пермские финны, другие – что это угры, третьи – что это полиэтничное население (и пермские финны, и угры).

К исследователям, рассматривающим Пермскую чудь как полиэтничное население, необходимо отнести: А.А. Дмитриева, И.Н. Смирнов, В.Н. Шишонко, И.Я. Кривошеков. По их мнению, на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья проживали пермяки, зыряне, вотяки, вогулы и остяки.

Одним из первых, кто выдвинул идею о родстве чуди с вогулами (т.е. уграми), был М.В. Малахов. Он обратил внимание на сходство чудских изображений на скалах и береговых утесах, так называемые писаницы, с вогульскими тамгами (тамга – название знака, вероятно имеющего символическое значение, принадлежащего каждой вогульской семье или фамилии) (Малахов, 1879: 213).

Ф.А. Теплоухов развивал идею, что чудь – это вогулы. Он указывал, что древности Пермской чуди принадлежали одному народу. Также исследовал чудских идолов и баснословных существ, на берегах Камы и ее притоков, придя к выводу, что эти вещи идентичны угорским. Показательным примером являются находки из Чаньвенской пещеры и других пещер по р. Колва (Теплоухов, 1895: 62).

Д.Н. Анучин занимался исследованием пермского звериного стиля. В своих работах он сделал заключение, что изображения птиц на древностях присваиваемых Пермской чуди аналогичны изображениям птиц у вогулов и остяков в XIX в. (Анучин, 1899: 135).

И.Н. Глушков сравнивал религиозный быт вогулов и Пермской чуди, от которой остались поселения на территории Пермской, Вятской и Вологодской губерний. Чудские и угорские изображения почитаемых животных (лошадь, соболь, «чудской ящер») и глиняные чашечки, использовавшиеся для приношений богам, по его мнению, имеют сходства между собой и, возможно, играли одинаковую роль (Глушков 1900: 60).

К. Жаков в своей работе ссылаясь на труды Ф.А. Теплоухова и добавлял, что топонимика северо-восточной части Европейской России имеет угорские корни, например, реки Вычегда, Вымь, Сысола, Пижма, Вишера. Но К. Жаков оставлял вопрос об этническом определении чуди открытым. Он считал, что не хватает еще данных, чтобы окончательно утвердиться в том, что представляет собой Пермская чужь (Жаков, 1905: 106).

А.А. Спицын, анализируя облик чудских древностей, например, Сасанидских блюд, серебряных гривен глазовского типа, серебряных погребальных масок, стал оценивать Пермскую чужь как угорскую народность. Изначально же А.А. Спицын, пока был исследователем только Вятской губернии, считал, что чужь – это предки вотяков. С течением времени его мнение изменилось. Это произошло когда он познакомился с археологией всего Урала (Императорская Археологическая комиссия, 2009: 646).

Представленные здесь исследователи придерживались утверждения, что Пермская чужь представляет собой угорскую народность. Основывались они, главным образом, на данных археологии, а точнее на анализе культовых предметов и изображений животных, принадлежавших Пермской чуди. Следует отметить, что чудскую культуру эти исследователи датировали V–XII вв. (Теплоухов, 1892–1895: 73). По каким-то причинам (точно не было установлено) Пермская чужь (угры) отступила на другую сторону Урала, место которой впоследствии заняли родственные финно-угорские народы.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. вопрос об этническом определении чуди был актуальным. Практически каждый историк, этнограф, археолог, занимавшийся изучением древностей Пермского Предуралья, пытался ответить на этот вопрос. Однако к окончательному решению исследователи так и не пришли. В советское время в корне изменилось представление о древнем населении Пермского Предуралья. Пермские финны (коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты) стали считаться автохтонным населением данной территории. В настоящее время вновь возникли научные споры по этому вопросу.

Научный руководитель: А.Н. Саранулов

Список литературы

Глушков И.Н. Чердынские вогулы: Этногр. очерк. – М. : Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1900.

Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.

Теплоухов Ф.А. Оттиски статей и заметок о древностях Пермской губернии. – Пермь : Пермский губ. стат. Комитет, 1892–1895.

Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у Приуральской чуди // Материалы по археологии восточных губерний. – Т. 3. – М., 1899. – С. 1–135.

Жаков К. По Иньве и Косе // Камасинский Я. Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. – М., 1905. – С. 106–116.

Теплоухов Ф.А. Древности, найденные в Чаньвенской пещере, Соликамского уезда // Пермский край. – Т. 3. – Пермь, 1895. – С. 51–64.

ПОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОРТОЛОВ

Среди исторических преданий и легенд якутов об аборигенах Якутии значительное место занимают рассказы о сортолах. В фольклорных текстах нет никаких упоминаний об их этнической принадлежности, также отсутствуют сведения о языке и других признаках. Название этнонима тоже одна из загадок. Специальным изучением происхождения сортолов никто не занимался. Существующая информация о них известно исключительно по преданиям и легендам.

В преданиях о сортолах рассказывается как о многочисленном лесном народе, следы проживания которых зафиксированы в устье Вилюя и по обоим берегам нижнего течения Лены (Окладников, 1955: 340), а также по Верхоянску, Жиганску и реке Сартанг (Иванов, 1988: 98). О сортолах спорадически упоминают в трудах некоторые исследователи истории и культуры Якутии. Опираясь на свидетельства фольклорных данных, исследователи относят сортолов к доякутскому населению. Существуют разные точки зрения об этнической принадлежности сортолов. На данный момент их считают аборигенами, условно называя их палеоазиатами, то древними тунгусами или же монголами.

Исторические предания и легенды о сортолах собирал фольклорист С.А. Боло. Он зафиксировал у жителей Верхоянска предание о сортолах и покинутых ими этехов («О сортолах». Запись С.И. Боло, 1942). Первые археологические и этнографические исследования по данной теме проводил во время Ленской историко-археологической экспедиции 1942–1943 гг. А.П. Окладников. Опираясь на фольклорные данные С.А. Боло, обнаружил следы остатков домов, относящихся к сортолам, а также целые баночные сосуды (Окладников, 1946: 78; Константинов, 1971: 91; 1975: 119, 167). Дома он выделяет как дома типа «сартол-этехов». Всего во время работы экспедиции было обнаружено 6 памятников, относимых к «сартол-этехам». Учитывая находки из устья речки Далгаан, А.П. Окладников в вопросе об этнической принадлежности носителей «Сартол-этехов» склоняется считать их предками долган (Окладников, 1946: 155; 1955: 352).

Специалист по сосудам И.В. Константинов в основном соглашается с А.П. Окладниковым, при определении сосудов, найденных в «сартол-этехах» за сортолами. Но в основном И.В. Константинов обращает внимание на этноним «сартол». Считая, что этноним был принесен когда-то в древности, тунгусоязычными племенами. Носителей этнонима относит к коренным местным жителям территории Средней Лены, точнее древним тунгусам. В преданиях отражаются события, связанные с переселением предков якутов. Но отрицал о существовании в Якутии рода с этнонимом сартол (Константинов, 1975: 167–170).

Монгольскую версию происхождения сортолов предложили фольклористы И.Г. Березкин и М.С. Иванов. И.Г. Березкин поспешно решил, что в период XIII–XIV вв. сортолы от Енисея через Нижнюю Тунгуску попали в Вилюй, причем без каких-либо оснований (Березкин, 1987: 19). Иванов М.С. в основном подкрепил значительными фактами данную версию. Соглашаясь с мнением И.Г. Березкина, считает, что сортолы Якутии не имеют отношения к сартулам Бурятии, которые переселились в 1675 г. на Зайбайкалье. Утверждает, что монголыязычные сортолы пришли в Якутию гораздо раньше до прихода тюркоязычных предков саха.

М.С. Иванов также обнаружил топонимы, связанные с этнонимом Сортол. В 1776 г. в Кангаласском улусе был записан покос на двух людей с названием Сортол. По данным переписи 1897 г., был зафиксирован род Сортол в Средневилюйском улусе Өргүөтского наслега. В Сунтарском улусе в Кундэйцах существует озеро с тем же названием Сортол (Иванов, 1988: 97).

При этом он выделяет диалектные особенности в произношении этнонима. Так, в акающих районах Якутии их называют сартыалами, а в других через «о» сортолами.

М.С. Иванов подтверждает наличие этнонима хатыгын на местах расселения северных якутов, в своей основе связанных с сартолами (Иванов М.С. – Багдарын Сюлбэ, 1982: 148). Важно отметить еще и то, что Иванов М.С. первым сделал обзор по сортолам.

В своих трудах некоторые исследователи при обзоре этнической истории якутов (Алексеев, 1996: 47; Гоголев, 2004: 88–89) условно называют сортолов как палеоазиаты.

Таков краткий историографический обзор проблемы.

Список литературы

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. –Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. – С. 96.

Боло С.И. 1942. Запись «О сортолах».

Березкин И.Г. По следам наших предков и современников. – Якутск : Кн. изд-во, 1987. – С. 112.

Гоголев А.И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.): монография. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2004. – С.104.

Иванов М.С. Багдарын Сюлбэ. Размышления об истоках языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – С. 240

Иванов М.С. - Багдарын Сюлбэ. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. – Якутск, 1982.

Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в Древности : Труды Приленской археологической экспедиции. – Якутск : Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975.

Окладников А.П. Ленские древности. – Вып. 2 // Отчет об археологических исследованиях на Нижней Лене от Жиганска до Кумах-Сурта в 1942–1943 гг. – Якутск, 1946. – С.155.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству. – М.; Л. : Изд.-во АН СССР, 1955. – С. 427.

Т.С. Паршикова

Барнаул, Алтайский государственный университет

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1960-е гг.

Исследования «царских» курганов Алтая С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.В. Киселева дали исключительные для науки данные. Работы археологов были посвящены интерпретации накопленных материалов (Грязнов, 1950; Руденко, 1952, 1960 и др.). Однако, несмотря на значительные выводы, создание культурно-хронологических схем для данной территории требовало изучения погребений рядовых кочевников.

В 1960-е гг. на Алтае работала Южно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа, организованная в 1959 г., которую возглавлял С.С. Сорокин. Основной задачей являлась раскопка курганов рядовых кочевников, которые должны были дать материальное отражение идеологии основной массы населения (Сорокин, 1967: 71). С 1960 по 1967 г. проводились разведки и исследования на целом ряде могильников ранних кочевников, таких как Курту–II, Коксу–I, Катонском могильнике, могильнике Копай–2 и др. (Марсадолов 1996: 57; Сорокин 1967а; 1967б).

В работах, проводившихся указанной экспедицией в 1964–1966 гг., принимали участие Горно-Алтайский областной и Бийский краеведческие музеи. Впервые была раскопана большая серия неграбленных курганов рядовых кочевников на реках Аргут и Коксу, составивших единый комплекс. Фактически это были первые серьезные и систематические ис-

следования в труднодоступном и малоизученном Кош-Агачском районе Горно-Алтайской автономной области.

Специалистами отмечается, что среди памятников, изученных С.С. Сорокиным на Алтае, наибольшее значение имеет могильник Курту–II. Исследователь сравнил погребения из этого некрополя с материалами большереченского и майэмирского этапов (М.П. Грязнов, 1956: 44–48) и отметил различия между ними. Археолог пришел к выводу, что погребение человека в скорченном положении и с конем из могильника Курту–II относится ко времени более раннему, чем начало майэмирского этапа – к IX–VIII вв. до н.э. С.С. Сорокин в 1966 г. впервые (по найденным псалям) удревнил дату памятников Алтая «раннескифского» времени до IX в. до н.э. (Тишкин, 2007: 61).

В целом работы Южно-Алтайской экспедиции хотя и продолжили изучение скифской эпохи Горного Алтая по направлениям, заложенными С.И. Руденко, М.П. Грязновым, С.В. Киселевым, однако большей своей частью были направлены на изучение погребений рядовых кочевников. Многие работы С.С. Сорокина содержат методические рекомендации не только по полевой и камеральной обработке материалов, но и по проведению реконструкций и реализации методологических подходов (Тишкин, 2007: 62).

Из крупных экспедиций, работавших в 1960-е гг. в Горном Алтае, стоит назвать работы Горно-Алтайского отряда Института истории, филологии и философии СО РАН под руководством Е.М. Берс, которая в 1964–1965 гг. возобновила исследования на Усть-Куюмском могильном поле, где ею же в 1963 г. исследовалась стоянка каменного века. Отрядом исследовались афанасьевские погребения (Берс, 1974).

Большие по объему работы проводились в 1968–1969 гг. Акташским отрядом Алтайской экспедиции Института истории, филологии и философии СО РАН и Кемеровским педагогическим институтом в зоне предполагаемого затопления Чуйской ГЭС (Кулемзин, 1970: 201–202). За 2 года в урочищах Боротал, Алагаил и Тербедок было раскопано 62 разновременных кургана (от «раннескифского» до тюркского времени) (47 – в Алагаиле, 12 – в Боротале и 3 – в Тербедоке) из 292 зафиксированных (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985: 147–182). Общая характеристика исследованных в это время курганов была приведена в статье 1985 г. Помимо этого, некоторые неопубликованные в 1985 г. материалы приводятся в монографии В.Д. Кубарева и П.И. Шульги 2007 г. (Кубарев, Шульга, 2007).

В конце 1960-х гг. на Алтае масштабные исследования проводил А.П. Окладников. Начало работ было связано с открытием палеолитического местонахождения на р. Улалинка, в черте города Горно-Алтайска. Некоторые детали открытия Улалинки описаны ученым в его книге «Открытие Сибири» в разделе «На крутом Улалинском холме» (А.П. Окладников, 1981: 87–120), а также освещены в фундаментальном издании – первом томе пятитомной «Истории Сибири» (1968: 41–43).

В 1969 на Улалинке проводились раскопки, которые дали материал, сходный, по мнению А.П. Окладникова, с галечными культурами Индии и Африки. Находки были отнесены к раннему палеолиту. До 1977 г. исследователь датировал находки ашельским временем, хотя указывал, что они, возможно, древнее (Окладников, 1970: 185–186). Раскопки ежегодно давали все новые и новые открытия, по-разному вставал вопрос о геологическом возрасте стоянки. Некоторые исследователи (московские и новосибирские специалисты – С.М. Цейтлин, С.А. Архипов и С.А. Троицкий, В.Н. Сакс) считали Улалинку сравнительно молодой (не древнее 50–70 тыс. лет назад); другие же (Л.А. Рагозин) чрезмерно удревняли тот же разрез (от 700 тыс. до миллиона лет назад).

Археологические находки с Улалинки и до настоящего дня не получили однозначной археологической оценки. Вопрос о хронологии этого уникального памятника до сих пор остается открытым, хотя признается древний возраст этих находок (Кунгуров, Цыро, 2006: 55–56).

Однако, несомненно, это не только самая древняя стоянка Алтая и Сибири, но и всей Северной Азии. Говоря о датах, А.П. Окладников был доволен датировками Г.А. Поспеловой и З.Н. Гнибиденко, с которыми сотрудничал на протяжении многих лет, их исследования дали дату 200–250 тыс. лет назад.

Работы обозначенного периода не только существенно пополнили источниковую базу истории Алтая, но и серьезным образом повлияли на расширение хронологических границ различных эпох. Вокруг материалов, полученных в ходе исследований, разворачивались важнейшие научные дискуссии, поставившие вопросы, актуальность которых сохранялась на протяжении длительного времени. Публикация и обобщение полученных сведений сыграли большую роль в систематизации знаний, что в итоге нашли выражение в создании качественных культурно-хронологических схем по истории региона, а также подтолкнули местные научные и краеведческие силы к выявлению и фиксации новых археологических объектов на территории Алтая.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.А. Тишкин

Список литературы

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск : Наука, 1974.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956.

Грязнов М.П. 1950. Первый Пазырыкский курган. – Л. : Изд-во ГЭ, 1950.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Т. 1: Древняя Сибирь. – Л. : Наука, 1968.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007.

Кулемзин А.М. Работы Акташского отряда Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1969 г. – М., 1970. – С. 201–202.

Кунгуров А.Л., Цыро А.Г. История открытия и изучения палеолита Алтая. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х гг. XX в.). – СПб. : Вичи, 1996.

Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. 1985. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 147–172.

Окладников А.П. Улалинка – древнейшее палеолитическое местонахождение Сибири // Археологические открытия 1969. – М., 1970. – С. 185–186.

Окладников А.П. Открытие Сибири. М. : Молодая гвардия, 1981.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1969.

Сорокин С.С. Девять лет работы Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. – Л., 1967а. – С. 71–74.

Сорокин С.С. Отчет Южно-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1966 году // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. – Л., 1967б. – С. 87–90.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007.

ИССЛЕДОВАНИЕ 1940 ГОДА ПЕТРОГЛИФОВ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ ЭКСПЕДИЦИЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 1939 г. работником краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова В.П. Левашовой был разработан пятилетний план археологических исследований на территории южной части Красноярского края и республики Хакасии. По плану предполагалось проведение широкомасштабных работ по учету и полному обследованию памятников археологии.

Предполагалось в период 1939–1943 гг. проведение совместных исследовательских работ тремя музеями: Красноярским краеведческим, Минусинским краеведческим и Абаканским. Для каждого из них был составлен свой экспедиционный маршрут, руководство над отрядами было поручено В.П. Левашовой (Левашова, 1939).

К сожалению, данный план не был отработан полностью. В 1939 г. намеченные разведки были сорваны, предлогом для приостановления которых стало отсутствие средств на экспедицию (Глузская, объяснительная записка... 1940: 1).

Несмотря на это, Красноярский краеведческий музей решает выполнить свою часть намеченных по плану исследований самостоятельно. В июле–августе 1940 г. для обследования южной части Красноярского края и Хакасии, была отправлена экспедиция под руководством З.К. Глузской.

З.К. Глузская – заведующая отделом истории Красноярского краеведческого музея, представитель «комсомольской археологии» (Макаров, Вдовин, 2010: 682).

Маршрут экспедиции был скорректирован В.П. Левашовой, но принять участие в ней ей помешала болезнь. Маршрут включал в себя следующие основные пункты: с. Копьево – гора Сулек – с. Подкамень – Ефремкин улус – Усть – Фыркальск – с. Соленоозерное – оз. Шира (Глузская, дневник... 1940: 24).

В ходе маршрута участники экспедиции Красноярского краеведческого музея фиксировали рисунки на писаницах и курганных камнях. В своем полевом дневнике З.К. Глузская выполнила краткое описание исследуемых петроглифов, привела зарисовки обнаруженных знаков, изображений, рунических надписей. Часть рисунков была сфотографирована.

Были изучены петроглифы в следующих пунктах экспедиционного маршрута: д. Копьево – селение Сульфат – с. Подкамень – оз. Черное – д. Ботанаково – Ефимкин улус – с. Усть-Фыркальск – оз. Шира.

В д. Копьево было проведено обследование горы Писаной, которая изучалась еще участниками Финской экспедиции под руководством И.Р. Аспелина. При сравнении рисунков, расположенных на скалах, с копиями, выполненными членами экспедиции И.Р. Аспелина, З.К. Глузская отмечает, что эти копии не точны. А за прошедшее с экспедиции финнов время, часть изображений горы Писанной подверглись вандализму – поверх древних начертаний были выбиты фамилии. С целью сохранения петроглифов, участниками экспедиции были выполнены надписи следующего содержания: «Государственный заповедник, ломать, писать строго запрещается» (Глузская. Дневник... 1940: 29).

В ходе работ Красноярского краеведческого музея на писанице были обнаружены новые рисунки, которые отсутствовали в публикации материалов экспедиции И.Р. Аспелина. Это изображения животных и человека, выполненные в технике точечной выбивки. Часть наскальных рисунков была сфотографирована.

Помимо горы Писаной, членами экспедиции были осмотрены близ лежащие скалы, на которых выявлены изображения антропоморфных и зооморфных фигур в технике точечной выбивки. В виду их труднодоступности фотосъемка изображений не была проведена.

В 2 км от селения Сульфат, на курганных камнях, участниками экспедиции зафиксированы рисунки животных и людей, а также изображения котлов, отнесенных к тагарской культуре. Все найденные петроглифы были сфотографированы.

В следующем пункте маршрута на территории села Подкамень, на плите кургана № 2, были обнаружены знаки, схематичные изображения копытных животных, антропоморфная фигура.

Из села Подкамень экспедиция переместилась в район Черного озера, где при осмотре курганов тагарской культуры внимание участников экспедиции привлекли знаки, выбитые на плите кургана. В 20 км от Черного озера на полях Юсского совхоза также были зафиксированы схематичные изображения животных и знаки.

В районе д. Батанаково на курганном камне была обнаружена личина, а при входе на курганное поле, на плите – руническая надпись. В своем полевом дневнике З.К. Глузская приводит их зарисовки.

В 25 км от улуса Ефимкин участниками отряда был совершен осмотр скалы с находящимися на ней рисунками животных выполненных охрой. В с. Усть-Фыркальск при осмотре скалы, расположенной напротив озера, зафиксированы рисунки животных и людей, а также руническая надпись.

В последнем пункте экспедиции, в окрестностях озера Шира, на основании сведений полученных от местных жителей, был зафиксирован рисунок личины на одном из курганных камней (Глузская, дневник... 1940).

Все отмеченные по маршруту экспедиции петроглифы фиксировались контактным (эстампаж) или бесконтактным (зарисовка, фотосъемка рисунков) методами. При этом фотографом экспедиции В. Федоровым было отмечено преимущество фотофиксации перед методом визуального копирования изображений (Глузская, дневник... 1940: 50).

Таким образом, в ходе экспедиции Красноярского Краеведческого музея на территории южной части красноярского края и Хакасии, в 1940 году было зафиксировано 11 пунктов с петроглифами (наскальные рисунки, изображения, нанесенные на обкладку курганных камней). Были изучены ранее известные петроглифы, а также обнаружено много новых изображений зооморфных, антропоморфных фигур, знаков, рунических надписей.

Научный руководитель: к.и.н. А.Л. Заика

Список литературы

Глузская З.К. Объяснительная записка к маршруту экспедиции 1940 г. // № п./п 1827. Оп. 01. Д. № 584 – 2 л. Рукописный фонд Красноярского Краеведческого музея. – 1940.

Глузская З.К. Дневник экспедиции по учету археологических памятников Июль – Август 1940 г. // № п./п 1827, оп. 01, д. № 584 – 54 л. Рукописный фонд Красноярского Краеведческого музея. – 1940.

Левашова В.П. Материалы обследования Южной части Красноярского края – проект пятилетнего плана 1939 – 1943 гг. // // № п./п 1825, оп. 01, д. № 584. Рукописный фонд Красноярского Краеведческого музея. – 1939.

Макаров Н.П., Вдовин А.С. Археология в Красноярском музее, (1889 – 1940 гг.) // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). – М. : Гриф и К., 2010. – С. 678–683.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАЛЛУРГИИ И МЕТАЛЛООБРАБОТКИ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

В последние годы возобновились полномасштабные археологические исследования территории Приангарья. В научный оборот введены многочисленные археологические материалы. Поэтому возникла необходимость анализа и систематизации полученных данных. Накопленные на сегодня археологические находки хранятся в разных собраниях от Иркутска до Санкт-Петербурга, что создает сложности при их комплексном изучении.

Расположение территории Северного Приангарья в центральной части Сибири определяет значимость этого региона при рассмотрении проблем Северной Азии: установление этнических взаимоотношений, реконструкции быта, в том числе металлургического производства в древности (Гладилин, 1985: 4; Привалихин 1993: 5).

Исторически территория Приангарья по сравнению с другими регионами остается мало изученной, это касается изучения металлургического производства древности и средневековья (Привалихин, 2011: 163). Имеющиеся в нашем распоряжении публикации позволяют предварительно выделить несколько этапов изучения металлургии региона.

Первый этап исследования металлургии и металлообработки Северного Приангарья охватывает период с XVIII в. до 1917 г. Он связан с первоначальным накоплением и систематизацией археологических материалов. Первые упоминания о находках содержатся в работе Г.Ф. Миллера еще в начале XVIII в., а первые археологические раскопки на территории Приангарья провел А.И. Витковский только в 1882 г. (Гладилин, 1985: 4). Как и в других регионах Сибири, исследования проводились случайным образом и не носили никакой системы. Все находки либо отправлялись в музеи, либо хранились в коллекциях нашедших их исследователей.

Второй этап охватывает период с 1917 по 70-е гг. XX в. Он отмечен становлением советской археологической науки, подготовкой кадров. В этот период начинаются первые планомерные раскопки стоянок и их изучение на новой методологической основе (Гладилин, 1985: 5). В это время проводились работы по строительству Усть-Илимской и Богучанской ГЭС по течению реки Ангары. С 50-х гг. XX в. А.П. Окладников производил раскопки в Приангарье, благодаря чему открыто множество разновременных памятников. Находки этого периода впервые позволили обоснованно выдвинуть некоторые гипотезы (Гладилин, 1985: 5; Окладников, 1950).

В конце XX – начале XXI вв. начинается третий этап археологических исследований Приангарья, связанный с распространением естественно-научных методов. С 70-х гг. XX в. появляются первые работы, посвященные реконструкции технико-технологических этапов металлургии и металлообработки (Гришин, 1975).

Наряду с естественно-научными исследованиями продолжается накопление и систематизация археологических материалов (Генералов, Дзюбас, 1995: 133–143; Макаров, 2010: 196–198; Привалихин 2011: 163–185; Привалихин, Фокин, 2009: 311–328). Находки постепенно вводятся в научный оборот, что существенно расширяет наше представление о жизнедеятельности населения прошлого на территории Северного Приангарья.

В настоящее время в условиях интенсивного хозяйственного освоения Северного Приангарья исследование металлургии и металлообработки древности и средневековья особенно актуально и невозможно без использования естественнонаучных методов.

Список литературы

Генералов А.Г, Дзюбас С.А. Бронзовые кельты Канского музея // Байкальская Сибирь в древности. Межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск, 1995. – С. 133–143.

Гладилин А.В. Памятники железного века Северного Приангарья: Автореф. Дис. На соискании ученой степени канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985. – 12 с.

Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. – 1975. – 142 с.

Макаров Н.П. К вопросу о культурной принадлежности, территории распространения и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск : Аграф-Пресс, 2010. – С. 196–198.

Окладников А.П. Неолит и Бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. – Ч. I, II. – 412 с.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (ципаньская культура): автореф. дис. канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 12 с.

Привалихин В.И. Фокин С.М. Железные ножи с кольцевым навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии // Енисейская провинция. Альманах. – 2009. – Вып. 4. – С. 311–328.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследования // Второй ВЗК подвижности. – Красноярск, 2011. – С. 163–185.

З.Ч. Ухинов (1), К.А. Смолин (2)

Чита, Забайкальский государственный университет

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ДРЕВНИХ МОНГОЛОВ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В XIX–XXI вв.

В начале II тыс. н.э. доминирующее положение в степях Монголии и Забайкалья перешло к древнемонгольским племенам, которые вступили в ожесточенную борьбу друг с другом, а также со своими восточными и южными соседями. В ходе этой борьбы и дальнейшей их консолидации в крупные этнополитические объединения, произошли глубокие изменения в материальной и духовной культуре и в этническом составе. На территории Восточного Забайкалья они оставили после себя различные археологические памятники, которые можно разделить на два основных типа: жилые комплексы (Хирхириновское городище, Кондуйский дворец, усадьба Алестуй) и некрополи (могильники Окошки, Малая Кулинда, Улан-Хада, Ононск, Илимка и др.).

Интерес к древнемонгольским погребениям у исследователей возник еще в XIX в. Это было связано с появлением первых научных сообществ и активной работой краеведов, занимавшихся изучением истории, этнографии и природы Забайкалья. В середине XIX в. был открыт некрополь Окошки, на котором трижды проводились научные изыскания. Первооткрывателем памятника стал горный инженер А. Павлуцкий, который раскопал на могильнике 2 погребения. В своих работах он писал, что «к западу, в одной версте от Хирхириновского городища лежит холм, на котором было до 40 могил, обложенных по основанию насыпи гранитными камнями, до 40 пудов весом» (Павлуцкий, 1867: 320).

В дальнейшем древнемонгольские погребения не изучались почти сто лет. Новый подъем исследований наметился в 1950-е гг. и был связан с работами двух крупных археологических экспедиций Института истории материальной культуры АН СССР: советско-монгольской историко-этнографической, возглавляемой С.В. Киселевым, и бурят-монгольской археологической под руководством А.П. Окладникова (Асеев, 1984: 15).

В 1959 г. раскопки на могильнике Окошки были продолжены С.В. Киселевым. Исследованиям подвергся самый большой курган некрополя (№ 1). Были обнаружены три ограбленных погребения, в которых найдены фрагменты шелковых тканей, лаковые изделия и предметы из слоновой кости. Четвертое погребение уцелело полностью. Сохранился дощатый гроб, обтянутый шелком, и останки мальчика примерно 6 лет, в одежде ламского покроя (Киселев, 1965: 57). Позже, в 1960-е гг., были открыты древнемонгольские памятники в долине р. Онон археологической экспедицией, работавшей под руководством А.П. Окладникова. В 1966 г. на левом берегу р. Онон, напротив с. Чиндант, было раскопано 15 погребений, а в 1967 г. раскопки их проводились в районе с. Будулан (Асеев, 1984: 22).

Дальнейшие исследования древнемонгольских памятников на территории Восточного Забайкалья были продолжены сотрудниками Верхнеамурской археологической экспедиции под руководством И.И. Кириллова и Е.В. Ковычева. В 1968–1969 гг. в бассейне р. Онон, у с. Ононск Оловянинского района, были вскрыты 4 погребения; еще два погребения раскопаны у с. Чиндант в 1974 г. В 1976 г. одиночное погребение было исследовано у с. Чиндалей, в местечке Амаголон (Ковычев, 1981: 74). Затем, в 1979 г., раскапывались могильники Улан-Хада и Благодатный, расположенные в окрестностях поселка Ясногорск. В 1984 г. два захоронения были раскопаны у с. Усть-Борзя, в местечке Улугуй и 9 погребений в районе с. Кусочи, на левом берегу р. Онон. Кроме этого было раскопано одиночное погребение на р. Ага, в 7 км к северо-востоку от станции Ага. Умерший был похоронен не в дощатом гробу, а в колоде, перекрытой сверху берестой, что является редкостью для древнемонгольских захоронений. В 1986 г. древнемонгольские погребения исследовались в долине р. Аргунь, у с. Кайластуй. В нем помимо основных погребений было раскопано также захоронение молодой собаки. Одно древнемонгольское погребение вскрыто на могильнике Дурой-1, в окрестностях одноименного села.

Несколько погребений было найдено и раскопано в бассейне рек Ингода и Шилка. Так, в 1976 г. на р. Тура, северо-восточнее с. Солонцово, раскопано одиночное захоронение ребенка (Ковычев, 1981: 76); в 1983 г. открыт и раскопан могильник Илимка-2 (8 погребений), расположенный на правом берегу р. Шилка, напротив с. Митрофаново. Еще одно захоронение найдено в пади Ишахан, расположенной в 5 км восточней указанного выше могильника. Оно располагалось рядом с погребениями ундугунской культуры, и исследователи автоматически включили его в состав ундугунского памятника. Мы, однако, считаем, что погребение было оставлено древним монголом, а некоторое сходство его с погребениями ундугунской культуры еще раз подчеркивает необходимость тщательного анализа древнемонгольской и ундугунской культур.

Особо стоит выделить самый крупный некрополь Восточного Забайкалья – Малая Кулинда (XII–XIV вв.), в который входит около 50 погребений. Он расположен на террасе правого берега р. Онон, в устье ручья Малая Кулинда, напротив с. Ононск. Открыт в 1968 г. школьным учителем Р.Н. Ступниковым, который вскрыл три погребения. Остальные были раскопаны И.И. Кирилловым и Е.В. Ковычевым в 1979, 1996 и 2002 гг. (Ковычев, 2011: 198). В 1979 г. было раскопано 27 погребений (№ 1–27), причем большинство из них имели однослойные каменные выкладки овальной или округлой формы, диаметром около 3 м и деревянные ящики (гробы) внутри. В 1996 г. было исследовано еще 11 погребений (№ 31, 32, 34, 36–43), в их числе одно «сдвоенное», а в 2002 г. – 7 захоронений в каменных ящиках («цистах»). Они были выделены в отдельную группу и датированы XI–XII вв.

В 2009–2011 гг. археологические изыскания проводились на некрополе Окошки под общим руководством А.В. Харинского. На памятнике зафиксировано 49 надмогильных выкладок и вскрыто 15 погребений. Они делятся на две культурно-хронологические группы. Первая (13 погр.) датируется XIII–XIV вв. и, возможно, соотносится с монгольским населением Хирхиринаского городища. Вторая группа (2 погр.) связана с тунгусским населением края и датируется XVII в. (Харинский, 2012: 468). Примечательно, что расположение некрополя Окошки указано у А. Павлуцкого и С.В. Киселева по-разному, но исследователи не только

раскапывали один могильник, но и один и тот же курган. С.В. Киселев отмечал на кургане остатки какой-то ямы, возможно, следы прежней деятельности А. Павлуцкого, который не вскрывал курган полностью, а врезался в него тремя узкими колодцами. Поэтому С.В. Киселеву достались в кургане три «ограбленных» (а скорее всего вскрытых А. Павлуцким) погребения и одно целое (Асеев, 1984: 9).

На основе полученных материалов исследователями выделена «раннемонгольская культура», которая датируется X–XIV вв. (Ковычев, 2011: 257). История ранних монголов, таким образом, не теряет своей актуальности и в XXI в., а полученные материалы расширяют наше представление о материальной и духовной культуре древних монголов Восточного Забайкалья.

*Научные руководители: (1) д-р ист. наук, проф. В.И. Мерцалов,
(2) д-р ист. наук, проф. З.В. Мошкина*

Список литературы

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1984.

Киселев С.В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М., 1965. – С. 23–58.

Ковычев Е.В. Малая Кулинда // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011. – С. 198–199.

Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981. – С. 73–79.

Ковычев Е.В. Раннемонгольская культура // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011: 257.

Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющих вблизи Кличкинского серебро-свинцового рудника // Зап. СОРГО. Кн. 9–10. – Иркутск, 1967. – С. 320.

Харинский А.В. и др. Могильник Окошки в Юго-Восточном Забайкалье: структурные особенности // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор, 2012. – С. 467–473.

Д.О. Ялин, Л.Е. Гладышев

Чита, Забайкальский государственный университет

ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В формировании ценностных ориентиров и духовного единства российских граждан образование играет весьма заметную роль. С этим вряд ли можно поспорить, поскольку именно в сфере общего образования происходит наиболее системное и последовательное духовно-нравственное развитие и воспитание личности. Поэтому российская образовательная школа должна стать тем важным фактором, который обеспечит социокультурную модернизацию российского общества. А главной задачей современного образования должно быть воспитание нестандартно мыслящего человека с высоким духовным и творческим потенциалом (Археология в школе...).

Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания личности предложен сегодня современный национальный воспитательный идеал. Это «высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» (Данилюк, 2009: 11). Вопрос о становлении патриотического сознания в российском обществе (и особенно в молодежной среде) является очень актуальным. При решении его необходимо

использовать различные формы и методы работы – как с молодежью, так и с другими слоями населения. Одной из таких форм работы с молодежью является педагогическая археология.

Педагогическая археология – это атрибутивная междисциплинарная отрасль знания, направленная на взаимодействие методов решения педагогических задач и прикладного характера археологии (Бровко, 2004: 5).

В настоящее время педагогическая археология является одним из наиболее эффективных направлений краеведческой работы со школьниками. Привлечение школьников к участию в археологических экспедициях способствует не только ознакомлению с методикой ведения археологических работ и историко-культурным наследием нашей страны, но и формированию верных ценностных ориентиров и нравственных норм, накоплению духовного опыта. Уникальность детской археологии состоит и в том, что школьники изучают историю наглядно, а это непосредственно способствует развитию интереса к данному предмету. Сама по себе археология является дисциплиной, наиболее способствующей эффективному взаимодействию школьного и вузовского образования, организации совместной деятельности школьников и студентов в полевых условиях.

В духовно-нравственном развитии личности, в патриотическом воспитании особое место занимает знание истории своей страны, своей малой родины (Мезенцев). А потому в полевом лагере экспедиции необходима организация не только научно-познавательных, но и досугово-развлекательных и спортивно-оздоровительных мероприятий.

В 2011 г. в составе Верхнеамурской археологической экспедиции ЗабГУ функционировал школьно-студенческий полевой археологический лагерь «Искатель-2011», в котором с учётом основных положений «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» была организована культурно-досуговая деятельность, включающая в себя три основных направления: личностно-ориентированный подход, организация КТД и берегающие здоровье технологии. К основным мероприятиям следует отнести концерты, посвящённые открытию и закрытию полевого сезона, музыкальный фестиваль, конкурс веселых анекдотов, «День вежливости», «Фотокросс», волейбольный и шахматный турниры и т.д.

В ходе организации и проведения мероприятий нами были выявлены следующие особенности педагогического характера:

1. Досугово-развлекательные мероприятия способствуют творческой самореализации молодёжи в полевых условиях. Большинство мероприятий были предложены непосредственно студентами-практикантами.
2. Ряд научно-познавательных мероприятий (лекции, экскурсии), организованных руководителями экспедиции, способствовал развитию у школьников и студентов интереса к археологическим исследованиям. Археология стала приоритетным направлением научной деятельности части студентов.
3. Во взаимодействии школьников и студентов особое внимание было уделено студенческому самоуправлению, что способствовало развитию у студентов педагогического потенциала.

Психолого-педагогические методики, направленные на сплочение коллектива, способствовали плодотворному взаимодействию студентов и школьников различных учебных заведений. Важной составляющей культурно-досуговой деятельности являлся режим дня, включавший, помимо прочего, ежедневные организационные линейки и уборку территории полевого лагеря. Кроме того, педагогами-организаторами был разработан «полевой лист», включающий шесть граф, который ежедневно заполнялся практикантами. Материалы полевых листов в дальнейшем были использованы при оформлении стенной газеты Верхнеамурской археологической экспедиции «Нуклеус». В настоящее время нами ведётся разработка полевой культурно-досуговой программы школьно-студенческого лагеря «Искатель-2013».

К особенностям «детской и молодежной» археологии относятся также и особые формы финансирования полевых исследований, предполагающие соединение материальных и фи-

нансовых средств учебных заведений, краевого комитета науки, образования и молодежной политики, районных комитетов социальной защиты, средств, получаемых от реализации различных грантов, спонсорской помощи и помощи местного населения. Это, безусловно, вносит дополнительные сложности в организацию работ полевых школьно-студенческих лагерей, поскольку предполагает синхронизацию их с последующей финансовой и научной отчетностью. К этому добавляются также особые условия использования детского труда при проведении полевых работ, зафиксированные в нормативных документах и т.д.

Однако, несмотря на эти трудности, педагогическая археология в крае развивается, и дальнейшие разработка и реализация стоящих перед нею задач будут способствовать популяризации археологических исследований, выстраиванию приоритетных педагогических моделей, а в перспективе – достижению современного национального воспитательного идеала, предложенного «Концепцией».

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Е.В. Ковычев

Список литературы

Археология в школе. URL: <http://www.iparch.narod.ru/index.htm> (дата обращения: 16.09.2012).

Бровка Д.В. Феномен педагогической археологии // Уссурийский краеведческий вестник. 2004. – № 3. – С. 5–9.

Данилюк А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. М. : Просвещение, 2009. – 23 с.

Мезенцев А.Л. Археология и формирование интереса к истории у школьников // Резерв. URL: <http://www.rezerv.narod.ru/interes.html> (дата обращения: 10.01.2012).

Фельдштейн Д.И. Сущностные особенности современного детства и задачи теоретико-методологического обеспечения процесса образования // Образование и общество. – 2009. – № 2. – С. 3–10.

Междисциплинарные исследования

Д.А. Гурулёв

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

КАМЕННОЕ СЫРЬЕ СТОЯНКИ АПЛИНСКИЙ ПОРОГ (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Геолого-петрографическое изучение коллекций археологических объектов позволяет гораздо полнее их характеризовать, в частности более объективно проводить пространственно-временные корреляции каменных индустрий разных памятников, учитывая локальные особенности, обусловленные спецификой местного каменного сырья. При изучении каменных индустрий Северной Азии подобные исследования особенно перспективны ввиду широкого диапазона использованных в древности пород (Волков, 1999: 14), различающихся по доступности, условиям залегания, размеру и форме исходных отдельностей, физическим свойствам.

Данная работа базируется на ранее полученных результатах петрографического описания каменной индустрии стоянки Аплинский порог (Васильева, 2012). Повторное исследование выборки каменных изделий, в сумме с проведением рентгенофазового анализа, позволили существенно скорректировать и уточнить результаты предыдущей работы. Нами привлекался картографический материал, литературные геологические источники (Объяснительная записка..., 2009), полевая документация по итогам работ на памятнике, результаты рентгенофазового анализа.

Стоянка Аплинский порог расположена на левом берегу р. Ангара, в 66 км к ЮЗ от с. Кежма Кежемского района Красноярского края, в 555 км от устья р. Ангары, на уплощенной вершине скальных обнажений напротив Аплинского порога. Исследовалась в 2010–2011 гг. в рамках охранно-спасательных работ Богучанской археологической экспедиции. Археологический материал распределен в двух культуросодержащих слоях, условия залегания и состав коллекций которых позволяет датировать их в широких хронологических рамках: неолит (культурный слой 2) и железный век – средневековье (культурный слой 1) (Заика, 2011: 400).

Основу сырьевой базы каменной индустрии составляют два типа пород: кремнистое сырье (халцедоны, кремнистые осадочные породы, кварцитовидные кремни, фарфоровидные кремни) и осадочные породы разной степени метаморфизма (алевролиты, песчанистые алевролиты, бухиты и др.). Количественно преобладают артефакты из осадочных пород. Проведенный рентгенофазовый анализ проб (аналитик Л.В. Мирошниченко, ИГиМ СО РАН), полученных с двух каменных артефактов из осадочных пород, показал присутствие в одном из образцов таких минералов, как муллит, кристобалит и тридимит, относящихся к ассоциации термометаморфизма при низких давлениях. Для Северного Приангарья метаморфизм песчано-глинистых пород связан с прогревом осадочных толщ субвулканическими внедрениями траппов (Объяснительная записка..., 2009: 124). Подобные частично плавленые разности без указания содержания в них стекла называются бухитами (Геологический словарь, 1973: 91). Выделение визуальных и тактильных признаков для определения бухитов пока затруднено и требует петрографических исследований массовой серии образцов.

Стоянка Аплинский порог непосредственно расположена в зоне распространения отложений кембро-ордовика, представленных преимущественно осадочными толщами (в том числе алевролитами и песчанистыми алевролитами), с которыми, вероятно, связано образо-

вание бухитов при прогреве их интрузиями катангского комплекса (Объяснительная записка..., 2009: 122). Присутствие кремнистых пород отмечено в виде линз и прослоек кремней среди доломитовых и известковых отложений раннего-среднего кембрия, распространенных вдоль р. Ангары в районе Иркинеевского выступа, в зоне Ангарских складок, а также в пределах Чадобецкого поднятия (Объяснительная записка..., 2009: 53). Таким образом, основной комплекс пород, использовавшихся в каменных индустриях стоянки, с определенной долей вероятности, можно охарактеризовать как местный.

Количество артефактов, сохранивших естественную или галечную поверхность, крайне невелико и составляет около 2 % от выборки. Продукты индустрии с галечной поверхностью представлены различными кремнистыми и (единично) другими породами (например, туфолавами). Преимущественно это хорошо окатанные гальки небольшого размера с оформленной либо естественной, площадкой и серией негативов снятий отщепов удлиненных пропорций по естественным ребрам. По окрасу данные виды силицитов отличаются от массово представленных в коллекции халцедоновидных и других кремнистых материалов, имеющих преимущественно пестро-черную расцветку (артефакты, которые не имеют сохранившихся галечных поверхностей и единичны, с естественными внешними гранями). Для артефактов, изготовленных из осадочных пород, характерны ровные, не окатанные естественные поверхности, близкие по цвету сколовым (как правило, несколько темнее). Разнообразие пород, представленных в изделиях с галечными поверхностями, и их отличие от массовых видов каменного материала указывают на спорадическое использование галечника как источника сырья. Наиболее вероятно, что сбор сырья и его первичная обработка происходил в районе открытых залежей (естественных обнажений) и продуктов их разрушения.

Преобладающая длина каменных изделий из кремнистых пород составляет 1–5 см по длинной оси, осадочных – 1–8 см, максимально зафиксированное значение для первой группы составляет 13 см, для второй – 16,5 см. Это может объясняться меньшим размером исходных отдельностей кремнистого сырья, обусловленного условиями образования и формой (линзы, прослойки).

Представленные в индустрии породы различны по своим физическим свойствам: прочность, степень анизотропии, упругость, которые непосредственно влияют на технологию обработки и предпочтение в производстве того или иного типа орудия (о корреляции «сырье – тип орудия» см.: Васильева, 2012). Кремнистое сырье характеризуется раковистым изломом, высокой твердостью (6,5–7 по шкале Мооса), предварительно характеризуется как упругое, на что указывает приоритет его использования при пластинчатом расщеплении. Представленные в индустрии осадочные породы обладают преимущественно раковистым изломом, невысокой твердостью (4,5–5,5). Бухиты, ввиду метаморфических изменений, отличаются большей, чем у других осадочных пород, плотностью, массивностью и, соответственно, меньшей анизотропией, а также большей вязкостью, что улучшает их прочностные характеристики. Дальнейшее исследование качества всего комплекса сырья требует оценки таких свойств материала, как вязкость и упругость, устанавливаемых эмпирически в процессе экспериментального расщепления идентичных пород.

Стандартный петрографический состав всего разновременного комплекса каменных артефактов указывает на устоявшуюся стратегию в добыче и использовании местных горных пород. Работа в данном направлении требует дальнейших исследований каменной индустрии стоянки Аплинский порог с целью выявить степень адаптации технологии обработки к сырьевой базе и проследить связь в использовании различных типов каменного материала и конкретных видов изделий (технологических контекстов).

Автор выражает благодарность за консультации и содействие в работе с.н.с. ИАЭТ СО РАН, к.г.-м.н. Наталье Артемовне Кулик.

Научный руководитель: д-р ист. наук Л.В. Лбова

Список литературы

Васильева М.К. Сырьевая база каменной индустрии стоянки Аплинский порог в Северном Приангарье (по материалам работ 2011 года) // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследование и гипотезы: материалы докладов ЛП Региональной (VII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Новосибирск, 2012. – С. 9–10.

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999.

Геологический словарь. – М. : Недра, 1973. – Т. 1.

Заика А.Л. Результаты исследования стоянки Аплинский порог в 2011 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск, 2011. – С. 400–403.

Объяснительная записка к государственной геологической карте РФ. Лист О-47 (Братск). – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургской картографической фабрики ВСЕГЕИ, 2009.

А.С. Кузнецов

Барнаул, Алтайская государственная педагогическая академия

ПОВСЕДНЕВНАЯ ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА: ПО УСТНЫМ МАТЕРИАЛАМ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Повседневность с развитием гуманитарного знания становится актуальной научной проблемой. Это свидетельствует о том, что в обществе возникла потребность в осмыслении обыденной сферы человеческой действительности, которая является ценностью гуманитарного знания, культуры и всей современной науки. Это обусловлено тем, что изучение повседневности XX в. облегчается большим количеством источниковедческой базы и наличием свидетелей самих исторических событий, то есть тех людей, которые были частью этой повседневности. История повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах (Тимофеева 2010).

Автор не стремится противопоставить этнографию истории повседневности, но главное отличие между традиционными исследованиями быта и изучением повседневности историками лежит в понимании значимости событийного, подвижного, изменчивого времени, случайных явлений, влиявших на частную жизнь и менявших ее. Этнограф-специалист по истории бытовой культуры является терпеливым искателем «мелочей», которые он подвергает тщательному анализу. История повседневности ставит на первое место не само описание материального предмета, но отношение к нему людей. Бытовые детали помогают исследователю отыскать в истории то, что выражало на тот момент «дух времени», соотнести частное существование человека с ходом исторических событий (Пушкарёва, 2011). Поскольку и этнография, и история повседневности занимаются изучением быта, для комплексной обработки источников бытовой культуры наиболее целесообразно использовать знания обоих направлений исторической науки.

Устная история как метод также позволяет добывать не только исторические, но и этнографические сведения. «Если в исторических исследованиях с созданием документальной письменной базы уже в конце нового времени от устной информации почти отказались, то в изучении этносов и этнической культуры исследовательская традиция расспросов носителей культуры не прерывалась. Наряду с методом наблюдения и фиксации обрядовой части традиционной культуры работа с устной информацией оставалась в практике путешественников и исследователей» (Щеглова, 2011: 209). Используя метод устной истории, историк получает уникальную возможность управлять процессом создания нового источника в со-

ответствии с потребностями своего исследования, конкретизировать и уточнять получаемые данные (Реброва, 2007: 87).

В результате четырёх полевых сезонов историко-этнографической экспедиции АлтГПА (2009–2012 гг.) автором был собран устный исторический материал, который позволяет сделать некоторые выводы и обобщения по изучению повседневной военной культуры Великой Отечественной войны. В ходе исследования использовался вопросник, специально составленный Т.К. Щегловой для интервью с ветеранами Великой Отечественной войны (Щеглова, 2011: 324–327).

В повседневную военную культуру входят и обмундирование солдат, и условия быта (питание, жильё и пр.), и служебные обязанности, но, поскольку эти вопросы очень обширны, мы коснёмся лишь некоторых из них.

От качества быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность. Рассматривая повседневную культуру на войне, в первую очередь хотелось бы коснуться проблемы обмундирования воинских частей, так как военная форма – одна из главных составляющих и отличительных особенностей любой регулярной армии. «Обмундирование было обыкновенное, хлопчатобумажное. Брюки и гимнастёрка – зимнего не было. Всё время в этом. Ну, зимой только тёплое бельё. Шапка, рукавицы с одним пальцем и сапоги кирзовые, а зимой давали валенки. Один белый, другой серый. И шинели по праздникам давали, а то в основном в фуфайках, зимой и летом», – описывает обмундирование советского пехотинца ветеран Великой Отечественной С.К. Шинкоренко. Все респонденты сходятся в том, что обмундирование было тёплым и удобным, что было наиболее актуально в холодное время года, а ведь бои за Москву и Сталинград проходили осенью и зимой. Это давало советским солдатам определённое преимущество над солдатами вермахта.

Изучая особенности повседневной жизни и быта солдат во время войны, хотелось бы также коснуться проблемы, связанной с обеспечением бойцов продовольствием. Недаром мудрая солдатская поговорка гласит: «Подальше от начальства, поближе к кухне». Чтобы хорошо воевать, человек должен быть сыт. Ветераны по-разному описывают питание на фронте. На вопрос: «Были перебои с доставкой продовольствия?» – Степанов Николай Сидорович, который на фронте был поваром, возмущённо ответил: «Нет, не было». Антонов Алексей Павлович (служил водителем, возил пушку) рассказывал другое: «Когда кормили, когда и не кормили. То кухню разобьют, то не доедут. Или машину подобьют, или не могут доехать до передовой. Питались, чем могли». Сбойко Виктор Васильевич (снайпер) по поводу питания сказал, что «в армии никогда голодным не был». Любопытные сведения нам даёт рассказ пехотинца Шинкоренко Сергея Константиновича. В нём информант описывает события весны 1942 г., когда дивизия, в которой служил ветеран, заняла оборону в лесах в районе города Ельня. Началась весенняя распутица, и сообщение между дивизией и тылами было прервано. Боеприпасы и продовольствие доставлялись по воздуху, но в очень небольших количествах. «Муку в мешках сбрасывали с самолётов. Часто мешки не выдерживали и рвались. Приходилось муку руками собирать. Потом из муки варили похлёбку, которая с трудом в глотку лезла», – рассказывает ветеран.

На основании высказываний информантов можно сделать вывод, что обеспечение питанием зависело не только от стратегических условий на фронте (наступление, отступление, оборона), но и от вида войск. Традиционно хуже всего питалась «царица полей» – пехота, о чём свидетельствуют высказывания С.К. Шинкоренко. У Н.С. Степанова, работающего поваром вряд ли могли быть задержки с питанием, он сам имел к нему непосредственное отношение, и даже если бы они были, то Николай Сидорович скорее всего об этом умолчал. Пограничник Золотарёв Арсентий Сергеевич и командир взвода БМ-13 («Катюш») Мальгин Петр Семёнович упоминали, что они «элита», что у них даже в тяжёлые дни не было проблем с продуктами. Также следует отметить, что степень обеспечения бойцов продо-

вольствием и боеприпасами зависела и от того, в какие годы ветераны воевали, потому что крайне тяжёлая ситуация 1941–1942 гг. не идёт в сравнение с 1944–1945 гг., когда промышленность полностью выполняла заказы армии, а сельское хозяйство смогло относительно стабилизироваться после критических лет начала войны (1: 258–261).

Другим важным аспектом повседневной солдатской жизни является организация ночлега во время боевого похода. Каждый из нас предпочёл бы армейской шинели и холодной земле тёплое одеяло и перину. А солдату зачастую приходилось спать прямо на земле, завернувшись в шинель. Капитан В.В. Сбойко говорил, что они часто ночевали в домах, а сержант А.П. Антонов за один из ночлегов получил воспаление лёгких. «Мы же редко в домах спали, а то или в машине, или на земле. Одна шинель. Больше ничего не было». На вопрос: «А офицеры в домах ночевали?», – Алексей Павлович ответил: «Нет. С нами. Может, командир полка со своими подчинёнными, заместителями ночевали в хатах. Я не знаю. А полевые командиры не ночевали в хатах. Вместе с нами ночевали. Где придётся, там и спали». Мальгин Пётр Семёнович ответил: «Мы же на машине всегда были. У меня была трофейная немецкая палатка. Она очень быстро собиралась. Очень удобно было». Пехотинец С.К. Шинкоренко рассказывал: «Зимой ломали ветки и укладывали их на снег. Потом ложились по двое, по трое и накрывались шинелью. Так и спали. ... А когда под Ельню шли, шли целыми сутками. Так вообще спали на ходу». И действительно, иногда в боевой или походной обстановке отдыхать не приходилось по несколько суток, и усталость людей была столь велика, что многие бойцы приучались спать на ходу, прямо на марше.

Таким образом, можно сделать вывод, что дифференциация по количеству бытовых благ была не только по иерархическому принципу, но и опять же зависела от рода войск.

В итоге следует отметить, что на основе интервью с ветеранами, их интерпретации социально-бытовых условий жизни солдат периода Второй мировой войны можно судить о дифференцированности военной повседневности, о её различиях между родами войск, рядовым и командным составом, о разном видении войны лётчиком и пехотинцем, моряком и сапёром, офицером и рядовым, также следует учитывать характер, менталитет, мировоззрение человека, его душевное состояние и настроение в момент интервьюирования. Весь этот спектр помогает сформировать многостороннее представление о «человеке воюющем», о его мыслях, чувствах, переживаниях, повседневных заботах. Но нужно помнить, что фронтовая повседневность у всех без исключения военнослужащих имела много общих черт. Все они защищали Родину, все рисковали жизнью ради неё, независимо от того, происходило ли это на передовой или в тыловых частях.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Т.К. Щеглова

Список литературы

- Алтай в годы Великой Отечественной войны. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1965.
- Пушкарева Н.Л. История повседневности» как направление исторических исследований. – М. : Перспективы, 2011. – URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm.
- Реброва И.В. Устные воспоминания о Второй мировой: обзор некоторых новейших отечественных публикаций // Устная история: теория и практика. – Барнаул, 2007. – С. 86–91.
- Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. – М. : РОССПЕН, 1999.
- Тимофеева Т.Ю. Повседневность и ее история в научном познании: сосуществование в противоборстве. – М., 2010. – URL: <http://omega.hist.msu.ru/Departments/ModernHist/sites/default/files/TimofeevaTY.pdf>.
- Щеглова Т.К. Устная история. – Барнаул : АлтГПА, 2011.

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЛОШАДЕЙ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Изучение и реконструкция хозяйственной деятельности древнего населения по данным остеологических материалов является одним из приоритетных направлений в палеозоологии. Систематические исследования костных материалов из археологических памятников Алтая практикуются сравнительно недавно, но постепенно расширяются в географическом и хронологическом плане. Поэтому вопросы методики таких комплексных исследований являются основополагающим элементом в получении научной информации.

В археозоологии изучение остеологического материала направлено на восстановление внешнего вида животного. При этом каждому элементу скелета соответствует свой диапазон реконструирующей способности. Наиболее информативными в этом смысле являются череп и нижняя челюсть, а наименее – фаланги (Богаткина, 1995: 141). Тем не менее, ширина копыта лошади является индикатором ландшафтно-климатической обстановки. Например, узкое копыто говорит о теплом и сухом климате (Форонова, 1990: 26).

Остеологические исследования проводятся в определенном порядке. Во-первых, отбираются пригодные краниальные и посткраниальные элементы скелета, принадлежащие взрослым лошадям.

Во-вторых, снимаются основные промеры на черепе и костях конечностей. Измерения проводятся штангенциркулем с точностью до 0,1 мм. Единой методики измерения субфосильных костных остатков пока нет.

Так, А.А. Браунер в конце своей работы «Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии», датированной 1916 г., указывает основные способы снятия промеров. Он использует 96 промеров на черепе и 22 на нижней челюсти (Браунер, 1916: 52). Ученым введены такие важные показатели, как анатомическая ось, анатомическая длина лицевой части.

В дальнейшем В.И. Громова в 1949 г. предложила снимать на черепе 39 промеров, на нижней челюсти – 19. Принципиально новым у нее является измерение угла между мозговым и лицевым отделами черепа, длины лицевого гребня и ряд других промеров (Громова, 1949: 21).

Более полную схему промеров предложила в 1976 г. Э. Дриш – 55 измерений черепа и 35 на нижней челюсти (с. 21). Существенным недостатком этого метода является малоинформативность многих промеров, которые не используются для вычисления различных индексов.

В 1988 г. В. Айзенман разработала свой метод. Она предлагает использовать 38 значений на черепе и 15 на нижней челюсти (Eisenmann, Karchound, 1988: 9). Именно эта методика получила широкое применение. К недостаткам относится отсутствие важного промера – теменной длины черепа (измеряется от середины между срединными резцами до задних краев затылочных гребней), которая используется для вычисления относительной ширины лба.

В 1997 г. Е.Е. Кузьмина предлагает использовать методику снятия промеров, предложенную У. Дюрстом, с уменьшением количества промеров. Итого 19 измерений на черепе и 10 на нижней челюсти (Кузьмина, 1997: 6).

Относительно недавно в палеозоологии появилась методика В. Айзенман, позволяющая идентифицировать различные формы *Eguus*, исходя из особенностей строения метаподиальных костей. Суть метода заключается в графическом выражении промеров, что позволяет выявить степень сходства и различия между сравниваемыми формами (Форонова, 1990: 10). В качестве примера приведем график средних пропорций пястных костей лошадей из разновременных памятников булан-кобинской культуры (рис. 1).

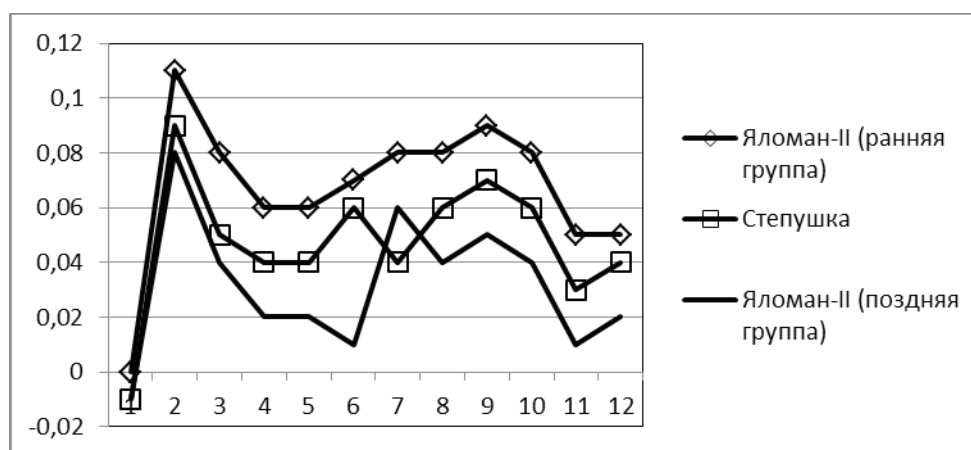

Рис. 1. Графики средних пропорций пястных костей лошадей из памятников Яломан-II и Степушка

Промеры, снятые с костей конечностей, отличаются своей многочисленностью, поэтому необходима их статистическая обработка.

На третьем этапе палеозоологического исследования изучаются морфологические показатели костей скелета, позволяющие выявить видовые, половозрастные и породные особенности лошадей.

Существует несколько способов определения относительного возраста лошадей. Наиболее активно используемый из них – *метод определения возраста по зубам*. При этом руководствуются сроками прорезывания молочных и постоянных зубов, стиранием чашечки на резцах с одновременным изменением их формы и направления (Корневен, Лесбр, 1929).

Возраст животных, от скелетов которых сохранились только кости конечностей, определяется *по степени сращения эпифизов с диафизами*. Метод основан на изменениях в ростовых зонах (метэпифизарных хрящевых пластинках) находящимися между диафизом кости и ее дистальным и проксимальным эпифизами.

Также определение возраста и сезона забоя производят *по регистрирующим структурам* (ткани кости или зуба). Метод основан на формировании различных слоев (годовых, сезонных, внутрисезонных и суточных) в тканях зубов и кости (Бачура, 2008: 120). Этот метод довольно трудоемок, поэтому чаще всего используют шлифы (или срезы) в проходящем свете или аншлифы (зашлифованная поверхность сечения половинки зуба) в отраженном свете (Клевезаль, Клейненберг, 1967: 40).

Пол животных определяется по наличию клыков, которые встречаются только у жеребцов (Дюрст, 1936: 234).

Важными экстерьерными показателями, обуславливающими в частности породные отличия являются высота в холке, индекс ширины лба и тонконогости. Для определения высоты в холке используется схема деления лошадей В.О. Витта (Витт, 1952: 172–173). Ипполог разделил лошадей по росту на шесть основных категорий: очень мелкие, мелкие, малорослые, средние, рослые и крупные. Для каждой из этих групп В.О. Витт привел характерные размеры основной длины черепа и костей конечностей.

Основная классификация черепов лошадей по относительной ширине лба соответствует принятой В.И. Громовой. Исследовательница устанавливает три градации черепов: узколобые (индекс ширины лба не более 42, 5 %), среднелобые (42,6–45,0 %) и широколобые (более 45,0 %). Индекс ширины лба – соотношение между основной длиной черепа и наибольшей шириной лба, принятой за 100 % (Цалкин, 1952: 148).

Показатели тонконогости определялись по А.А. Браунеру, согласно индексу ширины диафиза пясти (отношение ширины кости к основной длине, принятой за 100 %). Ученый выделяет следующие категории: крайне тонконогие (до 1,35 %), тонконогие (13,5–14,5 %),

полутонконогие (14,5–15,5 %), средненогие (15,5–16,5 %), полутолстоногие (16,5–17,5 %) и толстоногие (17,5 %) (Браунер, 1916: 132).

На четвертом этапе выявляются патологические изменения на костях лошади. В скелете выделяются две основные зоны, максимально подверженные этим изменениям: позвоночник и кости ступни (пяточный бугор, метаподии и грифельные кости, фаланги). Но иногда встречаются и другие зоны локализации (ребра, таз, трубчатые кости).

Методы, используемые в археозоологии при изучении остеологического материала, позволяют восстановить внешний облик древних лошадей и их особенности. По полученным данным можно проводить различные реконструкции. Например, знание точного возраста и сезона забоя копытных, обеспечивает воссоздание элементов годового жизненного цикла кочевников. Патологические изменения на костях выявляют способы эксплуатации. Полученные данные необходимы для уяснения принципов отбора лошадей для ритуала. Анализ следов от орудий на костях дает возможность реконструировать отдельные элементы погребального обряда (Тишкин, Косинцев, 2008: 219). Таким образом, в изучении остеологического материала кроется большой научный потенциал.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. А.А. Тишкин

Список литературы

Богаткина О.Г. Археозоологические исследования материалов городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск, 1995. – С. 141–159.

Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки общества сельского хозяйства Южной России. – Т. 86, кн. 1. – 1916. – С. 49–85.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. – Вып. XVI. – 1952. – С. 163–205.

Громова В.И. История лошадей (Equus) в Старом Свете // Труды палеонтологического ин-та. – Т. XVII. – 1949. – С. 373.

Дюрст У. Экстерьер лошади. – М. ; Л. : Сельхозгиз, 1936.

Клевезаль Г.А., Клейненберг С.Е. Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кожи. – М. : Наука, 1967.

Корневен, Лесбр. Распознавание возраста по зубам и другим производным кожи. – М. : Новая деревня, 1929.

Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности // Труды Зоологического института РАН. – Т. 273. – 1997. – С. 221.

Тишкин А.А., Косинцев П.А. Древние и средневековые лошади Алтая: результаты и перспективы исследований // Культуры и народы Северной Евразии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного исследования. – Томск, 2008. – С. 216–221.

Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. – Новосибирск : Наука, 1990.

Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // МИА. – 1952. – № 24. – С. 147–156.

Driess A.A. Guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody museum Bulletin 1. – Harvard University, 1976. – P. 137.

Eisenmann V., Karchound A. Analyses multidimensionnelles des metapodes d'Equus // Bull. Mus. natn. Hist. nat. P., T. 4 (1-2). – 1982.

Список сокращений

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

СА – Советская археология.

3D-ФОРМАТ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ РАБОТ

Применение 3D-сканеров в лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов северной Азии НИ ИргТУ. В современной археологии с начала 2000-х годов в исследованиях зарубежных археологов появляется новая технология фиксации и визуального представления археологических материалов, базирующаяся на использовании трёхмерного изображения, полученного путём трёхмерного сканирования. В своей основе это базируется на использовании метода сканирования лазерными и другими типами устройств.

Технологии автоматизированного 3D-сканирования можно разделить на следующие:

- 1) с использованием 3D-сканера;
- 2) с использованием фотоаппарата.

В свою очередь 3D-сканеры бывают следующего типа:

- 1) контактный (требуется контакт с объектом посредством щупа);
- 2) бесконтактный;
 - активный сканер (излучает на объект направленные волны);
 - пассивный сканер (работает по захватываемому свету).

В лаборатории имеются следующие 3D-сканеры:

1. NextEngine 3D Scanner – для сканирования объектов простой формы, не требующих высокой точности. Данный сканер благодаря своим размерам является достаточно мобильным.

2. Faro Laser Scanner Focus 3D – для сканирования объектов больших размеров, например писанниц, помещений, интерьеров, сооружений, раскопок.

3. Breuckman SmartScan 3D – для сканирования объектов, где требуется высочайшая точность сканирования (микротрещины, следы изношенности и т.д.), планируется использовать в том числе и в полевых условиях. Громоздкий, требуется специальный компьютер и продолжительное время настройки.

Работа со сканерами в лаборатории. По состоянию на конец декабря 2012 г. в лаборатории освоено два 3D-сканера: NextEngine 3D Scanner и Breuckman SmartScan 3D.

В ходе экспериментальных работ 3D-сканирование показало перспективность данного вида работ. При работе с 3D-сканерами был опробован следующий археологический материал:

- изделия из бронзы;
- антропологический материал;
- керамика;
- изделия из камня и кости.

Следует отметить, что, если нам важна высокая детализация, следует использовать Breuckman SmartScan 3D или же другие 3D-сканеры, равные ему по точности, например Konica-Minolta Range 7. Если же объект имеет довольно примитивные формы либо не требует высокой детализации или же нам не столь важна точность, а необходимо передать основные черты или формы объекта, можно использовать NextEngine 3D Scanner или ему подобный по характеристикам сканер, например 3D-сканеры фирмы Artec.

3D-сканирование как новая возможность представления археологических объектов. Как уже указывалось выше, 3D-сканеры могут давать цифровую модель как высокодетализированную, так и передавать общие её черты в зависимости от поставленных задач при сканировании объекта. Получив 3D-модель объекта мы можем:

1. Проводить различные аналитические измерения, например при анализе археологического костного материала (Найс, 2012: 29) или анализе материала со сложной морфологией.

2. Передавать материалы коллегам для получения экспертных оценок, консультаций, мнений по исследуемому объекту или, наоборот, в кратчайшие сроки передавать на расстояние модель требуемого объекта с помощью средств интернета.

3. Проводить виртуальную реставрацию предметов, используя методы трёхмерной компьютерной графики.

4. Реплицировать как результаты сканирования, так и результаты реставрации объекта или отдельные его части.

Такие широкие возможности, открывающиеся перед исследователями, говорят о необходимости скорейшего перехода к предоставлению результатов исследований в трёхмерном формате, ведь преимущества очевидны:

- Для хрупких предметов сокращается количество физических обращений к ним для исследований.
- Снижается вероятность фальсификации путём устранения субъективности восприятия художника или исследователя, что влияет на получаемые результаты. 3D-сканирование устраняет фактор субъективности и позволяет повысить фактор объективности исследований.
- Высокая точность проводимых измерений без использования каких-либо дополнительных средств, кроме программного обеспечения.
- Возможность более детального изучения исследуемого объекта в несколько, а то и в более увеличенном виде.
- Всё вышеперечисленное может поднять уровень представления археологических исследований в нашей стране на новый уровень.

Мировой опыт использования 3D-сканеров. За рубежом 3D-сканирование находит более обширное применение. Наиболее широко данная технология используется в археологии и истории. По результатам 3D-сканирования проводят различные виды анализа, реставрацию, наконец просто сохраняют культурное наследие. Например:

- Трёхмерное лазерное сканирование используется как инструмент при изучении эпохи викингов (Найс, 2012: 29).
- Производственная структура смешанного класса на основе данных трехмерного сканирования археологических артефактов – оцифровка догу (Миямаэ, 2012: 32).
- Наземное трехмерное сканирование применяется в археологии (Кучера, 2012: 36).
- Оцифровка культурного наследия Египта (Каная, 2012: 39).
- Группа Смитсоновского университета по 3D-оцифровке (Smithsonian 3D Digitization) занимается множеством интересных проектов, например интерактивной 3D-коллекцией окаменелостей и артефактов Национального музея естественной истории. Они же занимались сканированием скелета кита, найденного в Чили.
- В Национальном музее Ливерпуля (Англия) используются различные 3D-технологии, в том числе и 3D-сканирование, а также реконструкция облика человека по черепу с использованием результатов 3D-сканирования.
- Отчёт об использовании 3D-сканера в археологических исследованиях за 2006–2009 гг. Оула, Финляндия. (Åhfeldt, 2010).

Как видим, направление 3D-сканирования в археологических лабораториях, музеях, полевых условиях активно развивается по всему миру. В интернете можно найти ранние отчёты из Италии, датируемые началом нашего века, но, если сделать аналогичный поиск по России, мы увидим лишь частные случаи применения технологии 3D-сканирования в археологии и истории, да и то коммерческими структурами, продающими данный класс оборудования. В США, кроме Смитсоновского университета 3D-сканированием в археологии занимаются университеты в Арканзасе и Вирджинии, а также и другие, про которые мы на данный момент не знаем.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Е.М. Инешин

Список литературы

Тезисы первой международной конференции по виртуальной археологии. – 2012. – URL: <http://goo.gl/HytRs> (дата обращения: 22.12.2012).

Информационная страница в Facebook Смитсоновского центра 3D-оцифровки. – URL: <http://www.facebook.com/3d.si.edu> (дата обращения: 23.12.2012).

Интерактивная 3D-коллекция окаменелостей и артефактов. – URL: <http://goo.gl/8QGDi> (дата обращения: 23.12.2012).

3D-сканирование для потомков. – URL: <http://goo.gl/XF2x6> (дата обращения: 23.12.2012).

Лазерное 3D-сканирование в национальном музее Ливерпуля. – URL: <http://goo.gl/1xJTT> (дата обращения: 25.12.2012).

Цифровая реконструкция облика римлянина по черепу. – URL: <http://goo.gl/8J4mF> (дата обращения: 25.12.2012).

Åhfeldt L.K. 3D-scanning at the Archaeological Research Laboratory 2006–2009. – 2010. – URL: <http://goo.gl/jwJIT> (дата обращения: 03.01.2013).

Д.С. Попытаев

Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Современная Россия является полиэтничным государством с федеративной формой административно-территориального устройства. В связи с этим для Российской Федерации, как и для большинства подобных государств, тема эффективного управления процессами, протекающими в межэтнической сфере, является более чем актуальной. На протяжении 1990–2000-х гг. наша страна была вынуждена решать огромное количество проблем, связанных с распадом СССР. Глубокие общественные и политические трансформации не обошли стороной и этнонациональную сферу. В связи с ростом количества проблем в межэтнических отношениях на территории России, одним из приоритетных направлений, реализуемых государством в данный период, стал поиск оптимальной модели управления этнополитическими процессами.

В начале 1990-х гг. активность государства в этнополитической сфере определялась характером его взаимоотношений с лидерами этнонациональных движений, развернувшими свою деятельность в различных регионах России. В данный период этнические активисты связывали достижение своих политических целей с решением проблем «национального возрождения» этнических сообществ, от имени которых они выступали. В самых радикальных формах требования этнических элит могли приобретать сепаратистский характер.

В целом можно отметить, что этнонациональную политику, проводимую государством на данном этапе, стоит признать успешной, так как федеральной власти удалось решить почти все задачи, которые стояли перед ней в этой сфере. Во-первых, федеральные власти смогли предотвратить распад Российской Федерации. Во-вторых, за исключением чеченского и осетино-ингушского конфликтов, удалось избежать серьезных столкновений на почве межэтнической розни. В-третьих, был принят целый ряд важнейших законодательных актов, которые предупреждали возможные проблемы в этнополитической сфере в будущем. Речь идет о новом федеративном договоре, который в 1992 г. был подписан почти всеми регионами России, а также о принятии в 1993 г. новой российской Конституции, которая окончательно закрепила правовое положение субъектов федерации.

Одним из последствий политической деятельности этнических активистов в России начала 1990-х гг. стала политизация этничности. Этническая идентичность, которая в обычных условиях должна выполнять функцию самоидентификации личности, в России того

периода приобрела не свойственный ей смысл. Во многом это было связано с тем, что этничность играла значительную роль в сформулированных этноактивистами политических программах (Открытое письмо..., 1991: 3). Чрезмерная политизация этничности сделала вопрос ее «нормализации» и устранения этнических аргументов из политической борьбы одним из важнейших направлений этнонациональной политики государства во второй половине 1990-х гг.

В связи с проблемами, о которых говорилось выше, весьма показательными являются подходы, которые начали использоваться органами государственной власти для управления этнонациональной сферой во второй половине 1990-х гг. Эти подходы нашли отражение в документах, которые были приняты для регламентации деятельности данных органов. В 1996 г. указом Президента РФ была утверждена Концепция национальной политики РФ. В ней формулировались основные способы разрешения проблем в области межнациональных отношений (Концепция..., 1996). Разработчики Концепции, для того чтобы освободить этническую идентичность от политизации, интерпретируют ее в категориях культуры. Схожие подходы демонстрирует федеральный закон «О национально-культурной автономии», который был принят в тот же период (О национально-культурной автономии..., 1996).

Однако, как показала практика, для поддержания здоровой атмосферы в сфере межнациональных отношений недостаточно мероприятий, предусмотренных документами, о которых говорилось выше. Свидетельством этому может служить то, что уже в 2000-х гг. в результате изменения условий вновь постепенно начинает расти уровень межэтнической напряженности в российском обществе.

Еще одной характерной чертой этнонациональной политики второй половины 1990-х гг. является постепенное снижение остроты этнополитических проблем. В «Концепции национальной политики РФ», принятой в 1996 г., в ряду приоритетных направлений деятельности государства перечисляются проблемы, связанные с развитием федеративных отношений, решением чеченской проблемы и т.д. Однако уже здесь заметна тенденция, в соответствии с которой всё большее внимание начинает уделяться проблемам этнокультурного развития, которые постепенно начинают вытеснять собой этнополитическую проблематику.

К началу 2000-х гг. в области межнациональных отношений появляются новые проблемы. В первую очередь они связаны с ростом межэтнической напряженности из-за увеличения доли трудовых мигрантов в структуре трудоспособного населения страны. Причиной этому послужили изменения основных демографических показателей населения страны, что спровоцировало увеличение роли трудовой миграции в экономике страны.

На протяжении всего последнего десятилетия то и дело появляются сообщения о столкновениях между жителями российских регионов и мигрантами, приехавшими туда на заработки. Характерно то, что чаще всего поводом для этих конфликтов становились не тщательно спланированные политические акции лидеров националистических движений, как это было в начале 1990-х гг., а бытовая неприязнь. Можно отметить и то, что в столкновениях с местными жителями принимают участие не только выходцы из других государств, но и лица, приехавшие из других регионов России. Таким образом, для государственной этнонациональной политики в настоящее время всё более актуальной становится проблема приспособления мигрантов к нормам жизни принимающего сообщества.

В политической жизни страны в данный период также происходят значительные изменения. На протяжении 1990-х гг. российские власти демонстрировали отсутствие интереса к теме формирования патриотизма у населения страны, позиционируя свою этнонациональную политику исключительно как либеральную. Однако после прихода к власти администрации В. Путина на рубеже 1990–2000-х гг. ситуация в данной сфере меняется. В этот период власть начинает проявлять активность в обсуждении тем, на которые раньше обращали внимание в основном лидеры националистических движений. Она перестает демонстрировать свою либеральность, пытается применять риторику и символику своих оппонентов и начинает активно участвовать в формировании общероссийской идентичности.

В январе 2012 г. в Независимой газете была опубликована программная статья кандидата в президенты России В. Путина, которая была полностью посвящена «национальному вопросу» в современной России (Россияне о политике в отношении...). Направленная на получение поддержки на выборах со стороны заметно «поправевшего» российского общества статья обозначает «национальную проблему» в России в весьма резких тонах и выражениях. В области этнонациональной политики статья В. Путина предлагает ряд мер в русле ужесточения миграционной политики, защиты русских граждан на «этнически русских территориях» и т.д. Характерно, что здесь присутствует осторожный намек на то, что обвинения защитников интересов русских граждан в «русском фашизме» не всегда правомерны (Путин, 2012). Последний тезис можно трактовать как сигнал правым кругам российского политического спектра.

Таким образом, государственная этнонациональная политика России на протяжении 1990–2000-х гг. несколько раз меняла свои приоритеты. Это было связано с изменениями, происходившими в области межнациональных отношений. На смену периоду начала 1990-х гг., со всей остротой поставившему этнополитическую проблематику на повестку дня, приходит более спокойное время, которое позволило федеральной власти отодвинуть этнополитическую проблематику на второй план. В 2000-х гг. происходят изменения, которые ставят перед государственной этнонациональной политикой новые задачи. Теперь актуальным становится поиск формулы межнационального мира в условиях усиливающейся конкуренции.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Т.Б. Смирнова

Список литературы

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Российское образование для иностранных граждан. – URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/> (дата обращения: 12.10.2012).

Открытое письмо вице-президенту России А.В. Руцкому редактора «Свободы» Л.М. Яхьяева // Свобода. Общенациональная независимая газета. – Грозный, 1991. – № 8 (35). – С. 3.

Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 14.04.2012).

Россияне о политике в отношении приезжих. – URL: <http://www.levada.ru/30-08-2012/rossiyane-o-politike-v-otnoshenii-priezzhih> (дата обращения: 12.10.2012).

О национально-культурной автономии : федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ. – URL: <http://base.garant.ru/135765/> (дата обращения 13.10.2012).

А.Ю. Рассадников

Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ (МИНЕРАЛЬНОГО ПИТАНИЯ) КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА ПО ЭТНОАРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ НА УКРЕПЛЕННОМ ПОСЕЛЕНИИ КАМЕННЫЙ АМБАР (ОЛЬГИНО)*

В данной работе рассматриваются некоторые особенности условий содержания крупного рогатого скота (далее КРС) на основе анализа двух категорий модификационных изменений костного материала из укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино).

Укрепленное поселение Каменный Амбар расположено в Карталинском районе Челябинской области, на левом берегу р. Карагайлы-Аят. Поселение содержит слои с керамикой

* Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта УрО РАН «Природа и общество Южного Зауралья в эпоху бронзы: междисциплинарный анализ» и при финансовой поддержке РФФИ (проект 12-06-91330-ННИО-а).

синташтинского, петровского и срубно-алакульского типов (Епимахов, 2010: 2). Комплексное и системное исследование памятника ведется с 2005 г. Зауральской степной археологической экспедицией Института истории и археологии УрО РАН и в рамках российско-германского проекта.

Под модификационными изменениями костей животных в настоящей работе подразумеваются видоизменения первоначальных свойств и состояния костного вещества, к которым привели любые искусственные воздействия на кость (Рассадников, 2012: 85).

В ходе раскопок южной половины поселения (7 раскоп, 2011 г.) был выявлен 41 костный фрагмент (1,4% от всех костей) со следами погрыза и воздействия желудочных ферментов (из желудка) КРС. Такие кости присутствуют во всех культурно-хронологических комплексах. В срубно-алакульском и смешанном (преимущественно срубно-алакульские слои) слоях таких экофактов гораздо больше, чем в синташтинско-петровских слоях.

Костные фрагменты из желудка КРС как будто слегка оплавлены со всех сторон, их можно сравнить с обмылками или леденцами.

На костных фрагментах КРС с погрызом заметно утончение компакты кости на концах, нередко в этих местах на кости имеются отверстия. Кроме того, на небольших участках дорсальной и вентральной частей кости видна губчатая костная ткань, а переход от губчатой ткани к компакте кости очень плавный или даже оплывший. (Рассадников, 2012: 88).

Эти экофакты удалось вычленивать из общей массы костного материала и выяснить их происхождение благодаря тому, что укрепленное поселение Каменный Амбар располагается в районе, где до сих пор в больших количествах разводят крупный рогатый скот. Поселение окружено сетью загонов, которые также называются кардами, или гуртами (Мясное скотоводство на Южном Урале, 1985: 16), расстояние между которыми составляет от 2 до 5 км, а ближайший загон находится в 1,5 км (Рассадников, 2012: 85). Тщательный осмотр современных загонов КРС и соотнесение найденных в ходе раскопок костных фрагментов с различными следами воздействия неясного на тот момент происхождения с костным материалом из загонов позволило установить следующее. Рассматриваемые нами экофакты являются результатом так называемой «лизухи», или извращения аппетита, при которой коровы лижут и поедают кости, шифер, дерево и т.д. (попытка восполнить недостающие вещества), и, соответственно, маркерами дефицита в организме животного основных макроэлементов: кальций, фосфор, калий, кобальт и марганец. Недостаточность этих макроэлементов может быть вызвана внешними и внутренними причинами (Кабыш, 1967: 96). К основным экзогенным факторам, ведущим к дефициту макроэлементов, относится недостаточное поступление этих элементов из кормов. К основным эндогенным причинам можно отнести беременность, повышенную молочную эксплуатацию, когда внутренних резервов макроэлементов недостаточно для нормального функционирования организма (Кабыш, 1967: 43).

Следует отметить, что данное незаразное заболевание на фоне недостатка макроэлементов практически не отражается на людях, лошадях и мелком рогатом скоте (Кабыш, 1967: 44).

В 1950-х гг. в Брединском районе (30–50 км от поселения Каменный Амбар) Челябинской области хозяйства столкнулись с массовой гибелью молодняка и взрослых особей коров, катастрофическим снижением удоев молока. В течение 1950–1965 гг. специально созданная комиссия под руководством А.А. Кабыша занималась исследованием и решением проблемы (Кабыш, 1967: 69).

Недостаточное поступление макроэлементов у коров Брединского района вело к размягчению костной ткани и у многих из них наблюдались переломы костей. Продуктивность животных сильно понижена, часто возникают осложнения: истончение, размягчение, порозность и переломы костей. Молодняк часто рождается нежизнеспособным, нестойким к различным заболеваниям, часть его погибает в течение первых месяцев после рождения (Кабыш, 1967: 129). При этом животные облизывают окру-

жающие предметы, стенки; на пастбище лижут землю и камни, ищут и жуют резину, куски фарфора, металла, кирпича, костей, каменный уголь, жадно поедают различные ткани, кожу и другие предметы, пьют навозную жижу. Отдельные животные даже поедают фекалии кур и человека (Кабыш, 1967: 140). У больных остеодистрофией животных в большей степени увеличено выделение фосфора и железа. При введении в рацион солей кобальта и марганца можно добиться нормализации этих процессов (Кабыш, 1967: 190).

Итак, на основе этноархеозоологических данных и результатов работы государственной комиссии по выявлению и предотвращению причин падежа коров в Брединском районе Челябинской области в 1950–1965 гг. можно сделать следующие предварительные выводы.

Во все периоды функционирования поселения Каменный Амбар коровы имели дефицит основных макроэлементов – кальция, фосфора, калия, а особенно кобальта и марганца, отвечающих за усвоение кальция и фосфора (Кабыш, 1967: 197).

Стоит отметить, что дефицит макроэлементов был начальной степени, он не приводил к остеодистрофии и другим негативным преобразованиям костной ткани. Можно предположить, что недостаток макроэлементов мог быть главной причиной гибели эмбрионов и новорожденных особей КРС, о чем свидетельствует относительно большое количество костных фрагментов от таких особей.

Скорее всего, синташтинское население столкнулось с замкнутым кругом: степное и ковыльное сено изначально содержат недостаточное количество кальция (Кабыш, 1967: 102). Водоисточники района содержат повышенное количество кальция, магния, никеля и хлора и очень малые количества кобальта и марганца (Кабыш, 1967: 95). Пастбищная нагрузка на степную растительность ведет к снижению продуктивности (Мясное скотоводство на Южном Урале, 1985: 14) и изъятию из биологического кругооборота жизненно важных макроэлементов (кальций, фосфор и калий) и ухудшению кормовых качеств травы (Каздым, 2008: 78).

Судя по тому, что мы имеем только начальные симптомы проявления дефицита макроэлементов на фоне вышеперечисленных условий (без проявления преобразования костной системы и деформации костей), то можно предположить следующее: либо синташтинское население имело очень небольшое количество скота и постоянно использовало частую смену пастбищных угодий, либо «лизухе» были подвержены только беременные и кормящие коровы, чьи повышенные потребности в макроэлементах не могла восполнить кормовая база. «Лизухе» также могли быть подвержены только дойные коровы, которые также испытывают большую нагрузку на свое минеральное депо (внутренние резервы макроэлементов). В срубно-алакульское время эти процессы, скорее всего, интенсифицировались.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Л.Н. Корякова

Список литературы

Епимахов А.В. Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар 2008 г. – Екатеринбург : Изд-во Института истории и археологии УрО РАН, 2010.

Епимахов А.В. Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар 2011 г. – Челябинск, 2010.

Кабыш А.А. Эндемическая остеодистрофия крупного рогатого скота на почве недостатка микроэлементов. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967.

Мясное скотоводство на Южном Урале. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985.

Рассадников А.Ю. Модификационные изменения костей животных из укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 4 (37). – С. 85–91.

**ПИТАНИЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ
В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ**

Основной из главных бытовых проблем крестьянства в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны была продовольственная. Голод является одним из главных сюжетов в воспоминаниях респондентов. Основными причинами голода являются снижение выплат, а также продовольственные реквизиции в армию.

В результате к началу Великой Отечественной войны основным источником питания стала продукция личного подсобного хозяйства (Липинская, 1987: 204). В условиях фактического отсутствия какого-либо заработка и проблем с продовольствием гарантию выживания давало только подсобное хозяйство. Личное подсобное хозяйство имело подавляющее количество колхозных дворов. Так, в Алтайском крае в 1943 г. 95,6 % колхозных дворов имело личные подсобные хозяйства, а к 1945 г. этот показатель еще и увеличился (Ильиных, 1999: 62).

Личное подсобное хозяйство позволяло крестьянству производить для своих нужд необходимую продукцию растениеводства, прежде всего овощи. Также оно позволяло иметь свою молочную и мясную продукцию, но в довольно ограниченных масштабах. Но в годы войны важную роль наряду с ЛПХ стало играть присваивающее хозяйство и прежде всего собирательство. Это было связано с рядом причин. Во-первых, ЛПХ в годы войны было ограничено различного рода натуральными налогами, что заметно уменьшало количество продукции, остававшейся у крестьян. Во-вторых, многие респонденты отмечают в этот период крайне низкую урожайность на приусадебных участках, прежде всего картофеля. В-третьих, следует отметить то, что не все могли полноценно обрабатывать землю по определенным субъективным причинам (большая занятость на работах, физическая неспособность и т.д.). В результате ЛПХ в ряде случаев не могло полностью обеспечивать крестьян необходимой продукцией, поэтому в годы войны очень сильно возрастает роль собирательства.

В экстремальных условиях войны население пыталось выжить всеми возможными способами и, чтобы обеспечить себе хоть минимальное пропитание, было вынуждено обращаться к традициям питания старожилов и переселенцев.

Питание в годы Великой Отечественной войны зависело от времени года. В весенне-летний период основу питания составляла растительная пища. Летом для питания и заготовки широко использовались грибы и ягоды. В осенне-зимний период питание в основном состояло из картофельных и мучных блюд, а также заготовок.

Большая часть огорода засаживалась картофелем. Об этом свидетельствуют и цифры статистики. Так, в Алтайском крае и Новосибирской области вместе взятых по данным налогового учета доля картофеля в приусадебном посеве в 1945 г. составляла 84,5 % (Ильиных, 1999: 63). Картофель на Алтае стал активно возделываться вместе с появлением переселенцев. Для их небогатых семей, только что переехавших из европейской части страны, картофель был едва ли не основной пищей (Липинская, 1996: 164). Переселенцы широко распространили картофель по всему Алтаю.

Картофель в годы войны становится чрезвычайно важным продуктом для крестьянства. Его посевы преобладали на домашних огородах. Это объяснялось тем, что картофель давал неплохие урожаи и в дальнейшем не требовал особых условий для хранения. Его жарили, варили, запекали, из него делали драники. Для приготовления пищи использовалась даже кожура. Респонденты отмечают, что во время войны «картошка не уродилась», поэтому часто приходилось употреблять в пищу и гнилую картошку. А.В. Медведева: «У нас вот

картошка не уродилась – мало ее было, а семья-то большая, то всё быстро съели. И вот мы гнилушки из земли выкапывали картошечные» (Медведева, 2012: 25).

Важнейшим продуктом в годы войны был простой хлеб. Выпекали его дома из пшеничной муки. Из-за нехватки зерна, вследствие минимальных выдач зерна на трудодень, рецептуру его приготовления приходилось изменять. Ранее старожилы при необходимости (прежде всего в голодные годы) добавляли в муку и другие суррогаты: рыжик (дикий лен), сухую толченую лебеду и т.п. (Липинская, 1987: 174). В годы войны количество используемых примесей увеличилось. Часто в хлеб приходилось добавлять лебеду, жмых от технического хлопка или даже картофельные очистки. Г.П. Кондрашова: «Хлеб стряпали из лебеды. Семена лебеды выбирали, каким-то образом перемалывали, потом немного муки добавляли и стряпали черный хлеб» (Кондрашова, 2012: 180). Н.Ф. Грачева: «Тогда не пропадало ничего. Очистки от картошки сушишь, толчешь и в хлеб кладешь. Всё равно считали, что это хлеб» (Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2012).

Особо тяжелой ситуация с питанием была весной, когда заканчивались зимние запасы, а до нового урожая было еще далеко. В этих условиях важнейшую роль приобретало собирательство. Старожилы собирали горький лук-батун, черемшу, слизун (Липинская, 1987: 183). Дикорастущие растения имели большое значение в питании переселенцев, многим из которых в первые годы по приезде было трудно наладить хозяйство (Липинская, 1987: 196). В войну стали употреблять и другие травы. Например, в Романовском и Волчихинском районе наиболее упоминаемыми являются слизун, рыжик, кашка. Летом и осенью население спасалось за счет грибов и ягод. Они активно употреблялись в пищу, осенью проводилась их заготовка. Собранные летом ягоды морозили и сушили. И.А. Барсов: «Очень тяжело было, питания не было, травы ели... рыжик ели, растение такое... Еще трава была, кашка называлась... Ягоды как хлеб ждали всегда. Когда урожайный год, только на них и паслись» (Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2010).

Что касается состава скотного двора в личном подсобном хозяйстве, то на одно личное подсобное хозяйство Алтайского края в 1943 г. в среднем приходилось 0,77 коров, 1,02 овец и коз, 0,04 свиней (Ильиных, 1999: 62). Основной «кормилицей» крестьянской семьи была корова. Часто корова была единственным сельскохозяйственным животным в хозяйстве крестьян. Это было связано с тем, что корова давала молоко круглогодично и ценилась крестьянами больше, чем свиньи и овцы, которые обеспечивали семью мясом лишь на время зимы. В целом можно говорить о том, что потребление мяса в войну из-за обязательных мясопоставок и ограниченности еще до войны количества скота в личных подсобных хозяйствах свелось к минимуму.

Подводя итог, можно сказать о том, что Великая Отечественная война привела к значительному ухудшению качества жизни населения в продовольственном плане. В этих условиях крестьянство выживало только за счет традиционного питания. Крестьяне, используя традиции питания старожилы, переселенцев, а также возможности ЛПХ и присваивающего хозяйства смогли приспособиться к неблагоприятным внешним условиям и пережить тяжелые времена. Крестьяне были вынуждены изменять и дополнять уже имевшиеся традиционные рецепты, вследствие крайне тяжелых условий жизни. Отдельные компоненты традиционных рецептов подменялись в связи с отсутствием необходимых продуктов.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Т.К. Щеглова

Список литературы

Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Гуселетово, Барсов И.А., 1929 г. р.

Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2011 г. Волчихинский район, с. Селиверстово, Грачева Н.Ф., 1930 г. р.

Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов). Тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. – Новосибирск, 1999. – С. 33–76.

Кондрашова Г.П. Алтайская деревня в рассказах её жителей / науч. ред. Т.К. Щеглова, Л.М. Дмитриева. – Барнаул, 2012. – С. 176–181.

Липинская В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). – М. : Наука, 1987.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы : русские на Алтае : XVIII –начало XX века. – М. : Наука, 1996.

Медведева А.В. Алтайская деревня в рассказах её жителей / науч. ред. Т.К. Щеглова, Л.М. Дмитриева. – Барнаул, 2012. – С. 18–25.

Д.В. Селин

Омск, Омский государственный педагогический университет

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ШТАМПОВ НА ПОСУДЕ ПРИИРТЫШЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Керамика является одним из наиболее массовых и информативных источников при изучении различных сторон человеческой деятельности. Устойчивость традиций изготовления и орнаментации посуды делает ее одним из важнейших критериев выделения археологических культур, начиная с эпохи неолита. В силу многофункциональности и семантической многоплановости керамики при ее изучении возможно применение самых разных методов исследования, включая математические и естественнонаучные.

В последние десятилетия наряду с традиционными методиками обработки керамического материала исследователи всё чаще стали обращать внимание и на иные аспекты его изучения. Одним из них является использование методов дактилоскопии для исследования отпечатков пальцев на поверхности сосудов, анализ оттисков ногтевых пластин, что позволяет определить половозрастную принадлежность гончаров, оставивших эти следы и выявить посуду, созданную одним мастером (Нюман, 1997: 78, Бобринский, Гей, 1996: 187, Волкова, 1998: 40). Другим направлением является идентификация оттисков одного и того же орнаментального штампа на разных сосудах (Данченко, 1998: 60; Селин, 2012: 229).

С помощью ранее разработанной программы, совмещающей возможности базы данных и сравнительных операций, нами уже предпринималась попытка идентификации орнаментальных штампов на посуде двух памятников – Красноярского городища и курганного могильника Красноярка-IV в Усть-Ишимском районе Омской области (Селин, 2012: 230). В нынешнем сообщении приводятся результаты анализа коллекции позднекулайской (саровской) посуды со Сперановского городища.

Памятник расположен на мысу правого берега р. Оми, приблизительно в 10 км к востоку от г. Омска. В 1966 и 1967 гг. В.А. Могильников вскрыл на нем остатки двух подпрямоугольных жилищ (Могильников, 1971: 48). В 1992 г. изучение городища продолжил Е.М. Данченко, который исследовал различные объекты: разновременные очаги, хозяйственные ямы, жилые сооружения (Данченко, 1995: 28). Полученная при этом коллекция керамики саровского типа насчитывает более 2 тысяч фрагментов от не менее чем 180 сосудов. По форме они соответствуют типам, выделенным для аналогичных материалов Барабы, за исключением типа IV, который в материалах коллекции представлен не был (Елагин, Молодин, 1991: 61; Данченко, Гришаева, 1996: 54). Узоры наносились с помощью различных технических приемов. Наиболее распространенной в комплексе является гребенчато-штампованная техника – 35,5 %. Заметную долю в коллекции составляет орнаментация фигурными штампами. К ним относятся: «уточка» (22 %), треугольный штамп (4,2 %), «змейка» (0,7 %). Узоры гладким штампом, составляют 9,4 %. Удельный вес «проташенной» гребенки, которой наносились мотивы в виде волны, составил 6,8 % (Данченко, Гришаева 1996: 55).

Для исследования нами предварительно были выбраны 11 образцов: четыре пары фрагментов разных сосудов с похожими штампами и одна группа, состоящая из трех черепков. После более детального изучения и сравнения между собой, с высокой долей вероятности штампы удалось идентифицировать во всех случаях. Планиграфически исследованные фрагменты были связаны с различными объектами или участками памятника:

- 1 пара: жилище 2, квадрат Щ/25, штык 4 – квадрат Э/23, штык 3;
- 2 пара: развал сосуда, квадрат Р/12, штык 4 – скопление керамики, квадрат П/12, штык 1;
- 3 пара: скопление керамики, квадрат Т/22, штык 4 – яма 29, квадрат У/19, штык 3;
- 4 пара: два образца из жилища 6, квадрат З'/31 и З'/32, штык 3;
- группа из трех фрагментов: яма 22, квадрат С/9, штык 5 – жилище 6, квадрат Ж'/31, штык 4 – жилище 2, квадрат Ш/24, штык 3.

Поскольку сравниваемые фрагменты посуды были орнаментированы одним штампом, можно предполагать, что объекты, из которых они происходят, могли функционировать одновременно. Если принять во внимание тот факт, что орудия для нанесения орнамента входили в традиционный набор гончара, оберегались и ценились (Волкова, 1998: 38), то не исключено, что исследованная посуда могла быть изготовлена одним мастером или в одной мастерской.

Таким образом, использованный метод в сочетании с данными стратиграфии и планиграфии расширяет возможности установления связей между археологическими объектами, включая их синхронизацию.

В ходе работ подтвердились сложности, которые упоминались ранее (Данченко, 1998: 60; Селин, 2012: 230). В зависимости от технологических характеристик теста – его состава, плотности на момент нанесения декора и т. п. – отпечатки одного и того же штампа могли различаться. К тому же свою роль неизбежно играли: угол постановки штампа по отношению к орнаментируемой поверхности сосуда; сила нажима; износ, если орнаментир использовался многократно; процесс обжига. Существенно затрудняла работу и большая фрагментированность материала.

В ходе сравнения полученных образцов подтвердился вывод о том, что наиболее эффективным является метод обмеров, а не наложения фотографических изображений отпечатков (Селин, 2012: 230).

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Е.М. Данченко

Список литературы

- Бобринский А.А., Гей И.А. Первые итоги изучения отпечатков кончиков пальцев на керамике // Гуманитарная наука в России: соровские лауреаты. – М., 1996. – С. 183–189.
- Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. – М. : Изд-во «Старый сад», 1998.
- Данченко Е.М. Сперановское городище на Оми // Памятники истории и культуры Омской Области. – Омск, 1995. – С. 25–32.
- Данченко Е.М. Об одном из аспектов изучения орнаментальных штампов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 1998. – Ч. I. – С. 59–60.
- Данченко Е.М., Гришаева О.Е. Позднекулайская керамика Сперановского городища // Керамика как исторический источник. – Тобольск, 1996. – С. 53–56
- Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск: Наука, 1991.
- Могильников В.А. Сперановское городище // Краткие сообщения института археологии. М., 1971. – № 128. – С. 48–52.
- Нюман Х. Древние отпечатки пальцев // Археология севера. – Петрозаводск, 1997. – С. 78–85.
- Селин Д.В. Об опыте идентификации орнаментальных штампов на керамической посуде // Археология, этнология и антропология Евразии: исследования и гипотезы. – Новосибирск, 2012. – С. 229–230.

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Впервые в истории отечественной науки понятие «культурный ландшафт» было использовано Л.С. Бергом, который определил целью географической науки изучение природных и культурных ландшафтов, понимая под последними те ландшафты, в которых важную роль играют человек и произведения его культуры (Берг, 1913). Географ приходит к употреблению в своих работах данного понятия одновременно с западными учеными. Немецкий ученый О. Шлютер, к примеру, противопоставляет понятия «die Urlandschaft» (первозданный, природный ландшафт) и «die Kulturlandschaft» (Schluetter, 1920: 145–152, 213–218). В это же время в США возникает Берклийская школа культурного ландшафта во главе с К. Зауэром, который считал природный ландшафт фоном человеческой деятельности (Sauer, 2005: 91–107). Итак, введение в научный оборот понятия «культурный ландшафт» знаменует собой принятие человека и его культуры соразмерным природному компонентом ландшафта.

Несмотря на сходство изначального восприятия понятия «культурный ландшафт» как в отечественной, так и в западной научных традициях, история его употребления и осмысления идет разными путями. Очерченная первыми российскими ландшафтоведами неоднозначность проблемы культурного ландшафта в советской науке была воспринята плоско. Исходя из марксистской философии, воспринимающей отношения человека и природы как борьбу, конечным итогом которой должно стать преобразование природы на благо общества, советская география стала понимать культурный ландшафт как целенаправленно измененный человеком (Оболенская, 2004: 134).

Начало 1990-х гг. можно назвать отправной точкой современного этапа развития концепции культурного ландшафта в отечественной науке. Он характеризуется отсутствием единства понимания культурного ландшафта, существованием спектра различных подходов к его исследованию. Д.Н. Замятин пишет, что на современном этапе «культурные ландшафты – “лакомый кусочек” для многих гуманитарных дисциплин» (Замятин, 2006: 303). Существующие сегодня в российской науке подходы к изучению культурного ландшафта можно разделить на подходы гуманитарного направления и подходы традиционного ландшафтоведения. В отечественной науке первые являются продолжением намеченного географами начала XX в., но угасшего в 1930–1940-х гг. гуманитарно-ландшафтного вектора исследований, вторые же в основе своей имеют широкую базу исследований советских ученых.

Одним из направлений гуманитарно-ландшафтных исследований, разрабатываемых В.Н. Калуцковым, А.А. Ивановой, Т.М. Красовской и др., является так называемое «этнокультурное ландшафтоведение». А.А. Иванова определила культурный ландшафт как культуру сообщества людей, сформировавшуюся в результате его жизнедеятельности в определенных природных условиях, взятую в её целостности (Иванова, 2002: 7). Схематически культурный ландшафт представляет собой шестикомпонентную систему, включающую природный ландшафт, сообщество людей, хозяйственную деятельность, структуру расселения, языковую систему и духовную культуру (Иванова, 2002: 7). Основной акцент ставится на исследовании культурного ландшафта как целостности, компоненты которой равнозначны и взаимосвязаны. Однако, на наш взгляд, компоненты данной целостности обозначены исследователями выборочно и не структурно: возникает вопрос о критериях и оправданности их выделения. Исходя из положения о междисциплинарной природе объекта, В.Н. Калуцков предлагает дробить культурную составляющую ландшафта на поля для деятельности различных наук (этнология, религиоведение, сакральная география и др.) (Калуцков, 2006: 10–11), что, очевидно, методологически неоправданно.

Представителями следующего направления гуманитарно-ландшафтных исследований можно назвать Ю.А. Веденина и ряд других исследователей, определяющих свой подход как информационно-аксиологический (Веденин, Кулешова, 2004: 14) В работе 1997 г. Ю.А. Веденин определяет культурный ландшафт как «целостную и территориально локализованную совокупность вещества, энергии и информации, сформировавшихся в результате спонтанных природных процессов, преобразовательной и интеллектуально-созидательной деятельности людей» (Веденин, 1997: 6). Интеллектуальная, духовная деятельность людей является, по мнению исследователей, определяющей в формировании и развитии культурных ландшафтов (Веденин, Кулешова, 2001: 7). Культурный ландшафт динамичен (Веденин, Кулешова, 2001: 9); накапливая потенциал интеллектуально-духовной энергии, культурный слой ландшафта со временем становится всё более значимым и превращается в доминирующий (Веденин, 1997: 11).

Довольно четко выделяется также третье направление, которое можно назвать культурологическим. Основная характеристика его заключается в определении культурного ландшафта не только и не столько географическим положением конкретного ландшафта, сколько характеристиками самой культуры. Методологический вектор данного направления лежит в рамках семиотики: определяющей чертой ландшафта, по мнению представителей данного подхода, является наличие в его культурном слое пласта знаков, образов и символов. В.Л. Каганский, к примеру, называет культурным ландшафтом пространство, освоенное утилитарно, семантически и символически (Каганский, 2001: 24). Исследователи существенно отходят от традиционного подхода к пониманию ландшафта: часто данное понятие является для них равнозначным понятиям «территория», «пространство» (см. к прим.: Замятин, 2006).

Абстрагируясь от частных особенностей, объект исследования в рамках концепции культурного ландшафта можно представить в виде двухкомпонентной структуры: с одной стороны, культурный ландшафт – это человеческий фактор и его влияние на ландшафтную основу, с другой – ландшафтный фактор и его отражение в человеческой культуре. Таким образом, культурный ландшафт – это комплекс, исследование которого не может быть выполнено адекватно с опорой на методологический аппарат лишь одной частной науки. Очевидно, путь к осознанию сущности культурного ландшафта как объекта научного познания лежит через раскрытие важнейшей его характеристики – междисциплинарности. Сложность с дефиницией понятия «культурный ландшафт», как и многих подобных понятий, называемых объектами междисциплинарного изучения, возникает, в первую очередь, из-за отсутствия философского осознания междисциплинарности как важнейшей характеристики современного научного познания. Подобные исследования сегодня ведутся как в российской (Степин, 1992), так и в зарубежной (Meumann, 2009) науке. В.С. Степин, характеризуя ситуацию в современной науке, пишет, что она «сталкивается с такими сложными системными объектами, которые в отдельных дисциплинах зачастую изучаются лишь фрагментарно, поэтому эффекты их системности могут быть вообще не обнаружены при узко дисциплинарном подходе, а выявляются только при синтезе фундаментальных и прикладных задач в проблемно-ориентированном поиске» (Степин, 1992: 186–187). На основе сказанного нужно отметить, что сферой наук о культуре в рамках исследования культурного ландшафта как междисциплинарного объекта является изучение многоаспектного и комплексного «ответа» человеческого сообщества на «вызов» ландшафтного фактора.

Итак, современные российские исследования в рамках концепции культурного ландшафта характеризует разобщенность и взаимная критика, отнюдь не способствующие пониманию сути объекта исследования. Однако растущий интерес отечественных ученых различной специализации к культурному ландшафту свидетельствует о потенциальных исследовательских возможностях данной концепции.

Список литературы

- Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. РГО. – 1915. – Т. 51, вып. 9. – С. 463–475.
- Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. – СПб.; М., 1997.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.; СПб., 2004. – С. 13–36.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. АН. Сер. геогр. – 2001. – № 1. – С. 7–14.
- Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. – М., 2006.
- Иванова А.А. Концепция культурного ландшафта как методологический принцип организации полевых исследований // Актуальные проблемы полевой фольклористики. – М., 2002. – С. 6–13.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сб. статей. – М., 2001.
- Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение // Вестн. МГУ. Сер. 5, геогр. – 2006. – № 2. – С. 6–12.
- Оболенская М.А. Эволюция взглядов на культурный ландшафт в российской географической науке // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.; СПб., 2004. – С. 133–142.
- Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М., 1992.
- Meumann H. Methodologische Grundprobleme der Inter- und Transdisziplinarität in der Alpen und Kulturlandschaftsforschung. Duisburg, Köln. – 2009.
- Sauer C.O. Die Morphologie der Landschaft // Landschaftstheorie: Texte der cultural landscape studies / В. Franzen. Köln. – 2005. – P. 91–107.
- Schluetter O. Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // Geographische Anzeiger. – Bd. 21. – 1920.

А.И. Юрченко

Кемерово, Кемеровский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ПАЛЕОПОЧВОВЕДЕНИЯ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ В ПОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКА АВТОДРОМ-2)

Поселение Автодром-2 открыто в 1997 г. А.И. Соловьевым. Памятник находится в 1430 м к юго-востоку от районного центра – пос. Венгерово, в 90 м к востоку от развилки старого Московского тракта, на второй надпойменной террасе левого берега р. Тартас. Поселение исследуется с 2003 г. (Бобров, 2010: 14). В результате инструментальной съемки, проведенной сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН, на территории памятника зафиксированы 49 объектов в виде глубоких, округлых в плане западин, расположенных довольно компактными скоплениями. Планиграфически выделяются две группы объектов: юго-западная и северо-восточная (Молодин, Бобров, Чемякина и др., 2003: 423). В 2012 г. на месте археологического памятника проводились палеопочвоведческие исследования. При этом была изучена погребенная почва в раскопе № 2, где находится жилищный котлован № 37. Для каждого слоя нами были проведены гранулометрический и морфологический анализы палеопочв.

Сбор почвы для анализов производился в пяти точках линии квадратов Х-13/18 (рис. 1). Было выделено 6 слоев профиля: дерн, гумусированная супесь, песчаная почва (БП), песчаная почва с красным оттенком (БПкр), прослойка ожелезненной песчано-глинистой супеси, супесчаная почва, суглинок (материк).

Схема-чертеж раскопа №2 Автодром-2'12

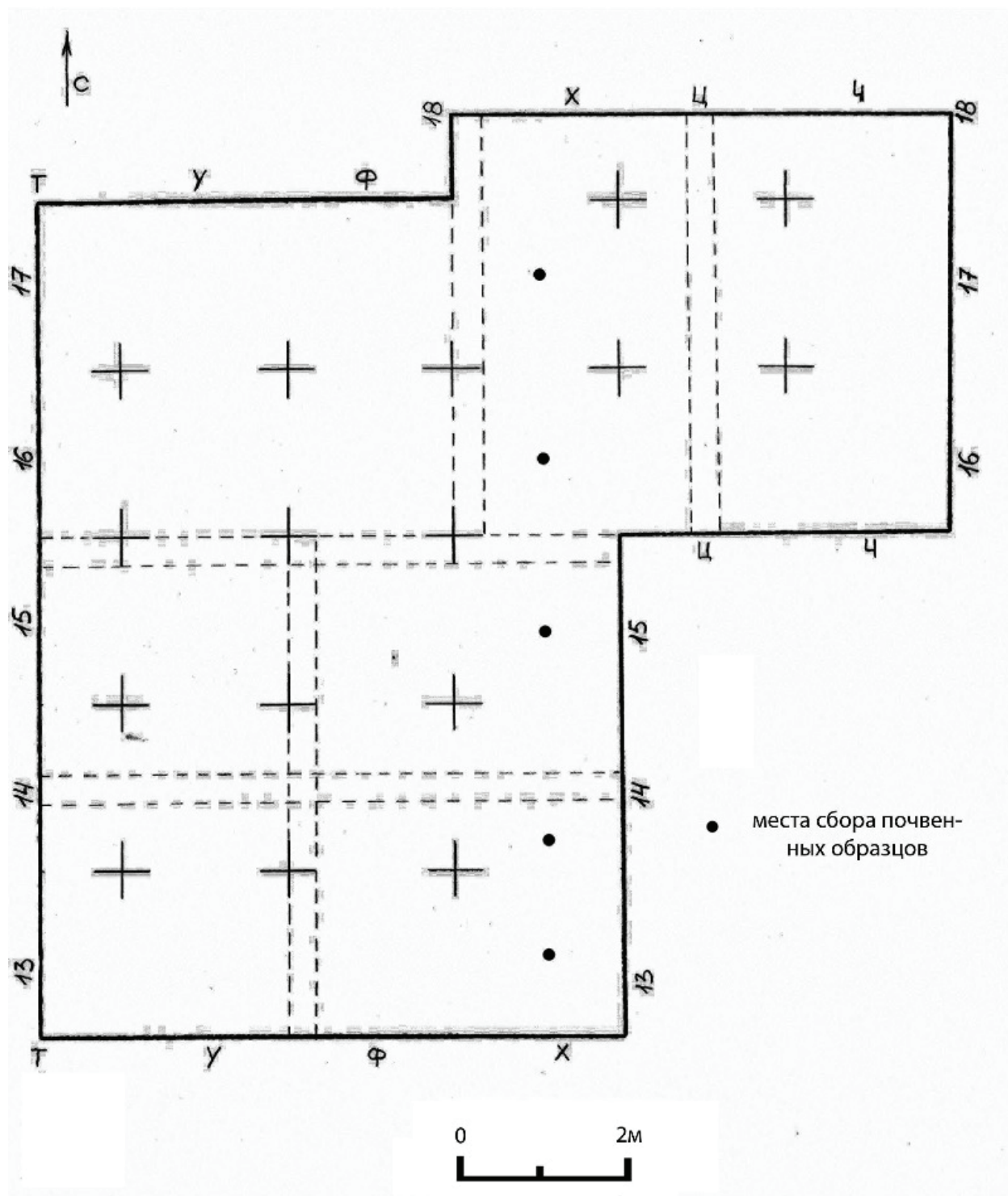

Рис. 1

Гранулометрический анализ производился мокрым способом (Методы наук..., 2012: 150, рис. 4, табл. 2). В результате нами было выделено 4 фракции почвы: песок, супесь, легкий суглинок и средний суглинок.

Морфологический анализ включал: установление стратиграфии почвенного профиля, характеристику цвета почвы; определение мощности каждого слоя профиля раскопа, типов сложения почвы по плотности, структуры почвы, видов включений и новообразований;

фиксацию деятельности землероев и растительного компонента (корни деревьев); отражение результатов морфологического анализа в чертежах, схемах и фотографиях.

При проведении анализа учитывалось, что морфологические признаки могут располагаться не по горизонтам, проявляться на разных участках профиля, сочетаться, включаться друг в друга. Морфологический анализ заключался в сравнительном анализе погребенных почв, т. е. в описании физических и механических свойств почвенных горизонтов. Наблюдения велись на 10 профилях (стенки раскопа и внутренние бровки между секторами).

Для определения цвета в естественных условиях сложения почвы использован «треугольник С.А. Захарова» (Методы наук..., 2012: 146, рис. 2). Сложение почвы – это её уровень плотности и рыхлости, который определялся с помощью ножа. Степень легкости вхождения ножа в слой почвенного профиля был основным показателем сложения почвы. Было выявлено, что в основном сложение почвы – рыхлое. Это связано с тем, что во всех слоях в различных пропорциях содержится большая доля физического песка, который создает пористость и препятствует уплотнению почвы.

Для определения структуры почвы были собраны небольшие образцы каждого из перечисленных выше слоев. В образцах выделены структурные агрегаты: почва распадается на структурные агрегаты (комки), если образец подбросить несколько раз на ладони.

Выделилось несколько видов структуры почвенных агрегатов: зернисто-комковато-пылевая; пластинчато-пылевая, легко разрушающаяся; бесструктурная; комковато-мелкоореховатая; крупно-зернистая; ореховатая и мелкоореховатая. Зернистость, комковатость и бесструктурность почвенных агрегатов зависит от содержания в структуре почвы физической глины и физического песка. Структура и сложение почвы являются результатом природно-климатических факторов формирования слоев почвенного профиля.

Поскольку памятник находится в березовой роще, то в качестве основного включения почвенного профиля раскопа № 2 поселения Автодром-2 выявлены корни деревьев.

Единственным новообразованием почвенного профиля раскопа № 2 является слой № 6, зафиксированный на профилях Т-Ч/16, Т/13-18, Ч/16-18, который имеет антропогенное происхождение (прокаленная почва).

Результаты морфологического анализа почв раскопа № 2 памятника Автодром-2 представлены в табл. 1.

Таблица № 1

**Морфологические признаки слоев
археологического памятника Автодром-2'12 раскоп № 2**

№ слоя	Наименование слоя	Цвет	Мощность (м)	Сложение	Структура	Включение	Новообразования	Гранулометрический состав
1	дерн	коричневый	От 0,02 до 0,10	рыхлое	-	корни деревьев	-	-
2	гумусированная супесь	темно-серый	от 0,02 до 0,16	рыхлое	зернисто-комковато-пылевая	корни деревьев	-	супесь
3	белый песок (БП)	бело-желтый во влажном состоянии, белый при высыхании	от 0,07 до 0,22	во влажном состоянии рыхлое, при высыхании – плотноватое	пластинчато-плевая, легко разрушающаяся	корни деревьев	-	супесь

4	белый песок (БПкр)	белый с красным оттенком во влажном состоянии, слегка светлеющий при высыхании	до 0,2	рыхлое во влажном состоянии, в сухом – плотноватое	бесструктурная	корни деревьев	-	песок
5	прослойка ожелезненной песчано-глинистой супеси	темно-коричневый	до 0,2	плотное	комковато-мелкоореховатая	корни деревьев	-	легкий суглинок
6	супесчаная почва	темно-коричневый	от 0,1 до 0,2	рыхлое	крупно-зернистая	корни деревьев	сам слой является новообразованием	супесь
7	«материк»	темно-красный	до 0,15	очень плотное	ореховатая и мелкоореховатая	корни деревьев	-	средний суглинок

Таким образом, основным результатом палеопочвоведческих исследований археологического памятника Автодром-2 в 2012 г. стало специальное изучение культурного слоя памятника по внешним и физическим признакам почвы.

Результаты такого изучения дополнили стратиграфические археологические наблюдения на памятнике Автодром-2. В дальнейшем они будут использованы для исследования природно-климатических факторов, оказавших влияние на формирование культурных отложений памятника.

*Научные руководители: д-р ист. наук, проф. Л.Н. Ермоленко,
д-р биол. наук, проф. А.В. Заушинцева*

Список литературы

Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях поселения Автодром-2 в Венгеровском районе Новосибирской области в 2010 году. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2010. – С. 202.

Молодин В.И. и др. Поселение Автодром-2 – к вопросу о стратиграфии и культурной принадлежности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 423–427.

Методы наук о Земле и Человеке в археологических исследованиях. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 420.

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОСТЯНЫХ ПРОКОЛОК С КРАСНОЯРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ЮЖНО-ТАЕЖНОЕ ПРИИРТЫШЬЕ)

По мнению специалистов, в косторезном деле населения Западной Сибири прослеживается традиционность и преемственность с древности до этнографического времени (Корякова, 1988: 151; Бородовский, 1997: 3). Это касается не только использовавшихся технологических приемов, но и видов исходного сырья, в частности метакарпальных костей, из которых, как принято считать, изготавливались проколки различного назначения. Хронологический диапазон их использования чрезвычайно широк (Молодин, 1985: 51, 104, 166). Благодаря подходящей природной форме костей, они практически не нуждались в доработке. При нанесении подобных находок на планы раскопов в полевых условиях, как и на этапе последующей камеральной обработки, они обычно интерпретируются археологами как орудия труда без какого-либо дополнительного обоснования. Между тем, опыт трасологического изучения таких предметов показывает, что многие из них вообще не имеют следов доработки или сработанности, а те, что в действительности служили орудиями, различались по назначению. Так, исследование костяных орудий с неолитического поселения Мешоко, проведенное Г.Н. Поплевко, показало различие в микроследах на предметах, традиционно определяемых как проколки, и продемонстрировало, что они могли использоваться разным образом и с разными материалами (Поплевко, 2007: 260–269).

Нами было проведено трасологическое исследование коллекции, полученной на Красноярском археологическом комплексе (далее – КрАК), расположенном в Усть-Ишимском районе Омской области (раскопки Е.М. Данченко). Она состоит из 115 предметов, визуально определяемых как проколки. Задачами исследования были:

1. Определение видовой принадлежности костей, используемых в качестве сырья.
2. Выявление следов их возможной доработки.
3. Обнаружение следов использования, если таковые имеются.
4. Определение, по возможности, функционального назначения исследуемых предметов.

В работе использовался стереоскопический микроскоп МС 1 с 10-кратным увеличением. Определение видовой принадлежности костей, как исходного сырья, было проведено палеозоологом А.А. Бондаревым, которому автор выражает большую признательность. В коллекции предварительно было выделено:

1. 78 пястных и плюсневых костей лошади длиной 5,4–15,6 см, шириной 0,15–3,2 см, толщиной 0,1–1,9 см.
2. 12 пястных и плюсневых костей лося длиной 12–19,3 см, шириной 0,1–1,8 см, толщиной 0,15–1 см.
3. 4 экз. верха малой берцовой кости лошади, имеющие длину 4,2–7,8 см и ширину 0,1–2,6 см при толщине 0,1–0,9 см.
4. Две носовые кости лошади: одна длиной 9 см, шириной 0,3–2 см и толщиной 0,2–0,4 см; у другой те же параметры соответственно 12,2 см, 0,3–2 см и 0,3–0,4 см.

Остальные 19 экз. костей неопределенны в силу фрагментарности и плохой сохранности.

В результате микроскопического исследования образцов были получены следующие выводы.

Из 78 плюсневых и пястных костей лошади лишь 12 экз. подвергались доработке острым металлическим предметом для придания будущему орудью требуемых функциональных качеств. Под микроскопом следы сработанности обнаружены на 20 экз. (из них лишь на 7 заметны следы предварительной обработки кости).

Выявлено: 8 проколок для проделывания отверстий в коже, о чем свидетельствует скрученный кончик острия и его интенсивная заполировка (около 3 см); 4 ложила по керамике с более уплощенным рабочим краем, ровной плоской заполированной поверхностью и от-

четливыми микроследами, сформировавшимися, вероятно, при работе с гладким, слабоабразивным материалом, например стенкой подсушенного глиняного сосуда.

Выявлены полифункциональные орудия с микроследами, свойственными как проколам, так и ложилам (4 экз.).

Отдельно отметим предметы, имеющие специфически оформленный рабочий край: ближе к их острию делались подрезы, чтобы выделить утолщенный кончик. Окончание таких орудий сглажено и, в отличие от проколов, имеет менее интенсивную заполировку, что, возможно, связано с использованием их в качестве орнаментов (4 экз.).

На 4 изделиях из пястных и плюсневых костей лося видны следы предварительной обработки в виде подрезания. Все 12 предметов являлись орудиями труда, 5 из них, вероятно, были полифункциональными. Так, при заполировке всей поверхности и особенно острия на выпуклой стороне орудий имелись параллельные друг другу линейные следы, что указывает на возможность их использования и в качестве проколов, и как ложила по керамике. Нельзя исключить, что эти изделия также могли служить кочедыками для плетения циновки и сетей, так как форма кости изначально удобна для крепления нити. При этом на одном изделии есть специально просверленное отверстие.

Из 4 экз. верха малой берцовой кости лошади следы подрезания металлическим предметом заметны на одном экземпляре. При увеличении под микроскопом, на всей поверхности костей видна слабая заполировка, однако уверенно идентифицировать их как орудия труда на данный момент не представляется возможным.

На одной носовой кости лошади почти не сохранилась надкостница, на второй видна заполировка, характерная для проколов.

Остальные 19 экз. костей маловыразительны в силу плохой сохранности.

Подводя итог, отметим, что следы предварительной обработки на исследованных костяных предметах с КрАК встречаются редко. По всей видимости, это объясняется тем, что носовые, пястные и плюсневые кости животных, использовавшиеся древним населением в качестве исходного сырья, по своей изначальной форме были вполне пригодны к работе.

Из 115 экземпляров коллекции КрАК лишь в 33 случаях удалось обнаружить следы использования в качестве проколов, ложилок, кочедыков, орнаментов, причем было установлено, что в большинстве своем орудия были полифункциональными.

Наличие ложилок и орнаментов в коллекции проколов КрАК не удивительно в силу того, что на памятнике представлена выразительная группа сузгунской посуды эпохи поздней бронзы, для которой характерно лощение. Помимо этого, одним из наиболее распространенных видов орнамента на разновременной керамике памятника является ямочно-жемчужный, для нанесения которого могли использоваться костяные орнаменты (Поплевко, 2007: 268).

Проведенное трасологическое исследование позволило установить, что большая часть полифункциональных орудий использовались для работы с разными материалами.

Полученные результаты, которые носят предварительный характер и не являются окончательными, тем не менее, подтверждают необходимость привлечения естественнонаучных методов для обработки археологических коллекций.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Е.М. Данченко

Список литературы

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 224 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск, 1988. – 240 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск : Наука, 1985. – 200 с.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. – СПб., 2007. – 388 с.

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОДЕЗИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

Одной из наиболее интересных и актуальных на сегодняшний день задач является задача информатизации и научно-технической автоматизации археологических полевых и камеральных работ.

Основной целью является автоматизация археологических работ путем привлечения современных геодезических методов в традиционные археологические изыскания. Подобный симбиоз позволит получить качественно новый, емкий и простой в использовании информационный продукт, который может обеспечить оперативный сбор, обработку, предоставление и хранение пространственной информации об объектах исследования, получаемой в ходе археологических работ.

Для определения трехмерных координат находок в раскопе использовался комплекс в виде комплекта геодезического оборудования (электронный тахеометр SOKKIA 330R), а также программный пакет SOKKIA_Link для последующей математической обработки результатов измерений. Для составления специализированных археологических планов был использован программный пакет Credo_Топоплан, применяемый в области инженерно-геодезических изысканий для создания цифровой модели местности и выпуска чертежей топографических планов.

В ходе исследования нами была составлена программа полевых работ, проведено послойное координирование разбивочной сетки раскопа, а также самих находок, разработана система археологических условных знаков в классификаторах программного пакета Credo_Топоплан, внедрена система полевого кодирования для археологических исследований, составлена цифровая модель местности с использованием археологических условных знаков в Credo_Топоплан, а также специализированные археологические планы.

Остановимся подробнее на термине «полевое кодирование». В общем смысле это способ сообщить программе обработки собранных данных, к какому типу объектов относится отснятая точка (т.е. вместе с пространственной информацией указать и семантическую), и в соответствии с этим выполнить какую-либо операцию. Применительно к нашему алгоритму работ полевое кодирование позволяет при импорте данных в графическую программу автоматически расставлять условные знаки, соответствующие какому-либо закодированному артефакту, что значительно сокращает время, затрачиваемое на обработку пространственной информации, а также исключает возможные личные ошибки.

Среди прочих достоинств современных геодезических методов также отметим то, что они позволяют точно фиксировать положение раскопа в принятой системе координат и однозначно его определять на местности при проведении повторных работ. Это также относится и к реперу памятника.

Отдельные этапы данного алгоритма были апробированы в рамках охранно-спасательных археологических исследований (раскопок) на памятнике Назимова-1 на территории строительства объекта «Мостовой переход на о. Русский через пролив Босфор Восточный в г. Владивостоке», расположенном на полуострове Назимова во Владивостокском городском округе.

Археология палеолита-мезолита

А.С. Антипов

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ОТЛОЖЕНИЙ НЬЯПАНСКОЙ СТАДИИ САРТАНСКОГО ОЛЕДЕНЕНИЯ ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)*

На протяжении трех последних десятилетий внимание определенного круга исследователей палеолита Сибири сосредоточено на многослойных геоархеологических объектах Горного Алтая. Комплексное исследование памятников на территории северо-западной части этого региона позволяет проследить развитие культурных традиций на значительном хронологическом отрезке (Деревянко, Шуньков и др., 2003). Примером указанных объектов является стратифицированный памятник – пещера Каминная, рыхлые отложения которого вмещают археологические материалы от верхнего палеолита до этнографической современности (Деревянко, Маркин, 1998). Материальные остатки, полученные из плейстоценовой толщи заполнения пещеры, не опубликованы в полной мере и требуют дальнейшего изучения.

Пещера Каминная расположена в 28 км юго-западнее пос. Черный Ануй Усть-Канского района Республики Алтай, в долине ручья Пещерского, левого притока р. Каракол, впадающего в р. Ануй. Пещера была открыта в 1982 г. Н.Д. Оводовым и Ю.В. Гричан. В период с 1995 по 2002 гг. плейстоценовые напластования изучались С.В. Маркиным.

На основе сопоставления данных геологических и биостратиграфических исследований с применением методов палеомагнитного и радиоуглеродного датирования было установлено, что самое раннее проявление функционирования человеческого коллектива на территории памятника можно с уверенностью отнести к концу палеолитического времени. Плейстоценовая толща рыхлых отложений, содержащая каменные изделия, была сформирована в условиях холодной климатической обстановки сартанской эпохи (WIII, изотопная стадия 2). Хронологические и палеогеографические параметры накопления плейстоценовой толщи в пещере Каминная соответствуют восьми слоям (14б, 14а, 13, 12, 11г, 11в, 11б, 11а), которые соотносятся с шестью (за исключением первой – гыданской) стадиями сартанского оледенения и находятся в хронологическом диапазоне 14550 ± 230 (слой 14а) – 10310 ± 330 (слой 11а). Для четырех стратиграфических подразделений (14а, 13, 12, 11г) на основе палинологических исследований (Деревянко, Болиховская и др., 1999), изучения фаунистических остатков (Деревянко, Маркин, 1998) и сохранности грубообломочного материала реконструируются умеренно-холодные климатические условия с преобладанием открытых ландшафтов. Данное обстоятельство, а также серия радиоуглеродных дат, полученных для слоев 14а – 11г, относят время их формирования к ньяпанской стадии сартанской эпохи.

Слои 14а – 11г исследовались на площади около 25 м². Археологический материал залегал в близких по цвету, но отличающихся по структуре суглинках, демонстрирующих неодинаковую долю присутствия и различную степень сохранности грубообломочного материала. Состав индустрии в количестве 1844 экз. артефактов объединяет различные категории изделий. Это отщепы – 39,2 % (722 экз.), пластины и пластинки – 2,9 % (54 экз.), микропластинки – 6,0 % (111 экз.), чешуйки – 42,3 % (780 экз.), нуклеусы – 0,43 % (8 экз.), технические сколы – 2,5 % (46 экз.), орудия – 6,7 % (123 экз.).

* Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 12-01-18018.

Несмотря на принадлежность к разным геологическим телам, материал из слоев 14а – 11г демонстрирует сходство способов получения заготовок и приемов оформления орудий. Существующие формы нуклеусов документируют использование параллельных приемов обработки сырья с использованием принципов плоскостного и объемного расщепления. Так, большая часть ядрищ (6 экз.) принадлежит к параллельным одно- и двухплощадочным вариантам с расположением рабочих сторон на плоскостях изделий. Два изделия представлены параллельными одноплощадочными формами с рабочей поверхностью, помещенной на торец остаточного продукта. На преобладание параллельной технологии при раскалывании сырья также указывает характер технических сколов, часть из которых представлена сколами оживления рабочих плоскостей ядрищ и реберчатыми пластинами. Микропластинчатые технологии представлены сколами оживления площадки микронуклеуса и его рабочей поверхности. Последняя разновидность технических снятий имеет вид крутоизогнутых естественно заостренных пластин.

Метрические показатели сколов без обработки документируют преобладание отщепов с укороченными пропорциями. Огранка сколов преимущественно гладкая или параллельная. Остатки ударных площадок гладкие, реже галечные и двугранные симметричные. Пластинчатые снятия представлены двух- и трехгранными пластинами, значительная доля которых не имеет строго параллельных краев.

Вторичная обработка представлена преимущественно ретушью, как правило, чешуйчатой, краевой, однорядной. В ряде случаев отмечена подтеска нижней поверхности концов заготовок. Чаше ретушь дислоцируется на одной из плоскостей заготовки. Случаи бифасального оформления рабочего края – немногочисленны.

Наиболее представительной категорией орудийной коллекции являются скребки (24 экз.), среди которых преобладают концевые, оформленные на пластине (рис. 1, 10) или удлиненном отщепе (рис. 1, 9) с использованием крутой ламилярной ретуши. Второй по численности категорией изделий являются ретушированные пластины (20 экз.) с обработкой одного или двух краев, нередко с попеременной дислокацией ретуши (рис. 1, 4, 6). Также представительна категория скребел (18 экз.), как правило, однолезвийных, с поперечным (рис. 1, 3), реже диагональным (рис. 1, 5) и продольным расположением рабочего края. Довольно многочисленна группа зубчатых (18 экз.) (рис. 1, 8) и выемчатых (14 экз.) (рис. 1, 11) орудий, ретушированных отщепов (16 экз.). Наряду со скребками, группу ярко выраженных верхнепалеолитических изделий дополняют проколки (4 экз.) (рис. 1, 12), резцы (2 экз.) и долотовидные орудия (3 экз.) (рис. 1, 6), выполненные с использованием подтески рабочего края. Кроме того, в комплексе изделий представлены галечные орудия (3 экз.) и ножи с массивным обушком (2 экз.). Особое своеобразие материалу придает находка плосковыпуклого в сечении бифаса (рис. 1, 1).

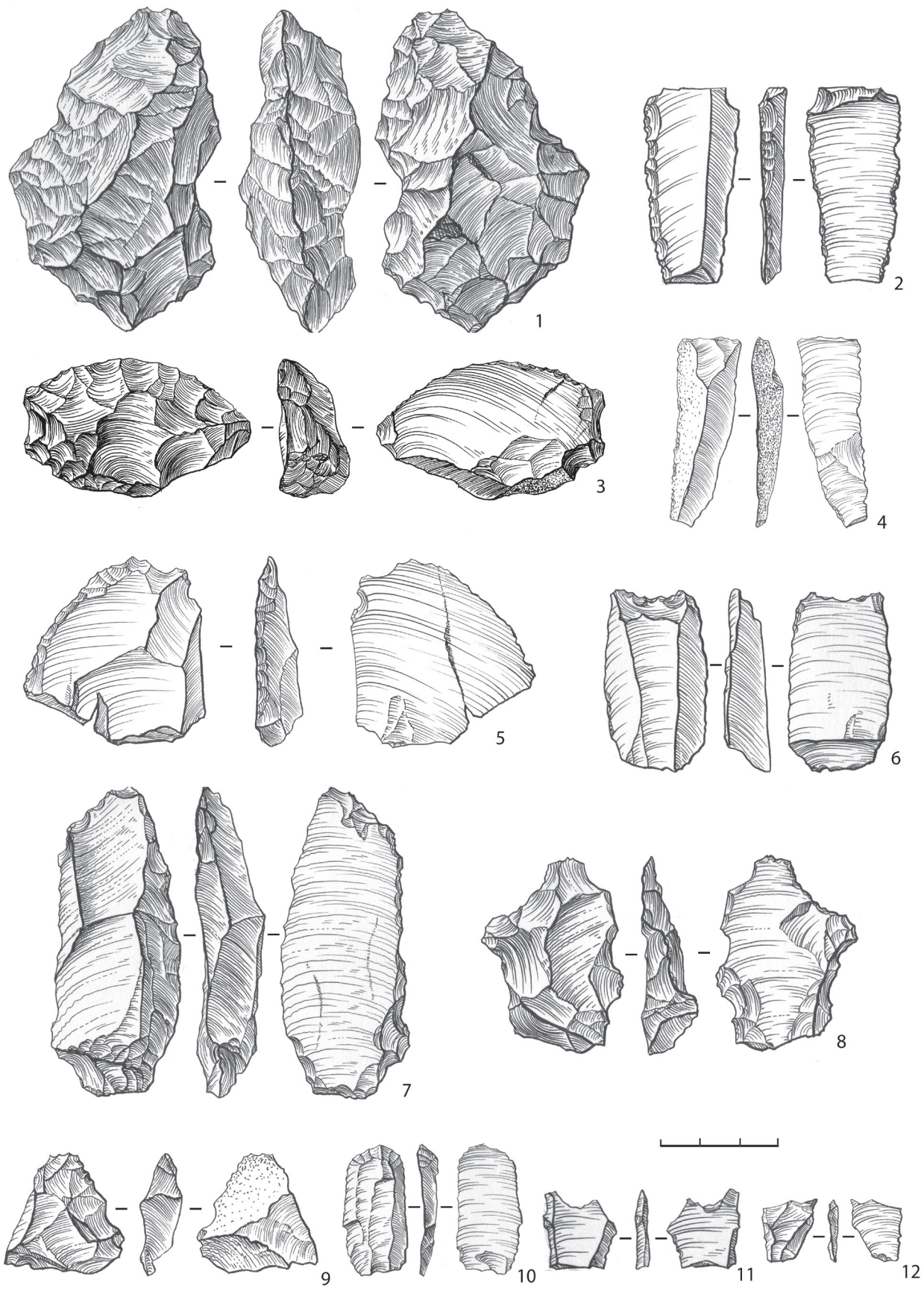

Рис. 1. Археологический материал из слоев 14а – 11г пещеры Каминная

Представленные материалы имеют ближайшие аналогии в способах расщепления сырья и орудийном наборе с индустриями стоянок Денисова пещера (слой 9 центрального зала), Усть-Каракол 1 (слой 2) (Деревянко, Шуньков и др., 2003), пещера Искра (Маркин, Антипов, 2011) и, по всей видимости, отражают одну линию развития палеолитической культуры на завершающем этапе древнекаменного века.

Научный руководитель: д-р ист. наук С.В. Маркин

Список литературы

Деревянко А.П. и др. Некоторые итоги комплексных исследований пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 98–104.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Пещера Каминная: стратиграфия, палеогеография и культура древнего человека эпохи плейстоцена (по материалам работ 1994–1996 гг.) // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 59–81.

Деревянко А.П. и др. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003.

Маркин С.В., Антипов А.С. Пещера Искра – стоянка заключительной стадии верхнего палеолита Северо-Западного Алтая // Вестник НГУ. Сер.: история, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. – С. 81–93.

А.В. Барков

*Новосибирск, Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ СЛЕДОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЯГКИХ КАМЕННЫХ И ОРГАНИЧЕСКИХ ОТБОЙНИКОВ ПО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМ ДАННЫМ

Неотъемлемым элементом каменной индустрии является технология расщепления, которую определяют форма предмета расщепления, последовательность расщепления и техника скола. Главным элементом техники скола выступает тип используемого при расщеплении отбойника (Гирия, 1997: 162–163). «Твердость» или «мягкость» отбойника определяется соотношением твердости отбойника и твердости раскалываемой горной породы (Гирия, 1997: 70).

В литературе выделен ряд критериев, отличающих мягкий каменный отбойник от рогового отбойника.

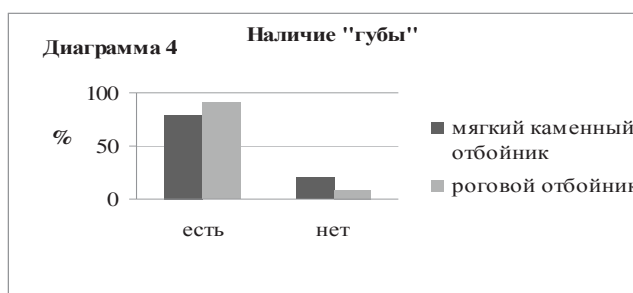
К признакам, характеризующим сколы, полученные при использовании мягкого каменного отбойника, относят:

- Большой, чем при использовании твердого каменного отбойника, диаметр кольцевой микротрещины (Поплевко, 2007: 51).
- Преобладание на сколах плоских ударных бугорков (Гирия, 2010: 95).
- К признакам сколов, полученных при использовании рогового отбойника, относят следующие характерные следы:
 - Наличие «губы» на крае ударной площадки с вентральной стороны.
 - Плоский или слабовыпуклый ударный бугорок.
 - Отсутствие или слабая выраженность изъянца на ударном бугорке (Поплевко, 2007: 52).

Однако необходимо учитывать, что данные эксперименты проводились с высококачественным кремневым сырьем (Гирия, 2010: 88–113). Цель данной работы – проверка возможности использования приведенных выше признаков применительно к енисейскому сырью, которое отличается худшим, по сравнению с кремнем, качеством.

Сырьем для эксперимента служили мелкогаллуник и крупногалечник руслового аллювия р. Енисей. В отобранных для расщепления образцах преобладают осадочные породы – кремнённые аргиллиты и тонкообломочные алевролиты со слабовыраженной или очень тонкой слоистостью, кремнённые песчаники и алевролиты с заметной зернистостью, помимо осадочных использовались микро- и мелкокристаллические породы (определение Ю.М. Махлаевой). Скалывание пластин осуществлялось прямым ударом посредством мягких каменных (песчаник) и роговых (рог лося) отбойников (экспериментальная коллекция получена В.М. Харевичем).

Было проанализировано 70 пластин, полученных мягким каменным отбойником, и 107 пластин, сколотых посредством рогового отбойника. В обеих группах экспериментальных пластин использовались идентичные способы подготовки площадки и зоны расщепления (диаграмма 1, диаграмма 2).

Анализ экспериментальных пластин проводился по методике, предложенной Е.Ю. Гирей (Гиря, 1997: 163), с учетом двух признаков:

1. Наличие или отсутствие так называемой «губы» на ударной площадке с вентральной стороны скола, которую некоторые исследователи считают признаком использования рогового отбойника (Поплевко, 2007: 52).

2. Характеристика начала плоскости расщепления. Сколы подразделялись: на имеющие выпукло-коническое (ВК), средне-коническое (СК) и плоско-коническое (СК) начало скалывающей.

Автором методики отмечается, что комплексный анализ перечисленных признаков позволяет определить характер прилагаемого усилия и жесткость материала орудия расщепления (твердый – мягкий) (Гиря, 1997: 163)

Анализ коллекции пластинчатых заготовок показал следующие результаты. Показатели начала плоскости расщепления демонстрируют сходные значения (диаграмма 3). Больше 60 % пластин обеих групп имеет плоско-коническое (ПК) начало скалывающей, остальные пластины характеризуются средне-коническим (СК) началом. Случаи выпукло-конического (ВК) начала скалывающей единичны. Наличие «губы» отмечено у подавляющего большинства пластин обеих групп (диаграмма 4) и составляет более 80 %. Доля пластин, полученных мягким каменным отбойником и имеющих «губу» больше, чем доля пластин с «губой», полученных роговым отбойником.

Таким образом, анализ экспериментальных изделий показал, что критерии, выделенные Е.Ю. Гирей и Г.Н. Поплевко для кремневого сырья, неприменимы для сколов, полученных из енисейского галечника. На данный момент мы не можем определить признаки, характерные для сколов полученных разными типами мягких отбойников.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Л.В. Лбова

Список литературы

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий // Методика микро-, макроанализа древних орудий труда. – СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 1997.

Гиря Е.Ю. Открытие олдована на юге России в свете экспериментально-трасологического метода // Исследования первобытной археологии Евразии. – Махачкала, 2010. – С. 88–113.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. – СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 2007.

Н.Е. Белоусова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

РАННЕВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ КАРА-БОМ: ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В контексте исследования древних технологий каменного производства эпохи раннего верхнего палеолита на территории Горного Алтая особенное внимание заслуживают материалы многослойного палеолитического комплекса открытого типа Кара-Бом (уровни обитания 1–6), расположенного в Еловской котловине, входящей в систему межгорных депрессий Центрального Алтая. Памятник был открыт в 1980 г. разведочным отрядом Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Археологические остатки лежали в пачке рыхлых отложений, прислоненных к вертикальной скальной стене, сложенной ступенеобразными уступами. Наклон поверхности делювиально-пролювиального шлейфа отложений был значителен и достигал 15–20° (Археология и палеоэкология..., 1990: 134). Исследования 1980 г., носившие рекогносцировочный харак-

тер, были направлены в основном на выявление специфики памятника и установление стратиграфии его культурных отложений (Окладников, 1983). Анализ полученных профилей позволил исследователям сделать вывод о сильном влиянии пролювиальных процессов на формирование отложений памятника. Работы были возобновлены в 1987 г. Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции и велись с небольшим перерывом до 1993 г. В 1992–1993 гг. был исследован участок стоянки, получивший наименование «раскоп 4». До исследования данного участка признавались либо единство каменной индустрии ранее вскрытого участка памятника (Деревянко, Петрин, 1988: 9), либо её смешанный характер, но результаты исследований 1992–1993 гг. заставили исследователей по-новому взглянуть на ситуацию на памятнике. На площади раскопа 4, непосредственно примыкающего к раскопу 1, была выявлена стратиграфическая последовательность шести культурных горизонтов эпохи верхнего палеолита (уровни обитания 1–6) и двух слоев, относящихся к среднему палеолиту (мустьерские горизонты 1 и 2) (Деревянко, Николаев, Петрин, 1993; Деревянко и др., 1998).

Целью настоящего исследования являлась верификация принятой схемы членения верхнепалеолитических культурных отложений стратифицированной части памятника (кв. Е-И\2-9) посредством анализа планиграфического контекста залегания археологических материалов. В рамках исследования планиграфического контекста были поставлены следующие задачи: во-первых, проверка наличия разновременных уровней обитания, выделенных в процессе раскопок, во-вторых, выделение внутри отложений стоянок устойчивых уровней залегания находок, характеризующихся дискретным характером накопления, в-третьих, выявление признаков залегания находок “in situ” или признаков их перемещения, в-четвертых, выявление факторов перераспределения каменных артефактов по древней поверхности до захоронения, а также факторов постдепозиционного перераспределения артефактов в отложениях стоянки, в-пятых, восстановление достоверной картины палеорельефа памятника.

Все планиграфические наблюдения производились посредством выявления и анализа взаимосвязей между отдельными каменными артефактами. В данном случае термины «взаимосвязь» или просто «связь» подразумевают под собой принадлежность двух каменных артефактов к расщеплению одной отдельности сырья. Выявление связей между отдельными артефактами осуществлялось тремя способами: выявление аппликативных связей между изделиями, выявление связей между фрагментами одного изделия и выявление связей между изделиями на основе их отнесения к продуктам расщепления одной отдельности сырья. Первые два способа выявления планиграфических «связей» основаны на методе ремонтажа, поэтому позволяют однозначно установить взаимосвязь между артефактами. Третий способ – объединение каменных артефактов в группы по отдельностям – основан на визуальном анализе специфических характеристик каменного сырья, использовавшегося для расщепления обитателями стоянки: характер текстурного рисунка (наличие или отсутствие флюидальности и её характер, характер вторичных образований в кислых эффузивах, зернистость породы, наличие или отсутствие порфировых вкрапленников и их размер, наличие включений иного состава – жилок, пятен, изменений и т.п.), цвет породы (тон основной массы эффузивной породы, вариации цвета в отдельных элементах текстурного узора и др.), характер галечной или исходной негалечной поверхности. Исходным сырьем на стоянке Кара-Бом служил местный галечный материал и довольно часто неокатанные обломки породы (также местного происхождения). Расщеплению подвергались в основном афировые эффузивы, при этом очень высокого качества (Кулик, Шуньков, Петрин, 2003).

Объединение каменных артефактов в группы по отдельностям на основе ремонтажа и анализа петрографических свойств сырья, позволив создать десятки групп «связанных» между собой артефактов, дало возможность проследить постдепозиционную историю пе-

рераспределения артефактов в рыхлых отложениях стоянки и по-новому оценить их размещение в пространстве «культурных слоев».

Исследование планиграфического контекста залегания каменных индустрий шести ранневерхнепалеолитических уровней обитания стоянки Кара-Бом позволило скорректировать принятую схему членения культурных отложений стратифицированной части комплекса и выявить внутри отложений два устойчивых уровня залегания находок – верхнепалеолитический горизонт 1 (ВП1) и верхнепалеолитический горизонт 2 (ВП2). Анализ планиграфических связей показал, что каменные артефакты, ранее соотносимые с уровнями обитания 1, 2 и 3, могут в основной массе рассматриваться как единый горизонт ВП1, находки из уровней обитания 5 и 6 – как единый горизонт ВП2. В качестве уровня обитания 4 в процессе раскопок были восприняты находки, залегающие в промежуточном пространстве между горизонтами ВП1 и ВП2. При этом соотношение того или иного артефакта с горизонтом ВП1 или ВП2 должно производиться в индивидуальном порядке для каждого артефакта с учетом его координат. Активное воздействие склоновых процессов, а также водных потоков различного генезиса (Дервянко и др., 1998: 5) на отложения более позднего ВП1 привело к его нарушению и значительному смещению культурных остатков вниз по склону (угол наклона поверхности распределения находок составляет около 25°). Отложения горизонта ВП2, залегающего субгоризонтально, подверглись минимальному смещению вдоль склона (угол наклона поверхности распределения находок составляет от 5 до 10°). Стерильная прослойка между горизонтами выклинивается вниз по склону, в результате чего культурные отложения двух горизонтов непосредственно контактируют на небольшом участке.

Выводы, полученные в результате настоящего исследования, являются основанием для дополнительного детального анализа ранневерхнепалеолитических каменных индустрий стоянки Кара-Бом уже в свете новой схемы членения культурных отложений.

Научный руководитель: д-р ист. наук, доц. М.В. Шуньков

Список литературы

Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая: Путеводитель международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)». – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1990.

Дервянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Датирование физическими методами отложений палеолитической стоянки Кара-Бом // Алтаика. – 1993. – № 93. – С. 3–8.

Дервянко А.П., Петрин В.Т. Пространственный и временной аспект существования комплексов типа Кара-Бом // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового века Южной Сибири. – Барнаул, 1988. – С. 8–11.

Дервянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998.

Кулик Н.А., Шуньков М.В., Петрин В.Т. Результаты петрографического анализа палеолитических индустрий Центрального Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2003. – Т. 9, ч. I. – С. 154–159.

Окладников А.П. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 года) // Палеолит Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 5–20.

К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕ МЕЗОЛИТА*

На протяжении столетия, со времени выделения мезолита как этапа в периодизации каменного века, археологами неоднократно делались попытки выделить критерии, отличающие мезолит от предшествующей эпохи. Одним из таких критериев могут служить различия в изобразительных традициях искусства палеолита и мезолита.

Актуальность отдельного исследования искусства эпохи мезолита определяется в первую очередь тем, что художественная деятельность является своеобразным транслятором, отражателем особенностей хозяйственного уклада, производства, социальных отношений, культурных связей населения. Изучение предметов искусства этого времени позволит решить не только вопросы его развития как части культуры древнего человека, но и откроет новые основания для характеристики мезолита в целом.

По мнению Л. Бинфорда, одним из отличий мезолита от верхнего палеолита является «культурная деградация» (Czarnik, 1976: 61). Однако ряд европейских и отечественных ученых не поддержали данный тезис. Г. Кларк, А. Леруа-Гуран приводят свидетельства «деградации» в верхнем палеолите (Czarnik, 1976: 63–64) на примере гравированных и окрашенных галек Азильской культуры (9–8 тыс. л.н., юго-западная Франция, северная Испания). Впервые найдены Э. Пьетом при раскопках в пещере Мас д'Азиль в 1891 г. Было обнаружено более двухсот галек украшенных простым мотивом, состоящим из точек и линий, очень стилизованных изображений деревьев, змей и растений, выполненных красной охрой (Jones, 1990: 79).

По мнению ученых, эта форма художественной деятельности не является новой формой, ничем не связанной с предыдущей эпохой. По замечанию Г. Кларка, в искусстве западно-европейского верхнего палеолита отмечается «тенденция от натурализма к условности» (Clark, 1936: 178). А. Леруа-Гуран в одной из своих работ приводит датировки, относящиеся к более поздним фазам Мадленской культуры, некоторых гравированных галек со схематичными, едва идентифицируемыми фигурками животных (15–10 тыс. л.н.) (Leroi-Gourhan, 1968: 61). П.П. Ефименко отмечал потерю навыков обработки рога и кости, «которые начались уже в конце Мадленской эпохи» (Ефименко, 1953: 623).

Для верхнего палеолита Сибири характерны орнаментированные предметы и мелкая пластика. Украшения (просверленные зубы животных или раковины моллюсков), антропоморфные скульптуры, орнитоморфные, зооморфные изображения из камня, кости и бивня мамонта, фрагменты кости и бивня с гравированными рисунками известны из материалов местонахождений Мальта, Красный Яр, Афонтова Гора, Кокорево-1 и 6, Усть-Кова, Студеное, Буреть, Лиственка, Майнинская стоянка, Стрижовая Гора и др. Стоит отметить, что в мезолитических горизонтах Усть-Ковы, Стрижовой Горы подобных предметов обнаружено не было.

Применительно к археологии Сибири о существовании преемственности между палеолитом и мезолитом могут свидетельствовать «артефакты знаково-символической деятельности» из графита с местонахождений Нижнего Витима. На данной территории существовала «длительная традиция эксплуатации графита в качестве источника краски и поделочного материала для украшений» на границе плейстоцена и голоцена (Федоров: 77).

Орнаментированные изделия и украшения из материалов мезолитических местонахождений единичны и встречаются редко (Усть-Шилка, Казачка I, Усть-Хайта, Усть-Белая

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0995 «Генезис изобразительных традиций в древнем искусстве Сибири и сопредельных территорий (междисциплинарные исследования археологических материалов)».

и др.). В мезолитических горизонтах Усть-Белой найдены подвески из агальматолита, плоские шлифованные бусы из перламутра, целые экземпляры, обломки и заготовки из створок раковины-перловницы (Деревянко, 1986).

Подобные предметы искусства, датированные мезолитом, представлены в основном единичными экземплярами. Исключение может представлять собой пещерное святилище на камне Дыроватом (р. Чусовая, Урал), мезолитический комплекс которого содержит около 3800 костяных и 70 каменных наконечников стрел, из них на 481 костяном наконечнике присутствует орнамент в виде геометрических узоров, на многих наконечниках в орнамент втерта охра. По мнению Ю.Б. Серикова, «орнамент на наконечниках стрел – это не только и даже не столько их украшение, сколько зашифрованные мифологемы» (Сериков, 2003). Также на данном святилище был найден вкладышевый наконечник с двумя выгравированными антропоморфными фигурками.

Помимо мелкой пластики и орнаментированных предметов так же, как и для палеолита, для мезолита выделяется и третий вид – монументальное искусство (наскальные изображения). В настоящее время можно с относительной достоверностью говорить лишь о пяти мезолитических памятниках наскального искусства: Каменная Могила на Украине, Кобыстан в Азербайджане, Зараут-Сай в Узбекистане, Шахты в Таджикистане и Бхимпетка в Индии (Шер, 2009).

Для искусства мезолита, в отличие от верхнего палеолита, когда пещерная живопись выполнена несколькими цветами и передаются анатомические особенности животных, т.е. создается ощущение «оживших» изображений, характерна однообразность, схематичность, отсутствие реалистичности и использование преимущественно красного цвета. Палеолитические рисунки в основном выполнены в пещерах. Люди мезолита выбирали отвесные скалы или «стены» из натурального камня, часто полузакрытые выходы или выступы.

Для территории Сибири и Урала выделение как палеолитических, так и мезолитических наскальных изображений является трудной задачей. К наскальным изображениям верхнего палеолита относят рисунки в Каповой и Игнатьевской пещерах на Урале (Широков, 1998). Дискуссионным является вопрос о датировании петроглифов у Калгутинского рудника (Алтай) и петроглифов Забайкалья (Кубарев, 1999; Мазин, 1985, 1986). А.И. Мазин в начале 1980-х годов выделил петроглифы эпохи палеолита и мезолита на памятнике Бырка (Восточное Забайкалье), а также рисунки, датируемые поздним плейстоценом и ранним голоценом – петроглифы Бутихи и Средне-Шайкино. По материалам жертвенника и радиоуглеродному анализу изображения были датированы в пределах 10,8–7,0 тыс. л.н. (Мазин, 1985, 1986). По мнению А.А. Формозова, М.В. Константинова датирование памятника Бырка эпохой палеолита невозможно (Малая энциклопедия Забайкалья. Археология, 2011).

Несмотря на малую изученность искусства мезолита и мезолитических местонахождений в целом, эта проблема остается интересной и важной для решения вопроса о статусе мезолита как этапа в периодизации каменного века и требует дальнейшего детального изучения. В настоящее время говорить о преемственности палеолитической художественной традиции людьми мезолита или о ее деградации, по мнению автора, не представляется возможным, ввиду слабой изученности мезолитических местонахождений в Сибири.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Л.В. Лбова

Список литературы

- Деревянко А.П. Ожившие древности: Рассказы археолога. – М. : Молодая гвардия, 1986.
- Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. – Киев : Изд-во АН УССР.
- Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – № 4. – С. 186–201.

Мазин А.И. Палеолитические наскальные рисунки Восточного Забайкалья (предварительная публикация) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1985. – С. 216.

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1986. – С. 260.

Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск : Наука, 2011.

Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Изд-во «Аква-Пресс», 2003. – С. 73–82.

Федоров А.М. Артефакты в знаково-символической сфере деятельности в материалах археологических комплексов финала плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2012. – С. 75–77.

Шер Я.А. Мезолит. Первобытное искусство: виртуальный музей. – 2009. – URL: <http://vm.kemsu.ru/rus/mezolith> (дата обращения: 01.01.2013).

Широков В.Н. Верхнепалеолитические изобразительные ансамбли Каповой и Игнatieвской пещер на Южном Урале // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург, 1998.

Jones M., Craddock P., Barker N. Fake?: The Art of Deception. The Trustees of the British Museum. – 1990.

Clark J. G. D. The Mesolithic Settlement of Northern Europe. – Cambridge: The University Press, 1936.

Czarnik S.A. The theory of the Mesolithic in European archaeology // American Philosophical Society. Vol. 120, No 1. 1976. – P. 59–66. – URL: <http://www.jstor.org/pss/986352> (дата обращения: 18.11.2010).

Leroi-Gourhan A. The evolution of Paleolithic cave art // Scientific American. – 1968. – N 218. – P. 59–70.

Ю.А. Вандышева

*Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

КРАСКИ И ИХ ПОЛУЧЕНИЕ В ДРЕВНОСТИ

Уже в раннем палеолите известны довольно многочисленные случаи использования красной краски – охры (Беднарик, 2009: 36–37). Население, освоившее определенную территорию, знало о выходах красящего вещества, находящихся неподалеку, о его качестве и цвете. Минеральные красители красного цвета были чрезвычайно широко распространены во все эпохи каменного века. Чаще всего использовалась охра. Охристые соединения по цвету бывают самые разнообразные – желтые, оранжевые, красно-коричневые, бурые (Толпеко, 1999: 115). Кроме того использовались краски черного, белого и других цветов (Таиров, Бушмакин, 2001: 69).

В публикациях, посвященных получению и использованию красок, рассматривается два способа приготовления краски. Первый способ: краска получалась при обжиге бурых железняков, затем смешивалась с порошками, полученными при дроблении других железистых соединений (Котов и др., 2004: 66–71; Праслов, 1997: 82). Второй способ можно увидеть на примере материалов Янской палеолитической стоянки – измельчение сырья с последующим вымыванием. Образовавшаяся паста высушивалась и затем смешивалась с животным жиром, который был необходим для придания массе необходимой консистенции. Кроме того, наличие жира имело также и косметическое значение, поскольку в чистом виде краска, как и любая грязь, сушит кожу (Питулько и др., 2012: 40). Сложный состав красок

свидетельствует о специальном их приготовлении. Например, состав охры из Каповой пещеры с учетом микропримесей оказался очень разнообразным. В некоторых случаях с охрой использовался древесный уголь. Также разнообразен и цвет красок. Применялись краски от алой до темно-красной и темно-коричневой, почти черной. Разнообразие красок, возможно, имеет хронологическое значение. (Котов В.Г. и др., 2004: 66–71).

Следует также отметить, что краска использовалась в сухом виде. Так называемые «карандаши» из магнетита или гематита были найдены как на территории России (поселения Тудозеро V, Ташково II, Шайтанское озеро I), так и на памятниках других территорий (в частности на многочисленных стоянках в Африке). Хорошо известны они и на территории Урала. «Карандаши» из охры или магнетита найдены на многих памятниках культового характера: в Каповой пещере, пещере Туристов, Кумышанской пещере, Шайтанском озере I и II, Шайтанском Шихане. Исследователи считают, что они могли использоваться в качестве мелков, для нанесения рисунков на какую-либо поверхность, в том числе на кожу (татуировки). Кроме того «карандашами» могли натирать готовые сосуды. Несколько фрагментов таких сосудов найдено при раскопках Усть-Вагильского холма (Панина, 2008: 137). Кроме того, следы скобления на нескольких экземплярах так называемых «карандашей» позволяют предположить, что таким образом древний человек добывал красящий пигмент. По мнению исследователя стоянки Туинс Риверс (Замбия) Лоуренса Бэрхема, древние люди использовали краску для окрашивания тела, а цвет был символом, по которому они идентифицировали себя и свою группу (Barham, 1996). Куски гематита и другие предметы из красной породы, положенные в могилы, Н.Ю. Кунгурова считает «символом перерождения и тепла, знаком для возвращения души в мир живых» (Кунгурова, 2005: 33).

Помимо красной краски в древности использовалась и черная краска. Приготовить ее было гораздо проще. Черной краской могли служить древесные угли или пережженная кость, которую так же, как и охру, смешивали с жиром. На примере стоянок в Костенках, а также судя по анализам из пещеры Ляско, наряду с углем использовались и окислы марганца, которые, по-видимому, также встречались довольно часто (Праслов, 1997: 83).

Использовались в древности и другие красители. Наиболее детальный анализ красок, используемых в погребальных обрядах раннего железного века Южного Урала и Северного Казахстана, представили челябинские археологи А.Д. Таиров и А.Ф. Бушмакин. В погребениях ранних кочевников Южного Урала часто находят порошки, состоящие из различных минералов. Помещались они в мешочках, раковинах или костяных трубках. Цветовая гамма этих порошков разнообразна. Преобладают красные, синие, зеленые и белые порошки. Южно-уральские курганы дали обильные материалы для изучения использования красок. В одном погребении Варненских курганов обнаружена костяная трубочка, с двух сторон заткнутая деревянными пробками. Внутри трубочки находился темно-голубой порошок, полученный из азурита. Такая же трубочка с серо-синим порошком найдена в могильнике Николаевка II. Порошок состоял из смеси белого каолинита и синего азурита. В одном из погребений могильника Яковлевский обнаружены четыре раковины, заполненные разными порошками: ярко-красным, ярко-зеленым, ярко-оранжевым и ярко-синим. Еще одна трубочка с ярко-синим порошком зафиксирована в могильнике Графские развалины. Причем в нее было вставлено костяное острие с резной рукоятью. В могильнике Четыре Мара сохранились два кожаных мешочка с белой и желтой глиной (Таиров, Бушмакин, 2001: 67–70).

Как указывают исследователи, краски использовались для разных целей. В частности, краску использовали в погребальном обряде. Чаще всего это связывают с развитием сложных представлений о загробной жизни. Интересной кажется точка зрения В.В. Питулько о том, что нанесение охры на тело и использование ее в погребальных обрядах носило чисто практическую значимость. Согласно традиционной точке зрения, раскраска защищала от злых духов, внушала ужас врагу, спасала в бою от вредоносной магии противника. Она была нередко родовым знаком, позволявшим отличить своих от чужих (Таиров, Бушмакин, 2001: 73). По мнению В.В. Питулько, охра являлась древнейшим репеллентом. Кроме того,

нанесение краски на лицо и тело могло быть полезным и в темное время суток, поскольку красный цвет в это время не виден. Такая практика могла быть перенесена и на погребальные процедуры, как стремление сохранить своих мертвых (Питулько и др., 2012: 47).

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Н.Б. Сериков

Список литературы

Васильева Н.Б. и др. Использование охры на поселении Тудозеро V // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Т. 11. – Сыктывкар, 2008. – С. 126–132.

Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю. Методика нанесения и состав красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. – Уфа, 2004. – С. 65–71.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД, 2005.

Панина С.Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005-2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008. – С. 137–146.

Питулько В.В., Павлова Е. Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Символическая деятельность верхнепалеолитического населения арктической Сибири (бусы и подвески Янской стоянки) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. – М., 2012. – С. 35–52.

Праслов Н.Д. Краски в палеолитическом искусстве // Пещерный палеолит Урала : материалы междунар. конф. – Уфа, 1997. – С. 81–84.

Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. – Уфа, 2001. – С. 168–175.

Толпеко И.В. Охра в жизни древнего населения Западной Сибири // История и философия минералогии : материалы II междунар. минералогич. семинара. – Сыктывкар, 1999. – С. 115.

Barham L. 1996. Communicating with symbols. – URL: <http://humanorigins.si.edu/evidence/behavior/ancient-pigments>.

А.В. Глухов

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

ПРОЦЕСС ОБРАБОТКИ ШКУР И КОЖИ ВРЕМЕН ПАЛЕОЛИТА

Шкура убитого на охоте животного использовалась для многих целей: она согревала, служила постелью в жилище, после удаления шерсти она становилась кожей – ценным материалом для различных хозяйственных и технических нужд. Свежая шкура быстро начала разлагаться, если не принимались срочные меры к её консервации. В данной работе будут описаны этапы и способы обработки шкур животных во времена палеолита.

Свежеснятую шкуру высушивали определенное время. После просушки удаляли мех для получения кожи и для облегчения последующих процедур.

Выявлено несколько способов удаления меха.

- Золение с выщипыванием. Удаление волоса могло осуществляться «намазью», т. е. способом обмазывания раствором золы лицевой стороны шкуры. Смоченные таким раствором волосы легко удалялись выщипыванием. Зола всегда имела в очаге, рядом с очагами человек спал на шкурах, и он рано или поздно должен был обратить внимание на её химические свойства. Зола содержит небольшой процент извести, соду и натриевые соединения, которые обладают способностью ослаблять луковицы волос. Однако после золения шкура твердела, что требовало её дальнейшего размягчения.

- Выжигание. Шкуру держали над сильным огнем. При этом шерсть опалилась почти под корень, и её легко можно было удалить палкой или рукой. Однако под воздействием огня выжженный участок кожи коробился и становился ломким.
- Подрезание. Могло производиться любым орудием с пригодным острым краем. После подрезания на шкуре оставался жесткий подшерсток, при удалении которого на коже были видны следы порезов.
- Вырывание. Пучок волос наматывался на указательный палец и сильным движением руки вырывался. После этого на коже оставался мягкий подшерсток.
- Скобление. Во времена палеолита могло производиться скребком. Его ставили под углом 35–40° к поверхности и двигали в направлении против роста волос. При скоблении такими орудиями задевался наружный слой кожи, оголяя внутреннюю поверхность. На некоторых участках оставались пятна с подшерстком.

Выделка начиналась с удаления мездры – слоя подкожной клетчатки, отвердевшей в процессе просушивания шкуры. Вероятно, на самых ранних этапах шкура освобождалась от мездры зубами человека. Позже начали использовать различные отщепы в качестве скребков. Ими работали движениями «на себя». Орудие ставилось на материал почти перпендикулярно. Таким образом, кожа освобождалась от мездры, которая застывала на солнце и при холоде, становилась твердой и мешала использованию. Изначально этот процесс происходил на земле. Шкуру расстилали на ровной поверхности. С появлением орудий в рукоятках и двуручных скребков стали использовать специальные деревянные колоды для улучшения процесса. Это позволило ускорить темп работы, улучшить её качество и замедлить изнашивание орудий, так как при мездрении на земле на шкуру попадала земля и песчинки, что способствовало быстрому затуплению орудий.

Процесс мехового и кожевенного производства во многом зависел от химической обработки. Удаление шерсти, антисептические меры по предотвращению распада эпидермиса и дермы, повышению долговечности кожи, приданию ей влагонепроницаемости и эластичности – все это требовало иных мер обработки. Химическим способом, облегчающим воллосогонку, предшествовало грубое удаление шерсти соскабливанием или выщипыванием волос после обводнения шкуры. Такой способ долго использовался у некоторых отсталых народов, которые применяли его в отношении неценных шкур. Дубление появилось еще позднее. Этнографически и экспериментально установлено, что кожа приобретает достаточную эластичность после мездрения и пропитывания жиром, хотя качество и долговечность продукта невелики. Химическую обработку кожи веществами животного происхождения производили преимущественно на севере, пользуясь печенью и мозгом северного оленя, а также желтком яиц морской птицы. Эти вещества тщательно пережевывались, превращаясь в жидкую кашу, которой тщательно смазывали бахтарму шкуры. После этого шкуру свертывали и оставляли на некоторое время лежать в теплом месте с тем, чтобы образовался процесс брожения. Затем обмазку соскабливали для дальнейшей обработки шкуры. Иногда процедуру с обмазыванием шкуры и брожением повторяли, если с первого раза не был достигнут необходимый результат. Печень, пережеванная в отварном виде, служила для выделки шкур. Замшевую кожу, с которой волос удален, выработывали мозгом. Мелкие шкурки сначала не только выскабливали, но и сшивали перед дублением.

Научный руководитель: к.и.н., доц. А.А.Крупянюк

Список литературы

Семёнов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л. : Наука (Ленинградское отделение), 1968.

Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Мезолит. Энеолит. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1983.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ

В 2011–2012 гг. сотрудниками Музея мамонта Института прикладной экологии Севера Северо-Восточного федерального университета (ИПЭС СВФУ) им. М.К. Аммосова проводилась палеонтологическая экспедиция в Усть-Янский район Республики Саха (Якутия), в 40 км выше пос. Казачий, в местности Муус-Хая (як. Ледяная гора). В археологической литературе данная территория больше известна под объединенным названием Янская стоянка (Сопливая Гора), раскопками которой на протяжении многих лет занимается сотрудник Института истории материальной культуры РАН В.В. Питулько (Питулько, Павлова, 2010). Горы Муус-Хая и Сопливая являют собой находящиеся рядом два визуально обособленных останца, одинаково приуроченные к уровню третьей надпойменной террасы левого берега р. Яна, но расположенные по разные стороны устья протоки Дириг-Аян: Муус-Хая – ниже по течению, Сопливая – выше по течению.

В ходе работ палеонтологической экспедиции было произведено промывание грунта из II надпойменной террасы (?) г. Муус-Хая с использованием сита, в результате чего получена археологическая коллекция каменных изделий – более 200 предметов. В ноябре 2012 г. сотрудником Музея мамонта Семеном Григорьевым данная коллекция была передана сотруднику Музея археологии и этнографии Николаю Кирьянову для изучения, а также представлена краткая справка о месте и способе ее получения. В настоящее время работа над коллекцией не завершена, но предварительно можно высказать некоторые наблюдения общего порядка:

1. точное стратиграфическое местоположение данных предметов не определено;
2. общий облик и характер обработки изделий, а также близость палеолитической стоянки «Янская» указывают, преимущественно, на их до-голоценовый возраст;
3. основным исходным материалом для изделий послужили сланцевые породы (кремнистые сланцы, глинистые сланцы);
4. часть изделий покрыты белой патиной, некоторые – заметно заветрены, том числе и в местах сколов и негативов снятия;
5. представленные изделия разнотипны, но в основном представлены категорией слабо-выраженных преформ, или заготовок, различными отходами производства (отщепы, осколки, обломки), а также предметами неясного функционального назначения. Четко оформленные орудия составляют наименьший процент от общего числа;
6. четко выделяется унифасиальный характер обработки изделий, на что уже обращал внимание В.В. Питулько;
7. самым ярким предметом коллекции, по нашему определению, является скребок высокой формы, выполненный на обломке. Размеры: 6,4 см х 5,5 см х 3,9 см (высота). Галечная корка гладкая, с незначительными шероховатостями, сохранилась на тыльной и на верхней частях орудия. Лезвие округлое, с переходом на тыльную сторону, обработано ступенчатой ударной ретушью, а также частично пластинчатыми сколами; кромка лезвия обработана мелкой притупляющей ретушью. На нижней стороне орудия не наблюдается никаких следов намеренных ударов или попыток скола.

По завершению камеральных исследований будет подготовлена итоговая работа, суммирующая все полученные результаты.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. А.Н. Николаев

Список литературы

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. – СПб. : Наука, 2010.

В.А. Коваленко

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

«АТИПИЧНЫЕ» ОРУДИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «ВАРВАРИНА ГОРА» (ЗАБАЙКАЛЬЕ)*

Археологические исследования палеолитического комплекса «Варварина Гора» проводились в 1973, 1974, 1976, 1977 гг. Саянским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ, в 1986 г. А.П. Деревянко и В.Т. Петриным, в 1992–93 и 1999 гг. были проведены экспедиции ИМБГ СО РАН под руководством Л.В. Лбовой.

На территории раскопа было выявлено предполагаемое жилище и обнаружены углубления (ямы-хранилища) с целыми крупными костями носорога, лошади, дзерена. Коллекция артефактов, хранящаяся в фондах ИАЭТ СО РАН, в лаборатории археологии ИГУ, в лаборатории археологии ИМБГ СО РАН, насчитывает 1488 предметов, представленных изделиями первичной обработки (нуклеусы, сколы), орудийными формами: остроконечниками и остриями, ножами, скреблами, скребками, проколками, резцами, зубчатыми и выемчатыми орудиями, комбинированными орудиями, чопперами и чоппингами и т.д. Из орудийного набора коллекции, представленного 327-ю экземплярами, наш интерес вызвали 24 предмета (7 %), обозначенные как «атипичные» орудия. Первоначально эти предметы были названы А.П. Окладниковым «отбойниками» (Окладников, Кириллов, 1980). Ю.В. Гричан предложил другое их условное название – «терочки» (Гричан, 2006).

Рассматриваемые предметы являются гальками со следами использования. Формы их различны: округлые, овальные, цилиндрические. Поверхность рассматриваемых орудий содержит искусственные изменения – истирание, поковку, выбивку, мелкие сколы, разломы. Для описания и анализа группы «атипичного» инвентаря поселения «Варварина Гора» было взято 21 изделие, их классификация предлагается по следующим признакам:

1) вес: 9 изделий относятся к группе достаточно легких орудий (вес меньше 500 г) – 43 %, 12 предметов – свыше 500 г – 57 %, причем, 3 орудия достаточно тяжелы, и их вес более 1000 г (ВГ-76 II-7Д – 1526 г, ВГ-76 I-73 – 1001 г, ВГ-77 II-10Е – 1500 г);

2) характер поперечного сечения: 2 орудия в поперечном сечении представляют собой эллипсоидную форму – ВГ-76 VII, ВГ-76 II-2Ж (9, 5 %); 6 изделий в поперечном сечении имеют подтреугольную форму (28,6 %), остальные предметы имеют трапецевидную форму – 61,9 % от общего количества орудий;

3) наличие кальцитовый корки: 85,7 % орудий покрыто кальцитовой коркой, за исключением одного предмета – ВГ-74 (№ 468), ВГ-76 VII, ВГ-77, с I, кв. – В1;

4) наличие зон поковки: 81 % изделий (17 из 21) имеет поковку, не включая чоппер; 6 из 17 изделий с поковкой имеют по 2 поверхности с её наличием (28 % и 35 % соответственно от общего количества предметов «атипичного» инвентаря); 1 предмет имеет 3 плоскости с поковкой – ВГ-76 II-7Д;

* Работы выполнены при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0995 «Генезис изобразительных традиций в древнем искусстве Сибири и сопредельных территорий (междисциплинарные исследования археологических материалов)».

5) наличие площадок разломов и участков сколов: 11 орудий из 21 имеют площадки разломов и участки сколов (52 %);

6) наличие мелкоточечной выбивки: 90,5 % предметов имеют следы мелкоточечной выбивки на торцах и гранях изделия; 1 предмет полностью на всех поверхностях содержит большое количество следов мелкоточечной выбивки разных размеров (ВГ-77 10-В – 4,8 % от общего количества орудий);

5 находок – представляют собой обломки орудий (24 % от общего числа орудий).

Коллекцию изделий, рассмотренных нами, пополняет чоппер, имеющий на одной из поверхностей поковку, грани с 3-х его сторон сглажены, но сколы просматриваются. На одной из сглаженных поверхностей заметны следы мелкоточечной выбивки. Одна сторона содержит следы забивки, и на близкой к ней сглаженной поверхности замечены мелкие сколы. На галечной поверхности находятся 2 параллельных углубления, напоминающих мелкие сколы или щербины. Данная поверхность чоппера полностью сглажена и содержит следы истирания.

В целом, нужно заметить, что изначально принятая дефиниция «отбойники», несомненно, сужает сферу возможного применения орудий. На многих экземплярах отчетливо просматриваются поверхности истирания со щербинами по центру, причем значительно изменяющими форму гальки, что дало основание назвать эти предметы терочниками. Терочники могут объединять в себе функциональные признаки отбойников, пестов, наковален, молотов, рубящих орудий (Гричан, 2006), но главное, что позволяет относить эти разнообразные по своему функциональному назначению орудия к группе терочников, – это наличие на их поверхности следов истирания. Последнее свидетельствует о некотором сходстве проанализированных нами предметов между собой, и, скорее всего, их можно рассматривать в рамках выдвинутой А.Н. Рогачевым концепции усложненного собирательства на основе изучения материалов, найденных на памятниках Русской равнины. На территории Русской равнины на стоянках Молодова-V, Бабин-I были обнаружены песты-терочники среднего – верхнего палеолита, что позволило исследователям истоки усложненной формы собирательства искать в среднем палеолите. Однако, как нами отмечено выше, большинство описанных предметов «Варвариной Горы», обозначенных как «атипичный» инвентарь и определенных Ю. Гричаном как терочники, имеют поковку, что затрудняет возможность отнесения большинства к орудиям, использовавшимся при усложненном собирательстве.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Л.В. Лбова

Список литературы

Гричан Ю.В. Новые аспекты палеоэкономики в позднелпалеолитических памятниках Забайкалья (по материалам поселения Варварина гора) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск : ИАиЭ СО РАН, 2006.

Лбова Л.В. Палеолит Северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2000.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын-Ам (Монголия). – Новосибирск : Наука, 1981.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск : Наука, 1980.

Рогачев А.Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской Равнине // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. – М. : Наука, 1973.

ОРУДИЙНЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

На территории Алтая наиболее перспективным объектом для изучения культуры и окружающей среды палеолитического человека является Денисова пещера. На протяжении последнего десятилетия археологические исследования проводятся в восточной галерее пещеры. За этот период была накоплена обширная коллекция каменных артефактов, демонстрирующая хронологический срез от среднего палеолита до финала верхнего. Наиболее многочисленные и выразительные материалы, включающие, помимо каменной индустрии, набор костяных орудий и уникальный комплекс предметов символической деятельности, были получены из литологического слоя 11, датированного начальной стадией верхнего палеолита. Слой 11 в восточной галерее подразделяется на четыре горизонта – 11.1–11.4. В связи с этим встает вопрос об однородности каменной индустрии в пределах слоя. В данной работе приводятся результаты одного из этапов решения этой проблемы на основе анализа орудийного набора.

Горизонт 11.4. Коллекция орудий насчитывает 158 экз. (4,9 % от всей индустрии). Скребла являются преобладающим типом орудий (табл. 1). Доминируют продольные однолезвийные формы с прямым или выпуклым рабочим краем, оформляемым как на дорсальной, так и на вентральной стороне заготовки. Далее по количеству следуют диагональные и поперечные формы, преимущественно с выпуклым дорсальным лезвием. Единичными экземплярами представлены конвергентное, угловатое и треугольное скребла. Скребки – концевой и угловой, с дорсальным округлым лезвием. Ножи – преимущественно продольные, единичны поперечный и диагональный варианты; все экземпляры имеют прямое лезвие. Ретушированный остроконечник – удлиненное орудие с дорсальными прямыми лезвиями. Ретушированное острие – пластина с зауженными до острия краями в дистальной части. Пластины с ретушью – практически все изделия фрагментированы; преобладают экземпляры с дорсальной ретушью на продольных краях. Зубчатые орудия – изделия с различными вариантами формы лезвия, преимущественно оформляемого на продольном или дистальном крае. Выемчатые орудия – как правило, с одним ретушированным анкошем, выполненным на продольном или дистальном крае. Шиповидные орудия – изделия с шиповидным выступом, предпочтительно оформляемым при помощи ретуши на дистальном крае или углах заготовки. Усеченные орудия – крупные, зачастую удлиненные сколы с поперечным усечением при помощи отвесной ретуши. Долотовидные орудия – сколы с двусторонней чешуйчатой подтеской, преимущественно на дистальном окончании. Орудия с подтеской – сколы с вентральной, реже дорсальной подтеской дистального или продольного края. Резцы – угловые однофасеточные, реже многофасеточные варианты. Галечное орудие – чопинг на крупной уплощенной гальке. Отщепы с ретушью – сколы различных размеров и пропорций, в том числе фрагменты с короткими участками ретуши. Фрагменты орудий – мелкие обломки орудийных лезвий и значительно фрагментированные изделия с ретушью.

Горизонт 11.3. Орудийный набор включает 139 изделий (2,7 % от общего числа каменных артефактов). Большинство составляют скребла, среди которых треть приходится на продольные однолезвийные формы с дорсальным прямым рабочим краем. Выпуклые и вентральные формы единичны. Далее по количеству следуют поперечные и диагональные формы, преимущественно с прямым дорсальным лезвием. Двумя экземплярами представлены конвергентные скребла, одним – угловатое. Скребки – в большинстве концевые, единичны угловой и угловатый. Практически все изделия имеют округлое дорсальное лезвие. Ножи – продольные и диагональные варианты с прямым лезвием, оформляемым на дорсальной или вентральной стороне заготовки. Тронкированно-фасетированное орудие – усеченный при

помощи отвесной ретуши отщеп с серией мелких удлиненных снятий. Комбинированное орудие – диагональное прямое дорсальное скребло с шиповидным элементом. Остальные типы орудий (табл. 1) имеют незначительные различия с материалами из нижележащего горизонта.

Таблица 1

Денисова пещера. Восточная галерея. Орудийный комплекс из слоя 11

Наименование	11.4		11.3		11.2		11.1	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Скребла	27	17,1	30	21,6	34	24,5	19	43,2
Скребки	2	1,3	7	5	9	6,5	2	4,5
Ножи	6	3,8	11	7,9	11	7,9	3	6,8
Ретушированные остроконечники	1	0,6	4	2,9	-	-	-	-
Ретушированные острья	3	1,9	-	-	3	2,2	1	2,3
Пластины с ретушью	6	3,8	8	5,8	5	3,6	3	6,8
Зубчатые орудия	20	12,7	12	8,6	15	10,8	-	-
Выемчатые орудия	16	10,2	14	10,1	13	9,4	1	2,3
Шиповидные орудия	13	8,2	5	3,6	7	5	-	-
Тронкированно-фасетиро- ванные орудия	-	-	1	0,7	2	1,4	-	-
Усеченные орудия	2	1,3	-	-	1	0,7	1	2,3
Долотовидные орудия	4	2,5	5	3,6	1	0,7	1	2,3
Орудия с подтеской	8	5,1	7	5	1	0,7	2	4,5
Резцы	12	7,6	7	5	4	2,9	2	4,5
Комбинированные орудия	-	-	1	0,7	-	-	-	-
Галечные орудия	1	0,6	-	-	-	-	1	2,3
Отщепы с ретушью	23	14,6	19	13,7	17	12,2	5	11,4
Фрагменты орудий	14	8,7	8	5,8	16	11,5	3	6,8
Всего орудий	158	100	139	100	139	100	44	100

Горизонт 11.2. Орудийный комплекс насчитывает 139 предметов (6,2% от всей индустрии). Скребла – преобладают продольные однолезвийные формы с прямым дорсальным рабочим краем, реже с выпуклым вентральным лезвием. Двумя экземплярами представлены двойные продольные прямые дорсальные скребла. Далее по количеству следуют диагональные и поперечные формы, преимущественно с прямым дорсальным лезвием. Встречаются конвергентные скребла и *deje*. Скребки – концевые формы с округлым дорсальным лезвием. Ножи достаточно разнообразны: продольные, поперечные и диагональные формы, лезвие прямое или выпуклое дорсальное или вентральное. Ретушированные острия – одно изделие выполнено на пластине, остальные – на отщепе; дистальное окончание заострено при помощи дорсальной ретуши. Другие типы орудий (табл. 1) во многом схожи с комплексами из двух нижележащих горизонтов.

Горизонт 11.1. Орудийный набор насчитывает 44 предмета (6,2 % от всей индустрии). Группа скребел идентична материалам из горизонта 11.2. Скребки концевые с округлым или прямым лезвием. Ножи продольные прямые и поперечный выпуклый, ретушь дорсальная или вентральная. Галечное орудие – чоппер – на крупной уплощенной галке. Облик остальных типов орудий (табл. 1), за малым исключением, аналогичен материалам из нижележащих горизонтов.

Рассматривая коллекцию орудий из четырех горизонтов в целом, следует отметить, что для каждой категории орудий характерно использование определенного типа заготовок и приемов вторичной обработки. Заготовками для продольных вариантов скребел служили удлиненные и короткие крупные отщепы. Для поперечных форм – короткие и укороченные сколы. Преобладающий тип ретуши – краевая, крутая, чешуйчатая или субпараллельная, крупнофасеточная, средне- или сильномодифицирующая. Скребки оформлены преимущественно на сколах среднего размера при помощи краевой крутой чешуйчатой разнофасеточной сильно- или среднемодифицирующей ретуши. Для ножей характерны крупные удлиненные и короткие заготовки; ретушь краевая, пологая, субпараллельная или чешуйчатая, среднефасеточная, слабомодифицирующая. Обушки гладкие, ретушированные или естественные с преобладанием последних. Ретушированные остроконечники и острия выполнены на крупных заготовках; для них характерна крутая разнофасеточная сильно-модифицирующая ретушь. Зубчатые, выемчатые и шиповидные орудия оформлялись на заготовках различных пропорций и размеров, зачастую фрагментированных. Ретушь дорсальная, краевая, крутая или полукрутая, разнофасеточная, среднемодифицирующая. В оформлении усеченных и долотовидных орудий, отщепов с ретушью закономерности не прослеживаются. Резцы выполнены на фрагментированных сколах. Резцовый скол снимался с продольного края, ударной площадкой служила поверхность слома, реже – остаточная ударная площадка заготовки.

Орудийные наборы из разных горизонтов во многом схожи, однако, в каждой из категорий изделий имеются определенные количественные и качественные различия, указывающие на неоднородность индустрии из слоя 11 в целом. Можно выделить два комплекса: первый включает орудия из горизонтов 11.4 и 11.3; второй – орудия из горизонтов 11.2 и 11.1. Первый комплекс характеризуется ярко выраженным зубчато-выемчатым компонентом, наличием ретушированных остроконечников. Для второго комплекса характерен относительно высокий процент верхнепалеолитических типов орудий – скребок и пластин с ретушью. Заниженная доля резцовых и долотовидных форм объясняется, вероятно, особенностями хозяйственной деятельности человека в специфических условиях обитания в пещере. Еще одним важным аргументом в пользу выделения двух комплексов служит тот факт, что костяные орудия и предметы символической деятельности обнаружены только в горизонтах 11.2 и 11.1.

Научный руководитель: д-р ист. наук М.В. Шуньков

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ С ПОВЕРХНОСТНЫМ ЗАЛЕГАНИЕМ АРТЕФАКТОВ

Проблема местонахождений с поверхностным залеганием артефактов как достоверного источника знаний о палеолите аридных территорий давно обсуждается в археологической науке (Коробков, 1971; Петрин, 1991). Ограниченность получаемой информации с такого рода памятников очевидна. Несмотря на теоретические разработки (выделение степеней корразии артефактов), единственным надежным методом анализа коллекций этих памятников остается типологический метод.

Опыт анализа материалов памятников с поверхностным залеганием (далее – ППЗ) Мугоджары 10, 12, 17 (площадки сборов по квадратам), Северо-Западный Казахстан, показал, что имеются два момента, которые требуют особого внимания. Это степень корразии артефактов и «примитивность» техники расщепления. К настоящему моменту проанализировано 1593 изделия коллекции, которые разбиты на 3 условные группы по степени сохранности поверхности. Все три группы демонстрируют схожесть в приемах получения заготовок и вторичной обработки и незначительно варьируются в наборе представленных в них орудий (Колташов, 2012).

Одним из признаков, позволяющих делить коллекции поверхностных сборов на условные хронологические группы, является степень сохранности артефактов. Наиболее полное описание методики определения степеней корразии, вероятное соотношение их с возрастом материалов представлено в работах Г.И. Медведева (Медведев, 1982).

Деление материалов ППЗ по степени корразии и соотнесение их с палеолитическими эпохами от раннего до верхнего палеолита создает иллюзию непрерывности и преемственности в заселении территории и технологическом развитии. К тому же степень сохранности поверхности на практике трудно определить на глаз. Опыт анализа Мугоджарских комплексов показал, что надежно материал можно разместить лишь по двум категориям – выветренные и не выветренные артефакты. Группа средне выветренных предметов всегда будет оставаться условным подразделением. Признаки, выделенные Г.И. Медведевым для материалов Приангарья, могут «не работать» на другом сырье или существенно отличаться.

Условия залегания материалов, их постдепозиционная история даже на соседних памятниках может различаться. Сторона склона, особенности рельефа и концентрация артефактов, был ли материал перекрыт осадками, в какое время это могло произойти, полностью или частично – мы до сих пор четко не представляем тех признаков, которые влияют на сохранность обработанной поверхности, их степени участия в этом процессе. Привязка этих явлений к экстремальным холодным условиям также подвергается сомнению. Эоловая корразия обломочного материала свидетельствует только о том, что на определенных участках земной поверхности был нарушен или уничтожен почвенно-растительный покров (Антощенко-Оленев, 2007: 122).

Степень корразии может зависеть и от размера артефактов. Примером может служить анализ сколов по степени выветренности относительно их размеров на памятниках Мугоджары 10, 12 (на памятники Мугоджары 17 представлены исключительно не корразированные изделия). Всего в коллекции имеется 172 скола, разделенных на 3 группы. Доля выветренных отщепов возрастает в группе с величиной по максимальной протяженности оси от 10 см и от 5 до 10 см, уменьшается соответственно в группе менее 5 см.

Разделение артефактов по степени корразии обосновано в рамках одного памятника при учете понимания специфики процесса выветривания на конкретном сырье. Однако автоматический перенос и сравнение материалов даже соседних памятников одного археологического ансамбля может привести к ошибке в интерпретации.

Техника расщепления материалов ППЗ, исходя из практики анализа коллекций стратифицированных стоянок, также может быть неправильно интерпретирована. В основном местонахождения с поверхностными сборами – это мастерские на выходах сырья. Это значит, что в коллекции, даже если это намеренная выборка, будет присутствовать большая доля «шума»: случайные сколы, брак, отражающие ошибки производства и плохой контроль расщепления. Обилие сырья также ведет к логическому упрощению процесса.

Насколько уместно в данной ситуации говорить об оценке технологии как таковой, если в редуccionной цепочке могут отсутствовать или быть представленными частично существенные звенья – подготовка нуклеусов, выбор определенных форм сырья, интенсивность вторичной обработки, переоформление изделий? При этом ремонт на подобных памятниках практически невозможен.

Подобные факторы (качество сырья, формы, его обилие, характер памятника) могут привести к ситуации, когда индустрия будет выглядеть «примитивной» и технически упрощенной независимо от эпохи, когда она была произведена. Так, на памятниках Мугоджарского комплекса сырье (кварцитовидный песчаник) представлено в виде блоков, угловатых отдельностей породы, плиток. Это позволяло эффективно использовать естественные поверхности исходного материала, при этом материал не был ограничен в своих размерах, как в случае с галечным сырьем, поэтому расщепление не требовало высокой степени контроля и управляемости процесса, тщательной подготовки ударных площадок и поверхности скалывания. Это косвенно подтверждается количеством брака, случайных сколов, вариативностью типов ударных площадок, их ширины, направленности удара (присутствует большая доля сколов со смещенной осью удара относительно оси заготовки), наличием изъязцев и неправильных окончаний отщепов. Поэтому оперирование термином «примитивный» относительно техник получения заготовок в данном случае не оправдано. Отнесение индустрий ППЗ на основе «примитивности» их облика и степени сохранности поверхности к домустьерским, понимаемым как развитые отщеповые индустрии с определенным набором орудий, не корректно (см. пример подобной аргументации – Астахов, 2008: 30).

В качестве иллюстрации ошибочности подобных выводов можно привести проблемы интерпретации соанских индустрий в Индии. Еще относительно недавно считалась, что примитивные по облику комплексы без бифасов, не имеющие четкой стратиграфической привязки или надежной датировки, являются доашельскими, т. е. самыми ранними для данной территории. В настоящий момент большинство исследователей палеолита региона склоняются к мнению, что эти индустрии по времени или одновременны ашельским или в большинстве случаев моложе датированных позднеашельских памятников по возрасту (Chauhan, 2009: 103).

В итоге в фокусе остается не анализ технологии, но рассмотрение отдельных техник и приемов расщепления, вторичной обработки. В основе же работы с подобными памятниками должен лежать типологический метод или даже метод «руководящих ископаемых» в том случае, если статистические сравнения невозможны по причине выборки артефактов на месте сборов. Степень сохранности поверхности артефактов может служить дополнительным, но не основным признаком соотношения материалов с той или иной палеолитической эпохой.

Научный руководитель: д-р ист. наук В.Н. Зенин

Список литературы

Антощенко-Оленев И.В. Возможные причины ошибок в палеогеографических реконструкциях в плейстоцене и голоцене на юге Восточной Сибири // География и природные ресурсы. – 2007. – № 4. – С. 121–124.

Астахов С. Н. Палеолитические памятники Тувы. – СПб. : Нестор-История, 2008.

Колташов М.С. Палеолитический комплекс Мугоджары, пункт 10: Технологические модели первичного расщепления индустрий с разной степенью выветривания // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 66–67.

Коробков И.И. К проблеме изучения нижнепалеолитических стоянок открытого типа с разрушенным культурным слоем // Материалы и исследования по археологии СССР. № 73. Т. 6. – Л. : Наука, 1971. – С. 61–69.

Медведев Г.И. Проблемы изучения палеолитических изделий из камня с эоловой коррозией обработанных поверхностей // Проблемы археологии и этнографии Сибири : тез. докл. – Иркутск, 1982. – С. 41–43.

Петрин В.Т. Палеолит Западной Монголии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1991.

Chauhan P. Paleolithic exploitation of rounded and suangular quartzites in the Indian subcontinent // Lithic material and paleolithic societies. Oxford, 2009. – P. 97–115.

А.М. Кузнецов

Иркутск, Иркутский государственный университет

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ОСТРОВ ЛИСТВЕНИЧНЫЙ В ОБЩИХ ПРОБЛЕМАХ АНГАРСКОГО НЕОЛИТОВЕДЕНИЯ

Одним из объектов, где в 2012 г. в рамках проведения археологических исследований в зоне будущего Богучанского водохранилища проводились полевые работы, является местонахождение на о-ве Лиственичном.

Остров Лиственичный, в сравнении с другими островами р. Ангары, относительно небольшой. Площадь его составляет около 1 200 000 м², протяженность 2 250 м и ширина в самой широкой части 630 м. Остров пологий, со слабо заметными в микрорельефе вытянутыми возвышенностями. Абсолютные высотные отметки 189–190 м. Относительные отметки 4–5 м от уреза воды. Нижняя часть острова имеет более низкие гипсометрические отметки. В оконечности острова береговой уступ не более 2–3 м.

Местонахождение было открыто в 2007 г. Усть-Илимским отрядом археологической экспедиции ИГУ во время проведения мероприятий по инвентаризации объектов археологического наследия Усть-Илимского района, расположенных в границах затопления ложа Богучанской ГЭС. В 2008 и 2010 гг. на местонахождении проведены шурфовочные работы, позволившие предварительно выявить уровни залегания культуросодержащих горизонтов и определить участки для размещения раскопов (Попов, 2011). Выработки пройдены на глубину от 2 до 4,5 м. По результатам рекогносцировочных работ в 2011–2012 гг. развернуты широкомасштабные спасательные работы (Роговской, Попов, 2011).

Археологический материал документирован на различных глубинах, в 7 стратиграфических позициях, в голоценовых и верхнеплейстоценовых отложениях, охватывающих периоды от позднего палеолита до раннего железного века. Определяющими для объекта являются раннеголоценовые культуросодержащие отложения.

Археологический материал самого нижнего, 7 горизонта, на острове обнаружен в шурфе № 5. Разрез шурфа характеризуется мощной, более чем 2,5 м, горизонтально слоистой, гумусированной пачкой голоценовых отложений. Кровля плейстоценовых отложений отмечается на глубине 2,7–2,8 м. Граница между голоценом и плейстоценом резкая. Отчетливо фиксируется перерыв в осадконакоплении. Археологический материал, представленный одним артефактом – широкой призматической в сечении пластиной, с нефасетированным скошенным талоном, снятой с полюсного нуклеуса, залегал на глубине 2,9 м в слое солифлюцированных ожелезненных оглеенных суглинков, внутри которых наблюдаются редуцированные гумусированные слои. Предварительно

(солифлюксий, наличие фрагментов палеопочвы) культуросодержащие отложения коррелируются с отложениями позднекаргинских-раннесартанских образований в Южном Приангарье.

Голоценовые отложения представлены слоистыми гумусированными и слабо гумусированными легкими суглинками. Мощность слоев от 0,05 до 0,5 м. Общая мощность голоценовых отложений варьируется в разных частях острова от 1,2 до 2,7 м от дневной поверхности. К голоценовым отложениям приурочены шесть уровней залегания археологического материала. Геологические отложения на памятнике раннего – среднего голоцена имеют выдержанный характер. Отсутствуют значимые для их представительности следы процессов переотложения и криогенеза. Слои фиксируются в субгоризонтальном положении и четко отделены друг от друга.

Третий и 5 культурные горизонты являются основными, характеризующими местонахождение «Остров Лиственничный». Горизонты ставят местонахождение в разряд опорных раннеголоценовых объектов Северного Приангарья. Третий горизонт фиксируется в низах почвенных образований голоценового оптимума. Пятый горизонт находок залегает в раннеголоценовых отложениях, подстилающих отложения голоценового оптимума. Зафиксированный в раскопе 2011 г. малочисленный 4 горизонт, в 2012 г. не выявлен.

Феномен местонахождения, прежде всего, определяется набором каменного и костяного инструментария. Орудийный набор 3 культурного горизонта в основном состоит из наконечников различных размеров, скребков и топоров с ушками так называемого «илимского типа». Такие топоры фиксируются на памятниках Северного Приангарья в культурных слоях среднего и позднего голоцена. На местонахождении топоры подобного типа являются одними из самых ранних проявлений данной формы. Керамика 3 культурного горизонта, вероятно, документирует время появления керамического производства в регионе. Наиболее ярким элементом, определяющим культуру 3 и 5 горизонтов, является обилие костяных изделий как утилитарного назначения, так и предметов искусства. В коллекции костяных изделий фигурируют «рыбки-приманки», гарпуны, ложила, шилья и иглы, рыболовные стерженьки, ножевидные изделия, ложки и др.

Кроме многочисленных кострищ в 3 и 5 горизонтах среди объектов выделяются два депозита, зафиксированные в 5 культурном горизонте. В составе депозитов изделия из кости и заготовки костяных изделий, а также шлифованные и другие каменные изделия. В одном из кладов количество костяных изделий составило 23 находки.

Горизонты 2а, 2, 1 приурочены к отложениям среднего и позднего голоцена. Коллекции горизонтов представлены единичными фрагментами керамики и отдельными каменными изделиями.

Таким образом, археологическими выработками вскрыта ситуация многослойного залегания культурных остатков в хронодиапазоне верхний палеолит-палеометалл в семи уровнях стратификации. И если материальные остатки голоценового времени в синхронных им отложениях ожидаемы и предсказуемы, то само существование плейстоценовых культуросодержащих отложений на так называемых «низких» ангарских островах и террасовидных поверхностях в рамках относительных высот 1–2 м от современного уреза р. Ангары ранее не рассматривалось.

Объект археологического наследия стоянка «Остров Лиственничный» имеет важнейшее значение как для региона Северного Приангарья, так и для всей территории Северной Азии. Четкие стратиграфические позиции залегания культурных горизонтов и уникальный археологический материал ставят его в разряд ключевых объектов, отражающих этап появления в структуре хозяйствования древних охотников Северного Приангарья промыслового рыболовства. Изучение объекта позволяет рассматривать проблему появления и развития древних культур Приангарья и североазиатского пространства на рубеже 9–8 тысячелетий.

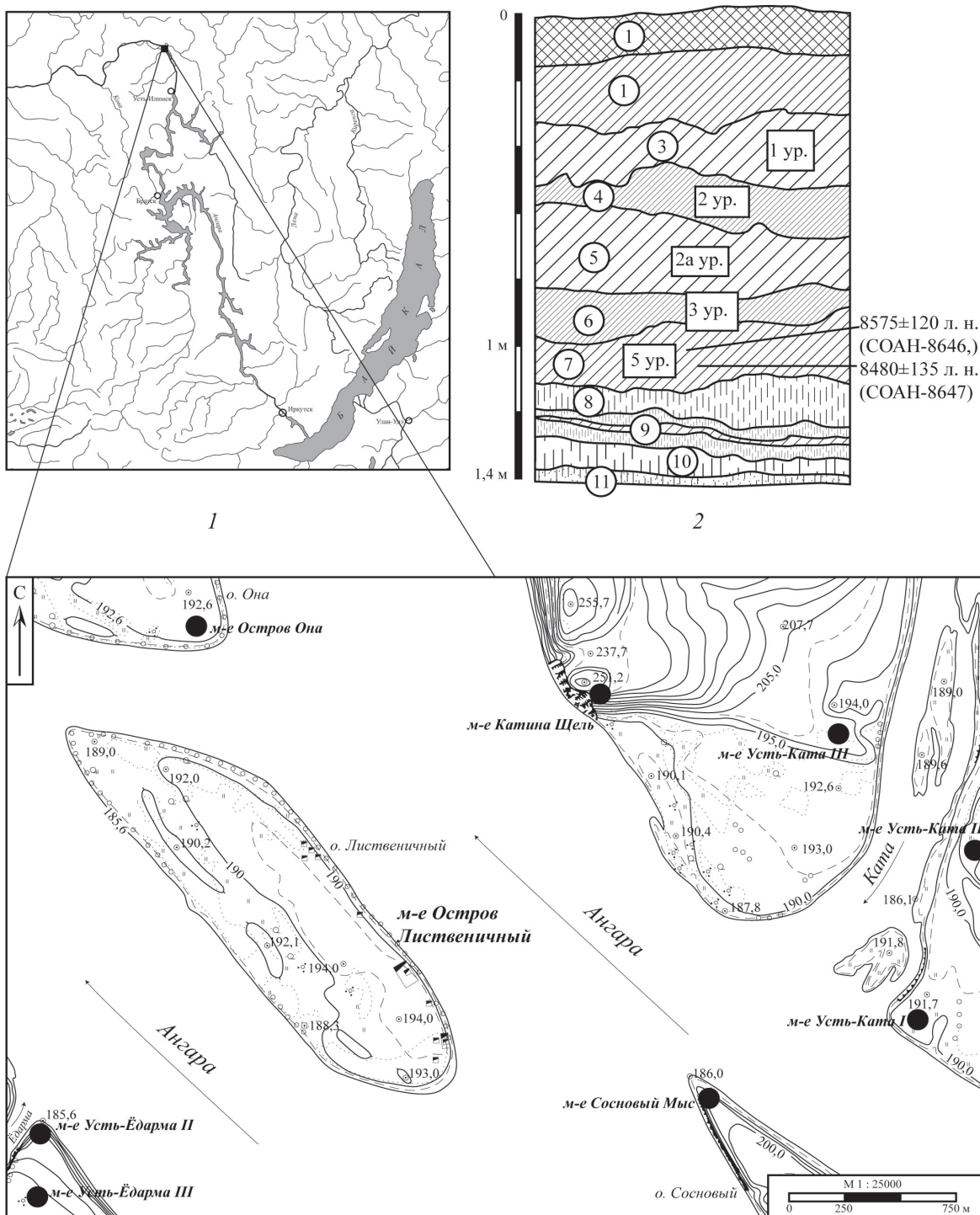

Рис. 1. Местонахождение «Остров Лиственничный» и другие объекты Като-Ёдарминского расширения (А); стратиграфии разреза (по результатам спасательных работ 2012 г.) и уровни отложения культурных остатков местонахождения Остров Лиственничный (Б)

Строительство каскада ангарских водохранилищ и уничтожение массива археологического знания фактически лишило исследователей возможности полноценного изучения древних культур Приангарья. На фоне сложившейся ситуации объекты, расположенные в зоне будущего ложа Богучанского водохранилища, являются существенным дополнением в выстраиваемой концепции неолитоведения Северного Приангарья и Ангары.

Научный руководитель: канд. ист. наук Е.О. Роговской

Список литературы

Попов А.А. Геоархеологическое местонахождение «Остров Лиственничный». Новые данные по палеолиту Северного Приангарья / Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. – Красноярск, 2011.

Роговской Е.О., Попов А.А. Исследования местонахождения «Остров Лиственничный» (к постановке проблемы изучения «низких» ангарских островов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 17. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 452–456.

Г.Д. Павленок, К.К. Павленок

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ИТОГИ РАБОТ НА СТОЯНКЕ УСТЬ-КЯХТА-3 (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ) В 2012 ГОДУ*

Памятник Усть-Кяхта-3 располагается на юге Западного Забайкалья, на правом берегу р. Селенга, на окраине одноименного села. Он был обнаружен в 1947 г. в результате работ Бурят-Монгольской археологической экспедиции, возглавляемой А.П. Окладниковым. Раскопы 1976 и 1978 гг. выявили залегание материала в двух культурных слоях с радиоуглеродными датами $11\ 505 \pm 100$ л.н. (к.с. 1) и $12\ 595 \pm 150$ л.н. (к.с. 2). Памятник был определен как двухслойное поселение эпохи мезолита (Окладников 1979: 4-5; 15-16).

Возобновление работ с коллекцией стоянки Усть-Кяхта-3 потребовало уточнение стратиграфической ситуации на памятнике, поскольку предварительный анализ материалов выявил значительное сходство каменных индустрий обоих культурных слоев. Кроме того, рядом специалистов были высказаны критические замечания по поводу интерпретации стратиграфии объекта. В связи с этим были проведены дополнительные раскопочные работы.

Раскоп 2012 г. представляет собой зачистку южной стенки раскопа 1978 г., а также зачистку смежного с ней участка, ориентированного по линии север-юг. Общая вскрытая площадь составила $11,5\text{ м}^2$. На объекте было выделено 15 стратиграфических подразделений (Павленок и др., 2012: 133–137).

Археологический материал залегает в литологических слоях 10–13 (Павленок и др., 2012: 135–136). Наибольшая концентрация археологического материала фиксируется в слое 10, а также на контакте слоев 10 и 11, тогда как в теле слоев 12 и 13 артефакты представлены менее концентрированно. Это послужило причиной первоначальной интерпретации материалов раскопок 2012 г. как принадлежащих одному культурному слою (Павленок и др., 2012: 137). Однако вертикальная проекция координат артефактов на южную стенку раскопа позволила зафиксировать два культурных слоя, разделенных практически стерильной прослойкой мощностью до 15 см.

Коллекция раскопок 2012 г. насчитывает 643 экз. каменных артефактов. К слою 1 относятся 1 нуклеус и 175 экз. сколов и 101 экз. отходов производства (см. табл.). **Торцовый клиновидный нуклеус** представлен в крайней степени утилизации. Фиксируется подработка латералей мелкими отщеповыми снятиями с кия и гребня нуклеуса. Прямая ударная площадка была подготовлена сколом со стороны фронта. На этой стадии редукции с нее было реализовано до пяти снятий микропластин, полностью захвативших треугольный фронт. Затем была предпринята попытка подправки ударной площадки, вследствие чего угол скалывания стал неподходящим для продолжения расщепления.

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ №12-06-33041 мол_а_вед, №12-06-31235 мол_а.

Орудийный набор *слоя 1* включает 5 экз. **Пластина с альтернативной ретушью** – 1 экз. Правый продольный край изделия, выпуклый в плане, оформлен непрерывной дорсальной плоской равноразмерной чешуйчатой ретушью. Второй рабочий элемент с зубчатым контуром располагается в проксимально-медиальной части левого продольного края. Он оформлен непрерывной вентральной полукрутой разноразмерной чешуйчатой ретушью. **Проколки на миропластинах** – 4 экз. Представлены целым экземпляром, проксимально-медиальным фрагментом и двумя медиально-дистальными фрагментами, несут по обоим продольным краям фасетки постоянной равноразмерной отвесной сильномодифицирующей ретуши, выделяющие острия проколов.

К условно стерильной прослойке относятся девять сколов, из которых только 1 экз. превышает 10 мм в наибольшем измерении.

К *слою 2* относятся 2 экз. нуклеусов, 2 экз. нуклевидных обломков, 207 экз. сколов и 146 экз. отходов производства (см. таблицу). **Торцовый нуклеус** не крупный, в средней степени утилизации, имеет выразительный блеск и небольшую заглаженность ребер, крайне нехарактерную для материалов памятника. Киль, гребень и латерали ядрища были оформлены аналогично торцовому клиновидному нуклеусу из *слоя 1*. С ударной площадки, подготовленной сколом с угла между фронтом и правой латералью, были реализованы один краевой (с захватом левой латерали) и один занырывающий скол с пропорциями пластинки (на прямоугольный фронт). Неудачная конфигурация фронта (сильная уплощенность левой латерали и ассиметричная выпуклость правой) не позволила продолжить расщепление нуклеуса. **Ортогональный смежный нуклеус** средних размеров представлен в средней стадии истощения. Первый фронт подпрямоугольных очертаний несет негативы мелких пластинчатых сколов. Ударная площадка была сформирована сколом с правой латерали. Утилизация фронта была прекращена после неудачной подправки с терминальной части нуклеуса и образования глубокого вылома по естественной трещине. Затем правая латераль нуклеуса была преобразована в новую прямую многогранную ударную площадку. Приуроченный к ней фронт занял участок прежней ударной площадки и тыльной стороны нуклеуса. С него реализовывались мелкие пластинчатые и отщеповые снятия. Степень выпуклости фронта представляется достаточной для снятия еще нескольких сколов.

Таблица

Каменный инвентарь индустрий *слоя 1* и *слоя 2* стоянки Усть-Кяхта-3

Нуклевидные формы		Слой 1, экз.		Слой 2, экз.	
Торцовый		1			
Торцовый клиновидный				1	
Ортогональный				1	
Нуклевидные обломки				2	
Всего*		1		4	
Индустрия сколов		Слой 1		Слой 2	
		экз.	%	экз.	%
Отщепы		87	50	126	61
	<i>Целые</i>	46	26	85	41
	Крупные	2		1	
	Средние	17		16	
	Мелкие	27		68	
	<i>Фрагменты</i>	41	23	41	20
	Проксимальные	15		11	
	Дистальные	26		30	

Пластины		25	14	22	11
	Целые	7		7	
	Проксимальные Фрагменты	9		6	
	Медиальные фрагменты	7		7	
	Дистальные фрагменты	2		2	
Пластинки		32	18	19	9
	Целые	6		5	
	Проксимальные Фрагменты	11		8	
	Медиальные фрагменты	11		3	
	Дистальные фрагменты	4		3	
Микропластины		19	11	10	5
	Целые	4		1	
	Проксимальные Фрагменты	5		3	
	Медиальные фрагменты	5		3	
	Дистальные фрагменты	5		3	
Технические сколы		12	7	30	14
	Первичные	4		10	
	Вторичные	4		6	
	Продольно-краевые			3	
	Подправки ударной площадки	1		5	
	Подправки дуги скалывания			2	
	Резцовые	2			
	Пулуреберчатые			3	
	Заныривающие	1			
	Неопределимые			1	
	Всего*	175	100	207	100
Отходы производства		Слой 1		Слой 2	
		экз.	%	экз.	%
Осколки		16	16	30	21
Чешуйки		85	84	116	79
	Всего*	101	100	146	100
	Итого**	277	100	357	100

* – процент внутри категории.

** – процент от общего количества.

Орудийный набор *слоя 2* включает 5 экз. **Технический скол с вентральной ретушью** представлен медиально-дистальным фрагментом отщепа, удалившего часть ударной площадки и латерали нуклеуса. Рабочий элемент располагается в дистальной части скола, подготовлен несколькими фасетками чешуйчатой стелющейся краевой ретуши. **Пластина с ретушью утилизации** в дистальной зоне правого продольного края несет фасетки постоянной дорсальной удлиненной крутой слабомодифицирующей ретуши. **Технические сколы с ретушью утилизации** – 2 экз. Полуреберчатый скол с пропорциями пластинки несет на выпуклом участке правого продольного края, в дистальной его части, фасетки разноразмерной полукрутой удлиненной слабомодифицирующей ретуши. Второй скол сложной диагностики несет на прямом участке дистального окончания, ближе к правому продольному краю, фасетки разноразмерной отвесной сильно модифицирующей ретуши.

Основным результатом полевых работ 2012 г. на памятнике Усть-Кяхта-3 является подтверждение новыми данными тезиса о наличии двух культурных слоев. На это указывают координаты артефактов, а также наличие склеек фрагментов сколов в единый скол и ремонт-тажей из нескольких сколов в обоих культурных слоях.

Научный руководитель: д-р ист. наук М.В. Шуньков

Список литературы

Павленок Г.Д., Павленок К.К., Когай С.А. Уточнение стратиграфической ситуации на стоянке Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 17. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 133–137.

Окладников А.П. Научный отчет о раскопках стоянки Усть-Кяхта 1 (Кяхтинский район БурАССР) в 1978 г. – Новосибирск, 1979 (рукопись).

Д.В. Смычагина

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

МЕТОДЫ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗНАКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ХОТЫК, ЗАБАЙКАЛЬЕ)*

В настоящее время планиграфические методы активно используются при изучении археологических комплексов. Актуальным, на наш взгляд, является рассмотрение планиграфических ситуаций для изучения проявлений знакового поведения. Необходимо отметить, что детальное изучение пространственного контекста зон символической активности человека не является сегодня приоритетным направлением в планиграфических исследованиях палеолита Сибири. В связи с этим, цель данной работы – раскрыть возможности применения методов планиграфического анализа для изучения знакового поведения на примере палеолитического местонахождения «Хотык».

Знаковое (символическое, неутилитарное) поведение представляет собой совокупность «механизмов» информационного обеспечения взаимодействия как между материальной и духовной сферами культуры, так и внутри каждой из них, т.е. между образующими их дробными структурами и элементами (индивидуумами). Вещественные свидетельства знакового поведения эпохи палеолита в большинстве своем двусмысленны, т.е. их знаковая функция, как правило, далеко не очевидна. В подавляющем большинстве случаев речь идет о предметах, не имеющих видимого утилитарного назначения, не связанных непосредственно с процессами жизнеобеспечения (Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004: 65).

В исследовании предметных свидетельств символического поведения очень перспективным представляется применение планиграфического анализа и характеристика контекста находок. Планиграфия – это общая система пространственного распространения различных объектов слоя и сочетания их с различными видами скоплений сырья и изделий. Под скоплением в планиграфии понимается участок культурного слоя, в пределах которого количество находок на единицу площади превышает среднее число находок на единицу площади

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0995 «Генезис изобразительных традиций в древнем искусстве Сибири и сопредельных территорий (междисциплинарные исследования археологических материалов)».

в пределах раскопа. Соответственно объектом планиграфического исследования является культурный слой, а предметом исследования выступают взаимосвязи культурных проявлений в его пространстве (Леонова, 1993). Целью планиграфического анализа является выявление структуры памятника на основе картирования (фиксации) всех находок на плане культурного слоя. Планиграфический анализ осуществляется путем сопоставления схем распределения различных видов находок и структур в культурном слое.

Начало планиграфическому (или пространственному) анализу было положено монографией А. Леруа-Гурана и М. Брезийона, посвященной стоянке «Пинсеван» во Франции. Основным принципом полевых исследований был метод «горизонтального» вскрытия участков поселения. Идея состояла в том, чтобы вскрыть площадь (около 20 кв. м) одновременно, сохраняя контакт с окружающей площадью. Каждый артефакт имел точные координаты на плане (что ранее не практиковалось в палеолитических исследованиях), специальные планы составлялись для разных категорий находок. Это открывало возможности для пространственного сопоставления любой категории или совокупности находок. А. Леруа-Гуран и М. Брезийон также указали на значение данных ремонтажа изделий, увидев в них один из важнейших источников для реконструкции бытовой обстановки на памятнике. Исследование «Пинсевана» – первая успешная попытка выявления жилищ на стоянках, где не прослеживаются очевидные следы их остатков.

Сам термин «планиграфия» был введен в научный оборот Натальей Борисовной Леоновой (Леонова, 1977). В отечественной археологии элементы планиграфического анализа были применены уже в начале XX в. в исследовании Н.Ф. Кашенко на Томской стоянке, и в дальнейшем была использована в исследованиях А.Г. Бонч-Осмоловского, М.Я. Рудинского и других.

Элементы символического поведения широко представлены в археологических комплексах начала верхнего палеолита Евразии. В Забайкалье комплексы с признаками символического поведения появляются около 40 тыс. лет назад (Лбова, 2009: 229). Одним из таких памятников является многослойное поселение Хотык, которое расположено на южном склоне одноименного среднегорного массива, в 6 км на север от с. Анинск, на левобережье р. Она Хоринского района Республики Бурятия (Западное Забайкалье).

В данном местонахождении особый интерес для исследования знакового поведения представляет планиграфическая ситуация, отмеченная в культурном горизонте 3 раскопа 2, остатки которого датируются в пределах 35-38 тыс. лет назад. Структура горизонта представляет собой ряд скоплений артефактов. Всего в слое зафиксирован 491 артефакт (Лбова, Рыбин, Клементьев, 2009: 237, табл. 1). Среднее число артефактов на 1 м² – 12,275. В соответствии с этим скопления выявлены в квадратах А-4, Б-4, Б-5, В-4, Б-3; А-8. В скоплениях многочисленны кости животных. В скоплении в квадрате А-8 отмечена каменная конструкция. К некоторым скоплениям приурочены цветные пятна (скопления в квадратах Б-4, Б-5, Б-3, А-8).

В квадратах Б-4 и Б-5 обнаружена концентрация крупных костей, в которой были представлены конечности лошади, установленные вертикально копытами вниз, позвоночный столб, на который был уложен череп лошади. Скопление сопровождалось пятнами черного, белого, розового, зеленого, желтого цветов, большим количеством гематитовой слюдки, обычной слюды и дымчатого кварца (Лбова, 2009: 230). В скоплении обнаружено большое количество отщепов, готовых изделий – скребки, скрёбла, нуклеусы, ножи, долотовидное орудие. Отмечаются и предметы неутилитарного назначения – подвески, бусины, кольца из камня. Цветные пятна прослеживаются также в прилегающих квадратах А-3, В-3, В-2 и небольшие пятна в квадратах Г-5 и А-2.

Восточнее указанного скопления, в квадрате А-8, выявлена иная оригинальная ситуация: намеренное захоронение в кладке из небольших плит конечностей носорога с засыпкой охрой, сопровождающееся изделиями из цветной яшмы, кварца, изделиями из кости, бусинами и кусочками гематита. Нога изначально была уложена на довольно большую го-

горизонтальную плиту, и впоследствии обложена небольшими плитками. Данная ситуация может быть обозначена как «парциальное захоронение животных», возможно связанное с продуцирующими обрядами (Лбова, 2009: 230). В любом случае, очевидно, что характер скопления в квадрате А-8 представляет собой результат ритуального поведения.

Помимо вышеуказанных скоплений в данном горизонте структурно выделяется образование, которое можно интерпретировать как хозяйственную яму. В квадратах А-6 и А-7 фиксируется каменная обкладка, внутри которой содержатся крупные костные останки и обломки костей. В пределах этой конструкции находятся артефакты (10 отщепов и 2 скребка). Таким образом, горизонт 3 палеолитического местонахождения «Хотык» можно интерпретировать как долговременную стоянку с выделяемой площадкой с элементами ритуальных практик.

Применение планиграфического анализа для обработки материалов памятников верхнего палеолита позволяет не только выявлять структуры культурного слоя памятника, но и даёт возможность делать выводы относительно проявлений знакового поведения.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Л.В. Лбова

Список литературы

Лбова Л.В. Признаки символического поведения в культурах начальной стадии верхнего палеолита в Забайкалье // С.Н. Бибиков и первобытная археология. – СПб., 2009. – С. 299–232.

Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Клементьев А.М. Характер поселений и использование каменного сырья в ранней поре верхнего палеолита западного Забайкалья (по материалам стоянок Каменка и Хотык) // С.Н. Бибиков и первобытная археология. – СПб., 2009. – С. 233–246.

Леонова Н.Б. Закономерности распределения кремнёвого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики поселений : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1977.

Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методология, комплексы, подходы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1993.

Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. – М. : Научный мир, 2004.

Е.А. Филатов, Н.С. Федорова

Чита, Забайкальский государственный университет

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ УСТЬ-МЕНЗА-16*

Усть-Менза – комплекс археологических памятников при впадении р. Мензы в р. Чикой (Красночикойский район, Забайкальский край). Он планомерно изучается Чикойской археологической экспедицией (ЧАЭ) Забайкальского госуниверситета (ЗабГУ, ранее ЗабГГПУ) с 1980 года. Согласно физико-географическому районированию, Усть-Менза относится к Южно-Сибирской горной области, Западно-Хэнтэйской котловинной – горнотаежной провинции, Ацинскому горнотаежному округу (Константинов, 2009).

Само место Усть-Менза представляет собой группу урочищ (местность), в свою очередь состоящих из рядов сопряженных фаций (экосистем). Фациальный состав этой местности особенно интересен в связи с генезисом, возрастом и геоморфологическим выражением этой части Ацинского ландшафта. Весьма показательны все его биотические, абиотические, антропогенные составляющие (Константинов, 2009).

* «Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ, № 6.2636.2011».

В данной работе вводятся в научный оборот новые материалы изучения поселения Усть-Менза-16 (Воровское) в 2012 году.

Памятник располагается на левом берегу р. Чикой, в приустьевом правостороннем участке р. Воровского. Он связан с правобережной террасой высотой 14 м. Стратотип террасы аналогичен террасам с поселениями Мельничное и Читкан. В террасовом ряду бассейна р. Селенга террасы такого рода определяются как III надпойменные (Константинов, 1994: 125).

Верхние слои памятника несут в себе следы антропогенного вмешательства. Постдиспозиционное нарушение культурных горизонтов связано с раскорчевкой леса в 18–19 вв., что подтверждается данными картографии и стратиграфии. В 1980-х гг. памятник был разрушен двумя бульдозерными ходами шириной 4 и 7 м. Общая площадь археологического вскрытия на Усть-Мензе-16 составила 21 м², при этом на площади 8 м² был вскрыт галечник; максимальная мощность разреза 2,0 м. В стратиграфическом профиле раскопа прослеживается 6 литологических слоев, включая галечник. Они вмещают в себя 6 культурных горизонтов. Сырьем для изготовления орудий служили кварцит, метопесчанник, гранит, кремний, яшма, халцедон, лидид.

Культурные горизонты 1–2 датированы эпохой бронзы, 3 – неолита, 4–6 – верхнего палеолита.

Культурный горизонт 1 связан с почвенно-растительным слоем, с подгоризонтом «А». Он представлен концевым скребком, выполненным на отщепе подтреугольной формы; сильно сработанным торцовым клиновидным микронуклеусом (1, 4 x 1,0 см) из яшмы; пластинчатым сколом, двумя дистальными и проксимальным фрагментами микропластин.

Культурный горизонт 2 связан с тем же литологическим слоем, с подгоризонтом «Б» – темно-коричневая супесь. Представлен двумя очажными обкладками овальной формы со следами прокала, размерами от 1 x 1 до 0,3 x 0,5 м. Обкладки выполнены из грубого обломочного материала. Обнаружены 4 отщепы, дистальный и медиальный фрагменты микропластин, концевой скребок, выполненный на микропластине, пластинчатый скол, 2 медиальных фрагмента микропластин, изделие овальной формы со следами абразивного использования. Особый интерес вызывает нефритовый скол со следами шлифовки.

В обоих характеризуемых горизонтах выявлено 15 фрагментов керамических сосудов. Нам представляется целесообразным дать характеристику в обобщенном варианте. Керамика темно-коричневого цвета, тесто отощено песком, с включением мелкой дресвы, на некоторых фрагментах видны следы нагара. На одном из фрагментов представлен штамповый орнамент, на другом – налепленный валик. На одном фрагменте видны следы красной охры.

Культурный горизонт 3 относится к неолиту, связан с черной палеопочвой атлантического оптимума – гумусированный суглинок насыщенно-темного цвета (литологический слой 3). Культурный горизонт представлен очажной кладкой, уходящей в стенку раскопа, 2 отщепами.

Культурный горизонт 4 связан с бурой супесью (литологический слой 4). В нем обнаружены два небольших отщепы. Датирован эпохой сартанского оледенения.

Наиболее представлен литологический слой 5. Его основой является серый лессовидный суглинок с двумя палеопочвами мощностью по 10–15 см каждая, они представлены серым суглинком.

Культурный горизонт 5 связан с верхней палеопочвой этого литологического слоя. Он относится к липовско-новоселовской стадии каргинского межледниковья. В нем была обнаружена каменная кладка размерами 1,5 x 1,1 м. Она представлена 4 валунами средних размеров. Кладка деформирована. По очертаниям угадывается очажная кладка. Глубина залегания кладки 0,9 м от уровня современной поверхности. Каменная индустрия горизонта представлена орудиями и отщепами. Орудийный набор включают в себя концевой скребок с плечиками, выполненный на отщепе подтреугольной формы, обработанный крутой тщательной ретушью с дорсальной стороны, по нижнему и боковым краям; 2 фрагмента концевых скребков, обработанных дорсальной формирующей, чешуйчатой ретушью; проколка

небольших размеров, выполнена на реберчатом сколе, обработана чешуйчатой ретушью, формирующей основной контур, жальце оформлено приостряющей ретушью.

Наиболее интересным является культурный горизонт 6, связанный с нижней палеопочвой того же литологического слоя. Он, предположительно, относится к малохетской стадии каргинского межледниковья. В нем обращают на себя внимание каменные кладки. Они располагаются по всей поверхности обитания. В северной части раскопа четко выделяется очаг размером 1,1 x 1,1 м. Он выполнен из гальки и валунов слабой окатанности, они располагаются в радиальной позиции, на некоторых камнях видны следы прокала. Зольное пятно слабо выражено, оно сползло в северо-западном направлении от кладки. Неподалеку располагается дуга из валунов длиной 1,4 м. Можно предположить, что это сегмент обкладки жилища, в крайне плохой сохранности.

Горизонт насыщен сколами и отщепами (40 экземпляров) преимущественно из кварцита. Коллекция изделий включает в себя нуклеус (размером 6 x 4 см). Он характеризуется как двуфронтальный, двуплощадочный, ударные площадки располагаются перпендикулярно друг другу; существенными являются его петрографические характеристики: он кварцитовый, что затрудняло снятие с него заготовок. Орудия представлены проколкой на реберчатом сколе, жальце которой обработано противоположающей ретушью, и скребком высокой формы из отщепы с рабочей кромкой, обработанной приостряющей ретушью.

Палеолитическая индустрия из культурных горизонтов 5 и 6 характеризуется как отщеповая. Она тяготеет к куналейской культуре (Константинов, 1994: 111–112). Об этом также свидетельствуют формы и характер обработки орудий.

В целом, технико-типологический облик и морфологические признаки каменной индустрии соответствуют геохронологическому характеру культурных горизонтов 5 и 6. Более детальная характеристика и культурная привязка памятника станет возможным после его дальнейшего изучения с привлечением методов абсолютного датирования.

Научный руководитель: С.Б. Верещагин

Список литературы

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ ; Чита : СО РАН –ЧГПИ, 1994.

Константинов А.М. Комплексная характеристика местности Усть-Менза // Древнее Забайкалье культура и природа. – Чита : ЗабГГПУ, 2009. – С. 63–73.

А.М. Хаценович

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ НА МНОГОСЛОЙНОМ АМЯТНИКЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ХАРГАНЫН-ГОЛ-5, СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ*

В ходе археологических разведок в Северной Монголии в 2012 г. был открыт многослойный палеолитический памятник «Харганын-Гол-5». Он расположен в Хангайском нагорье в долине р. Харганын-Гол, которая расположена к востоку от долины р. Их-Тулбэрийн-Гол (Булганский аймак, сомон Хутаг-Ондор), где находится известная толборская группа палеолитических памятников. Местонахождение «Харганын-Гол-5» расположено на делювиальном шлейфе вытянутого с северо-запада на юго-восток и примыкающего к отрогам водораздельного хребта между реками Их-Тулбэрийн-Гол и Алтаатын-Гол.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 12-06-31212 и № 12-06-33041.

Предварительная оценка стратиграфической ситуации, зафиксированной в раскопе, позволила выявить пять культуросодержащих литологических слоев. Технологические различия позволяют на данный момент разделить материал памятника на три группы: горизонт 1, как относящийся к периоду неолита и более позднему времени, 2-й горизонт, предварительно отнесенный к финалу верхнего палеолита, и горизонты 3–5, которые предварительно отнесены к раннему и развитому верхнему палеолиту.

Статистические данные по первичному расщеплению показывают, что во всех горизонтах доля отщепов составляет около 60 % и выше. Содержание пластин и пластинок в горизонтах является стабильным, в то время как микропластины отсутствуют в горизонтах 4 и 5, а в горизонтах 3 и 3.1 их содержание невелико: 1–2 %. Характерной чертой памятника «Харганын-Гол-5» является относительно небольшое количество дебитаж – менее 20 %, за исключением гор. 4, в то время как на памятниках Толборской группы его доля высока. На данном памятнике в основном присутствуют обломки и осколки, чешуйки практически не представлены.

Нуклеусы занимают 1,5–2 %, ни в одном из горизонтов не содержится более 4 экз. Все это позволяет заключить, учитывая небольшую насыщенность слоев каменными изделиями, что тип данного памятника – стоянка, в отличие от Толбор-15, который представляет собой мастерскую.

Что касается технологии расщепления, то следует заметить, что в горизонтах 3 и 4 представлены все основные типы ударных площадок. Фасетированные площадки встречаются в обоих горизонтах, однако, только у отщепов. Подавляющее большинство составляют гладкие площадки, которые перед скалыванием заготовки иногда дополнительно подправлялись. Линейные и точечные площадки у пластин редуцировались всегда, у отщепов – почти всегда. Стабильно во всех горизонтах присутствуют двугранные площадки. Значительной разницы между первичным расщеплением горизонтов 3 и 4 нет: в обоих горизонтах преобладают гладкий, однонаправленный параллельный и бипродольный типы огранки дорсала, причем в параллельной системе оформлены дорсалы у всех пластин и пластинок, за исключением первичных. Это, а также наличие нуклеусов для получения удлиненных заготовок, свидетельствует о существовании устойчивой стратегии в получении пластин и пластинок.

Нуклеусы отсутствуют в горизонтах 1 и 5.

В гор. 4 присутствуют 2 экз. плоскостных двуплощадочных монофронтальных нуклеусов, один призматический одноплощадочный монофронтальный и микронуклеус.

В гор. 3.1 нуклеусы представлены в 2 экз., один из них призматический одноплощадочный монофронтальный, другой – плоскостной двуплощадочный монофронтальный.

В гор. 3 присутствуют 4 экз. нуклеусов: радиальный, плоскостной двуплощадочный монофронтальный, фрагмент плоскостного нуклеуса и призматический одноплощадочный монофронтальный.

В гор. 2 присутствуют два нуклеуса, один из них является призматическим одноплощадочным для получения пластинок и мелких отщепов, другой – торцовый.

Горизонт 3, как наиболее представительный по количеству находок, позволяет сделать некоторые выводы. Если среди отщепов только 6,3 % (17 экз. из 268) подверглись вторичной обработке, то среди пластин этот процент значительно выше – 30 %, как и среди пластинок – 27 %. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на явное преобладание отщепов в коллекции гор. 3, предпочтение отдавалось пластинчатым формам в качестве заготовок для орудий. Изделия с регулярной вторичной обработкой занимают в комплексе около 10 % (46 экз.).

Учитывая небольшое количество первичных и полупервичных пластин в гор. 3 (всего 3 экз.) и полное их отсутствие в гор. 4, принимая во внимание, что в этих горизонтах наиболее многочисленны находки, можно заключить, что на первой стадии редукции ядрища раскалывание производилось путем снятия коротких сколов. Подобную ситуацию мы наблюдаем и с пластинками: в горизонте 3 первичных пластинок всего две, а в горизонте 4 присутствует единственная полупервичная. При том, что мы имеем ядрища, подготовленные для получения пластинок и мелких и средних отщепов, можно заключить, что подготовка и

подправка ядрища осуществлялась также путем снятия коротких сколов, а пластинки являлись целью расщепления. Нет оснований утверждать, что и пластины также являлись целью расщепления. По нашему мнению, их получение являлось одной из стадий редукиции. Сначала ядрище подготавливалось посредством снятия отщеповых форм различных размеров (среди первичных и полупервичных отщепов нет преобладающей размерной группы), затем производилось снятие пластин и отщепов в двунаправленной системе. При этом площадки были либо двугранные, либо гладкие, с редукицией либо прямой, либо обратной, либо со снятием карниза. Это характерно как для гор. 3, так и для гор. 4. По мере истощения ядрища совершался переход к однонаправленной параллельной системе.

Стоит отметить многочисленность преднамеренно фрагментированных заготовок. В 3, 4 и 5 горизонтах таких заготовок 32 экз. Четырнадцать заготовок подверглись вторичной обработке, почти все они представляют собой пластинчатые формы, за исключением трех отщепов. На эти заготовки наносилась краевая ретушь либо сколами приострялся край для создания выступающей части (проколки, провертки), либо преднамеренно фрагментированные изделия использовались без вторичной обработки, о чем свидетельствует ретушь утилизации (2 экз.).

Основная масса изделий выполнена из темно-серых песчаников и алевролитов. Тем не менее, прослеживается активное использование черного кремня, в меньшей степени серого кремня, а также единичное использование инородного полупрозрачного сырья. Изделий из серого кремня в горизонтах 3 и 4 насчитывается 9 экз. Два изделия представляет собой нуклеусы. Более широко использовался черный кремень хорошего качества, который также применялся и на Толборе-15. Из этого сырья был изготовлен торцовый микронуклеус для пластинок из горизонта 4, 37 % изделий представляют собой пластины и пластинки, основную массу составляют отщепы. Несколько пластинок из этого сырья обладают правильной огранкой. Интересен момент получения средних отщепов подтреугольной формы с массивным, широким дистальным окончанием, из черного кремня. На дистальном окончании одного из таких отщепов была нанесена ретушь, образующая рабочий край для одинарного поперечного скребла. На других отщепах присутствуют единичные сколы или ретушь утилизации, которые не позволяют типологически отнести изделия к орудиям. Очевидно, что выделяется стратегия получения заготовок определенной формы для орудий.

Имеющиеся данные по коллекции «Харганын-Гол-5» позволяют сделать заключение, что при первичной обработке камня использовались различные способы расщепления и получения заготовок, нет одной определенной направленности, за исключением тенденции к получению средних отщепов, которые преобладают в коллекции. Существовала устойчивая технология получения пластин и пластинок с одноплощадочных и двуплощадочных ядрищ в параллельной системе.

Научный руководитель: д-р ист. наук А.В. Табаров

А.Н. Чеха

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ТЕРРИТОРИИ МАТЕРИКОВОЙ ЧАСТИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Новые сведения по проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории материковой части Восточной Азии, представленные в публикациях китайских, корейских и отечественных исследователей в контексте основных концептуальных направлений по данной проблематике обуславливают актуальность рассматриваемых материалов.

Начало формирования верхнепалеолитической культуры в Китае определено по имеющимся материалам (Шараосогол, Фаньцзягоувань) невозможно (Деревянко, 2011: 115). Все

местонахождения с орудиями на отщепах, относимые к ранней стадии верхнего палеолита (типа Салавасу), демонстрируют продолжение традиции как в первичной, так и во вторичной обработке предшествующего этапа. Четкая грань намечается с появлением пластинчатой индустрии, которая, бесспорно, уже является верхнепалеолитической (там же: 116). К наиболее ранним верхнепалеолитическим местонахождениям относят Чжиюй и Шуйдунгоу. Следует отметить, что данные индустрии вызывают достаточно много вопросов относительно хронологии, интерпретации каменного инвентаря, культурно-исторической принадлежности (Bordes, 1968; Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь, 1964; Brantingham, 2000), поэтому изучение новых местонахождений, содержащих материал, относящийся к переходу от среднего к верхнему палеолиту, представляется достаточно важным.

Новые данные получены на территории Китая в результате исследований 2011 г. на территории Бэнси в провинции Ляонин, где было открыто 19 палеолитических местонахождений. Найденный материал представлен как орудиями на отщепах, так и орудиями на пластинах. По мнению исследователей, представленные коллекции имеют близкие культурные связи с материалами Корейского полуострова, Монголии, Байкальского и Приморского региона (Chen Quan-jia, Wang Chun-xue, et al., 2012: 88). Однако в данной публикации не представлены данные технико-типологического анализа найденных материалов и геоморфологии местонахождений.

В рамках концепции автохтонного развития, которая базируется на теории об изолированности палеолитических индустрий (Aigner, 1981), хотя представлена в основном антропологическими данными (Hong Shang и др., 2007; Wu Liu и др., 2010), Сюсин и Гао Син приводят анализ основных палеолитических местонахождений Китая. Авторы связывают появление пластинчатого и микропластинчатого технокомплекса на территории Китая с развитием адаптивных стратегий. В качестве основного критерия перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Китая исследователи выделяют появление пластинчатой индустрии типа Чжиюй и Шуйдунгоу с присутствием мелких пластин (Xuxing, Gao Xing, 2012:104).

Среди исследователей существуют разнообразные мнения о том, что верхнепалеолитические традиции на данной территории не имеют собственных корней, предлагаются концепции влияния Сибири и Монголии (Деревянко, 2011; Жеглова, 2005); восточноазиатского влияния (Keates, 2009). Гао Син и Ван Хуэймин в монографическом издании, посвященном новейшим исследованиям стоянки Шуйдунгоу, оценивая каменный инвентарь пункта F1, отмечают своеобразие данной индустрии в отличие от других палеолитических культур Китая (преобладание пластин с незначительным микропластинчатым показателем, в отличие, например, от Сячуань (Xiachuan) с преобладанием микропластин), приводят аналогии по пластинчатому показателю с материалами Алтая, Денисовой пещеры. По их мнению, такая технология имеет сходства с одновременными комплексами Сибири, Центральной Азии и Европы (Gao Xing, Wang Huimin, 2011: 48).

По накопленным к сегодняшнему дню материалам установить хронологические рамки среднего палеолита на территории Кореи не представляется возможным. Считается, что этот этап охватывал период примерно с конца среднего – начала позднего плейстоцена до 30–35 тыс. л.н. Однако граница, разделяющая средний и поздний палеолит, пока не определена. Высказывается мнение, что из-за недостатка диагностирующих данных выделять средний палеолит на данной территории не целесообразно (Деревянко, 2011).

В последних публикациях Пэ Гидона представлены результаты по AMS и OSL датированию основных местонахождений среднего и верхнего палеолита на территории Корейского полуострова. Полученная информация позволяет исследователю относить этап среднего палеолита на данной территории к промежутку между 200 и 35 тыс. л.н. (К. Вае, 2012: 21–23). Следует отметить, что автор придерживается точки зрения о «гетерогенном» развитии верхнепалеолитических индустрий в Корее, что не может не отражаться на его исследованиях. Эта теория связана с «Северной и Южной моделями» миграций человека современного

физического типа. В результате миграций из Монголии и Сибири, по его мнению, были привнесены на территорию Кореи пластинчатые индустрии, в то время как человеческие популяции с традиционными галечными индустриями мигрировали с территории Юга Китая далее в Северо-Восточную Азию. (Kidong Bae, 2009).

Таким образом, проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории материковой части Восточной Азии продолжает оставаться дискуссионной. В последних исследованиях предприняты попытки уточнить многие ее аспекты и сравнить полученные данные с материалами сопредельных территорий. На данном этапе исследований наиболее аргументированным представляется мнение о том, что верхнепалеолитическая культура на этой территории сформировалась под влиянием различных популяций человека.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Л.В. Лбова

Список литературы

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного физического типа. – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.

Жеглова Т.Г. Палеолитические местонахождения Северо-Восточного Китая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005.

Ли Хонджон. Переходный период от среднего к верхнему палеолиту и традиция орудий на отщепенях на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 65–79.

Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь. Новые материалы с палеолитической стоянки Шуйдунгоу // *Vertebrata PalAsia*. Vol. 8. – 1964. – № 1. – P. 75–83 (на кит. яз).

Aigner J.S. Archaeological Remains in Pleistocene China. – München, 1981.

Bordes F. Le Paleolithique dans le monde. – Paris : Hachette, 1968. – P. 256.

Brantingham P.J. One hit wonder & Shouidonggou and the failure of the early Upper Palaeolithic in China // Abstracts of the 65 Meeting of the Society for American Archaeology. – Philadelphia, 2000. – P. 63.

Chen Quan-jia, Wang Chun-xue, Li Xia, Wang Xiaoyang, Shi Jing, Wei Haibo. New Result and Major Progress of Upper Paleolithic Sites in Benxi Area of Jilin Province, China // The 17th international symposium: Suyanggae and her neighbours Kurtak. – 2012. – P. 88–90.

Gao Xing, Wang Huimin. Shuidonggou: Connecting the Past to the Present. Peking (Beijin): China Science Press, 2011 (пер. с кит. Qi Chen, R. Deniel).

Hong Shang, Haowen Tong, Shuangquan Zhang, Fuyou Chen, and Erik Trinkaus. An early modern human from Tianyuan Cave, Zhoukoudian // *PNAS USA*. Vol. 104. – 2007. – N 16. – P. 6573–6578.

Keates Susan G. Social-temporal relativity of Eastern asian Homo // *IPPA*, Institute of Archaeology, VASS. – 2009. – P. 47.

Kidong Bae. Origin and patterns of the Upper Paleolithic industries in the Korea Peninsula and movement of modern humans in East Asia // *Quaternary International*. – 2009. – P. 1–10.

Kidong Bae. Korean Paleolithic Archaeology today // The 17th international symposium Suyanggae and her neighbours Kurtak. – Sundong : Institute of Korean Prehistory, 2012. – P. 17–28.

Wu Liu, Chang-Zhu Jin, Ying-Qi Zhang, Yan-Jun Cai, Song Xing, Xiu-Jie Wu, Hai Cheng R. Lawrence Edwardse, Wen-Shi Panf, Da-Gong Qin, Zhi-Sheng An, Trinkaus Erik and Xin-Zhi Wu. Human remains from Zhirendong, South China, and modern human in East Asia // *PNAS*. Vol. 107. – 2010. – № 45. – P. 19201–19206.

Xu Xin, Gao Xing. Data Analysis of Paleolithic Sites in China // The 17th international symposium: Suyanggae and her neighbours Kurtak. – Sundong : Institute of Korean Prehistory, 2012. – P. 104.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ТРОНКИРОВАННО-ФАСЕТИРОВАННЫХ ИЗДЕЛИЙ НИЖНИХ СЛОЕВ КОМПЛЕКСА ГРОТА ОБИ-РАХМАТ (УЗБЕКИСТАН)

По мере расширения знаний об индустриях перехода от среднего к верхнему палеолиту все больше возрастает потребность в разработке конкретных критериев переходности, в том числе в выделении «руководящих ископаемых», к которым относятся и тронкированно-фасетированные изделия, впервые отмеченные в переходных комплексах Ближнего Востока. С момента выделения данной категории исследователями неоднократно предпринимались попытки их систематизации, но недостаточный объем коллекций не позволял в полной мере оценить всю их вариабельность. В этой связи огромный интерес представляет индустрия грота Оби-Рахмат, где коллекция тронкированно-фасетированных изделий крайне многочисленна, а сам комплекс хорошо датирован (Krivoshapkin, Kuzmin et al., 2010).

В данной работе с целью создания классификации тронкированно-фасетированных изделий обирахматского комплекса были изучены материалы коллекций 19–21 стратиграфических слоев памятника. Это объясняется в первую очередь тем, что нижние слои комплекса характеризуются как наиболее многочисленные по количеству изделий данного типа (108 экз.), что, видимо, обусловлено обширностью вскрываемых площадей этих слоев по сравнению с вышележащими, а также их функциональной спецификой (Деревянко, Кривошапкин и др., 2001). В связи с этим мы посчитали целесообразным на данном этапе исследования ограничиться изучением наиболее массового материала нижних стратиграфических слоев, чтобы в дальнейшем спроецировать полученные типологические и технологические схемы на остальную коллекцию данных изделий обирахматской индустрии.

В целом тронкированно-фасетированные изделия – это достаточно широкое понятие, включающее в себя как орудия, так и нуклеусы на сколах, для которых характерно создание фасетажем усеченной ударной площадки для получения уплощающих снятий. Для нас же в контексте обирахматского комплекса наибольший интерес представляет специфическая категория орудий, которая подразумевает под собой следующее: на сколе или фрагменте скола прямоугольной или овальной формы тронкированием под определенным углом (в среднем 50–70°) создавалась 1, а чаще 2 ударных площадки, с которых производилось утончение, приуроченное либо к ребрам скола, либо направленное на уплощение проксимальной части; при этом длина сколов утончения составляет не более 1/3 изделия. Завершающим этапом изготовления орудий было оформление краевой ретуши.

Основными морфологическими элементами тронкированно-фасетированных изделий являются ударная площадка, усекающая заготовку, сколы утончения и краевая ретушь.

Ударные площадки оформлялись либо в проксимальной, либо в дистальной части скола, помимо этого плоскостью, на которой создавалась площадка, выступал поперечный слом и продольные края заготовки. Оформление площадки достигалось разными способами: при помощи поперечного фасетирования (61 %), с помощью продольно-поперечного ретуширования (20 %), посредством продольных снятий, напоминающих резцовые (5 %). В некоторых случаях дополнительных подправок поверхности не производилось (12 %). Формировалась эта площадка для возможности снятия сколов утончения на дорсальную или вентральную плоскости, посредством которых толщина заготовок в среднем уменьшалась на 25–50 %. Для формирования рабочего края, который варьирует от 20 до 60°, иногда древние мастера наносили краевую ретушь.

Исходя из особенностей морфологических элементов тронкированно-фасетированных изделий грота Оби-Рахмат, мы выделили несколько типологических групп: 1) одноплощадочные со снятиями на дорсальную (30 %) или вентральную (6 %) плоскости; 2) двухплощадочные со встречным (37 %), альтернативным (8 %) или продольно-поперечным (5 %)

скалыванием; 3) многоплощадочные с продольно-поперечным скалыванием на две плоскости (4 %). Помимо этого в каждой из категорий можно выделить орудия с ретушью по одному или двум продольным краям.

Если исходить из того, что именно изделие с ретушью является желаемой конечной формой, то, вероятно, некоторые типологические элементы классификации на самом деле представляют собой лишь определенные редуцирующие этапы. Поэтому, чтобы более широко раскрыть всю вариабильность тронкированно-фасетированных изделий, а также показать технологический процесс изготовления данных орудий, мы попытались создать редуцированную схему, где отражены основные технологические этапы оформления тронкированно-фасетированных изделий (рис. 1).

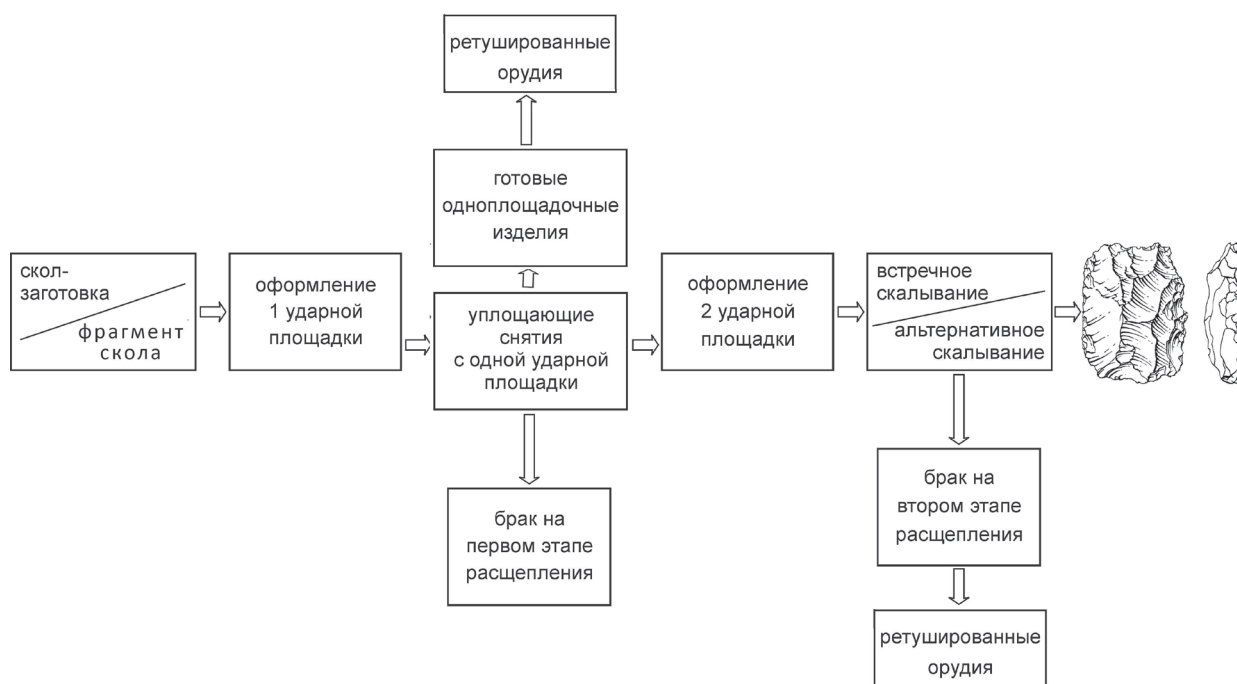

Рис. 1. Редуцированная схема оформления тронкированно-фасетированных изделий

В качестве заготовок для тронкированно-фасетированных изделий использовались достаточно массивные сколы или фрагменты сколов прямоугольной, трапециевидной или овальной форм, индекс удлиненности которых варьируется от 1,1 до 1,5. Процесс изготовления тронкированно-фасетированных изделий начинался с оформления ударной площадки, далее с этой площадки производились снятия на дорсальную или вентральную плоскости. Иногда утончающих снятий с одной ударной площадки было достаточно для достижения желаемой формы. В таком случае оформление орудий одноплощадочного типа на этом этапе завершалось нанесением краевой ретуши. На тех же изделиях, которые требовали дальнейшего оформления, создавалась вторая ударная площадка, с которой реализовывались сколы утончения. И в завершение на эти изделия также наносилась ретушь по одному или двум продольным краям.

Как уже отмечалось, понятие тронкированно-фасетированных изделий подразумевает под собой различные категории. В контексте обирахматского комплекса наибольший интерес представляет именно конкретный тип орудий, в первую очередь, потому что он позволяет проследить культурные и хронологические связи с другими регионами. Наиболее близкие к обирахматским орудиям тронкированно-фасетированные изделия фиксируются на Ближнем Востоке (Solecki, Solecki, 1970), в Загросе (Dibble, 1984), в Таджикистане и на Кавказе (Азербайджан и Дагестан) (Любин, Джафаров, 1986). Конечно, нельзя судить о культурно-хронологических связях исключительно по одному конкретному типу орудий, но

наряду с пластинчатым расщеплением, наличием мелких остроконечников и нуклеусов-резцов тронкированно-фасетированные изделия являются важным культуромаркирующим элементом, позволяющим выявлять особенности технологической эволюции и культурного взаимодействия в каменном веке Евразии.

Научный руководитель: д-р ист. наук А.Н. Кривошапкин

Список литературы

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Ринн П.Дж., Исламов У.И. Каменная индустрия грота Оби-Рахмат / Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск, 2004. – С. 5–33.

Любин В.П., Джафаров А.К. Новая разновидность скребел в инвентаре тагларской мустьерской стоянки // Палеолит и неолит. – Л., 1986. – С. 74–77.

Dibble H. The Mousterian Industry from Bisitun Cave (Iran) // Paléorient. – 1984. – N 10. – P. 23–34.

Krivoshapkin A, Kuzmin Y., Jull A.J. Chronology of the Obi-Rakhmat grotto (Uzbekistan): first results on the dating and problems of the Paleolithic key site in Central Asia // Radiocarbon. Vol. 52. – 2010. – N 2–3. – P. 549–554.

Solecki R., Solecki R.A. New Secondary Flaking Technique at the Nahr Ibrahim Cave Site, Lebanon // Bulletin du Musée de Beyrouth. –1970. – N 23. – P. 137–142.

Н.И. Шилин

*Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЕЩЕРНЫХ КОМПЛЕКСОВ И ПАМЯТНИКОВ ОТКРЫТОГО ТИПА НА УРАЛЕ

150 памятников палеолита, известных на территории Урала, можно разделить на две группы: пещерные памятники и памятники открытого типа. Из них – около сорока пещер. В 11 пещерах выявлены различные костяные изделия, которые можно разделить на несколько групп.

Вкладышевые наконечники стрел. В Шайтанской пещере найдено два вкладышевых наконечника стрелы, выполненных из бивня мамонта. Целый наконечник имел длину 22 см (Петрин, 1987: 66). По мнению П.Ю. Павлова, к вкладышевым наконечникам можно отнести два обломка стержней из бивня мамонта с прорезанными пазами из Медвежьей пещеры (Павлов, 1996: 83). Оба памятника находятся на Северном Урале.

Орудия колюще-режущего типа. В первую очередь, это кинжалы, найденные в гроте Бобылек (один – с прорезанными пазами, два – без пазов) и гроте Безымянном (Средний Урал). Сюда же можно отнести и вкладышевое орудие из ребра северного оленя из Медвежьей пещеры. Орудия этого типа делали и из бивня мамонта, пример тому – обломок вкладышевого кинжала из грота Бобылек (Волков и др., 2007: 102–106). Ножи обнаружены при раскопках пещер Каповая, Смеловская и Байсланташ (Южный Урал).

Землекопные орудия. Две мотыги, изготовленные из рога лося, обнаружены в Усть-Койвинской пещере (Средний Урал). Противоположные лезвию концы изделий сохранили следы перерубания рога каменным орудием. Одна мотыга украшена насечками (Сериков, 2000: 46). Обломок мотыжки из рога северного оленя с пришлифованным краем и землекопное орудие из бивня мамонта обнаружены в Медвежьей пещере (Павлов, 1996: 83).

Скребущие орудия – разного рода скребки, скребла и скобели (Медвежья пещера и грот Бобылек – по 1 экз., пещера Байсланташ – 9 экз.). Для их изготовления применяли расколотые трубчатые кости копытных животных.

Почти на всех пещерных палеолитических памятниках обнаружено большое количество расколотых вдоль костей. Расколотые кости использовались для изготовления проколов и шильев. Отдельно можно выделить тщательно обработанную иглу, обнаруженную в пещере Байсланташ (Котов, 2004: 51). В 2010 г. два обломка игл с прорезанными ушками найдены в Каповой пещере. Известны в пещерах и единичные изделия: ложила, долото, разбивник.

Украшения. К ним относятся бусы и их заготовки из бивня мамонта – 12 экз. в четырех пещерах (Бобылек, Байсланташ, Шульган-Таш (Каповой) и Игнatieвской). Два обломка браслета, три фрагмента заколки из пластин бивня мамонта, пронизка из трубчатой кости обнаружены в гроте Безымянный. Подвеска из резца лошади найдена в пещере Туристов. Две подвески из зубов хищников обнаружены в Игнatieвской пещере. Сюда же можно отнести скульптурное изображение хищника из грота Безымянного, имеющее сложные очертания и выполненное из пластины бивня мамонта. (Петрин, Смирнов, 1977: 60). В эту же группу входят два обломка костяных изделий с гравировками из грота Бобылек.

Таким образом, при малом числе находок в отдельных пещерах все-таки возможно выделение групп находок, в целом определяющих характер костяной индустрии пещерного палеолита Урала.

Опорными для характеристики коллекций костяных изделий памятников открытого типа являются в первую очередь стоянка Талицкого в Пермском крае и палеолитические памятники р. Сосьва и р. Тавда (Свердловская обл.).

На стоянке Талицкого найдено около 30 костяных изделий. Среди них обломок костяной иголки, предмет типа ложила. Наибольший интерес представляет двулезвийный вкладышевый кинжал из кости. Расстояние между соседними вкладышами не превышало 3 мм (Гвоздовер, 1952: 207-210).

На палеолитических местонахождениях р. Сосьва и р. Тавда также можно выделить несколько групп костяных изделий.

Кости со следами порезов, порубов, преднамеренного расщепления. Костей с такими следами обработки в данном районе выявлено 70 экз. Порезы и порубы могли появиться в ходе использования костей в качестве своеобразных подставок, насечки играли роль своеобразной разметки для дальнейшего перерезания кости.

На Лыжином (Демино) мысу и Гаринской стоянке обнаружены по две кости со следами оббивки. Одинаковые следы сработанности дают основания считать данные находки заготовками орудий.

Камнеобрабатывающие орудия. В данной группе можно выделить две подгруппы – ударные орудия и подставки. К ударным орудиям можно отнести два обломка лучевых костей мамонта и скуловую дугу. В качестве ударной части использовались утолщённая часть костей. В качестве наковален использовались отпавшие эпифизы крупных костей мамонта. На них хорошо видны углубления, в которых могли закрепляться каменные нуклеусы при раскалывании (Сериков, 2008: 123).

Также нужно отметить тот факт, что на Гаринской стоянке и ближайших палеолитических местонахождениях присутствуют еще около 40 рёбер мамонта со следами залощения и абразивной обработки, которые могли быть использованы для обработки разных материалов.

Кроме того, на палеолитических памятниках открытого типа выявлены украшения и произведения искусства. Прежде всего, это бусины, найденные на стоянке Талицкого (Щербакова, 1994: 54).

На Гаринской палеолитической стоянке обнаружена скульптура, изображающая личину медведя. Там же найдены ребра мамонта с ритмическими насечками. На местонахождении Мамонтова Курья на Северном Урале обнаружен бивень мамонта с ритмическими насечками (Павлов, 1995: 232). Другого типа гравировки в виде длинных и коротких прямых линий нанесены на ряд пластин и рукоятку со стоянки Талицкого (Щербакова, 1994: 52).

Таким образом, при анализе коллекций памятников открытого типа и пещерных памятников можно сделать следующие выводы. Количество пещерных памятников с костяными изде-

лиями больше чем памятников открытого типа. Однако самих находок больше на открытых памятниках. Такая разница в коллекциях обусловлена условиями окружающей среды, в которых хранились находки. Второй важный аспект различий коллекций – это представленность функциональных групп изделий. В пещерных памятниках большую часть находок представляют изделия, которые могли использоваться в культовых целях (причем как украшения, так и орудия и расколотые кости животных). Для памятников открытого типа более характерны костяные изделия, связанные с обработкой различных материалов (кость, дерево, камень).

Данные выводы еще раз подтверждают предположение об использовании пещер преимущественно в культовых целях. Все хозяйственные операции древний человек производил на своих стоянках – памятниках открытого типа.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Ю.Б. Сериков

Список литературы

Волков Р.Б., Широков В.Н., Улитко А.И. Изделия из кости, рога и бивня из верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек // Российская археология. – 2007. – № 4. – С. 102–106.

Гвоздовер М.Д. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого // Ученые записки МГУ. Вып. 158. – 1952. – С. 207–210.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. – 2004. – С. 36–55.

Павлов П.Ю. Исследование палеолитических памятников на крайнем северо-востоке Европы // Археологические открытия 1994 года. – М., 1995. – С. 232.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники северо-востока европейской части России. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 1996.

Петрин В.Т. Вкладышевый наконечник дротика эпохи палеолита с Северного Урала // Древности Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1987: 63–68.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск, 1977. – С. 56–71.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2000.

Сериков Ю.Б. Костяная индустрия Уральского палеолита в контексте древней истории Урала // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург, 2008. – С. 123.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого. – Екатеринбург : УрО РАН, 1994.

С.В. Шнайдер

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

МЕЗОЛИТ ЗАПАДНОГО ПАМИРО-ТЯНЬ-ШАНЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ТУТКАУЛ)*

В последнее десятилетие изменилось восприятие верхнепалеолитических индустрий западного Памиро-Тянь-Шаня, была выделена кульбулакская технологическая традиция (Колобова, Кривошапкин и др., 2010; Ранов и др., 2012). Закономерно встал вопрос о развитии этой традиции в финальном плейстоцене – раннем голоцене, для решения которого необходимо пересмотреть археологический материал опорных памятников региона. Памятник

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 12-06-33041 мол_а_вед, № 12-06-31235 мол_а; РГНФ № 12-31-01322.

«Туткаул» является одним из немногочисленных стратифицированных объектов эпохи мезолита на территории западного Памиро-Тянь-Шаня, материалы которого использовались для построения региональных схем развития древних обществ. До настоящего времени мезолитическая коллекция памятника «Туткаул» не обработана и не опубликована в полном объеме. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

Туткаул располагается на юге Таджикистана в 70 км юго-восточнее Душанбе. Стоянка была обнаружена Таджикской археологической экспедицией, возглавляемой А.П. Окладниковым, в 1956 г. при проведении археологической разведки затопляемых территорий Нурекского водохранилища (Окладников, 1959). Раскопки памятника проводились в рамках спасательных археологических работ в 1963, 1965–1969 гг. под руководством В.А. Ранова (Ранов, Юсупов, 1970), которым было выделено на памятнике четыре культуросодержащих горизонта. Два нижних горизонта (3 и 2а) были отнесены В. А. Рановым к мезолиту, верхние горизонты (2 и 1) – к гиссарской неолитической культуре. Стоит подчеркнуть, что между мезолитическими горизонтами была выявлена стерильная прослойка мощностью в 2,5 м. В данной публикации проводится анализ мезолитической коллекции 3 горизонта.

Горизонт 3 изучался на площади 20 м². Археологический материал залегал в слое аллювиального песка мощностью 4–7 см. Коллекция каменных артефактов насчитывает 874 экземпляра, из них отходы производства составляют 56,5 % (494 экз.), индустрия сколов представлена – отщепами 6 % (52 экз.), пластинами – 3,7 % (32 экз.), пластинками – 14,2 % (124 экз.), микропластинами – 5,6 % (49 экз.).

Выраженных ядрищ в комплексе было выделено четыре экземпляра. Объемный принцип расщепления представлен конусовидным поперечным (рис. 1, 26), подцилиндрическим и подцилиндрическим встречного скалывания ядрищами (рис. 1, 29) для получения пластинок и микропластин, был выделен один плоскостной нуклеус (рис. 1, 25). Позже два ядрища были преобразованы в скребки. Технических сколов в коллекции выделено шесть экземпляров (рис. 1, 27).

Орудийный набор представлен 113 экземплярами. Наиболее многочисленной категорией орудийной коллекции являются геометрические микролиты (39 экз.), среди которых выделяются прямоугольники (35 экз.) (рис. 1, 1-7), сегменты (3 экз.) (рис. 1, 8-12) и треугольник (рис. 1, 13). Вторую по численности категорию представляют микроскребки (рис. 1, 18-23) различной модификации (14 экз.) и скребки (5 экз.). В комплексе были найдены пластины с ретушью (13 экз.), пластинки с ретушью (6 экз.), отщепы с ретушью (14 экз.), также было отмечено присутствие пластинчатых сколов с ретушью притупления (11 экз.). Менее значимо представлены пластины (2 экз.) и пластинки (3 экз.), дюфур (рис. 1, 16,17), проколки (3 экз.) (рис. 1, 14,15), резец (1 экз.), шиповидное (1 экз.) и выемчатое (1 экз.) (рис. 1, 24) орудия.

Учитывая состав литической коллекции: низкий процент ядрищ и технических сколов (часть из которых в дальнейшем была переоформлена в орудийные формы), высокий процент орудий, закономерно предположить, что комплекс характеризуется наименьшей интенсивностью утилизации нуклеусов, скорее всего, на раскопанном участке в древности протекала деятельность по производству орудий.

В качестве основного приема вторичной обработки выступает притупляющая дорсальная ретушь, с помощью которой изготовлено 44 % (50 экз.) орудий. Для категории геометрических микролитов кроме стандартизации приемов вторичной обработки свойственна также метрическая стандартизация, длина микролитов варьируется от 10 до 16 мм, ширина – от 6 до 8 мм. Скребки оформлялись преимущественно крутой дорсальной сильномодифицирующей субпараллельной и чешуйчатой ретушью. Для скребков, также как и для микролитов, прослеживается метрическая стандартизация, их длина варьируется от 12 до 18 мм, ширина – от 15 до 18 мм, толщина – от 3 до 6 мм.

Специфической особенностью индустрии третьего горизонта стоянки «Туткаул» является ее микролитовидный характер, где 34,5 % орудий составляют геометрические микролиты и 12,4 % микроскребки.

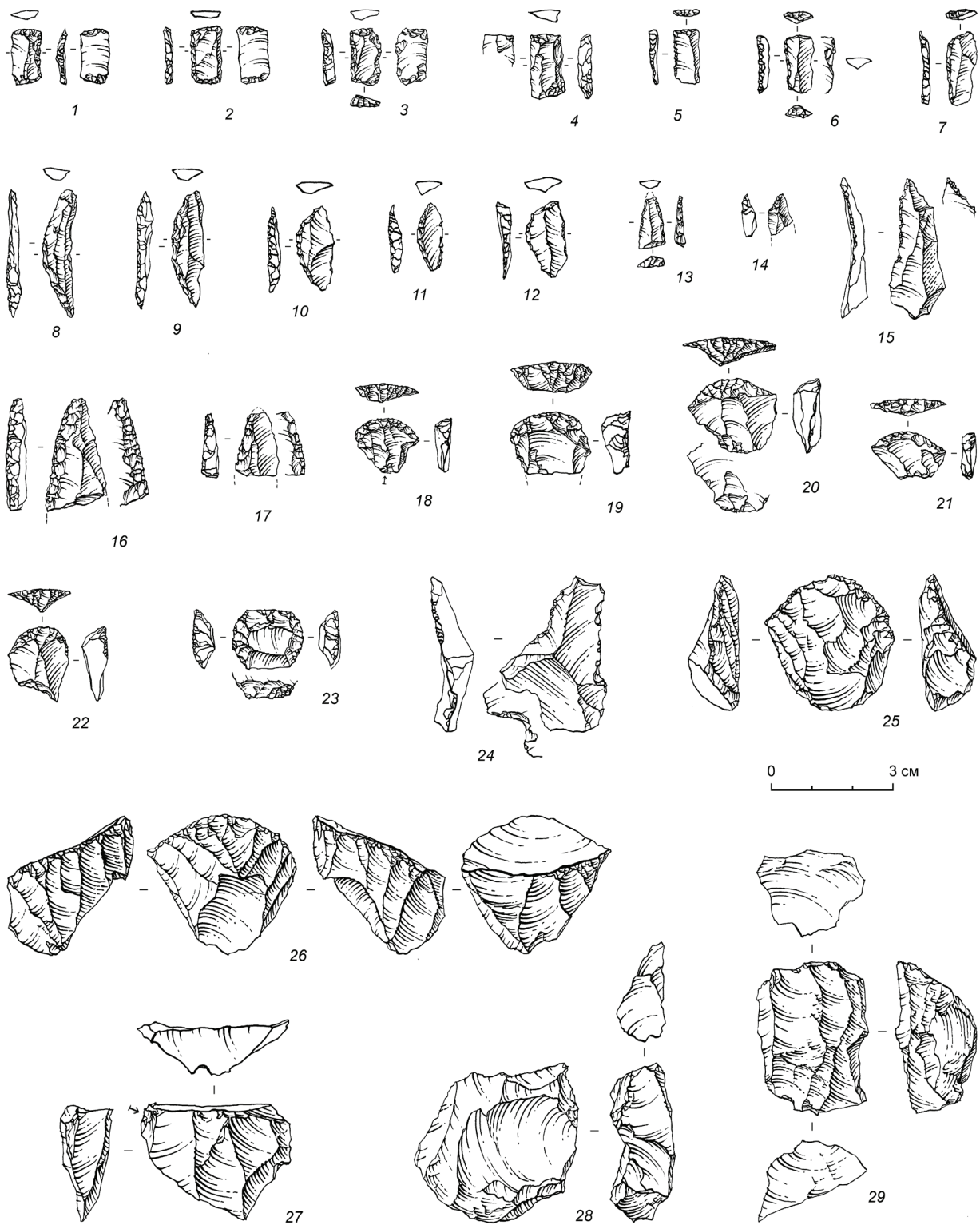

Рис. 1.

Наиболее близкие технико-типологические и географические аналогии индустрии третьего горизонта прослеживаются с археологическими материалами памятников Ак-Танги (4 слой) и Чиль-Чор-Чашма (Таджикистан). В этих коллекциях геометрические микролиты также преимущественно представлены прямоугольниками, которые близки по приемам оформления и метрическим характеристикам к туткаульским прямоугольникам.

Происхождение индустрии третьего горизонта Туткаула исследователями ранее связывалось с миграциями с территорий Ближнего Востока (Ранов, Коробкова, 1971), просле-

живались аналогии с натуфийскими и кебарийскими комплексами. Также исследователями подчеркивалось, что мезолитические культуры с геометрическими микролитами не могут иметь местного происхождения, поскольку на том этапе исследований отсутствовали свидетельства наличия геометрических микролитов и, собственно, применения техники притупления в финальных верхнепалеолитических индустриях западного Памиро-Тянь-Шаня. На данном этапе исследований внесены определенные корректировки в характеристику верхнего палеолита региона, была выделена кульбулакская культурная традиция, которая характеризуется развитым мелко- и микропластинчатым расщеплением, изготовлением пластинок с притупленным краем, а также геометрических микролитов (Колобова, Кривошапкин и др., 2010; Ранов и др., 2012). В свете этих данных необходимо уточнить источники становления мезолита региона.

*Научные руководители: канд. ист. наук А.Н. Кривошапкин,
д-р ист. наук, проф. Л.В. Лбова*

Список литературы

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 4. – С. 2–21.

Окладников А.П. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1956 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1956 г. – 1959. – № 4. – С. 3–21.

Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Верхнепалеолитические комплексы стоянки Шугноу (Таджикистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2. – С. 2–24.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // Советская археология. – 1971. – № 2. – С. 133–147.

Ранов В.А., Юсупов А.Х. Раскопки в зоне строительства Нурекской ГЭС // Археологические открытия 1969 года. – М. : Наука, 1970. – С. 428.

Археология неолита

Т.С. Година

Хабаровск, КГБНУК «ХКМ им. Н.И. Гродекова»

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО КЕРАМИКЕ ОСИПОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА ХАРПИЧАН-4)

На территории России самая древняя керамика относится к осиповской культуре, которую датируют XIII–X тыс. лет назад. Впервые она была обнаружена в 70-х гг. прошлого века на дальневосточном поселении Гася академиком А.П. Окладниковым и д-р ист. наук В.Е. Медведевым. Памятники с керамикой и ранними датами есть на севере Японии, в Китае, в Корее. Дальневосточный регион – один из очагов зарождения древнего гончарства.

Свое название осиповская культура получила от селения Осиповка, находившегося некогда у железнодорожного моста через р. Амур у Хабаровска. Работавший здесь в начале 60-х гг. А.П. Окладников обнаружил следы древней стоянки человека, датированной 10–11 тысячелетиями. Вначале осиповскую культуру учёный отнес к эпохе мезолита, то есть докерамической, но в дальнейшем именно эта археологическая культура «отодвинула» начало неолита, или эпохи керамики, ещё на несколько тысячелетий вглубь истории.

Керамика осиповской культуры широко известна на серии дальневосточных памятников Гася, Хумми, Госян, Черниговка-1, Устиновка-3, Гончарка-1 (Жущиховская, 2004: 26-37), Осиновая Речка. С открытием многослойного поселения «Харпичан-4» появился новый материал, расширивший взгляд на осиповскую культуру. Одним из интересных результатов исследования данного памятника является обнаружение осиповского слоя с древнейшей керамикой – на данный момент это наиболее северный осиповский памятник (Малявин, 2007: 54).

Целью данной работы является рассмотрение наиболее общих вопросов, касающихся осиповской керамики памятника «Харпичан-4».

Памятник «Харпичан-4» расположен в 2,5 км к В от пос. Харпичан, по левому берегу долины р. Девятки. Раскопки памятника производились в августе-октябре 2006 г. археологическим отрядом ХККМ им. Н.И. Гродекова под руководством А.В. Малявина.

В процессе раскопок было вскрыто 99 м², в северо-восточной периферийной части памятника. Выявлено несколько культуросодержащих горизонтов, включающих остатки белькачинской, кондонской и осиповской культур (Малявин, 2007: 5). Коллекция осиповской культуры поселения «Харпичан-4» представлена фрагментами керамики, а также сопровождающим каменным инвентарём с характерными признаками осиповской культуры – тесловидно-скребловидными орудиями удлинённо-треугольной формы из тёмно-серого алевrolита; ножами на первичных отщепах округлой формы из тёмно-серого песчаника, обработанных краевой дорсальной ретушью; наконечниками стрел листовидной формы с округлым основанием, двусторонне ретушированными; микронуклеусом торцовым призматическим, одноплощадочным из яшмы; листовидными остроконечниками с бифасиальной обработкой. Осиповский слой прослеживался в самом нижнем культуросодержащем горизонте (КСГ № 4), в светло-коричневой мешаной супеси. Керамика осиповской культуры из культуросодержащего горизонта № 4 составляет около 200 фрагментов.

Стоянка осиповской культуры носила, очевидно, временный характер, о чем свидетельствует малочисленность материала и антропогенных литологических образований. Носители культуры селились на задернованной аллювиальной поверхности, когда террасы как таковой не существовало, а превышение над уровнем воды составляло не более 1–1,5 м

(высокая пойма). С этим связано существование прокалов в материковом песке и горизонте светло-желтой опесчаненной супеси (Малявин, 2007: 30).

Любопытным моментом являются мелкие и микроскопические остатки пережженных рыбьих косточек, обнаруженных в тонкой черной углистой прослойке (0,5–2 см) на материке в основании КСГ № 4.

Типологические характеристики

Вся посуда лепилась вручную, путём наращивания стенок сосуда ленточно-кольцевым налепом, в отличие от керамики осиповской культуры, найденной на других памятниках Нижнего Амура и Приморья, где в большинстве использовалась форма-шаблон (Жущиховская, 2004: 40)

Что касается формы сосудов, то, судя по имеющимся фрагментам стенок и венчиков, она была очень проста. Это горшки открытого типа, с прямым венчиком, плоскодонные. Размеры сосудов были не маленькие, судя по фрагментам стенок и венчиков.

По данным визуального анализа керамическое тесто посуды приготовлено с добавлением примесей: песка, шамота, дресвы, гравия, кальцинированной крошки (мы предполагаем, что это измельчённая кость или толчёная раковина).

Толщина стенок фрагментов варьируется от 0,5 до 1,1 см. Внутренняя и наружная поверхности сосудов часто имеют разный цвет. Как правило, снаружи цвет от оранжевого до коричневого. Внутренняя поверхность в большинстве случаев чёрная, очевидно, из-за нагара, образовавшегося на стенках в результате приготовления пищи. На изломе черепков цвет в большинстве случаев чёрный, также прослеживается в части случаев коричневый цвет на изломе с чёрной полоской недожога, что свидетельствует о невысокой температуре обжига. Желобчатые отпечатки на внешней и внутренней поверхностях керамики имеют, вероятно, следы растительной текстуры.

Имеются 17 фрагментов венчиков, размеры от 2,0 до 5,7 см. (рис. 1). Толщина стенок от 0,5 до 0,8 см. Венчики прямые, непрофилированные, иногда с волнистой кромкой и сквозными отверстиями под ней. Цвет поверхности оранжевый, серый, тёмно-серый, чёрный. Вызывает любопытство один фрагмент венчика, который имеет налипной валик с насечками, отступающий от кромки венчика на 0,8 см, а также круглые ямочки под ним. На внешней и внутренней поверхностях керамики прослеживаются желобчатые отпечатки. На некоторых фрагментах присутствуют следы нагара. Также имеются несколько фрагментов донцев, кромки которых иногда оформлены насечками или зашипами.

Рис. 1.

Выяснить точный возраст не представляется возможным, т.к. в осиповском слое не было достаточного количества угля (тонкая углистая прослойка) и можно по аналогиям предположить приблизительный возраст в пределах 10–13 тысяч лет (Малявин, 2007: 52–53). Таким образом, на основании технологических характеристик можно сделать вывод, что осиповская керамика с поселения «Харпичан-4» более поздняя, чем амурская и заслуживает более детального исследования.

Список литературы

Малявин А.В. Отчёт о раскопках неолитического поселения Харпичан – 4 (Солнечный район Хабаровского края) в 2006 году. Архив ИА РАН 2006. – Хабаровск, 2007. – С. 5, 30, 52–54.

Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. – Владивосток : ДВО РАН, 2004. – С. 26–37, 40.

Н.А. Дубиненков, Е.И. Ридкина

Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА ЮЖНОТАЁЖНОЙ ЗОНЫ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ

Древняя история Западной Сибири изучена неравномерно. Данная диспропорция наблюдается как территориально, так и хронологически. Одной из таких лакун является территория Среднего Прииртышья в период неолита – раннего бронзового века. А ведь указанные районы – важнейшие для всей истории Западной Сибири, т. к. восстановление истории населения Среднего Прииртышья поможет решить ряд важных вопросов культурогенеза археологических культур Сибири.

Началом научных исследований неолита и бронзового века Среднего Прииртышья можно считать 1940–1950 гг., когда в Омске активно действовал А.Ф. Палашенков и проводил исследования В.Н. Чернецов, знакомясь с материалами Омской и Екатерининской стоянок. Ими был сделан вывод об их принадлежности к эпохе позднего неолита об оригинальности материалов с этой территории (Чернецов, 1953: 35).

Важнейшим этапом научного исследования неолита указанной территории явилась вторая половина 1960 – первая половина 1970 гг. В этот период группа уральских археологов под общим руководством Ф.В. Генинга проводила широкомасштабные исследования памятников эпохи неолита – развитой бронзы на территории Омской области. В это же время здесь начал работать В.И. Матющенко, работали М.Ф. Косарев, В.Ф. Старков. С первой половины 1970 гг. А.И. Петров исследовал ряд памятников, содержащих материалы екатерининской культуры (Екатерининская I, Окунево III, Усть-Куренга и т.д.).

Во второй половине 1980 гг. к исследованию комплекса памятников на Татарском увале приступили В.И. Матющенко и И.В. Толпеко. Исследование этого уникального места дало богатые сведения об истории населения Нижнетарского археологического микрорайона в эпоху неолита, ранней и развитой бронзы и позволило уточнить наши представления об этнокультурной истории всего Среднего Прииртышья.

В 1990–2000 гг. ряд раскопок на территории Муромцевского, Знаменского и Тарского районов на памятниках указанной эпохи проводили И.В. Толпеко, С.С. Тихонов, С.Ф. Татаров, К.Н. Тихомиров.

Результатом указанных работ стало формирование базы данных по истории населения южнотаёжного населения Среднего Прииртышья в эпоху неолита – развитой бронзы. Полученные данные, наряду с первичным представлением о древней истории этого региона, выявили и ряд проблем.

Одной из проблем является недостаточное количество материала для достоверного изучения эпохи неолита и эпохи бронзы. Так, И.В. Толпеко пишет, что памятники рассматриваемого периода зачастую дают малое количество изделий из камня, что было обусловлено небольшой площадью раскопок, характером памятников и их культурной принадлежностью. В итоге изделия из камня привлекаются лишь для подтверждения правильности выделяемых типов керамики. Ссылаясь на положительный опыт такой работы на сопредельных территориях, она пишет, что попытка проведения комплексного анализа каменного инвентаря показала, что этот источник может и должен выступать как один из основных определителей культуры и периодизации (Толпеко, 1997: 11–14). Недостаточное количество материала значительно затрудняет решение ряда проблем древней истории.

Важнейшей проблемой стало построение культурно-хронологической шкалы для южно-таёжной зоны Среднего Прииртышья.

Еще в середине 1950 гг. В.Н. Чернецов при описании омской стоянки выделил в ее керамике три основных типа: афанасьевский, андроновский и карасукский. Под афанасьевским типом В.Н. Чернецов понимал керамику доандроновской бронзы (в Омской стоянке – керамика кротовского типа) и, возможно, екатерининскую керамику, т. к. сближал архаичную группу керамики Омской стоянки с керамикой Екатериновки I. В.Н. Чернецов на основании единообразия керамики Екатерининской стоянки установил ее однослойность и синхронность наиболее ранним материалам Липчинки, что позволило ему датировать Омскую, Екатерининскую стоянки и могильник Усть-Куренга эпохой позднего неолита: серединой – 2-й половиной III тыс. до н.э. В.И. Матющенко вслед за Чернецовым провел типологический анализ предметов Омской стоянки и удревнил ее нижний горизонт до эпохи позднего неолита – ранней бронзы (Петров, 1987).

В начале 1970 гг. уральские археологи разработали и предложили периодизацию поселений эпохи неолита-бронзового века на основе материалов поселений Кокуй I, Пахомовская Пристань III, Ир 2 и т.д. (эти памятники находятся в южной части Тюменской области). Памятники с гребенчато-ямочной и накольчато-ямочной орнаментацией керамики они объединили в среднеиртышскую неолитическую культуру. В этот же период М.Ф. Косарев объединил ишимо-иртышские памятники неолита с памятниками сопредельных территорий, давшими керамику с гребенчато-ямочной орнаментацией, в байрыкский этап. Он также высказал идею о существовании в позднем неолите-энеолите нескольких родственных культур с гребенчато-ямочной орнаментацией (Хвостов, 1997: 15–19).

А.И. Петров на основе анализа материалов эпохи неолита – ранней бронзы предложил переименовать среднеиртышскую культуру в екатерининскую, а также разработал периодизацию памятников этой культуры, определив ее хронологические рамки переходным временем от неолита к бронзовому веку. В построении своей схемы периодизации он опирался на стратиграфические наблюдения авторов раскопок Кокуй I – чрезвычайно важный и принципиальный вопрос, без решения которого невозможно построение новых схем развития культур неолита-энеолита данного региона. А.И. Петров датирует эпоху позднего неолита первой половиной – серединой III тыс. до н. э. (Петров, 1987).

А.В. Хвостов предлагает свою хронологическую последовательность памятников Омского Прииртышья, которая, по словам автора, разработана на керамическом материале, но, вместе с тем, может быть дополнена исследованиями камня и стратиграфическими наблюдениями. Одним из ранних памятников Прииртышья он выделяет стоянку «Бичили I» (нижний горизонт). Здесь выделяется группа керамики боборыкинско-кошкинского типа. На основании датировок по C^{14} хронологические рамки боборыкинско-кошкинских древностей могут быть определены второй половиной VI-первой половиной V тыс. до н. э. К более позднему времени относятся памятники, содержащие гребенчато-ямочную и накольчато-ямочную керамику. В эпоху позднего неолита на территории Прииртышья появляются памятники екатерининской культуры. К этому времени относятся Екатериновка I, II, Ямсыс IV. Ко времени перехода от позднего неолита к энеолиту А.В. Хвостов относит Ямсыс VIII

по керамике, для которой характерны как неолитические, так и энеолитические черты, и датирует данный памятник серединой – 3-й четвертью III тыс. до н. э. К эпохе энеолита, по мнению А.В. Хвостова, можно отнести Ямсысу XII, Аву Луговую I, Александровку I, III. Время существования этих памятников автор предварительно определяет второй половиной – концом III тыс. до н.э. К эпохе ранней бронзы Хвостов относит Инберень X, Окунево VI и поздние захоронения могильника Окунево VII. Эпоху ранней бронзы он датирует первой половиной второго тыс. до н. э (Хвостов, 1997: 15–19).

Таким образом, до сих пор не создано непротиворечивой, удовлетворяющей всех культурно-хронологической шкалы для данного региона.

Еще одной проблемой является вопрос генезиса археологических культур. В. Т. Ковалева и С.Ю. Зырянова говорят о том, что для эпохи неолита эта проблема осложняется еще и тем, что керамика, которая служит одним из основных источников для установления преемственности и динамики культурных традиций, появляется впервые (Ковалева 2001: 46–56) для территории Среднего Зауралья. Таким образом, они ставят вопрос о характере генезиса неолита: пришлый он или местный. Здесь следует отметить, что А.И. Петров отмечал влияние кельтеминарской культуры в Зауралье и Западной Сибири, которое, судя по всему, имело место не в раннем неолите. А.И. Петров ссылается на В.Н. Чернецова, который указывал на поздние контакты кельтеминарской и восточно-уральской культур, и Г.Н. Матюшина, который показал, что наконечники кельтеминарского типа, встреченные в Зауралье приблизительно в тех же границах, что и керамика козловского типа, появляются здесь лишь в эпоху позднего неолита (Петров, 1987). Последующие исследования не разрешили эту проблему.

Таким образом, вопрос о генезисе неолитического населения южнотаёжного Омского Прииртышья остается открытым. В частности, нерешенным остается вопрос о роли южных (кельтеминарских) и западных культурных импульсов (восточноуральских и, в частности, боборыкинской археологической культуры) в формировании местного населения. Отчасти это связано с нерешенными проблемами генезиса археологических культур Зауралья и их исторических судеб. С другой стороны, препятствием является недостаточное внимание исследователей Среднего Прииртышья к указанным проблемам. Лишь изменение такого положения может привести к положительным сдвигам в нужном направлении.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. К.Н. Тихомиров

Список литературы

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1982.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень : ИПОС СО РАН, 2001.

Косинская Л.Л. Поздненеолитическая стоянка Артын на среднем Иртыше // Археологические исследования севера Евразии : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1982.

Петров А.И. Периодизация и хронология памятников Екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология) : сб. науч. тр. – Омск, 1987.

Толпеко И.В. Памятники с каменным инвентарем периода позднего неолита-ранней бронзы в Среднем Прииртышье // Россия и Восток: археология и этническая история. – Омск, 1997.

Хвостов А.В. Проблема периодизации и хронологии памятников эпохи неолита-раннего металла Омского Прииртышья // Россия и Восток: археология и этническая история. – Омск, 1997.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – М., 1953.

«УЗОР В ФОРМЕ ОБЛАКА»: ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ КЕРАМИКИ СТИЛЯ КАМЭГАОКА*

Гончарство, занимающее видное место в ряду древнейших производств, очень широко и разнопланово представлено в археологических комплексах Японского архипелага в эпоху Дзёмон. Керамика служит одним из ведущих источников археологической систематизации и историко-культурных экскурсов.

В периодизации культуры Дзёмон принято выделять шесть этапов развития: Первоначальный, Начальный, Ранний, Средний, Поздний и Финальный. Каждый из перечисленных периодов имеет свои особенности, как в формах керамики, так и в орнаментальных мотивах. В данной статье мы бы хотели рассмотреть гончарные традиции Финального этапа развития культуры Дзёмон.

Наиболее ярким представителем данной традиции в период Финального дзёмона является керамика стиля Камэгаока. Территория распространения стиля Камэгаока захватывает почти весь Японский архипелаг, начиная от п-ва Осима на юге о. Хоккайдо и заканчивая северной частью о. Кюсю.

Во время расцвета стиля Камэгаока в западной части Японского архипелага происходит формирование культуры Яёй. Таким образом, гончары данного стиля не только наследовали традиции предшествующих периодов, но также заимствовали некоторые особенности гончарного производства, характерные для Кореи и Китая.

Впервые интерес к керамике Камэгаока возрос в период Эдо, после раскопок памятника Камэгаока в 1783 г. на территории г. Цугару в префектуре Аомори.

По мере изучения огромный вклад в понимание данного феномена сделал выдающийся японский археолог Яmanoучи Сугао, опубликовав в 1930 г. статью под названием «Распространение керамики типа Камэгаока и заключительный период существования керамики с веревочным орнаментом». На основе материала, полученного во время раскопок на раковинной куче Ообора в г. Офунато в префектуре Иватэ, Яmanoучи Сугао выделил шесть основных типов орнамента, характерных для керамики Камэгаока: *Ообора В* – разветвленный узор; *Ообора В-С* – узор в виде папоротника; *Ообора С1* – узор в виде облаков; *Ообора С2* – узор в виде облаков с параллельными линиями; *Ообора А1* – узор в виде буквы «Н»; *Ообора А'* – модифицированный узор в виде буквы «Н» (Яmanoучи, 1930: 139–157).

На сегодняшний день все сосуды Камэгаока можно разделить на две большие группы: сосуды грубой лепки и изящные сосуды. Исследования доказали, что сосуды второй группы были сделаны из более качественного сырья, чем сосуды первой. При этом сосуды грубой лепки орнаментировались лишь веревочным штампом.

Характерной особенностью стиля Камэгаока являются изысканные формы сосудов и орнаментальные мотивы. Орнаментальные композиции включают в себя множество разнообразных узоров: веревочный оттиск, насечки, зигзаги, треугольники, елочный орнамент, узоры в форме облаков, в виде листьев папоротника, буквы «Н», параллельные насечки, «жемчужины», а также разнообразные разветвленные узоры. Помимо орнамента широкое распространение в период Финального дзёмона получила техника лощения. При этом Тацуо Кобаяси во время своих исследований определил, что орнамент на сосудах играет больше декоративную роль, нежели утилитарную (Кобаяси, 1989: 1–10).

В стиле Камэгаока выделяют следующие типы сосудов: горшки, банки, вазы, кувшины, курительницы, сосуды с носиком, блюда, кубки, чаши на ножке и пр.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 11-01-00092 «Ритуально-обрядовая посуда культуры дзёмон: особенности и тихоокеанские параллели.

Орнамент наносился как на всю поверхность тулова, так и на определенную часть. Например, у сосудов открытой формы, банок, кувшинов, больших ваз, а также на некоторых чашах на ножке орнаментом был украшен венчик и тулово от плечика до середины. Остальная часть сосуда специально полировалась. Сосуды меньших размеров – небольшие вазочки, кубки, курильницы и банки, сосуды с носиком – орнаментировались по всей поверхности тулова (Фудзинума, 1989: 318–324).

В качестве инструментов для нанесения резных линий и гравировки, а также шлифовки поверхности в большинстве случаев использовались деревянные лопатки, раковины или специально изготовленные палочки. Для разнообразия орнамента часто использовались листья растений. При детальном изучении поверхности сосудов Камэгаока были найдены следы некой материи, которая, вероятнее всего, использовалась для шлифовки сосудов. Благодаря применению техники лощения большинство сосудов во время обжига приобрели черный цвет. Помимо керамики черного цвета, на памятниках стиля Камэгаока часто встречаются сосуды и черепки красного цвета (Фудзинума, Гуру, 2008: 682–693).

Орнамент Камэгаока является не только наследует традиции более ранних периодов существования культуры Дзёмон, но и является новым этапом в развитии гончарного производства. Это узор непревзойденной красоты, однако, его строение настолько запутанно, что, на первый взгляд, кажется трудным для создания. Но при более детальном рассмотрении каждого отдельно взятого узора, композиция приобретает ясную и довольно простую конструкцию.

Попробуем показать это на примере создания «орнамента в форме облака» (雲形文 – unkeimon) (рис. 1).

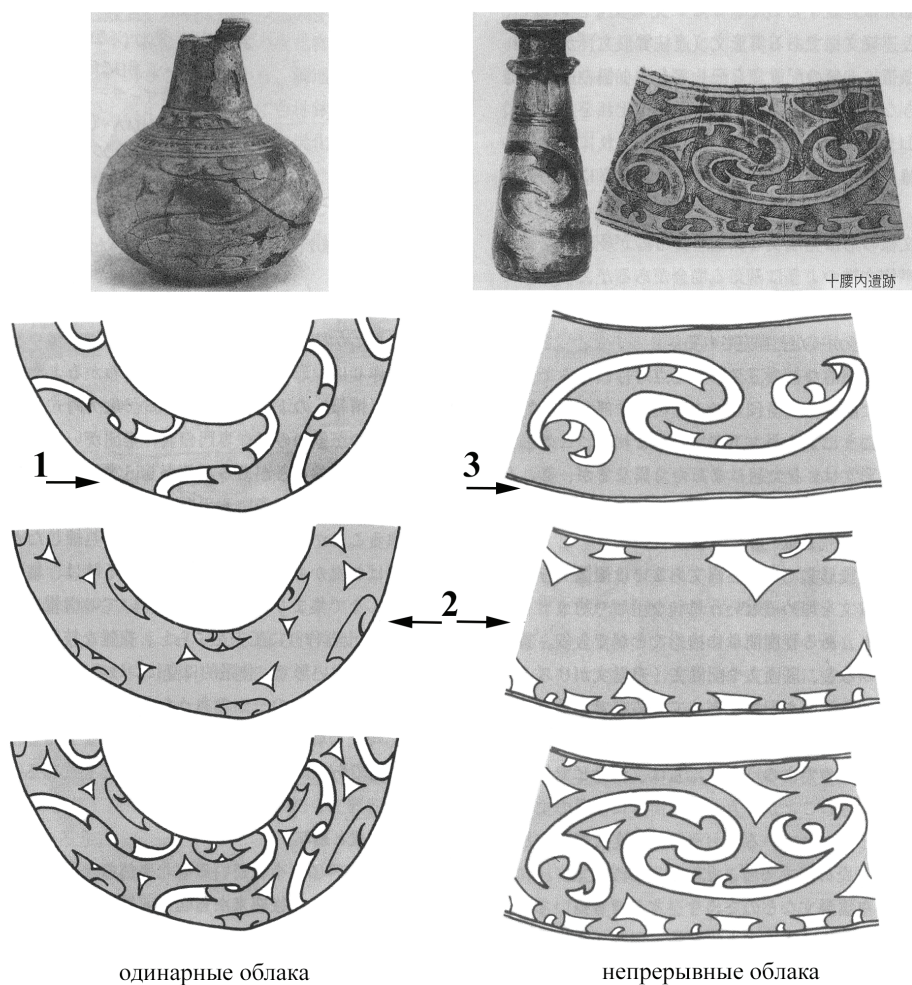

Рис. 1. Процесс написания узора в форме облака (по: [Фудзинума, Гуру, 2008. С. 686])

Вероятнее всего, что для написания узора в форме облака мастера стиля Камэгаока использовали специально созданное лекало на основе известного узора. Узор в форме облака сочетает в себе три разных узора: 区画文 – kukakumon – разделяющий узор; 充填文 – zutenmon – заполняющий узор; 配置文 – haichimon – распределяющий узор.

Разделяющий узор представляет собой зеркальное отражение абсолютно симметричных дугообразных линий сплетенных между собой (рис. 1.1). При этом на ленте орнамента может быть нарисовано бесконечное количество подобных сплетений, что будет являться базой для бесконечного количества узоров в форме облаков. *Заполняющий узор* в большинстве случаев имеет симметрично-зеркальное расположение (рис. 1.2). При соединении разделяющего и заполняющего узора получается так называемый «орнамент из одинарных облаков» (単位雲形文 – tan'i unkeimon). *Распределяющий узор* представляет собой непрерывно-соединенные и абсолютно симметричные линии С-образной формы (рис. 1.3). При этом из распределяющего узора может получиться лишь один узор в форме облака. Если соединить распределяющий узор с заполняющим, то можно создать новый тип облачного орнамента – «орнамент из непрерывных облаков» (連続雲形文 – genzoku unkeimon) (Фудзинума, Гуру, 2008: 682–693).

На основе датирования черепков радиоуглеродным методом получен ряд дат: от 3,100 л.н. до 2,400–2,200 л.н. Таким образом, стиль Камэгаока существовал примерно 700–900 лет.

Сосуды стиля Камэгаока демонстрируют улучшение техники обжига, обработки глины, более тщательную отделку поверхности. Их размеры уменьшаются, формы становятся более простыми и утилитарными, узоры приобретают плавность и уравновешенность. Появляются разнообразие красители, вводится лощение. Довольно часто, по аналогии с китайскими и корейскими бронзовыми зеркалами или изделиями из лака, мастера керамики Камэгаока имитируют их декор и цвет. С освоением техники бронзового литья глина перестала быть единственным материалом для изготовления ритуальных предметов, а керамические сосуды, вытесненные из круга уникальных культовых сокровищ, в большинстве своем перешли в разряд предметов обихода.

Научный руководитель: д-р ист. наук А.В. Табарев

Список литературы

Кобаяси Т. Общий обзор керамики Дзёмон. Ч. 4. – Токио : Сюгакукан, 1989. – С. 1–10 (на яп. яз.).

Фудзинума К. Орнамент керамики Камэгаока // Общий обзор керамики Дзёмон. Ч. 4. – Токио : Сюгакукан, 1989. – С. 318–324 (на яп. яз.).

Фудзинума К., Гуру С. Керамика Камэгаока // Справочник по керамике культуры Дзёмон. – Токио, 2008. – С. 682–693 (на яп. яз.).

Яманочу С. Распространение керамики типа Камэгаока и заключительный период существования керамики с веревочным орнаментом // Археология. – Т. 1, вып. 3. – Токио, 1930. – С. 139–157 (на яп. яз.).

С.А. Маслодудо

Чита, Забайкальский государственный университет

ПОСЕЛЕНИЕ БУДУЛАН (ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ). НОВЫЕ ДАННЫЕ

Поселение Будулан – опорный памятник эпохи позднего неолита – ранней бронзы юго-восточного Забайкалья. Объект расположен на восточной окраине с. Будулан (Агинский р-н Забайкальского края) у истока ключа. Поселение открыто и исследовано в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Ононским отрядом Бурят-Монгольской археологической экспе-

диции АН СССР под руководством Ю.С. Гришина. Материалы исследований опубликованы (Гришин, 1975; 1981).

На поселении обнаружена серия очагов и кострищ. Очаги розеточного типа, округлой формы, сложенные из небольших камней, речной гальки, плиток. У очагов зафиксированы многочисленные следы расщепления галек халцедона и яшмовых пород. Каменный микроинвентарь представлен торцовыми нуклеусами конической, карандашевидной, призматической форм, ножевидными пластинками и микропластинками, обработанными краевой ретушью, иногда пильчатой, остриями и наконечниками стрел даурского типа на пластинках; бифасиально обработанными наконечниками стрел подтреугольных, листовидных форм с прямым или вогнутым, зачастую асимметричным, основанием; двусторонне обработанными вкладышами; концевыми скребками на отщепках и пластинках. Керамический материал представлен в основном фрагментами тонкостенных круглодонных сосудов с прямыми или отогнутыми наружу венчиками, иногда украшенными насечками и вдавлениями по поверхности среза. Привенчиковая зона сосудов имеет прямоугольные, треугольные в сечении валики с полукруглыми и косыми насечками. Основная масса сосудов светло и темно-коричневого цвета, изредка красного. В преобладающей части тесто сосудов имеет примесь мелкозернистого песка, мелкой дресвы. Поверхности сосудов покрыты отпечатками сетки-плетенки, перевитых нитей различной толщины, прямой или косой (иногда пересекающейся) штриховкой. Реже встречаются отпечатки растительных волокон и волосков шерсти пушного зверя. Основные орнаментальные сюжеты представлены горизонтальными рядами различных видов прямых и изогнутых отпечатков отступающей лопаточки и зубчатого штампа, а также горизонтальными отпечатками палочки-тычка, желобообразными углублениями, скобчатыми, иногда парными, насечками и прерывистыми отпечатками роликового штампа. Некоторые отпечатки образуют узоры ёлочного орнамента, зигзаги – своеобразные отпечатки когтей зверя, спускающегося вниз арочного орнамента (Гришин, 1975; 1981).

Материалы поселения являются довольно значительными и представительными для иллюстрирования материальной культуры конца неолита – ранней бронзы аридной зоны юго-восточного Забайкалья.

В 2012 г. Агинским археологическим отрядом ЗабГГПУ проводились разведочные и мониторинговые работы на территории степных районов Забайкальского края. В поле археологического поиска вошло и поселение Будулан.

В ходе обследования установлено, что поселение приурочено к покровным отложениям бортов древней циркообразной родниковой воронки на левобережье р. Онон. Родниковая воронка является редкой формой рельефа и образуется в результате большой пористости пород, при значительном уклоне водоносных пластов и гидростатического напора пластовых вод нижнего этажа, поступающих в рыхлые отложения четвертичного возраста. Диаметр основной части воронки составляет около 100 м, высота бортов от уреза ручья 15–18 м (Шипицин, 2009: 92).

На поверхностях уступов, скатов бортов воронки был собран подъёмный материал, представленный обожжёнными плитками и небольшими камнями, продуктами расщепления. В обнажениях бортов фиксируются следы зольных пятен, профили ям с углисто-сажистым заполнением, обожжённые мелкие камни.

На одном из мысовидных выступов восточного края воронки был заложен пикет (3х4 м). Отложения вскрыты на глубину до 0,3 м. Также, произведена зачистка обнажений уступа борта воронки на глубину до 1 м. Зафиксирована следующая стратиграфия (сверху вниз): **слой 1** – бледно-бурая пылеватая супесь с большим содержанием дресвы, в кровле содержится маломощная корневая система степной, полупустынной растительности (мощность 0,2–0,25 м); **слой 2** – дресва светло-коричневого цвета (мощность 0,15–0,2 м); **слой 3** –

плотный слой дресвы бледно-жёлтого, белёсого цвета (мощность слоя по видимой границе 0,4–0,5 м).

Археологический материал зафиксирован в литологическом слое 1 на двух уровнях залегания. Глубина залегания находок уровня 1 – 0,07–0,10 м от современной поверхности. Обнаружено 10 артефактов. Из них 7 – технические сколы аморфных форм, 2 медиальных фрагмента микропластинок и концевой ногтевидный скребок из халцедона (1,3x1,5x0,2 см).

Уровень 2 связан с основанием литологического слоя 1. Глубина залегания от современной поверхности – 0,20–0,25 м. Выявлено скопление обожженных камней и связанных с ними артефактов. Чётко определимы два очага округлой формы диаметром 0,4–0,5 м. Сложены мелкими камнями различных конфигураций, размером от 0,05–0,15 м. Кладки плотные, однорядные. Все камни сильно сильно прокалены. Пространство между камнями заполнено слоем сажи мощностью до 0,05–0,07 м. В центре очагов имеется небольшая западина. Вокруг очагов зафиксировано множество бессистемно расположенных камней, также подвергавшихся термическому воздействию.

По количеству артефактов уровень 2 превосходит вышележащий. Археологический материал расположен по всей территории изученной площадки. Обнаружена 101 находка. Из них 53 экз. – отщепы, микроотщепы, сколы, 18 фрагментов микропластинок, 5 микропластинок с ретушью, двугранная пластинка неправильной формы (3x1,2x0,5 см), пластинчатый скол с регулярной однорядовой краевой ретушью со спинки (3,1x1,3x0,3 см).

В коллекцию входит серия сколов с нуклеусов для снятия микропластин (сколы оживления) – 5 экз., заготовка нуклеуса, халцедоновый желвак, два торцовых нуклеуса с негативами снятий микропластин (размером 3,4x1,4x0,9 см и 3x1,5x0,6 см). К микроизделиям относятся также 2 фрагмента ногтевидных скребков на отщепах, 2 концевых скребка на пластинках, проколка «даурского типа» на ромбовидном сколе (3x1x0,5 см). Все микроизделия из коллекции уровня 2 изготовлены из кремня, яшмы, халцедона.

К крупным находкам относятся изделия из речных галек продолговатых форм: 2 отбойника, абразив. Также интересно долото на плоской галечке подпрямоугольной формы (размер 9,9x3,5, 0,6 см). Рабочий край прямой, клиновидный в профиль, был оформлен приостряющей подтёской с двух сторон на узком конце изделия. Керамики и остеологического материала не обнаружено.

Характер полученного нами материала и геологические условия его залегания позволяют подтвердить существующую датировку поселения в пределах неолита – ранней бронзы и установить перспективность его дальнейшего изучения.

Научный руководитель: С.Б. Верещагин

Список литературы

- Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М., 1975.
Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья. – М., 1981.
Шипицын А.А. Будуланская родниковая воронка // Малая энциклопедия Забайкалья «Природное наследие». – Новосибирск, 2009. – С. 92–93.

ИЗДЕЛИЯ НЕУТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ИЗ ГЛИНЫ

Интерес к изучению изделий неутилитарного назначения из глины сохраняется на протяжении нескольких десятков лет. Одной из сложностей изучения данной темы является индивидуальный характер изделий: все они представлены либо единичными находками, либо небольшими сериями, что ограничивает возможность сравнения находок. Другой сложностью является плохая сохранность находок. Несмотря на то, что они изготавливались без тонких деталей, целый предмет из глины – редкость.

Существующие на Урале изделия из глины можно разделить на скульптуры, диски и изделия непонятного назначения. Скульптуры в свою очередь можно разделить на антропоморфные и зооморфные. Среди зооморфных фигурок встречаются птицы, лосихи, рыбы, медведи. Чаще всего встречаются птицы.

Так, фигурка птицы найдена на берегу Юрьинского озера на памятнике «Кокшаровское поле» в неолитическом жилище. Фигурка фрагментирована, голова и задняя часть тулова отсутствуют. На этом же памятнике найдена редкая для территории Урала эмбрионовидная фигурка (Сериков, 2007: 19). На Кокшаровском холме выявлена серия глиняных поделок. Представляет интерес отломанная головка птицы. Скульптура напоминает хищную птицу. Находка только головы животного не единична. Головы медведя находили на поселении Шувакиш I и поселении Андреевское озеро VIII (Сериков, 2007: 19). На раннеолитическом поселении ЮАО-XV найдена фигурка птицы с не заглаженной поверхностью. От массивного туловища отходят скошенные крылья, головка маленькая, большую ее часть составляет клюв. Лапки обозначены небольшим разделенным надвое выступом. Длина скульптуры – 5,1 см, высота – 3,5 см, ширина: с крыльями – 3,2 см, без крыльев – 2,1 см (Усачева, 1998: 106).

Иногда можно встретить полиэйконические скульптурки, которые изображают птицу и медведя. На раннеолитической стоянке Евстюниха I была обнаружена глиняная скульптура птицы. К сожалению, скульптурка не целая: одна лапка отпала, но отчетливо виден ее негатив, хвостик и часть тулова срезаны лопатой. Птица имеет короткую шею, слегка намеченную закругленную головку и прижатые к телу лапки. Размеры сохранившейся части: 3,7×2,5×1,9 см. Скульптурка изображает птицу из семейства тетеревиных. Поверхность фигурки хорошо заглажена и покрыта неглубокими насечками. Эта скульптура является полиэйконической: если повернуть ее на 90°, то она превратится в изображение медведя (Сериков, 2002: 134).

Некоторые фигурки объединены техникой и временем выполнения, а также местом, где они найдены, поэтому их можно объединить в небольшую серию. При исследовании энеолитического культового центра на Шайтанском озере обнаружены уникальные фигурки, изображающие уточку, лосиху и рыбку, выточенные из стенок керамических сосудов. Уточка сохранилась почти полностью, за исключением кончика хвоста. Размеры сохранившейся части 3,1×3,7 см. У уточки массивная голова и практически отсутствует шея. Лосиха сильно фрагментирована. Рыбка выточена из венчика неолитического сосуда. Аналогий этим фигуркам нет (Сериков, 2007: 21).

Антропоморфные скульптуры обычно представлены схематичными изображениями. На поселении ЮАО-XII найдены семь энеолитических антропоморфных скульптур, изготовленных из глиняного бруска, без рук и ног, но с головой, которая была отбита еще в древности (Усачева, 1998: 108). Эти скульптуры похожи на находку с Березовского мыса. Это изображение антропоморфа с отбитой в древности головой, без ног и рук. Высота сохранившейся части 8 см. Вторая фигурка отличается от первой: имеет подовальную форму. На

фигурке присутствуют следы закопченности. Размеры: 5,6×2,9×1,4 см. На том же памятнике найдены обломки пяти статуэток, от которых сохранились только нижние части (Сериков, 2007: 20). Похожие, но не орнаментированные, фигурки нашли на поселении Палатки II. Они представляют собой копии разных размеров. Изготовлены без рук и ног. Размеры на более крупной – 7,5×5,8×2,4 см (Панина, 1999: 23).

Диски – наиболее крупная серия изделий неутилитарного характера из глины. На святилище на вершине горы Голый Камень помимо каменных дисков найдены 22 керамических, изготовленных из фрагментов стенок сосудов. В большинстве случаев им была придана относительно круглая форма и просверлено отверстие диаметром 0,2–0,4 см. Из коллекции святилища наиболее интересным является обломок керамического диска диаметром около 4 см. На одной плоскости присутствует правильный циркульный орнамент, состоящий из кругов, вписанных один в другой. На другой плоскости круги процарапаны от руки (Мищенко, 1998: 138).

Изделия непонятного назначения классифицировать можно только по технике выполнения, т. к. другие классификации связаны с их семантикой и назначением. По технике выполнения все изделия можно разделить на выполненные из сырой глины, а после обожженные, и на те, которые были выточены из фрагментов сосудов.

Для изделий непонятного назначения эти две группы примерно равны по количеству находок, но среди фигурок чаще встречаются сделанные из сырой глины. На Кокшаровском холме В.Ф. Старковым найден глиняный, слегка сплюснутый шарик с отверстием в центре. Шарик орнаментирован по всей поверхности прямыми резными линиями (Сериков, 2002: 131). Там же А.Ф. Шориным найдены два почти одинаковых крупных кольца, вырезанных из фрагментов керамических сосудов. Целое кольцо имеет диаметр 5,4–5,8 см и отверстие в центре диаметром 2,3 см. От второго сохранился фрагмент. Реконструируемый диаметр кольца такой же, как у первого, но диаметр отверстия меньше. Там же найден и фрагмент изделия, реконструируемого как сфера диаметром 8,5 см (Сериков, 2007: 23). На соседнем с холмом Юрьинском поселении В.Ф. Старковым найдено изделие, вырезанное из фрагмента керамики. Изделие представляет собой овальную розетку с шестью лепестками. Диаметр по осям 5,8 и 5,2 см (Сериков, 2002: 131).

На VI разрезе Горбуновского торфяника Д.Н. Эдингем найдены необычные изделия. Они изготовлены из слабо обожженной глины в виде плоских «лепешек», покрытых непонятными знаками. Эти «лепешки» вызвали большой интерес у исследователей. В.А. Арефьев соотносит их с «тамгами владельца» и считает, что знаки на «лепешках» – это личные метки людей, участвовавших в древних обрядах на Горбуновском торфянике (Арефьев, 2002: 146–147). М.Ф. Косарев и А.Г. Кифишин считают знаки на «лепешках» VI разреза остатками очень древнего, чрезвычайно архаичного варианта протописьменности (Косарев, Кифишин, 2000: 272–273).

Таким образом, все изделия из глины неутилитарного характера являются сакральными предметами и обладают различным семантическим наполнением, расшифровкой которого будет заниматься не одно поколение исследователей.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Ю.Б. Сериков

Список литературы

Арефьев В.А. Знаки на керамических изделиях с Шестого разреза Горбуновского торфяника // Северный Археологический Конгресс : тезисы докладов. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. – С. 146–147.

Косарев М.Ф., Кифишин А.Г. Глиняные таблички Горбуновского торфяника // Жертвоприношение : Ритуал в культуре и искусстве от древности и до наших дней. – М., 2000. – С. 272–273.

Мищенко О.П. К вопросу о реконструкции культов и культовых обрядов (по материалам святилища на вершине г. Голый Камень) // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. – 1998. – С. 135–145.

Панина С.Н. Итоги полевых исследований Свердловского краеведческого музея (1977–1997) // III Берсовские чтения : Материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1999. – С. 20–29.

Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. – 2002. – С. 127–150.

Сериков Ю.Б. Глиняная пластика Урала в эпохи неолита – бронзы // Ученые записки Нижнетагильской гос. соц.-пед. академии. Общественные науки. – 2007. – С. 18–37.

Усачева И.В. К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам древней глиняной и кремневой пластики эпохи неолита-бронзы озера Андреевского Тюменской обл.) // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. – 1988. – С. 105–134.

Е.Н. Николаев

Якутск, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНОК АЙЫЫ ТААЙБЫТ – I, II

Одним из мало изученных направлений истории РС(Я) является археологическое изучение Горного улуса. К сожалению, оно проведено значительно хуже, чем в других районах республики (Алексеев, 1996: 144, Дьяконов 2009, Мочанов и др., 1983: 390), имеющих речные артерии (например, Хангаласский, Олекминский, Нерюнгринский и др. районы). В отличие от улусов с речными водотоками, в Горном улусе, где отсутствуют реки, а преобладают озера, отмечается большое количество озерных стоянок и поселений древних людей (Алексеев, Кочмар, 1988: 140). В данной работе вводятся в научный оборот материалы полевых исследований последних двух лет, проведенные Якутским отрядом археологической экспедиции СВФУ.

Памятники Айыы Таайбыт – I, II были открыты в 2011–2012 гг. Якутским отрядом археологической экспедиции СВФУ под руководством Д.А. Пестерева. Памятники расположены на берегу старичного оз. Айыы Таайбыт, находящегося в 60 км к северо-востоку от г. Якутска. Стратиграфия памятника нарушена естественными геологическими и антропогенными процессами, сами слои смешаны.

Коллекция находок со стоянок Айыы Таайбыт – I, II, полученная в ходе раскопок в 2011 и 2012 гг., составляет 1354 экземпляра, из которых – 741 экз. каменного инвентаря, 324 – фрагмента керамики и 289 – костей животных.

Среди нуклеусов нет целых, полностью оформленных экземпляров. Присутствует один фрагмент нуклеуса со следами сколов поджигления. Ширина – 1 см, толщина – 0,6 см, высота – 0,8 см.

Пластины без обработки – 105 экземпляров. Среди этой категории находок к потенциальным заготовкам или орудиям можно отнести 14 проксимальных, 23 медиальных сечений правильной огранки. Остальные пластины и сечения неправильной огранки: целые – 3 экз., проксимальные – 30, медиальные – 22, дистальные – 16. Среди пластинчатого инвентаря преобладают неправильные формы, короткие нефункциональные сечения и явные отходы.

Пластины с ретушью и вкладыши – 3 экз. Данная категория представлена следующими изделиями: обломок медиальной части четырехгранной пластины из серого кремня, одна сторона обработана выемчатой ретушью; пластина-вкладыш из светло-розового кремня с светло-оранжевыми прожилками, лезвия обработаны краевой ретушью; ребристая двугранная пластина из светло-серого матового кремня.

Пластина с выемкой – 1 экз. Выполнена из светло-серого кремня с розоватыми прожилками. Имеет выемку и дополнительную обработку одного из краев.

Острие – 1 экз. Выполнен на обломке проксимальной части четырехгранной пластины из грязно-серого кремня. Имеет скошенный край, обработанный мелкой чешуйчатой ретушью.

Скребок на отщепе – 1 экз. Изготовлен из темно-серого кремня. Имеет подтрапещевидную форму. Основное лезвие чуть скошено по отношению к продольной оси изделия, обработано мелкой полукрутой ретушью, направленной с брюшка на спину. Второе лезвие обработано крутой ретушью, также направленной с брюшка на спину. Остальная поверхность не имеет следов обработки. Максимальная длина – 2,4 см, длина от основания до основного (скошенного) лезвия – 2,2 см, максимальная толщина – 1,2 см, ширина основного лезвия – 1,4 см, ширина бокового лезвия – 1,9 см, высота – 0,3 см.

Отщеп с ретушью – 1 экз. Изделие по нижнему краю обработано мелкой чешуйчатой ретушью, направленной с брюшка на спинку. Ширина – 2,5 см, максимальная длина – 2,9 см, толщина – 0,3 см.

Двусторонне обработанные орудия – 2 экз. К данной категории отнесены: обломок наконечника дротика с округлым насадом, ширина – 1,6 см, длина – 3 см, толщина – 0,3 см; концевой топорovidный скребок на кремневой плитке, длина – 5,5 см, ширина лезвия – 4 см, толщина – 1,2 см.

Шлифованное орудие – 1. Представлено шлифованным трапещевидным теслом с приостренными продолжными краями и миндалевидным поперечным сечением. Имеет выпукло-овальное лезвие. Изготовлен из окремненного сланца. Длина – 4,1 см, ширина обушка – 1,3 см, ширина лезвия – 2,3 см.

Кроме орудий из кремнистых пород представлено долото из известняковой плитки. Ширина обушка – 1,5 см, ширина лезвия – 1,8 см, толщина – 0,8 см.

Полученный материал не выпадает из общей картины неолита и датируется Ымьяхтахским этапом новокаменного века (III–II тыс. до н.э.). Кроме того, данные находки дополняют фактологическую базу по неолиту Центральной Якутии и, в частности, Горного улуса.

Научный руководитель: канд. ист. наук В.Г. Аргунов

Список литературы

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996.

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Черосов Н.М. Основные итоги и задачи исследований археологической экспедиции Якутского университета. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1988.

Дьяконов В.М. Поздний Центральной Якутии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 2009.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Алексеев А.Н., Козлов В.И. Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. – Новосибирск : Наука, 1983.

Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск : Наука, 1980а.

И.В. Уланов

Иркутск, Иркутский государственный университет

КЕРАМИКА УСТЬ-БЕЛОЙ. ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ

Целью настоящей работы является анализ и характеристика керамических комплексов стоянки Усть-Белая, а также определение их относительной хронологии с использованием методов сравнительного анализа и метода аналогий, поскольку сложная ситуация, характерная для отложений позднего голоцена памятника, не всегда позволяет использовать стратиграфические методы при датировании материалов. В работе представлены материалы из раскопок 1960-х гг. (Г.И. Медведев), 1980–90-х гг. (Н.Е. Бердникова) и 2011–2012-х гг. (И.М. Бердников, Н.Е. Бердникова).

Отобрано 947 наиболее информативных фрагментов керамики от 129 сосудов, в числе которых 5 археологически целых. В результате анализа выделено 23 группы (гр.) керамики (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика керамических комплексов Усть-Белой

Группа № / тип	Кол-во фрагм./ сосудов	% от общего числа сосудов	Форма сосуда	Преимущественная техника декорирования	Технический декор
1 / усть-бельский	689/38	29,46	простая, овалоидная, открытая, закрытая	отступающие наколы	–
2 / хайтинский	43/23	17,83	сложная, парабо-лоидная, закрытая	прочерчивание, отступающие наколы	шнур
3 / посольский	1/1	0,77	сложная, парабо-лоидная, закрытая	отступающие наколы	шнур
4	42/4	3,1	простая, закрытая	накальвание	«рубчатая лопатка»
5	4/1	0,77	простая	накальвание	«рубчатая лопатка»
6	10/1	0,77	сложная, закрытая	прочерчивание	–
7	10/1	0,77	простая, закрытая	отступающие наколы	затирание, штрих
8	11/1	0,77	–	накальвание	–
9	8/1	0,77	простая, закрытая	накальвание	затирание, штрих
10	14/1	0,77	сложная, закрытая	накальвание	–
11 / сеногдинско-тышкинейский	10/5	3,88	простая, закрытая	рельефная (налеп)	шнур
12 / сеногдинско-тышкинейский?	3/2	1,55	–	накальвание, рельефная (выдавливание)	–
13	12/4	3,1	сложная, закрытая, плоскодонная	–	«вафельный» декор
14	5/1	0,77	сложная, закрытая?	накальвание	–
15	8/9	6,98	сложная, овалоидная, закрытая	накальвание, рельефная (налеп)	«вафельный» декор (в одном случае)
16	5/1	0,77	–	рельефная (налеп)	–
17	16/8	6,2	простая, закрытая?	накальвание, рельефная (выдавливание – пальцевые защипы)	–
18	5/2	1,55	–	прочерчивание	–
19	6/3	2,33	сложная, закрытая	накальвание, прочерчивание, рельефная (налеп)	шнур
20	9/3	2,33	–	накальвание	–
21	8/4	3,1	–	накальвание	–
22	14/12	9,3	простая, закрытая	прочерчивание, накальвание	–
23	14/3	2,33	–	накальвание	–

Первые три группы относятся к эпохе неолита. Усть-бельский тип керамики (гр. 1) встречается на территории от Енисея и Северного Приангарья до западного и южного побережья Байкала. Время его существования определяется V–III тыс. до н.э. (Бердников, Бердникова, 2007: 56). Керамика хайтинского (гр. 2) типа в Прибайкалье датируется широким хронологическим периодом – 7200–5300 л.н. (Gorionova, 2003: tab. 1). Посольская керамика (гр. 3), рамки которой определяются в диапазоне 6900–4100 л.н. (Макаров, 2012: 68–70), также широко представлена в регионе.

Сосуды гр. 4 известны из материалов раскопок памятников на территории от Северного Приангарья (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 131) до берегов Байкала (Хлобыстин, 1963). Согласно радиоуглеродным датам с Усть-Хайты (Савельев и др., 2001) и Улан-Хады (Горюнова, Савельев, 1990) датировать данный тип можно концом III – первой половиной II тыс. до н.э. (поздний неолит – ранняя бронза). Точные аналоги керамики гр. 5 нам пока неизвестны, однако отметим, что сосуды с волнистым краем, характерным для данной керамики, встречаются в VIII слое Улан-Хады (Gorionova, 2003: fig. 10). Керамику гр. 19, возможно, следует отнести к бронзовому веку, хотя аналогичные фрагменты сосудов из Забайкалья И.В. Асеев датирует первой половиной III тыс. до н.э. (2003: 48).

Сосуды сеногдинско-тэшкинской группы (гр. 11 и 12) на побережье Байкала распространяются в период с конца II тыс. до конца I тыс. до н.э. (Кичигин, 2010: 173–175). Керамика гр. 13, для которой в Прибайкалье выделено два типа – борисовский и курлинский (Кичигин, 2010), датируется I тыс. до н.э., а фрагменты гр. 14 по орнаменту близки керамике курлинского типа (Кичигин, 2011: рис. 2). Сосуды с рассеченными налепными валиками из гр. 15, которые также датируются I тыс. до н.э., широко представлены в материалах памятников побережья Байкала (Харинский, 2005; Кичигин, 2010), а наиболее близкие аналоги встречены в Енисейском Приангарье (Мандрыка, 2009: 279–281, рис. 4; Мандрыка, 2005: 179–180, рис. 6).

Керамика гр. 22 имеет прямые аналоги в Приольхонье и датируется ранним средневековьем – VI–X вв. (Номоконова, 2005: 227). Сосудам гр. 17 с пальцевыми защипами известны аналоги на Среднем Енисее (Мандрыка, 2005: рис. 7), а также на побережье Байкала, где они датируются развитым средневековьем – VIII–XIV вв. (Харинский, 2001: 50–51). Группа 18, ближайшими аналогами которой выступает керамика с арочным орнаментом с северо-западного (Харинский, 1992) и западного побережья Байкала, также относится к средневековью (Асеев, 1980).

Ввиду недостаточной информативности имеющихся материалов не удалось пока атрибутировать керамику групп 5, 6, 7, 8, 9, 10, 16, 20, 21 и 23. Предварительно они отнесены нами к эпохе палеометалла.

Подводя итог, отметим, что проанализированный материал из раскопок Усть-Белой представлен преимущественно керамикой эпохи неолита, и большая часть ее относится к сосудам усть-бельского типа. В эпоху палеометалла и средневековья в сравнении с неолитом наблюдается рост многообразия керамических типов, что говорит о более интенсивном освоении данной территории представителями разных культурных общностей Байкальской Сибири. Широкий круг аналогов свидетельствует о сложном характере культурно-исторических процессов в Байкальской Сибири, где Усть-Белая являлась одним из узловых пунктов. В ближайшее время планируется продолжить работу по уточнению относительной хронологии керамических комплексов памятника, что в свою очередь станет весомым вкладом в реконструкцию общей картины освоения человеком Байкальской Сибири в эпоху неолита, палеометалла и средневековья.

Научный руководитель: И.М. Бердников

Список литературы

- Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. – Новосибирск : Наука, 1980.
- Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003.
- Бердников И.М., Бердникова Н.Е. Усть-бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология // Северная Евразия в антропогенезе: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск, 2007. Т. 1. – С. 51–57.
- Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск : Наука, 1988.
- Горюнова О.И., Савельев Н.А. Многослойная стоянка Улан-Хада // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. – С. 127–133.
- Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Изв. Лаборатории древних технологий. Вып. 8. – 2010. – С. 154–192.
- Кичигин Д.Е. «Вафельная» керамика южного побережья озера Байкал // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. – С. 183–193.
- Макаров Н.П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – М., 2012. – Вып. 3. – С. 67–72.
- Мандрыка В.П. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.
- Мандрыка П.В. К вопросу о культурных связях племен раннего скифского времени Енисейского Приангарья // Енисейская провинция: альманах. – Вып. 4. – Красноярск, 2009. – С. 277–286.
- Номоконова Т.Ю. Орнаментация средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2005. – Вып. 3. – С. 221–229.
- Савельев Н.А., Горюнова О.И. Сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Плотбище // Изв. ВСОГО СССР. – Иркутск, 1971. – Т. 68. – С. 202–204.
- Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Клементьев А.М., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В. Многослойный геoarхеологический объект Усть-Хайта – предварительные данные // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 338–352.
- Харинский А.В. Об орнаментике керамического комплекса городища Байкальское I // Археологические памятники эпохи Средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск : Наука, 1992.
- Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001.
- Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2005. – Вып. 3. – С. 198–215.
- Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА. – М., 1963. – Вып. 97. – С. 25–32.
- Goriunova O.I. The Neolithic of the Ol'khon Region (Lake Baikal) // Prehistoric Foragers of the Cis-Baical, Siberia. – 2003. – С. 15–35.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УКРАШЕНИЙ В КАМЕННОМ ВЕКЕ УРАЛА: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализ находок свидетельствует, что украшения на Урале бытуют на протяжении всего каменного века. Появившись еще в палеолите, они используются древними людьми вплоть до энеолита.

Палеолит. Самой многочисленной группой украшений в эпоху палеолита являются подвески. Они имеют приспособления для подвешивания в виде пропиленных, просверленных отверстий или противоположащих выемок. Самые древние изделия возрастом 31–33 тыс. лет происходят со стоянки Заозерье. Здесь обнаружена подвеска из окаменевшего стебля морской лилии, в центре которого просверлено отверстие (Павлов, 2009: 165). Аналогичные изделия обнаружены на стоянках Амвросиевка (Украина) и Костенки-17.

В Смеловской II пещере найдены подвески (31 штука), выполненные из мягкого талькового камня серого, коричневатого и желтоватого цветов. Плоскости подвесок гладко выровнены шлифованием, боковые же поверхности обработке не подвергались. Длина подвесок варьирует от 4,5 до 11 см, ширина – от 1,7 до 7,5 см, толщина – от 0,6 до 1,7 см (Бадер, 1971: 202).

Эпоха палеолита отмечена использованием таких типов украшений, как пронизки и бусы. И те, и другие имеют в центре отверстия, однако длина пронизок в два и более раза превосходит их диаметр, тогда как длина бус равна диаметру или меньше его. Самая древняя (19 тыс. лет) пронизка из трубчатой кости обнаружена в палеолитическом слое грота Безымянный (р. Пышма) (Сериков, 2007: 80).

Бусы в палеолите изготавливали из целых раковин наземных моллюсков, из бивня мамонта и камня. В Каповой пещере обнаружены бусы из зеленовато-желтоватого змеевика и из бивня мамонта. Целые серии находок бус и их заготовок из бивня мамонта известны в пещерах Байсланташ, Бобылек, Игнatieвская. Благодаря этим находкам удалось реконструировать процесс изготовления бус. Изделия из кости и раковины найдены на стоянке Талицкого.

Таким образом, в эпоху палеолита использовались главным образом подвески, пронизки и бусины. Эти изделия имели довольно крупные размеры и грубую обработку.

Мезолит. В эпоху мезолита появляются подвески из зеленоватого змеевика и его мягкой разновидности – офита. В пещере Бурановской в погребении мужчины было найдено 35 подвесок из зеленого или голубовато-зеленого змеевика размером от 3 до 7 см. Подвески имели слегка выпуклую миндалевидную форму, отшлифованы только с одной стороны. Под навесом Старичный Гребень также в погребении обнаружено 15 подвесок из зеленого змеевика высотой от 2,4 до 3,4 см (Бибиков, 1950: 97).

Мезолит отмечен единичными находками украшений из зубов животных. В мезолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской I стоянки были обнаружены подвески из фаланги северного оленя с круговой канавкой по периметру, из расколотого вдоль зуба волка и украшения в виде отшлифованных пластинок из резцов бобра. Такие пластинки широко использовались для украшения одежды и головных уборов. Подобные изделия происходят из пещеры на Камне Дыроватом. Две подвески из просверленных резцов бобра выявлены в мезолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской II стоянки (Сериков, 2007: 81).

Таким образом, в мезолите наиболее распространены подвески из камня и зубов животных. Размеры по сравнению с палеолитическими несколько уменьшаются, однако украшения все равно остаются крупными.

Неолит. В эпоху неолита в качестве украшений широко использовались зубы разных животных: северного оленя (Камень Дождевой), лося (там же), байбака (Русско-Шуганское погребение, Усть-Катавская пещера), бобра (Кокшаровско-Юрьинская II стоянка). Однако наиболее распространенным материалом служили зубы выдры. Основным комплекс таких находок происходит из женского погребения в гроте на Камне Дождевом. Костюм погребенной был расшит 73 просверленными клыками выдры. Для этого были использованы зубы только из нижних челюстей животных всего от 37 особей. Подобная избирательность подчеркивает особый социальный статус женщины, поскольку выдра в мифологических представлениях древних считалась вторым по силе животным после медведя (Сериков, 1993: 130).

Интересно отметить, что в неолите появляются и фигуративные украшения. В погребении мужчины в гроте на Камне Дождевом костюм погребенного украшали 9 подвесок в виде уточек, изготовленных из таранных костей бобра. Все уточки имеют подквадратное тулово, короткую шею и массивную голову. У хвостов фигурок просверлены отверстия для подвешивания. Длина фигурок 2,2–2,5 см, высота 2,3–2,5 см (Сериков, 1993: 136).

В Кумышанской пещере в неолитическом погребении была обнаружена уникальная подвеска в виде профильного изображения лица человека. На подвеске сверлинами показан глаз, подчеркнуты лоб, нос и подбородок. Высота подвески 3 см, ширина 2,5 см (Сериков, 2007: 81).

Таким образом, неолитические подвески отличаются более миниатюрными, по сравнению с мезолитическими, размерами и более сложными в изготовлении изделиями.

Энеолит. В эпоху энеолита большее предпочтение отдавалось украшениям из красно-бурого шифера (пирофиллитового сланца). По два десятка каплевидных подвесок из шифера обнаружено в энеолитическом культовом центре Шайтанское озеро I и святилище Усть-Вагильский холм, 52 подвески происходят из Аятского погребения. Представляет интерес одна подвеска с Шайтанского озера. Она изготовлена из черного шифера, однако анализ ее под микроскопом показал, что в древности она была окрашена охрой в красный цвет (Сериков, 2004: 103).

Подвески из пирофиллитового сланца были широко распространены и в Западной Сибири. В двух погребениях могильника Бузан-3 обнаружено 170 и 220 тщательно отшлифованных подвесок овальной и каплевидной формы.

Костяные энеолитические подвески также имеют каплевидную форму. Такие находки могли составлять целые комплексы, например в Аятском погребении, Скворцовской Горе V, гроте Бурмантовском, пещере Жилище Сокола, Кульметовском гроте. Известны и единичные находки костяных подвесок на таких памятниках, как 1-я Береговая, Камень Писаный, Крутяки I, Муллино III, Шувакиш I, Шигирское городище, Шигирский Исток I.

В эпоху энеолита широко представлен еще один тип украшений – нашивки. От подвесок они отличаются отсутствием приспособлений для подвешивания.

Крупная коллекция нашивок обнаружена на Шайтанском озере. Здесь присутствуют более 30 плиток камня со следами оббивки. Плиткам придана овальная или круглая форма диаметром от 1,1 до 3,3 см. Одна плитка имеет светло-красный и три – темно-серый цвет, остальные – серебристые (Сериков, 2007: 82).

Среди нашивок присутствуют каменные изделия, боковые края которых не оббиты, а пришлифованы. Также пришлифованы и их плоскости. Такие нашивки известны в Аятском погребении, на поселениях Макуша III, Шувакиш I и Шайтанском озере.

Таким образом, в энеолите древние люди предпочитали изготавливать украшения красно-бурого цвета. Изделия становятся еще меньше по размеру, достигая 1–1,5 см, однако резко возрастает их количество. Они присутствуют на памятниках разных типов – святилищах, стоянках, погребениях, поселениях, но преобладают на памятниках культового характера. Этот факт еще раз подчеркивает священный характер украшений.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Ю.Б.Сериков

Список литературы

- Бадер О.Н. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА. – 1971. – № 173. – С. 200–208.
- Бибииков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // Сов. археология. – 1950. – Т. 13. – С. 95–105.
- Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье – памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // РА. – 2009. – № 1. – С. 163–171.
- Сериков Ю.Б. Исследования грота на Камне Дождевом (р. Чусовая) // Вопр. археологии Урала. Вып. 21. – Екатеринбург, 1993. – С. 130–140.
- Сериков Ю.Б. Подвески и нашивки энеолитической эпохи (по материалам культового центра на Шайтанском озере) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург, 2004. С. 100–108.
- Сериков Ю.Б. Украшения древнего человека по материалам археологических памятников Урала // Памятники археологии и художественное творчество: материалы осеннего коллоквиума. Вып. 4. – Омск, 2007. – С. 78–84.

А.Ю. Юракова

Кемерово, Институт экологии человека СО РАН

О ДВУХ ГРУППАХ «ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНЫХ» КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА – РАННЕГО МЕТАЛЛА СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ И БАРАБЫ: К ПРОБЛЕМЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ*

В западно-сибирской историографии комплексы с керамикой «гребенчато-ямочной» (ГЯ) орнаментации традиционно связываются с развитием общностей позднего неолита и начала эпохи металла (Косарев, 1974; Петров, 1986; Молодин, 1977, 2001). К настоящему моменту явственно обозначилась проблема морфологической неоднородности ГЯ-массива (Молодин, 2001). В то же время обзор опубликованных источников позволяет говорить по крайней мере о двух группах керамики. В настоящей работе представлены результаты контекстуального анализа взаимодействия этих групп с сопутствующим их картографированием (рис. 1).

С указанной проблемой мы столкнулись в процессе исследования керамических комплексов поселения Автодром-2/1 (Бобров, Марочкин, 2009). Здесь выделены две группы керамики в соответствии с приуроченностью к северо-восточной группе жилищ, получившие условные обозначения СВ-2 и СВ-3 (Юракова, 2012б). Планиграфический анализ показывает их обособленное положение относительно основного поздненеолитического комплекса артынской культуры (СВ-1): локализация преимущественно в восточной части поселка, залегание в межжилищном пространстве в виде компактных скоплений *in situ*.

Комплекс СВ-2. Слабопрофилированные сосуды с округлым или приостренным дном. Орнаментальное поле заполнено горизонтальными рядами косо поставленных оттисков гладкого (крайне редко – гребенчатого) штампа и разделено простыми поясами ямочных вдавлений.

Комплекс СВ-3. Сосуды имеют идентичную форму, но отличаются толстостенностью (10–12 мм). В декоре представлены прямые вертикальные и горизонтальные, зигзагообразные линии широких гладких наколов, но яркий колорит создается более весомым значением «ямочного» компонента (Бобров, Марочкин, 2009: рис. 1, 4–6; Юракова, 2012а: рис. 1, 3–6).

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, соглашение № 14. В37.21.0954.

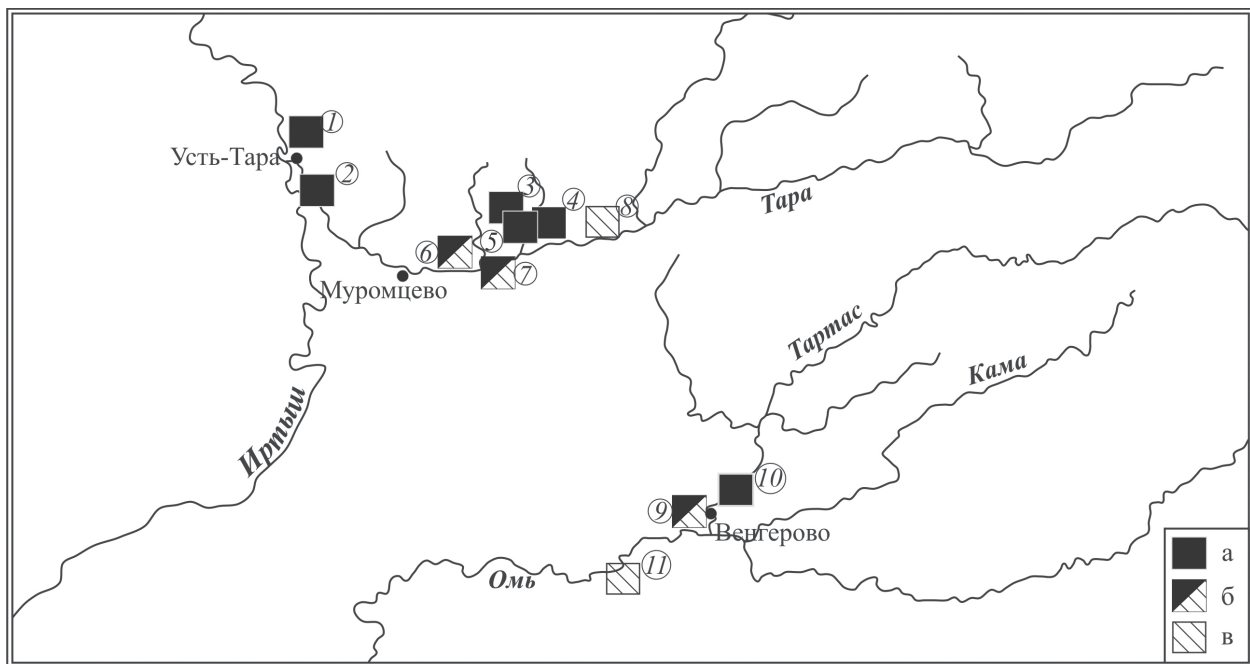

Рис. 1. «Гребенчато-ямочные» керамические комплексы на памятниках Среднего Прииртышья и Барабы. 1 – Екатериновка I, 2 – Чеплярово-29; 3 – Нижняя Тунгуска II, 4 – НТ II, 5 – НТ IIIа, 6 – Льнозавод II, 7 – Льнозавод III, 8 – Крючное-6б; 9 – Автодром-2/1, 10 – Венгерovo-3, 11 – Красноярка; а – комплексы с абсолютным доминированием СВ-2; б – комплексы с равным соотношением СВ-2 и СВ-3; в – комплексы с абсолютным доминированием СВ-3

Признавая формальную условность термина «ГЯ» применительно к данным комплексам, тем не менее, считаем его корректным ввиду целостности композиционного канона с ГЯ-керамикой памятников Среднего Прииртышья (Марченко, 2009).

Комплексы, аналогичные СВ-2 и СВ-3, присутствуют в разных соотношениях на памятниках обозначенной территории. Список рассматриваемых поселенческих объектов очерчивается районами нижнего (Екатериновка I, Чеплярово-29) и среднего (Нижняя Тунгуска I, II, IIIа, Льнозавод II, III, Крючное-6б) течения р. Тара, западной части Барабинской лесостепи (Автодром-2/1, Венгерovo-3, Красноярка). Погребальные памятники нуждаются в специальной, более расширенной программе анализа и в статье не рассматриваются.

Судя по опубликованным источникам, в отношении трех памятников Среднетарского АМР – Нижняя Тунгуска I, II, IIIа – для керамики типа СВ-2 приведены показатели абсолютного преобладания: от 89,9 до 96,7% (Марченко, 2009). Аналогичные сосуды доминируют и в Нижнетарском АМР, на поселениях Екатериновка I, Усть-Тара XXVIII, Чеплярово-29 (Петров, 1986; Иващенко, Толпеко, 2006; 2012) и на памятнике Венгерovo-3 в Барабинской лесостепи (Молодин, 1977: 121–124) (рис. 1).

В то же время зафиксированы случаи совместного нахождения керамики СВ-2 и СВ-3, причем практически в равных количественных соотношениях: памятники Льнозавод II – 44,3 и 40,9 %, Льнозавод III – 48,9 и 44,7 % (Марченко, 2009). Обращает на себя внимание и сходство планиграфических закономерностей: обе группы, по сведению автора раскопок В.И. Молодина, залегают как в заполнении жилищ, так и за их пределами, тогда как керамика с отступающе-накольчато-ямочной и прочерченно-ямочной орнаментацией имеет локализацию за пределами котлованов (Марченко, 2009: 48–49). В эту категорию памятников попадают и комплексы Автодрома-2/1.

В «чистом» виде комплексы типа СВ-3 зафиксированы лишь в двух случаях – в виде единственного сосуда на памятнике Новочекино-3а (там же: рис. 52, 1), а также немногочисленных фрагментов со стоянок Крючное-6б (там же: рис. 88–89) и Красноярка (Молодин, 1977: 113). Однако в качестве достоверных свидетельств эти случаи не могут быть

привлечены по причине малой репрезентативности и, в случае Крючного-6б, залегания в переотложенном слое.

Суммируя высказанные наблюдения с учетом опыта картографирования памятников с разным содержанием керамики обоих типов, мы приходим к заключению о том, что локальные географические особенности носят не региональный, а точечный характер. Так, закономерности в процентных соотношениях отмечены в пределах малых микрорайонов Нижняя Тунгуска (абсолютное доминирование СВ-2), Льнозавод (равное соотношение СВ-2 и СВ-3). За границами этих микрозон подобной систематичности пока не выявлено. В то же время сходство планистратиграфических условий залегания двух морфологических групп керамики на ряде памятников Средней Тары и Барабы может являться следствием скорее их культурно-исторического и хронологического единства.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. В.В. Бобров

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Новые материалы позднего неолита лесостепной Барабы (по результатам раскопок поселения Автодром 2 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 15. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 44–49.

Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Исторический ежегодник. – 2005. – Омск, 2006. – С. 83–91.

Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Неолитический комплекс поселения Чеплярово 29 (предварительное сообщение) // VIII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: сб. науч. тр. – Омск, 2012. – С. 73–79.

Косарев М.Ф. К проблеме западносибирской культурной общности // СА. – 1974. – № 3. – С. 3–13.

Марченко Ж.В. Культурная принадлежность, хронология и периодизация археологических памятников среднего течения р. Тары (эпоха неолита и бронзы): дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск : Наука, 1977.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2001.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1986.

Юракова А.Ю. Керамические комплексы северо-восточной части поселения Автодром-2 (проблема культурно-хронологического соотношения) // Археология, этнология и антропология Евразии: материалы докл. ЛП Региональной (VIII Всерос. с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Новосибирск, 2012. – С. 115–117.

Юракова А.Ю. Неолит Барабинской лесостепи (по материалам поселения Автодром-2): магистерская дис. – Кемерово, 2012.

Археология бронзового века

А.В. Акименко

Кемерово, Кемеровский государственный университет

РИТУАЛЬНАЯ ПОСУДА ПОСЕЛЕНИЯ ТАНАЙ 4

Памятник Танай-4 (Тогучинский район Новосибирской области) был открыт в 1986 г. и исследован В.В. Бобровым в 1987–2001 гг. Поселение расположено на западном берегу озера Танай (предгорье Салаирского кряжа). Западный берег озера относительно других представлен ровной террасой (высота до 3 м), постепенно переходящей в склон гривы, вытянутой по линии ЮЮВ–ССЗ (Касастикова, 1991: 22). В настоящее время поселение Танай-4 изучено полностью, материалы хранятся в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.

Поселение Танай-4 – стационарный поселок, содержащий ряд жилищ, керамический комплекс которых позволяет датировать его постандроновским временем (Бобров, Умеренкова, 2010: 23–24).

Для постандроновских культур общепринятым является выделение 2 групп посуды – бытовой и ритуальной. Керамический комплекс Танай-4 включает обе группы. В данной статье будет рассмотрена ритуальная посуда. Признаками ритуального использования можно считать отсутствие нагара на поверхности сосуда, тонкие стенки посуды, орнаментальный геометризм и идентичность посуде из погребальных памятников.

Для исследования были отобраны фрагменты венчиков 82 сосудов, 154 фрагмента тулова и 8 археологически целых форм корчажкинской культуры. Анализ проведен по 2 основным критериям: форма и орнаментация сосудов.

Преобладают сосуды горшковидной формы (95 %). Срез венчика либо прямой (60 %), либо скошен внутрь (18 %), либо закруглен (22 %). Дно плоское. Толщина стенок сосудов в среднем 7 мм. Некоторые сосуды имеют следы лощения.

Техника нанесения декора и орнаментальные мотивы были рассмотрены в соответствии с зональностью сосуда: венчик, шейка, тулово.

Преобладает прочерченная техника (66 %), но достаточно частотны и оттиски гребенчатого штампа (48 %). На 6 % сосудов встречается сочетание оттисков гребенчатого штампа и прочерченной техники.

Доминирующим для зоны венчика является мотив в виде треугольников, обращенных вершинами вверх (штриховка, иногда ямочное вдавление в вершине треугольника). В зоне венчика на 25 % фрагментов нанесен пояс косой сетки, выполненный в прочерченной технике, на 5 % фрагментов косая сетка создана гребенчатым штампом. Также встречен ряд ямок, чередующихся с вертикальными наколами (6 %), треугольники, расположенные в шахматном порядке (4 %), треугольники с «бахромой» (4 %). Единичен случай орнаментации среза венчика наклонными линиями.

Для зоны шейки, плечиков характерен мотив в виде ряда треугольников, обращенных вершинами вниз. В зоне шейки и плечиков также расположен пояс косой сетки, выполненный в прочерченной технике (18 %), и «свисающие» треугольники со штриховкой (4 %).

Зона тулова орнаментирована меандрами (6 %), «свисающими» треугольниками со штриховкой, взаимопроникающими треугольниками и другими мотивами, имеющими в своей основе геометрические фигуры – ромбы, треугольники, квадраты. Каннелюры чаще всего служат разделителями орнаментальных поясов (21%), кроме того, характерны ряды ямок поверх прочерченной линии (18 %), ряды ямок поверх оттиска гребенчатого штампа (6 %) и просто ряды ямок (12 %). На 17 % фрагментов орнаментальные пояса не разделены.

Таким образом, ритуальная посуда поселения Танай-4 представлена преимущественно плоскодонными сосудами горшковидной формы с прямым срезом венчика. Орнамент встречается на всей поверхности сосуда, но отдельные сосуды орнаментированы не полностью. Чаще всего использована прочерченная техника, но также достаточно случаев применения гребенчатого штампа, в том числе и мелкозубого. Преобладают геометрические мотивы (треугольники, ромбы, меандры).

Ближайшие аналогии ритуальной посуды Таная-4 найдены на памятниках Фирсово IV, Фирсово XVII, Коровья Пристань, Кытманово (инвентарь могилы № 17), Исток. Указанные материалы относятся к корчажкинской культуре. Сходство проявляется в разделении ритуальной и бытовой посуды как отдельных групп. Сосуды, предназначенные для культового использования, имеют горшковидную форму, плоское дно, орнамент нанесен гребенчатым штампом и прочерчиванием, присутствует геометризм, сходно построение орнаментальных композиций.

Исходя из формы и орнамента сосудов корчажкинской культуры на территории Барнауло-Бийского Приобья, А.Б. Шамшиным и Ю.Ф. Кирюшиным выделены 2 этапа существования культуры и 4 группы керамики (Шамшин, 1988). Ритуальную посуду Таная-4 можно отнести к 4-й группе, важнейшим отличием которой является геометризм орнамента, порой ярко выраженный. Ряды треугольников, как свисающих, так и направленных вершинами вверх, заменяют ряды ямок. Встречены ряды ромбов, становятся характерными ямки в вершинах геометрических фигур. В целом эту керамику можно назвать андроновидной, она отнесена А.Б. Шамшиным и Ю.Ф. Кирюшиным к иткульскому этапу – X – 1-я пол. VIII вв. до н.э. (Кирюшин, Шамшин, 1987: 145, 149). Таким образом, ритуальный керамический комплекс памятников Кузнецкой котловины имеет сходные черты с материалами Барнауло-Бийского Приобья.

Круг аналогий для ритуальной посуды поселения Танай-4 включает и материалы других андроновидных культур (сузгунской, пахомовской, черкаскульской, еловской). Керамический комплекс памятников Чудская Гора и Сузгун II сузгунской культуры, Оськино Болото, Инберень IV пахомовской культуры, Березовское поселение черкаскульской культуры, Еловское и Десятковское поселения, Еловский I и Еловский II могильники еловской культуры позволяют выявить общие черты ритуальной посуды поселения Танай-4 и других постандроновских культур: использование орнаментального геометризма (треугольники, меандры, ромбы), применение гребенчатого штампа, идентичные способы построения орнаментальных композиций. Сходство объяснимо присутствием общего культурного компонента – андроновского.

Дальнейшее развитие подобная орнаментальная традиция получает в ирменской культуре, материалы которой также представлены на поселении Танай-4.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. В.В. Бобров

Список литературы

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Жилища культуры постандроновского времени Кузнецкой котловины // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. тр. (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2010. – С. 22–29.

Касастикова Л.Ю. Культурная принадлежность и хронология поселения Танай-4 // Научный архив КМАЭЭ дипломов. – Кемерово, 1991. – № 270. – С. 119.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажкинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул : АГУ, 1987. – С. 137–158.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII – VI вв. до н.э.) : дис. 1988. – С. 226.

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ЖАЛГЫЗ-ТОБЕ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Гора Жалгыз-Тобе находится в Чуйской высокогорной степи в Кош-Агачском районе (Республика Алтай). Значительную часть Кош-Агачского района составляет Чуйская высокогорная степь, переходящая в пустыню, окруженная с севера и юга горными хребтами.

В центральной части огромного плоскогорья протекает р. Чуя с многочисленными притоками в верховьях: Бар-Баргузы, Юстыт, Чаган-Бургазы, Чаган-Узун и др. Чуйская котловина высотой над уровнем моря 1700–1900 м – самая крупная межгорная впадина в этом районе.

На этой территории, обрамленной горами, водоразделами рек, текущих на север, к Телецкому озеру, и на запад, сливаясь с Катунью, расположено огромное количество памятников археологического наследия (Кубарев, Маточкин, 1992). Кош-Агачское высокогорное плато является территорией повышенной концентрации археологических памятников.

Значительную часть среди памятников археологического наследия занимают памятники наскального искусства. Это и известные комплексы Елангаш (Окладников, 1979), петроглифы Чанкыр-Коля (Окладников, 1981), Сары-Сатак (Окладников, 1982); комплекс Туру-Алты (Мартынов и др., 2010); сведения о памятниках этой территории содержатся в статьях и публикациях Д.В. Черемисина (Черемисин, 2000: 5–7, 435–441; 2003, 2008: 269–274).

Рисунки у горы Жалгыз-Тобе впервые были обнаружены А.П. Окладниковым (Окладникова, 1982), в научный оборот их ввёл В.Д. Кубарев в 1980 г. и впоследствии неоднократно обращался к этому памятнику.

Подробное описание дает в своей статье «Петроглифы горы Жалгыз-Тобе» Е.А. Окладникова, которая проводила исследования в данном районе в 1981–1982 гг., и отмечает памятник как одно из наиболее ярких местонахождений (Окладникова, 1982: 183–190).

В 90-е гг. холм Жалгыз-Тобе посещали Э. Якобсон, Я.А. Шер, В.Д. Кубарев, Т. Мацумото. Однако до сих пор нет полного исследования памятника и его публикации.

Целью наших работ было полное исследование памятника, подготовка коллективной монографии и материалов для его музеефикации.

Гора Жалгыз-Тобе расположена в 24 км к юго-востоку от административного центра Кош-Агача, на ровном пространстве высокогорной степи. Ее особенность в том, что это небольшое отдельное горное образование.

Жалгыз-Тобе – название казахское, воспринятое и алтайцами. Координаты памятника по данным GPS: 49° 52' 534" с.ш., 88° 41' 275" в.д. Холм высотой 80–100 м, овальной формы с языками выходов камня, вытянут с В на З на 3 км, по окружности подножия – 5,5 км. С западной стороны он более крутой, с большим количеством выходов камня, а с восточной – пологий, вытянутый. Общая высота над уровнем моря в разных точках от 1900 до 1937 м.

Изображения сконцентрированы в основном в южной части горы, на ее юго-восточном и юго-западном склонах и на вершине, где расположены обнаженные выходы.

Камень более или менее однородный, плотный, коричневый, имеет достаточно много относительно хороших поверхностей для нанесения рисунков. Камни с изображениями расположены участками по вершине горы, на спускающихся довольно мощными тремя грядами камнях в южном направлении.

Исследования проводились во время трех полевых сезонов 2010–2012 гг. За три года полевых работ были обнаружены и скопированы изображения на более чем 100 камнях. Среди них несколько композиций, состоящих из десятка и более изображений, и камни, на поверхности которых выбито всего два-три рисунка, а также большое количество одиночных фигур. Изображения выполнены разными техниками: выбивка, граффити, протир, на некоторых из них можно увидеть следы подновлений.

Обработка полученных материалов проводилась нами в лаборатории практической археологии кафедры археологии Кемеровского госуниверситета. Обработаны изображения на 43 плоскостях. На бумаге рисунки передают особенности техники выполнения изображения: сплошная заливка – глубокая сплошная выбивка, контурные изображения, редкая точечная выбивка рисунка, рисунки, выполненные тонкими линиями, глубоко прорезанными линиями.

Ниже мы приводим несколько наиболее характерных композиций.

Рис. 1.1 – композиция из 6 животных, в центре – фигура оленя с витыми рогами и расщепленным длинным клювом, слева – два изображения козла и одно не совсем ясное животное, справа – козел и хищное животное, между изображениями – неясные выбитые пятна, техника исполнения – выбивка.

Рис. 1.2 – композиция из антропоморфных и зооморфных фигур, разделенных между собой трещинами на поверхности камня, вверху – изображение лучника и стариков с посохами, внизу – человек с посохом, рядом – человек с грибовидной головой, справа – женщина с посохом и две фигуры козлов, техника исполнения – выбивка.

Рис. 1.3 – композиция из 15 фигур: человек, у левой ноги – круг, рядом – большая фигура быка с большим рогом, над ним слева – фигура козла с загнутым рогом. Ниже еще одно изображение быка с утолщением на конце хвоста.

Рис. 1. Изображения на памятнике: 1 – композиция скифского времени; 2 – композиция из зооморфных и антропоморфных изображений эпохи бронзы; 3 – композиция из 15 фигур с быками.

Петроглифы на горе Жалгыз-Тобе создавались в течение длительного времени и относятся к разным археологическим периодам. Они выполнены в разных художественных стилях, разными приемами и отражают разные стили и символы разных эпох. Наиболее ранние изображения можно отнести к энеолиту – эпохе бронзы. Эти сплошь выбитые фигуры быков с утолщениями на хвостах и соединенными рогами аналогичны изображениям памятника Калбак-Таш, усть-тубинским изображениям (Шер, 1980: 78) и монгольским (Е. Jacobson и др., 2006: 418). Древнейшие изображения быков и повозок на Жалгыз-Тобе и их датировка эпохой бронзы находят подтверждение и в материалах, опубликованных А.Н. Марьяшевым в его сводке по наскальным изображениям Семиречья (Марьяшев, Горячев, 2002: 25–37, табл. 3–4). Соотносимы с хронологией изображения повозок, детально разработанные В.А. Новоженовым (Новоженоев, 2002) и М.Е. Килуновской (Килуновская, 2011: 44–53). Изображение лучника и ряд рисунков козлов и баранов можно датировать эпохой бронзы.

К раннему периоду скифской эпохи можно отнести изображение оленя с клювовидной мордой – прием, характерный для изображений на оленных камнях и поэтому датированный переходом от бронзового века к раннескифскому периоду. Среди изображений скифского времени можно указать на выбитое изображение хищника и кабана на одной из плоскостей. Эти фигуры соотносимы с предметами из Пазырыкских курганов.

Древнетюркская эпоха представлена изображениями всадников, датируемыми по характерным доспехам, вооружению, а также аналогиям других многочисленных изображений всадников этого времени.

Таким образом, по имеющимся сейчас материалам можно отметить длительное функционирование памятника на протяжении нескольких эпох, начиная с эпохи бронзы вплоть до современности. Памятник доступен для осмотра, расположен близко к федеральной дороге: Чуйский тракт и недалеко от райцентра. Хорошо просматривается как одиноко стоящее горное образование. Рядом расположена кумысная ферма. Все это делает памятник наскального искусства весьма привлекательным для его музеефикации.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. А.И. Мартынов

Список литературы

Килуновская М.Е. Колесницы эпохи бронзы в наскальном искусстве Тувы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. – С. 44–53.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992.

Мартынов А.И., Чигаева В.Ю., Базайченко А.В., Мосина А.Е., Штанов Е.С., Симонова И.Л. Туру-Алты (Карачат). – Кемерово : РИД «Книга», 2010.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002. – С. 25–37, табл. 3–4.

Новоженоев В.А. Петроглифы Сары-Арки. – Алматы, 2002.

Окладников А.П. и др. Наскальные рисунки урочища Сара-Сатак. – Новосибирск : Наука, 1982.

Окладников А.П. и др. Петроглифы реки Елангаш (юг Горного Алтая). – Новосибирск : Наука, 1979.

Окладников А.П. и др. Петроглифы Чанкыр-Келя. Алтай Елангаш. – Новосибирск : Наука, 1981.

Окладникова Е.А. Петроглифы горы Жалгыз-Тобе // Полевые исследования института этнографии. – М. : Наука, 1982. – С. 183–190.

Черемисин Д.В. Исследование наскальных изображений на юге Горного Алтая в 1999 г. // Вестн. САИПИ. – 2000. – Т. 2. – С. 5–7.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов г. Джалгыз-Тобе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой юби-

лейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2000. – Т. 6. – С. 435–441.

Черемисин Д.В. К изучению новейших наскальных изображений Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV : материалы годовой сессии ИАиЭт СО РАН 2008 года. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 269–274.

Черемисин Д.В., Седельникова Н.В., Баринаева Е.С. Скальные поверхности, лишайники и петроглифы юго-восточного Алтая: изучение в рамках интеграционного проекта СО РАН // Археология Южной Сибири : сб. науч. тр., посвященный 70-летию со дня рождения А.И. Мартынова. – Новосибирск, 2003.

Шер Я.А. Петроглифы средней и центральной Азии. – М. : Наука, 1980. – С. 78.

E. Jacobson, V.D. Kubare, and D. Tseveendorj. – 2006. – P. 48.

Интернет-ресурсы

Сайт, Гугл – карты <http://maps.google.ru>.

Сайт, ГАГУ <http://altay.gasu.ru>.

И.А. Батаргина

*Новосибирск, Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ГРАВИРОВАННЫХ ГАЛЕК (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛА ИЗ МЕСТНОСТИ АК-ДАГ)*

В археологии Сибири гравированные гальки широко распространены в архаичных культурах. Практика использования речных галеk для нанесения различного рода изображений имеет глубокие корни и получила широкое распространение. Подобные находки встречаются с эпохи палеометалла и вплоть до этнографической современности (Савинов, 1996; Асеев, 1998; Волков, Кирюшин, Семибратов, 2008; Кубарев, Худяков, Бородовский, Черемисин, Мыльников, 1992). Изучение гравировок на гальках позволяет не только проследить истоки изобразительных традиций населения, но и дает основания для реконструкции обрядово-ритуальной деятельности, отражает культурные связи древних сообществ.

Одна из самых последних находок была обнаружена летом 2011 г. во время проведения археологических раскопок в Республике Тыва, в местности Ак-Даг, на правом берегу р. Эрбек, в 10,5 км от с. Эрбек на север, на площадке выполаживания склона и сочленения его с поверхностью правобережной террасы. Контекст находки – экспонированные культурные остатки стоянки, на которой были обнаружены фрагменты керамики, артефакты из камня (Лбова, Волков, Батаргина, Митько, 2012).

Изучаемый предмет представляет собой речную гальку подтреугольной формы красновато-бурого оттенка. Края гальки неровные, местами обиты. Сохранность изображений удовлетворительная, хотя некоторые из них затерты. Рисунки нанесены по всему периметру неглубокими прорезками. Кроме того, встречаются нанесенные острым предметом повреждения, перекрывающие изображения.

В ходе детального трасологического анализа поверхности артефакта был выделен ряд следов, связанных с производством, использованием и разрушением изделия. Также выде-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0995 «Генезис изобразительных традиций в древнем искусстве Сибири и сопредельных территорий (междисциплинарные исследования археологических материалов)».

лено несколько этапов производства и использования изделия. Установлено, что процесс слеодообразования на изучаемом артефакте имел три этапа.

1. «рождение» – процесс нанесения орнамента (инструментом для нанесения гравировок был острый металлический предмет, вероятно, нож);
2. «жизнь», в течение которой изделие сравнительно продолжительное время находилось в руках человека (об этом свидетельствуют следы заглаженности на артефакте, которые могли образоваться от длительного соприкосновения изделия с мягким, эластичным материалом, каковым могла быть, например, кожа или ткань);
3. «смерть» (приведшая к серьезному повреждению изделия) под ударами металлического ножа. Следы такого рода воздействия перекрывают линейные следы орнаментации и поверхность заглаженности, что свидетельствует об этом процессе как о последнем из оставивших следы на артефакте.

Трасологический анализ помогает выявить назначение и характер использования гравированных галек. Данные проведенного трасологического анализа подтверждают гипотезу об использовании галек в качестве двойников или других иррациональных объектов, связанных с магическими действиями (Савинов, 1996: 34). Идея изготовления двойников с различными целями широко распространена среди первобытных народов. Например, по представлениям ненцев во время родов появляется множество духов, для защиты от них предпринимаются различные действия: ставятся специальные чумы, изготавливаются обереги, приносятся жертвы. В жертву приносится олененок одного пола с новорожденным. Его душа отвлекает на себя духов, тем самым оберегая младенца [Савинов, 2003: 67]. Возможно, что гальки с изображениями были заменой жертвы. В этом случае следы ударов металлическим ножом, зафиксированные на поверхности артефактов, являются следствием ритуала убийства «двойника», призванного отвлечь духов от реального ребенка.

Как один из возможных вариантов семантику и функциональное назначение галек с антропоморфным изображением можно видеть в имитативной магии. То есть галька олицетворяла тот объект, на который хотели повлиять в ходе магического ритуала. «В этом случае следы ударов металлического ножа можно рассматривать как попытку навести порчу, нанести вред реальному человеку» (Волков, Кирюшин, Семибратов, 2008: 334). На это же указывают и следы затертости от долгого соприкосновения с руками или тканью.

Автор выражает благодарность П.В. Волкову за проведенный трасологический анализ.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Л.В. Лбова

Список литературы

Асеев И.В. Аналогии в первобытном искусстве Сибири и Аляски на примере гравированных галек // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 109–114.

Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Трасологическое исследование декорированных галек поселения Тыткескень-6 // Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). – Барнаул, 2008. – С. 329–334.

Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю. Плитка с антропоморфным изображением с поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1. – С. 86–88.

Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.П., Черемисин Д.В., Мыльников В.П. Археологические исследования на Средней Катуни // ALTAICA. – 1992. – № 1. – С. 43–49.

Лбова Л.В., Волков П.В., Батаргина И.А., Митько О.А. Гравированная галька торгожакской традиции из местности Ак-Даг (Республика Тыва) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2012. – Т. 18. – С. 211–215.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб., 1996. – С. 112.

Савинов Д.Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 48–70.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС УСТЬ-ВЕРЕЯ-2 ЭПОХИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

В связи с активным хозяйственным освоением территории Северного Приангарья возобновились масштабные археологические исследования в зоне формирования ложа Богучанской ГЭС. В результате широкомасштабных исследований в 2008–2012 гг. на территории Приангарья был обнаружен целый ряд поселенческих комплексов, исследование которых позволит реконструировать хозяйственно-культурный уклад населения древности и средневековья.

В 2012 г. археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством канд. ист. наук А.Н. Савина были проведены археологические исследования памятника Усть-Верея-2, расположенного в зоне затопления Богучанской ГЭС, в Усть-Илимском районе Иркутской области.

Памятник располагается на мысу правого берега р. Ангары и левого берега р. Вереи. В юго-восточной части территории археологического объекта визуально зафиксированы отчетливые рельефные признаки поселенческого комплекса, включающего 69 западин, оставшихся от углубленных строений. Западины округлой в плане формы располагаются неровными цепочками, ориентированными с юго-запада на северо-восток вдоль береговой террасы р. Ангары, и группируются в количестве от двух до шести. Западины расположены цепочками (от 2 до 10), ориентированными с юго-запада на северо-восток, вдоль береговой террасы р. Ангары, а также перпендикулярно ей, вдоль склонов ложбин, пересекающих террасу.

В результате работ 2012 г. было изучено четыре западины. На уровне дневной поверхности котлованы конструкций фиксировались в виде округлых западин правильной формы диаметром до 6 м, глубиной до 0,2 м. Котлованы конструкций округлой в плане формы с чашевидным дном, плавными, покатыми к центру, стенками, углублены в центральной части.

В процессе исследования по контуру котлованов зафиксированы пятна ям диаметром до 0,12 м, глубиной до 0,1 м, с сажистым гумусированным заполнением и включением мелких углей, вероятно, образованные каркасом конструкций. На основании планиграфического расположения ям, отчетливо ассоциированных с каркасно-столбовой конструкцией сооружений, и стратиграфических наблюдений исследованные на памятнике Усть-Верея-2 углубленные конструкции можно отнести к наземному, частично заглубленному, типу с конической формой каркаса (Историко-этнографический ... 1961). Исследованные на памятнике Усть-Верея-2 конструкции имеют однотипную планиграфию и стратиграфию и аналогичны жилищным конструкциям поселения Ручей Конный-3, расположенного в 40 км ниже по течению р. Ангары (Савин, Солодская, Ольшанецкая, 2011: 463–468; рис. 1, д).

В каждом из четырех котлованов выявлены от одной до двух линз прокалов округлой или овальной формы мощностью до 0,2 м, вероятно, связанные с хозяйственно-отопительными очагами конструкций. В основном прокалы располагаются на периферии котлована, ближе к его юго-восточной стенке, в одном случае прокал обнаружен в центральной части котлована.

При исследовании заполнения котлованов обнаружена небольшая коллекция предметов – в основном отходы обработки камня. Типичными находками для всех исследованных объектов являются крупные фрагменты каменных черешковых наконечников стрел длиной 100–120 мм, с ромбической формой пера (рис. 1, а, в) и развалы сосудов с «жемчужной» орнаментацией в устьевой части (рис. 1, б, г).

Керамические материалы, обнаруженные в заполнении котлованов, представлены развалами крупных слабопрофилированных сосудов с приостренным дном. Срез венчика пря-

мой, либо скошен внутрь и орнаментирован вдавлениями палочки (рис. 1, б). Как правило, орнаментация занимает верхнюю треть сосуда. В устьевой части все сосуды орнаментированы горизонтальной полосой крупных «жемчужин». Тулово сосудов орнаментировалось простыми геометрическими фигурами стрельчатой формы или косыми крестами. Практически вся лицевая поверхность сосудов имеет отчетливые следы обработки крупной гребенкой либо щепой. Керамика поселенческого комплекса Усть-Верея-2 находит ближайšie аналогии в материалах памятников Ручей Конный-3 (рис. 1, г), Камешок, Парта, Колпаков Ручей и датирована эпохой бронзового века (Рыбин и др., 2010: рис. 2Г; Савин, 2010: рис. 6–10; Савин и др., 2011: рис. 2Г; Марченко и др., 2010: рис. 1, 1–3).

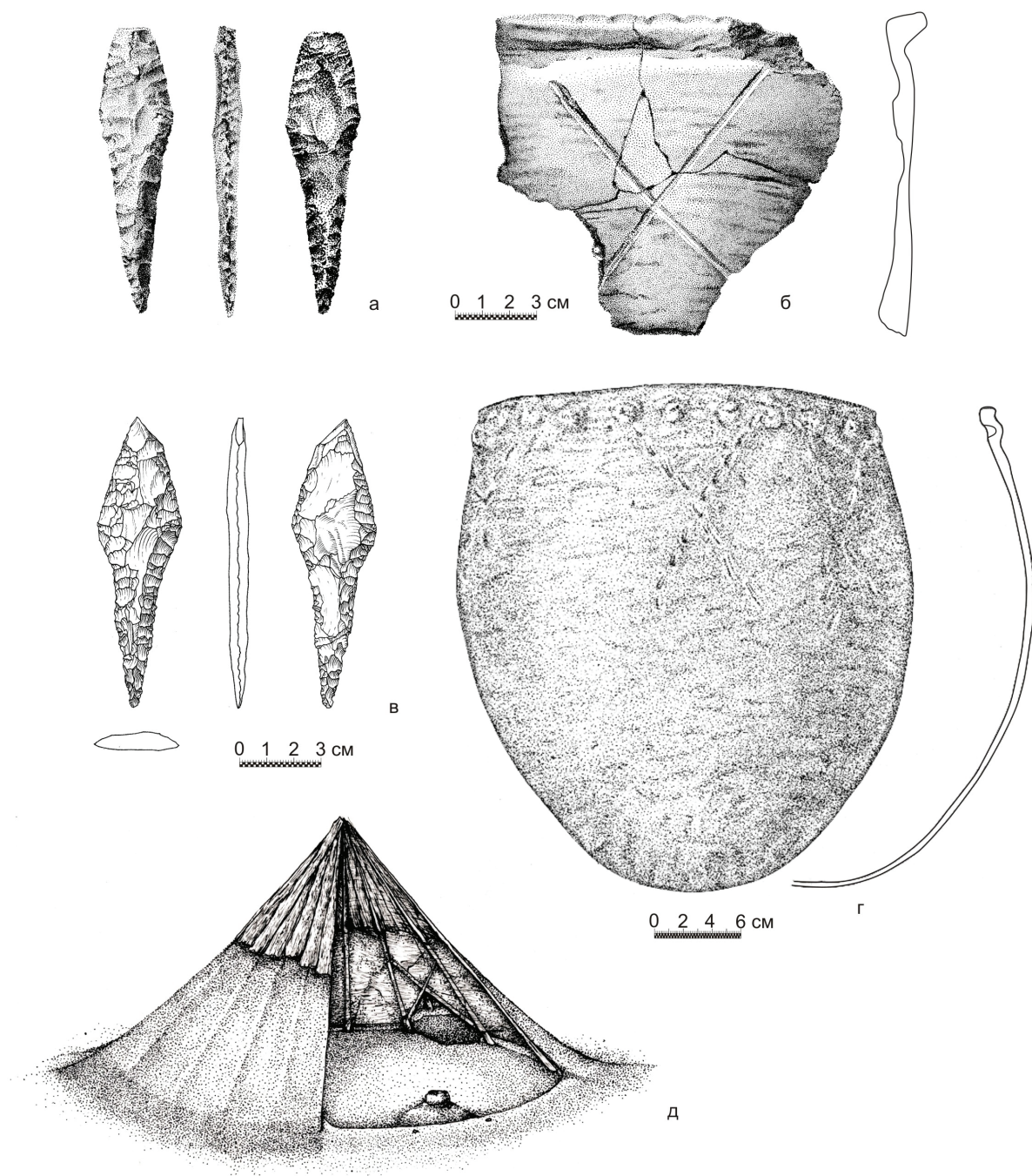

Рис. 1. Археологические материалы поселенческих комплексов бронзового века Северного Приангарья: а, в – каменный наконечник стрелы; б – фрагмент венчика керамического сосуда; г – керамический сосуд; д – реконструкция углубленной конструкции Ручей Конный-3 (по Савину А.Н., Солодской О.В., Ольшанецкой В.Е.); а-б – Усть-Верея-2; в-д – Ручей Конный-3

Учитывая материалы исследований памятников Парта, Ручей Конный-3 и Усть-Верея-2, в настоящее время полностью исследовано 13 углубленных конструкций эпохи бронзового века. Во всех конструкциях обнаружены развалы или крупные фрагменты одного, реже двух керамических сосудов, орнаментированных «жемчужинами». Помимо развалов сосудов в заполнении котлована практически всех конструкций обнаружено по одному крупному фрагменту каменных черешковых наконечников стрел с ромбической формой пера. Такая закономерность в расположении археологических материалов позволяет предположить существование некой культурной традиции намеренно оставлять в жилище керамический сосуд и фрагмент каменного наконечника стрелы. Возможно, дальнейшее изучение поселенческих комплексов эпохи бронзы Северного Приангарья позволит раскрыть значение этой традиции.

*Научные руководители: канд. ист. наук А.Н. Савин,
канд. искусствоведения Е.А. Груздева*

Список литературы

- Историко-этнографический атлас Сибири. – Ленинград : Ленингр. отд. изд-ва АН СССР, 1961.
- Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 559–564.
- Рыбин Е.П., Кубан А.А., Мещерин М.Н., Фролов Я.В. Археологические работы на стоянках Игренькина Шивера и Колпаков Ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 575–581.
- Савин А.Н., Солодская В.Е., Ольшанецкая В.Е. Результаты исследования поселения Ручей Конный-3 в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 463–468.
- Савин А.Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 582–586.

Д.М. Дашилхамеев

Чита, Забайкальский государственный университет

НОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗВАЯНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА АНХАБАЙ*

Осенью 2012 г. Агинским археологическим отрядом ЗабГУ проведено обследование крупного погребального комплекса Анхабай, расположенного в Агинском районе Забайкальского края. Он располагается на северо-восточных и юго-восточных отрогах горы Будулан и занимает площадь порядка 70 га. Комплекс преимущественно состоит из могильников культуры плиточных могил. Местность представляет собой холмистую возвышенность, большая часть покрыта причудливыми по очертаниям скальными выходами разных размеров, которые создают определенную трудность поиска погребений. Останцы сложены

* Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, №6.2636.2011.

крупнокристаллическими гранитами, в значительной степени подверженными процессам выветривания. Камень для погребений извлекался из этих останцов (Дашилхамаев, Батурина, 2012: 158).

Исследовался один из могильников. Он находится в юго-восточной части погребального комплекса, у подножия небольшого скального останца, и состоит из трех погребений, вытянутых цепочкой в один ряд по направлению север–юг. Могилы имеют вид четырехугольных оградок, образованных из вертикально установленных плит. Погребения имеют примерно одинаковые размеры – 5 x 3 м. С восточной стороны от погребений, в 9–11 м от них, отдельной цепочкой по направлению север–юг расположены 7 сторожевых камней. Все камни ориентированы лицевой частью на запад, т. е. на погребения. Вокруг изваяний была произведена полная расчистка, вследствие чего были обнажены мощные кладки, которые плотно укрепляли изваяния. Кладки оформлены камнями, размеры некоторых превышают размеры изваяний. Нумерация погребений и сторожевых камней начинается с южной стороны.

Сторожевые камни под номерами 1, 2 относятся к погребению № 1.

Сторожевой камень 1 (рис. 1.1) – столбообразное изваяние, имеет высоту 51 см от поверхности забутовочных камней, при зачистке профиля было выяснено, что подгрунтовая часть стелы составляет 38 см. Имеет ширину 30 см и толщину 21 см. Камень представляет собой своеобразную скульптуру человека. Верхняя часть имеет овальную форму с некоторым скосом на тыльную сторону. Лицевая часть плоская, а тыльная округлая. Ниже, по боковым и по широким сторонам, выемчатыми углублениями выделена шея, отделяющая голову от туловища. Характерной особенностью изваяния является четко выделенный приостренный подбородок лица. Через лицо по диагонали справа налево выбита сплошная косая линия. На уровне туловища двумя параллельными полосами высечен пояс, полосы соединены поперечными линиями; совокупно изображение похоже на рельсы со шпалами. С двух сторон от пояса отходят линии, которые соприкасаются чуть ниже, образуя вместе с поясом перевернутый треугольник. На боковых сторонах головы высечены круги, обозначающие уши. В центре тыльной стороны головы – округлое углубление, от которого вниз до туловища отходит полоса-углубление. Возможно, это изображение косы.

Сторожевой камень 2 (рис. 1.2) представляет собой столбик, западная часть которого плоская, размеры 81 x 25 x 20 см. Камень имеет небольшой наклон в восточную сторону. На лицевой части представлена группа выбитых изображений, почти повторяющих изображения первого изваяния. В верхней части изваяние закруглено, ниже на 30 см поперек выбита ровная полоса-углубление, которая идет по кругу, обозначая шею. Через лицо проходит выбитая диагональная линия, нижний конец которой соединяется с шеей. На расстоянии 8 см, ниже, выбит пояс в виде двух параллельных линий, обрамляющих изваяние по кругу. На лицевой стороне пояс соединен поперечными линиями. Чуть ниже пояса с двух сторон выбиты изображения пояса и треугольника в виде «рельс со шпалами». С тыльной стороны представлено изображение в виде косы.

Сторожевые камни под номерами 3 и 4 связаны с погребением №2.

Сторожевой камень 3 (рис. 1.3) представляет собой плиту с закругленным верхом. Находился в горизонтальном положении по оси север–юг в 3 м к северу от второго изваяния. Верхняя сторона отмечена изображениями. Имеет длину 91 см, ширину 25 см и толщину 16 см, в верхней части сужается до 9 см. После зачистки обнажилась кладка, укрепляющая основание камня. Поверхность камня покрыта лишайником, вследствие чего изображения различаются недостаточно четко. Тем не менее угадываются изображения, известные по сторожевым камням 1 и 2. Отличительная особенность камня 3 в том, что в центре «лица» осталась небольшая овальная выпуклость: видимо, древний мастер специально ее не убирал, чтобы подчеркнуть нос. Диагональная линия на лице проходит сверху до носа, пропускает его и продолжается вниз до шеи. Элемент в виде пояса начинается на уровне шеи; с двух сторон проходят линии, которые замыкаются ниже, образуя вместе с поясом перевернутый треугольник. На тыльной стороне также изображена коса.

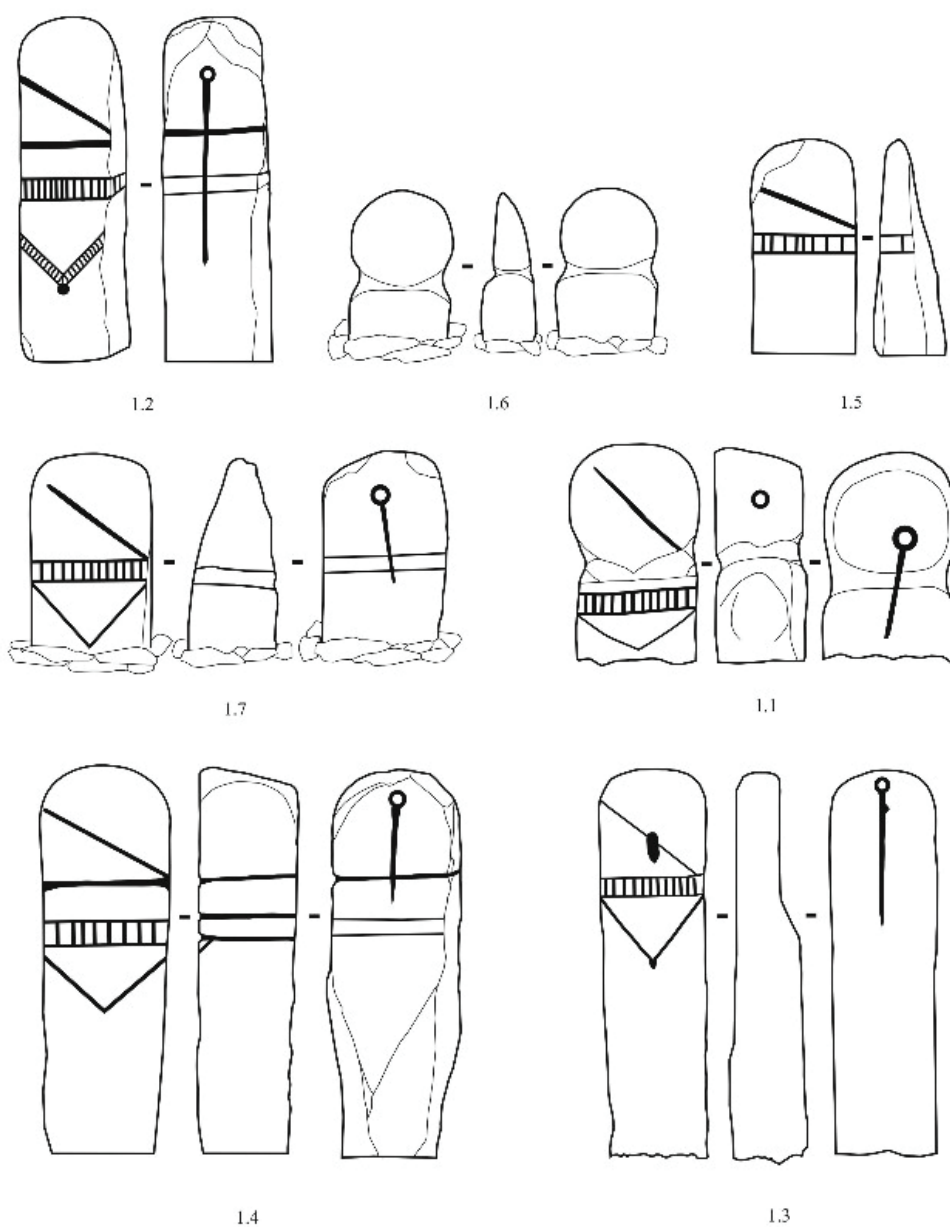

Рис. 1. Сторожевые камни (нумерация согласно описанию в тексте)

Сторожевой камень 4 (рис. 1.4) представляет собой столбик с заovalенным верхом со скосом на тыльную сторону. Он сломан в основании. Высота 90 см, ширина 30 см, к основанию сужается до 20 см, толщина 18 см. Лежал лицевой стороной вниз по оси восток–запад в 1,2 м к северу от третьего. Выбитые изображения схожи с другими вышеперечисленными камнями – на лице диагональная полоса, начиная от правого верхнего угла до нижнего левого; эта полоса соприкасается с шейкой уже на боковой стороне камня. Со всех сторон камня достаточно глубоким желобом оформлена шейка. Ниже, в 11 см от шейки, идет пояс в соединении с треугольником. Тыльная сторона представлена изображением в виде косы – на уровне затылка округлое углубление, от которого вниз отходит полоса-углубление.

Сторожевые камни под номерами 5, 6, 7 привязаны к погребению №3.

Сторожевой камень 5 (рис. 1.5) – это плита с заovalенным верхом высотой 52 см, шириной 24 см и толщиной 14 см, сужающаяся кверху до 5 см. Поверхность сильно выветрена и покрыта лишайником, но под камнем можно различить знакомые изображения. Более различима диагональная линия, проходящая по лицу. Чуть ниже изображен пояс с двумя параллельными полосами и слабозаметными поперечными линиями. Другие изображения не устанавливаются. Рядом округлая кладка из камней диаметром 95 см.

Сторожевой камень 6 (рис. 1.6) изначально представляло собой округлую плиту, торчащую из земли всего на 25 см. После зачистки обнажилась маленькая антропоморфная фигура размерами 33 x 23 x 12 см. С двух боковых сторон плита разделена выемками, которые также продолжают по широким сторонам, отделяя голову от туловища. Других изображений нет.

Сторожевой камень 7 (рис. 1.7) имеет размеры 45 x 27 x 20 см. Выбитые рисунки сохранились в хорошем состоянии. На широкой лицевой стороне видна диагональная линия, которая соприкасается с поясом. От пояса с двух концов вниз отходят линии, которые соединяются ниже. В верхней части тыльной стороны высечен круг, от которого вниз идет полоса-углубление.

Подобного рода камни-изваяния описаны А.П. Окладниковым при изучении могильников Ульба и Хусотуй, найденных рядом с селом Судунтуй Агинского района (Окладников, Запорожская, 1970: 58–63). Некоторые из этих изваяний представлены в Музее под открытым небом ИАЭТ СО РАН в Академгородке.

Обычно напротив плиточных могил стоит по одному сторожевому камню, не имеющему каких-либо изображений. В исследованном нами могильнике рядом с плиточными могилами оказалось по два-три изваяния, и все они, кроме одного, имеют изображения. Изучение сторожевых камней позволяет полнее понять характер погребального обряда населения культуры плиточных могил.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. М.В. Константинов

Список литературы

Дашилхамаев Д.М., Батурина Ю.П. Новые данные об оленних камнях Агинской степи // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор, 2012. – С. 157–159.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. – Л.: Наука, 1970.

А.А. Дудко

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА СТОЯНКИ КОДА-2 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Важнейшей задачей в археологии Средней Сибири является создание культурно-хронологической шкалы для региона Северного Приангарья, построенной на всестороннем анализе многочисленных археологических материалов, полученных в течение пяти лет Богучанской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН.

Стоянка Кода-2 входит в ансамбль археологических памятников Кода и подразделяется на четыре участка. В полевые сезоны 2008–2010 гг. исследовались все участки. В данной работе анализируются материалы полевых исследований 2010 г. В результате раскопок 2010 г. на стоянке исследована площадь 2300 кв. м, что составляет около 12,6 % от всей площади памятника (18 256 кв. м). Всего в результате работ 2010 г. было зафиксировано 4472 фрагмента керамики, из которых 1375 орнаментированные. Морфологически большая часть фрагментов относится к тулову сосуда (4118 шт.), 353 фрагмента венчика сосудов, 2 ручки и одна придонная часть. Керамика находилась в скоплениях, как правило, от одного сосуда (всего 182 скопления, в них 3638 фрагментов керамики), что позволяет реконструировать форму сосудов (Басова, 2010: 484). Нами было реставрировано 52 археологически целые формы, остальные 22 сосуда выделены по венчику, который иден-

тифицируется как самостоятельная единица, но данные о морфологических показателях получить невозможно.

Анализ технологических признаков керамического комплекса стоянки привел нас к следующим выводам. Поверхность сосудов в большинстве случаев хорошо обработана. Иногда отмечаются линейные следы заглаживающего инструмента (трава, щепка). Интересным является прием «присыпания» песком высушенной поверхности сосуда, отчего она приобретает шероховатость. Сосуды хорошо обожжены, стенки не расслаиваются (Басова, 2010: 485). В большинстве случаев примесями являлись песок мелко- и крупнозернистой фракции, а также слюда. Внешние стороны сосудов в большинстве случаев серого цвета (49 сосудов; 66,2 %). Нагар зафиксирован в 27 случаях (36,5 %).

На основе статистического анализа орнамента и морфологии (метод суммарной характеристики) мы выделили 5 условных групп.

1. Группа 1 – сосуды, покрытые текстильными оттисками.
2. Группа 2 – слабопрофилированные сосуды с горловиной, украшенные горизонтальным рядом «жемчужин» (в рамках этой группы мы выделили 5 подгрупп на основе различий орнаментального мотива):
 - сосуды с горизонтальным мотивом орнаментации: 12 сосудов – 34,28 % от группы;
 - сосуды с сочетанием горизонтального и вертикального мотивов орнаментации: 6 сосудов – 17,13 % от группы;
 - сосуды с сочетанием горизонтального и геометрического мотивов орнаментации: 11 сосудов – 31,43 % от группы;
 - сосуды с сочетанием горизонтального и диагонального мотивов орнаментации: 5 сосудов – 14,28 % от группы;
 - сосуды со смешанным сочетанием мотивов: 1 сосуд – 2,88 % от группы;

1. Группа 3 – сосуды с горловиной, украшенные «обмазочными» валиками.
2. Группа 4 – сосуды с горловиной, орнаментированные горизонтальными рядами оттисков лопаточки и зубчатого штампа.
3. Группа 5 – сосуды с утолщенным венчиком, украшенным пальцевыми вдавлениями, а также горизонтальными рядами оттисков лопаточки, зубчатого штампа и пальцевых защипов.

4. Группа керамики № 1 с текстильными оттисками может быть датирована широким хронологическим отрезком. Так, в Северном Приангарье она встречается в материалах местонахождения Адорма. Такая керамика «считается самой древней в Приангарье и датируется 7–6 тысячелетием до н.э. – ранним неолитом». Одна из радиоуглеродных дат, полученных по образцам с этого памятника, относится к этому периоду – 7085±85 лет (Шохирева, 2008: 207). Синхронным этой группе керамики является 8-й к.с. памятника Тышкинэ II (о. Ольхон), где были обнаружены фрагменты керамики с текстильными оттисками, сочетающимися с горизонтальным рядом небольших отверстий и широкими прочерченными линиями. Комплекс 8-го слоя Тышкинэ II по составу аналогичен материалам 5-го нижнего слоя Саган-Забы II (в котором преобладает керамика с текстильными оттисками). По 5-му нижнему слою стоянки Саган-Заба II иркутскими археологами была получена серия радиоуглеродных дат (9 дат) в пределах 7–6,5 тыс. л.н. (Горюнова, Новиков, Вебер, 2011: 127).

Керамика с горизонтальным рядом «жемчужин» (группа 2) характерна для комплексов раннего – развитого бронзового века Прибайкалья: 1–7-й слои – Улан-Хады, 4–7-й слои – Тышкинэ III, 2-й слой – Горелый лес, 1-й слой – Плотища и др. В погребальных комплексах такая керамика зафиксирована в могильниках Хадарта IV и Фофановский (группа II). Там же встречены сосуды, украшенные ногтевыми защипами. Даты по 4–7-му слоям Тышкинэ III, полученные по углю и почве, укладываются в промежуток 3820 – 2970 л.н. (Горюнова, Оводов, Новиков, 2007: 170).

В то же время на материалах памятников Северного Приангарья мы видим аналогии керамике этой группы с материалами 3-го стратиграфического слоя поселения Парта, стоянки Капонир, 4-го и 5-го слоев поселения Тушама, Ручей Конный-3. Эти материалы исследователи датируют широким хронологическим диапазоном от позднесеровского времени до периода поздней бронзы. К сожалению, данные по углеродосодержащим образцам еще находятся в обработке и не опубликованы. Поэтому соотнести данные по Байкальскому региону и Северному Приангарью пока можно лишь в таком виде.

Сосуды выделенной нами 4-й группы находят аналогии в материалах поселения Стрелковское-2, расположенного на правом берегу р. Ангары в 15 км выше её устья, напротив п. Стрелка. Датировка комплекса памятника Стрелковское-2 определяется наличием предметов из железа и подтверждается радиоуглеродной датой 2220 ± 105 л.н. (СОАН-5486), полученной по углю. Таким образом, керамика 4-й группы относится к III-II вв. до н.э. и относится к каменскому типу (Мандрыка, 2005: 138).

Сосуды группы 3 относятся к кругу культур раннего железного века – средневековья. Они сильно различаются по морфологии и орнаментации.

Сосуды группы № 5 имеют прямые аналогии в посуде цэпаньской культуры. Аналогии этой керамике можно обнаружить в материалах памятников Капонир, Сергушкин-3, поселения Нижнепорожинское-1.

Планиграфическая специфика распределения керамического материала на площади памятника заключается в том, что все разновременные материалы концентрируются на трех основных участках. Судя по разнообразию и количеству керамического материала группы 2, наиболее интенсивным периодом функционирования данной стоянки является период позднего неолита – бронзового века. Можно предположить, что различия орнаментальных мотивов могут отражать динамику керамической традиции в период позднего неолита – поздней бронзы.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Л.В. Лбова

Список литературы

Басова Н.В. Отчет об археологических раскопках стоянки Кода-2 Кежемского района Красноярского края в 2010 году. – Новосибирск, 2010. – Т. 1. – С. 507.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 125–127.

Горюнова О.И., Оводов Н.Д., Новиков А.Г. Анализ фаунистических материалов с многослойного поселения Тышкинэ III (оз. Байкал) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: материалы всерос. конф. с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. – Иркутск, 2007. – Т. 1. – С. 168–174.

Мандрыка П.В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.

Шохирева А.В. Керамическая коллекция многослойного местонахождения Адорма в Северном Приангарье // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 2008. – С. 206–208.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРЯДА КРЕМАЦИИ У НОСИТЕЛЕЙ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Обряд кремации является одним из ключевых в погребальной практике древних обществ, проживающих в эпоху бронзы на обширной территории юга Западной Сибири. Он имеет глубокие корни, восходящие к древнейшим культовым практикам (Бойс, 1987: 10; Добровольская, 2010: 85). Свое отражение аналогичная практика нашла и у носителей андроновской культуры юга Западной Сибири.

Использование кремации на этой территории зафиксировано неравномерно. В значительной степени обряд сожжения был распространен на просторах Казахстана и Верхней Оби, для южной Сибири он был крайне редок. Исключительные случаи кремации были зафиксированы на таких крупных могильниках, как Сухое озеро-I, Орак, Усть-Ерба, Подкунинский Улус. Такая редкость использования обряда кремации в южносибирских могильниках андроновской эпохи свидетельствует о том, что сожжение не было рядовым для Минусинского региона и применялось к людям, занимавшим значительное общественное положение в своей среде. Следует обратить внимание на тот факт, что использование кремации в основном было характерно для андроновского населения, проживавшего в лесостепных районах юга Западной Сибири (Хлобыстина, 1973: 53–55). Таким образом, если на территории западной части андроновской общности трупосожжение выделялось в качестве отличительной черты погребального обряда (Косарев, 1981: 117), то в восточной части оно не стало господствующим и встречалось значительно реже.

Опираясь на локальные и универсальные особенности совершения обряда кремации, можно реконструировать его следующим образом.

Чаще всего кремированные останки располагались в могиле в виде компактной груды кальцинированных костей, которая размещалась в центре или в восточной части погребальной камеры. Условия, при которых проходил процесс кремирования, вероятнее всего, были очень схожи, о чем свидетельствует характер кремированных останков. Большинство костей из погребений с трупосожжением имеют характерный бело-серый цвет снаружи и серый или пепельный внутри. Их внешняя поверхность покрыта мелкими трещинами, поверхность равномерно обожжена (Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2003: 65).

После сжигания тела умершего кости иногда выбирались из прочей массы. На памятниках, расположенных в Кулундинской степи (Рублёво-VIII) в могилах с кремацией угли встречаются редко (Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2003: 64). Наиболее частыми находками являются груды кальцинированных костей (иногда вместе с ними находился сосуд). На территории Гилёвского археологического микрорайона (могильник Чекановский Лог-10), напротив, следы огня в виде углей встречаются в каждом захоронении, совершенном по обряду трупосожжения (Демин, Ситников, 2007: 53). Такое расхождение в деталях обряда позволяет сделать вывод о том, что отделение костей от продуктов горения не было обязательным элементом процесса трупосожжения.

Вероятно, тело самого покойного «федоровцы» сжигали без одежды, так как в противном случае среди кремированных останков должны были сохраниться расплавившиеся остатки металлических украшений, нашитых на одежду (Сотникова, 2003: 183). Однако это не исключает того факта, что одежда могла быть полностью органической.

Размеры могильной ямы в разных случаях могли достигать размеров захоронений взрослых андроновцев, совершенных по обряду ингумации. Существует несколько вариантов объяснения непропорционально больших размеров федоровских погребальных камер по сравнению с площадью, занимаемой в них кремированными останками. Один из них был предложен М.П. Грязновым. Он предположил, что в могилу, кроме пепла, погребали какое-то подобие

умершего, шитое из мягких материалов и одетое в одежды покойного. Этим можно объяснить и то, что находимые в погребениях украшения не имели следов пребывания в огне. Ориентация захоронений с трупосожжением соответствует правилам погребального обряда. Если ритуальная посуда располагалась в восточной части могилы и её ставили у головы покойного, то соответственно можно говорить о восточной ориентировке погребения (Грязнов, 1970: 37).

Эта версия получила широкое распространение и за пределами Западной Сибири. Э.Б. Вадецкая предположила, что умерших одевали в подлинную одежду покойного, таким образом стремясь придать кукле сходство с покойником, подчеркивая его индивидуальные черты (Вадецкая, 1985: 36–38; 1986: 134). Андроновцы могли собирать кремированные кости в мешочки, но помещать его не в куклу, а заворачивать в одежду умершего, расшитую бусами, бляшками и пронизками (Сотникова, 2003: 179).

Развивая эту точку зрения, можно прийти к выводу, что захоронение так называемой куклы производилось по всем канонам и правилам, которые действовали при совершении обряда ингумации.

Трупосожжение могло находиться в одном погребении с ингумацией. Такое сочетание двух совершенно разных способов обращения с умершими является весьма редким для погребального обряда андроновцев, населявших юг Западной Сибири. На территории Барабинской лесостепи такое захоронение было зафиксировано один раз на памятнике Абрамово-4 (Молодин, 1985: 109). На территории лесостепного Алтая известны случаи подобного сочетания на памятниках Фирсово-XIV и Чекановский Лог-10. В первом был обнаружен скелет мужчины и кальцинированные кости, которые, судя по набору украшений, принадлежали женщине (Шамшин, Ченских, 1997: 52). Во втором было зафиксировано парное захоронение мужчины и женщины, совершенное по обряду кремации и ингумации соответственно, к кремированному, вероятно, относился и найденный сосуд (Демин, Ситников, 2007: 31–32). Наиболее распространенным такой вид погребения был на территории Северного и Центрального Казахстана, однако эта территория не входит в границы обозначенных территориальных рамок. М.Д. Хлобыстина отнесла этот вид захоронений к особому типу, который обозначила как «биритуальные» (Хлобыстина, 1976: 8). В.И. Молодин поддержал её в том, что выделение таких комбинированных погребений в отдельную группу совершенно справедливо. Однако термин «биритуальные обряды» он посчитал неверным, подчеркнув, что это не два обряда, а один, причина которого еще не выяснена (Молодин, 1985: 109).

Таким образом, проведенная реконструкция обряда кремации позволяет сделать вывод о том, что это довольно сложный во всех отношениях процесс с определенной последовательностью совершения и мировоззренческой нагрузкой.

Научный руководитель: канд. ист. наук, проф. С.М. Ситников

Список литературы

- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л. : Наука, 1986.
- Вадецкая Э.Б. Мумии и куклы в погребальной обрядности народов Западной и Южной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск, 1985. – С. 36–38.
- Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. – 1970. – Вып. 122. – С. 37–43.
- Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч. 1. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2007.
- Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. – 2010. – Вып. 224. – С. 85–97.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В, Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юна Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул, 2003. – С. 62–85.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М. : Наука, 1981.

Мэри Бойс. Зороастрийцы: обычаи и верования. – М. : Наука, 1987.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск : Наука, 1985.

Сотникова С.В. Андроновский (фёдоровский) обряд кремации: к реконструкции ритуала // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири : сб. науч. тр. – Барнаул, 2003. – С. 178–184.

Хлобыстина М.Д. Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей // СА. – 1973. – № 4. – С. 50–61.

Шамшин А.Б., Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С. 52–56.

Е.С. Кульتيкова

*Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАВИРОВОК В ИСКУССТВЕ КАМЕННОГО ВЕКА УРАЛА

Произведения искусства являются важным историческим источником. Большое внимание привлекают к себе изделия с гравированным орнаментом, ведь орнамент – это своеобразный почерк эпохи, имеющей свой символический изобразительный язык.

Со времен возникновения изобразительного искусства на Урале первобытный художник декорировал изделия из бивня, кости, камня и глины.

Самой многочисленной категорией орнаментированных костяных изделий на Урале являются предметы вооружения. За период многолетних и активных исследований они выявлены в пещерных святилищах (Камень Дыроватый, Лобвинская, Подземных Охотников, Гебауэра, Бобылек), на озерных памятниках (Шигирский и Кокшаровский торфяники, Шайтанское озеро) и в погребениях (Камень Дождевой, Пеган).

Самая многочисленная коллекция мезолитических орнаментированных наконечников (около 500 экз.) относится к пещерному святилищу на Камне Дыроватом. Систематизация орнаментов на них впервые была предпринята Ю.Б. Сериковым. Он выделил часто встречающиеся элементы, простое и сложное их сочетание, а также орнаменты индивидуального характера (Сериков, 2003: 73–76).

На наконечниках Шигирского торфяника присутствуют элементы (мотивы) орнамента, полностью аналогичные материалам Камня Дыроватого. Единственное отличие – в гравировках наконечников Шигирского торфяника отсутствуют следы окрашивания (Савченко, 2006: 214–222).

Значительное количество орнаментированных наконечников стрел привлекало внимание многих ученых. Так, В.Н. Чернецов, пытаясь датировать наскальные рисунки, сравнивает их с орнаментированными наконечниками Шигирского торфяника. И видит в орнаментах изображения рыболовных и охотничьих ловушек. В этом отчетливо прослеживается магическая связь между выгравированными изображениями на орудиях и удачей в промыслах (Чернецов, 1971: 107–108).

По мнению Ю.Б. Серикова, орнаменты на наконечниках стрел с Камня Дыроватого – это не только и даже не столько их украшение, сколько зашифрованные мифологемы. Он отмечает, что значительную роль в этих мифологемах играли числа 3, 4, 5, 7. Именно они наиболее часто повторяются в орнаментальных композициях. Если наконечники стрел вместе с другими находками (костями животных, всевозможными подвесками, бусами и т.п.) можно считать дарами, подношениями духам, обитавшим в пещере (Сериков, 2007: 151–152), то

орнаменты на наконечниках можно рассматривать в качестве своеобразных посланий, прошений, направленных этим духам (Сериков, 2003: 76).

И.В. Калинина делит гравировки на наконечниках стрел на две группы орнаментов: орнаменты «с линией жизни» и орнаменты «крепежа» – «усиливающие», «оживляющие» наконечник стрелы. «Линии жизни» на наконечниках представлены волнистыми, двоянными линиями, зигзагом, «сакральные центры» – фигурами, тяготеющими к квадрату (ромбу). На оборотной стороне одного наконечника вместо ромба изображены антропоморфные фигуры. Вторую группу составляют орнаменты, выполняющие защитную функцию, укрепляющие наконечник, усиливающие его свойства как оружия. Орнамент из линий, подобно окраске охрой и полировке, «укреплял» и «оживлял» наконечник (Калинина, 2006: 393–400).

С упоминавшегося уже Шигирского торфяника известно несколько ножей и кинжалов, которые имеют гравировку в виде геометрических фигур (квадратов, ромбов), косых крестов, волнистых линий, зигзагов и одиночных насечек. Схожие схемы встречаются на кинжалах из погребения Пеган и грота Бобылек.

Общая характеристика гравированного орнамента на кости на Урале такова: 1) в палеолите он представлен в виде насечек и прорезанных линий; 2) в мезолите гравировки приобретают широкое распространение, намного разнообразней становятся и орнаменты; 3) в неолите и энеолите встречаются насечки-нарезки, спиральный и циркульный орнамент.

Для украшения же каменных изделий использовались как фигурные гравированные изображения, так и геометрический орнамент.

Фигурные гравировки представлены изображениями зооморфных (стоянки Горная Талица и Амбарка-I) и антропоморфных фигур. Изображения человека выполнялось в контурном (Шувакиш I, Вишневы I) и скелетном стиле (пос. Антоновский). Орнаментальные гравировки, в свою очередь, наносились на предметы, которые можно подразделить на несколько групп (Сериков, 2009: 79–84):

1. Плоская и круглая скульптура, где гравировка участвует в создании образа скульптуры или украшает ее. Круглая скульптура представлена фигурными молотами (Евстюниха-I, Кокшаровский холм и др.). Плоская же скульптура с гравировками представлена на трех памятниках Урала: Широфаново-II, Палатки-II, Муллино-III. Можно предположить, что некоторые орнаменты на скульптурах были призваны усиливать какие-то определенные их функции.

2. Декорирование орудий, украшений и других изделий. Гравировки наносились на шлифованные орудия (I Висский торфяник, Симва-III), гребенчатые штампы (I-ая Береговая стоянка, Шайтанское озеро-I), диски (Палатки-II, Шайдуриха), украшения (Муллино-III, Шайтанское озеро-I, Крутяки-I), «утюжки» (Шайтанское озеро-I, Евстюниха-I и др.), пряслица.

Единичными экземплярами представлены изделия из глины – «утюжки» (Кокшаровский холм), фрагменты керамики (Камень Дождевой, Усть-Вагильский холм) и изделие в виде грецкого ореха (Кокшаровский холм) (Сериков, 2012: 30–31).

3. Орнаментальные гравировки на гальках и плитках. Гравированные гальки условно можно отнести к чурингам (Ильмурзино, Кокшаровско-Юрьинская-II, Широфаново-II).

Семантика гравированных на камне изображений – тема специального исследования. Орнаментальные гравировки, по-видимому, усиливали какие-то сакральные значения гравированных предметов: скульптур, орудий, украшений, «утюжков», пряслиц, чуринг. Можно предположить, что сюжетные фигурные гравировки являются зашифрованными мифологемами. Семантика таких геометрических фигур, как ромб, косой крест, неоднократно рассматривалась разными исследователями. В частности, по представлениям мансийского населения, изображение ромба на фигуре являлось символом жизненной силы и символизировало принадлежность ее к миру живых существ (Гемуев, Сагалаев, 1986: 19–20). А косой крест у хантов служил символом охраны. Расшифровка гравированных фигур и знаков возможна только с учетом археологического контекста (Сериков, 2011: 79–84).

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Ю.Б. Сериков

Список литературы

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси (культовые места XIX – начало XX в.). – Новосибирск : Наука, 1986.

Калинина И.В. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2006. – Вып. 6, т. 1. – С. 393–402.

Савченко С.Н. Мезолитические наконечники стрел восточноевропейских типов в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2006. – Вып. 6, т. 1. – С. 214–223.

Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003. – С. 73–82.

Сериков Ю.Б. К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 6. – С. 142–155.

Сериков Ю.Б. Техника гравировки по камню в первобытном искусстве Урала // Памятники археологии и художественное творчество: матер. осеннего коллоквиума. Вып. 5. – Омск, 2009. – С. 79–84.

Сериков Ю.Б. Гравировки по камню – редкий вид изобразительного искусства // V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье» : матер. междунар. науч. конф. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 11. – Казань, 2011. – С. 203–221.

Сериков Ю.Б. Глиняные изделия с гравировками на территории Среднего Зауралья // X Зырянские чтения : матер. всерос. науч.-практ. конф. – Курган, 2012. – С. 30–31.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. – М. : Наука, 1971.

Д.С. Леонтьева

Барнаул, Алтайский государственный университет

КАРТОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ*

Лесостепной Алтай – территория, где плотность расположения андроновских памятников достаточно высока. В настоящий момент их насчитывается свыше ста. Число не может быть окончательным, так как каждый полевой сезон приводит к открытию новых объектов. Основная масса исследованных памятников – это некрополи. Известных поселенческих памятников меньше, а изучавшихся единицы. Целью данной работы является картографирование известных андроновских поселений, для уточнения имеющихся знаний и наблюдений и получения новых. Для работы нами используется картографический метод, основанный на получении необходимой информации с помощью карт для научного и практического познания изображенных на них явлений. Данный метод стал неотъемлемой частью большинства теоретических и практических изысканий, превратился в один из основных методов в науках о Земле и обществе. С помощью него возможно прояснить ряд вопросов, существующих в андроноведении лесостепного Алтая.

Необходимость данной работы обуславливается тем, что на сегодняшний день нет карты андроновских поселений исследуемой территории. Имеющиеся карты-схемы, составленные в 1973 г. В.И. Матющенко и в 1988 г. Ю.Ф. Кирюшиным, не отражают современный уровень накопленного материала.

* Работа выполнена при ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)» №2012-1.1-12-000-3001-017.

Поселение – очень широкое понятие. Им обычно обозначаются любые остатки более или менее продолжительной жизни древних людей на одном месте. В зависимости от их устройства, они могут подразделяться на более узкие группы (Мартынов, Шер: 5–7). Андроновские поселения лесостепного Алтая можно разделить по продолжительности существования на три группы. К первым относятся *стационарные поселения* – с насыщенным культурным слоем, фиксируемыми объектами. Другая группа – *временные поселения* либо *стоянки*, сюда отнесены памятники с невыразительным культурным слоем, также на таких памятниках объекты и жилища не обнаружены. Третьей группой является *местоположение* – памятник, связанный с определенным местом и заметно отделенный от других значительным расстоянием (свободным пространством) – так, чтобы быть отмеченным отдельным значком на археологической карте. Сюда могут быть включены: случайные находки, незначительное количество артефактов на памятниках других культур (данные находки не свидетельствуют о длительном существовании на данном месте населения, но указывают на ареал распространения населения либо говорят о культурных связях с соседними племенами).

Общее количество открытых андроновских поселений в лесостепном Алтае – 54. Сложность выполнения картографии выразилась в том, что в некоторых публикациях при характеристике памятников дается неполное описание их месторасположения и содержания. Для носителей андроновской культуры, как и для населения других исторических эпох, характерно расселение у водоемов. Но в выборе места проживания у каждой культуры есть существенные различия. Они обоснованы климатическими условиями, типом хозяйства и военно-политической обстановкой. Большинство андроновских поселений располагаются по берегам рек: Алей, Чумыш, Бурла, Кулунда, Обь и их притоков. Реже по берегам озер и прудов: оз. Иткуль, оз. Петухово, оз. Горькое-Перешеечное, оз. Горькое. Часть памятников располагается по берегам мелких рек, притоков больших водных артерий. Обычно поселения находятся недалеко от устья (от 300 м до 1 км), например: Манжиха-II (р. Манжиха), Куюк-II (р. Корначак), Куюк-I (р. Татарка), Золотушка (р. Золотушка).

Работа с картографическим материалом также подразумевает геоморфологические изыскания. Они основаны на анализе «высотного» положения памятников и их «вписанности» в ландшафт, что косвенным образом свидетельствует о нюансах климата (Волков, 2010: 20). Временные поселения (стоянки) находятся на мысах, мысовидных выступах коренных берегов рек Алей (Гилево-IV), Чумыш (Степь-Чумыш, Усть-Васиха-II) и т.д. Стационарные поселения располагаются в пойме, на первой и второй надпойменной террасах и в заболоченных низинах у берегов озер и прудов. Одной из основных причин столь низкого расположения большей части памятников считается усыхание климата в середине и особенно во второй половине II тысячелетия до н.э. Вследствие чего население было вынуждено переселиться в места, богатые пойменными угодьями, где можно было успешно заниматься скотоводством (Косарев, 1981: 210).

Обозначенные группы различаются по насыщенности культурного слоя. Пойменные поселения в основном имеют мощный культурный слой, а памятники с высоким расположением более бедный слой с меньшим количеством находок (Кунгуров, Лузин, 1992: 42). Объясняют этот факт разным характером поселений. Все высотные поселения имеют хороший обзор, они использовались как кратковременные стоянки при передвижении андроновцев. Когда же место для длительного проживания было выбрано, население спускалось в более удобное, по их понятиям, место (Кунгуров, Лузин, 1992: 43). Другая точка зрения предлагает разделить поселения на кратковременные (летние) и стационарные (зимние), связывая их существования с отгонным характером хозяйства.

Анализ пространственного распространения памятников андроновской культуры, приведенный нами, позволяет проследить показатели удаленности однокультурных объектов и принципы их локализации. Существует две группы памятников, которые располагаются «кустами»: в верховьях р. Чумыш – это Усть-Чумыш, Сосоновый Лог-I, Усть-Васиха-II, Манжиха-II, Куюк-I, II, оз. Горино, Усть-Каменушка-III; в верховьях р. Алей – это Гиле-

во-III, Гилево-IV, Чекановский Лог-III, Карболиха-II, Андронкина Заимка-I. Обычно в концентрированном расселении есть несколько стационарных поселков, а остальные являются кратковременными стоянками. Такая закономерность прослеживается и на андроновских поселениях. Данный тип характерен для культур с присваивающей экономикой, отражающий подвижный образ жизни ее носителей (Волков, 2010: 25), либо долговременное существование андроновского населения на данной территории. Кустовое местоположение памятников не является основным видом.

Остальные поселения располагаются с высокой степенью «рассеянности», и фиксируется даже единичное расположение памятников. Возможно, полученная картина связана с неравномерностью изучения районов края. Основной вид – это «единичное» расселение, которое характерно для культур с доминирующим производящим животноводческим укладом.

В результате проведенной работы были обобщены имеющиеся материалы с описанием месторасположения андроновских поселений, выявлены определенные закономерности в расселении андроновского населения лесостепного Алтая. Прослежена связь между природно-климатическими условиями, хозяйственным укладом и местоположением поселений. Но работа с картографическим материалом позволяет уточнить промежуточные сведения об отдельных отраслях хозяйства и системе жизнеобеспечения, которые нуждаются в проверке другими методиками. Необходимо также проведение раскопок для обоснования существующих гипотез и получения новых материалов.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. С.П. Грушин

Список литературы

Волков Е.Н. К методике реконструкции хозяйства и элементов системы землепользования носителей древних культур Среднего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. – Новосибирск, 2010. – С. 20–26.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М. : Наука, 1981.

Кунгуров А.Л., Лузин С.Ю. Андроновские памятники в окрестностях с. Победа // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Барнаул, 1992. – С. 42–43.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – М. : Наука, 1989.

К.Н. Митрофанова

*Новосибирск, Новосибирский
государственный педагогический университет*

ПРЕДМЕТЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Целью моего доклада является освещение предметов земледелия, относящихся к разным культурам и периодам. Объединяет их то, что все они хранятся в археологическом музее Новосибирского государственного педагогического университета и то, что все они были обнаружены на территории Новосибирского Приобья.

Самой ранней находкой, хранящейся в музее НГПУ, является зернотерка с терочницей, найденная при раскопках городища Завьялово-5. Нижний камень имеет 41 см в длину и 15,5 см в ширину. Поперечное сечение его составляет от 4 см до 6 см. Также имеется терочница (курант) треугольной формы с скругленными углами. Ее длина составляет 35 см, ширина 13 см. Существует мнение, что подобные орудия переработки зерна в муку были распространены у племен, имевших развитое пашенное земледелие (Сидоров, 1986: 62–63).

В Завьялово же были обнаружены четыре роговых орудия, которые применялись как мотыги во время различных земляных работ, в том числе, возможно, для вторичной обработки земли под посев или для прополки (Мжельская, 1994: 62). В качестве сырья при изготовлении данных орудий был использован рог лося, точнее, его спица, представляющая собой плотный роговой стержень от розетки до разветвления лосиного рога, имеющий максимальную плотность и прочность (Мжельская, 1994: 58).

Далее я остановлюсь на жернове, который не имеет точной датировки, но, вероятнее всего, относится к ирменской культуре (эпоха поздней бронзы). Этот жернов обнаружен на памятнике Черное Озеро-1 в Колыванском районе Новосибирской области. Этот памятник представляет собой ирменское поселение, на территории которого были сооружены курганы верхнеобской культуры. В насыпи одного из курганов были обнаружены два камня-жернова – нижний и верхний, лежащие рядом друг с другом. Камни имеют округлую форму с внешним диаметром до 28 см. Оба камня после соответствующей обработки получили одностороннюю выпуклость снаружи и уплощенную рабочую поверхность. Сечение жерновов составляло от 4 см до 5 см. Спаривание камней осуществлялось через центральное отверстие для оси вращения. Верхний камень – бегун или ходун – имел особую конфигурацию центрального отверстия, в котором не только располагалась ось вращения, но и поступало зерно для дальнейшего распределения по зонам размола. Нижний жернов – лежняк – при работе находился в покое. Он представлял собой камень с одним узким цилиндрическим отверстием в центре, диаметр которого составлял 3,8–4 см. Бегуном являлся камень с центральным отверстием в виде усеченного конуса с диаметром от 8,5 см до 5,5 см относительно внешней и внутренней рабочей поверхности. Для передачи мускульной энергии при вращении на бегун служили две угловатые лунки диаметром от 2 см до 3 см и глубиной около 1,5 см. Отверстия расположены напротив друг друга, практически на одной линии (Бородовский, Троицкая, 1994: 85–86). Точной датировки этих камней дать трудно, так как они были обнаружены в насыпи разграбленного верхнеобского кургана. В насыпи были найдены и обломки ирменских сосудов. Можно предполагать, что этот жернов относится к ирменской культуре. Тем более на известных нам памятниках верхнеобской культуры жернова не встречались, но такие жернова известны на памятниках ирменской культуры. Например, В.В. Бобровым раскопаны камни ручной мельницы (жернова) на поселении Журавлево-4 (Бобров, 1993: 13, рис. 5). Но все же ручаться с абсолютной уверенностью нельзя.

С эпохи раннего железа появляются сошники, которыми можно взрыхлять землю. Характерной их особенностью является заостренная нижняя часть. Один из таких сошников был обнаружен в могильнике верхнеобской культуры Юрт-Акбалык-8 и датируется VI–VII вв. Он издан (Новосибирская археологическая экспедиция, 2010: 124, табл. 44, рис 3). Сошник имеет втулку с овальным сечением, которая равномерно и слегка асимметрично сужается книзу. Конец лопасти заострен. Длина и ширина втулки 10,5 см и 5,5 см соответственно. Лопасть имеет 5,7 см в длину и 3,5 см в ширину. Втулка шире лопасти, задняя ее стенка спрямлена (Троицкая, 1994: 96). Сошник был обнаружен в самой могиле.

Необходимо отметить, что в археологических фондах Новосибирского государственного краеведческого музея хранится ряд таких же изделий, как все описанные мною выше, но найденных в других памятниках Новосибирского Приобья. Поэтому мы можем считать, что представленный выше материал является типичным для земледелия Новосибирского Приобья.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Т.Н. Троицкая

Список литературы

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск : ВО «Наука», 1993.

Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Раннесредневековый жерновой постав из Верхнего Приобья и некоторые вопросы происхождения, развития и семантики зернорастирающих орудий // Экспериментальная археология. Вып. 3. – Тобольск, 1994. – С. 82–93.

Мжельская Т.В. Роговые орудия из городища Завьялово-5 // Экспериментальная археология. Вып. 3. – Тобольск, 1994. – С. 57–62.

Новосибирская археологическая экспедиция (1957–1995 гг.). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010.

Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесосибирского Приобья) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 54–66.

Троицкая Т.Н. Сошники из Новосибирского Приобья // Экспериментальная археология. Вып. 3. – Тобольск, 1994. – С. 94–98.

Р.В. Муштапов

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ КОЛУМБИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В ДОИСПАНСКОЕ ВРЕМЯ*

В данной работе я постараюсь сделать краткий обзор по металлургии Колумбии и рассмотреть некоторые технологии, которые позволили создать грандиозные шедевры искусства, выполненные руками индейцев вплоть до испанского завоевания. Чем интересен именно этот регион, который носит сегодня название Колумбия? Дело в том, что металлургия Нового Света появляется в андском регионе и на некоторых территориях Колумбии. Именно отсюда впоследствии распространится металл севернее, в Центральную Америку и Мезоамерику. Древние общества Колумбии являются важным объектом исследования для ученых западного полушария. В России это довольно новое и перспективное направление.

До прихода испанцев на территории Колумбии проживали несколько близких друг другу культур индейцев-металлургов. Своё название они получили по имени металлургических «центров», в которых они проживали: Кимбайя, Муиска, Сину, Тайрона, Толима, Нариньо, Калима и др. Следует заметить, что испанцы весьма произвольно употребляли имена собственные, смешивая название местностей и селений, имена и титулы правителей. Так, нередко они называют два «царства» муиска – *Cuna* и *Sake*. Но эти слова обозначают титулы верховных правителей: правитель Бакаты (Боготы) назывался сипа, правитель Тунхи – саке (Народы Америки, 1959: 304).

Индейцы древней Колумбии были настоящими профессионалами в металлургии, их техника обработки металла – огромный вклад в довольно интересную металлургию народов Нового Света. Дело в том, что из металлов древним жителям Колумбии было известно лишь золото и его сплавы с медью, серебром, платиной. Золоту уделялось особое внимание: оно имело большую ценность и религиозное значение. Фигурки животных, идолов были сделаны из золота. Золотые украшения считались привилегией знати и воинов. Украшения вставляли в уши, прокалывали ими носы, губы (Estel, 1958: 237).

Немаловажной частью колумбийской металлургии является ювелирное дело, которое восходит к VII в. до н. э. Возможно, оно зародилось в ещё более глубокой древности, так как в других частях континента, контакты с которыми существовали в доко-

* При поддержке гранта РГНФ № 12-01-00001а «Древние культуры Колумбии и Эквадора».

лумбовы времена, возникновение ювелирного искусства датируется серединой II тыс. до н. э. Деятельность ювелиров прервалась только в XVI столетии, когда их ремесло свелось только к разработке месторождений золота для пополнения казны испанской короны. В Колумбию золото поступало из Центральных и Западных Кордильер, где были открыты богатые золотоносные жилы. Активное развитие торговли между разноразличными племенами способствовали и заимствованию технологий изготовления золота (Гомес, 1982: 16).

Один из крупнейших центров добычи золота была Буритика, в западной части Колумбии. Племя Сину, проживавшее здесь, добывало золото несколькими способами, но основных было два: 1) после половодья реки в ущельях высыхали, золото, смытое с горных отвесов вниз, оставалось на поверхности в виде крупных зерен и гладких пластинок; 2) ждали, пока в горах высохнет трава, поджигали ее, давали выгореть и с выжженной поверхности собирали большое количество золота в виде самородков. Золотые жилы разрабатывались путем сооружения вертикальных шахт, горизонтальная проходка не применялась. Благодаря большим залежам золота район Буритики стал одним из главных торговых центров северо-запада Латинской Америки. Торговые пути шли на юг, в провинцию Кимбайя, на восток – в район реки Магдалены, на север – в другие вожества и т. д. (Нерсесов, 2006: 223).

Плавыльни и мастерские для обработки добытого золота обычно находились на некотором расстоянии от рудников. Как уже было сказано выше, основной металл для производства изделий было золото с различными сплавами других металлов. Высокую температуру плавления таких металлов, как платина (1778 градусов по Цельсию), медь (1084), удалось снизить путем сплавления с золотом, предварительно смешивая их в порошкообразном состоянии (Нерсесов, 2006: 220). Основными способами изготовления металлических изделий, применявшимися мастерами доколумбова периода, были известные намковка, чеканка, золочение, зернь, очистка золота. Короны, носовые украшения, диадемы, серьги, браслеты и многие другие изделия из золота, произведенные здесь, постоянно упоминаются в хрониках времен испанского завоевания и колониального периода. Эти описания совпадают с предметами, хранящимися в Музее Золота в Колумбии. Также существовали местные техники. Очень любопытен сплав, который назывался *томпак* или *тумбага*. Он представлял собой сплав золота и меди в соотношении 30 % и 70 % соответственно. Изделие из этого сплава обладало хорошей прочностью, при этом обладая довольно низкой температурой плавления (около 200 градусов). Из этого сплава индейцы изготавливали колокольчики, бубенцы для жезлов властителей, нагрудные украшения, тунхо (фигурки людей). Техника томпака активно применялась карибами, араваками. В процессе создания изделия из томпака его нагревали до тех пор, пока медь, соединяясь с кислородом воздуха, не давала окисного покрытия. Затем его окунали в кислотный раствор (обычно использовали сок растений), чтобы удалить окислы. Так удаляли медь, оставляя слой, который можно в дальнейшем полировать до получения золотого блеска.

Существовало у муисков и литье в формах из огнеупорной глины. Способ литья в открытой форме применялся для отливки небольших изделий, которые затем подвергались полировке. В этом случае передняя часть отливаемой фигуры приходилась на дно формы. Это так называемая *потерянного воска*. Они изготавливали болванку из глины и древесного угля, затем покрывали её пчелиным воском, затем ещё одним слоем глины, оставляя место под воронку для заливки металла. После этого глиняная форма разогревалась, воск внутри неё таял, освобождая пространство для металла. После удаления воска в горячую форму заливали металл, предварительно подготовленный на огне в специальном жаропрочном сосуде из глины с углем. Затвердевая, сплав принимал форму первоначального изделия из воска, после чего глиняную оболочку разбивали, получая необходимую отливку. Поверхность полученной отливки затем обычно шлифовали песком или мелкой галькой (Гомес, 1982:19).

Технологии металлургии Колумбии распространились на север, в Панаму и Коста-Рику в VI веке н. э. Некоторые достигли Гватемалы и Белиза к IX веку. Возможны путешествия некоторых металлургов на север, но комплексная металлургия, включавшая литье и плавление, не появилась, например, у майя и других народов Мезоамерики, вплоть до испанского завоевания (Bruhns, 1994:182).

Научный руководитель: д-р ист. наук А.В. Табарев

Список литературы

- Гомес Л.Д. Золото Колумбии. Ювелирное искусство индейцев. – М. : Искусство, 1982.
Народы Америки. Т. 2. – М. : Изд-во академии наук СССР, 1959.
Нерсесов Я.Н. Тайны Нового Света. От древних цивилизаций до Колумба. – М. : Вече, 2006.
Bruhns K.O. Ancient South America. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
Estel L. The Mosca (Chibcha) // The Ohio Journal of Science. – 1958. – № 4. – P. 235–244.

А.А. Присекайло

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

РЕКОНСТРУКЦИЯ УЗДЫ СО СТЕРЖНЕВИДНЫМИ ПСАЛИЯМИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

Изображения всадников и колесничих эпохи бронзы, выполненных в различной технике, привлекают в последнее время внимание многих сибирских исследователей (Шер, 2006; Ковалева, 2011; Ковтун, 2005; Кубарев, 2004; Полосьмак, 2001 и т.д.). Причины такого интереса, вероятно, лежат в том, что изображения несут многоплановую информативность и отражают влияние различных культур друг на друга. Именно поэтому при реконструкции снаряжения коня привлекают данный вид источников. Если говорить о реконструкции системы оголовья коня бронзового века, то тут привлекается значительный объем источников археологического характера (псалии, пряжки, распределители ремней). Первая реконструкция была предложена К.Ф. Смирновым для псалий щиткового типа (Смирнов, 1961) и опиралась на материалы археологических памятников Урала. В последующем были предложены схемы крепления щитковых псалиев А.Д. Пряхиным, В.И. Бесединым (1998), В.Н. Горбуновым, А.Н. Усачуком (1998) и др. Для стержневых псалиев были предложены реконструкции М.П. Грязновым (1980), С.В. Неверовым, В.В. Горбуновым (1996), П.И. Шульгой (2008) и др. Реконструкции стержневых псалиев основывались в основном на археологических источниках раннего железного века.

Данная работа ставит перед собой цель провести описательную и художественную реконструкцию узды по материалам археологических памятников территории Минусинской котловины, Васюганской равнины и Алтая в эпоху бронзы. Источником для построения реконструкции узды являются его главные элементы – псалии, т.к. изобразительный материал в эпоху бронзы не несет в себе информации о способе крепления данного элемента уздечного набора. Связано это в первую очередь с недостаточной прорисовкой данного элемента. Однако по изображениям можно судить о наличии повода, а также ремней: налобного (?), нащечного (суголовный ремень), наносного (нахрапник) и подбородочного.

Наличие повода свидетельствует нам о том, что всадник мог устанавливать положение головы и шеи коня, указывать направления движения, а также замедлять или останавливать движение. На данный момент мы точно не можем судить о составе повода, так как изображения расходятся. Например, на памятнике Акджилага, расположенном на северном склоне Аличурского хребта, зафиксировано два наскальных изображения с элементом поводьев

(Шер, 2006: 85), которые крепились с двух сторон морды лошади, а изображение фигурного навершия сейминско-турбинского ножа (Ковтун, 2012) говорит (в любой интерпретации) нам о наличии в составе узды повода и чумбура. В свою очередь, это означает, что к псалию крепился повод с правой стороны, а с левой прикреплялся чумбур (Шульга, 2008: 32). Такое крепление чумбура выглядит архаичным, так как оно являлось более простым в плане крепления и, в свою очередь, опасным в связи с тем, что лошадь велась спешившимся всадником за удила, что могло повредить ей рот (Андерсон, 2006: 78; Грязнов, 1950: 54). Примерами являются хорошо сохранившиеся более поздние археологические находки – материалы из пазарыкских курганов с мерзлотой. Кроме того, не лишено смысла привлекать средневековые примеры, например сросткинской культуры, сохранившиеся благодаря тому, что ремни имели бронзовые украшения (Тишкин, Горбунов, 2004: 30). М.П. Грязнов реконструировал пазарыкскую узду, которая позже была исправлена П.И. Шульгой (Шульга, 2008: 32). Он писал: «левая половина повода заканчивается петелькой, в которую продета правая половина, и на правой половине завязан узелок, не позволявший соскочить петельке. Когда всадник сидит на коне, поводом служит левый ремень и часть правого от удил до узелка. Спешившийся всадник держит коня за правый ремень, который служит чумбуром, а левый остается на шее коня, причем петелька его, скользя по правому ремню, приближается к удилам» (Грязнов, 1950: 54). Можно отметить, что особенностью оголовья скифского, а также бронзового времени являются отдельные концы суголовного ремня, что было необходимо для крепления их к псалиям. Сам ремень, играющий значительную роль во всей конструкции, держался на затылке лошади. Для дополнительной фиксации применялся подбородный ремень, а также мог использоваться налобный ремень.

При реконструкции крепления псалиев мы руководствовались несколькими опорными тезисами. Первоочередная задача псалиев – это возможность контроля лошади. Вторая задача псалиев заключалась в конструктивных особенностях узды, они выполняли роль ограничителей удил, которые, вероятно, были «мягкие». Третья задача псалиев заключается в общем формировании узды, т.е. без данного элемента теряется вся ее функциональность.

Для реконструкции узды была собрана и проанализирована большая часть псалиев территории Сибири. В них вошли материалы различных видов археологических памятников как поселенческих, так и могильников (поселения: Торгажак, Еловское, Ирмень, ближние Елбаны, Чича-1 и т.д.; могильники: Хрипуновский, Покровский Лог-4, Мыльниково, Ханкарский дол.).

Изучив многочисленные находки стержневых псалиев, можно выделить несколько важных черт, которые указывают на их систему крепления к удилам и поводу. Первое – это разная вариативность расположения отверстий в плоскостях. Большая часть обработанного материала (80 %) имеет расположение отверстий в одной плоскости, а у 20 % центральное отверстие расположено либо перпендикулярно, либо под небольшим углом к верхнему и нижнему отверстию. В свою очередь, это влияет на их крепление к удилам, т.е. для того чтобы привязать сбоку к псалию (с отверстиями в одной плоскости) конец кожаного удила, нужно было сделать петлю или узел. Во-вторых, в случае такого крепления нагрузка ложилась на обращенную к морде лошади тонкую стенку рогового псалия, у которого повышалась вероятность слома, что подтверждается находками. При перпендикулярном расположении центрального отверстия к концевым скрученный конец предполагаемых ремненных удил пропускался в отверстие прямо без петли или узла. В третьих, можно выделить специфику в креплении суголовного ремня при различной изогнутости псалия. Соответственно, выступающий угол псалия направлялся к морде (в сторону удил), а концы – в противоположную сторону (Грязнов, 1980: 25). Такое крепление, вероятно, равномерно распределяло нагрузку на нижние и верхние отверстия и четко фиксировало псалий на морде лошади. Процентное соотношение сломов концевых отверстий у сильно изогнутых псалиев практически не выявило отличий от изделий с минимальным изгибом. Однако в процентном соотношении вариативности сломов мы наблюдаем следующую картину: при степени изгиба

псалия от 0° до 15° происходят сломы либо верхнего, либо нижнего или вообще изделие поломано на несколько частей; при изгибе от 15° до 35° сломаны чаще всего оба концевых отверстия. Судя по наличию у псалия двух концевых отверстий, конструкция имела наконный ремень (нахрапник, т.е. веревочный или кожаный ремень, проходящий вокруг носа лошади), который оказывал давление на наружную часть носа. Данный элемент наиболее эффективен, когда касается мягких и хрящевых ноздрей, но это, вероятно, будет затруднять дыхание лошади. Если нахрапник расположен выше, его воздействие оказывается гораздо менее ощутимым, так что с его помощью можно скорее намереть лошади на свои намерения, чем управлять ею (Андерсон, 2006: 77).

Научный руководитель: канд. ист. наук А.В. Выборнов

Список литературы

- Андерсон Дж. К. Древнегреческая конница. – СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та ; Акра, 2006.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л. : Гос. Эрмитаж, 1950.
- Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л. : Наука, 1980.
- Ковтун И.В. Конь и лыжник. – Томск: Томский гос. ун-т, 2012.
- Тишкин А.А., Горбунов Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004.
- Шер Я.А. Первобытное искусство. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул : Азбука, 2008.

Я.С. Пятыгина

*Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия*

ПОГРЕБАЛЬНО-ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НА ОЗЕРАХ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Исследование культовых памятников часто приводит к необычным находкам и интересным открытиям. На территории Среднего Зауралья в этом плане представляют интерес два необычных комплекса, обнаруженных на Шигирском и Шайтанском озерах.

Оба памятника расположены на высоких береговых мысах. Скворцовская гора-V (Шигирский торфяник) находится в 100 м от вершины Скворцовской горы, на скалистой площадке, на высоте 7 м от уровня воды. Исследования памятника проводились Н.М. Чаиркиной в 2003–2004 гг. На памятнике выявлена погребально-жертвенная площадка с двумя энеолитическими погребениями (Чаиркина, 2011: 49–95). Шайтанский Шихан (Шайтанское озеро) представляет собой нагромождение из крупных гранитных валунов высотой до 11 м. Памятник исследовался Ю.Б. Сериковым в 2003–2009 гг. На шихане выявлена четырехметровая гранитная плита, служившая жертвенником. В щели между валунами обнаружен энеолитический погребально-жертвенный комплекс (Сериков, 2011: 115–118). Следует подчеркнуть, что и Скворцовская гора, и Шайтанский Шихан являлись древними святилищами в разные археологические эпохи – от мезолита до раннего железного века. И второе: оба святилища расположены на участках берега, которые в древности были островами. В настоящее время острова окружены болотами.

В погребении № 1 на Скворцовской горе-V были обнаружены в разрозненном состоянии кости трех человек (двух взрослых и ребенка), которые были сильно прокалены. Сопровождающий инвентарь представлен большим количеством изделий из камня и кости, а также

костями животных и фрагментами керамики. Погребения были совершены с обильным применением охры. Фрагментация костей связана с продолжительным или многократным воздействием огня. Каменный инвентарь представлен 25 наконечниками стрел, двумя наконечниками дротиков, рубящими орудиями, шлифовальными плитками, шлифованным ножом, подвеской, пластинами и отщепами. Следует отметить, что некоторые наконечники можно рассматривать в качестве скульптурных изображений рыб. В погребении найдено 98 целых или почти целых костяных подвесок овальной формы. Но, учитывая обломки, их общее количество могло достигать 150 экз. Особенностью погребального комплекса является наличие в нем костяного бисера (9 экз.). По единственному фрагменту керамики Н.М. Чаиркина относит погребение к аятской энеолитической культуре (Чаиркина, 2011: 121).

Погребение № 2 оказалось сильно разрушенным. На дне могильной ямы вперемежку с камнями были обнаружены мелкие жженные кости и фрагменты черепа ребенка. Достоверно с погребением можно связывать только три каменных наконечника стрелы и скребок из опала (Чаиркина, 2011: 93–95).

Погребальный обряд захоронения №1 Скворцовской горы-V Н.М. Чаиркина видит следующим образом: двух взрослых людей и ребенка в скорченном положении сначала обернули каким-то материалом (возможно, берестой; автор пишет: «множественными пеленами»), потом образовавшийся сверток поместили в могильную яму и подвергли воздействию огня (Чаиркина, 2011: 52).

В 2009 г. на Шайтанском Шихане было найдено энеолитическое погребение. Оно представляло собой скопление дробленых, жженных костей человека, помещенных в расселину между гранитными валунами. Погребальный инвентарь составляли обломок наконечника стрелы, три фрагмента от двух костяных очень тонких острий, 180 отщепов и чешуек и десятков фрагментов керамики. Самыми интересными находками являлись костяные подвески – не менее 80 экз. Как и кости, подвески были сильно обожжены и фрагментированы. По форме, размерам и технике изготовления подвески полностью аналогичны подвескам Скворцовской горы-V. Весь погребально-жертвенный комплекс был засыпан охрой. Обращают на себя внимание две особенности погребального обряда. Над расселиной с погребением в вертикальном положении находится гранитная плита, очень похожая на изображение головы медведя. Сверху погребение было засыпано 546 пластинками серебристого талька. Такая деталь погребального обряда на Урале зафиксирована впервые, хотя тальк или тальковые изделия в погребениях встречались. Судя по керамике, погребение относится к шувакишской культуре эпохи энеолита (Сериков, 2011а: 145–150).

На основании полученных материалов Ю.Б. Сериковым была сделана попытка реконструкции обряда захоронения. Труп человека был сожжен где-то в другом месте. Затем остатки трупосожжения были помещены в расселину между валунами вперемешку с отщепами, кусочками талька, угля и охры. Сверху они были засыпаны слоем мелких пластинок серебристого талька (Сериков, 2011: 117).

Ближайшей аналогией погребениям на Шайтанском озере и захоронению № 1 на Скворцовской горе-V является погребение, обнаруженное в 1959 г. Е.М. Берс на Аятском озере. В нем, в анатомическом порядке, под слоем охры лежали жженные кости человека, но без черепа. Останки головы (также кремированные) были найдены в энеолитическом жилище. Наряду с костями был обнаружен богатый и разнообразный сопроводительный инвентарь, в том числе 52 каменных и 16 костяных подвесок. Интерес вызывает попытка ученого реконструировать погребальный обряд. Вероятно, над могильной ямой был сооружен помост, на который первоначально был положен труп и погребальный инвентарь, которые впоследствии подверглись частичной кремации (Берс, 1976: 197).

Следует упомянуть еще об одном энеолитическом погребении, обнаруженном в 2001 г. на берегу Шайтанского озера (культовый центр Шайтанское озеро-I). Кости погребенного человека не сохранились. Возможно, скелет был уничтожен водами озера. Однако сопровождающий инвентарь остался на месте захоронения и был представлен большим коли-

чеством изделий из камня (наконечники стрел, скребки, шлифованные ножи, молоты, рубящие орудия, рыболовные грузила и т.д.). Значимыми находками в погребении являются 13 каменных подвесок, три каменных утюжка, два диска из благородного талька и неполный развал сосуда. Подвески выполнены из темно-красного шифера (пиррофиллитового сланца). Из такого же сырья изготовлены и подвески из аятского погребения. Парность тальковых дисков позволяет предполагать, что ими были накрыты глаза погребенного (Сериков, 2002: 35–39). По обилию и разнообразию находок это погребение аналогично погребению с Шигирского озера.

Если же сравнивать топографию и погребальный инвентарь погребений с Шайтанского Шихана и погребения № 1 Скворцовской горы-V, то можно увидеть, что по своей сути они являются ритуальными жертвоприношениями. Именно поэтому авторы раскопок интерпретируют данные захоронения как погребально-жертвенные комплексы.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Ю.Б. Сериков

Список литературы

Берс Е.М. Позднеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // Советская археология. – 1976. – № 4. – С. 190–200.

Сериков Ю.Б. Энеолитическое погребение с Шайтанского озера // Ученые записки Н. Тагильской гос. соц-пед. академии. Общественные науки. – 2002. – Т. 2, ч. 2. – С. 35–51.

Сериков Ю.Б. Новое энеолитическое погребение с Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. – Екатеринбург ; Сургут, 2011а. – С. 145–150.

Сериков Ю.Б. Скальное святилище на северном острове Шайтанского озера // Ученые записки Нижнетагильской гос. соц-пед. академии. Общественные науки. – 2011. – С. 113–140.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). – Екатеринбург : УрО РАН, 2011.

Ю.С. Савицкая

Кемерово, Кемеровский государственный университет

ГОРА ХРУСТАЛЬНАЯ – ПАМЯТНИК НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ГОРНОМ АЛТАЕ

В данной работе вводятся в оборот новые материалы полевых исследований последних двух лет.

В 2011–2012 гг. группой студентов кафедры археологии Кемеровского гос. университета под руководством проф. А.И. Мартынова проводила по заданию Агентства по культурному и историческому наследию Республики Алтай обследование памятников наскального искусства на территории Онгудайского и Кош-Агачского районов Республики Алтай с целью их музеефикации.

Работы проводились на горе Хрустальная в Онгудайском районе. Памятник расположен в трех километрах восточнее с. Инюшка, на правом берегу р. Катунь. Гора вытянута по направлению З – В в виде трех конусообразных возвышений. Общая протяженность горы – 2,7 км. Горное образование огибает с севера довольно большую террасу, шириной 900 м. Терраса относительно ровная, поднимается плавно к горам и заканчивается двумя межгорными долинами, поднимающимися вверх между горами. Около гор много каменных расколотых плит и каменных блоков разной величины. Ближе к восточной части горы – большое количество друз горного хрусталя, давшего название этой горе.

На краю террасы – большой поминальник в виде круга из камней, диаметр выкладки 2 м. В центре – камни горного хрусталя, а сбоку – стела.

На поверхности поля видно большое количество курганов, расположенных группами, цепочками. Цепочка курганов расположена в западной части поля (6–8 курганов). К востоку от неё ещё одна цепочка из 9 курганов. В центре террасы ещё одна большая группа курганов, примерно 12–15. Курганы заметны в южной части поля, цепочка курганов с каменными набросками тянется к югу от горы Хрустальная.

В западной части долина заканчивается каменным выступом площадью 20x25 м и высотой 7 м, с довольно ровной площадкой на поверхности. Он одиноко возвышается над ровной поверхностью террасы.

Гора Хрустальная – центральная в цепи гор, закрывающих террасу с севера. Она заметно выступает в сторону террасы. С запада она соединена с другой горой. Со стороны террасы гора Хрустальная выглядит как отдельное образование (рис. 2.1).

Гора имеет пирамидальную форму и весьма своеобразную структуру, состоящую из обращенных к югу хорошо обозначенных рядов обнаженных камней, обращенных своими плоскостями к югу и юго-востоку. Гряды камней идут четко обозначенными уступами (рис. 2.2). Всего насчитывается 12–15 таких уступов разной величины. В ряде мест, с востока и запада, они соединяются или, наоборот, образуют, разъединяясь, новые уступы. Ряды уступов простираются с запада на восток наклонно, примерно на 10–12° поднимаясь к востоку. С восточной стороны ряды камней обозначены менее четко. Хорошо обозначена вершина горы. С юга она выглядит в виде возвышающейся над горой шапки.

Подножье горы состоит из разрушенных каменных пород разной величины. Глыбы камня как бы поднимаются из земли, обнаженные, растрескавшиеся вертикально на маленькие блоки с более-менее ровными обращенными к югу плоскостями. Плоскости покрыты темно-коричневым загаром. На них нанесены изображения.

Большинство наскальных изображений нанесено на обращенных к югу плитах в центральной части горы, образующих уступы.

Рисунки расположены на отдельных выступах, в нижней и средней частях горы. Камень сланцевый, хрупкий, легко разрушается. В восточной части горы он отслаивается пластами разной величины и толщины. В центральной части горы камень различается по цвету от светло-коричневого до темно-коричневого и раскалывается блоками. В сохранившихся местах с рисунками камень растрескивается почти на правильные прямоугольные блоки, образующие несколько спускающихся вниз уступов.

Изображений больше всего в нижней части среднего выступа горы.

Длина уступа 31 м, ширина от 60 до 160 см, наибольшая высота 260 см.

На участках камня сохранились в ряде мест изображения разного времени: выбитые, прочерченные и совсем поздние, нанесенные сплошной грубой выбивкой или мелкими ударами, с зачисткой корковой поверхности каким-то предметом, возможно, ножом.

Наибольшее количество изображений сохранилось в западной части плоскости. Всего нами зафиксировано 32 плоскости, содержащие примерно 250 отдельных изображений. Рисунков было гораздо больше. К сожалению, они не сохранились по причине постоянного разрушения камня.

Плоскость 1. На плоскости семнадцать фигур. Все, кроме одного, выполнены в технике мелкой точечной выбивки. Условно плоскость можно разделить на две части – левую и правую. В левой части семь изображений, пять зооморфных фигур направлены вправо. По центру изображен козел, в нижней части – незаконченное изображение человека. В правой части – десять разнонаправленных зооморфных фигур, расположенных друг под другом.

Плоскость 2. Изображена сцена охоты человека на горных козлов. Размещены друг под другом два человека – конный и пеший лучники. Изображения выполнены в технике мелкой силуэтной выбивки, однако присутствуют и прочерченные линии, свидетельствующие, вероятно, о направлении полета стрел.

Рис.1

Рис. 1. Изображения на горе хрустальная: 1 – композиция на плоскости 1; 2 – охота; 3 – изображения горных козлов; 4 – изображения животных; 5 – большой олень и окружающие его животные

Плоскость 3. На плоскости в технике мелкой силуэтной выбивки изображена большая группа зооморфных фигур. Показаны четырнадцать козлов, как бы спускающихся вниз, и два хищника (возможно, собаки), подгоняющие животных.

Плоскость 4. На плоскости в технике точечной выбивки представлено семь изображений. Все копытные животные размещены вертикально и направлены вправо. В центре плоскости хищник из семейства кошачьих готовится напасть на козла.

Плоскость 5. На плоскости в технике мелкой силуэтной выбивки изображено десять фигур парнокопытных животных. В центре плоскости находится большой олень с ветвистыми, уходящими за спину рогами.

Работы на памятнике будут проводиться в 2013 году. Проведенные нами исследования показали, что местонахождение, условно названное гора Хрустальная, представляет природно-исторический (археологический) комплекс, включающий особенности исторического ландшафта: обширная ровная полукруглая по форме терраса правого берега реки, защищенная с севера цепочкой горных образований, среди которых центральное место занимает выдвинутая в долину гора Хрустальная и стоящий отдельно в центре террасы обширный каменный выступ с плоской вершиной. Очевидно, весь этот природный комплекс приобрел в конце эпохи бронзы священный смысл и на протяжении длительного времени воспринимался людьми как сакральное место, где совершались погребения, возводились курганы, устраивались поминальники и наносились рисунки на священной горе.

Находящиеся здесь наскальные изображения разных эпох, выполненные в разных стилях и разными приемами, являются лишь частью всего природно-археологического комплекса.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. А.И. Мартынов

Н.В. Солдаткин

Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

АРХИТЕКТУРА ОКРУГЛОПЛАНОВЫХ СИНТАШТИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Синташтинские поселения – группа археологических памятников бронзового века, расположенных в Южном Зауралье. Учитывая многослойность рассматриваемых поселений, они в целом датируются в пределах первой половины II тыс. до н. э. На сегодняшний день исследователи выделяют более 20 поселений синташтинского типа. Точное их число у авторов разнится. Такая ситуация объясняется отсутствием четко выделенных критериев, по которым то или иное поселение относится к категории синташтинских. В настоящей работе рассматривается архитектура только округлоплановых укрепленных поселений. Именно по ним имеются публикации интерпретационного характера, содержащие варианты реконструкций наиболее характерных и уникальных особенностей синташтинской архитектуры. Стоит отметить, что наличие изначально округлой планировки предполагается для большинства укрепленных поселений Южного Зауралья первой половины II тыс. до н.э.

Цель данной работы – представить сложившийся в историографии обобщенный образ архитектуры синташтинского поселения. Важность такого исследования обозначается в первую очередь тем, что сложившееся представление о синташтинской архитектуре во многом предопределяет и направляет дальнейшие исследования в данной области. Наиболее развернутые описательные реконструкции архитектуры имеются по поселениям Синташта (Генинг и др., 1992) и Аркаим (Зда-

* Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта УрО РАН «Природа и общество Южного Зауралья в эпоху бронзы: междисциплинарный анализ» и при финансовой поддержке РФФИ (проект 12-06-91330-ННИО-а).

нович, 1995; 1997). Кроме того, учтены приведенные в литературе данные по архитектуре поселений Аландское (Зданович и др., 2007), Куйсак (Малютина, Зданович, 1995) и Берсуат (Зданович, Малютина, 2001). Сведения об архитектуре остальных округлоплановых поселений основаны в первую очередь на дешифровке материалов аэрофотосъемки (Зданович, Батанина, 2007).

Ученые выделяют две разновидности среди округлых поселений – овалы и круглые, указывая при этом, что первые предшествуют вторым. Размеры поселений варьируются в следующем диапазоне: от 122x96 м для поселения Куйсак до 200x170 м для поселения Аландское. Округлые поселения могут иметь одно либо два кольца построек. Для поселения Аркаим предполагается наличие также третьего (незавершенного) кольца. Существование нескольких колец объясняется либо как свидетельство существования внутренней «цитадели», либо как результат разрастания поселения.

Предполагается, что перед началом строительства составлялся предварительный план, возможно даже чертеж в натуральную величину, производилась разметка площадки будущего поселения. На большей части раскопанных поселений фиксируется несколько строительных горизонтов синташтинского времени, маркированных слоем пожарищ. Поздние постройки возводятся по прежним стандартам, вписываются в границы ранних конструкций.

Фортификация поселений реконструируется как мощная линия укреплений, состоящая из стены, рва (нескольких рвов), вала, башен. Высота внешних стен в древности достигала 3–3,5 м. Толщина стен по основанию составляла от 3 до 5,5 м. Ширина прилегающего к стене рва составляла от 2 до 4 м, глубина от 1 до 2,5 м. Кроме целей обороны ров мог играть роль дренажной канавы. К основной линии укреплений могли примыкать дополнительный вал (стена) и еще один ров меньших масштабов. Отмечается наличие нескольких этапов возведения укреплений с тенденцией к постепенному их расширению. По верхнему основанию стен реконструируется наличие деревянных частоколов. Каркас стен составляли деревянные срубы, заполненные грунтом и сырцовыми глинобитными блоками. В строительные грунты добавляли цементирующие агенты. Снаружи стены обмазывались глиной. Для поселения Аландское зафиксировано также использование в оформлении стен каменных плит. Щелевидные понижения в стенах, отмеченные на аэрофотоснимках, трактуются как показатели наличия внутрискладных конструкций. Существование различных внутрискладных помещений установлено и археологически. Они интерпретируются как остатки скрытых проходов, коридоров внутри радиальных стен, потайных комнат. Внутренняя окружная стена (стена «цитадели») менее массивная по толщине в сравнении с внешней, но по высоте, возможно, ее превосходила. Радиальные стены, приуроченные к входам, делят поселение на сектора. В центре поселений выделяется свободный от построек участок – прямоугольная площадь (на Аркаиме размером 27x25 м).

Входов на поселения может быть от двух до четырех. Главные входы охранялись превратными сооружениями – башнями. Организация входов имела различные варианты – простые широкие проходы, узкие лабиринты, скрытые проходы через специальные пустоты в стенах и примыкающих к стенам жилищах.

Предполагается функционирование на поселениях водосборной или дренажной системы («канализация»). Реконструируется внутренняя круговая улица с водосборной канавкой, перекрытой деревянным настилом («деревянная мостовая»). Внешние рвы некоторых круглых поселений специально были устроены так, чтобы во время весенних паводков заполняться водой с целью очистки рвов от накопившегося в них за зимний период мусора.

Внутреннее пространство поселений плотно застроено примыкающими друг к другу постройками, ориентированными радиально к центру поселка («подобно спицам в колесе»). Постройки выглядят стандартизировано. Их количество зависит от размеров конкретного поселка (на Аркаиме около 60). Постройки имели форму удлиненной трапеции либо прямоугольника длиной 16–22 м и шириной 6–13 м. Площадь построек – от 90 до 180 м². Постройки относятся к категории наземных или слабоуглубленных, глубина котлована от уровня древней дневной поверхности составляет 0,4–0,8 м. Длинная торцевая стена поселений внешнего кольца совмещена с обводной стеной поселения, образуя единую оборонительную систему.

Короткая торцевая стена выходила на круговую улицу либо на центральную площадь. Соседние постройки имели общие длинные стены. Нижнее основание стен составляли останцы нетронутого при рытье котлованов грунта шириной от 0,4 до 1 м. Вдоль этого останца были проставлены в два ряда деревянные столбы, обшитые плахами. Промежуток между рядами столбов забивался грунтом, сырцовым кирпичом и различным мусором, образуя таким образом заполнение межжилищных стен. Плоская крыша, имевшая небольшой уклон в сторону центра поселения, опиралась на стены и две центральные продольные линии столбов.

Вход оформлен в коротком торце, направленном к центру поселения. Иногда рядом с входом находился дворик. Противоположную от входа часть, составляющую примерно треть всей постройки, занимала общественная и хозяйственная площадка, где находились колодцы, хозяйственные ямы, теплотехнические сооружения. В этой же части предполагается наличие дополнительного входа, ведущего по лестнице на крышу. Остальная площадь постройки была занята центральным коридором и располагающимися по обе стороны от него небольшими жилыми помещениями.

Помимо описательных, имеются графические реконструкции архитектуры для поселений Синташта (Генинг и др., 1992) и Аркаим (Зданович, 1995). Также стоит отметить выполненную в натуральную величину масштабную реконструкцию одного из жилищ поселения Аркаим. На основании результатов проведенного археологического эксперимента его авторами моделируются некоторые возможные особенности синташтинской строительной технологии (Гутков, Русанов, 1995).

Большая часть из рассмотренных в данной работе реконструкций относится к двум поселениям – Синташта и Аркаим. Можно сказать, что эти памятники выступают своего рода эталоном, показатели которого отчасти транслируются на все поселения синташтинского типа. Отсутствие широких публикаций материалов раскопок затрудняет возможность всесторонне проанализировать правомерность созданного в литературе образа синташтинской архитектуры. Однако в целом существующие на сегодняшний день реконструкции кажутся недостаточно доказательными. Масштабы, сложность и уникальность синташтинской архитектуры представляются преувеличенными.

Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. Л.Н. Корякина

Список литературы

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1992.

Гутков А.И., Русанов И.А. Жилище поселения Аркаим (археологические источники и опыт реконструкции) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск, 1995. – Ч. V, кн. 2. – С. 127–129.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995. – С. 21–42.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Российская археология. – 1997. – № 2. – С. 47–62.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. – Челябинск : Крокус, 2007.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Поселение Берсуат // XV Уральское археологическое совещание. – Оренбург, 2001. – С. 74–75.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Материалы по исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. – Курган, 2007. – С. 103–108.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Куйсак – укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск, 1995. – Ч. V, кн. 1. – С. 100–106.

К ВОПРОСУ О РИТУАЛАХ ОСТАВЛЕНИЯ ЖИЛИЩ

В последние годы формируется устойчивый интерес исследователей к проблеме реконструкции сакрального пространства жилищ. Разработка данной проблематики усложняется тем, что, как правило, археологи изучают домашний культовый набор, характерный для жилищ лишь в период их обитания. По мнению М.Ф. Косарева, когда возникала необходимость оставить обжитое место и покинуть родные дома, люди уносили с собой прежде всего домашнюю культовую утварь (Косарев, 2011: 90). Именно поэтому сакральное содержание древних жилых построек редко фиксируется при раскопках.

В то же время в ряде случаев можно наблюдать остатки неких действий, которые выпадают за рамки повседневной бытовой деятельности древнего населения. И если наличие закладных строительных жертв в виде умерщвленных животных или антропоморфных фигурок, ритуальных ям, так называемых емкостных жертвенников, в последнее время уже не вызывает сомнения, то интерпретация целых или сломанных изделий относится исследователями к категории «забытых», «выброшенных» или «оставленных» за ненужностью вещей.

Анализ западно-сибирских поселенческих комплексов показал два наиболее четко фиксируемых варианта ритуала оставления жилища:

– ритуал оставления очага, который фиксируется в виде наличия в верхних слоях очага либо вблизи от него предметов, которые при обыденной эксплуатации здесь быть не могли, а также отсутствие в большинстве случаев на таких предметах следов огня;

– ритуал сжигания жилища или, в более крупных масштабах, всего поселения (Новикова, Нестерова, 2010).

Ритуалы с применением огня на поселениях достаточно хорошо фиксируются с энеолитического времени (Ковалева, 2005: 103; Усачева, 2005: 158–159), и сжигание покидаемого дома может означать только одно – «снятие» своего культурного кода, деструктурирование пространства и возвращение его природе. Следует признать возможность не только доместикации и структурирования пространства, но и вероятность обратного процесса (Усачева, 2007: 238–239).

Не случайно у некоторых угорских и самодийских народов прослеживается подобная обратная связь между лесом и людьми, выраженная в виде необходимости при уходе возвратиться территорию лесу (Головнев, 1995: 251, 253, 275–276). Именно поэтому бытуют легенды об опасности покинутых, но оставленных нетронутыми жилищ, которые могут стать прибежищем злых духов (там же). В то же время достаточно часто возникали ситуации, когда жилище не оставлялось навсегда и существовала необходимость «законсервировать» его на неопределенное время. Вполне возможно, это было связано с естественным экологическим восстановительным периодом территории, полный круг которого обычно занимает около 50 лет (Мордкович, 1982: 186–188), что и обуславливало перенос срубных и андроновских поселений каждые 20–25 лет на новое место (Кузьмина, 2011: 67).

Для того чтобы сохранить территорию поселения или жилища за собой, необходимо было провести определенные ритуалы, маркирующие данную территорию как свою, человеческую, не отданную природе. Вероятнее всего, для демонстрации принадлежности данной территории человеку в определенных местах оставлялись символы (предметы) освоения природы, человеческого доминирования над ней.

В качестве таких символов в эпоху бронзы можно рассматривать целые сосуды (либо их развалы), поскольку вероятность сохранности керамической посуды при обычной динамике жизни на поселении крайне мала. У хантов существует традиция оставлять котел на пороге жилища во время отлучки хозяев в качестве средства от вторжения темных духов (Головнев, 1995: 274). В ряде случаев сосуды встречаются в перевернутом вверх дном виде, и если не-

которые из них мы можем интерпретировать как задействованные в календарных ритуалах (Потемкина, 2007: 213–215, рис. 12, 13), то большая часть из них не попадает под необходимые для этого критерии. Мирча Элиаде писал о том, что народы Северной Азии воспринимают потусторонний мир как обратное изображение этого мира: «...все, что перевернуто на земле, у мертвых находится в нормальном положении; именно поэтому переворачивают предметы, оставляемые на могиле для покойника, – если их вообще не разбивают: то, что разбито здесь, невредимо на том свете, и наоборот» (1998: 198). Если рассматривать переворачивание или разбивание целых сосудов в этом ключе, то, возможно, люди, покидая свое поселение, могли временно верить его миру предков, оставляя под их защитой.

Вторым значимым способом сохранения за собой территории может быть оставление определенных изделий в ключевых точках жилища или поселения. В этих случаях рассматриваемые артефакты могут быть трактованы как жертвы оставления построек (Мимоход, 2001: 98–99; Гершкович, 2003, 28–30; Ерхова, 2004, 166). Таковыми могут выступать скопления грезил (целая сеть?); зооморфные и антропоморфные фигурки; предметы, имеющие отношение к земледелию, – мотыги, зернотерки, песты, ступки; различные глиняные или каменные светильники; игральные фишки. Чаще всего данные предметы располагались в нескольких определенных местах: в углу или в центре жилища, в районе выхода, по периметру котлована, у очага. В некоторых случаях несколько предметов могли объединяться в культовый комплекс. Каждый из перечисленных предметов несет свой знаковый смысл, а их соединение является своего рода текстом, раскрывающим общий смысл данного обряда. Предметы, тяготевшие к этим границам, вероятно, были наделены функцией маркировки внутреннего и внешнего миров – блокировали или, напротив, соединяли их (Новикова, 2008: 434).

Наше восприятие той или иной вещи или комплекса зависит не только от внешней по отношению к вещи ситуации, но и от собственного бытового и мифо-ритуального предназначения вещи. Предмет или категория предметов воспринимаются исследователями с определенных устоявшихся позиций. Поскольку значение предмета устанавливается через обращение к мифо-ритуальному контексту (который нам слабо понятен), чрезвычайно трудно оценить с этой позиции археологический артефакт, ибо в большинстве случаев приходится констатировать утраченность в той или иной степени контекста. В сочетании «мифо-ритуальный контекст» понятие «миф» сближается с семантическим аспектом изучения предмета, а «ритуальный контекст» – с функциональным.

В свете сказанного, стремление исследователей к более точной фиксации контекста обнаружения обуславливает возможность типологического, функционального и семантического анализа ритуальных комплексов. Варианты реконструкции отдельных сторон ритуальных действий при всем их сходстве могут быть бесконечно многообразными. Процесс дальнейшего накопления материала и полученной из его анализа информации позволит детально рассмотреть возможные варианты обрядовых действий и более достоверно интерпретировать известные факты, связанные с покиданием жилых площадок поселений.

Научный руководитель: канд. ист. наук О.И. Новикова

Список литературы

Гершкович Я.П. Обряд «оставления жилища»: археологические признаки и историко-этнографические параллели // Трипількі поселення-гіганти. – Київ, 2003. – С. 28–31.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург : Уро РАН, 1995.

Ерхова Д.В. Жертвенные комплексы поселений позднего бронзового века Южного Зауралья // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). – Кемерово, 2004. – С. 165–166.

Ковалева В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 2005. – С. 102–109.

Косарев М.Ф. Жилище в свете языческих представлений древнего населения Сибири о структуре мироздания // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. – 2011. – С. 90–93.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа – Азия. – М. : КомКнига, 2010.

Мимоход Р.А. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1: Археология. – Донецк-Макеевка, 2001. – С. 94–105.

Мордкович В.Г. Степные экосистемы. – Новосибирск : Наука, 1982.

Новикова О.И. Ритуальные комплексы в жилищах эпохи поздней бронзы – переходного времени Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М., 2008. – С. 433–434.

Новикова О.И., Нестерова М.С. Археологические свидетельства ритуалов оставления жилищ // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск, 2010. – С. 218–220.

Потемкина Т.М. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург ; Сургут, 2007. – С. 197–223.

Усачева И.В. К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Притоболья // АВ ОВО: проблема генезиса культуры. – Тюмень, 2005. – С. 155–163.

Усачева И.В. Доместикация пространства // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург ; Сургут, 2007. – С. 234–239.

Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. – Киев : София, 1998.

Е.В. Трусова

Кемерово, Кемеровский государственный университет

К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АФАНАСЬЕВСКОЙ И ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУР

Окуневский феномен занимает особое место в археологии Южной Сибири эпохи бронзы. С момента выделения культуры Г.А. Максименковым (1965) она постоянно является предметом дискуссий среди специалистов. Не в последнюю очередь это связано с ярким и самобытным окуневским искусством, место и значение которого в истории Евразии трудно переоценить.

Долгое время считалось, что археологические культуры в Минусинской котловине последовательно сменяют друг друга. Эти представления восходят к классической схеме С.А. Теплоухова (1929). Таким образом, выделенная Г.А. Максименковым культура лишь заняла соответствующую нишу между предшествующей афанасьевской и последующей андроновской, сняв, как тогда казалось, ряд накопившихся противоречий в материалах.

Принципиально важным являлся вопрос о происхождении окуневской культуры. Г.А. Максименков считал, что окуневский комплекс, в отличие от пришлого афанасьевского, сложился на местной неолитической основе. Являясь последовательным сторонником невозможности сосуществования двух культур на одной территории, исследователь отрицал какие-либо контакты, считая, что культурные трансформации сопровождались полным вытеснением предшествующего населения. Следуя этой логике, культура становится, по сути, стадией в историческом развитии региона.

В эту концепцию необходимо было вписать ряд находок «впускных» окуневских могил в афанасьевских курганах, а также «нетипичные» афанасьевские комплексы (Тас-Хазаа, Камышта и др.). Основываясь на материалах «эталонного» (и как теперь становится ясно относительно позднего) могильника Черновая-VIII, Г.А. Максименков выстроил известные

материалы в соответствии со своей концепцией, в которой сосуществованию и тем более взаимодействию афанасьевского и окуневского населения не было места.

У него практически сразу появились оппоненты. На возможность сосуществования двух комплексов указывала М.Д. Хлобыстина (1973). Возможность определенного этапа сосуществования афанасьевцев и окуневцев допускала Э.Б. Вадецкая (1986). Я.А. Шер считал, что носители двух культур могли сосуществовать, занимая разные экологические ниши (Шер, 1994). Острые дискуссии отчасти были связаны с тем, что окуневский комплекс выглядел противоречиво. С одной стороны – неолитоидный облик погребений, с другой – развитая металлургия, мегалитическая традиция и монументальное искусство, ближайшие параллели которому находятся в индоевропейской мифологии (Есин, 2009).

Исследования последних 20 лет вывели изучение окуневской проблематики на новый уровень. Введены в научный оборот важнейшие памятники, в том числе содержащие смешанные афанасьевско-окуневские материалы (Окуневский сборник, 1997, 2006 и др). Значительные успехи достигнуты в изучении окуневского искусства, сделана попытка выделить в нем афанасьевский пласт (Леонтьев, Капелько, Есин, 2010). Комплексный анализ окуневского феномена предпринят в диссертационном исследовании Л.А. Соколовой (2009).

В серии последних работ Л.А. Соколова обратилась и к вопросу о взаимодействии афанасьевского и окуневского комплексов (Соколова, 2008, 2012). Проанализировав известные на сегодняшний день материалы, она пришла к выводу о том, что свидетельства сосуществования двух культур не ограничиваются находками разнокультурных вещей в могилах. Автору удалось выделить синкретичные группы керамики, афанасьевские элементы в окуневском искусстве и т.д. Результатом работ Л.А. Соколовой стало выделение Саянского блока археологических культур, включающего «окуневскую культуру Минусинской котловины в ее гибридном окуневско-афанасьевском варианте, каракольскую культуру Алтая и окуневскую культуру Тувы» (Соколова, 2012: 229).

В целом поддерживая направления изысканий Л.А. Соколовой, хотелось бы остановиться на нескольких принципиальных вопросах, касающихся характеристики моделей взаимодействия афанасьевского и окуневского комплексов.

Первый вопрос касается характера контактов афанасьевского и окуневского населения. Известно много попыток интерпретации смешанных комплексов. Одним из объяснений может быть наличие определенных брачных отношений, приведших к постепенной метисации населения и появлению синкретичных памятников (Лазаретов, 1997). В данном случае ключевым моментом является определение антропологического типа и пола погребенных в смешанных могильниках и впускных могилах. Особенно тщательно необходимо разбираться с наиболее сложным в этой проблематике памятником – Тас-Хазаа.

Тщательного анализа требует и керамика (сосуды типа «Г» 1 – 3 по Л.А. Соколовой). Объяснять формирование всех афанасьевских плоскодонных форм окуневским влиянием нет никаких оснований. К тому же часть этих сосудов происходит из детских могил, часть из курганного пространства (как, например, сосуд из Моисеихи кург. 9), притом что достоверных данных для датировки самого погребения нет (Соколова, 2012: рис. 1–VI; Ковалева, Леонтьев, Амзараков, 2010: 112). По сути это сосуды традиционной афанасьевской профилировки и орнаментации, как бы «срезанные» на треть, таким образом, традиционное острое дно заменено плоским.

Имеющиеся сегодня типологические построения и радиоуглеродные даты не дают основания полагать, что афанасьевские и окуневские комплексы сложились в Минусинской котловине одновременно. Хронологический приоритет первых очевиден (Поляков, 2010). Таким образом, контакт афанасьевского и окуневского населения был локализован во времени и, вероятно, в пространстве. Можно согласиться с мнением Л.А. Соколовой, что «говорить о тотальном включении всего населения в процессы ассимиляции не приходится. Речь, по всей видимости, может идти только о небольшой части соседнего населения, вступающего в дуально-фратриальные отношения друг с другом» (Соколова, 2008: 349).

Второй принципиальный вопрос касается уже упомянутого саянского блока культур. Он тесно связан с вопросом о происхождении окуневского комплекса. Согласно концепции Л.А. Соколовой, он сложился на местной неолитической основе под значительным влиянием населения из тихоокеанского региона (Бойсманская, Малышевская и Вознесенская культуры) (Соколова, 2009: 19–20). Распространение традиций, близких окуневским, на территории Алтая и Тувы интерпретируется как инфильтрация населения, со смешанными афанасьевско-окуневскими традициями.

С подобной точкой зрения трудно согласиться. Вероятнее всего, сложение окуневского комплекса связано с проникновением на территорию Южной Сибири и Центральной Азии нового европеоидного населения, отличного от афанасьевцев, с юго-запада. Именно здесь сегодня находятся наиболее близкие параллели образам и идеям окуневского искусства (Есин, 2009), некоторые исследователи указывают на параллели в окуневских и катакомбных материалах (Киргинев, 2010: 90–91). Новые пришельцы в отличие от афанасьевцев, которые долгое время сохраняли определенный этнокультурный консерватизм, стали активно вступать в контакты с местным населением. Маркерами этого продвижения можно считать немногочисленные могильники каракольской культуры на Алтае.

Таким образом, афанасьевцы Минусинской котловины имели определенные контакты с уже смешанным населением. Учитывая иерархический, а возможно, теократический характер окуневского общества, модели взаимодействия могли быть довольно сложными, а сама окуневская традиция подверглась определенному афанасьевскому влиянию.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. Н.Е. Фрибус

Список литературы

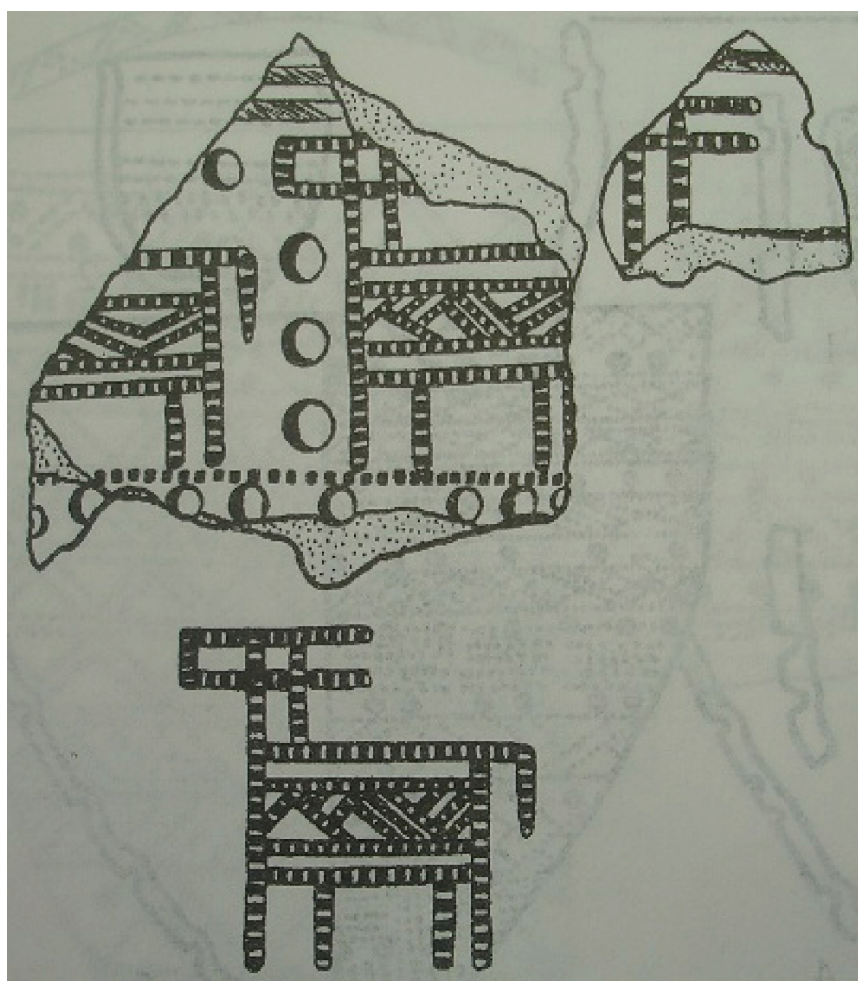
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л. : Наука, 1986.
- Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. – Красноярск : Поликор, 2009.
- Киргинев Э.Н. Итоги исследования кургана Большое кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010. – С. 79–91.
- Ковалева О.В., Леонтьев Н.В., Амзараков П.Б. Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 г. // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010. – С. 108–121.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 19–64.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы Окуневской культуры. – Абакан, 2006.
- Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири // Новое в советской археологии. – М., 1965.
- Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010. – С. 158–171.
- Соколова Л.А. Сосуществование окуневского и афанасьевского комплексов // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. I. – М. : ИА РАН, 2008.
- Соколова Л.А. Формирование окуневского культурного комплекса : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.
- Соколова Л.А. Саянский блок археологических культур как индикатор кросс-культурного взаимодействия // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. – СПб. : ИИМК РАН, 2012.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. 4, вып. 2.
- Хлобыстина М.Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы в Южной Сибири // СА – 1973. – № 1. – С. 24–38.
- Шер Я.А. Об одном из «великих переселений народов»? // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ КОПЫТНЫХ ЖИВОТНЫХ НА КЕРАМИЧЕСКОМ СОСУДЕ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛГЕТ

Интересное изображение копытных животных было обнаружено на фрагменте сосуда из поселения Малгет.

Поселение Малгет расположено на территории Васюганской равнины в Колпашевском районе Томской области (левобережная часть Среднего Приобья). Это поселение является многослойным. Сосуд с изображением копытных животных был найден в позднебронзовом слое.

Охарактеризуем само изображение (рис. 1). Животные на сосуде из поселения Малгет стоят на четырех ногах и имеют два рога и хвост. По всей видимости, животные идут друг за другом по всему диаметру сосуда. Рисунок был нанесен оттисками зубчатого штампа.

Исследованием поселения Малгет занимался Ю.Ф. Кирюшин. В своей работе он утверждает, что на сосуде изображена винторогая или саблерогая антилопа, «родиной которой являются Аравийский полуостров, Африка и районы Переднего Востока» (Кирюшин, 1979: 168). Как далее пишет автор, «объяснение такой находке, видимо, еще придется искать». На наш взгляд, Ю.Ф. Кирюшин усложняет работу. Найденное изображение вряд ли является изображением антилопы; по всей видимости, это изображение какого-либо животного, которое жители древнего Васюганья могли наблюдать своими собственными глазами. Об этом и пойдет речь в данном докладе.

В первую очередь необходимо принять во внимание тот факт, что культура населения эпохи бронзы Васюганья формировалась на базе местных поздненеолитических племен. Родственные им племена проживали в таежных зонах Зауралья, Tobол-Иртышья и Сургутского Приобья. На население Чаинско-Парабельского района Васюганья (а сюда относится и поселение Малгет) имело влияние самусьское и андроновское населения, что прослеживается в некоторых элементах и приемах орнаментации керамики.

Далее нами были предприняты попытки найти подобные изображения на материалах других памятников или культур. Все найденные нами изображения копытных на керамике совершенно не похожи на изображение из поселения Малгет; но они и относятся к эпохе неолита – энеолита. Изображений копытных на керамической посуде эпохи бронзы нами не было обнаружено. И дело здесь, по всей видимости, в том, что неолитическая революция прошла и на смену охоте постепенно приходит скотоводство (но, безусловно, охота продолжала иметь большое значение). Соответственно, культ копытных начинает играть меньшую роль – подтверждение этому мы видим в меньшем, по сравнению с неолитической эпохой, количестве изображений на керамических изделиях.

Обратившись к этнографическому материалу, мы выяснили, что в Колпашевском районе Томской области, где и находится поселение Малгет, в более позднее время обосновались южные селькупы (Бояршинова, 1960: 60). Основой их хозяйства являлась охота. Согласно этнографическим данным, из копытных животных они охотились на лося и на северного оленя. На это указывают и найденные костные материалы: на поселении Малгет были найдены кости лося, северного оленя, а также лошади и собаки.

Далее заметим, что сам сосуд был найден рядом с очагом; здесь же были найдены жевательные обломки костей животных. Это указывает на то, что этот сосуд имел, по всей видимости, хозяйственное назначение – в нем готовили пищу. Здесь необходимо отметить то, что древнее население Сибири, вероятно, имело для каждого вида животного свой сосуд – на отдельном сосуде они изображали того животного, мясо которого должно было готовиться в нем (Чаиркина, 1998: 100).

Итак, на основе того, что: 1) население Васюганья сложилось на основе местных племен; 2) среди костного материала Васюганья были найдены останки лося, северного оленя, а также лошади и собаки; 3) сосуд был найден в хозяйственной зоне – мы предполагаем, что имеем дело с изображением лося или северного оленя, но в немного упрощенном виде (поскольку рога названных животных обычно разветвленные, а на рисунке – нет). Возможно также, что на сосуде изображаются косули или сайгаки (несмотря на то, что их костные останки обнаружены не были). Сейчас сайгак распространен в Казахстане, Узбекистане, Туркмении, западной Монголии. Но во II тыс. лет до н. э. он был распространен по всей Евразии. Таким образом, мы выражаем несогласие с гипотезой Кирюшина. Его предположение о том, что на сосуде изображены антилопы, вряд ли является правомерным. Но в целом, для археологии вопрос о том, что же это за животное, остается открытым, поскольку ни другие исследователи, ни сам Ю.Ф. Кирюшин в более поздних работах этим вопросом не занимались.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. И.В. Толпенко

Список литературы

- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. – Томск : Изд-во ТГУ, 1979.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004.
- Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск : Изд-во ТГУ, 1960.
- Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. – 1998. – С. 81–104.

«РЕАЛЬНОЕ» И «МИФИЧЕСКОЕ» В СИМВОЛИКЕ ОКУНЕВСКИХ ИЗВАЯНИЙ

Необычный вид камней (в виде сабли или сигары), легенды, окружающие их необычайным величием, обращали на себя внимание всех исследователей южной Сибири. Описание их дается еще в трудах исследователей XVIII в.: Д. Г. Мессершмидта, Ф.-И. Страленберга, П. С. Палласа, И. Г. Гмелина и других. Реалистических изображений немного. У них заостренный подбородок, прямой нос, нет полос на лице, третьего глаза и головного убора. Это совершенно реальные человеческие лица, без каких-либо фантастических придатков. От описанных изображений резко отличаются «божества», переданные в виде примитивных схем: овальное или круглое лицо, глаза обозначены двумя ямками, рот – овальным желобком, а нос – двумя точками, но чаще вообще не изображается; на лице всегда одна поперечная полоса. Головного убора нет, но иногда от головы вверх расходятся «лучи» (Вадецкая, 1967: 9). Чаще на стелах высечены сложные схемы – личины. Они трехглазые, с полосами, пересекающими лоб, нос и подбородок. У них всегда на голове сложный головной убор: «корона» либо звериные рога и уши, а также длинная, поднимающаяся вверх от лба вертикальная лента. Причудливый, звероподобный головной убор, третий глаз и полосы придают этим «божествам» фантастический вид.

Помимо человеческих лиц, на стелах встречаются изображения хищников и баранов. Хищники изображены с раскрытой пастью, высунутым языком и торчащими острыми клыками. Две стелы заканчиваются скульптурной головой барана или архара с круто загнутыми рогами. В то же время большинство личин на камнях, стоящих в степи, далеки от реалистического изображения человека: они либо слишком упрощены, либо, наоборот, слишком осложнены лишним глазом, бычьими рогами и лицевыми полосами. Кажется непонятным, как мастера, умевшие высекать на массивных глыбах или вырезать на костяных пластинах человеческие головы настолько реалистично, что даже передавали определенный антропологический тип населения (с длинным носом, раскосыми глазами, выступающими скулами), на других плитах изображали человеческое лицо так примитивно: точки – глаза, желобок – рот, носа нет совсем.

Голова человека или животного на вершине памятника, антропоморфная личина в его центре и голова хищного зверя внизу образуют основную трехчастную композицию изваяния. Она дополняется изображениями змеи или замещающих её атрибутов в пространстве между вершиной камня и центральной личиной. Вся эта композиция соотносится с широко распространенными в прошлом представлениями о трехъярусности вселенной.

Изображения фигур с высокой остроконечной шапкой в памятниках Тасхазинской традиции иногда выступают в паре с другой фигурой, высокий головной убор которых имеет форму, похожую на вытянутый полуовал. На изваяниях между «стойками» головного убора обычно заключена в «опускающаяся вниз» змея, на некоторых изваяниях её образ передан более реалистично, что позволяет более уверенно отождествлять её со змеей. На многих изваяниях отсутствуют изображения персонажей верхней и нижней зоны столпа, т.е. мужской личины и головы зверя. Часто нет изображений и самого столпа, т.к. его символизировал столпообразный камень. (Леонтьев, Капелько, Есин, 2006: 41).

На стелах в могильниках Черновая-VIII, в разрушенном могильнике Лебяжье-I, в пяти стелах в кургане Черновая-XI, четырех стелах в могильнике Верхний Аскиз-I, могильниках Разлив-X, Усть-Бюрь наблюдается один и тот же иконографический стиль личин, названный Э.Б. Вадецкой «сложным нереалистическим». Его характеризует членение лика поперечными линиями на три, реже на две части, разделение волнистыми или дугообразными линиями, воспринимаемыми как линии лика, размещение на нижней поперечной линии

кружков или полукружий ноздрей с парой изогнутых «усиков» по бокам. На данных стелах, в отличие от большинства стел, основные изображения высечены на узкой грани и личины, как правило, рельефны.

Второй иконографический тип антропоморфных личин назван «разливским» по единственной стеле, найденной в кургане Разлив-Х. От «сложных» эти личины отличаются круглая форма лика и своеобразная трактовка носа. У личин разливской стелы очертания вполне реалистичны. У других личин этого типа он имеет вид двух прямых линий, опущенных книзу от кружка лобного «глаза» или от линии «лба» и заканчивающихся овалами или полукружьями ноздрей. У трех личин между линиями носа имеется извилистая линия с развилкой на нижнем конце, обозначающая змею. От линий носа у всех личин отходят поперечные волнистые линии. Количество их колеблется от 6 до 13.

Иконографический тип антропоморфных личин, который может быть назван трехдужным, представлен в могильниках только тремя стелами. Его характеризует отсутствие очерченного абриса лика и наличие трёх дугообразных полос, каждая из которых состоит, как правило, из трёх параллельных линий. Две противопоставленные дугообразные полосы обрамляют личину с боков, третья – сверху. Лик пересечен поперечной полосой, обычно тоже состоящей из трёх линий (Леонтьев, Капелько, Есин, 2006: 18)

К Черновской иконографической традиции должны быть отнесены немногочисленные личины реалистического типа, т.е. со скульптурно-моделированным ликом. У них нет лобного «глаза», два других переданы в виде кружков или лунок. Лик не имеет внутреннего членения либо разделен поперечной линией только на две части. Атрибуты у реалистичных и «сложных» тождественны, что свидетельствует об их синхронности.

В различных памятниках окуневской культуры находят изображения, которые многие исследователи называют миниатюрами женских покровительниц.

Ритуальные предметы делятся на три вида: каменные и костяные стерженьки-подвески без изображений и с изображениями животных (на подвесках вырезаны фигуры или головы медведя, лося, птичек, на одной из подвесок показана антропоморфная личина) и каменные антропоморфные стерженьки и костяные пластинки с гравировкой. Скульптурки выполнены в определенном каноне и демонстрируют человеческое лицо подтреугольной формы, нос изображен вертикальным валиком, глаза – узкими овалами, брови и рот – черточками. По краям лица вырезаны височные кольца. Третий вид представляют собой плоские костяные пластины с гравировкой. Для всех изображений присуща единая стилистическая манера – канон. На верхнем конце пластин гравировкой изображены женские лица треугольной формы, в большинстве случаев изображены длинные распущенные волосы, схематично черточками показаны глаза, нос и рот. По краям лица нарисованы височные кольца или ожерелья на шее.

В отличие от костяных пластин на стеатитовых головках выделены черты лица, а волосы или не изображены совсем или небрежно подняты кверху и затянуты в узел. Объединяет оба типа изображений людей манера гравировки многоярусных височных колец-серег и своеобразный тип лица – узкий, с заостренным подбородком. Поскольку и пластинки, и стеатитовые головки, представленные значительными сериями, демонстрируют две устойчивые иконографические традиции, то вполне правомерен вывод о различной природе представлений, стоящих за этими изображениями. Основным признаком, маркирующим эти различия, является мотив распущенных волос.

Таким образом, к «реалистичным» чертам относят: подтреугольную форму лица, распущенные волосы, височные кольца, определенные черты животных – клыки у хищников, закрученные рога у архаров. К «фантастическим» чертам относят: «солнечный головной убор» – торчащие «лучи» из головы изваяния, глаза (в том числе и третий) – обозначенные в виде кружков, солярные знаки на изваянии, деление личины на «зоны», головной убор.

Список литературы

Вадецкая. Э.Б. Древние идолы Енисея. – Л. : Наука, 1967.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л. : Наука, 1980.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы Окуневской культуры. – Абакан : Хакасский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 2006.

Археология раннего железного века

Г.Д. Билялова

Казахстан, Астана,

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВА КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНА В ХУННСКУЮ ЭПОХУ

С древних времен казахстанские степи населяли кочевые племена – саки, савроматы, сарматы, хунны и др., сменяя друг друга на протяжении многих веков, они имели свое изобразительное искусство.

Искусство хуннов дошло до нас в самых разнообразных материалах. Поэтому мы в настоящее время располагаем произведениями искусства хуннов, выполненных не только из стойких материалов, таких как камень или металл, но и в дереве, войлоке, тканях. Чрезвычайно разнообразна и техника этих произведений: резьба по дереву, изделия в рельефе и круглой скульптуре, аппликация, вышивка и отлитые из металлов вещи.

Предметы и небольшие собрания хуннского наследия имеются в музейных коллекциях стран СНГ. Интересные материалы хуннской эпохи, в том числе и ювелирные произведения, находятся в коллекциях зарубежных музеев.

Впервые полихромные украшения хуннской эпохи на территории Казахстана были найдены в начале XX в. горным инженером А. Козыревым на левобережье реки Ишим в Актюбинской области. А. Козыревым было исследовано женское погребение в урочище Кара-Агач, в котором обнаружен богатый вещевой материал, представленный золотыми и полихромными изделиями (серьги-лунницы, гривны, диадемы), бусами и стеклянным кубком (Боталов, 2010: 23). Наибольший интерес представляют серьги из погребения в урочище Кара-Агач в Центральном Казахстане, сделанные из золота или электра. Каждая серьга состояла из двух спаянных половинок, заполненных, как указывал автор раскопок А. Козырев, «глиной». Одна сторона серьги плоская, другая выпуклая. Обе стороны украшены тремя напаянными гнездами со вставками алмадина. Между гнездами расположены треугольники из зерни. Вокруг гнезд ободки из зерни. Сохранились остатки бронзовой дужки. В основе формы караагаченских сережек можно видеть видоизмененную лунницу (Засецкая, 1968: 39–40).

Аналогичные полихромные украшения хуннской эпохи распространены на обширной территории от Венгрии до Алтая, в захоронениях с совершенно различными обрядами погребения (в каменных гробницах, в склепах, в могилах с сожжением, в погребениях, сопровождаемых шкурой лошади, в могилах с деформированными черепами, в каменных курганах с «усами» (рис. 1); (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966)). Они характерны и для Центрального Казахстана, что еще раз свидетельствует о бытовании полихромных ювелирных изделий у различных в этническом отношении племен и народов.

Изобразительное искусство хуннов получило широкую известность по литым бронзовым художественным изделиям, распространившимся на довольно большой территории евразийских просторов от Монголии и пограничной части Северного Китая (пустыня Ордос) до Восточной Европы.

Мы знаем, что жизнь хуннов не протекала изолированно. Она находилась в тесных сношениях не только с Ханьским Китаем, но и с соседними, близкими им по культуре народами, на востоке и западе, благодаря чему к хуннам поступали произведения искусства Средней и Передней Азии. Пристрастие хуннской знати к роскоши, отмеченное китайскими истори-

ками, могло удовлетворяться не только сбором ясака с подвластных племен, но и брачными связями с более или менее удаленными народами. Кроме того, при ставках хуннских шаньюев, как впоследствии у монгольских ханов, могли быть мастера различных национальностей, которые в своих произведениях могли сочетать привычную им технику и мотивы с мотивами собственно хуннского искусства (Руденко, 1968: 73).

Искусство хуннского времени Казахстана никогда не было предметом исследований отечественной археологической науки. До сих пор не составлен специальный реестр, фотоальбом по предметам, выполненным в хуннском стиле, не известно их приблизительное количество. Большинство вещей происходят из беспощадно разграбленных могильников, а также представляют собой случайные находки.

Исследование искусства хуннов затрудняется отсутствием достаточного количества археологического материала. Все материалы, полученные на протяжении многих лет при раскопках, опубликованы частично. В связи с отсутствием единой систематизации информация об искусстве хуннов Казахстана очень скудна и представлена информацией в форме отчетов археологических экспедиций.

Наибольшее количество предметов хуннского искусства выявлено в советский период. Автором ниже показаны основные этапы исследования хуннских памятников на территории Казахстана, в некоторых из них были найдены материалы по искусству хуннов.

В 40-е гг. XX в., в послевоенное время, были проведены широкомасштабные разведки Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР под руководством А.Х. Маргулана в Центральном Казахстане. Комплексы этого типа были выявлены во всей своей многочисленности и многообразии (Боталов, 2009: 23). К сожалению, большая часть памятников была разграблена, поэтому внутри курганов отсутствовал вещевой инвентарь.

В начале 50-х гг. XX в. А.Н. Бернштам ввел в научный оборот коллекцию предметов из разрушенного погребения у озера Боровое, которую составили полихромные изделия, пластинки с тиснением, бронзовые пряжки, крупные бусы, мелкие бусы из пасты и сердолика, две серьги и тому подобные украшения, предметы вооружения и конской упряжи (Бернштам, 1951: 216).

Находки у оз. Борового являются ярчайшей документацией творческого процесса в области материальной культуры и несомненно связаны с местной среднеазиатской культурой, а также с большим политическим подъемом кочевников IV–V вв. н.э. В последней связи и заключается большое историческое и историко-культурное значение находок золотых вещей у оз. Борового (Бернштам, 1951: 217).

С конца 50-х и в 60-е гг. XX в. раскопками и исследованием курганов с «усами» занялся М.К. Кадырбаев (Кадырбаев, 1962). Датировка курганов с «усами», предложенная М.К. Кадырбаевым, была основана на материалах из курганов у озера Чебачье – Тасмола (к-н 19), Толагай (оградка 1), могильников Нурманбет, Карамурун (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966: 307–362). Опираясь на выявленные материалы, М.К. Кадырбаев разделил Тасмолинскую археологическую культуру на два периода: VII–VI вв. до н.э. и V–III вв. до н.э.

В конце 60-х гг. И.П. Засецкая в своих трудах попутно рассматривает предметы, найденные А.Н. Бернштамом у озера Боровое, и Кара-Агачские находки. Она упоминает о находках трехчастных диадем, найденных у аула Канаттас Карагандинской области, у поселка Чулук-тау в Центральном Казахстане (Засецкая, 1968: 41).

В конце 60-х гг. начинается систематическое исследование памятников Поишимья Северо-Казахстанской археологической экспедицией. В 1967 г. Г.Б. Зданович раскопал курганы могильника Покровка, давшие великолепный материал II–III вв. н.э. (Зданович, 1968). В последующее десятилетие в рамках этого региона были исследованы погребальные комплексы первых веков нашей эры из могильников Жабай-Покровка, Берлик, Новоникольское (раскопки Г.Б. Здановича, С.Я. Зданович и М.К. Хабдулиной) (Боталов, 2009: 24).

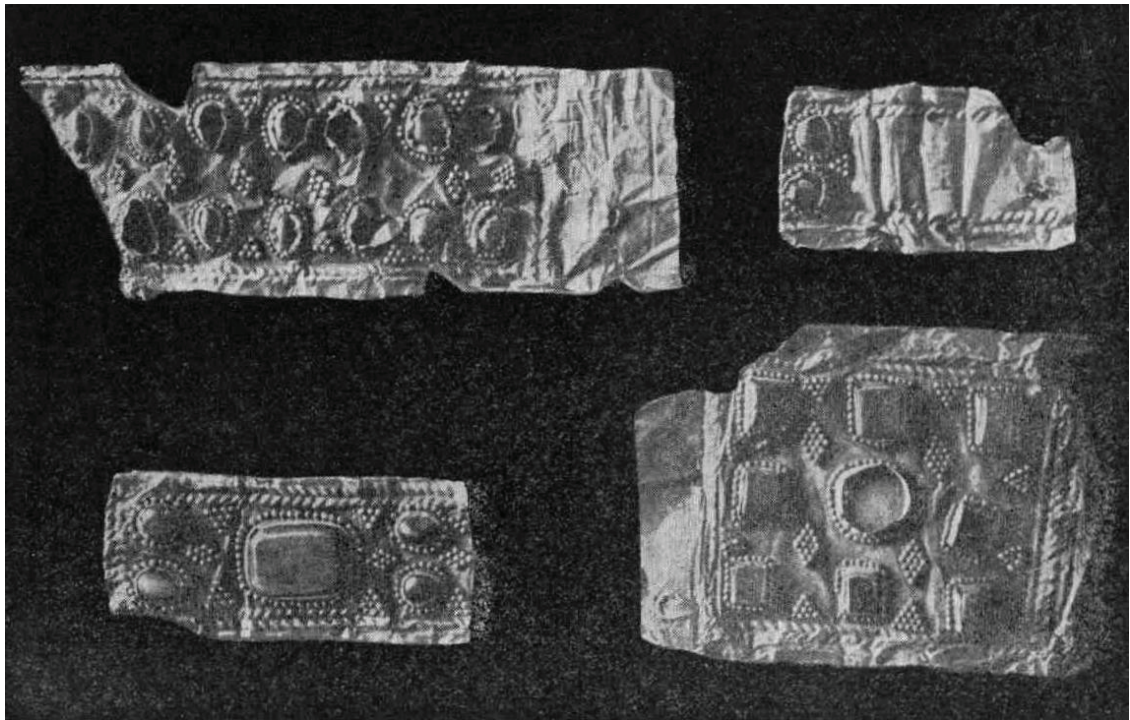

Рис. 1. Обломок в виде головы птицы и пластинки с гнездами, украшенные перегородчатой инкрустацией

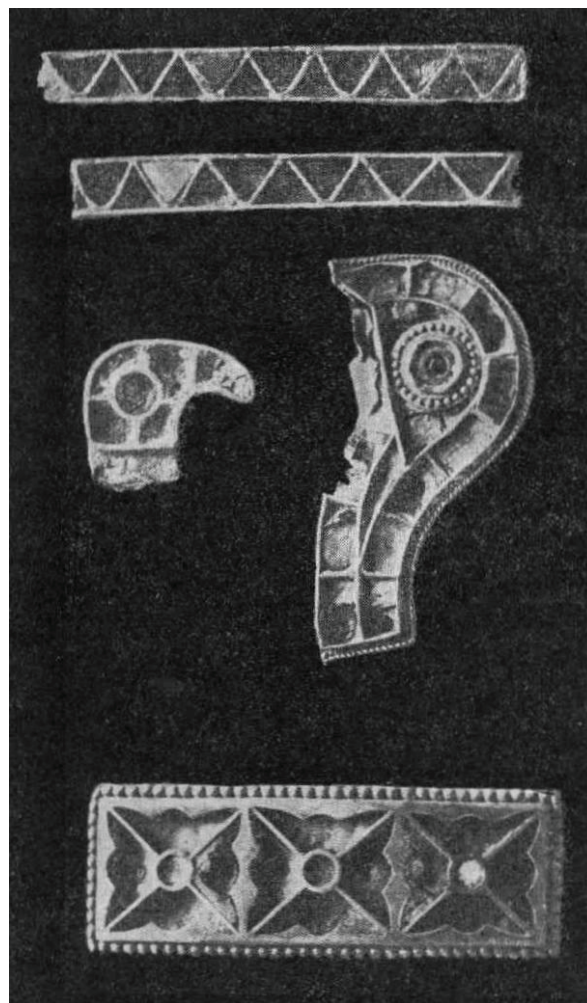

Рис. 2. Элемент костюма – пластина, инкрустированная цветными вставками, зернью, обрамленная ложным плетением. Тасмола. Центральный Казахстан

В 1974 г. Северо-Казахстанской археологической экспедицией были произведены раскопки кургана № 1 могильника Кенес гунно-сарматского времени на территории Сарыарки (Хабдулина, 1976).

В 80–90-е гг. исследованиями курганов данного круга наиболее активно занимались археологи Урало-Казахстанской археологической экспедиции.

В 2005, 2007–2010 гг. отрядом Ишимской стационарной археологической экспедиции были исследованы курганы могильника Куйгенжар и одиночный курган Сыгынак (Свиридов, 2006; Свиридов, Ярыгин, 2007).

Хотелось бы более подробно остановиться на бронзовой пряжке из кургана № 1 могильника Карамурун II, относящегося ко второму периоду (V–III вв. до н.э.). Пряжка была найдена в разграбленном кургане, в захоронении взрослого мужчины, между левой тазовой и локтевой костями скелета. Представляет собой литую застежку в гладкой рамке прямоугольной формы (9x4 см) с закругленными углами и с одним обломанным концом (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966). Очень плохо сохранившееся изображение на этой пряжке представляет павшего на переднюю ногу верблюда, на вытянутую шею которого вскочил хищник (возможно тигр), кусающий его за передний горб (Каиржанова, 2006: 38). Верблюд, в свою очередь, схватил тигра за заднюю ногу. У верблюда два горба, один – высокий, изображение второго нечетко. Параллельными линиями передана подшейная грива, голова показана схематично. Передняя нога согнута, стопа повернута кверху, задние ноги чуть согнуты. Тигр привстал на задние лапы, навалился на жертву и, прижимая шею и передний горб верблюда лапой к земле, кусает его у основания горба. Туловище хищника дано в профиль, задняя часть подчеркнута поперечными штрихами, показывая шерсть. На голове четко прослеживается округлое ухо, а в центре него – небольшой овал. У тигра две передние лапы и одна задняя, а у верблюда наоборот – одна передняя и две задние ноги. Изображения стилизованы и нечетки. Прослеживается симметрия изображения, то есть по геральдическому принципу звери расположены друг против друга (Каиржанова, 2006: 39).

В настоящее время расширился круг аналогий. Сюжет, форма и стиль уводят нас на восток, к хуннскому искусству. Бронзовые прямоугольные пряжки являются частыми находками в могилах хунну.

На Карамурунской пряжке контуры обобщены, присутствует массивность изделия, фигуры зверей соединяются с рамкой. Графическая проработка на пряжке свидетельствует о неумении мастера, о местном изготовлении, о подражании лучшим образцам. Рамка – это признак более позднего происхождения. В это время распространяется хунно-сарматский стиль – растительные, геометрические и другие изображения без животных. В хунно-сарматском периоде, то есть в последние века до н.э., искусство переходит в ювелирную технику (Акишев, 1976).

Научный руководитель: к.и.н., доц. М.К. Хабдулина

Список литературы

Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976.

Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // СМАЭ. – М.; Л., 1951. – Т. 13. – С. 216–229.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки. – Челябинск, 2009.

Боталов С.Г., Бисембаев А.А. Новые материалы по истории гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1.

Засецкая И.П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. – Л., 1968. – Вып. 10. – С. 35–53

Кадырбаев М.К. Описание находок 2-го курганного отряда, ЦКАЭ. Архивный фонд Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК. – 1962.

Каиржанова Г.Д. Сюжет единоборства в искусстве тасмолинских племен // Археология, этнология и палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Материалы XLVI РАЭСК. – Красноярск, 2006. – Т. II.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л., 1962. – 206 с.

Хабдулина М.К. Курганы раннего железного века у села Кенес // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976.

Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Онгар А. Древнее золото Казахстана. – Алматы, 2007. – 160 с.

Свиридов А.Н. Исследование кургана раннего железного века в урочище Куйгенжар // Отчет. Работы Ишимской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2005 году. – Астана, 2005.

Свиридов А.Н., Ярыгин С.А. Разведочные работы в Акмолинском Приишимье // Работы Ишимской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2006 году. – Астана, 2007.

И.В. Боричевский

Магадан, Северо-Восточный государственный университет (СВГУ)

БРОНЗА И ЖЕЛЕЗО В КОМПЛЕКСЕ ЖИЛИЩА 1 ПОСЕЛЕНИЯ АРИНАЙ-1 (ЛАХТИНСКАЯ КУЛЬТУРА, ЧУКОТСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ)

В данной работе впервые вводятся в научный оборот материалы исследований археологического отряда СВГУ (под руководством А.А. Орехова) в полевой сезон 2012 г. в Анадырском районе Чукотки.

Следует отметить ряд исследователей, чей вклад в исследование древнейшего прошлого этой части арктического региона является наиболее значимым. Это Л.П. Хлобыстин (1931–1988), в период 1967 по 1981 г. осуществлявший исследования Таймыра, С.А. Федосеева и Ю.А. Мочанов, начавшие исследования на территории Республики Саха (Якутия) соответственно в 1958 и 1964 гг. и продолжающие их до сих пор, и Н.Н. Диков (1925–1996), который на протяжении нескольких десятилетий (с 1956 по 1992 г.) возглавлял археологические исследования в восточной части Северо-Востока Азии. Благодаря усилиям этих ученых был сформирован значительный корпус археологических источников, были открыты сотни стоянок. Однако многие из них, к сожалению, малоинформативны либо смешаны (в хронологическом или культурном отношении), а значительная часть стоянок представлена только подъемными материалами. Это определяет направление дальнейших исследований (Питилько, Павлова, 2010).

В соответствии с технико-экологическим заданием, в июле–августе 2012 г. археологический отряд СВГУ проводил обследование долины р. Амаам и левого берега лагуны Аринай Анадырского района ЧАО.

В результате обследования левого берега лагуны Аринай, в 100 км южнее пос. Беринговский, было зафиксировано древнее поселение на террасе левого берега морского побережья лагуны Аринай (склон мыса Фаддея). Полого-наклонная терраса аллювиального происхождения имеет перепад высот с юга на север (от берега лагуны к подножию сопки) 5–60 м.

Данное древнее поселение получило обозначение Аринай 1. Оно насчитывает остатки 7-и жилищ полуземляночного типа и 11 хранилищ («мясных ям»). Поселение разделено

руслом сухого ручья на 2 части, восточную и западную. В восточной части находятся остатки 4 жилищ и 8 хранилищ. В западной части зафиксированы остатки 3-х жилищ и 3-х хранилищ. Были определены границы охраняемой зоны данного поселения.

Раскопом 20 м² было исследовано самое восточное жилище 1, разрушенное частично из-за абразивного разрушения берега в период осенних штормов. Жилище полуземляночного типа было обозначено на поверхности округлой западиной диаметром 6 м. Глубина западины в центре была 1,4 м. По краям западины виден выброс щебня с коричневой супесью из ямы жилища. Внутренняя поверхность западины была покрыта травяной растительностью и мелкими кустами полярной ивы. Почвенный слой рядом с жилищем отсутствует.

Культурный слой в жилище 1 был зафиксирован на глубине 0,45 м от дневной поверхности в центре, а к периферии глубина его залегания от дневной поверхности возрастает до 1,5 м. В центре жилища была зафиксирована кладка камней различного размера. Является ли она очагом однозначно определить сложно, так как углистый слой, зафиксированный здесь, фрагментарен и тонок. Спекшиеся куски почвы, окрашенные углем в черный цвет, зафиксированы в 0,5 м северо-восточнее данной кладки камней.

Мощность культурного слоя 0,1–0,35 м определяется уровнем залегания находок, так как вмещающая находки почва не отличается ни по цвету, ни по составу от вышележащих слоев. Только 1 см нижней части слоя темнее по цвету (окрашен углем). В северной части раскопа обнаружены остатки бревен, представляющих собой фрагменты кровли жилища.

В культурном слое жилища были обнаружены орудия и изделия из камня, кости, железа и бронзы. Они характеризуют основные виды деятельности древних обитателей: охоту на наземных и морских животных, рыболовство, обработку камня, дерева и кости.

Комплекс каменных изделий, обнаруженных в культурном слое жилища, характеризуют: молот с желобом для крепления рукояти, 2 грузила с боковыми выемками для привязывания, наиболее многочисленны скребки и скребла (53 экз.) с односторонней обработкой рабочего края или без нее, разной степени использования, каменные жирники (4 экз.) с углублением, выбитым техникой пикетажа, тесло, нож.

В жилище обнаружены изделия из металла: железа, бронзы, меди. Это позволяет датировать комплекс жилища эпохой палеометалла. Среди бронзовых изделий наиболее интересны резцы характерной формы. Резцы очень похожи на те, которые обнаружил в 1956 г. в Усть-Бельском могильнике Н.Н. Диков (1979). Усть-Бельский памятник принадлежит древнему прото-эскимосско-юкагирскому населению (Диков, 1995). Также встречены заготовка орудия или боек и кусок бронзы в форме кубика. Изделия из меди представлены двумя пластинами.

Железные фрагменты изделий наиболее многочисленны (76 экз.). Они сильно каррированы и определить их форму и назначение сложно. Определить удалось только остатки ножа в частично сохранившейся деревянной рукояти, нож с черешком для крепления в рукояти, а также частично сохранившееся изделие с втульчатым креплением. Такое обилие железных изделий в жилище Лахтинской культуры встречается впервые. Это тем более удивительно, потому что поселение, видимо, носит сезонный характер (летовка).

Керамика в комплексе жилища немногочисленна и представлена фрагментом жирника, а также фрагментами 1 сосуда, что подтверждает сезонный характер поселения. Керамика изготовлена из глины с добавлением мелкого щебня, слабого обжига, не орнаментирована.

К редким находкам в комплексах жилищ Северо-Востока Азии относятся: стеклянный (18 экз.) и каменный (4 экз.) бисер красного (10 экз.), голубого (11 экз.) и черного (1 экз.) цветов, а также одна голубая стеклянная бусина. Это свидетельство украшения кожаной одежды бисерным шитьем.

Культурнозначимы типы наконечников стрел с втульчатым основанием, обнаруженные в жилище. Тип жилища и линейно-геометрический орнамент на рукояти гребня и наконеч-

нике стрелы определяют принадлежность комплекса к Лахтинской (древнекерекской) культуре Северо-Западного Берингоморья, что соответствует и ареалу распространения данной культуры (Орехов, 1987).

По наличию характерных фрагментов железных изделий, бус и бисера комплекс жилища 1 поселения Аринай 1 предварительно можно датировать периодом 500–1000 л.н. (X–XV вв. н.э.). В жилище 1 и 3, а также в береговом обнажении взяты пробы углей для радиоуглеродного датирования.

Научный руководитель: проф. А.А.Орехов

Список литературы

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. – М. : Наука, 1977.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). – М. : Наука, 1979.

Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. – СПб. : Наука; Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993.

Диков Н.Н. Памятники и памятные места истории и культуры Северо-востока России (Магаданская область и Чукотка). – Магадан, 1995.

Орехов А.А. Ранние комплексы лахтинской культуры Северо-Западного Берингоморья // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. СНТ. – Владивосток, 1987.

Питулько В.В., Е.Ю. Павлова Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-восточной Азии. – СПб. : Наука, 2010.

А.Х. Гильмитдинова

Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕТСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ)

На территории Южного Урала по сравнению с количеством взрослых захоронений эпохи ранних кочевников, детских – явный недостаток. Данный доклад посвящен изучению причин малочисленности детских погребений ранних кочевников, относящихся к савроматскому, ранне-, средне- и позднесарматским периодам раннего железного века.

Известно, что традиционному типу воспроизводства населения была присуща возрастная структура с большей долей детских возрастов, а до 15 лет умирало до 50% родившихся (Кислый, 1995: 118). Большое количество невзрослого населения в древности соответствует демоэкономическим условиям необходимости, и факт недопредставленности детских погребений в курганах ранних кочевников должен быть чем-то объяснен. Важную роль в формировании общества, влиявшую и на палеодемографию, играли миграции. Вызывались они двумя основными группами причин: естественного происхождения и обусловленные деятельностью человека.

Учитывая зависимость древних обществ от состояния природной среды, логично искать причины миграций в изменении природных условий. В степном Зауралье в начале I тысячелетия до н.э. отмечается этап увлажнения, а вместе с тем и похолодание (3000–2500/2400 л.н.). В V в. до н.э. происходит резкое ухудшение экологических условий, означавшее начало нового этапа – 2500/2400–1900/1700 л.н. – резкая аридизация, достаточно выраженный контрастный континентальный климат (по зимне-летним трещинам в почве). В III в. н.э. экологические условия снова улучшаются (Таиров, 2003: 32–33). Изменение климата считается одной из причин миграционных процессов в раннесарматское время. Из-

вестно, что из всех представленных периодов эпохи раннего железа на территории Южного Урала раннесарматский отличается относительно преобладающим количеством захоронений и разнообразием инвентаря.

Военные походы, которые включаются во вторую группу причин миграций – вызванные деятельностью человека, играли важную роль в жизни ранних кочевников (Тихомиров, 2007: 59). Например, толчком к формированию раннесарматской культуры на Южном Урале послужила усилившаяся военизация общества, обусловленная подвижками населения в зауральско-западносибирской лесостепи и изменением исторической ситуации в Средней Азии (в районах, непосредственно примыкающих к зимним кочевьям южно-зауральских номадов) (Таиров, 2000: 19). Передвижение в южную лесостепь части гороховского населения, о чем свидетельствует распространение круглодонной тальковой керамики, привело, по-видимому, к обострению демографической ситуации в Южном Зауралье – перенаселенности. На это указывают антропологические данные, которые свидетельствуют о том, что в период существования раннесарматской культуры общий показатель здоровья населения был очень низким (Яблонский, Пежемский, Суворова, 2010: 166). Потребности обороны вызвали милитаризацию всех сфер жизнедеятельности кочевого и полукочевого населения Зауралья. Военизация общества проявилась еще, видимо, и в том, что некоторые традиции погребальной обрядности: южная ориентировка и захоронения в подбоях, являвшиеся до этого одним из средств идеологической обособленности военного и, возможно, жреческого сословия, начали активно перениматься рядовым населением, и приобретали массовый характер (Таиров, 2000: 20). Эти черты проявлялись и в детском погребальном обряде, что, в свою очередь, сближает их с категорией взрослых. А это значит, что отношение к детям в древнем обществе было почти такое же, как и к взрослым. Исходя из этих рассуждений, количество детских захоронений не должно уступать количеству взрослых, и причина недопредставленности погребений заключается не в различающихся вариантах погребальных обрядов.

Малочисленность среднесарматских памятников на территории Южного Урала, вероятно, связана с тем, что центр культуры располагался в Поволжье и Подонье (Сергацков, 2006: 44.). Также, в период со II в. до н.э. по II в. н.э., происходит отток населения, который связан с неблагоприятными природными условиями – что тоже оказало влияние на малочисленность не только детских, но и вообще всех захоронений на территории Южного Урала.

Материалом для исследования позднесарматских детских захоронений являлся могильник Покровка X (Малашев, Яблонский, 2008), в котором было обнаружено неправдоподобно малое количество детских захоронений (всего 4 из 70). Такая же ситуация обстоит и с могильником Солёный Дол (Любчанский, 2010: 118). Объяснить это явление можно лишь предположением о том, что в могильнике по каким-то причинам хоронились далеко не все умершие в популяции дети.

В итоге, относительная многочисленность детских погребений раннесарматского периода на Южном Урале объясняется перенаселенностью, причинами которой, в основном, становятся климатический кризис и передвижения общества, связанные с военными действиями. Главной причиной недопредставленности детских среднесарматских памятников на Южном Урале является отток населения, вызванный неблагоприятными природными условиями и очередной миграционной волной из восточных районов степной Евразии.

В позднесарматский период, видимо, существовал другой, отличающийся от взрослого, погребальный обряд.

Объективных причин недопредставленности детских захоронений в савроматский период выявлено не было, поэтому можно предположить, что, как и поздние сарматы, кочевники савроматского времени хоронили детей иным, неизвестным исследователям, способом.

Несмотря на то, что недопредставленность детских захоронений можно объяснить миграционным процессом, мировоззренческий фактор также немаловажен. Детский погребальный обряд археологически почти ничем не отличался от взрослого, только был намного проще – он, главным образом, безинвентарный и представлен периферийными захороне-

ниями. Зачастую в погребениях отсутствуют следы гендерного деления детей, что может свидетельствовать о том, что усопший так и не успел пройти обряд инициации. Вероятно также, что в эпоху ранних кочевников было особое отношение к детям, которые не считались полноценными членами общества до определенного возраста, поэтому иногда их могли хоронить не в курганах подобно взрослым, а в межкурганном пространстве. Таким образом, очевидной становится многочисленная вариативность детского погребального обряда. С одной стороны, дети, как и взрослые, погребены по одинаковым канонам, с другой стороны – недопредставленность детских захоронений дает возможность предполагать, что существовали другие альтернативные варианты захоронения детей. Но если эти неизвестные способы захоронения распространялись на невзрослую часть населения, то нет гарантии, что и захоронения взрослых тоже не могли совершаться подобным образом, а погребения в курганах обусловлено лишь высоким социальным статусом усопших.

Научные руководители: д.и.н., проф. А.Д. Таиров, к.и.н. Н.А. Берсенева

Список литературы

Кислый А.Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // Российская археология. – 1995. – М. – № 2. – С. 112–122.

Любчанский И.Э. Погребальная архитектура могильника Солёный Дол // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2010. – Вып. 10. – С. 110–120.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. – М. : Восточная литература, 2008.

Сергацков И.В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. – Волгоград, 2006. – Вып. I. – С. 37–50.

Таиров А.Д. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э. // Материалы к историческим реконструкциям. – Челябинск, 2003.

Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. II.

Тихомиров К.Н. Миграционные процессы на территории Западной Сибири (эпоха бронзы – средневековье): трансформации культуры и социокультурная адаптация населения. – Омск, 2007.

Яблонский Л.Т., Пежемский Д.В., Суворова Н.А. Палеоантропология населения Южного Приуралья позднесарматского времени (по материалам могильника Покровка X) // Становление и развитие позднесарматской культуры. – 2010. – Вып. III. – С. 143–183.

И.В. Гридасова

Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН

КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВАЯ-2: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ (ПРИМОРЬЕ, РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

В 2011 г. при раскопках памятника Березовая-2 была получена коллекция археологического материала янковской культуры, однако, в отличие от других памятников этой культуры, основу комплекса каменных артефактов составляли нуклеусы на гальках, орудия на галечных сколах и отщепах, а также галечный дебитаж. Таким образом, для рассматриваемого янковского комплекса получение галечных сколов и отщепов, а также производство галечных орудий являлось важной составляющей.

Комплекс галечных орудий архаичного облика и ранее отмечался исследователями на памятниках янковской культуры, но подробно не рассматривался (Окладников, Деревянко,

1973: 215, 237–238). Иногда из-за архаичного вида и малочисленности этот комплекс датировался более ранним временем (Андреева, 1977: 91).

Задачи настоящего исследования – выявление технических приемов расщепления галечного сырья и реконструкция технологического процесса – от сбора сырья до получения заготовок.

Памятник Березовая-2 находится в 1,73 км на запад от поселка Краснополье, на правом берегу реки Партизанская (рис. 1: 1, 2). Высота памятника над урезом воды 2–12 м. Поселение занимает восточную оконечность 2 и часть 1 надпойменной террас (Слепцов 2012).

В данной работе рассмотрен материал раскопа 2 (300 кв. м), заложенного на 1 надпойменной террасе, что обусловлено лучшей сохранностью и большой насыщенностью культурного слоя археологическим материалом. Культурный слой памятника разбирался небольшими пластами, на глубину 5–7 см. Нами была проанализирована коллекция каменного инвентаря нижней части отложений (3–7 пластов), большую часть которой составляет комплекс первичного расщепления (1652 артефакта), включающий нуклеусы, нуклеарные обломки, отщепы и сколы с галечной коркой.

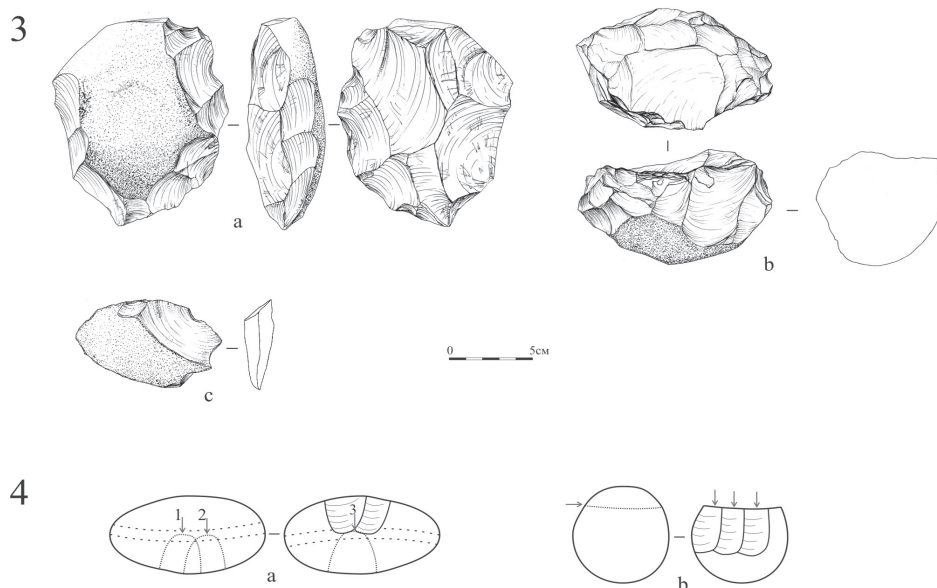
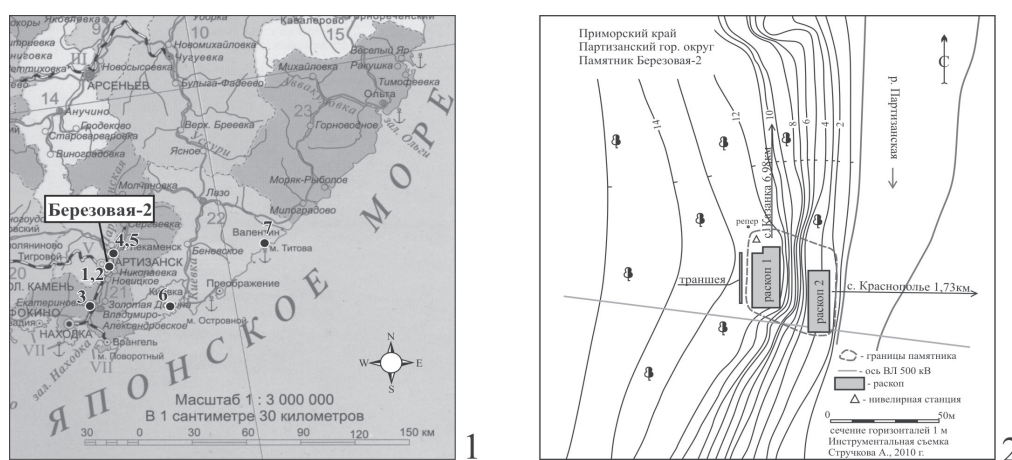

Рис. 1. 1) Ситуационный план расположения памятника Березовая-2 и ближайших памятников янковской культуры: 1 – поселение Березовая-2, 2 – поселение Березовая-5, 3 – памятник на правом берегу р. Партизанская (по А.П. Окладникову, 1973), 4 – Орел-2, 5 – Орел-3, 6 – поселение в бухте Мелководная, 7 – поселение Валентин; 2) план памятника Березовая-2; 3) а – нуклеус с бифасиальным принципом расщепления, б – нуклеус с параллельным принципом расщепления, с – отщеп; 4) а – схема «бифасиального» расщепления, б – схема параллельного расщепления

В качестве сырья использовались базальтовые, андезитовые гальки, реже гальки из осланцованного песчаника и глинистых сланцев, которые собирались обитателями рядом с памятником на правом берегу р. Партизанская. Для расщепления подбирались гальки двух видов – овальные, уплощенные, и призматические со скругленными углами, редко круглые.

В зависимости от исходной формы сырья выбирались разные технологические схемы расщепления:

1) Расщепление по бифасиальному принципу (рис. 1: 3а, 4а). Эта техника применялась для овальных – односторонне и двусторонне выпуклых – галек. Расщепление проводилось без предварительной подготовки, первый скол чаще всего снимался с медиальной части гальки. Второе снятие производилось с таким расчетом, чтобы использовать образовавшуюся после первого снятия ударную площадку. Второй скол перекрывал негатив первого снятия, на его спинке частично оставалась галечная корка (до 50% поверхности). Далее негативы первого и второго сколов (чаще ребра сопряжения этих сколов) использовались как ударная площадка для следующего снятия, которое производилось с противоположной стороны гальки. Дальнейшее расщепление производилось исходя из формы гальки. С односторонне выпуклых галек отщепы снимались с выпуклой стороны, снятие отщепов с плоской стороны производилось время от времени для формирования площадки. Расщепление двусторонне выпуклых галек производилось по схеме оформления бифасов: негатив предыдущего снятия или его ребро являлись площадкой для последующего снятия. Сколы снимались поочередно с обеих сторон нуклеуса.

По данной схеме произведено расщепление 11 нуклеусов (73%). Такие нуклеусы часто выглядят как грубые рубящие орудия, обработанные крупными ударными сколами. Возможно, что выделенные ранее авторами исследований по янковской культуре «дисковидные рубящие орудия» (Андреева и др., 1986: 140) и «чопперовидные орудия» (Окладников, 1959: 142) являются подобными нуклеусами. Наличие такой техники расщепления галечного сырья подтверждает и анализ отщепов и сколов. Снятые с описанных нуклеусов отщепы и сколы имеют характерную широкую скошенную площадку. Ширина ударной площадки достигает 2-2,5 см. Судя по ударному бугорку и площадке, снятия производились жестким отбойником. С таких нуклеусов получали отщепы и сколы укороченных пропорций.

2) Параллельное расщепление (рис. 1: 3б, 4б). Эта техника применялась для расщепления призматических галек со скругленными углами или достаточно массивных круглых галек. В данном случае расщепление начиналось с подготовки ударной площадки одним или несколькими крупными сколами. Далее с ударной площадки производились серийные снятия удлиненных отщепов, длина их редко превышала 4–5 см, исключение составляет нуклеарный обломок с негативами снятий на спинке (длина негативов – 6–6,5 см, ширина – 2 см). Расщепление осуществлялось до тех пор, пока сохранялся необходимый угол сопряжения между ударной площадкой и фронтом. Однако чаще всего расщепление прекращалось после неполного снятия сколов и образования заломов на фронте скалывания. В этом случае фронт нуклеуса использовался в дальнейшем как ударная площадка, либо оформлялась новая ударная площадка. В коллекции представлено 4 экз. нуклеусов с параллельным принципом расщепления (27%).

Таким образом, нами выделено 2 типа нуклеусов: 1) с бифасиальным принципом расщепления и 2) с параллельным принципом снятия сколов. Выбор той или другой технологической схемы был обусловлен формой исходной заготовки.

Кроме этого, в коллекции выделены 12 нуклеарных обломков и 4 сработанных нуклеуса. Нуклеусы представляют собой сильно истощенные ядрища с разнонаправленными сколами, достоверно отнести их к тому или другому типу не представляется возможным. Из нуклеарных обломков 3 экземпляра имеют негативы параллельных снятий, остальные – сколы с

нуклеусов «бифасиального» расщепления. Таким образом, к 1 типу расщепления относится 74% нуклеусов и нуклеарных обломков.

Проведенный анализ отщепов и сколов показал, что большая их часть получена с нуклеусов 1 типа. Почти все они короткие (длина равна либо меньше ширины), достаточно массивные – толщиной от 0,5 см и более, имеют широкую ударную площадку – 1,5-2,5 см и хорошо выраженную точку удара. Угол сопряжения ударной площадки и спинки отщепа – 40-45° (рис. 1: 3с). Отщепы и сколы получены прямым ударом с использованием жесткого отбойника. Первичные отщепы и сколы с участками галечной корки на спинке и ударной площадке составляют 34% от общего количества дебитажа. Но в целом, для коллекции каменного инвентаря процент сколов с галечной коркой выше, так как для изготовления орудий отбирались именно такие отщепы. Они имеют, как правило, округлую или овальную форму, перообразное окончание и достаточно тонкое сечение, часто такие отщепы использовались как орудия без дополнительной подработки (скребки, ножи) либо с минимальным оформлением рабочего края или острия (сверла, проколки, скребловидные орудия).

Архаичные галечные орудия встречаются и на других памятниках янковской археологической культуры, причем часть памятников с подобными комплексами располагается достаточно компактно в долине р. Партизанской (поселение возле с. Боец-Кузнецов (Окладников, Деревянко, 1977: 239), Орел-2 и Орел-3 (Татарников, 1976)). К этой же группе можно отнести поселение Валентин и поселение в бухте Мелководной (Андреева, 1977: 87–100; Андреева и др., 1986: 137–141).

Выводы. В результате анализа комплекса первичного расщепления был реконструирован технологический процесс расщепления галечного сырья. В зависимости от формы исходного сырья использовались две технологические схемы. Первая построена на последовательном «бифасиальном» расщеплении, вторая – подпризматическая техника.

Автор статьи выражает благодарность И.Ю. Слепцову за предоставленные материалы памятника Березовая-2, а также Н.А. Дорофеевой за помощь в обработке коллекции.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Н.А. Клюев

Список литературы

Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век. – М. : Наука, 1977.

Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура. – М. : Наука, 1986.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. – СПб : ИИМК РАН, 1997.

Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. – Владивосток : Прим. кн. изд-во, 1959.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1973.

Слепцов И.Ю. Отчет о раскопках поселения Березовая-2 в Партизанском городском округе Приморского края. – 2012.

Татарников В.А. Отчет о разведочных работах в Приморском крае в долинах рек Большой Уссурки, Партизанской и Киевки. – 1976.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА, ОТНОСЯЩЕГОСЯ К ОДЕЖДЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Стабильный интерес к изучению культур скифского времени лесостепного Приобья и прилегающих территорий сохраняется уже на протяжении ста лет. Между тем до сих пор, за небольшим исключением (Грязнов, 1956; Троицкая, 1994; Могильников, 1997; Уманский, 2005; Шульга, 2003, 2009), отсутствуют работы, в которых был бы обобщен и систематизирован предметный комплекс, относящийся к одежде представителей этих культур. К предметному комплексу, относящемуся к одежде скифского времени Верхнего Приобья, относятся: нашивные бляшки, пряжки, ворворки, бусины, аппликации, серьги, браслеты, заколки, подвески и др.

Обозначенные выше труды, а также отдельные публикации как уже отмеченных авторов, так и Ю.Ф. Кирюшина, М.Т. Абдулганеева, М.П. Завитухиной, А.Н. Телегина, Я.В. Фролова, Р.В. Белоусова и других, своей основной целью имели введение в научный оборот новых материалов и, частично, их попутный анализ. Работы, посвященные предметному анализу и классификации отдельных элементов предметного комплекса, относящегося к одежде скифского времени Верхнего Приобья, и вовсе не многочисленны.

Самым массовым материалом, относящимся к одежде, являются нашивные бляшки и бусины. Типологическая характеристика первых, на материалах памятника Локоть-4а, была представлена в работе П.И. Шульги (Шульга, 2003: 67). Автор разделил нашивные бляшки: малые прямоугольной формы, большие прямоугольные и подквадратные и средние подквадратные (обувные). Как нам кажется, подобная классификация может быть распространена и на всю культурно-историческую общность. Что касается бусин, то отдельных публикаций посвященных их анализу нам неизвестно, за исключением краткой характеристики в упомянутых изданиях Т.Н. Троицкой и А.П. Бородовского, В.А. Могильникова, А.П. Уманского и П.И. Шульги.

В контексте с нашивными бляшками и бусами в некоторых случаях были отмечены изделия из кости (пуговицы, блоки и т.п.), технологический анализ изготовления которых дал А.П. Бородовский (Бородовский 1997).

Не менее редкими являются находки остатков наборных поясов (в основном это поясные подвески), детально охарактеризованные П.И. Шульгой (Шульга, 2009: 170–172). Нарботки которого были развиты А.Т. Сингаевским, осуществившим детальный анализ и классификацию поясных подвесок (Сингаевский, 2007). Нарботки авторов подводят нас к необходимости реконструкции наборных поясов населения скифского времени лесостепного Приобья.

К числу наиболее слабо изученных элементов предметного комплекса, относящегося к одежде, на данный момент принадлежат: украшения головного убора (за исключением Локтя-4а), а также серьги, заколки, гривны, браслеты, перстни и пронизки. Эти материалы еще нуждаются в обобщении, классификации и детальном анализе.

Таким образом, одной из назревших задач в изучении археологических культур скифского времени Южной Сибири является реконструкция одежды (Нам известно только две работы, в которых на основе предметного комплекса представлена реконструкция костюма населения лесостепного Приобья раннего железного века [Соловьев, 2003; Шульга, 2003]) их носителей, которая ввиду плохой сохранности органических материалов должна базироваться на предметном комплексе. В связи с этим особую актуальность приобретают работы, посвященные систематизации отдельных предметов, относящихся к одежде.

Список литературы

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 224 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // МИА. – № 48. – М.; Л., 1956. – 160 с.

Сингаевский А.Т. Поясные подвески VII в. до н.э. – I в. н.э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурный и хронологический индикатор // Известия АГУ. – 2007. – № 43. – С. 161–173.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск : «ИНФОЛИО-пресс», 2003. – 218 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997. – 196 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск : ВО «Наука»; Сибирская издательская фирма, 1994. – 184 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби : монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 204 с., ил.

Шульга, П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а: Монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с., ил.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь: монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 329 с.

Т.А. Голубцева

Новосибирск, Новосибирский Государственный Университет

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ТАШТЫКЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА МАРКЕЛОВ МЫС II)*

Вот уже более полувека не утихает дискуссия о проблеме атрибуции таштыкских памятников под каменными выкладками. Впервые подобные объекты были обнаружены еще А.В. Адриановым в начале прошлого столетия, но полмасштабное их изучение началось лишь с раскопок С.В. Киселёва в 1930-е гг. (Вадецкая, 1999: 116). Тогда же они были отнесены к «переходной стадии» между таштыкской и кыргызской эпохами (Киселёв, 1951: 20). Позднее, уже в 1960-ые, после раскопок на Изыхском чаатасе, Л.Р. Кызласов предложил именовать позднеташтыкский этап камешковским, включив в него данный вид памятников (Кызласов, 1960: 152). Л.Р. Кызласов интерпретировал данный этап как наиболее поздний период существования таштыкской культуры, наступивший после эпохи сооружения склепов, но до эпохи чаатас. Основным содержанием этого периода был переход к индивидуальным захоронениям под каменными выкладками, отход от традиции изготовления гипсовых масок покойных, упрощение погребального инвентаря. Однако материалы исследования могильника Тепсей IV дали основания для предположения о связи находок кальцинированных костей под каменными выкладками с таштыкскими поминами (Грязнов, 1979: 114). Эта точка зрения утвердилась в научной литературе в качестве одного из непреложных постулатов. Среди основных аргументов данной концепции приводится малочисленность костных останков, бедность, либо отсутствие погребального инвентаря. Вместе с тем, стоит отметить, что ни одна из вышеназванных групп исследователей не уделяла достаточного внимания непосредствен-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: НИР 6.2069.2011

но самих костным останкам, содержащимся в памятниках под каменными выкладками. В качестве аргументов в поддержку той или иной концепции использовались достаточно косвенные данные, такие как особенности конструкции, наличие и состав погребального инвентаря и т.д. В связи с этим, тема настоящей работы представляется достаточно актуальной. Нами был проведен полномасштабный антропологический анализ материала таштыкских памятников под каменными выкладками могильника Маркелов мыс II, который позволяет подойти к решению давней научной дискуссии с новой методологической позиции.

Могильник Маркелов мыс II расположен в Новоселовском районе Красноярского края, в 0,4 км. от одноименной горы. Всего на данном могильнике было раскопано 142 объекта, относящихся к таштыкской культуре. Из них 129 представляли собой каменные выкладки, имеющие различную форму, размеры и конструкцию. Они включали 12 погребений взрослых и детей, совершенных по обряду труположения, 90 содержали кальцинированные кости, 27 оказались без признаков захоронения.

В ходе работы была проанализирована большая часть каменных выкладок с остатками кремации, (а именно 61 каменная выкладка). Все костные останки, содержащиеся в этих выкладках, были определены как человеческие останки. Прежде всего, следует отметить вариативность размещения костей в могильной яме. Четко фиксируются два способа их размещения: дисперсно, по всему уровню заполнения могильной ямы, начиная от дна до самой каменной выкладки, и компактно, на дне могильной ямы. Возможно, во втором случае кости были помещены в какую-либо емкость из органических материалов, которые не сохранились и их следов не фиксируется.

Проведенный нами антропологический анализ позволяет подтвердить предположение о преимущественном сожжении взрослых индивидуумов. Так, во всех погребениях, в которых мы смогли определить предположительный возраст, он составлял более 21–26 лет (31 погребение). В основном, возраст погребенных укладывается в возрастной диапазон до 45 лет (без уточнения нижней границы возраста, это погребения № 15, 108, 109, 121, 122, 129, 138, 139, 155, 163), критерием выделения которого явилась незавершенность процесса облитерации черепных швов. В рамках этого диапазона выделяются две вариации возрастных групп. Первая объединяет в себе индивидуумов от 21 (26) лет до 45 лет (погребения № 22, 114, 115, 142, 146, 150, 161). Критериями выделения в данном случае выступает время прирастания эпифизов фаланг пальцев (23 года – на кисти, 26 лет – на стопе), а также незавершенность процесса облитерации черепных швов. Вторая включает возрастную категорию от 35 до 45 лет (погребения № 80, 82, 147 и 152). Здесь критериями выделения явилась степень облитерации черепных швов (с наружной стороны шов прослеживается, но с внутренней уже нет). Наконец, в отдельном случае нам удалось выделить погребение человека, умершего в возрасте более 45 лет (погребение № 108). Основанием для определения возраста в данном случае послужила степень облитерации швов черепа.

Определение пола по кальцинированным костям представляется наиболее сложной задачей на современном этапе развития как отечественной, так и мировой антропологической науки. В связи с крайней фрагментарностью и отсутствием диагностирующих фрагментов (скуловой и лобной частей черепа, фрагментов нижней челюсти с выраженным половым диморфизмом, костей таза, ключицы, грудины и т.д.) мы можем говорить о поле погребенных только предположительно. Все же в некоторых случаях толщина компакты костей, их размер позволяют нам сделать предположение о возможной половой принадлежности индивидуумов. Так, погребения № 54 и 114, возможно, принадлежат женщинам, а погребения № 150 и 153 – мужчинам.

В двух случаях из шестидесяти одного нами были зафиксированы патологии развития зубной системы погребенных, страдавших гиперцементозом (все антропологические определения сделаны под руководством Д.В. Позднякова).

На основании изученного материала мы можем попытаться реконструировать картину сожжения. Вероятно, у таштыкского населения, оставившего памятник Маркелов мыс II, существовал определенный канон, которого они старались придерживаться при сожжении своих умерших. Обычно сжигались «свежие» трупы, температура сожжения при этом была достаточно высокой, на уровне 900–1000 С°. Только в нескольких случаях она оказывалась значительно ниже (в погребениях № 108, 125, 114, 143, 163). Вероятно, в этих случаях, следует говорить о неблагоприятных условиях окружающей среды, которые помещали провести сожжение по всем правилам древней традиции (сырость дров, их нехватка, отсутствие ветра, дождь и т.д.).

По степени сохранности и представительности отдельных частей черепа и посткраниального скелета можно предполагать, что наиболее высокая температура наблюдалась в области ребер, грудины и костей таза. Массовость сохранения фаланг рук и ног, вероятно, говорит о том, что конечности находились на периферии костра, и после перегорания связок падали вниз, где они не горели, а тлели на углях. Такое предположение имеет аналогии и в современности.

Весьма интересным направлением реконструкции погребального обряда является реконструкция процесса сбора костных останков с погребального костра. Так, у индоариев кости собирались женщинами пожилого возраста, все действия которых были строго регламентированы (Митько, 1996: 141).левой ногой они должны были стоять на камне, с закрытыми глазами, а сами кости брать двумя пальцами левой руки. Две женщины располагались у головы, две – у ног, и одна – посередине. Взяв определенные кости, они по очереди произносили их названия, обращаясь при этом к умершему. Ритуал длился до тех пор, пока не были собраны все кости. Вероятно, для таштыкцев полная представленность скелета усопшего в могиле не имела существенной роли. Хотя, некоторая аналогия с индоарийским обрядом прослеживается: вероятно, отбирались несколько щепоток с разных концов погребального костра (о чем говорит наличие в погребениях как частей черепа, так и различных частей посткраниального скелета), которые должны были символизировать умершего.

Научные руководители: к.и.н. О.А. Митько, к.и.н. Д.В. Поздняков

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Грязнов М.П., Завитухина М.П., Пшеницина М.Н., Комарова М.Н., Миняев С.С., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск : Наука, 1979.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее : Раздел в монографии. – Новосибирск : Наука, 1979. – С. 89–146.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 635 с.

Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии : Раздел в монографии. – Бишкек : Кыргызско-Российский славянский университет, 1996.

Митько О.А. Этническая ситуация на территории Среднего Енисея в эпоху Средневековья и проблема миграции на Тянь-Шань (по данным погребальной обрядности) // Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек : Кыргызско-Российский славянский университет, 1996. – С. 122–231.

БРОНЗОВОЕ ЗООМОРФНОЕ СКУЛЬПТУРНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Миллионы лет назад человек возник, и сотни тысяч лет развивается в сложных органических связях с природой, обязательной частью которой является животный мир. Поэтому в искусстве каждого народа имеет место «героический» период, который в археологии предметно фиксируется фигурными изделиями, объединенными в понятие «звериный стиль» в искусстве. Он проявлен во многих разнообразных элементах ископаемой предметности. Расцвет и совершенство этого «стиля» отнесены наукой в скифское и гунно-сарматское время, когда на всей территории степной полосы Евразии происходило формирование кочевых сообществ воинственных скотоводов со сложной социальной иерархией. Большинство ученых выделяет центральноазиатский регион как особую зону кочевого мира. К сожалению, географическая трактовка термина «Центральная Азия» в отечественной и зарубежной литературе различна, что неоднократно отмечалось исследователями. Однако чаще всего археологами этот термин используется скорее как общее название для всей внутренней части евразийского континента – это Внутренняя и Внешняя Монголия, районы Северного Китая, Забайкалье, Восточный Туркестан, Тува, Горный Алтай, Минусинская котловина и Красноярский край (т.е. большая часть Южной Сибири) (Богданов, 2006).

В археологии Азиатской части России Южной Сибири принадлежит особое место. Обширная и чрезвычайно разнообразная по физико-географическим условиям территория, протянувшаяся от Байкала до Иртыша и от юга Средней Сибири (Приангарская и Присаянская ландшафтные провинции) до северных окраин пустыни Гоби, Южная Сибирь (или Саяно-Алтайское нагорье) является родиной многих ярких и своеобразных археологических культур. Общая позиция обусловила проникновение на территорию Южной Сибири благотворных влияний восточных и западных цивилизаций, а ранний переход к производящей экономике и становление соответствующего уровня социальных отношений определили доминирующее положение Южной Сибири среди соседних областей и самостоятельный путь южносибирского культурогенеза (Савинов, 1995: 3).

На данной территории анималистическое искусство эпохи железного века по культурным, географическим и хронологическим особенностям получило наименование «скифо-сибирского/скифо-тагарского звериного стиля». В научной литературе 2-й четверти XX в. многие предметы «скифо-сибирского звериного стиля» связывают с карасукской культурой, которая из Китая «проникла на Енисей, где в VII в. до н.э. на ее основе сложилась тагарская культура и скифо-тагарское искусство» (Киселёв, 1951: 116).

Анализ предметов мелкой пластики (из металла, кости и т.д.), петроглифов и изображений на оленних камнях позволило выделить несколько художественных традиций изображений животных – карасукской, скифо-сибирской и др.

В 2012 г. на левом берегу р. Кеуль, при ее впадении в р. Ангару, была сделана случайная находка зооморфной скульптуры из бронзы. Фигурка представляет собой парное симметричное изображение оленей (лосей, быков?) (рис. 1 – 1, 2). Головы животных сильно стилизованы, четко читаются только рога, представленные двойными завитками, и лоб (рис. 1 – 3), единая носовая часть морды с четко выраженными выемками-ноздрыми (рис. 1 – 4). Сюда могли крепиться либо две такие же фигурки, либо одна. Голова плавно перетекает в гипертрофированно длинную, чуть изогнутую шею (1,3 см). Шея переходит в сильно стилизованное тело с приподнятым хвостиком. От тела небольшими канавками отделяются ноги, имеющие вертикальные небольшие прорезы размерами 0,7х0,2 см. Оконечности ног неровные, со следами залощения (рис. 1 – 5). Не исключено, что фигурка должна была крепиться нога-

ми к какой-то поверхности, и все изделие в целом могло являться навершием, конструктивным элементом какого-то целого предмета. Многие неровности, каверны, большие и мелкие, могли образоваться при технологическом процессе литья, что позволяет предполагать некачественную отливку. Размеры изделия: длина – 3,7 см; максимальная ширина – 2,5 см.

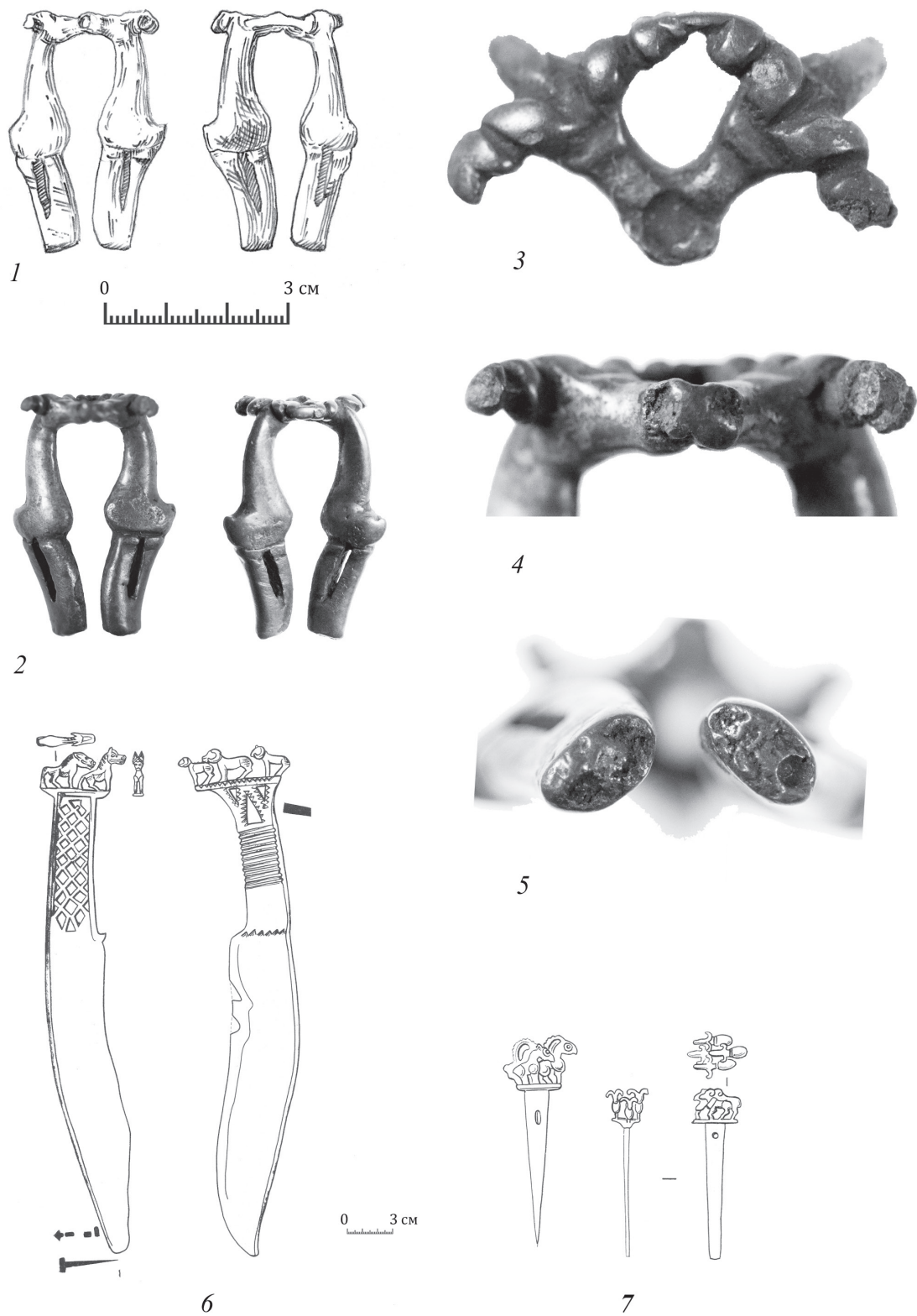

Рис. 1. Зооморфная скульптура из бронзы: 1, 2 – общий вид; 3 – вид сверху; 4 – вид сбоку на спайку; 5 – вид снизу; 6 – сейминско-турбинские однолезвийные ножи; 7 – параллели сейминско-турбинским скульптурам из Минусинского края (6, 7 – по: Членова 1972: 233 рис. 1, 2, табл. 69; 235 рис. 7, 8, табл. 71)

Экспонированное состояние данной находки не позволяет нам с четкой уверенностью отнести ее к какой-либо конкретной археологической эпохе и соотносить с известной художественной традицией. Однако, согласно публикациям, посвященным искусству бронзового и железного веков, а также эпохи средневековья, можно предполагать наличие в данном изделии ряда элементов так называемой скифо-сибирской художественной традиции (VIII–II вв. до н.э.). Для нее характерны «простота и графичность образов, обостренная выразительность, подчеркивание форм тела» (Богданов, 2006: 22) и т.д. Однако, похожие по стилистике предметы (Членова, 1972: 233 рис. 1, 2, табл. 69; 235 рис. 7, 8, табл. 71) мы находим в произведениях древних мастеров сейминско-турбинской культуры («сейминско-турбинский межкультурный феномен») (Черных, Кузьминых, 1989) (рис. 1 – 6, 7). Термин охватывает металлические изделия, обнаруженные в большом количестве погребений на огромной территории лесостепной полосы Евразии. Сложение феномена происходило, по-видимому, на основании синтеза двух компонентов: «алтайского» (степи, лесостепи и предгорья Алтая) – племен металлургов и коневодов, и «таежного» – племен подвижных таежных охотников и рыболовов, населявших пространство от Енисея до Байкала, с которыми связан богатый каменный и костяной инвентарь, а также украшения из нефрита. Датируются находки этого феномена серединой II тыс. до н.э. (XVI–XIV вв. до н.э.).

Проблема датирования найденной фигурки остается открытой. Прямых аналогов этой зооморфной скульптурке на данный момент нам не известно. Эта, к сожалению, случайная находка в очередной раз свидетельствует о том, что геолого-географическая уникальность территории Северного Приангарья созвучна палеокультурно-исторической значимости.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Г.И. Медведев

Список литературы

- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М. : Изд-во АН СССР, 1951.
- Савинов Д.Г. От редактора // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 3.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М. : Наука, 1989.
- Членова И.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М. : Наука, 1972.

А.В. Иващенко

*Новосибирск, Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

ТАШТЫКСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ПОДВЕСКИ В ВИДЕ ПРОТОМ ЖИВОТНЫХ: ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ*

Одной из самых распространенных, но одновременно и малоизученных категорий предметов сопроводительного инвентаря таштыкской культуры являются бронзовые подвески в виде протом – животных, развернутых в противоположные стороны. Существующая в литературе неоднозначность их определения напрямую связана с неоднозначностью и сложностью представленных на подвесках образов (Иващенко, 2012: 37). Образы не всегда ясны, многие из них переданы в условной манере. С определенной уверенностью можно считать, что подвески изготавливались специально для погребального культа (Савинов, 1985: 130). О том, что дан-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: НИР 6.2069.2011.

ные артефакты являются подвесками, свидетельствуют отверстия в них, расположенные чаще всего в нижней части, реже на голове или шее животного (Готлиб, 2007: 19).

Существуют определенные трудности с семантическим определением таштыкских подвесок. В научной литературе можно встретить ряд гипотез, связанных с попытками их семантического прочтения.

Одна из представленных гипотез построена на основе анализа образов иранской (или даже несколько шире – индоевропейской) мифологии. Н.Б. Крыласова, рассматривая сюжеты на роговых зооморфных гребнях с парными изображениями конских голов, отмечает, что их истоки связаны с иранской мифологией, которая в значительной степени повлияла на формирование мировоззрения и мифологической системы народов Урала и Западной Сибири (Крыласова, 2007: 79). Опираясь на более широкий мифологический фон, многие исследователи обращаются к популярному мотиву божественных близнецов (древнеиндийских Ашвинов и греческих Диоскуров), которых представляли в виде двух коней.

Еще одна возможная трактовка протом связана с их семантическим определением в качестве воплощения Богини-матери-земли и Культа солнца (Крыласова, 2007: 78). К данной трактовке близко и другое прочтение образа парных коней, как символа движения солнца с запада на восток. Обращенные в противоположные стороны животные «замкнули сакральное пространство», нижнее животное провожает солнце на закате, а остальные – встречают восход светила (Маточкин, 2007: 132).

Нельзя исключить и предположение о замене животных их символическими изображениями при совершении погребального обряда. В качестве примера можно назвать находки статуэток оленей в таштыкских склепах. По мнению Л.Р. Кызласова, они предназначены, «чтобы заменить собой для упокоившейся знати в загробном мире живых, реально существовавших в действительности животных» (Кызласов, 1960: 135).

Л.Р. Кызласов является соавтором и другой гипотезы, объясняющей семантическую связь таштыкских протом с архетипом «Мирового древа», «Древа жизни» и «Плодоносящего начала».

Образной иллюстрацией мифа о «Мировом древе» служат изображения двух вздыбленных коней, мощными копытами поддерживающих «Древо жизни», являющееся «Осью Земли». По одному из вариантов мифа, «Мировое древо» поддерживается двумя противопоставленными кентаврами, символизирующими, как и само древо, соединение неба и земли (Кызласов, Король, 1990: 34–35). Стоит обратить внимание, что в данном сюжете головы коней не направлены в разные стороны, а обращены друг к другу, что характерно для так называемого геральдического стиля. В искусстве многих народов можно обнаружить изображение «Древа жизни», сопровождаемого парными изображениями животных, символизирующих плодоносящее начало и производящие силы природы (Там же, 1990: 162).

Гипотеза о назначении таштыкских протом в качестве оберегов была предложена В.Э. Семашкевичем. Вслед за многими исследователями он отнес парность протом к мотиву «близнецов» и связанному с ними близнецному культу (Семашкевич, 2000: 129). Обратившись к тагарским «пнн», в типогенетическом отношении близким к таштыкским протомам, В.Э. Семашкевич высказал предположение, что эти предметы служили для охранения мужчины от бед и сохранения женщин от бесплодия. Однако, на наш взгляд, применительно к погребальному обряду предложенная гипотеза внутренне противоречива, особенно во второй ее части.

Возможно, бронзовые подвески в виде протом животных в памятниках таштыкской культуры являются изображением парной упряжки коней, что делает их семантическую трактовку еще более широкой. На Тепсейской планке есть изображение двух быков, запряженных парно (Грязнов, 1979: 145), а на Ташебинской планке нанесен рисунок двух коней с

перекрещивающимися головами, стилистически близкий контурным изображением коней на бронзовых парных таштыкских подвесках.

На наш взгляд, наибольшего внимания заслуживает гипотеза, связанная с функциональным назначением протом. Обращает на себя внимание два момента: приуроченность подвесок к погребениям и расположение отверстий на них преимущественно в нижней части, означающей, что они могли нашиваться на погребальную одежду (до момента сожжения тела) в перевернутом положении.

Перевернутость коньков могла играть апотропеическую роль, обозначая их «причастность» к миру мертвых. Толстой Н.И., приводя ряд примеров подобных случаев, упоминает и «перевернутость некстати» (Толстой, 1990: 124). Несмотря на то, что переворачивание предметов фиксируется не только в погребальном обряде, но и в других окказиональных обрядах (защита от града, лечение ребенка), можно отметить ритуально заданную ограниченность переворачиваемых предметов.

Таштыкские подвески можно рассматривать в качестве универсалии в рамках корреляций «живой – мертвый», «день – ночь», «правый – левый» и т. д., осложненную символикой конкретных животных и бинарностью их изображений. На наш взгляд, парные коньки носили характер своеобразного транслятора между миром живых и миром мертвых, маркируя отношение умершего к иному миру.

Научный руководитель: к.и.н. О.А. Митько

Список литературы

Готлиб А.И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. – Новосибирск : Хакас.гос.ун-т им. Н.Ф. Катанова, Новосиб. гос. ун-т, 2007. – С. 8–38.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск : Наука, 1979. – С. 89–146.

Иващенко А.В. Бронзовые подвески в памятниках таштыкской культуры: от образа к понятию // Материалы 50-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2012. – С. 37–38.

Крыласова Н.Б. Зооморфные роговые гребни в материальной культуре севера Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1 (29). – С. 73–80.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-минусинской котловины. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М. : Наука, 1990.

Маточкин Е.П. Петроглифы Комдош-Боома // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 2 (30). – С. 125–135.

Савинов Д.Г. Шаманистские представления таштыкских племен по археологическим данным // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1985. – С. 128–131.

Семашкевич В.Э. К проблеме семантики загадочных предметов тагарской культуры // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб., 2000. – С. 126–133.

Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в обл. балто-славянской дух. культуры: Погребальный обряд. – М. : Наука, 1990. – С. 119–129.

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ПЛЕМЕН ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ
НА ТЕСИНСКОМ ЭТАПЕ (III–I вв. до н.э.)**

В I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири происходит генезис археологических культур, которые можно отнести к скифо-сибирской культурно-исторической общности (Мартынов, 1979: 9–13). В Горном Алтае и Туве зарождаются племенные союзы полукочевников: пазырыкский и уюкский, в Хакасско-Минусинской котловине и на территории верховья Чулыма динамично развивается оседлая тагарская культура, с которой некоторые ученые связывают появление первого южно-сибирского государства, зафиксированного в древнекитайских исторических сочинениях как «Динлинго»-«государство Динлин» (Теплоухов, 1929: 46; Кызласов, 1960: 161–166; Савинов, 1994: 8).

Наличие культурных связей внутри данных объединений раннегосударственного типа находит свое подтверждение и в идеологическом единстве культур скифо-сибирского мира, обуславливаемых общностью идейно-мифологической системы, сходством погребальных обрядов и повсеместным распространением звериного стиля в искусстве. В 80-х гг. XX в. ряд ученых, занимаясь изучением духовной культуры древних кочевников Евразии, пришли к единому мнению, что в их религии значительное место занимает комплекс зороастрийских представлений, восходящий к общей индоиранской религиозно-мифологической традиции (Шер, 1980; Кызласов, 1986; Мартынов, 1989).

Значительные изменения культур скифо-сибирского круга Южной Сибири начинают происходить в III в. до н.э., что было связано с хуннской экспансией и последующей активизацией миграционных процессов. В 201 г. до н.э. шаньюй Маодунь предпринял военный поход, в результате которого «покорил на севере владения хуньюев, цюйше, гэгуней, динлинов и синьли» (Таскин, 1968: 41). Можно предполагать, что первоначально в зону влияния хунну попали племена Алтая и Тувы, население которых в значительной степени было вытеснено пришельцам и мигрировало в более отдаленный и безопасный район Хакасско-Минусинской котловины (Кызласов, 1960: 161–162; Кузьмин, 1989: 27). Известно, что на протяжении III–I вв. до н.э. на территории данного района происходит увеличение монголоидной примеси в этническом составе населения, что можно связывать с проникновением тюркоязычных гянгуней из северо-западной Монголии в динлинскую европеоидную среду, возможно части знатного населения Саяно-Алтая, а также представителей уюкской и шурмакской культуры Тувы (Кызласов, 1960: 165; Маннай-Оол, 1970: 107; Кузьмин, 1989: 26–27).

Проникновение новых этнических элементов в индоиранскую культурную среду привело к трансформации ритуально-мифологической системы в первую очередь внутри местной тагарской культуры. Так, на основе синтеза в III–I вв. до н.э. сложилась во многом оригинальная культура переходного тесинского этапа, которая создала предпосылки для дальнейшего формирования и развития таштыкской культуры.

На тесинском этапе происходит коренное переосмысление погребального обряда. Его характерной чертой является одновременное сосуществование трех форм погребальных сооружений, которые отражают сложность социальной структуры общества того времени и его этническую неоднородность. Это курганы-склепы, отдельные грунтовые могильники, содержащие от 8 до 100 и более захоронений, что резко отличает их от раннетагарских, а также впускные захоронения (Пшеницына, 1979: 70). Согласно общепринятой гипотезе М.П. Грязнова, эти захоронения являются родовыми склепами, где на протяжении долгого времени осуществлялся обряд подхоранивания покойников разного пола и возраста к уже имеющимся захоронениям. Возможно, что подобные склепы могли функционировать в течение ста и более лет, по истечению которых были закрыты и сожжены (Грязнов, 1986: 191). Судя по тому, что

без доступа воздуха часть камеры только обугливалась, а не сгорала полностью, Э.Б. Вадецкой было выдвинуто мнение, что сжигание камеры носило сугубо символическое значение и было связано с дальнейшей эволюцией культа огня (Вадецкая, 1986: 83–84).

Во многом благодаря распространению обряда трупосожжения на месте можно делать выводы об эволюции ритуальной системы на тесинском этапе. Прежде всего это касается обряда мумификации и посмертных операций над телом в результате которых удалялись мягкие ткани, трепанировался череп, а кости скелета скреплялись с помощью прутьев и веревок. Важно было передать облик покойного, для чего широкое распространение получают лицевые маски из глины, передающие портретное сходство. Вне сомнения, создание подобных кукол было связано с религиозными воззрениями того времени и, в частности, отражало культ «живого покойника» (Вадецкая, 1986: 85–86). В связи с этим, интересна позиция Н.Ю. Кузьмина, который, ссылаясь на омолаживание даты для сооружения царского кургана Салбык (во второй половине III в. до н.э.), делает предположение о перенесении культового центра из Саяно-Алтая под натиском хунну на территорию Хакасско-Минусинской котловины и, соответственно, миграции сюда части знатного населения пазырыкской культуры. Именно с культурным воздействием жрецов-шаманов он связывает распространение посмертных операций, которые представляют собой синкретическое слияние местных верований и алтайской культовой практики (Кузьмин, 1992: 129; Кузьмин, 1989: 27).

Представленная эволюция религиозного сознания с изменением ритуально-культовых практик говорит прежде всего о существовании в обществе тесинского этапа организованной системы жреческой кооперации, которая могла не только осуществлять сложный погребальный обряд согласно канонам, но и поддерживать подобную практику. Если принимать во внимание, что эта организация имела пришлое происхождение и действительно была связана с культовым центром Алтая, где на рубеже III–II тыс. до н.э. происходит зарождение шаманизма на основе местной индоевропейской ритуально мифологической системы, то можно предположить, что часть элементов шаманской культуры была привнесена на территорию Хакасско-Минусинской котловины вместе с мигрирующей знатью в III–I вв. до н.э., что также повлияло на дальнейшую трансформацию религиозной сферы внутри данного региона.

Таким образом, можно говорить о том, что в III в. до н.э. территория Хакасско-Минусинской котловины стала ареной для взаимодействия разных этнических образований и культурных традиций, повлекших за собой синтез элементов новой культуры. Именно в это время происходят значительные изменения как внутри материальной культуры, так и духовно-культовых практик населения данного региона.

Научный руководитель: к.и.н. доц. А.Н. Мухарева

Н.А. Константинов

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)*

Одним из основных источников для изучения хозяйственной деятельности древнего и средневекового населения являются поселенческие материалы. На российской части Алтая поселения изучены слабо, что не лучшим образом отразилось на состоянии изучения хозяйства древнего населения Алтая. На сегодняшний день имеются определения остеологических материалов с нескольких поселений, основные материалы которых относятся к

* Работа выполнена в рамках проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№ 6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации.

первой половиной I тыс. н.э. Это поселения Майма-1, Нижний Чепош-3 и 4, расположенные в Северном Алтае (Абдулганеев М.Т., 1991; 1998; Онищенко С.С., 2011). Также имеются определения остеологических материалов из верхнего слоя поселения Тыткескень-3 (Кунгуров А.Л., 1994). Первоначально самый верхний слой был отнесен к раннему средневековью, но сейчас автор раскопок изменил мнение по поводу его датировки и связывает слой с гунно-сарматским временем (мы выражаем признательность А.Л. Кунгурову за пояснения по поводу датировки поселения). Материалы других поселений, датировка слоев которых точно не установлена и вызывает дискуссии, нами не учитываются.

Майма-1. Поселение Майма-1 открыто Б.Х. Кадиковым в 1956 г. и исследовалось разными учеными в конце 70-х – 90-е гг. XX в. и в начале 2000-х гг. (Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бордовская Е.Л., 2008: 21–23). В результате работ на поселении М.Т. Абдулганеев в 1991 г. выделил майминскую культуру гунно-сарматского времени, к которой был отнесен основной материал памятника (Абдулганеев М.Т., 1992). Также на поселении были получены материалы быстринской культуры раннего железного века и каменные орудия эпохи верхнего палеолита (Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бордовская Е.Л., 2008: 23). Наиболее масштабные раскопочные работы на памятнике проводились в 1991 и 1994 гг. под руководством М.Т. Абдулганеева. Остеологические определения были получены А.В. Гальченко для коллекции 1991 г.

А.В. Гальченко удалось определить видовую принадлежность для 3872 фрагментов костей животных из материалов раскопок 1991 г. Из них 23% (872 фрагмента) принадлежит диким животным (Абдулганеев М.Т., 1991). Учитывая, что основное количество находок относится к первой половине I тыс. н.э., можно предположить, что подавляющая часть остеологической коллекции также относится к этому периоду.

Среди остеологических материалов удалось выявить фрагменты костей косули, кулана, марала, кабана (свиньи?), барсука, лисы, сурка, зайца, суслика, медведя, птиц. Более половины всех фрагментов костей диких животных принадлежат косуле. Значительное количество фрагментов было отнесено к частям скелета кулана. Значительно меньше зафиксировано костных остатков марала и кабана (свиньи?). Находки костей пушных зверей представлены фрагментами костей лисы. Единичными образцами представлены фрагменты костей барсука, суслика, зайца, медведя, сурка.

Тыткескень-3. Поселение Тыткескень-3 расположенное в долине Средней Катунь было открыто Н.Ю. Кунгуровой в 1985 г. Раскопочные работы были проведены в 1988–1991 гг. экспедицией АлтГУ. Поселение многослойное, наиболее древние слои относятся к эпохе палеолита и мезолита. Также были зафиксированы слои эпохи бронзы и раннего железного века. Первоначально самый верхний слой поселения был отнесен к раннему средневековью (Кунгуров А.Л., 1994: 44, 46).

Из всей остеологической коллекции, полученной на поселении, остеологу А.В. Гальченко (Кунгуров А.Л., 1994: табл. 1) удалось определить до видовой принадлежности 729 фрагментов костей. Из них 26% (187 фрагментов) принадлежали диким видам животных.

Сложилось следующее соотношение фрагментов костей диких животных: косуля – 135 фрагментов костей (минимум от 12 особей), кулан – 18 (2), марал – 16 (4), сибирский горный козел – 14 (3), лось – 2 (1), кабан (свинья?) – 1 (1), птица – 1 (1).

Нижний Чепош-3. Первое упоминание о городищах Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 относятся к концу XIX в. Начало археологическому изучению городищ было положено работами П.И. Шульги в 80–90-е гг. XX в. В 2001 г. на городищах проводились разведочные работы А.А. Тишкиным и И.Л. Кызласовым. С начала 2000-х памятники несколько раз осматривались В.И. Соёновым. В 2009 г. под его руководством на обоих городищах было заложено по одной траншее. В результате работ была установлена хронологическая принадлежность и сделан вывод о принадлежности городищ к памятникам майминской культуры гунно-сарматского времени. Полученный материал, позволяющий охарактеризо-

вать некоторые направления хозяйственной деятельности населения городищ (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В., 2011).

Полученная немногочисленная остеологическая коллекция с городищ исследовалась С.С. Онищенко. Им было отмечено, что остатки фрагментов скелетов охотничье-промысловых зверей немногочисленны и, чаще всего, представлены единичными образцами.

Костные остатки, принадлежащие к диким видам животных, зарегистрированы только на городище Нижний Чепош-3. На городище Нижний Чепош-4 костей диких животных зафиксировано не было. Сложилось следующее распределение определимых фрагментов костей диких животных по видам: косуля сибирская – 9, благородный олень или марал – 2, лось, бурый медведь, заяц-беляк, лисица обыкновенная по одному фрагменту. Как показал анализ костных остатков диких животных, фрагменты скелетов косули,

марала и медведя, вероятно, относятся к взрослым животным (Онищенко, 2011: 99).

Фрагменты костей диких животных, обнаруженных в культурном слое памятника, говорят об употреблении их мяса в пищу. Остеологические материалы редко дают данные для изучения пушного промысла. Учитывая эти и другие особенности остеологических источников (Антипина, 2007), можно получить довольно важные выводы по охотничьей деятельности населения Алтая в I тыс. н. э.

Так, находки фрагментов костей взрослых особей на городище Нижний Чепош-3 свидетельствуют о наличии системы ограничений, контролирующей охотничий промысел. Подобная система ограничений зафиксирована у алтайцев в этнографическое время (Фролова, 2009: 233). Скорее всего, молодых животных старались сохранить.

Подавляющее превосходство костных остатков косуль позволяет рассматривать ее как основного эксплуатируемого вида мясного направления охоты. Впрочем, такая же ситуация зафиксирована на большинстве поселений Горного Алтая, материалы которых подверглись остеологическому анализу.

Кроме прочего, данные остеологии свидетельствуют об изменениях в ареалах распространения диких животных. Например, данные поселений Тыткескень-3 и Майма-1 говорят о значительном присутствии на Алтае в гунно-сарматское время кулана. Сейчас в российской части Алтая этот вид не обитает.

Значительная доля костных остатков диких животных (23–26 % от общего числа определимых) на поселениях Тыткескень-3 и Майма-1 говорит о важной роли охоты в обеспечении населения Алтая гунно-сарматского времени мясной пищей. Небольшая доля фрагментов костей диких животных в материалах Нижнего Чепоша-3 может быть объяснена небольшими объемами работ, проведенных на памятнике и немногочисленностью остеологической коллекции.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. В.И. Соёнов

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Отчет о раскопках поселения Майма-I летом 1991 года. (Архив Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина). – Горно-Алтайск, 1991.

Абдулганеев М.Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 52–53.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма I и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 165–171.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск, 2008.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 43–58.

Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В. Чепошские городища. – Горно-Алтайск : ГАГУ, 2011.

Онищенко С.С. Анализ остеологических материалов памятников Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 // Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В. Чепошские городища. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 89–102.

Фролова И.Д. Экологическое поведение алтайцев при использовании пищевых ресурсов дикой природы // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4/3(64). – С. 233–235.

Е.А. Константинова

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ*

Текстильные изделия в погребениях II в. до н. э. – V в. н. э. Горного Алтая – относительно нечастая находка, несущая объем полезной информации, ограниченной состоянием сохранности. Традиционно внимание исследователей привлекают находки фрагментов шелковых тканей. Это обусловлено их импортным происхождением и, соответственно, свидетельством внешнеторговых и дипломатических связей (Соёнов, Глебова, 2003: 88). Изучение шерстяного местного текстиля данного периода, как правило, связано с различного рода реконструкциями костюма (Худяков, 2002; Тишкин, 2005). Изучение технологических особенностей даёт возможность для выявления местной традиции производства текстиля.

Источниками по изучению текстильного производства, помимо самих фрагментов тканых и вязаных изделий, служат такие археологические материалы, как отпечатки текстиля на предметах (металлических изделиях), пряслица.

В рамках данной темы нами были изучены остатки тканых и вязаных изделий из погребений гунно-сарматского времени Горного Алтая. Исследованы группы предметов, имеющие на поверхности остатки ожелезнённой ткани либо её отпечатки. Эти материалы не опубликованы и хранятся в фондах Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина и Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета. Также рассмотрены, в качестве средств производства, пряслица этого периода.

Изучение коллекций происходило на основе органолептического метода при помощи увеличительных стёкол с двояковыпуклой линзой.

Ткани и их отпечатки оценивались по таким параметрам, как количество нитей на 1 см по основе и по утку, тонины нитей основы и утка, направления крутки нитей основы и утка, способ переплетения нитей в полотне.

Таким образом, образцы тканей из погребений 60 и 67 могильника Айрыдаш-I и погребения 30 могильника Степушка-2 имеют полотняное переплетение и Z-крутку нитей и по основе, и по утку. Остальные параметры имеют некоторые расхождения. По плотности ткани делятся на две разновидности. Первая – от 5 до 10 нитей на 1 см по основе и от 15 до 20–22 нитей на 1 см по утку. Вторая – от 12 до 15 нитей на 1 см по основе и от 28 до 32 нитей на 1 см по утку. Прослеживается и некоторая закономерность плотности ткани и тонины ни-

* Работа выполнена в рамках реализации проекта госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011).

тей. Так, первая группа тканей имеет большую тонины нитей основы (от 0,3–0,4 до 0,8 мм) и утка (от 0,5 до 0,9 мм). У второй группы показатели несколько ниже: по основе – 0,1–0,2 мм, по утку – 0,2–0,3 мм.

Таким же образом была исследована ожелезнённая ткань и ткань в виде отпечатков на металлических предметах из объектов 2, 7, 8, 19, 20, 40, 48 могильника Степушка-2, погребений 21, 31, 53, 60, 79, 107, 126, 144, 148, 149, одного неизвестного погребения могильника Айрыдаш-I, кургана 2 могильника Чендек, кургана 5 могильника Бике-I и погребений 22, 30, 19, 37 могильника Верх-Уймон. Данная группа источников даёт более скудную информацию, чем предыдущая. Все образцы имеют Z-крутку по основе и по утку. Тонина нитей определима только по утку и колеблется как минимум от 0,3 мм и максимум до 0,9 мм. Фрагменты имеют полотняное переплетение нитей, в некоторых случаях близкое к репсовым тканям.

Нами были рассмотрены фрагменты трикотажей из погребений 60 и 67 могильника Айрыдыш-I и из объектов 7 и 8 могильника Степушка-2. Все образцы имеют Z-крутку нити и тонины от 0,2 до 0,5 мм. Ширина одной петли 1–2,5 мм. Удалось выявить несколько рисунков, основанных на чередовании лицевых и изнаночных петель. Первый – чередование одной изнаночной и одной лицевой петель, второй – чередование двух изнаночных и двух лицевых петель, третий – сплошное полотно лицевых петель, четвертый – чередование двух лицевых и двух изнаночных петель, переходящее в сплошное полотно лицевых петель.

Характеризуя следующую группу источников по производству текстильной продукции – пряслица, следует отметить, что это самая обширная группа, но при этом самая малоинформативная. Это средство труда, появившееся ещё в неолите и усовершенствованное процесс прядения (Семёнов, Коробкова, 1983: 130), практически не претерпело изменений за долгий период своего существования. Появлялось разнообразие форм и разновидностей материалов для их изготовления. Среди материалов из погребальных и поселенческих памятников гунно-сарматского времени Горного Алтая нами было выделено более 40 экземпляров. Изделия имеют разнообразную в сечении форму, без преобладания какой-либо – дисковидную, цилиндрическую, полусферическую, биконическую, подтрапецевидную, шарообразную. В качестве материала использованы глина, камень, кость. В большей степени глина и мягкий камень. Диаметр пряслиц составляет 4–5 см, в некоторых случаях – около 3 см. Диаметр центрального отверстия – около 0,8 см. Таким образом, какой-либо полезной информации для изучения технологических аспектов текстиля данная группа источников не даёт. За исключением того, что центральное отверстие, предназначенное для сопряжения с веретеном, имеет практически фиксированный размер. Так, диаметр сечения веретена должен быть соответствующим. Такие размеры, очевидно, связаны с удобством использования инструмента.

Итак, мы можем говорить как минимум о трёх различных по плотности разновидностях полотняной ткани – средней плотности, высокой плотности, репсовые ткани. По плотности ткани разделились на две группы – относительно тонкую и средней толщины. Производство тонких тканей в основном было ориентировано на такое качество, как эластичность, а ткани толстых нитей на непроницаемость. Ткани из средних нитей имели полифункциональный характер (Глушкова, 2002: 87). Определение принадлежности к какой-либо разновидности одежды затрудняет отсутствие информации о местоположении фрагментов внутри погребения.

Археологические свидетельства текстильного производства из погребений гунно-сарматского времени соответствуют и продолжают общую традицию изготовления шерстяных тканей в раннем железном веке на территории как Горного Алтая, так и Западной Сибири – одинаково скрученные нити основы и утка, различие в толщине нитей основы и утка (тонина уточной нити несколько больше основной) (Садако Като, 1994: 111–114; Глушкова, 1994: 114–121; Глушкова, 2000: 158–161; Глушкова, 2002: 94; По-

лосьмак, Баркова, 2005: 32, 177). Кроме того, ткани полотняного переплетения, наряду с тканями другого характера переплетения, продолжают изготавливать до начала XX в. народы Сибири. Для их производства применялся горизонтальный ткацкий станок с одной ниченкой (Попов, 1955; Карасёва, 2007: 60), что, очевидно, актуально и для исследуемых тканей.

Из шерстяных нитей, шедших на производство трикотажа, получалась тонкая, но тёплая материя, которая могла идеально подходить для нижней нательной одежды, что подтверждается археологическими свидетельствами (Худяков, 2002: 104). Приспособлениями для изготовления трикотажа, очевидно, служили две (или более) спицы (крючки), подобные тем, что широко используются в современном мире для ручной вязки.

Изготовление вязаных изделий и ткачество традиционно было женским занятием, что находит отражение в этнографии (Вербицкий, 1993; Потапов, 1953; Попов, 1955), а производимая продукция главным образом использовалась внутри хозяйства или отдельной семьи.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. В.И. Соёнов

Список литературы

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 1993.

Глушкова Т.Н. Плетение и ткачество в раннем железном веке (по материалам могильника Ак-Алаха-I) // Стерегущие золото грифы. – Новосибирск, 1994. – С. 114–121.

Глушкова Т.Н. Традиции изготовления пазырыкских тканей // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск, 2000. – С. 158–161.

Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут ; Новосибирск : Изд-во СурГПИ, 2002.

Карасёва Н.К. Домашнее производство кумандинцев предгорного Алтая в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. – Барнаул, 2007. – С. 59–64.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). – Новосибирск : Изд-во «ИНФОЛИО», 2005.

Попов А.А. Прядение и ткачество у народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. 16. – 1955. – С. 41–146.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953.

Садако Като. Штаны из погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха I // Стерегущие золото грифы. – Новосибирск, 1994. – С. 111–114.

Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит, неолит. – Л. : Наука, 1983.

Соёнов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шёлковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск. – С. 88–89.

Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 195–201.

Худяков Ю.С. Реконструкция женского костюма кочевников хуннского времени Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 102–113.

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НАЗИМОВА-1 В ГОРОДЕ ВЛАДИВОСТОКЕ

Памятник Назимова-1 был открыт в 2007 году в результате археологического обследования на территории строительства мостового перехода на о-в Русский, проводившегося экспедицией отдела археологических экспертиз КНИИ ДВГУ (руководитель отряда А.Н. Попов) по заданию НПО «Мостовик» (Дорофеева, 2008). Во время строительства мостового перехода на участках памятника возникла угроза разрушения культурного слоя, что потребовало проведения ряда охранных мероприятий.

Памятник находится в северо-западной части полуострова Назимова, обращенной в сторону бухты Улисс и пролива Босфор Восточный. Памятник занимает площадку шириной до 50 м и длиной до 150 м (около 7500 кв. м) на пологом склоне мыса, постепенно снижающемся в сторону береговых обрывов (высота площадки над уровнем уреза воды 20–25 м). Рельеф склона сильно нарушен в результате хозяйственной деятельности в конце XIX–XX вв. Однако, несмотря на нарушения дневной поверхности, на территории памятника сохранились участки с непо потревоженным культурным слоем, так, в центральной части памятника зафиксирован выход на поверхность древней раковинной кучи на площади около 200 кв. м. Раковинная куча является бесценным источником информации – это антропогенное напластование раковин моллюсков, внутри которого образуется щелочная среда, способствующая сохранению изделий из кости. В Приморье на ряде памятников в раковинных кучах встречены погребения.

На памятнике дважды проводились археологические охранно-спасательные исследования – в 2008 и 2012 гг. (Попов, 2009; 2013). В 2008 г. на памятнике было заложено два раскопа. Раскоп № 1 (96 кв. м) был заложен в центральной части памятника, в наиболее перспективном для исследований месте, там, где на дневной поверхности был зафиксирован выход раковинной кучи. Раскоп № 2 (40 кв. м) – в южной части памятника. В результате работ 2008 г. была собрана коллекция артефактов и экофактов в количестве более 27 тыс. экз., из них основная масса (97 %) была обнаружена в раскопе № 1, в слое залегания раковин.

В 2012 г. в центральной части памятника был заложен раскоп (406 кв. м.), который стал продолжением раскопа № 1 2008 года. В северной части памятника был заложен раскоп № 3 (84 кв. м). В результате исследований 2012 г. на памятнике была собрана коллекция артефактов и экофактов в количестве более 28,5 тыс. экз.

Материалы памятника представлены в целом следующими категориями изделий:

1. Изделия из камня – как правило, обработанные шлифованием, за исключением рыболовных грузил. Качество обработки варьируется в зависимости от материала и назначения изделия – от грубой шлифовки до прекрасной глянцевой полировки. Из каменных изделий на памятнике встречены: грузила, изготовленные двумя способами – в первом случае на противоположных сторонах уплощенной гальки сделаны выбоины для крепления веревки, во втором на сферической или удлинненно-сферической гальке выбит опоясывающий желобок: наконечники стрел, изготовленные из темно-серого сланца или кремнистого сланца светло-зеленых тонов, листовидной или близкой к ней формы, шестигранного, переходящего к острию в четырехгранник, реже четырехгранного или линзовидного сечения; наконечники дротиков: шлифованный наконечник дротика из серого сланца с выделенным насадом, линзовидный в сечении; шлифованный наконечник дротика из плотной зелено-каменной породы, лавролистный, линзовидного сечения; из светло-зеленого кремнистого сланца, шестигранный в сечении, с выделенной лезвийной частью; наконечники гарпунов с просверленными отверстиями; отбойники – удлиненные, округлые в сечении гальки со

следами использования – забитостями; абразивы – плоские плитки мелкозернистого песчаника со следами использования в качестве шлифовального камня в виде параллельных царапин; ножи; лощила – гальки небольшого размера, имеющие заполированную поверхность с мелкими царапинами; топоры – массивные шлифованные орудия из грубозернистых пород камня, прямоугольные в сечении и плане (все образцы сильно изношены, рабочие части сильно забиты); тёсла – в отличие от топоров изготавливались из мелкозернистых пород, и отполированы до блеска, в сечении прямоугольные, с немного скругленными гранями, в плане трапецевидной формы; обломки ладьевидных и сегментовидных курантов и зернотерки.

2. Изделия из кости: крупные орудия из рога, которые могли использоваться в качестве мотыг; острия – представляют собой заостренные стержни из кости, круглого или плоско-овального сечения; украшение – подвеска из части эпифиза крупного сустава, полусферической формы, с просверленным у края отверстием; проколки из костей рыбы и животных; детали составных рыболовных крючков, наконечники гарпунов поворотного типа.

3. Керамическая посуда. Технично-технологические показатели: вся керамика ручной лепки, визуально определенный состав теста – глина + песок, глина + дресва, стенки сосудов формировались ленточным кольцевым налепом. Поверхности, как внешняя, так и внутренняя, покрыты слоем тонкодисперсной глины и заглажены, а некоторая часть стенок имеет среднего качества лощение. Обжиг костровой, при средних температурах. Цвет от кирпично-оранжевого до темно-коричневого, практически черного, в изломе нередко фиксируется серая полоса – свидетельство низкой температуры обжига. О морфологии сосудов можно судить только по крупным фрагментам и некоторым характерным деталям. Это сосуды горшковидной формы; амфоровидные сосуды с высокой горловиной; чаши и миски, в том числе на невысоких конических поддонах. Орнаментация: керамика либо без орнамента, либо имеет прямолинейные геометрические узоры, состоящие из прочерченных линий или налепных валиков. Зоны орнаментации – верхняя треть сосуда.

4. Кроме посуды на памятнике встречены другие изделия из глины – пряслица, некоторые из них орнаментированы сложными узорами из прочерченных линий и наколов.

В целом в 2008 и 2012 гг. на памятнике Назимова-1 раскопками было изучено более 700 кв. м. площади памятника и получена коллекция находок в количестве более 55 тыс. экз. Памятник отнесен к янковской культуре раннего железного века (VIII – I вв. до х. э), его материалы находят аналогии в материалах ранее исследованных памятников: Песчаный-1, Славянка-1, -2, Малая подушечка и др. (Андреева и др., 1986; Окладников, 1959)

Основываясь на данных, полученных при раскопках памятника, и исходя из геоморфологии его расположения, можно сделать вывод о характере данного объекта как о месте добычи и разделки продуктов морского промысла и охоты на суше и предположить высокую вероятность расположения неподалеку от оконечности мыса Назимова древнего поселения раннего железного века, обнаружение следов которого не представляется возможным ввиду сильного антропогенного воздействия на данную местность в последние два столетия. На сегодня памятник лишь частично изучен раскопками и является перспективным объектом для дальнейших изысканий. Расположение памятника на территории города требует особого внимания к его сохранению как со стороны археологов, так и строителей.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. А.Н. Попов

Список литературы

Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура. – М. : Наука, 1986. – С. 216.

Дорофеева Н.А. Археологические исследования в г. Владивостоке и Дальнегорском районе Приморского края в 2007 году. Научный отчет // Архив Музея археологии и этнографии УНМ ДВФУ. – 2008. – № 23. – С. 36.

Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока // МИА. – 1963. – № 112. – С. 355.

Попов А.Н. Охранно-спасательные археологические исследования на памятнике Назимова-1 в г. Владивостоке в 2008 году : научный отчет // Архив Музея археологии и этнографии УНМ ДВФУ. – 2009.

Попов А.Н. Охранно-спасательные археологические исследования на памятнике Назимова-1 в 2012 году (Приморский край, г. Владивосток, п-ов Назимова) : научный отчет // Архив Музея археологии и этнографии УНМ ДВФУ. – 2013.

О.С. Лихачева

Барнаул, Алтайский государственный университет

КОПЬЯ И ДРОТИКИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Одним из наиболее древних и распространенных видов вооружения, несмотря на свою узкую специализацию, является копье. Первые наконечники для них изготавливались еще из камня. В эпоху металла данный вид оружия также остается популярным благодаря простоте изготовления и высокой боевой эффективности (Горелик, 2003: 53–54, табл. XXXIII). В целом копье определяется как оружие колющего действия, предназначенное для ведения боя на средней дистанции, и состоит из двух, реже трех частей: поражающей – наконечника, несущей – древка и подтока, защищающего свободную часть древка от расщепления (Мелюкова, 1964: 35; Горбунов, 2006: 46).

Не менее широкое распространение получили и дротики, которые использовались для метания. Морфологически копья и дротики достаточно близки друг другу, поэтому многие исследователи рассматривают их совместно, не разграничивая и применяя данные понятия как синонимы (Иванов, 1987: 6; Папин, Федорук, 2009: 95–98).

В том случае, если строение пера наконечника этих видов различно, у многих дротиков оно снабжено опущенными вниз шипами, дополнительных критериев для разграничения и не требуется. Когда же они близки по морфологии, то в качестве отличительных особенностей дротика отмечается «облегченное древко» и меньший размер наконечника (Горелик, 2003: 53). Поскольку древки чаще всего не сохраняются в археологических памятниках, то важным показателем становится диаметр втулки, который как раз отображает первый критерий.

На настоящий момент с территории лесостепного Алтая происходит шесть предметов, относящихся к данным видам оружия. К копьям нами отнесены три изделия, все они происходят из памятников большереченской культуры и обладают следующими параметрами: общая длина от 17,3 до 20,6 см, диаметр втулки от 2,7 до 3 см (Грязнов, 1956: 58, 60, табл. XVIII; Тишкин, Папин, 1998: рис. 3). Изделия изготовлены из бронзы и по способу насада являются втульчатыми – древко вставляется своим торцом в деталь усечено-конической формы – втулку. По отношению длины пера к длине втулки они являются коротковтульчатыми – перо длиннее втулки более чем в 1,5 раза (Горбунов, 2006: 47–48). Перо их двухлопастное – представляет собой тело, состоящее из двух лопастей, а в поперечном сечении имеет вид двулучевой звезды. Абрис его листовидный – наибольшее расширение приходится примерно на середину пера. По его центру проходит нервюра – валик, обеспечивающий большую прочность детали. У одного экземпляра имеется отверстие во втулке – для более надежного крепления к древку.

Остальные три изделия можно отнести к дротикам. Они имеют следующие параметры: общая длина от 10,2 до 12,8 см, диаметр втулки от 1,5 до 2,2 см. Все экземпляры являются случайными находками, два из них происходят из ареала распространения большеречен-

ской культуры, один найден недалеко от г. Рубцовска (Уманский, 1970: 176, 178, рис. 8; Клюкин, 1993: 137–138, рис. 1; Папин, 1997: 175, рис. 1). Они также изготовлены из бронзы и насаживаются на древко при помощи втулки, по соотношению пера и втулки также коротковтульчатые, а по сечению пера двухлопастные. Абрис пера дротиков вытянутолистовидный – наибольшее расширение приходится на нижнюю треть пера. Стоит упомянуть также находку наконечника из г. Змеиногорска (Кирюшин, Тишкин, 1997: рис. 60). Общая длина его ближе к дротикам и составляет 13,3 см, в то же время диаметр втулки – 3 см позволяет его отнести скорее к копьям. На наш взгляд, именно этот критерий является определяющим в вопросе разграничения данных видов вооружения. Как уже отмечалось выше, дротики имели облегченные древки, поскольку использовались для метания. Соответственно, данная деталь должна была иметь небольшой диаметр. Копья же, в свою очередь, предназначались для нанесения колющего или таранного удара, то есть их древки должны были быть более прочными на излом, что достигалось за счет большей толщины. По диаметру же втулки можно судить о диаметре древка, а значит, и о назначении рассматриваемого экземпляра.

Данная закономерность в различии диаметра втулок у наконечников копий и дротиков хорошо подтверждается, например, серией скифских изделий со Среднего Дона. Диаметр втулок дротиков у них составляет 1,5–2,3 см, а копий – 2,8–4,5 см (Савченко, 2004: рис. 4–5, 7–8).

Копья и дротики с наконечниками, аналогичными рассматриваемым нами находкам, появляются в Восточной Европе еще в XVI в. до н. э. и применяются там вплоть до VIII в. до н. э. (Тереножкин, 1961: 141, рис. 92–93; Ключко: 174, рис. 75, 88). С XII в. до н. э. подобные изделия появляются в Средней Азии, где бытуют также до VIII в. до н. э. (Кузьмина, 1966: 29, табл. VI – 58–59). Вероятно, с этого региона они и заимствуются населением лесостепного Алтая в VIII в. до н. э. Впоследствии такие изделия бытуют на Верхней Оби вплоть до VI в. до н. э. (Комарова, 1952: 41–42, табл. 8).

Встречаемость наконечников копий и дротиков в комплексе вооружения населения лесостепного Алтая раннескифского времени указывает на то, что в тактике ведения боя на средних дистанциях практиковался как более дальний диапазон поражения врага при помощи метания дротика, так и более близкий диапазон для колющего удара копьем.

Научный руководитель: д-р ист. наук, доц. А.А. Тишкин

Список литературы

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н. э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). – СПб. : Атлант, 2003.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956.

Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 6–27.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997.

Ключко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). – К. : АртЕк, 1996.

Клюкин Г.А. Случайные находки из Алейских степей // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – С. 136–140.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1952. – № 48. – С. 7–50.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – М. : Наука, 1966.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – М. : Наука, 1964.

Папин Д.В. Бронзовый наконечник дротика из фондов Бийского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1997. – С. 173–175.

Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. – М., 2004. – С. 151–277.

Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском правобережье. – Киев : Изд-во АН УССР, 1961.

Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб., 1998. – С. 179–182.

Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. – 1970. – № 2. – С. 169–179.

М.Ю. Лысов

Барнаул, Алтайский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВСТРЕЧАЕМОСТИ И СООТНОШЕНИЯ РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ ВООРУЖЕНИЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Комплексу вооружения носителей пазырыкской культуры Алтая в целом и отдельным его составляющим в разное время были посвящены работы нескольких исследователей: А.С. Суразакова, Ю.С. Худякова, В.Д. Кубарева, В.А. Кочеева и др. Проблемам взаимовстречаемости зафиксированных категорий вооружения, их доли в общем комплексе и составу отдельных наборов вооружения уделялось мало внимания.

Население Алтая в скифо-сакское время имело три основных вида оружия – лук со стрелами, кинжалы и чеканы, а также щиты и различные элементы доспеха, что соответствует классическому комплексу вооружения южно-сибирского всадника-лучника. Легкая конница «пазырыкцев» обладала набором для ведения дистанционного боя – лук и стрелы, ближнего боя в конном и пешем строю – чеканы и рукопашного боя в спешенном строю – кинжалы.

В нашей работе мы рассмотрим следующие категории наступательного и оборонительного вооружения, встречающиеся в погребениях:

- стрелковый комплекс, состоящий из лука, стрел и колчана или горита для их ношения;
- кинжалы;
- чеканы;
- щиты;
- элементы доспеха.

В случае со стрелковым комплексом следует оговорить тот факт, что присутствие одного признака (наконечников или древков стрел, деталей колчана, фрагментов лука) подразумевает использование всего комплекса.

Нами были рассмотрены около двухсот курганов пазырыкской культуры, в которых были обнаружены предметы вооружения. В ходе исследования выделено несколько групп погребений (Деление происходило по полноте набора; в данном процессе не учитывалось оборонительное вооружение, поскольку оно встречается крайне редко):

группа 1 (эталонная): содержит полный набор вооружения – кинжал, чекан и стрелковый комплекс;

группа 2: кинжал и чекан;

группа 3: кинжал и стрелковый комплекс;

группа 4: чекан и стрелковый комплекс;

группа 5: в погребении присутствует только кинжал;

группа 6: только чекан;

группа 7: только стрелковый комплекс.

Самой многочисленной оказалась группа 2 – 43 погребения. Это указывает на широкое распространение такого набора, совмещающего оружие ближнего (чекан) и рукопашного (кинжал) боя. Он мог использоваться довольно широким кругом воинов среднего достатка, которые имели возможность обладать как универсальным и простым в использовании, но довольно сложным в изготовлении чеканом, так и требующим больших навыков владения и социально более значимым кинжалом. Защитное вооружение в сочетании с этой группой не встречается.

Несколько меньше погребений – 40 относятся к группе 7. Наличие в могиле только стрел (иногда с остатками колчанов), на наш взгляд, обусловлено несколькими факторами. Во-первых, большим количеством ограбленных погребений, что серьезно искажает данные, поскольку остальные предметы вооружения могли быть похищены грабителями. Во-вторых, лук, использовавшийся в бою и на охоте, для защиты стад от хищников, был непременным атрибутом кочевника, основой его жизни наравне с конем и, естественно, был наиболее массовой категорией вооружения. Сами луки либо не помещались в погребения, либо не сохранились. Все составляющие стрелкового набора (колчан или горит, стрелы и лук) или их фрагменты были зафиксированы в двух погребениях – Уландрык-III, к. 6 и Кызык-Телань-I, к. 3 (Кубарев, 1987; Суразаков, 1983). Защитное вооружение в сочетании с этой группой прослеживается в трех случаях. Это курганы 9 и 10 памятника Берель, в которых обнаружены деревянные щиты, и курган 3 могильника Покровский Лог-5, где была найдена бронзовая панцирная пластина.

Группа 1 – 42 погребения, содержащих полный набор вооружения – кинжал, чекан и стрелковый комплекс. На наш взгляд, группа 1, как наиболее полная, отображает наборы вооружения самых подготовленных воинов. Возможно, они являлись военной элитой рода и поэтому имели полный комплект. Судить о качестве боевого оружия по погребальным памятникам сложно, так как большинство представленных в них изделий являются вотивными. В то же время, поскольку эта группа является одной из самых массовых, то данный набор являлся эталонным и был ритуализирован, о чем говорит большое количество погребений, содержащих исключительно вотивные предметы оружия ближнего боя, а иногда и луков. Вероятнее всего, наборы вооружения из погребений этой группы отражают традиционно сложившуюся у носителей пазырыкской культуры паноплию. При этом могут не отражать всего состава имевшегося у погребенного при жизни вооружения. В трех случаях набор оружия из этой группы дополняется деревянными щитами.

В группах 3 (15 погребений) и 4 (14 погребений) вместе со стрелами имеются кинжал и чекан соответственно. Группы 5 и 6 включают 20 и 13 курганов соответственно, содержащих по одной категории вооружения – кинжал (гр. 5) и чекан (гр. 6). Неполнота наборов связана с указанными выше факторами – плохой сохранностью изделий из органических материалов, ограблением, социальным положением владельца.

Также зафиксированы случаи наличия в погребении только щитов, без какого либо оружия (курганы 4 и 11 памятника Берель, Первый Пазырыкский курган). Это объясняется тем, что щиты были закреплены на седлах лошадей, находившихся в отдельной камере, и не пострадали при ограблении. В трех погребениях встречаются элементы воинского снаряжения (ножны), но сами предметы вооружения, видимо, унесены грабителями.

Таким образом, по материалам погребений мы можем выделить несколько основных наборов вооружения пазырыкских воинов:

1. Стрелковый набор: содержит только лук со стрелами. Представлен группой 7, где присутствуют стрелы и колчан или только колчан. Вероятно, был характерен для беднейших слоев рядовых кочевников, поскольку не содержит других воинских атрибутов, а лук мог использоваться также на охоте и для защиты стад от хищных животных. Эта категория на-

селения при необходимости могла участвовать в военных действиях исключительно в качестве лучников и не вступала в ближний бой с противником.

2. «Ограниченный набор»: содержит кинжал или чекан, часто вместе со стрелковым комплексом. Представлен группами 3–6. Наличие в наборе оружия ближнего или рукопашного боя говорит о принадлежности владельца к страте воинов и отличает его от кочевников, занимающихся преимущественно выпасом скота или ремесленным производством.

3. «Стандартный набор»: содержит кинжал и чекан. Представлен группой 2. В данном наборе отсутствует стрелковое оружие, что позволяет расценивать его как принадлежащий категории воинов, ведущих ближний бой с противником.

4. «Элитный набор»: содержит все виды оружия – кинжал, чекан, лук и стрелы. Представлен группой 1. Этот набор, вероятно, был характерен для наиболее подготовленных и знатных воинов, способных позволить себе самое лучшее и дорогое оружие.

Данное деление весьма условно, поскольку количество дошедших до исследователей предметов вооружения в погребениях зависит от сохранности органических материалов и ограбления курганов. Это дает значительную погрешность, поскольку такие изделия, как луки, древки стрел и колчаны, часто просто не сохраняются. Также сложно говорить о соотношении защитного и наступательного вооружения. К первому относятся преимущественно деревянные или плетеные щиты. Они встречаются вместе с различными категориями вооружения и не соотносятся с какой-либо из выделенных групп. Поэтому крайне трудно говорить о степени защищенности «пазырыкских» воинов.

Немаловажна и проблема вотивности. Проследить общие тенденции в наборах вооружения по вотивным предметам все же возможно, но следует учитывать символичность погребального обряда. Отсутствие в погребениях боевого оружия и замена его более дешевыми и простыми в изготовлении копиями искажает реальное положение и носит стандартизированный характер.

Научный руководитель: д-р ист. наук, доц. А.А. Тишкин

Список литературы

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск : Наука, 1987.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 42–52.

А.С. Новикова

Абакан, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ 2012 г. В ОКРЕСТНОСТЯХ УЛУСА УСТЬ-СОС

В данной работе вводятся в оборот новые материалы полевых исследований последних двух лет.

В полевой сезон 2012 г. были продолжены охранные аварийно-спасательные раскопки около улуса Усть-Сос Бейского района республики Хакасия. Здесь, на берегу р. Абакан, подвергались угрозе разрушения три кургана могильника Усть-Сос 9, а один курган могильника Усть-Сос 8 был уже частично разрушен из-за разливов реки. Раскопки этих четырех памятников тагарской культуры в 2012 г. явились продолжением спасательных работ лета 2011 г., когда были исследованы четыре разрушающихся кургана. Возглавлял археологический отряд Хакасского отделения ВООПИК А.И. Готлиб.

Из четырех раскопанных курганов пострадал курган № 9 могильника Усть-Сос 8 – к началу работ треть его ограды была уничтожена сезонным половодьем р. Абакан. Визуально этот курган был мало заметен. На территории сохранившейся ограды было выявлено две могилы – могила № 1 представляла собой прямоугольный каменный ящик, могила № 2 – грунтовую яму; обе они ориентированы по линии запад-восток. На дне могилы № 1 было выявлено нетронутое погребение взрослого человека, положенного на спине головой на запад, с руками вытянутыми вдоль тела. Рядом с ним находилась мясная тризна и большой черный глиняный сосуд баночной формы, украшенный кольцевыми желобками. Сильно разграбленная могила № 2 располагалась чуть северней могилы № 1. Плиты ее каменного перекрытия, разломлены на мелкие части, в заполнении на разных уровнях встречались кости взрослого человека, также здесь были обнаружены две бронзовые полусферические бляшки. На дне могилы остался лишь глиняный черный сосуд с двумя кольцевыми желобками.

Три кургана могильника Усть-Сос 9 – курганы № 24, № 25 и № 40 еще не были тронуты водами р. Абакан, но находились под угрозой, располагаясь в опасной близости от края берега. Курганы № 24 и № 25 представляли собой систему двух пристроенных друг к другу оград. До начала раскопок прослеживался только контур ограды кургана № 24, ограда же пристройки (курган № 25) была обнаружена уже в ходе работ. В кургане № 24 было выявлено пять могил – две из них представляли собой парные захоронения в грунтовых ямах (могилы № 1, № 5), три остальные – два детских (могилы № 6, № 7) и одно взрослое (могила № 2) – захоронения в каменных ящиках.

Могила №1, находившаяся в центре ограды, имела покрытие из речных валунов и гальки, причем в середине перекрытие не было заполнено камнями. Под ним было обнаружено сильно разграбленное захоронение двух взрослых людей – помимо костей в заполнении, по дну могилы были разбросаны фрагменты черепов, кости рук и ног. В южной части могилы находилась поминальная тризна. Также было найдено два глиняных горшка, декорированных желобками, две бронзовые полусферические бляшки, обломки иглы, кинжал и зеркало.

Еще одно парное захоронение – могила № 5. На её дне были обнаружены 2 полностью сохранившихся скелета, с правой стороны каждого из них лежали бронзовые ножи, а в голове северного скелета слева – глиняный сосуд с пятью желобками.

Единственное одиночное взрослое погребение в могиле № 2 – здесь был расчищен почти полностью сохранившийся скелет. В его ногах лежала мясная тризна, поверх которой находился бронзовый нож. Также были обнаружены бронзовое шило и зеркало, лежащее на левой тазовой кости.

2 детских захоронения были обнаружены в каменных ящиках – одно из них сохранилось почти полностью, от другого остались лишь несколько костей и раздавленный череп. В обоих погребениях в ногах была помещена мясная тризна, в углу лежали небольшие глиняные декорированные горшки, только в могиле № 6 сосуд украшен четырьмя желобками, а в могиле № 7 – ногтевидным орнаментом.

В кургане № 25 находилось 2 могилы. Одна из них – могила № 3 – от всех остальных погребений отличается тем, что в ее каменном ящике поочередно на разных уровнях было захоронено 5 человек – 3 взрослых и 2 детей. По-видимому, первоначально в могиле был похоронен 1 взрослый человек – его скелет, лежащий на спине головой на запад, частично сохранился. При нем были обнаружены 2 сосуда с желобками и один маленький сосуд на поддоне, бронзовый кинжал на левой тазовой кости, возле головы – две полусферические бляшки. Поверх этого скелета, головой на его груди, лежал второй погребенный – от него остались череп, правая рука и ноги. В его ногах были найдены остатки двух младенцев. На третьем ярусе от дна находился разрозненный скелет собаки, здесь же – клык кабарги. Самым верхним являлось захоронение взрослого человека, уложенного, в отличие от всех остальных, головой на восток – кроме черепа от него сохранилось лишь несколько костей; в западной части могилы находилась поминальная тризна, под костями которой было найдено бронзовое шило, вставленное рукояткой в полую кость фаланги овцы. Еще одна могила,

находящаяся в пристройке, – № 4. В ней на дне каменного ящика сохранилось *in situ* большая часть скелета взрослого человека, а в заполнении был найден бронзовый нож.

Курган № 40 являлся самым большим из раскопанных – площадь раскопа составила около 270 м²; только в его ограде имелись угловые и промежуточные вертикальные стелы, которые возвышались над поверхностью земли. 3 могилы этого кургана внешне имеют сходство с могилой № 1 кургана № 24 – все они имеют схожее перекрытие – сначала могила покрывалась деревянными плахами, сверху – плитами песчаника, и поверх этого слоями укладывалась крупная речная галька. В древности могилы были сильно разграблены – на это указывает то, что в центре каждое перекрытие не заполнено, кроме того в каждом из погребений были обнаружены только хаотичные скопления костей, разбросанных по дну и в заполнении. В могиле № 1 на месте остались только кости ног одного из трех захороненных (по ним видно, что он лежал головой на запад), а также поминальная тризна. Из сопроводительного инвентаря было найдено только бронзовое зеркало. В самой большой центральной могиле № 2 по обнаруженным черепам насчитывается 5 взрослых погребенных – *in situ* костей нет. Были выявлены 2 разломанных глиняных сосуда, 2 бронзовых ножа, шило, костяной наконечник стрелы и 2 скопления костей животных, одно из них находилось выше уровня дна – под деревянным перекрытием. В могиле № 3 поминальная тризна также находилась достаточно высоко. На ее дне среди перемешанных костей людей и животных было обнаружено 4 черепа. Кроме того на разных уровнях заполнения могилы обнаружены: 3 костяных наконечника стрел; 2 зуба соболя; 4 бронзовые полусферические бляшки; 7 пастовых бус и бронзовая пронизь; а также обломки 2 бронзовых ножных браслетов, булавки и ножа. Могилы № 4–7 – детские захоронения, причем могила № 5 – парная. Могилы № 4 и № 6 представляют собой каменные ящики, а могилы № 5 и № 7 – грунтовые. Все погребенные лежат головой на юг, за исключением скелета из могилы № 4 – он был уложен головой на запад. Из сопроводительного инвентаря ничего обнаружено не было.

Таким образом, в полевой сезон 2012 г. при раскопках могильников Усть-Сос 8 и Усть-Сос 9 было исследовано 4 кургана, а в них 16 могил. Большая их часть по погребальному обряду имеет схожие черты, характерные для подгорновского этапа тагарской культуры. Можно выделить 2 вида могил – грунтовые ямы и каменные ящики, которые преобладают. В каменных ящиках были выявлены только одиночные захоронения, а в грунтовых ямах в большей степени – коллективные (2–5 человек). Все погребенные лежали вытянуто на спине головой на запад – исключение составляли только детские погребения в кургане № 40, ориентированные на юг, и впускное захоронение в могиле № 3 кургана № 24 – скелет был уложен головой на восток. В могилу клали мясную поминальную тризну и глиняные горшки с жидкой пищей. Размеры сосудов, встречающихся в курганах, различны, но почти все они имеют баночную форму, черный цвет и орнамент в виде разного количества кольцевых желобков. Из сопроводительного погребального инвентаря в детских захоронениях ничего найдено не было, а во взрослых были обнаружены бронзовые ножи и кинжалы, зеркала, шилья и иглы, полусферические бляшки и пронизи, ножные браслеты. Кроме бронзовых изделий были выявлены костяные наконечники стрел, пастовые бусы, подвески из клыков соболя.

Помимо раскопок 2012 г., проведенных в 2011 г., были исследованы курганы № 6–8 могильника Усть-Сос 8 и курган № 29 могильника Усть-Сос 9. Если рассматривать все раскопанные за 2 года курганы могильников, то можно увидеть их отличительные черты. Так, могильник Усть-Сос 9 отличается более крупными размерами курганов, наличием в их ограде угловых и промежуточных вертикальных стел. В курганах могильной группы Усть-Сос 8 практически нет коллективных захоронений – основная масса представлена здесь одиночными погребениями в каменном ящике, лишь две могилы имели парные захоронения и 3 могилы из 13 являлись грунтовыми ямами – причем из-за их плохой сохранности о двух нельзя судить с уверенностью. Из всего этого можно говорить о том, что хронологически могильник Усть-Сос 8 является более ранним, чем могильник Усть-Сос 9.

Список литературы

Готлиб А.И. Работы по сохранению объектов археологического наследия могильник Усть-Сос-8 и могильник Усть-Сос-9 в Бейском районе Республики Хакасия в 2011 году. – М. : Архив Института археологии РАН, 2011.

Готлиб А.И. Работы по сохранению объектов археологического наследия могильник Усть-Сос-8 и могильник Усть-Сос-9 в Бейском районе Республики Хакасия в 2012 году. – М. : Архив Института археологии РАН, 2012.

Кюджин Пак

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

ЖЕЛЕЗНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ РАЙОНА ЦЗИЛИНЬ КНР*

Провинция Цзилинь располагается в центральной части Маньчжурии. К югу от неё – Корейский полуостров, к востоку – российское Приморье, на севере она граничит с пров. Хэйлунцзян, а на западе – с пров. Ляонин. Такое положение рассматриваемого региона позволяет на археологическом материале проследить связи между Приамурьем и Корейским полуостровом, а также выявлять контакты с культурами Центральной китайской равнины. В то же время, на этой территории в раннем железном веке существовали культуры не только отличные от китайских, но и давшие в дальнейшем толчок к созданию протогосударственных и государственных образований (Пуё, Когурё, Бохай).

В докладе будут представлены результаты изучения железных предметов из коллекций 21 археологического памятника в пров. Цзилинь (Чунгук..., 2011). Хронологически все они отнесены китайскими археологами ко времени с периода Чжаньго до эпохи Хань включительно. Кроме предметов вооружения есть две группы изделий из железа: 1) орудия сельскохозяйственного производства (мотыги – численно преобладают, лопаты, тяпки, серпы); 2) орудия для деревообработки и т.п. (топоры, тесла, долота, ножи).

Находки железных изделий редки в погребениях, инвентарь которых состоит, в основном, из украшений (из цветных металлов) и оружия. Большая часть находок из железа происходит из поселенческих и фортификационных памятников, т.е. связана с местами, где велась активная хозяйственная деятельность.

При сравнении с ситуацией с соседними регионами видно, что в Ляонине не только количество железных предметов больше, но и номенклатура их для обеих групп разнообразнее. Большая распространённость изделий из железа в Ляонине может быть объяснена близостью его к центрам китайской цивилизации, где активно развивались производство и обработка железа. Типология железных изделий Ляонина и Цзилиня, а также и Корейского полуострова указывают на то, что технология железоделательного производства была заимствована с Центральной равнины.

С одной стороны, такая ситуация с железными предметами может свидетельствовать о направлении хозяйственной деятельности того времени. Преобладание в коллекциях орудий обработки почвы (в частности мотыг и лопат) сложно объяснить иначе, чем использованием их в сельскохозяйственном производстве. Однако не надо забывать и о том, что эти инструменты могли применяться при строительстве, включая и фортификационное. Т.о. использование железных орудий обработки почвы является указанием на значительную степень осёдлости и конкретный хозяйственно-культурный тип населения. Другие орудия позволяют оценить степень развития и виды ремесленного производства. На Корейском полуострове соотношение земледельческих и ремесленных орудий из железа примерно оди-

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН №39.

наково, что отличается от данных из Маньчжурии. Например, в погребениях, относящихся к ханьской эпохе, префектуре Лолан, в могиле Тахори № 1 (пров. Южная Кёнсан) обнаружены орудия ремесленного производства, что указывает на присутствие там населения, основным занятием которого было ремесло (Ван Вэ, 1998).

Преобладание тех или иных типов орудий одинаково характерно для Цзилинь, Ляонин и Корейского полуострова. В группе сельскохозяйственных – это мотыги и серпы, в группе ремесленных – топоры, долота. Мотыги также известны на памятниках кроуновской и польцевской культур в пров. Хэйлунцзян (Чхвэ Моннён, 2003). По мере удаления от Ляонина (с его наиболее впечатляющим разнообразием номенклатуры железных орудий труда) количество типов орудий сокращается. В то же время, в пров. Цзилинь и на Корейском полуострове особенно много находок серпов, изучение которых позволяет фиксировать региональные и локальные особенности (Чунгук..., 2011).

Таким образом, известные железные орудия из археологических памятников на территории пров. Цзилинь (за исключением предметов вооружения) представлены двумя группами: хозяйственные и ремесленные, которые, в свою очередь, состоят из орудий типа мотыг, лопат, тяпок и серпов (группа I), топоров, тесел, долот, ножей (группа II). Эти железные орудия известны в основном по поселенческим комплексам и по городищам. Преобладание сельскохозяйственных орудий говорит в пользу того, что основным занятием населения была обработка земли. Мотыга была наиболее распространена в количественном и территориальном отношении среди железных орудий в разных культурах, что позволяет её считать наиболее типичным орудием того времени не только пров. Цзилинь, но и всего региона Восточной Азии.

Научные руководители: академик В.И. Молодин, к.и.н. С.В. Алкин

Список литературы

Чунгук тонбукчиёкый чхольги (Железный век Северо-Востока Китая). – Тэджон : Куннипмунхваджэёнгусо, 2011. (На корейск. яз.).

Ван Вэ. Яёисидэчхольгива кы чеджаккисуль ёнгу (Хозяйственная деятельность эпохи Яёй). – Соан: Сомсоинминчхульпханса, 1998. (На корейск. яз.).

Чхвэ Моннён. Сибэриаый сонсагогохак (Археология Сибири). – Сеул : Чурюсон, 2003. (На корейск. яз.).

В.В. Речкалова

Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ VII–VI вв. до н.э. АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ ЕВРАЗИИ

В основе этой работы лежат два таких понятия, как канон и художественный стиль.

Скифо-сибирский звериный стиль, присущий ранним кочевникам Евразии, как стиль художественный имеет ряд характерных черт, а также приемов изображения различных групп животных, которые обеспечивают устойчивую его систему. Понятие «стиль ... означает язык, обеспечивающий системное единство всех способов чувствования» (Гардарика. 2004). Однако стоит учитывать, что стиль – это развивающаяся система, которая в различные периоды своего существования могла меняться.

Нашей задачей стало проследить и выявить, что было характерно звериному стилю ранних кочевников азиатской части Евразии на протяжении VII–VI вв. до н. э. и определить, какие черты и признаки были типичными для того времени. То есть, говоря иными словами, определить канон как систему внутренних творческих правил и норм, господствующих в искусстве и

закрепляющих его основные структурные закономерности развития. Для того чтобы проследить основные черты стиля в VII–VI вв. до н. э., нами рассмотрены коллекции нескольких памятников этого времени: Аржан 2 (Чугунов 2008: 98–101), Кичигино 1 курган 5 (Боталов, Таиров 2010: 339–354), Южный Тагискен (Итина, Яблонский 1997: 186), Уйгарак (Вишневская 1973: 159), Тасмола V (Тасмагамбетов 2003: 336) и Талды 2 (Бейсенов 2011: 14–20). Предметы из курганов были разделены на классы: хищники, травоядные, птицы. В каждом классе были выделены группы: хищники (стоящие и лежащие кошачьи хищники), травоядные (комолые и рогатые), птицы (полное или частичное изображение птицы). В каждой группе был выделен ряд особенных черт изображения зверей, характерных для VII–VI веков до н.э.

Хищники

Изображение хищника воспроизводилось чаще всего в двух наиболее популярных образах: стоящего и лежащего. Схожесть в изображении поз настолько близка между памятниками, что в большинстве случаев мы можем говорить только о разнице в стилистическом оформлении тела хищника, а также о технике изготовления самого предмета. Лапы чаще всего изображались с выделением пальцев, резко очерчивалась кость бедра, хвост плавной линией был прижат к ноге и имел спиралевидное окончание. Глаза округлые с акцентированием зрачка, а уши овальной формы, грива же плавной клювовидной формы, изображавшаяся почти всегда незаметно. Возможно, таким образом мастера пытались передать волнистость и шелковистость гривы. Стоящий лев показан с оскалом, он как бы замер в защищающейся позе. Рот лежащего кошачьего хищника закрыт, и поза его спокойна, а на некоторых бляшках нам может показаться, что он слегка улыбается. Нос стоящего льва в редких случаях акцентирован лишь двумя точками, обозначающими ноздри. А нос у лежащего зверя – овальной формы, с широкими ноздрями, напоминает пяточок кабана. Все изображения рельефные. Тело у животного в обеих группах показано в профиль, однако голова у лежащего зверя передана анфас. Стоит отметить, что характер изображений в группах разный: стоящий лев агрессивен, все линии его тела показаны напряженными, лежащий хищник спокоен, его образ полон гармонии, а также плавности в формах.

Травоядные

Группа травоядных представлена несколькими животными, это прежде всего сайгаки, лошади и лани. Чаще всего на предметах была одна голова, однако встречаются и изображения всего животного. Есть даже уникальные случаи, когда животные были выгравированы на золотой пластине и повествовали нам о жизни этих животных. Различны также и стилистики изображений травоядных. Есть бляхи лошадей с гривой или без нее, часто сайгаков показывали с рогами, но есть случаи, когда они без рогов. В целом сложно сказать, что было типично для данной группы в VII–VI веках до нашей эры. Однако ряд схожих черт все-таки удаётся проследить: часто стали изображаться головы коней, смотрящих в разные стороны. В курганах мы также находим большое количество обоев с головами сайгаков. Они могли соединяться между собой ушами или рогами. Предметы с изображением голов сайгаков всегда тяготели к округлой форме. На всех предметах животные показаны в профиль, часто расположение голов сайгаков было симметричным или зеркально симметричным друг другу. Нужно сказать, что в композиционном расположении предметов ощущается принцип равновесия и гармонии, возможно это и стало причиной для частого использования формы круга в предметах.

Птицы

Изображение птицы в искусстве звериного стиля можно считать одним из самых сложных и абстрактных у кочевников. Художественность образа птицы, своеобразие трактовки формы и текстуры поражает своей оригинальностью, в то же время устойчивостью, а также частотой повторения на огромных территориях. Именно в этой группе мы наблюдаем использование единой каплевидной (клювовидной) формы, в различных ее исполнениях, разложение данного образа на геометрические фигуры и намеренную его стилизацию в передаче деталей. Использование мастером волнообразных изгибов с чередованием когтеобразных форм, а также своеобразная ритмичность в расположении этих деталей придают образу гармоничный

характер. В образе птицы очень сложно дифференцировать разные части ее тела. Часто можно выделить лишь клюв, маленький округлый глаз и крылья, состоящие из множества элементов, которые сходны по форме с клювом. Все изображения птиц профильные. Наиболее сложные узоры с птицами мастера делали на золотых пластинах. Усложнение орнамента на пластине скорее всего происходило из-за мягкости и легкости обработки золотой пластины и возможности прорезания в ней мелких элементов, в отличие от бронзы.

Рис. 1. 1. Подпружная пряжка. Уйгарак; 2. Бляшка. Кичигино 1; 3, 4, 22. Костылек-застежка. Уйгарак, Кичигино 1; 5. Золотая накладка. Южный Тагискен; 6–10. Бляшка. Южный Тагискен, Аржан 2, Кичигино 1; 11, 13. Накладки. Кичигино 1, Южный Тагискен; 12. Пряжка. Кичигино 1; 14. Стилизованная обойма. Южный Тагискен; 15–17 Золотые ажурные пластины. Кичигино 1, Южный Тагискен; 18–20 Накладки. Южный Тагискен, Кичигино 1, Тасмола V; 21 Бляшка. Южный Тагискен; 23 Вороворка с орнаментом. Южный Тагискен; 24. Обойма. Кичигино 1; 25. Деталь ремня. Кичигино 1; 26. Накладка. Южный Тагискен

В предметах, сделанных из бронзы, чаще всего преобладали более простые формы, которые ограничивались лишь изображением головы и крыла птицы, с помощью 7-6 волнообразных линий и 1-2 когтеобразных. Очень сложно сказать, чем вызвана схематизация именно данного образа: мифологизацией грифона или изображением просто орла-грифона? Однако точно можно сказать, что образ птицы или ее сочетание с другими животными носило определенный магический характер.

Таким образом, рассмотрев предметы из шести памятников, которые относятся к VII–VI вв. до н.э., можно с полной уверенностью сказать, что в то время существовал определенный канон для изображения животных, а точнее – ряд черт, которых часто придерживались мастера при изготовлении украшений. Учитывая большую долю схожести в передаче образов хищников, травоядных и птиц, можно выдвинуть предположение о тесных связях между кочевническими племенами. Существовали определенные канонические позы и формы, техника изготовления предметов: частое изображение животных в профиль, а так же выделение определенных частей тела (лапы) и упущение других (редкое изображение туловища у травоядных). Все это наводит на мысль о едином мировоззренческом сознании и уровне развития кочевнических племен в раннесакское время.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.Д. Таиров

Список литературы

Бейсенов А.З. Талды 2 – памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии : Тезисы докладов Круглого стола, посвящённого 20-летию независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011.

Боталов С.Г., Таиров А.Д. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М., 2010.

Вишневская А. О. Культура Сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V век до н. э. – М., 1973.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М., 1997.

Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. – Алматы, 2003.

Чугунов К.В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М., 2008.

Е.К. Сатина

Кемерово, Кемеровский государственный университет

ОБРАЗ ВОЛКА В ИСКУССТВЕ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ (АНАЛИЗ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПРИЕМОВ)*

Работа посвящена анализу изобразительных приемов, использовавшихся в искусстве древних кочевников для воссоздания образа волка. Настоящая статья, по сравнению с более ранней публикацией близкой тематики (Сатина, 2011), отражает новые результаты исследований автора.

Для звериного стиля древних кочевников характерно использование особых стилистических приемов изображения разных животных. Так как в зверином стиле акцентируются

* Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 14.В37.21.0954.

видовые признаки животных (Переводчикова, 1995: 99), можно выделить признаки, характерные для изображения зверей конкретных видов, в том числе волка. Последнее важно для изучения семантики этого образа, поскольку «его неверное определение приведет к неверной интерпретации» (Кубарев, Черемисин, 1987: 102). В.Д. Кубарев и Д.В. Черемисин на материалах петроглифов и произведений декоративного искусства выделили изобразительные приемы, позволяющие идентифицировать изображения волка:

1. Крупная тяжелая голова с длинными челюстями и оскаленной пастью, в которой видны удлинённые и острые клыки и округлые коренные зубы; от оскала на морде образуются «морщины». 2. Удлиненные, заостренные, округлые в основании уши, иногда с углублением внутри. 3. Вздёрнутый кверху, непропорционально крупный нос. 4. Массивное туловище с пышным мехом на шее и прилегающей части спины. 5. Лапы с длинными острыми когтями, либо с мягкими подушечками без когтей. 6. Хвост прямой, опущенный, реже – загнутый за спину (Кубарев, Черемисин, 1987: 105–110).

На основе анализа изображений целых фигур волка авторы выделяют следующие мотивы: 1) «идущий» или «стоящий» зверь, у которого воспроизведены все четыре лапы; 2) «скребущий», «припавший к земле» или «на корточках», во всех случаях тяжелая волчья голова наклонена или опущена на передние лапы; 3) «свернувшийся в кольцо» (Кубарев, Черемисин 1987: 108).

Представляется, что можно осуществить описание образа волка на основании более подробных признаков. За основу нами был взят принцип выделения признаков, предложенный Е.В. Переводчиковой (1995: 99–111). В результате нами были выявлены стилистические элементы, используемые при изображении волка.

Пасть: I. Удлиненная раскрытая. 1. С зубами: 1) острыми; 2) округлыми; 3) показанными сплошной полосой. 2. Без зубов. 3. Беззубая, охватывающая круг. II. Удлиненная закрытая.

Глаз: I. Каплевидный; II. Округлый; III. Овальный; IV. Миндалевидный; V. Треугольный; VI. Закрытый (стилизован дугой); VII. Отсутствует.

Нос: I. Крупный, вздёрнутый кверху; II. Прямой.

Ухо: I. Треугольное; II. Каплевидное; III. Округлое; IV. Полукруглое с полукруглым углублением внутри; V. Петлевидное; VI. Закрученное в спираль;

Хвост: I. Длинный: 1) прямой, опущенный; 2) изогнутый, опущенный / загнутый вверх; 3) целиком свернутый в кольцо; 4) с кольцевидным окончанием; II. Короткий: 1) прямой, опущенный; 2) каплевидный.

Положение лап в зависимости от позы хищника. I. Изображение целой фигуры (показаны все 4 или только 2 лапы – передняя и задняя) в позе: 1) «припавший к земле» – лапы согнуты, задние иногда «вывернуты» назад; 2) «идущий» или «стоящий» хищник; 3) свернувшийся хищник – лапы находятся внутри образованного телом круга; 4) борющийся или терзающий волк – передними лапами держит другого хищника или терзаемое животное. II. Частичное изображение фигуры: 1) показана передняя лапа под головой.

Окончание лап: I. Лапы когтистые. 1. Когти короткие. 2. Когти длинные: 1) закрученные; 2) стилизованные завитками; 3) каплевидные. II. Длинные, заостренные на конце «пальцы». III. Лапы без когтей: 1) с округлым окончанием; 2) с кольцевидным окончанием; 3) с детализированными пальцами.

Нами был также учтен отмеченный В.Д. Кубаревым и Д.В. Черемисиним признак «грива», который встречается на некоторых изображениях волков. Выявлено, что грива может быть стилизована завитками, иногда в ней используется мотив грифоньей головки.

С помощью этих признаков нами были описаны 369 изображений волков (VII – II вв. до н.э.) с территорий Северного Причерноморья, Подонья, Прикубанья, Кавказа, Поволжья, Приуралья, Казахстана, Монголии, Китая, а также из Сибирской коллекции Петра I.

В результате анализа были выделены изобразительные приемы, распространенные как на разных, так и на определенных территориях.

К общераспространённым относятся: длинная пасть с острыми зубами, вздернутый кверху кончик носа, глаз каплевидной формы, крупное каплевидное ухо, когтистые лапы, длинный прямой (или слегка изогнутый) хвост.

Таким образом, в отличие от выделенных В.Д. Кубаревым и Д.В. Черемисиным «диагностирующих» признаков волка, нами определено, что все зубы этого хищника чаще всего изображались острыми, а также учтен признак изображения глаза. Кроме того нами были выявлены особенности изображения волка на определенных территориях.

Локальные особенности выделены на основе изображений волка, происходящих с территории Алтая, Минусинской котловины, Китая, Казахстана, Приуралья, а также на предметах из Сибирской коллекции Петра I.

Больше всего локальных особенностей демонстрируют изображения волка с территории Алтая. Им свойственны такие признаки, как лапы с когтями, стилизованными завитками, крупное каплевидное с фигурным углублением ухо, а также ухо треугольной формы, округлое в основании.

Для изображений волка с территории Минусинской котловины характерно кольцевидное окончание лап, носа и хвоста. Изображения волка, в пасти которого зажат круг, известны только на этой территории. Лапы с крупными каплевидными когтями и крупный каплевидный с закрученным окончанием нос характерны только для изображений волка на предметах из Сибирской коллекции Петра I. Отличительным признаком изображений волка на территории Китая является крупное, изогнутое роговидное ухо, иногда стилизованное в виде грифоньей головки.

Изображения волка также были проанализированы нами с точки зрения сюжета (изображение целой фигуры волка в определенной позе) и композиции (сцены борьбы, терзания, сочетающиеся изображения). В связи с этим тоже были выделены локальные особенности. Фигурка волка в качестве ручки сосуда встречается только на территории Приуралья. Для Алтая характерным является сочетание противопоставленных изображений волков на накопечниках гривн и на псалях. На территории Минусинской котловины изображение волка преимущественно украшало оружие. Локальными особенностями отличаются изображения волка (позы, композиции) на бляхах-пластинах. Для декора найденных на территории Монголии блях характерны образы «идущего» или «стоящего» волка. На поясных бляхах из Китая преимущественно воспроизводились сцены терзания, а на предметах из Сибирской коллекции Петра I – сцены борьбы волка с другим хищником.

Таким образом, детальный анализ иконографии образа волка в искусстве звериного стиля древних кочевников позволил выделить ряд универсальных и локальных изобразительных приемов, которые могут быть использованы для идентификации вновь найденных изображений волка, а также для атрибуции случайных находок.

Научный руководитель: д.и.н., доц. Л.Н. Ермоленко

Список литературы

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – нач. XX вв. – Новосибирск, 1987. С. 98–117.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М. : Восточная литература РАН, 1994.

Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль как изобразительная система (по материалам Прикубанья) // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М., 1995. С. 99–111.

Сатина Е.К. 1. Локальные особенности иконографии образа волка в зверином стиле скифской эпохи // Материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. – Красноярск, 2011. С. 66–67.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛАЙСКИХ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ РЁЛКИНСКОЙ И ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУР

Рёлкинская культура (далее РК) была распространена в VI–IX вв. на территории Среднего Приобья. В керамике РК выделяют три типа на основании орнамента (Чиндина 1991: 39). Границы распространения керамики первого типа в основном относятся к Томскому Приобью. Второй тип четко соответствует границам Нарымского Приобья. Третий тип распространен в обоих регионах.

К I типу относятся высокие горшки, профилированные и с ребристым туловом, круглодонные, остродонные. Чаши с мягкой профилировкой, открытые, закрытые банки, ладьи. В орнаменте использованы элементы: простой гребенчатый штамп, ямочный, резной. Мотивы: горизонтальные, вертикальные, наклонные, елочка, зигзагообразные. Орнамент был нанесен на шейке и плечиках. Характерны зональность и сменяемость зон: горизонтальные мотивы сменялись косыми, вертикальными и зигзагообразными (Чиндина 1991: 46).

К II типу относятся горшки с высокой и средней шейкой, профилированные, открытые круглодонные банки, чаши, ладьи. В орнаменте использовались элементы фигурно-гребенчатого штампа, широкие желобки и узкие ямки. Орнаментация шла по шейке, плечикам и тулову. Добавились новые мотивы – арочный, меандровый, паркетный. Композиции элементов бордюрные. Характерна многоэлементность и многомотивность. Некоторые элементы имеют определенное расположение, например ямки, они наносились только по желобку. В целом орнаментация на сосудах плотная и ритмичная. Изделия этого типа отличаются изяществом форм и орнаментов (Чиндина 1991: 47).

К III типу (он получил название «валиковый») относятся высокие, приземистые и воротничковые горшки, чаши. В орнаменте широко используются элементы: валики, защипы, желобки, резные линии, фигурные штампы. Валиковый орнамент наносился на шейке, плечиках и тулове. Характер орнаментации выражается в четком различии зон, занимавших определенное место в композиции. Мотивы многообразны: арочные, паркетные и т.д. Поскольку в предшествующей, кулайской культуре (далее КК), валиков на керамике не было, то это указывает на переход к собственным элементам.

По мнению Л.А. Чиндиной, основу РК составлял местный кулайский компонент (Чиндина 1991: 70). В кулайское время сложились две устойчивые традиции в орнаментации керамики: фигурно-штамповая и гребенчатая в сочетании с разными элементами. Ямочно-жемчужное, стековое направления были распространены меньше и не определяли орнаментальный стиль. Обе эти традиции, совместно с сопутствующими, продолжают играть заметную роль в орнаменте РК, особенно в I и II типе. На рёлкинской посуде сохранились некоторые ведущие элементы орнамента КК: гребенчатый, «уточка», треугольник, ямки, и мотивы – меандровый, паркетный, вертикальный, горизонтальный, наклонный, зигзагообразный. В прошлом остались такие кулайские элементы орнамента, как «змея», скобка, исчезает мотив волны, традиция чередования многорядных цепочек «уточек» с паркетно расположенными треугольниками и шевронами. Среди особенностей форм утрачиваются кулайские поддоны и внутренние бортики на венчике.

Со времени КК сохранились некоторые орнаментальные композиции, например, орнаментация, появившаяся в конце васюганского этапа. Она почти не изменилась на стадии саровского этапа и повторилась на II этапе развития РК (Чиндина 1984: 88). В Среднем Приобье в середине I тыс. н. э. была широко распространена орнаментация широким штампом, что демонстрирует прямую преемственность КК и РК.

Переход к новым формам хотя и обозначился в кулайское время, но в результате происходил скачкообразно, на что указывают особенности III этапа.

Южнее происходило развитие верхнеобской культуры (далее ВК). Она была распространена на территории Барнаульского, Новосибирского и, частично, Томского Приобья в период с V по IX вв. (Троицкая, Новиков 1998: 3). Памятники РК и ВК имеют много общего. Это связано с их близостью, вызванной большой ролью в формировании КК.

Различие было вызвано тем, что РК имела прямое происхождение от КК, а ВК сформировалась в результате слияния КК и большебереченской культур (далее БК). Керамика ВК восходит к позднему этапу лесостепного варианта КК, это можно проследить при сравнении их орнаментации (Троицкая 1979: 36-44; Троицкая, Новиков 1998: 65). Среди общих черт выделяют: преобладание рядов наклонных линий, широкое распространение гребенчатого штампа, нанесение ямок поверх орнамента, зигзагообразные, горизонтальные и вертикальные мотивы. Для ВК не характерен кулайский фигурный штамп в чистом виде, а его выполняли гребенчатым штампом. Мотив волны, так же как и паркетный, отсутствует, при этом появляются новые мотивы, состоящие из рядов треугольников и полуovalов (Троицкая, Новиков 1998: 61). Одинцовские комплексы почти не имеют ничего общего с БК, которая сосуществовала длительное время с КК в лесостепной зоне.

В настоящее время в ВК выделяются 3 этапа (Троицкая 1992: 24–31; Троицкая, Новиков 1998: 60–65), которые представлены отдельными типами керамики. В целом, для всех этапов характерны широкогорлые, круглодонные сосуды, шарообразные формы тулова, уплощенный орнаментированный насечками венчик I тип относится к одинцовскому этапу. Для него характерна короткая, четко профилированная шейка, утолщенный венчик. Среди элементов орнамента наиболее распространенным был гребенчатый штамп, оттиски и ямки. Жемчужины на этом этапе отсутствуют. Мотивы – горизонтальный, вертикальный, наклонный, ёлочка и зигзаги. Орнамент наносился на верхнюю треть сосуда и состоял из двух зон, отделенных друг от друга рядом ямок. Характер орнаментации выражается в четком различии зон, которые занимали определенное место в композиции.

Ко II (тимирязевский этап) типу керамики относятся более приземистые формы сосудов, преобладает прямое горло. В орнаментации для него были характерны элементы ямок, жемчужин, гребенчатого штампа. Орнаментальные мотивы сохраняются прежние, но в основном преобладают узоры из наклонных и вертикальных линий, чаще встречаются зигзаги. Степень орнаментированности сосуда возрастает. Единично представлены следы уточек, жемчужины и ямки продолжают выполнять разделительную роль. Композиции становятся многообразнее.

III тип относится к юрт-акбалыкскому этапу. В нем сохраняются основные особенности керамики, происходит изменение форм: более половины сосудов имеют прямую шейку, четверть – закрытое отогнутое горло, утолщенный венчик. Для орнаментации характерен вертикально нанесенный гребенчатый штамп. Более половины сосудов имеют жемчужины. Ряды ямок и жемчужин стали редко играть роль разделителей. Среди мотивов стал преобладать горизонтальный. От этапа к этапу число сосудов с зигзагообразным мотивом возрастает. Степень орнаментированности незначительно уменьшается, но композиции на III этапе становятся еще более пышными и разнообразными. Это указывает на увеличение самостоятельных тенденций в керамике ВК. В Верхнем Приобье фигурная орнаментация была опосредована связью с культурами степного пояса.

Анализ керамического комплекса РК и ВК по отношению к КК указывает на высокую степень корреляции орнаментов и форм на начальных этапах и скачкообразное появление новых элементов по мере ее ассимиляции, приспособления к собственным потребностям, а также воздействия внешних факторов. Возможно, это связано с приходом нового населения, на что указывают изменения в орнаментации керамического материала. Дальнейшие исследования позволят ответить на поставленный вопрос.

Научный руководитель: к.и.н., доц. А.В. Новиков

Список литературы

- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1979.
- Троицкая Т.Н. Орнаментация керамики верхнеобской культуры // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск, 1992. С. 22–35.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск : Изд-во ТГУ, 1984.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск : Изд-во ТГУ, 1991.

Т.В. Суховольских

*Новосибирск, Новосибирский государственный
педагогический университет*

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ХОЛМОГОРСКОГО КЛАДА (ОПЫТ КОМПОЗИЦИОННОГО АНАЛИЗА)

При разработке Холмогорского месторождения (на границе Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов) весной 1976 г. случайно был обнаружен набор из 193 предметов, уложенных в прямоугольную яму на небольшой глубине. находка получила наименование «Холмогорский клад» и под таким названием вошла в науку. В составе комплекса представлены разнообразные предметы: оружие, котел с пробитым дном, стекловидные и костяные бусы, а также бронзовые изделия. Коллекция хранится в МБУК «Сургутский художественный музей» и полностью опубликована (Зыков, Федорова 2001). Изображения Холмогорского клада, о которых идет речь, имеют датировку III–IV вв. н.э. (Зыков, Федорова 2001: 96–101).

Среди бронзовых изделий коллекции особую группу образуют 13 антропоморфных изображений – «личин». Целью данной работы является определение композиционной схемы, по которой выполнены антропоморфные изображения Холмогорского клада и апробация различных вариантов их классификации по выделенным художественным признакам. При работе с монографией А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой выяснилось, что отдельные изображения изменили изначальные пропорции (очевидно при макетировании данного издания), что привело к невозможности их анализа по опубликованным рисункам (Зыков, Федорова 2001: 96–101). В связи с этим, нами были проанализированы рисунки антропоморфных изображений в их реальном масштабе и пропорциях*.

Первым признаком стала простая геометрическая форма, в которую вписываются изделия с опорой на крайние выступающие точки. Таких схем четыре – это разные по конфигурации вертикальные овалы (в основном с усеченным верхом). Вспомогательным средством стало пропорциональное соотношение личин по ширине и высоте.

При описании композиции изделий делается упор на варианты исполнения отдельных частей (глаза, нос, рот, брови, ресницы, дополнительные отметины на лице). Некоторые личины выполнены в зеркальной симметрии, другие же намеренно несимметричны за счет дополнительных насечек или валиков. Изделия стоит рассматривать относительно глубины стилизации человеческого лица. Одни выполнены подробно, другие далеки от реальности, что, в свою очередь, никак не влияет на восприятие данного изделия и оно все равно трактуется как личина. Выделяется четыре варианта исполнения верха личин: 1. Условно-зооморфные головки. 2. Орнитоморфное. 3. С головным убором. 4. Комбинированное.

В ходе проделанной работы художественное описание каждого изделия из коллекции стремится к выделению общих стилистических направлений всех личин Холмогорского клада и обозначении общей композиционной схемы, применимой в дальнейшем для описания подобного рода изделий.

Научный руководитель: к.и.н., доц. А.В. Новиков

Список литературы

Зыков А.Я., Федорова Н.В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV вв. – Екатеринбург : Сократ, 2001. – 174 с.

А.С. Тарасова

Барнаул, Алтайский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗОЛОТЫХ АППЛИКАЦИЙ С ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ И КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУР

В курганах Западной и Южной Сибири скифо-сакского времени найдены аппликации из цветных металлов. Изделия из золотой, серебряной, бронзовой, медной и оловянной фольги наклеивались или пришивались на деревянную, берестяную, кожаную или войлочную основы для большей декоративности и привлекательности различного рода украшений, в том числе для одежды.

Проведенный сравнительный анализ золотых аппликаций памятников пазырыкской и каменной культур необходим для выявления их общих и особенных черт. Сравнительная характеристика проведена в несколько этапов. Сходства и отличия были выявлены в отношении художественных образов аппликаций, техники и технологии изготовления, а также их химического состава.

Археологические памятники 2-й пол. I тыс. до н.э. Алтайского края и Республики Алтай, курганная группа Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) Краснощековского района, комплекс на плоскогорье Укок (юго-западная часть предгорий Алтая) являются объектами пазырыкской культуры. Памятники Алейской степи Локоть-4а (юг Алтая) и Бугры (северо-западные предгорья Алтая) принадлежат к каменной культуре.

В ходе анализа многочисленных материалов по исследованию данных археологических объектов были выявлены их идентичные и отличительные особенности. Так, например, художественные образы в виде листовых аппликаций, располагавшиеся в основании мужских головных уборов памятников Ак-Алаха-1 (к. 1) и Локоть-4а (к. 9) имеют сходные изобразительные зооморфные мотивы – стилизованные профильные головки грифонов с изогнутым клювом и хохолком (Полосьмак, 2001: 33; Шульга, 2003: 76). Одежду женщины из памятника Бугры (к. 4) также украшала аппликация в виде изображения головы грифона (Тишкин, 2012: 286). Но если подобные элементы из пазырыкского памятника (Ак-Алаха-1, к. 1) лежали в основе некоего повторяющегося (ритмичного) орнаментального мотива, то образ у «каменцев» (Локоть-4а, к. 9) имеет основу в виде отдельной фигуры хвостатого грифона.

Аппликация головного убора «золотого человека» из памятника Локоть-4а (м.-1, к. 9) изготовлена в виде стилизованного изображения головы оленя с ветвистыми рогами (Шульга 2003: 73). Такой же образ украшал мужской головной убор памятника Ханкаринский дол (к. 7) (Дашковский, Усова, 2011: 80). Однако в изображении данного мотива у обеих культур существуют свои особенности. Листовая аппликация «пазырыкцев» выполнена в традиционном скифо-сибирском зверином стиле (ветвистые изогнутые рога, овальное ухо и круглый глаз), а голова оленя каменной культуры сильно стилизована и упрощена, не выделены глаз и ухо.

При декоре костюма пазырыкское и каменское население применяло не только зооморфные образы, но и другие фигуры. Аппликации в виде ромбов и «запятых» служили украшением головного убора ребенка памятника Локоть-4а (м.-3 к. 9) (Шульга, 2003: 75). Схожие декоративные мотивы применяли и «пазырыкцы», но уже при украшении ворота одежды из могильника Ханкаринский дол (к. 15) (Дашковский, Усова, 2011: 81). Тем не менее, несмотря на схожесть данных фигур, пазырыкские аппликации в виде ромбов имеют центральные сквозные прорезы, в отличие от каменных, где их нет. Сами ромбические фигуры различны по форме. Изображения аппликаций в виде «запятых» памятника Локоть-4а (м.-3 к. 9) на самом деле являются таковыми, в отличие от пазырыкских, где данные «запятые» являются схематичными профильными фигурами головок грифонов.

При изучении головных уборов и их декоративных элементов из памятников Ак-Алаха-1 и 3 (к. 1), а также могильника Ханкаринский дол (к.15) пазырыкской культуры исследователи отмечали, что в их основе лежит концепция трехчастного деления мира (Полосьмак, 2001; Полосьмак, Баркова, 2005). Данная особенность прослеживается в отношении расположения зооморфных образов в виде аппликаций на определенных частях данных элементов костюма: на вершине находились фигуры оленей или козлов, в средней части – птицы (проводники в верхний мир), в основании – изображения грифонов как символы сакрального низа. Головной убор «золотого человека» (Локоть-4а, м.-1 к. 9) имеет общие черты в отношении применения таких декоративных элементов, как образа оленя и грифона. Но данные образы не отражают смысловую нагрузку трехчастного деления, при этом их всего два и между ними нет среднего элемента в виде образа птицы.

Золотые аппликации из памятников пазырыкской культуры применялись в основном для украшения головных уборов или париков (Полосьмак, 2001). «Каменцы» использовали данный материал не только при декоре головных уборов, но и расшивали ими в виде блях поверхность других элементов одежды (Шульга, 2003: 67). Схожий декор куртки найден в элитном кургане саков Казахстана Иссык (Акишев 1984: 64). Подобная традиция «каменцев» найдена и в материалах памятника Бугры (к.4) (Тишкин, 2012: 287). Таким образом, «каменцы» применяли при декоре своих личных вещей больше золота, так как золотые прииски для них были более доступны, чем кочевникам горных районов Алтая.

Рассматривая химический состав листовой фольги данных памятников, выявили одну общую черту – все золото в них самородное. Особенность состава золота «пазырыкцев» выражается в низкой пробе со значительным содержанием серебра (до 40,8%) (Щербаков, Рослякова, 2000: 179–184). Однако золото каменных памятников имеет в основном высокую пробу, содержание которого довольно высокое (от 70 до 96%) (Тишкин, 2011).

Говоря о технологии изготовления листовых аппликаций, следует заметить, что обе культуры применяли технику пришивания и имели обычай покрывать ею предметы с помощью клея, вероятно, рыбьего, что подтверждают остатки кальция (Щербаков, Рослякова, 2000: 170).

Таким образом, в ходе сравнительного анализа золотых аппликаций с одежд пазырыкской и каменной культур были выявлены их сходства и различия. Причиной сходства листовых аппликаций данных культур является результат идущего процесса смешения обрядности и унификация инвентаря. Идентичны и образы аппликаций, но их смысловая нагрузка различна. В основе изобразительных мотивов у «пазырыкцев» лежит образность, у «каменцев» же стилизация, что дает основание утверждать о юго-западных и западных контактах с саками, чей компонент в сложении каменной культуры был основным. Культурно-исторические процессы в период скифо-сакского времени на территории лесостепного и предгорного Алтая демонстрируют смешение сакско-каменной и сакско-пазырыкской обрядности. Слабые связи каменной культуры с пазырыкской проявляются в особенностях погребального обряда. Наиболее активные взаимосвязи «каменцев» второй половины I тыс. до н.э. с саками Казахстана обуславливают проявления традиционности их изобразительного творчества и динамичных этнокультурных процессов.

Список литературы

- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата : Наука, 1984. – 176 с.
- Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры из могильника Ханкаринский дол (Северо-западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. № 3. С. 78–84.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск : ИНФОЛИО-Пресс, 2001.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005.
- Тишкин А.А. Определение химического состава некоторых находок из цветных металлов, обнаруженных в центральном погребении кургана № 4 памятника Бугры с помощью рентгенофлюоресцентного анализа // Вестник алтайской науки. – 2011. – № 1. – С. 47–52.
- Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae / red. Wojciech Blajer. – Kraków : Uniwersytet Jagielloński Instytut Archeologii, 2012. С. 281–290.
- Шульга П.И. Могильник Локоть-4а. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003.
- Щербатов Ю.Г., Рослякова Н.В. Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск, 2000. – С. 169–185.

А.А. Тимощенко¹, М.В. Быкова², Е.Н. Бочарова³

¹Кемерово, Институт экологии человека СО РАН

²Красноярск, Красноярский краевой краеведческий музей

³Новосибирск, Новосибирский государственный университет

НОВАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОАН О. КАМЕННЫЙ (60 КМ) I)

Изучение памятников железного века и средневековья Северного Приангарья особо актуально, поскольку вопросы освоения древним населением металлургических технологий остаются пока что мало изученным. Увеличение числа источников по данному вопросу положительно влияет на разработку данной проблемы. Целью данного сообщения является ввод в научный оборот новых материалов по металлургии Северного Приангарья.

Объект археологического наследия (ОАН) Остров Каменный (60 км) I находятся в Северном Приангарье, в долине р. Ангары, на левом (по течению р. Ангары) девятиметровом береговом уступе острова Каменный, в 2,5 км ниже его верхнего мыса. Расстояние от г. Усть-Илимска – 60 км. Остров является четвертым по счету одноименным островом на этом участке.

Местонахождение открыто в 1998 г. Нижне-Анграским отрядом археологической экспедиции ИГУ, под руководством к.и.н. Е.О. Роговского. В 2012 г. работы велись Усть-Жеванским отрядом ИАЭТ СО РАН (Иркутский филиал), под руководством к.и.н. Н.А. Савельева, в рамках спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС. Работы проводились двумя раскопами, общая вскрытая площадь раскопа №1 составила 200 кв. м, № 2 – 50 кв. м.

Территория памятника ограничена в рельефе. Представляет собой залесенный пологий склон, ограниченный с запада береговым крутым склоном, с востока – крутым склоном, поднимающимся вглубь острова. С юга и севера площадка сужается и переходит в высокий береговой склон. Вся площадь объекта покрыта лесным массивом. Поверхность объекта на большей площади сильно нарушена ледовыми валами и воздействиями антропогенного характера – современными ямами, остатками построек.

Металлургическая площадка зафиксирована в раскопе № 1, пикет № 2 (рис.1-1), в кровле коричневато-серой супеси, на глубине 0,15–0,25 м от современной дневной поверхности.

Для слоя характерна низкая концентрация материала в виде единичных находок, в основном группирующихся вокруг остатков сыродутных горнов, которые расположены вдоль края террасы. Среди археологического материала: фрагменты керамической посуды, отходы металлургического производства, изделия из металла. В слое были расчищены остатки от 7 сыродутных однокамерных плавильниц, 1 кострище и 1 очаг. Горны по пикету концентрируются двумя группами: № 1–3 в восточном углу и № 4–7 в западном и располагаются в шахматном порядке.

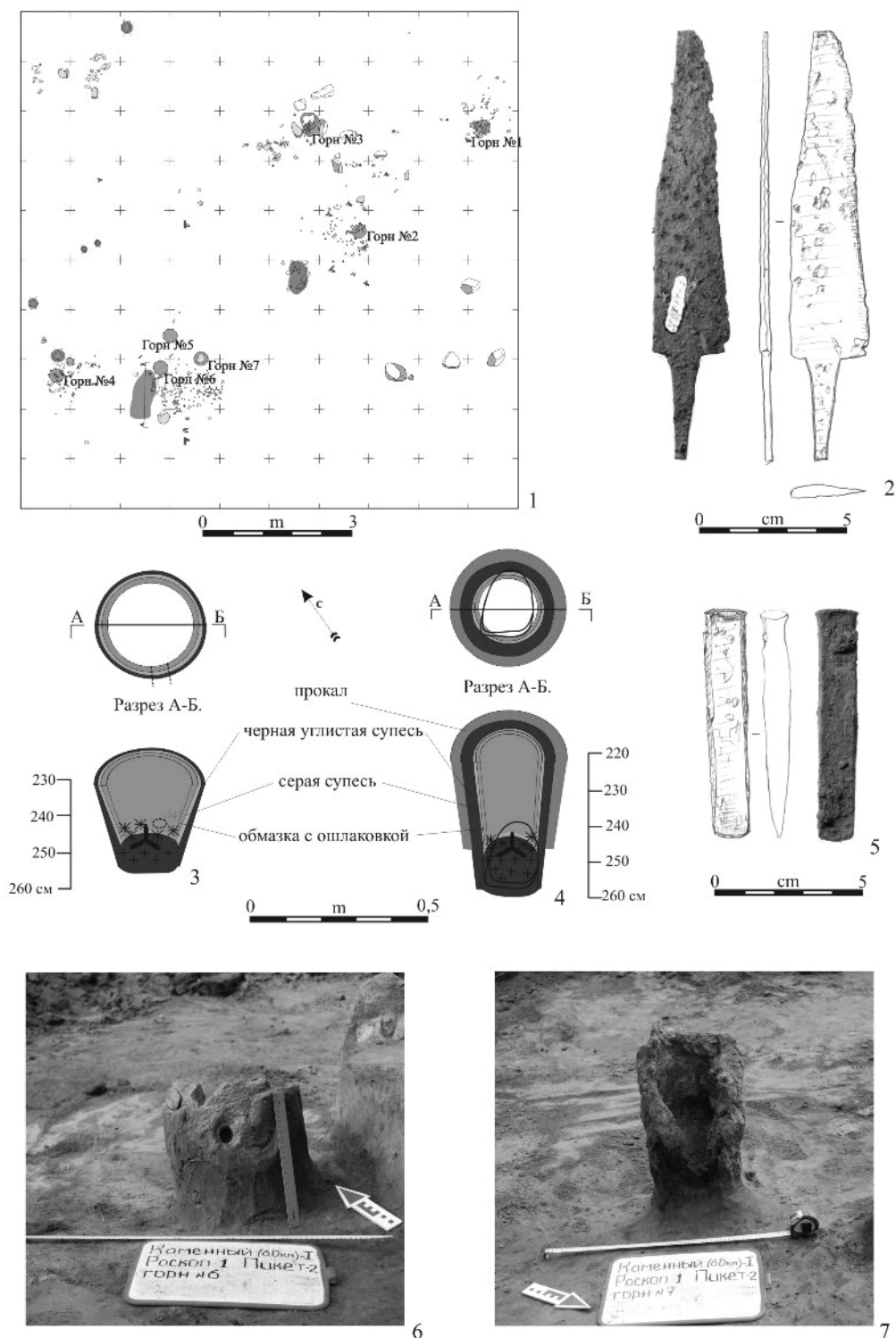

Рис. 1. Фрагменты металлургического комплекса ОАН о. Каменный (60 км) I
 1 – общий план пикета № 2, слой № 1; 2 – нож; 3 – план и разрез горна № 6;
 4 – план и разрез горна № 7; 5 – зубило; 6 – фото горна № 6; 7 – фото горна № 7

Горны № 1–4 разрушены. Остатки от горнов № 1–3 располагались в 5,5 и 7,5 м от края террасы, № 4 – в 2 м. От них сохранились фрагменты обожженной глины оранжевого и серого цветов с ошлаковкой и без. От горна № 3 остался плоский камень с остатками обмазки оранжевого и серого цветов. Как в заполнении горнов, так и в его окрестностях фиксируются многочисленные угольки, фрагменты крицы и шлака.

У горнов № 5–7 сохранились нижние части камер, которые были зафиксированы в 2,8 м и 3,5 м от края террасы. По своей конструкции это однокамерные горны, без шлаковывпуска, цилиндрической формы с овальным дном, расширяющиеся кверху. У всех горнов имеется отверстие для сопла, которое находилось со стороны реки. На древней поверхности возле горнов были зафиксированы развалы от стенок верхней части камеры, которые делались из глины. Отмечено также большое количество шлаков.

Горн № 5: высота 30 см, внешний диаметр 26–21 см, внутренний диаметр 18 см, диаметр сопла 2,5 см. В заполнении зафиксированы шлаки, мелкая галька, на дне – крица. Внутренняя сторона ошлакована.

Горн № 6: высота 34 см, внешний диаметр 21 см, внутренний диаметр 16 см, диаметр сопла 3,5 см. В заполнении не зафиксирована крица, шлаки. Внутренняя сторона ошлакована (рис. 1-3, б).

Горн № 7: высота 38 см, внешний диаметр 23 см, внутренний диаметр 16 см, диаметр сопла 2,5 см. В заполнении зафиксированы мелкие угольки, на дне крица – сильно обожженный плоский камень размерами 18x15x3 см. Внутренняя сторона ошлакована (рис. 1-5, 7).

Стратиграфическая ситуация в местах фиксации горнов отличается от общей стратиграфии объекта. Плавильницы фиксировались в слое черной супеси мощностью до 8–10 см, ниже – плотная светло-серая супесь мощностью до 3 см, под ней – прокаленная плотная супесь оранжевого цвета с включениями угольков.

Кроме полуразрушенных горнов на площади раскопа были выявлены кострище и очаг. Кострище, выделенное по пятну зольника, вытянуто по линии СВ–ЮЗ, длина кострища 0,78 м; ширина 0,46 м, максимальная толщина линзовидного в сечении прокала и подстилающего его зольника – 0,11 м. Очаг, представляющий собой скопление 10 валунов, между которыми обнаружены угольки и пятна зольника. Размеры очага по линии З–В – 0,7 м, по линии С–Ю – 0,4 м. Зольник развеян, прокала в разрезе не зафиксировано.

С металлургическим процессом связано наличие в слое изделий из металла: однолезвийный нож с хвостовиком (рис. 1-2), миниатюрное зубило прямоугольной формы (рис. 1-5), напёрсток, кованые гвозди, изделие из металла в виде кольца, обмотанного двумя металлическими проволоками, 7 фрагментов тонких металлических пластин. Кроме изделий из металла в слое найдена керамика с тонкими обмазочными валиками, фрагменты венчиков закрытой формы с наклонными оттисками лопаточки с прямым рабочим краем. Тулово этого сосуда орнаментировано тремя горизонтальными рядами наклонных оттисков того же штампа, поверх второго ряда проходит поясok цилиндрических вдавлений, внешняя поверхность тулова покрыта «вафельными» отпечатками.

Характер культурного слоя, наличие сыродутных горнов, предметов из железа указывает на производственную площадку. Изученные гоны из слоя однотипны, подобные сооружения характерны для обширной территории р. Ангары с раннего железного века до эпохи средневековья. Подобные конструкции отмечены на памятнике Пропсихинская Шивера – I (Мандрыка, Титова, Князева, Сенотрусова, 2012, с. 34–42) и датированы в пределах второй половиной I тыс. н.э. На стоянке Усть–Кова в 1976 г. подобный горн в результате радиоуглеродного анализа получил дату 2450±50, на о. Сосновый похожие печи А.П. Окладников вместе с гладкостенной керамикой относит к «самому раннему железному веку» (Гладилин, 1985: 168–170). В 2011 г. в первом культурном слое стоянки Усть–Кова I (пункт 2) были найдены остатки домницы, при вскрытии которой была выявлена ее постепенно сужающаяся углубленная форма (Харевич и др., 2011: 483).

Находки подобных металлургических площадок, позволяющих реконструировать форму горнов, являются редкими для территории Северного Приангарья. Дальнейшее подробное и детальное изучение данного комплекса даст новые данные о развитии металлургии в этом районе.

Научный руководитель: д.и.н., проф. В.В. Бобров

Список литературы

Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск, 1985. С. 167–180.

Мандрыка П.В., Титова Ю.А., Князева Е.В., Сенотрусова П.О. Поселение Проспихинская Шивера-I на Ангаре // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2012. – Вып.V. – С. 31–42.

Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Томилова Е.А. Исследование стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири сопредельных территорий. – Новосибирск, 2011. Т. 17. С. 482–486.

В.И. Шуберт

Томск, Томский государственный университет

К ВОПРОСУ О МИРНОМ СОСУЩЕСТВОВАНИИ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ И КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУР ПО МАТЕРИАЛАМ КИРЕЕВСКОГО III ГОРОДИЩА

Однозначный ответ на вопрос, какой характер носили отношения между большереченской и кулайской культурами на протяжении существования Киреевского III городища (КирГ III), дать сложно. В данной статье будут рассмотрены возможность мирного сосуществования культур и вероятность возникновения военного конфликта.

КирГ III было открыто в 1977 г., раскопки проводились Л.А. Чиндиной в 1995–2002 гг. Городище расположено на мысе р. Обь, имеет многослойную структуру. По определению Л.А. Чиндиной, в состав входят культурные слои поселений ирменской, большереченской и кижировской культур, само городище как вид памятника относится к раннему этапу (васюганскому) кулайской культуры. Кулайцы заняли территорию большереченско-кижировских поселений не позднее конца IV в. до н.э. (Чиндина, 2003: 13). Отдельно следует отметить включение кижировской культуры в большереченскую культурную общность (Троицкая, 2003: 183). В статье рассматривается кижировский вариант большереченской культуры.

Материалы позволяют точно говорить об обменном типе контактов между культурами. Доказательством служат находки небольшого количества костей домашних животных в кулайском культурном слое, которые попали туда скорее в результате обмена между большереченско-кижировцами и кулайцами, нежели случайно. Косвенно на обменные отношения могут указывать и фрагменты керамики обеих культур, находящиеся в одном слое, что точно позволяет говорить о каком-либо взаимодействии.

Для возникновения военного конфликта должны быть причины, одной из основных с древнейших эпох по наше время является борьба за ресурсы. Другие, такие как нарушение каких-либо договоренностей, кровная вражда, практически не могут быть доказаны с помощью археологических источников. В решении вопроса о разделении ресурсов и возможности конфликта из-за них может помочь анализ хозяйственно-культурного типа большереченско-кижировской и кулайской культур.

Ведущую роль в хозяйстве большереченцо-кижировцев играло скотоводство (Троицкая, 1994: 50). Найденные на КирГ III и расположенные вблизи кулайских очагов-горнов остеологические останки лошадей еще не позволяют однозначно доказать наличие коневодства среди населения городища. Они могли попасть туда в результате обмена. В решении этого вопроса может помочь анализ костных останков, в ходе которого можно будет определить возраст, породу лошадей, что позволит выявить их принадлежность к какой-либо археологической культуре. Отсутствие на памятнике следов мест для загона скота и инструментов для заготовки кормов говорит в пользу отсутствия комплексного коневодства в хозяйстве кулайцев. Однако железные удила, относящиеся к кулайской культуре, позволяют сделать вывод об использовании лошади в качестве транспорта. Насколько это было связано с производством конного скотоводства, судить пока сложно. Способ захоронения костных останков говорит о сакральной роли лошади (Барсуков 2001: 352). Охота и рыболовство являлись двумя основными отраслями в кулайском хозяйстве. При выборе нового места для поселения решающую роль играло наличие богатой ресурсной базы, необходимой для существования (Чиндина 2009: 272). В большереченско-кижировской культуре охота и рыболовство играли вспомогательную роль (Троицкая 1994: 53).

Сравнив две археологические культуры в ключе потребляемых ими ресурсов, можно сделать вывод о крайне малой вероятности военных конфликтов, которые могли возникнуть в результате борьбы за них. Так как большереченско-кижировская и кулайская культуры, занимая собственные ниши в хозяйстве, практически не соприкасались при добыче ресурсов. В пользу мирного сосуществования также говорят вышеназванные отношения обменного типа между культурами. Более развитый оружейный комплекс и наличие хорошо укрепленных городищ у кулайской культуры иллюстрирует превосходство в военном деле перед большереченцо-кижировцами. Таким образом, при возникновении военного столкновения вероятность победы была бы выше у носителей кулайской культуры.

В итоге проблема, рассмотренная в данной статье, приблизила нас к поиску ответа на вопрос о возможности мирного сосуществования между кулайской и большереченско-кижировской культурами на протяжении существования КирГ III.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Л.А. Чиндина

Список литературы

Барсуков Е.В. Сакральное в бронзолитейном производстве Киреевского III городища // Историко-культурное наследие северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001. С. 351–353.

Чиндина Л.А., Панкратова Л.В. Археологические памятники в окрестностях посёлка Киреевска // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. – Томск, 2003. С. 10–15.

Чиндина Л.А. Динамика природной среды обитания и южные границы расселения кулайцев // География – теория и практика: современные проблемы и перспективы. – Барнаул, 2009. С. 270–274.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск : Наука, 1994.

Троицкая Т.Н., Назарова О.Е. Сходство керамики кижировской и староалейской культур и природный фактор // Экология древних и современных обществ. – Тюмень, 2003. С. 183–186.

Археология средневековья

К.Т. Акматов

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

СЦЕНЫ ОХОТЫ В ПЕТРОГЛИФАХ СЕВЕРНОГО ПРИИССЫККУЛЯ (КЫРГЫЗСТАН)

Наскальные рисунки – один из широко распространенных видов археологических памятников на территории Кыргызстана. Обычно они встречаются в горах, предгорьях, в бассейнах и террасах рек, где имеются каменные и скальные плоскости, удобные для нанесения рисунков.

Отдельные скопления петроглифов расположены в горах и предгорьях Кунгей Ала-Тоо, в Иссык-Кульской котловине. Здесь в разные годы исследователями были зафиксированы петроглифические комплексы. Однако до сих пор, за исключением чолпонатинских и орнокских наскальных рисунков, целенаправленно они еще не исследовались. Имеются лишь краткие сообщения и обзорные описания памятников. Между тем, многочисленные разносюжетные изображения Северного Прииссыкуля являются ценным источником для реконструкции древнего хозяйства, облика воинов и религиозных представлений древнего населения региона. За последние годы, благодаря усилиям кыргызстанских и зарубежных исследователей, изучение памятников изобразительного искусства Тянь-Шаня возобновилось.

В репертуаре петроглифов Северного Прииссыкуля встречаются изображения горных козлов, архаров, оленей, лошадей, верблюдов, быков и собак. Интересны и своеобразны рисунки воинов и всадников. Имеются многофигурные композиции: сцены охоты, сражения, караваны. Наиболее распространенными и популярными являются сцены охоты.

Многочисленные сцены охоты иллюстрируют значительное разнообразие способов добычи зверя при помощи луков и стрел. Судя по изображениям, основными объектами охоты служили горный козел и архар, реже – олень и бык. Встречаются как и индивидуальные, так и коллективные сцены охоты. Интересны сцены, где всадники и собаки загоняют животных на пеших лучников.

Новые данные, полученные в результате изучения наскальных изображений, дают реальную возможность определить хозяйственный тип рассматриваемого региона в древности. Судя по многочисленным сценам в петроглифах Северного Прииссыкуля, охота занимала значительное место в хозяйстве древнего населения региона.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Ю.С. Худяков

В.В. Ахметов

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

КОГУРЁСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ КОРЕИ*

Когурё – государство, существовавшее на территории Северо-Востока Китая и Корейского полуострова с III–IV вв. по 668 г. Широко известны когурёские гробницы с фресками, которые постоянно привлекают пристальное внимание исследователей. Можно привести примеры, в том числе отечественных работ, посвященных погребальной живописи в Ко-

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН №39.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: НИР 6.2069.2011.

гурё, либо гробницам с фресками (Гилев, 2010; Джарылгасинова, 1972). С другой стороны в отечественной историографии не встречается сколько-нибудь серьезных исследований, предметом которых становились бы когурёские погребения без фресок. Изучение таких погребений необходимо для понимания погребальной обрядности всех слоев населения когурёского государства, а не только элиты, а также для разрешения актуальной проблемы происхождения погребальной обрядности бохайцев, учитывая, что многие, в большей части корейские, специалисты указывают на когурёские черты бохайских погребальных традиций.

Территориальные рамки ограничены Южной Кореей (Республикой Корея), потому что когурёские погребальные памятники представлены здесь могилами без погребальной живописи. Их выделяет и то, что они качественно изучены, публикации характеризуются подробным описанием материала, в отличие, например, от Китая и Северной Кореи.

В Южной Корее известны несколько когурёских могильников. Один из них – это могильник Пхангёдон в городе Соннам пров. Кёнгидо. Он состоит из двух курганов – под одним из них было два каменных склепа с могильными коридорами, под другим – один, т.е. всего 3 погребения. Еще один могильник Поджондон, состоящий из 2 могил, раскопан в пров. Кёнгидо в районе г. Ёнин. Могилы Чхонгери в районе г. Хвасон в пров. Кёнгидо. Под одним курганом находилось два погребения. Могильник Синдамни располагается на берегу реки Хантхан неподалеку от с. Синдамни в уезде Ёнчхон, пров. Кёнгидо. Могилы Чхонджонни и Пандонни исследованы в районе г. Чхунчхон в пров. Канвандо. Могильник Туджонни, включающий в себя шесть погребений, раскопан в пров. Северная Чхунчхон рядом с г. Чхунджу (Пэк Чоно, 2009).

Погребальные конструкции данных могил имеют многих общих черт. Что представляют собой данные погребения – видно на примере могильника Синдамни (Ким Санник, Ким Чхунбэ, 2003). Он был обнаружен в 1991 г., состоит из 2 могил. До начала раскопок погребение № 1 представляло собой холм диаметром 20 м и высотой 3 м, погребение № 2 – холм диаметром 8 м и высотой 1 м, между двумя холмами расстояние было 10 м. Погребения были разграблены, о чем свидетельствует зафиксированный лаз в погребение № 1. Кроме того, обработка земли вокруг холмов, более поздние погребения также разрушали культурный слой, относящийся к этим могилам.

Погребение № 1 ориентировано по линии СЗ–ЮВ и представляло собой каменный склеп с могильным коридором, пристроенным с юго-западной стороны. Склеп вместе с коридором, по-видимому, покрывался каменными плитами, в пользу этого говорят оставшиеся каменные перекрытия в районе соединения склепа с коридором. Коридор смещался к восточной стене склепа, т.е. стена склепа была продолжением коридора. Приблизительные размеры склепа по линии СЗ–ЮВ – 4,5 м, по линии З–В – 3 м. Длина коридора 3,5 м. В могиле были найдены фрагменты керамики когурёского образца, небольшое количество костного материала.

Погребение № 2 сохранилось гораздо хуже. Это также каменный склеп, но от его каменной кладки почти ничего не осталось. Размеры: по линии С–Ю – 3,8 м, по линии З–В – 3 м. Коридор здесь, вероятно, также был пристроен с южной стороны склепа.

Что касается способа возведения этих погребений, сначала, вероятно, подготавливалась площадка на поверхности, затем на ней возводились склепы, поверх которых возводились земляные насыпи.

Немного выбиваются из общего ряда когурёские погребения в районе Туджонни. Всего здесь найдено 6 могил, средние размеры которых в длину 2, –2,6 м, ширину 1,1–1,3 м, в плане подпрямоугольной формы. Могилы представляют собой грунтовые ямы со стенками сложенными из камней в несколько рядов. К южным стенкам пристраивалась конструкция, обозначавшая вход. Гвозди найдены во всех погребениях, вероятно, во всех из них были деревянные гробы. Кроме того обнаружены фрагменты керамики, серебряное кольцо. Керамика когурёского типа, датируется примерно второй половиной IV в. Рядом с г. Чхунджу

известны и другие когурёские памятники, например, когурёская стела, единственная на Корейском п-ове (Чунвонный копун, 2009).

Количество когурёских погребений в Южной Корее – восемнадцать на семи памятниках. Почти все погребения – это каменные склепы с курганными насыпями. Погребальные камеры склепов имеют могильные коридоры, пристроенные с южной стороны. Немного отличаются могилы в Туджонни, которые являются грунтовыми ямами со сложенными из камней стенками, хотя прообразом для них, вероятно, служили все те же каменные склепы, т.к. вход с южной стороны здесь также имеется. Современные северные провинции Южной Кореи были пограничной для Когурё территорией, отсюда такое незначительное количество погребений, которые, учитывая их особенности, вероятно, принадлежали средним слоям когурёсцев. Скорее всего, в них хоронили людей из соседних с ними когурёских городищ, но незначительное количество могил (несмотря на то, что данные территории находились под контролем Когурё IV–VI вв.) может быть показателем того, что большая часть предпочитала быть захороненным в исконно когурёских землях.

Научный руководитель: к.и.н. С.В.Алкин

Список литературы

Гилев А.А. Погребальный обряд когурёской элиты IV–VII вв. н.э. (по материалам гробниц с фресками) : автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Новосибирск, 2010.

Джарылгасинова Р.Ш. Когурёские гробницы и их настенная живопись // Корейское классическое искусство. – М., 1972. – С. 15–29.

Ким Санник, Ким Чхунбэ. Ёнчхонсиндамнигобун. Пальгульджоса погосо (Могильник Ёнчхон Синдамни. Отчет о раскопках). – Уезд Ёнчхон : Хангуктходжигонса тходжипан-мульгван, 2003.

Пэк Чоно. Обзор когурёских погребений на территории Южной Кореи // Когурёбальхээнгу (Изучение Когурё и Бохая). – 2009. – № 35. – С. 221–250.

Чунвонный копун (Могилы Чунвона). – Чхунджу: Куннипчунвонмунхваджээнгусо, 2009.

*А.В. Веренская
Иркутск, НИ ИрГТУ*

ПРИБАЙКАЛЬСКИЕ ПЛАСТИНЫ ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ (ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Скифо-сибирский звериный стиль существовал на широкой степной территории от Дуная до Ордоса, характерные для него сюжеты и образная система отражали идеологию мира воинственных племен кочевников. Однако бытование предметов искусства звериного стиля представлено неравномерно территориально и хронологически, можно выделить периоды расцвета и угасания. Один из периодов возрождения звериного стиля приходится на рубеж кон. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., когда в местах обитания хуннов складывается своеобразный хуннуский звериный стиль. Одним из ярких примеров которого являются поясные пластины (или пряжки).

В данной статье рассмотрены 7 пряжек из археологических коллекций ИОКМ и ИрГТУ. Три пряжки, находящиеся в коллекции ИОКМ, обнаружены на острове Осинском (погребальный комплекс № 4) [Смотрова, 1991]. Из коллекции ИрГТУ: две обнаружены в памятнике Цаган-Хушун ПВ (5, 18 комплексы), одна из местонахождения Байкальское VII (2 комплекс), и одна с подъемных сборов с территории Нижнеудинского района [Харинский, 2004б].

Пряжки, найденные на памятниках Цаган-Хушун и Байкальское VII типологически схожи с бляхами с острова Осинский. Они незначительно отличаются по размеру (практически равны по длине, по ширине же бляха из Цаган-Хушун, комплекс № 5, шире почти на 0,8 см), все прямоугольной формы, ажурные, с решётчатым орнаментом – геометрическим узором, все (кроме одной из двух, с острова Осинский) имеют штырёк (видимо, крепление для ременной петли). Однако на этом сходство заканчивается. Две бляхи-пряжки с острова Осинский имеют гладкую рамку, в центре и по краям украшены головами ушатых грифонов, прямоугольник рамки делится пополам продольной перемычкой, параллельной длинным краям. Между ней и рамкой располагается по 6 ступенчатых поперечных перемычек с каждой стороны, причем располагаются они зеркально друг к другу, относительно центральной линии [Смотрова, 1991]. Ближе всего к ним морфологически бляха из памятника Байкальское VII, на ней имеются штырёк, делящая пополам центральная перемычка и по 6 с каждой стороны. Однако из-за плохой сохранности бляхи невозможно точно трактовать узор, скорее всего, она также украшена головами грифонов (около штырька угадываются очертания головы и уха грифона). С обратной стороны данные пряжки не плоские. Отдельно следует отметить пластину из могильника Цаган-Хушун ПВ, погребение № 5. Она также является ажурной, имеет штырёк для крепления, прямоугольную рамку. В данном случае ажурный узор создан плавными, без острых углов линиями. В прямоугольнике рамки четыре соприкасающиеся нити металла, которые можно трактовать как змей. Все четыре головы змей располагаются в одном конце бляшки, там, где находится штырёк. Волнистые перемычки не пересекают, а лишь соприкасаются друг с другом и с рамкой, всего семь изгибов на каждой. Дополнительно рамка украшена узором из прочерченной линии. Этой линией украшены рамка и каждая из четырех перемычек-змей. С обратной стороны пряжка плоская. Данная пряжка визуально соотносится с пряжкой из Иволгинского городища, узор которой также составлен из змей, разделённых продольной прямой полосой. В Прибайкалье подобная пластина зафиксирована в могиле № 4 Куркутского комплекса, могила датируется III–II вв. до н.э. [Асеев, 1980]. Пряжки с острова Осинский датированы по типологии хуннских бронз в пределах II в. до н.э. – I в. н.э. [Смотрова, 1991]. Поясная пластина из памятника Цаган-Хушун аналогична минусинским ажурным прямоугольным пластинам и пластинам из Ордоса, которые датируются III–II вв. до н.э. [Дэвлет, 1976].

К пряжке с острова Осинский, изображающей сцену борьбы хищников со змеем или драконом (размер 12,5 x 6 см) близка пряжка из Нижнеудинского района [Харинский, 2004]. Данная пряжка также является прямоугольной ажурной, почти равна по размеру (12 x 6,2 см.). И довольно распространена сцена терзания в хуннском искусстве, в данном случае – два грызущих друг друга коня. Рамка данной пряжки, как и Осинской, покрыта орнаментом из удлинённых ячеек. Один из коней кусает другого за ногу, второй грызёт спину первого, остальное пространство в рамке заполнено стилизованным листовидным орнаментом, на котором есть ячейки, возможно для инкрустации, такие же ячейки есть на копытах коней, на ушах, ноздрях, плечах, суставах. Бедро и круп оставлены выпуклыми и гладкими, реалистично обозначены глаза; гривы показаны одной линией, примыкающей к телу. Композиция уравновешена и симметрична. Стилизованные ветви и листья образуют внутри рамки овал, внутри которого и находятся фигуры и который создает контраст с четырехугольной рамкой и прямоугольным орнаментом на ней. Листовидные ячейки на ветвях и ажурность всей бляшки подчеркивают динамичность и эмоциональность сцены. С обратной стороны пластина не плоская. Пряжка морфологически соотносится с бляхами из Ордоса, поясные пластины со сценами борьбы коней есть в Бурятии (например, Дырестуйский могильник, Кяхтинский район) [Артамонов, 1973; Миняев, 1998]. Согласно хронологии Прибайкалья, пряжка принадлежит к елгинскому этапу Байкальской культурно-исторической области, т.е. III в. до н.э. – IV в. н. э. [Харинский, 2005].

Особенно примечательной является пряжка, обнаруженная на памятнике Цаган-Хушун ПВ, в комплексе № 18 [Харинский, 2004]. Типологически она относится к другой форме сибирских пряжек. Данная бляха прямоугольна с одной стороны, с другой стороны имеет расширенное округлое окончание. Пряжка в виде головы быка или буйвола; с округлого окончания есть штырёк. Пряжка также имеет типичные для звериного стиля листовидные ячейки-выемки, которые симметрично расположены по сторонам бычьей головы. Две из ячеек начинаются ото лба быка и плавно изгибаются назад, символизируя рога. Под ними симметрично находятся две листовидные ячейки, которые, по всей видимости, обозначают уши быка. И затем расположены две листовидные ячейки с острыми окончаниями, повернутыми вниз, ещё два симметричных лепестка замыкают композицию, также как и сверху их концы повернуты друг к другу и почти смыкаются. Голова очерчена плавной мягкой линией и составлена из большого объёма, ракурс вид сверху, с двумя глазами по бокам, почти вплотную к телу бляхи, и вытянутого цилиндрического объёма, примыкающего к плоскости головы и обозначающего морду с двумя ноздрями, цилиндрический объём чуть расширяется и увеличивается, чтобы передать раздутые ноздри животного. Композиция бляшки уравновешенная, лаконично решённая, форма объёма головы уравновешивается «прорезью» такой же округлой формы, в которой расположена морда. Конец морды быка скрепляется с основным объёмом бляшки при помощи трех перемычек. С обратной стороны бляшка не плоская. Между разведёнными рогами барана есть прорезь, ограниченная с одной стороны – головой, а с другой – смыкающимися концами стилизованных рогов, на этом же краю находится штырёк – крючок. Возможно провести типологические аналогии с поясной пряжкой из коллекции Лемме, происходящей из Северного Причерноморья (на которой также есть прорезь для продевания ремня и носок-крючок) [Руденко, 1962]. Есть сюжетные аналогии. Дэвлет М.А. описывает 4 пряжки в виде головы быка, происходящие из находок на средней Енисее и в Забайкалье [Дэвлет, 1980]. Стилистическое сходство можно найти с бронзовыми пряжками из Минусинской степи (пластины с изображением двух быков, показанных в сложном ракурсе, с поворотом опущенной вниз головы и передней части туловища в фас при профильном положении остальной части фигуры, очерк голов быков схож с линией формы головы быка с пряжки из Цаган-Хушуна) [Артамонов, 1973; Руденко, 1962; Миняев, 1998]. С.И. Руденко относит подобные пряжки к ремненным. В могильнике Бурлак, погребение 5, был обнаружен сохранившийся наборный пояс с двумя пряжками, на которых была изображена сцена борьбы двух тигров с драконом [Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000]. После исследования непогребённого погребения № 100 Иволгинского могильника А.В. Давыдова делает вывод относительно функции бронзовых блях: они являются поясными, что доказывается их положением на скелете погребённой [Давыдова, 1971].

Согласно С.С. Миняеву бронзовые изделия из хуннских памятников Забайкалья изготовлены в основном из многокомпонентных сплавов. Исследователь выделяет три типа: а) медь–олово–свинец, б) медь–свинец–мышьяк, в) медь–олово–свинец–мышьяк [Миняев, 1976]. Анализ химического состава исследуемых пряжек (исследования проводились 4 декабря 2012 г. в лаборатории кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета) показал, что сплав металла блях с острова Осинский и Байкальское VII относится к первому типу; ажурная пластина, с борющимися конями – ко второму; бляха из 5 комплекса Цаган-Хушун – к третьему типу сплавов. Бляха в виде головы быка изготовлена из сплава медь–свинец–олово–цинк. Стоит отметить, что Миняев отдельно выделяет изделия, которые типологически и по химическому составу отличаются от хуннских бронз, и делает вывод, что данные предметы изготовлены не в Забайкалье, а иной горнометаллургической области. В частности, пряжки «лировидной» формы с язычком, сделанные из сплава меди с цинком или многокомпонентного состава медь–цинк–свинец [Миняев, 1976].

Таким образом, четыре пряжки имеют небольшой наклонный штырёк, по всей вероятности, использовавшийся для крепления ремня. Однако одна из пряжек не имеет крепления, возможно, она не принадлежит к типу ременных и нашивалась на верхнюю одежду в качестве украшения. Из рассмотренных пряжек шесть (в т.ч. с острова Осинский) выполнены в прямоугольной форме, типичной для данного стиля, и одна пряжка имеет форму, закруглённую и расширенную с одной стороны. Четыре пряжки имеют геометрический орнамент, три – зооморфные мотивы, из них две содержат сцены терзания (характерные для хуннского звериного стиля), одна изображает голову животного. Пряжки, обнаруженные в Прибайкалье, соответствуют по химическому составу сплава типичным хуннским бронзам Забайкалья, однако одна из пряжек (в виде головы быка) содержит примесь цинка, что по всей вероятности указывает на её не Забайкальское происхождение.

Типологические корреляции с хуннскими бронзами, по мнению многих исследователей (Харинский, Смотрова, Миняев, Руденко и пр.), указывают на культурные контакты обитателей Прибайкалья елгинского этапа (III в. до н.э. – IV в. н.э.) с населением хуннской кочевой империи. Данная категория изделий – поясные пряжки-застёжки – является частью комплекса украшений пояса, традиционно имеющего сакральный характер в культуре кочевников. Типологически хуннские поясные пряжки, очевидно, были предметами престижного импорта [Харинский, 2004]. В этом качестве они должны указывать на высокий социальный статус погребённых. Высокое качество отливки, по крайней мере, некоторых из них, косвенно указывает именно на их привозное происхождение в Прибайкалье. Проведённый художественно-стилистический анализ зооморфных застёжек позволяет видеть в них выдающиеся образцы звериного стиля. Пряжка с изображением головы быка, пожалуй, единственная, имеющая стилистические аналоги не в хуннском ареале Забайкалья, Монголии, Ордоса, а к западу от Прибайкалья – в Минусинской котловине.

Научный руководитель: д.и.н. А.В. Харинский

Список литературы

- Артамонов М.И. Сокровища саков. – М. : Искусство, 1973. – 280 с.
- Археология СССР: свод археологических источников / под общ. ред. акад. Б.А. Рыбакова. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962.
- Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). – Новосибирск : Наука, 1980. – 150 с.
- Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины. – М. : Наука, 1980. – 66 с.
- Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. – Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000. – 174 с.
- Миняев С.С. Бактрийские латуни в суннских памятниках Забайкалья. – Л., 1976.
- Памятники археологии. – Улан-Удэ : НоваПринт, 2011. – 392 с. : ил. – (Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Т. 2).
- Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири : сб. науч. тр. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – 252 с.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962.
- Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – 247 с.
- Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях байкальского побережья конца I тыс. до н.э. – II тыс. н.э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии : сб. науч. тр. / под ред. Ю.В. Кирюшина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004б.

КОЛЛЕКЦИЯ ФАРФОРОВОЙ И ФАЯНСОВОЙ ПОСУДЫ ПОСЕЛЕНИЯ «СТАРАЯ ЧИТА»

Сосуды из фаянса и фарфора – особый вид археологических источников, изучению которых в последнее время уделяется значительное внимание.

В данной статье дается предварительный анализ коллекции фарфоровой и фаянсовой посуды, полученной в ходе раскопок участка поселения «Старая Чита» по адресу Селенгинская 20 в 2009, 2011 гг. Общая площадь вскрытия культурного горизонта поселения составила 648 м² Археологический материал зафиксирован на глубине 0,1–0,2 м от современной поверхности в слое почвы. Значительная часть материалов обнаружена в хозяйственных ямах и остатках строения (Верещагин, 2009: 127).

Коллекция фрагментов фаянсовой посуды включает 234 фрагментов изделий. В большей степени это фрагменты тарелок и блюдца из белого с желтоватым оттенком фаянса. На днищах 4 изделий имеются клейма фабрик изготовителей в виде изображения двуглавого орла, обрамляющего его фирменной подписью. Три клейма надглазурные, печатные, одно вдавлено в тесто. Это 2 клейма «Товарищества Кузнецовых» на днищах идентичных блюдец диаметром 13 см. Клеймо выполнено голубой краской, содержит надпись «Т^{во} М.С. КУЗНЕЦОВА БФ». Относится к 1890–1917 гг (Мусина, 1995: 37) (рис 1: 1).

<p>① “Т-ва М.С. КУЗНЕЦОВА Б.Ф.” Фаянс: 2 блюда, марка надглазурная, цвет голубой</p>		<p>⑥ «Т^{во} М.С. КУЗНЕЦОВА» Фарфор: тарелка, подглазурное изображение, цвет красно-коричневый; фаянс: фр-т дна тарелки (вдавлено в тесто)</p>	
<p>② “ТОВАРИЩЕСТВА М.С. КУЗНЕЦОВА. ВЪ РИГЬ” Фаянс: ваза, марка надглазурная, цвет синий, Рижский завод (1864-1880 гг).</p>		<p>⑦ «М.С. КУЗНЕЦОВА» «ВЪ ДУЛЕВЪ» Фарфор: кружка, надглазурный штамп, цвет синий, Дулевский завод 1864-1888 гг.</p>	
<p>③ “М.С. КУЗНЕЦОВА” Фаянс: фрагмент днища, марка надглазурная, цвет зелёный</p>		<p>⑧ “фабрика М.Ф.ЖАДИНА” “С.РЕЧИЦЫ” Фарфор: фрагмент дна, синий цвет, надглазурный штамп.</p>	
<p>④ “М.С. КУЗНЕЦОВА” “ВЪ РЫБИНСКЪ” Фарфор: блюдце, цвет синий, марка надглазурная, Рыбинский завод (1894-1917 гг).</p>		<p>⑨ “фабрика М.Куринова” Фарфор: фрагмент дна, синий цвет, подглазурный штамп. с. Речицы, Московская губерния 1858 - 1918 гг.</p>	
<p>⑤ «ПЕРЕВАЛОВА*ЦЕЛКУПОВА* МЕТЕЛЕВЫХЪ И К^о». «ФАБР.ТОРГ Т^{во} ВЪ ИРКУТСКЪ». Фарфор: блюдце, 2 фрагмента днищ, цвет синий, красно-коричневый Иркутск 1900-1913 гг.</p>		<p>⑩ Китайский фарфор, 2 фрагмента днищ пиал, подглазурный штамп, красно-коричневого цвета</p>	

Рис.1. Таблица марок посуды с поселения Старая Чита

К изделиям Рижского завода относится ваза цилиндрической формы со слегка отогнутым наружу венчиком. Диаметр вазы – 11 см, толщина стенок – 0,5 см. Клеймо представлено надписью на днище изделия – «ТОВАРИЩЕСТВО М.С. КУЗНЕЦОВА ВЪ РИГЪ». Надпись помещена в ленту и обрамляет двуглавого орла снизу. Цвет клейма – синий. Возможная датировка 1889–1917 гг. (Мусина, 1995: 37) (рис 1: 2).

Другие варианты клейм Товарищества на фаянсовых изделиях представлены на днище тарелки и фрагменте дна. Клеймо на фрагменте дна зелёного цвета, дугообразная надпись «...М.С. КУЗНЕЦОВА» обрамляет снизу двуглавого орла. Клеймо, скорее всего, относится к периоду деятельности фабрик Товарищества Кузнецова 1889–1917 гг. (рис 1: 3).

Клеймо на фрагменте дна тарелки, в отличие надглазурных клейм, описанных выше, вдавлено в тесто изделия, а потом раскрашено бледно-серой краской. Оно является единственным в коллекции. Клеймо представляет собой изображение двуглавого орла и обрамляющую его снизу дугообразную надпись: «Т^{во} М.С. КУЗНЕЦОВА». Ниже марки штамп: «М8 12» (рис. 1: 6). Из фаянсовых изделий также наиболее примечательны фрагменты крупной тарелки с растительным орнаментом в виде ветви с распустившимися на ней цветами фиолетового цвета (мощность профиля фрагментов – 1 см).

К коллекции фрагментов фарфоровой посуды относятся 234 экземпляра. Большинство из них почти полностью апплицируются, имеют разнообразные клейма изготовителей и яркую орнаментацию. Это столовая посуда, такая как блюдца, чайная чашка, тарелка, пиалы.

Блюдца представлены двумя апплицированными единицами. Первое, диаметром 14,5 см, украшено разноцветным растительным, с применением позолоты, орнаментом на внутренней поверхности. На дне – клеймо синего цвета, в виде кольцеобразной ленты с надписью «...М.С. КУЗНЕЦОВА». Вверху клейма – шестиконечная звезда, внизу – фрагмент арабской надписи. В центре, скорее всего, размещалась надпись «ВЪ РЫБИНСККЪ», что свидетельствует об изготовителе – заводе в Рыбинске Ярославской губернии (1894–1917 гг.). Марка надглазурная, штампом (рис 1: 4).

Второе блюдце идентично по размерам первому. Орнамент также нанесён на внешнюю поверхность и представлен чередованием позолоченных линий, лучей, спиралей на фиолетовом фоне. Клеймо производителя отличается от вышеперечисленных ранее клейм. Оно овальной формы. По периметру овала расположена надпись «ПЕРЕВАЛОВА*ЩЕЛКУНОВА*МЕТЕЛЕВЫХЪ И К°». В центре овала: «ФАБР.ТОРГ Т^{во} ВЪ ИРКУТСКЪ». Производителем изделия является фабрично-торговое товарищество «Товарищество Перевалова, Щелкунова и Метелевых и К°», существовавшее в г. Иркутске в 1900–1913 гг. С подобными клеймами в коллекции имеется ещё 2 фрагмента днищ. Цвет марок – синий, красно-коричневый (рис 1: 5).

Примечательна плоскодонная тарелка с высокими бортами (6 см) и диаметром 15 см. Изделие – белого цвета с розовой полоской по краю венчика на внешней поверхности (ширина 0,7 см). На тарелке клеймо красно-коричневого цвета: фирменная дугообразная надпись «Т^{во} М.С. КУЗНЕЦОВА» обрамляет двуглавого орла (рис 1: 6)

Из целых предметов в коллекции также имеется чайная кружка с ручкой, диаметр по срезу венчика – 9 см. Внешняя поверхность ярко украшена растительным орнаментом. На внутреннюю сторону венчика нанесена позолоченная полоска, шириной 0,7 см. На дне – клеймо синего цвета: дугообразная лента с надписью «...М.С. КУЗНЕЦОВА» обрамляет изображение двуглавого орла. Под изображением орла надпись «ВЪ ДУЛЕВЪ». Согласно данной марке, кружка изготовлена на Дулевском заводе М.С. Кузнецова и датируется ранним периодом его существования, 1864–1889 гг. (Мусина, 1995: 37) (рис 1: 7). На 2 фрагментах днищ имеются также клейма, отличные от выше описанных. Первое клеймо на днище предположительно блюдца – в виде надглазурной надписи синего цвета «фабрика М.Ф. ЖАДИНА и С. РЕЧИЦЫ» (рис 1: 8).

Второе клеймо – с надписью «фабрика М. КУРИНОВА». Над надписью расположено стилизованное изображение орла. Марка подглазурная, синего цвета, относится к продук-

ции завода М.М. Куринова. Завод располагался в Речицах Броннинского уезда Московской губернии в 1858–1918 гг. (Мусина 1995: 42) (рис 1: 9). Помимо изделий из фарфора российских производителей, в коллекции присутствуют два фрагмента днищ китайских чаш (пиал). Изделия белого цвета, внешняя поверхность украшает яркий растительный орнамент. Орнамент рельефный, скорее всего, нанесён вручную. Толщина профиля фрагментов – 0,5 см. На днищах сохранились клейма красного цвета, в виде 5 иероглифов, вписанных в овал (клеймо размыто), и 6 иероглифов, вписанных в квадрат. Марки подглазурные. Датировать изделия пока не представляется возможным (рис 1: 10).

В целом коллекция фрагментов фарфоровых изделий является довольно представительной и разнообразной. Она является пока единственным собранием, сформированным в ходе археологических работ в Чите и Забайкалье. Характер имеющихся материалов позволяет отнести их хронологическому диапазону сер. XIX – нач. XX вв., установить регионы их производства: Прибалтика, западные районы Центральной России, Восточная Сибирь, Китай.

Научный руководитель: С.Б. Верещагин

Список литературы

- Мусина Р.Р. Марки российского фарфора (1744–1917). – М. : Знание, 1995.
Верещагин С.Б. Археологические работы в исторической части города Чита // Древнее Забайкалье культура и природа. – Чита, 2009. С. 126–133.

П.В. Дорошенко

Красноярск, Сибирский федеральный университет

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА – IV

В данной работе приводится классификация наконечников стрел из средневекового могильника Проспихинская Шивера – IV. Памятник находится на правом берегу р. Ангары в районе устья р. Коды, комплекс изучался Проспихинским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАИЭТ СО РАН в 2009–2011 гг., могильник датируется XI–XIV вв. (Мандрыка и др. 2011).

Классификация наконечников стрел проводилась по методике А.И. Соловьева, где классы выделяются по материалу изделия, отделы – по форме крепления, группы – по форме сечения пера, тип – по форме пера (Соловьев 1987: 35).

Все наконечники стрел из комплекса относятся к двум классам: железные и костяные. Среди железных наконечников выделяются два отдела – черешковые и бесчерешковые; следующие группы – плоские, линзовидные, ромбические, квадратные, трехгранные. Согласно данной классификации были выделены следующие типы наконечников стрел.

Класс I. Железные наконечники стрел.

Отдел I. Черешковые.

Группа 1. Плоские в сечении.

Тип 1.1. Развилчатые срезни (11 экз.), без упора, черешки круглые в сечении. Размеры изделий варьируются от 3,7x2,6x0,6 см до 5,7x2,0x0,5 см.

Тип. 1.2. Срезни (10 экз.), черешки наконечников круглые в сечении. Выделяется два варианта: с упором (2 экз.), их размеры 10,3x1,5x0,3 см и 13,4x1,3x0,4 см и без упора (7 экз.), размеры варьируются от 6,0x1,0x0,4 см до 11,7x1,8x0,4 см.

Тип. 1.3. Наконечники с фигурным пером и упором (2 экз.), размеры 12,4x4,0x0,2 см и 12,5x4,5x0,2 см. Черешки круглые в сечении, на них расположены роговые свистунки бочонковидной формы с прямоугольной прорезью.

Тип. 1.4. Ассиметрично-ромбические с расширением в верхней трети пера (7 экз.), с упором, черешки прямоугольные в сечении. Размеры изделий варьируются от 9,6x2,3x0,2 см до 12,9x1,6x0,4 см.

Группа 2. Линзовидные в сечении.

Тип 2.1. Наконечники с листовидной формой пера (10 экз.). Выделяется три варианта. Первый вариант представлен одним наконечником с отогнутыми шипами, с упором, черешок квадратный в сечении, размеры наконечника 11,7x1,8x0,4 см. Второй вариант представлен четырьмя наконечниками стрел, с упором, в одном случае черешок круглый в сечении, в остальных – квадратный. Следует отдельно отметить наконечник из погребения № 13, черешок которого орнаментирован насечками, образующими мотив «елочка». Размеры наконечников этого варианта варьируются от 10,3x1,9x0,6 см до 16,0x2,4x0,3 см. Еще пять наконечников без упора отнесены к третьему варианту, их размеры от 4,8x1,4x0,3 см до 12,0x2,5x0,4 см.

Тип 2.2. С пером пятиугольной формы (7 экз.), все наконечники с упором, сечение черешков круглое или прямоугольное. Выделяется два варианта с отогнутыми шипами (3 экз.), их размеры от 12,6x2,1x0,3 см до 14,3x1,8x0,4 см, а также без шипов (4 экз.), их размеры от 6,2x1,0x0,3 см до 8,9x2,4x0,7 см. Сохранность наконечников в большинстве случаев плохая.

Группа 3. Ромбические в сечении.

Тип 3.1. С пером долотовидной формы и отогнутыми шипами (9 экз.), с упором, черешок круглый в сечении. На перах наконечников расположены поперечные насечки. Их размеры варьируются от 7,9x1,3x0,5 см до 10,6x1,0x0,6 см.

Группа 4. Квадратные в сечении.

Тип 4.1. Перо шиловидной формы (3 экз.), наконечники без упора, их размеры от 5,8x0,5x0,4 см до 13,4x1,3x0,4 см.

Группа 5. Трехгранные в сечении.

Тип 5.1. С узкой треугольной головкой (2 экз.), с упором, черешок круглый в сечении. Размеры наконечников 8,4x1,2x1,2 см и 9,6x1,5x1,4 см.

Отдел 2. Бесчерешковые.

Группа 1. Линзовидные в сечении.

Тип 1.1. Перо треугольной формы (4 экз.), с шипами. Крепились с помощью роговых обойм, круглых в сечении (Сенотрусова, 2010: 263–264). Размеры наконечников от 7,5x2,4x0,2 см до 9,6x2,3x0,2 см.

Класс 2. Костяные.

Группа 1. С пером вытянутой формы, его размеры 10,2x1,3x0,8 см.

Большую часть наконечников из культурного комплекса составляют железные плоские черешковые наконечники, костяные стрелы представлены одним экземпляром. Следует выделить типы, характерные для таежной зоны Средней Сибири и Северного Приангарья, в частности, это стрелы с роговыми вкладышами обоймами, наконечники пятиугольной и долотовидной формы с шипами (Худяков, 1991: 56). В то же время срезни, ассиметрично-ромбические, пятиугольные наконечники широко распространены на территории Евразии в развитом средневековье.

Большинство наконечников стрел имели универсальный характер. При этом вильчатые срезни применялись для охоты на мелкую дичь; шиловидные и долотовидные были бронебойными (Фокин, 2005: 65–67); трехгранные наконечники, по мнению А.И. Соловьева, применялись для поражения слабобронированных противников (кожаные, костяные доспехи) (Соловьев, 1987: 36). Костяной наконечник стрелы использовался для охоты (Сидоров, 1989: 21).

В целом, коллекция наконечников стрел из могильника Проспихинская Шивера – IV достаточно многочисленна и представлена разнообразными типами. Дальнейший анализ этой категории инвентаря позволит осветить проблемы культурных контактов ангарского населения, а также особенности его военного дела.

Научный руководитель: к.и.н., доц. П.В. Мандрыка

Список литературы

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Бирюлева К.В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск, 2011. С. 432–436.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Использование рога средневековым населением Северного Приангарья (по материалам комплекса Проспихинская Шивера – IV) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск, 2010. С. 263–264.

Сидоров Е.А. Присваивающие виды из хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск, 1989. С. 16–41.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1987.

Фокин С.М. К этническому определению и территориальному распространению долотовидных шипастых наконечников стрел // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. С. 65–67.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск : Наука, 1991.

Н.Б. Евстигнеева

Омск, Омский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ГОРОДОВ СИБИРИ

Казалось бы, история Сибири после прихода русских хорошо изучена и на современном этапе археологические раскопки не нужны, так как картину исторического развития и культурных процессов народов Сибири можно восстановить по имеющимся письменным источникам.

Действительно, по истории Сибири имеются многочисленные письменные источники. Это сибирские летописи (например, Есиповская, Кунгурская, Ремезовская, Строгановская конца XVI–XVIII вв.), отписки и скаски казаков-землепроходцев (краткие, но ёмкие рассказы самих землепроходцев, сохранившиеся в виде записей устных донесений – «скаска», письменных отчетов – «отписки»; например, скаска казака Н.И. Колобова о рыбных богатствах рек Охотского побережья, отписка С.И. Дежнева 1655 г., в которой содержится точная характеристика местоположения «Большого каменного носа», созданные в ходе экспедиций по Сибири, материалы ревизий (первая ревизия – 1719–1722 г., вторая – 1744–1745 гг., третья – 1762–1763 гг., четвертая – 1781–1782 гг., пятая – 1795–1796 гг.) и отчеты губернаторов (ежегодно составляемые губернатором отчеты описывали развитие своего края, рассказывали об организации управления, о социально-экономических и политических процессах в своем районе). Письменные источники стали основой для исследования и изучения социальных, экономических, политических и культурных процессов в Сибири конца XVI–XVIII вв.

Однако раскопки археологических памятников русских на территории Западной Сибири, таких как:

-города: Верхотурье (П.А. Корчагин), Тара (С.С. Тихонов, С.Ф. Татауров), Тобольск (А.В. Матвеев), Томск (В.И. Матющенко, М.П. Черная), Тюмень (А.В. Матвеев), Мангазeya (М. И. Белов, В.Ф. Старков),

-остроги: Бергамацкий (Л.В. Татаурова), Умрeвенский (А.П. Бородовский), Саянский (С.Г. Скобелев),

-деревни: Изюк и Ананьино (Л.В. Татаурова)

показывают, что археологические материалы значительно дополняют письменные источники (дают уникальную информацию по системе расселения, оборонительным сооружениям, торговле, дорогам). Может быть и так, что на основе археологических материалов мы получаем такую информацию, которая в письменных источниках не сохранилась по различным причинам или её вообще там не было (например, о погребальном обряде, домостроительстве, быте).

Археология русских Западной Сибири, или поздняя археология, имеет свою специфику, и здесь картина двояка. С одной стороны, отлично сохраняется органика в слое (примером может послужить сохранность срубов, кожаной обуви, деревянной посуды, игрушек, ткани, веревок), например, на территории первого русского города в Среднем Прииртышье – Тары. С другой стороны, сохранность многих памятников оставляет желать лучшего, так как именно на местах археологических памятников живут люди, которые серьезно разрушают культурный слой. Раскопки в центре города Тары ведутся не один год (церковь Бориса и Глеба, Воеводская усадьба, Тобольские ворота), и выяснилось, что на месте Тарской крепости располагаются здание районной администрации, почты, музея, жилые дома, поэтому культурный слой нарушен.

В ходе раскопок русских памятников возникли проблемы, которые стоят не так остро при изучении более ранних памятников.

Одна из наиболее сложных задач – датировка. Культурный слой на памятниках весьма насыщен, а каждая его прослойка может свидетельствовать о каком-то событии, соотносимом с письменными источниками. Поэтому не достаточно датировать весь памятник в целом, но следует переходить к точной и узкой датировке отдельных прослоек и объектов, что возможно при высоком развитии дендрохронологии. С внедрением этого метода в археологическую практику резко изменилась вся ситуация изучения культурного слоя и содержащихся в нём древностей. В Сибири этот метод применялся крайне ограниченно. В Красноярском институте леса, где лес изучают как природный объект, есть лаборатория дендрохронологии, но у них другая задача. Они изучают структуру годичных колец как показатель климатической изменчивости, берут образцы от растущих деревьев и идут вглубь, находя дерево в раскопках.

На многих памятниках Сибири (памятники города Тары, Бергамак-1, Изюк-1, Ананьино-1) найдена уникальная органика (кожа, текстиль, дерево), но время оставляет свой отпечаток. И далее, если находки оставить в таком виде, то они будут разрушаться. Здесь есть большая необходимость в реставрации. Реставрация включает в себя очистку (расчистку), укрепление, устранение деформаций, восстановление формы по имеющимся подлинным фрагментам (в необходимых случаях – восполнение утрат), консервацию, а также приведение к экспозиционному виду и подготовку к длительному хранению в условиях экспозиции или хранения. Эту работу могут проводить только специалисты, которых катастрофически не хватает.

То есть на современном этапе требуется привлечение специалистов для реставрации и датировки. Это одно из важнейших направлений, которое необходимо более интенсивно развивать.

Рассмотрим и соотнесение культурных слоев с данными письменных источников. На данный момент наиболее удачно это получилось у П.А. Корчагина. Успехи в данном направлении есть и в раскопках Новгорода: новгородский культурный слой достаточно сложный, в его формировании одну из главных ролей играли естественные природные факторы. Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий на основании записей русских летописей пытаются проследить влияние этих факторов на формирование культурных отложений в Новгороде.

Есть проблемы в изучении бытовой культуры. Она известна по письменным источникам. Бытовая культура и занятия более или менее реконструированы по найденным материалам (рыболовные поплавки, игрушки, различные промысловые предметы), но этого не доста-

точно для того, чтобы изучать бытовую культуру системно. Для решения данной проблемы необходимо разрабатывать методику или схему изучения.

Конечно, есть и еще важные специфические проблемы, свойственные отдельным разделам археологии. Но, на мой взгляд, приведенные выше проблемы на данном этапе более актуальны.

Научный руководитель: к.и.н., доц. С.С.Тихонов

Список литературы

- Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 376 с.
Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 299 с.
Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск : Наука, 1990. – 369 с.
Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – 607 с.
Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – 637 с.
Корчагин П.А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. – Екатеринбург, 2001.
Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II / П.А. Словцов. – М. : Вече, 2006. – 512 с. : ил. – (Великая Россия).

А.Ю. Емельянова

Ижевск, Удмуртский государственный университет

АРОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ ПРИУРАЛЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Эпоха позднего средневековья в Приуралье характеризуется сохранением традиционных черт в костюме и в то же время изменением старых элементов. По-прежнему популярны украшения, среди которых особое место занимают арочные шумящие подвески. В целом, им отводилась ритуальная роль. Так, по данным этнографии, у народа коми шумящие подвески, бубенчики являлись оберегами (Савельева, 1987: 192).

Арочные подвески этого времени делятся на штампованные и литые. Литые подвески изготавливали из бронзы, штампованные – из бронзы или серебра. Штампованные подвески изготовлены по одной схеме, с помощью матрицы и пуансона. Основу подвески подвергали дальнейшей обработке – наносили дополнительные украшения, изготавливали отверстия для привесок. В центре основы могли находиться сердоликовые, янтарные или стеклянные вставки. Характерно богатое украшение штампованных подвесок зернью и сканью, применяли чернение, золочение (рис. 1–4) (Белавин, 2000: 88–90). Ажурные подвески с растительным или геометрическим орнаментом (рис. 1–9), литые с изображением медведя (рис. 1–6) изготовлены в технике плоского литья. Отверстия для подвешивания и привесок изготавливали сразу во время отливки либо шилом после остывания основы (Материальная культура... 2010: 61–68; Останина, 2009: 191–196). Литые подвески с имитацией веревочного оттиска и подвески с выступами (рис. 1–2, 3, 7) изготовлены в технике плоского литья. Форму для таких подвесок делали с помощью восковой модели. К основе подвески при необходимости припаивали шарик зерни. Подвески со спиралевидными волютами (рис. 1-1,5,8) изготовлены по несколько другой схеме. К основе подвески с уже имеющимися на ней псевдозернью, имитацией веревки (отлитыми в плоской форме) припаивали спиральновитые волюты. Возможно, что витые жгуты также припаивали к основе. Петли для привесок могли быть отлиты вместе с основой или припаяны к ней (Савельева, 1987: 101–104).

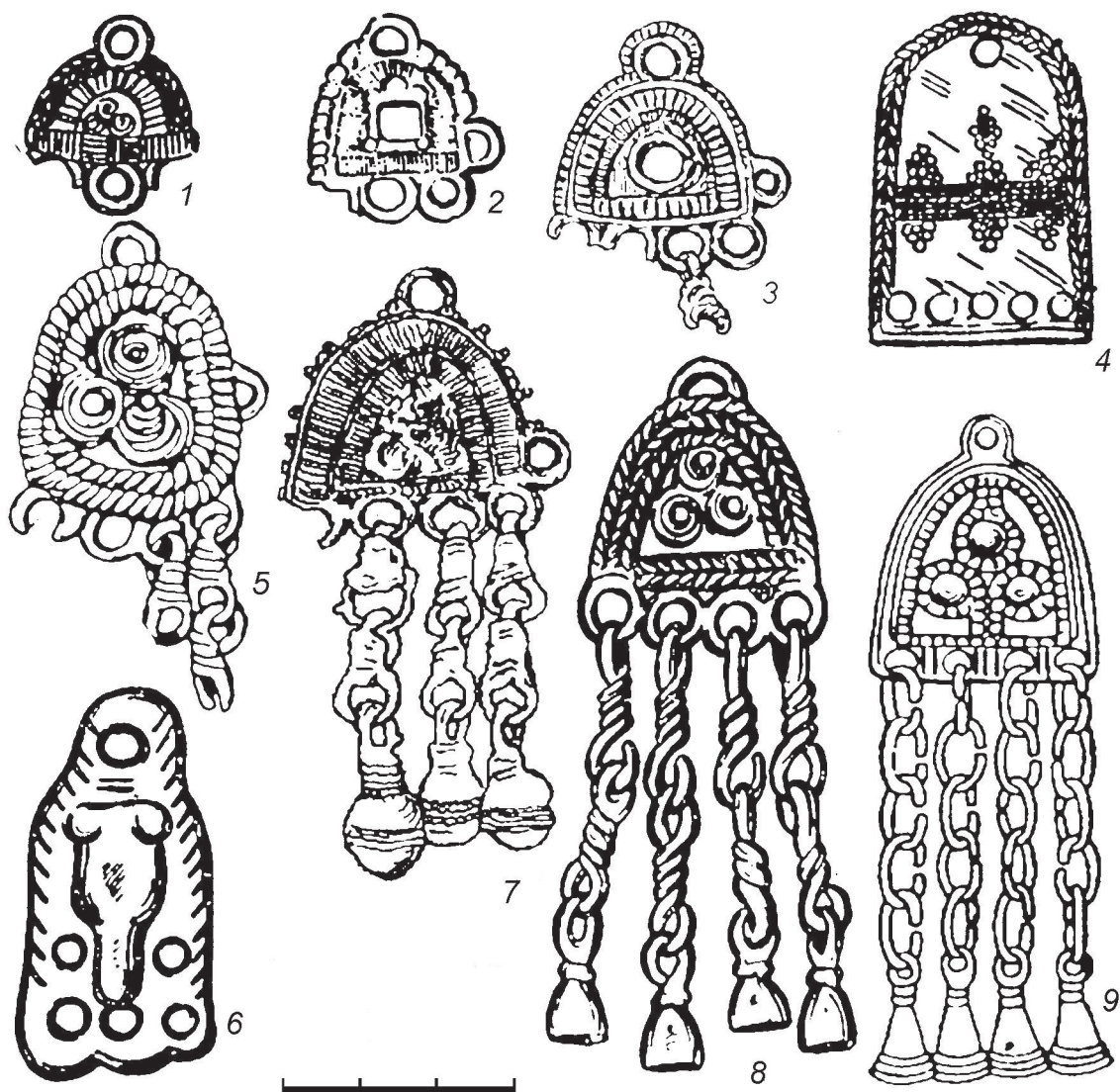

Рис. 1. Основные типы подвесок Приуралья в эпоху позднего средневековья
 1 – Носковский могильник, 2 – городище Шудьякар, 3 – Кузьминский могильник,
 4 – Горт-Кушетский могильник, 5 – Быргындинское IV селище, 6 – Аверинский могильник,
 7 – городище Иднакар, 8 – Буждог могильник, 9 – Варнинский могильник

Отдельные типы арочных подвесок Приуралья, характерных для позднего средневековья, появляются на этой территории в предшествующую эпоху. Так, штампованные подвески появляются в конце IV–V в., литые подвески с растительным и геометрическим орнаментом появляются в конце VII–VIII в. В это же время штампованные подвески начинают богато украшать зернью, сканью, вставками. В конце VIII – первой половине IX в. появляются литые подвески с изображением медведя.

Для второй половины IX–X вв. характеризуются бытованием появившихся ранее подвесок с растительным и геометрическим орнаментом (Плесинский, Баяновский, Варнинский, Танкеевский, Кокрятский, Нижняя Стрелка могильники, Хусаиновские, Бекешевские I курганы) (Оборин, 1956: рис. 39-8; Оборин, 1962: рис. 41-5; Семенов, 1980: табл. V-6,7; Казаков, 1992: рис. 64-6,7, рис. 76-7; Никитина, 2002: рис. 24-10; Мажитов, 1981: рис. 22-5, рис. 24-24, рис. 27-17, 18, рис. 31-10, 11); в единичных экземплярах встречаются подвески с изображением медведя (Аверинский II могильник) (Голдина, Кананин, 1989: рис. 51-11) и штампованные подвески без украшений (Омутницкий могильник) (Семенов, 1985: рис. 4-13). В это же время впервые в единичных экземплярах появляются литые подвески со спиральновитыми волютами в центре основы (Танкеевский могильник) (Казаков, 1992: рис. 64-4).

В X в. появляются литые подвески с выступами-полугорошинами в центре щитка (Лаврятское городище, Тольенский могильник) (Оборин, 1956: рис. 37-3; Семенов, 1988: рис. 3-21); сохраняются богато украшенные штампованные подвески (Редикарский и Пыскаровский клады, Редикарский и Нижня Стрелка могильники) (Белавин, 2000: рис. 37-2,3,5; Никитина, 2002: рис. 31-65).

В XI–XII вв. практически исчезают литые подвески с растительным и геометрическим орнаментом, с изображением медведя; широко распространяются подвески со спиральными волютами, появляются и широко распространяются подвески, украшенные рядами концентрических линий, особо характерные для Верхнего Прикамья и бассейна р. Вымь (Быргындинское IV селище, городища Иднакар и Рождественское, могильники Буждог, Носковский, Рождественский, Горт-Кушетский, Петкойский, Кокпомьягский, Кичилькосьский I и II, Жигановский) (Голдина 2004: рис. 150-1; Иванов 1998: рис. 32-5; Голдина, Кананин 1989: рис. 51-15,17,18; Белавин, Крыласова, 2008: рис. 188-1,2,6; Савельева, 1987: рис. 31-5,6,7,8,9,45); встречаются литые подвески с шатоном для вставки и рядами концентрических линий (городище Шудьякар) (Голдина, Кананин, 1989: рис. 21-13); по всему Приуралью встречаются штампованные подвески, богато украшенные зернью, сканью, часто – со вставками (Горт-Кушетский, Жигановский, Веселовский могильники) (Белавин, 2000: рис. 37-1; Савельева, 1987: 122, рис. 31-44, Голдина, 2004: рис. 166-20).

Суммируя сказанное выше, можно отметить, что отдельные типы арочных шумящих подвесок, характерных для территории Приуралья в эпоху позднего средневековья, появляются здесь в предшествующую эпоху. Часть подвесок, появившихся ранее, в XI–XII вв. исчезает, в то же время появляются новые типы подвесок, характерные для отдельных территорий Приуралья. Новые типы подвесок существенно отличаются от предыдущих, и вместе с тем сохраняют ряд основных признаков.

Научный руководитель: к.и.н., С.А. Перевозчикова

Список литературы

- Белавин А.М. Камский торговый путь. – Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008.
- Белавин А.М., Данич А.В, Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т., Подосенова Ю.А., Сарапулов А.Н. Материальная культура Средневекового Предуралья. Ч. II. –Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск : Удмуртский ун-т, 2004.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1989.
- Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.) – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1998.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. – М. : Наука, 1992.
- Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2006.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М. : Наука, 1981.
- Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. – Йошкар-Ола : МарНИИ, 2002.
- Оборин В.А. Памятники родановской культуры у села Таборы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – М., 1956. – Вып. 65. С. 107–118.
- Оборин В.А. Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1962. – Вып. 2. – С. 95–99.

Останина Т.И. Техника и технология ювелирного дела в эпоху раннего средневековья (по материалам Кузубаевского клада VII в.) // Форум «Идель-Алтай» : материалы научно-практ. конф. – Казань, 2009. – С. 191–196.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1987.

Семенов В.А. Варнинский могильник. Новый памятник полоумской культуры. – Ижевск, 1980.

Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов, 1985. – С. 92–118.

Семенов В.А. Тольенский могильник IX – начала X вв. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1988. – С. 25–58.

М.Г. Конюшкина

Иркутск, Иркутский государственный технический университет

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ ОЛЬХОНСКИХ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Ольхонские буряты являются преобладающим населением Приольхонья – территории, включающей о-в Ольхон и примыкающее к нему западное побережье Байкала, расположенное между р. Бугульдейка и мысом Покойники. Начало формирования этой группы бурят относится к концу XVII в. Обитавшие до середины XVII в. в Приольхонье хоринцы после столкновений в 1643 г. с казаками под руководством Курбата Иванова бежали в Забайкалье. По сообщению прибывшего в 1675 г. в Прибайкалье русского посланника в Китай Николая Спафария, с этого времени остров Ольхон обезлюдел (Спафарий, 1882: 119). В начале 80-х гг. XIX в. бежавшие хоринцы вернулись из Забайкалья в Приольхонье. Но места их бывшего проживания уже были заняты представителями эхиритских родов, переселившихся с Верхней Лены (Балдаев 1970; Свинин 1995). Отсутствие свободных для кочевий мест, а также столкновения с представителями борокчинского и чернорудского родов вынуждают хоринцев вернуться на Селенгу (Токарев, 1939). В конце XIX в. в Приольхонье отмечены следующие эхиритские роды: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й Чернорудские роды, 1-й и 2-й Абзаевские роды, Хенхедеров род (Кулаков 1898: 16), потомки которых проживают здесь и поныне.

В настоящее время в Приольхонье раскопано 119 погребений XIX – начала XX вв. Среди них выделяется два конструктивных типа – наземные и грунтовые. Общими элементами этих захоронений являются вытянутое положение умершего, лежащего на спине, и ориентировка погребенного головой на северо-восток или восток (Харинский, 2006). Наземные захоронения сооружались у гряды скальных выходов. К скале пристраивалась конструкция четырехугольной формы, сложенная из горизонтально или вертикально установленных камней. Внутри неё помещался умерший. Погребальную камеру перекрывали жердями или деревянными саями, на которых привозили покойника (Павлуцкая, 1996). Сверху на деревянное перекрытие укладывали слой камней. Наземные и грунтовые захоронения существовали на территории Приольхонья уже с XV в. (Харинский, 2001: 96, 97). С этого времени их конструкции не претерпели значительных изменений. Умерших в наземных захоронениях лишь стали ориентировать головой в северо-восточном или восточном направлении вместо юго-восточного.

С конца XIX в., благодаря русскому влиянию, буряты все чаще начинают хоронить умерших в деревянной внутримогильной конструкции – гробу (Харинский, 2006). В начале XX в. гробы начинают оббивать хлопчатобумажной тканью. На Ольхоне у каждого рода имелись специальные места для погребения, при этом захоронение усопших производилось строго на родовых сакральных территориях (Жамбалова, 2000: 290). Буряты считали неподобающим хоронить умерших в новом месте, так как им неприятны одиночество и изоляция и они могут забрать с собой в могилу живых людей. В мире духов захоронения усопших формируют улусы; каждая отдельная могила становится домом, в котором обитает душа

умершего. Женские могилы на родовых кладбищах располагались отдельно от мужских и находились на уровень ниже (Жамбалова, 2000: 290). Для умершего специально сооружали некрополь на юго-западном или юго-восточном подножиях горы или на ее склоне (Харинский, 2001: 76). Такое расположение погребений обусловлено представлениями о структуре «мира» и локализации человеческих душ после смерти. У бурят душа – «алтанхунхэн» – располагается в голове (Петри, 1928: 42), чтобы облегчить путешествие в загробный мир, умершего при погребении ориентировали головой в ту сторону, где находилась страна мертвых. В начальном этапе путешествия в страну мертвых большое значение имел возвышающийся над окружающей местностью природный объект, чаще всего гора. Он служил мостом, по которому душа поднималась на небо и далее двигалась в нужном направлении.

Инвентарь в погребение клали в связи со статусом человека. В детских погребениях инвентарь отсутствует, за исключением монет, которые с конца XIX в. являлись обязательным элементом погребальной обрядности. Со второй половины XIX в монеты в погребальном ритуале стали рассматриваться как средства платежа за услуги, оказываемые в загробном мире подручными Эрлэн-хана (Манжигеев 1978: 54, 55). Когда ребенок переходил в подростковую категорию, положение изменялось. В их захоронения начинали укладывать отдельные предметы. Девушкам могли положить ее личные ювелирные изделия – колечки, браслеты, бусы, поясные украшения и т.д. Юношам в погребения клали ножи, поясные атрибуты. Пожилых людей хоронили в праздничной одежде, которую они носили в юности. Чаще всего это была одежда, которую одевали на свадьбу (Жамбалова 2000: 291, 292).

В наше время у бурят, проживающих в Приольхонье и по сей день фиксируется несколько способов захоронений в зависимости от возраста умершего. Молодых людей (до 40-50 лет) хоронят в земле. Новорожденных оставляют на земле. Людей старше 50 лет подвергают кремации (Жамбалова 2000: 289). К сожалению, археологические материалы не подтверждают эту закономерность, обусловленную возрастом умершего.

Научный руководитель: д.и.н. А.В. Харинский

Список литературы

- Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят // Эхириты и булагаты. – Улан-Удэ, 1970. – С. 207–239.
- Жамбалова С.Г. 2000. Профанный и сакральный мир ольхонских бурят (XIX–XX вв.). – Новосибирск : Наука, 2000.
- Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств. – СПб. : Наука, 1898.
- Манжигеев И.А. Бурятские шаманистские и дошаманистские термины. – М. : Наука, 1978.
- Павлуцкая В.В. Сохтер II – могильник в расщелинах скал старобурятского времени (XVII–XIX вв.) // Археологическое наследие Байкальской Сибири. – Иркутск, 1996. – С. 77–88.
- Петри Б.Э. Старая вера бурятского народа // Сборник документов по истории Бурятии XVII века. Улан-Удэ, 1960. – С. 45–74.
- Свинин В.В. Древняя история Предбайкалья и ранние этапы этногенеза западных бурят (до XVII в.) // История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. – М., 1995. – С. 9–86.
- Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. – СПб. : ИРГО, 1882.
- Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск : ИрГТУ, 2001.
- Харинский А.В. Погребальный ритуал ольхонских бурят в XIX – начале XX века (по материалам могильника Елга XII) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск, 2006. – С. 178–200.

СВИНЬЯ И КАБАН В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Первые свидетельства об одомашнивании свиньи народами Приамурья относятся к эпохе неолита. Для тунгусо-маньчжурских народов Приамурья свинья имела большое значение в хозяйственной жизни и духовной культуре. В китайских источниках указано, что мохэсцы содержали их в специальных загонах, зимой кормили отходами от продуктов земледелия и рыбой. Держали свиней и маньчжуры. Они строили свинарники, напоминающие небольшие дома, либо очень просторные загоны. Часть двора, отведенную под свиней, огораживали забором. Свиньи выполняли важные санитарные функции: очищали двор и отхожее место за домом. Но свиньи также могли и уничтожить за несколько часов многодневный труд людей, разрыв и вытоптав посевы (Деревянко, 1975: 165). О брачном обряде мохэсцев в китайских летописях сказано, что женщина в этот день надевает холщовую юбку, а мужчина – шубу из свиной кожи (Деревянко, 1975: 171).

Значение свиньи в хозяйственном и духовном аспектах подтверждается и археологическими источниками. Кости свиньи обнаруживают в разных частях жилищ мохэ: на полках вдоль стен, в сосудах в нишах, в ямах-хранилищах между жилищами, а также в сосудах с жертвенной пищей в могилах и в заполнении могил (Деревянко, 1991: 84).

Письменные и археологические источники позволяют определить место свиньи и кабана в обрядах тунгусо-маньчжурских народов:

1. Погребальный обряд

Характерным является наличие костей и черепов свиней в погребальных памятниках. Таковым является обряд поминальных тризн у найдфельдской группы мохэ, когда на могилу или ее дно помещались черепа лошадей и кабанов (Нестеров, 2001: 35). Точно так же в Троицком могильнике черепа и челюсти свиней, равно как и лошадей, встречаются на дне могил либо в культурном слое погребения (Деревянко, 1977: 76, 104, 158). В более редких случаях встречаются дистальные отделы конечностей. Любая часть скелета могла находиться на уровне древней дневной поверхности или в специально подготовленных ямах. В одном из местонахождений зафиксирован набор из пяти первых шейных позвонков свиньи. Из всех идентифицированных костей, обнаруженных в могильнике, 20,3% относятся к свинье, что по частоте встречаемости занимает второе место после лошади (Васильев и др., 2007: 199–201). Такой же обряд прослеживается в могильниках Первое Озеро и Корсаковском могильнике у чжурчженей (Медведев, 1982: 78; 1986: 22; 1998: 18). В погребении 87 Корсаковского могильника челюсть свиньи была обнаружена в сосуде, возможно, она играла роль сопроводительной пищи (Медведев, 1982: 89).

Наличие в могилах костей свиньи может указывать на существование использования этого животного в погребальных культах и вере в загробную жизнь. Глиняные сосуды и останки животных рядом с ними – свидетельство бытовавшего представления у мохэсцев о загробном мире. Соплеменники снабжали умерших сопроводительной пищей, и немалую часть ее составляло мясо свиньи.

2. Обряды, связанные с жилищем

Свинья с древних времен была жертвенным животным. Ввиду климатических условий на Амуре, где лето короткое, а зимы длинные, большую часть хозяйственной и социальной деятельности человек проводил в своем жилище. В том числе и с этим связаны многочисленные обряды, относящиеся к жилищу, его постройке и охране (Деревянко, 1984: 152). На это указывает обычай мохэсцев класть черепа свиньи у опорных столбов и в углах полуземлянок. Челюсти свиньи или кабана-секача в углах рам-основ жилищ либо под ними были обнаружены на стоянке Большие Симичи на р. Бурея во всех жилищах. После закладывания челюстей и черепов жилище выводилось «под крышу» (Нестеров, 1998: 30–36).

Неподалеку от д. Гродеково, на берегу оз. Кривого, челюсть и череп свиньи обнаружены на полу жилищ (Деревянко, 1980: 123–124), челюсти обнаружены в жилище мохэского времени в пади Степаниха. На Михайловском городище черепа свиней найдены в каждом углу жилища, а в одном из домов обнаружено скопление из шести черепов (Деревянко, 1975: 22, 38). В углах жилищ также встречаются клыки кабанов (жилище на р. Грязнушке). Возможно, черепа свиньи являлись духами, покровительствующими дому.

При проведении раскопок на Усть-Чернинском городище, относящемся к троицкой группе мохэ, в одном из жилищ в углублении под полом был найден череп кабана. Он был повернут мордой ко входу. Кабан символизирует собой сильное и свирепое животное, поэтому отлично подходит для охраны дома. В трехстах метрах от городища в одной из западин было обнаружено захоронение молодой свиньи. Близость к городищу, абсолютные даты и вещественный материал позволяют отнести этот комплекс западин ко времени функционирования городища, а захоронение свиньи указывает на восточное направление связей раннесредневекового населения устья р. Чёрной (Ахметов, Алкин, 2012: 161).

3. Отображение в искусстве

Свинья зафиксирована и в искусстве приамурских племен. Имеются данные о керамических находках с изображением свиньи (Деревянко, 1975: 163–168). Эти находки были сделаны на памятниках Маньчжурии и Северо-Восточного Китая и относятся к эпохе палеометалла. К I тысячелетию н.э. относятся мохэские фигурки кабана. Барельефные бляхи мохэ стали прообразом приморских чжурчжэньских нэцкэ. Набор животных, воплощенный в нэцкэ, позволяет предполагать их непосредственную связь с животным циклом. Летоисчисление велось по календарю с двенадцатилетним животным циклом, в том числе и с годом Свиньи. В металлическом литье (бляхи на наборном поясе) племен Амура преобладают изображения местных животных, в том числе кабана (Деревянко, 1981: 191–199).

4. Свинья как жертвенное животное

В этнографии народов Дальнего Востока зафиксированы обычаи жертвоприношения свиньи, например, такой: у жертвенной свиньи отрезали губы, копыта, концы хвоста и ушей. Заворачивали это в кусок невода и вешали на шест вне дома. Через 9 дней сверток снимали и клали в особое место в лесу. Этот обычай связан с представлением нанайцев, ульчей, самагиров, согласно которому душа животных – сунхэ (самагир сунхи) – живет в носу животного. Свинья как жертвенное животное известна также негидальцам, нанайцам, удэгейцам (Деревянко, 1981: 204). Свинья могла использоваться и в качестве жертвы хозяину воды, если тонул рыбак (Деревянко, 1981: 216).

У народов Амура существовали обряды, связанные и с другими животными, такими как лошадь, собака, медведь, баран и овца. Отношение мохэцев к свинье переняли их наследники чжурчжэни и другие тунгусо-маньчжурские народы.

Научный руководитель: к.и.н. С.В. Алкин

Список литературы

Ахметов В.В., Алкин С.В. Разведочные работы в районе Усть-Чернинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012.

Васильев С.К., Деревянко Е.И., Алкин С.В. Предварительные результаты изучения фаунистических остатков из Троицкого могильника в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007.

Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. – Новосибирск : Наука, 1991.

Деревянко Е.И. К истории жилища с каном (по амурским материалам) // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука, 1984.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск : Наука, 1975.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. – Новосибирск : Наука, 1981.

Деревянко Е.И. Средневековые памятники Среднего Амура // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск : Наука, 1980.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск : Наука, 1977.

Нестеров С.П. Этнокультурная история народов Приамурья в эпоху раннего средневековья : автореф. дис. док. ист. наук. – Новосибирск, 2001.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998.

Медведев В.Е. Курганы Приамурья. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998.

Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. – Новосибирск : Наука, 1982.

П.К. Ломов

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗООМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ)*

Особое место в изучении раннесредневековых культур Обь-Иртышья занимают предметы мелкой глиняной пластики. Мелкая глиняная пластика с Западно-Сибирской равнины представляет собой сложные в образном и технологическом исполнении произведения искусства (Мошинская, 1976: 20). Ранние находки мелкой глиняной пластики данного региона датируются эпохой неолита (Морозов, 2008: 15; Морозов, 2010: 186), крупная коллекция мелкой глиняной пластики датирована переходным временем от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (Чемякина, 2001, 11; Чемякина, 2004, 94; Молодин, Соболев, 1983: 106). По сюжетам изображений имеющийся материал разделяют на 2 крупные группы: зооморфные и антропоморфные. Позднее мелкая глиняная пластика не известна на данной территории вплоть до рубежа I тыс. н.э., когда в лесостепной зоне Обь-Иртышского междуречья заново складывается традиция производства изображений из глины.

Исследуемым археологическим материалом является коллекция глиняных статуэток с Барабинской лесостепи (Кама-4, Кама-3, Туруновка-3, Сопка-1). Исследователи разделили находки на две группы по виду изображаемых животных: к первой отнесены изображения лося; вторую группу составили изображения лошади (Елагин, Молодин, 1991:82). Все они представляют собой глиняные изделия, выполненные едиными техническими приемами в реалистичной манере с передачей деталей. Степень сохранности различная, имеются обломки голов, крупа, туловища (Елагин, Молодин, 1991: 84). Подобные глиняные фигурки, стилистически схожие с барабинскими, обнаружены также на городище Потчеваш (Мошинская, 1976), а также поселении Паново-2 в Среднем Прииртышье (Конигов, 2007: 44), отнесены к одной культуре и имеют сходные датировки.

Остановимся отдельно на зооморфных статуэтках с изображением лошади. Фигурки лошадей, несмотря на различную степень их сохранности, выполнены в реалистичной манере с точной передачей деталей, едиными техническими приемами лепки. Фигурки в целом, а также и отдельные части тела переданы с соблюдением пропорций. Фигурки небольшие по размерам: средняя длина туловища 4-5 см, около 4 см. Верхняя часть голов прямая, ров-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0995 «Генезис изобразительных традиций в древнем искусстве Сибири и сопредельных территорий (междисциплинарные исследования археологических материалов)».

ная, нижняя – немного изогнутая и переходит в шею. Ноздри животного переданы небольшими вдавлениями. Вертикально стоящие налепы показывают уши зверя. Грива лошадей оформлена либо при помощи защипов по ещё сырой глине, либо при помощи налепа тонкой глиняной пластинки. Она довольно большая, в ряде случаев волнистая. Туловище лошадей объёмное, вылеплено в виде небольшого цилиндра. В месте перехода от шеи к туловищу показан характерный изгиб; спина, как правило, немного прогнута, живот несколько выпуклый. Хвост либо отсутствует, либо передан в виде небольшого защипа или налепа.

Ноги лошадей изображены небольшими отростками-налепами, вставленными прямо в туловище палочками или комбинированно – верхняя часть ноги оформлялась глиняным отростком, а уже в него вставлялась палочка. Большинство фигурок по характеру расположения ног изображают животное в статичном положении. Однако есть фигурки, где в развевающейся гриве и хвосте, наклоне головы и расположении ног передается попытка показать животное в движении (Елагин, Молодин 1991, 84). Контекст обнаружения лошадок идентичен и связан с постройками на поселениях, большая часть обнаружена на полу жилищ. Так, например, на памятнике Сопка-1 фрагменты статуэтки обнаружены в районе крупного прокала в центре постройки.

Схожие предметы глиняной пластики обнаружены на территории Средней Азии. Глиняные фигурки лошадей и всадников известны по материалам из памятников Узбекистана (Пугаченкова, 1965: 248; Пугаченкова, Ремпель, 1982: 141), а также городищ правобережья Амударьи (Альбаум, 1960: 36; Бурханов, 2010: 330; Бурханов, 2007: 48). Такие предметы встречаются в местонахождениях I в. до н.э. – IV в. н.э. Среднеазиатские терракотовые статуэтки лошадей можно разделить на 2 группы: с всадником, и без всадника. Средние размеры глиняных статуэток (Хазарек-депе): 5,5 x 3,5 x 1,5 см, с хорошо подчеркнутой массивной шеей с гривой, стертymi ушами выделенными точками глазами. Практически все среднеазиатские фигурки разбиты – что также сближает их с Обь-Иртышским материалом (Бурханов, 2010: 116).

Традиция создания подобных глиняных статуэток в Среднеазиатском регионе имеет глубокие корни, так еще в эпоху бронзы образ коня и колесницы, запечатленный в глине, был достаточно распространен в материалах Синташтинской культуры, являющейся древней индо-иранской по своему происхождению, по мнению многих авторов, повлиявшей на формирование древних культур Западной Сибири (Кузьмина, 2008). Учитывая то, что много иранских элементов было принято угорскими народами (в том числе в искусстве и мифологии) (Яшин, 1990; Косарев, 1984, 237; Кузьмина, 2008), а также значительный культурный и товарный обмен «степи» и «тайги», вполне вероятно, что традиции запечатления образа лошади в глине (вместе со скотоводством) могли быть восприняты «лесным» потчевашским населением.

Научный руководитель: к.и.н., доц. А.В. Новиков

Список литературы

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства тохаристана. – Ташкент : Издательство АН УзССР, 1960.

Бурханов А.А. Зооморфные терракотовые статуэтки из поселений Лебапского региона (к проблеме изучения художественной культуры побережья среднего течения Амударьи в древности и средневековье) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2010. – Т. 9. – Вып. 7.

Бурханов А.А. Коропластика Лебапа (по материалам историко-археологических исследований в бассейне Средней Амударьи в пределах области Амуля. – Казань : Изд-во ТГГПУ, 2007.

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск : Наука, 1991.

Конигов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск : Изд-во ОмГПУ : Наука, 2007.

- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М. : Наука, 1984.
- Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М. : Летний сад, 2008.
- Молодин В.И., Соболев В.И. 1983. Предметы мелкой пластики с Абрашинского городища (эпоха поздней бронзы) // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 105–108.
- Морозов А.В. К проблеме изучения искусства малых форм эпохи неолита-энеолита Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 15–23.
- Морозов А.В. К проблеме изучения мировоззрения древнего населения Западной Сибири в эпоху неолита-энеолита (на основе анализа мелкой скульптуры и пластики) // III Северный Археологический Конгресс. – Ханты-Мансийск, 2010. – С. 186–187.
- Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М. : Наука, 1976.
- Пугаченкова Г.А. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана // МИА. – № 130. – М. : Наука, 1965. – С. 248–252.
- Пугаченкова Г.А. Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. – М. : Наука, 1982.
- Чемякина М.А. Керамические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа лесостепного Обь-Иртышья как источник палеоэкономических реконструкций (по материалам многослойного памятника Омь-1) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2001.
- Чемякина М.А. Мелкая глиняная пластика переходного времени от бронзы к железу лесостепной зоны Евразии // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років Відділу скіфо-сарматської археології ІА НАНУ (Матеріали Міжнар. наук. конф.). – Киев : КОРВІН ПРЕСС, 2004. – С. 94–97.

Е.С. Моисеева

*Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ ПРИМОРСКОГО КРАЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ)

В настоящее время в Приморье на средневековых памятниках, относящихся ко времени существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.), обнаружено около 60 каменных деталей поясного набора. К ним относятся обоймицы (обоймицы с петлей), накладки и наконечники ремня. Историография данного вопроса весьма мала. За более чем полувековую историю исследования городищ государства Восточное Ся сложилось так, что данные предметы исследования всегда рассматривались в общем контексте изучения украшений чжурчжэней. Вопросы типологии и систематизации данного предмета исследования хорошо раскрываются в монографиях В.Н. Добжанского (Добжанский, 1990: 163) и В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979). В контексте художественного ремесла данный вопрос рассматривался в работах приморских археологов-медиевистов Н.Г. Артемьевой (Артемьева, 2012: 131), Т.А. Васильевой (Васильева, 1976: 147), В.А. Хорева (Хорев, 2012), Е.В. Асташенковой (Асташенкова, 2009: 238), Г.Л. Силантьева (Силантьев, 1987). В работах Э.В. Шавкунова, посвященных различным аспектам хозяйственно-культурной жизни чжурчжэней, ремеслу, а также некоторым украшениям, отмечается в целом высокий уровень изобразительного искусства у чжурчжэней, а также наличие собственного камнерезного ремесла (Шавкунов, 1990: 289). Исследования М.В. Воробьева, написанные, в основном, по материалам средневековых письменных источников, свидетельствуют, что чжурчжэни, познакомившись с китайскими достижениями в художественной обработке металла, ювелирном и камнерезном деле, стали применять их как наиболее привлекательные. Хорошо известно, что в 1126 г., захватив Кайфын, они вывезли не только церемониальную и буддийскую утварь, императорские регалии, инвентарь для жертвоприношений, но и 20 мастеров по золотой росписи, 30 золотых дел мастеров, ювелиров, каменщиков и 100 камнерезчиков.

Чжурчжэни получали художественные и ювелирные изделия в виде подарков и подношений от сунского императора и двора (Воробьев, 1983: 200).

Термин «наборный пояс» представляет собой отдельный самостоятельный предмет, в реальной действительности – это совокупность украшений (металлических, каменных и т.п.) пояса в виде бляшек (накладок), пряжек и наконечников ремня. Это система, в которой структурно связанные элементы выражают собой нечто иное, нежели сумма тех же элементов (Добжанский, 1990: 15). По ряду внешних признаков на сегодняшний день из каменных изделий чжурчжэньского пояса определены 14 обоймиц, 6 наконечников ремня и 32 накладки. Все детали были обнаружены на трех крупных средневековых чжурчжэньских городищах Приморья: Краснояровское городище – 2 шт., Ананьевское городище – 7 шт., Шайгинское городище – 43 шт. Для определения точного состава материала фурнитуры изделия были представлены в.н.с. ДВГИ ДВО РАН к.г.н. В.К. Попову. На основе визуальных минералогических определений удалось выявить три основных типа каменных изделий по материалу: 1) изделия из молочного кварца – 10 шт.; 2) изделия из кварца – 18 шт., с подтипами *a* – разновидность кварца холцедернистского с переливами агата, *b* – кварц полупрозрачный, *c* – декоративная разновидность халцедона; 3) группа метасоматических и метаморфизированных пород – 10 шт., практически каждое изделие этой группы имеет разный состав. По изделиям третьей группы для определения точности породы материала необходимо углубленное изучение химического состава сырья с помощью специальных аппаратов, что может привести к повреждению изделий. Минералогический анализ внес определенную точность в процесс исследования данного вопроса т.к. до этого считалось, что среди каменных изделий наборного пояса были нефритовые экземпляры, после анализа выяснилось, что ни одного нефритового изделия нет. Все перечисленные породы присутствуют в Приморье, но утверждать, что изделия выполнены из них, не представляется возможным. В Китае главным среди минералов считался камень юй – нефрит, жадеит и некоторые другие полупрозрачные поделочные камни. Скорее всего, кварц и его разновидности, из которых выполнены изделия чжурчжэней, отчасти являлись своеобразным замещением нефрита (Асташенкова, 2009: 242). Исследователи китайского костюма подчеркивают, что цвет, материал и украшения «служили знаками различия аристократии и чиновничества, от чего слово <гуаньдай> (шапка и пояс) стали образным выражением для обозначения карьеры». Табель о рангах пронизывал всю социальную структуру Китая, устанавливая для каждой социальной прослойки и группы определенные формы и цвета одежды. Государственные чиновники «1–2 ранга имели право носить пояса с золотыми накладками, 3–6 рангов – из кости носорога, 7–9 рангов – серебряные, а простолюдины – железные». Однако не были забыты и такие высоко ценившиеся китайцами материалы, как яшма и нефрит, которые употреблялись в качестве поясных накладок еще в эпоху Хань и раньше (Добжанский, 1990: 49). Немногочисленные находки каменных изделий наборного пояса на крупнейших чжурчжэньских городищах Приморья позволяют сделать предположение, что «нефритоподобные» наборные пояса чжурчжэней, так же как и в Китае, могли принадлежать высоким чинам и цениться не меньше золота.

Научный руководитель: к.и.н. Н.Г. Артемьева

Список литературы

- Артемьева Н.Г. Чжурчжэньские брелоки типа нэцкэ // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1 (49). – С. 131–137.
- Асташенкова Е.В. Зоо- и фитоморфные подвесные украшения чжурчжэней Приморья // 10-я Международная Дальневосточная конференция молодых историков, 15-18 мая 2006 : сб. материалов. – Владивосток, 2009. – С. 238–250.
- Васильева Т.А. Пережитки тотемизма у чжурчжэней // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. – Владивосток, 1976. С. 147–153.

Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М. : Наука, 1983.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск : Изд-во. Новосибирского ун-та, 1990.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. пряжки. Археология СССР. Вып. Е1-2. – М. : Наука, 1979.

Силантьев Г.Л. Стеклообрабатывающее производство на юге ДВ СССР в средние века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1987.

Хорев В. А. Ананьевское городище. – Владивосток : Дальнаука, 2012.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней – удигэ XII–XIII вв. и проблемы происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М. : Наука, 1990.

Е.Ю. Никитин

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

БОХАЙСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ПЕРИФЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА ЧЕРНЯТИНО-5)

Бохайские погребения являются одной из интереснейших категорий бохайских археологических памятников, важнейших по информативности и значимости, для понимания бохайской истории и культуры. Научные исследования бохайских погребений начались с обнаружения и раскопок могилы бохайской принцессы Чжэнь Хуй на территории могильника Людиншань (пров. Цзилинь, КНР) в 1949 г. (Лю Сяодун 2006: 68). С тех пор было обнаружено и исследовано множество бохайских погребальных комплексов и отдельных погребений. Накопленная за время исследований информация позволила классифицировать погребения на основе их конструктивных особенностей, погребального инвентаря и других признаков. Например, согласно классификации китайского археолога Чжэн Юнчжэня, все бохайские погребения по конструктивным особенностям разделены на 3 вида: могилы с кирпичными конструкциями, могилы с каменными конструкциями и грунтовые могилы, каждый вид в свою очередь – на несколько подвидов (Чжэнь Юнчжэнь 1984, Чжэн Юнчжэнь, Янь Чанлу 2000).

Могильник Чернятино-5 находится в Октябрьском районе Приморского края, был обнаружен в 1997 г. и исследовался по 2008 г. За время его исследования было раскопано около 200 погребений. Памятник расположен на периферии территории государства Бохай, бохайской области Шуайбинь, которая вошла в состав этого государства в середине VII – первой половине IX вв. Первая классификация погребений Чернятино-5 была сделана Ю.Г. Никитиным и Е.И. Гельман в 2002 г. (Никитин, Гельман, 2002). К тому моменту было раскопано 40 погребений.

Основываясь на работах Чжэн Юнчжэня и Ян Чанлу, была сделана новая классификация погребений могильника Чернятино-5, в нее вошли новые типы погребений, отмеченные на рассматриваемом нами могильнике. Из 3-х видов погребальных сооружений, представленных в нашей типологии, на территории могильника Чернятино-5 и в Приморье в целом присутствуют только могилы с каменными конструкциями и земляные могилы.

Вид I. Могилы с кирпичными конструкциями. Погребения такого типа относятся к среднему и позднему периоду существования бохайского государства, являются погребениями знати и богатых людей. Большинство погребений аристократов в средний и поздний период существования Бохая, несут отличную от Когурё традицию строительства погребальных сооружений. Это проявляется прежде всего в строительстве подземных склепов и надземных мавзольных сооружений, что не характерно для королевских могил Когурё. Такие погребальные сооружения, как могила бохай-

ской принцессы Чжэн Сяо, а также бохайская могила в уезде Мадида сооружены под землей (Чжэн Юнчжэнь, Янь Чанлу, 2000: 102), в отличие от могил когурёских аристократов, которые представляют собой надземные сооружения (Song Kiho, 2007: 18). Скорее всего, упомянутые погребения можно отнести к танской традиции строительства погребальных сооружений.

Вид II. Могилы с каменными конструкциями. Эти погребения сооружались на поверхности или наполовину на поверхности, их неотъемлемой частью являлись каменные конструкции различного рода. Они считаются погребениями людей высшего сословия, но в более позднее время распространились среди более широкого круга населения. При раскопках могильника Людиншань выяснилось, что среди наиболее ранних погребений подавляющее большинство составляют могилы с каменными склепами (Чжэн Юнчжэнь, Янь Чанлу, 2000: 111). Видимо, такие типы конструкций пришли в Бохай вместе с когурёским населением. Прямыми аналогиями когурёским королевским могилам в Бохае являются могила принцессы Чжэнь Хуй, погребальные сооружения знати могильников Людиншань, Хунцзюньюйчан, Хэлун Бэйда и др. Среди каменных могил Чернятино-5 присутствуют различные типы сооружений, такие как «классические» склепы (когурёского типа) с каменным сводом, так и более упрощенные конструкции (табл. 2). В целом погребения с каменными конструкциями могильника Чернятино-5 укладываются в общую типологию бохайских погребений, но встречаются и погребения смешанного типа.

Вид III. Земляные могилы. Представляют собой погребения, сделанные в земляных ямах и с земляной насыпью либо сооруженные прямо на древней поверхности. Земляные могилы можно связать с мохэской традицией. В центральных областях Бохая погребения в земляных ямах составляют подавляющее большинство на многих бохайских могильниках в ранний период существования Бохая, их относят к до-бохайскому или к ранне-бохайскому времени. Например, земляные могилы составляют 99% ранних погребений могильника Дахаймэн, 91% могильника Чалиба, 81% могильника Лаохэшэнь (Song Kiho, 2007: 18). Что же касается периферийных областей Бохая, то, как показывают данные исследования могильника Чернятино-5, традиция погребения в земляных ямах продолжала существовать там даже в поздне-бохайский период. Очевидно, что часть земляных могил можно отнести к ранним погребениям (добохайского времени) (см. напр. Никитин Ю.Г., Чжун Сук-бэ 2006-2009), но некоторые могут быть сопоставлены и с бохайским периодом. В целом, число земляных могил значительно возрастает по мере удаления от центральных областей Бохая к периферии. Земляные могилы являются самым распространенным видом погребений могильника Чернятино-5. Варианты конструкций земляных могил достаточно разнообразны, среди них отмечены могилы в земляных ямах с каменными стенками, накрытые сверху камнями, с каменной обкладкой дна ямы, и два типа могил, сооруженных на древней поверхности.

Всего было учтено 187 погребений, раскопанных на могильнике Чернятино-5 с 1997 по 2008 г. 166 могил (89%) составляют земляные могилы, а 21 погребение (11%) – могилы с каменными конструкциями. Могильник Чернятино-5, располагаясь на периферии бохайского государства, совмещает в себе бохайские и мохэские традиции погребальных сооружений. Некоторые типы погребений появляются как раз благодаря взаимодействию двух культурных традиций. Так, например, такой тип погребений, как II-5 (могилы на прямоугольной каменной платформе) сочетает в себе признаки как бохайских, так и мохэских погребений. Среди всех погребений большая часть сооружена по мохэской традиции; погребения, созданные по бохайской и когурёской традиции, составляют лишь малую часть, что говорит о преобладании мохэского населения. Тем не менее, наличие смешанных типов (II-4, II-5, III-5B) позволяет говорить о распространении бохайских культурных традиций среди местного населения. Для получения новых данных и дальнейших выводов исследования будут продолжены.

Список литературы

Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. Некоторые результаты исследования раннесредневекового могильника Чернятино 5 в бассейне р. Раздольная // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток : Изд-во ДВО РАН, 2002. – С. 195–215.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье. Отчеты за 2005–2008 гг. – Сеул, 2006–2009.

Никитин Е.Ю., Телелюев А.Ю. Конструктивные особенности погребений могильника Чернятино-5 // Материалы Международной научной конференции: Этнокультурное взаимодействие народов Дальнего Востока в средневековье и древности. – Владивосток, 2012.

Лю Сяодун. 刘晓东. Изучение культуры Бохая с точки зрения археологии. Народное издательство провинции Хэйлунцзян. (渤海文化研究-以考古发现为视角. 黑龙江人民出版社), 2006.

Чжэн Юнчжэнь. Изучение бохайских погребений. Хэйлунцзян вэньу цункань. – 1984. – № 2. – С.4–14. Перевод А.Л. Ивлиева.

Чжэн Юнчжэнь, Янь Чанлу. 郑永振, 严长录。 Изучение Бохайских погребений. Цзилиньское народное издательство (渤海墓葬研究 吉林人民出版社), 2000.

Song Kiho. Facts and Premises on the Old Tombs of Balhae // Journal of Northeast Asian History. – Volume 4–2. – Seoul, 2007. – P. 15–36.

Н.Ш. Николаева

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЦАО ЦАО

В последние десятилетия в китайской археологии достигнуты впечатляющие успехи, сделана серия открытий поистине мирового уровня. Следует подчеркнуть то значение, которое имеют китайские материалы для реконструкции исторических процессов на территории смежных и гораздо более отдаленных районов Северной Азии. Особое значение для отечественных специалистов имеет не только яркий археологический материал, находящий многочисленные параллели среди находок Сибири и Центральной Азии, но и очень древняя письменная китайская традиция, которая в сочетании с вещественными материалами древних памятников позволяет поднять на новый уровень осмысление находок, наполнить новой конкретикой предлагаемые реконструкции исторических процессов, уточнить датировки целого ряда археологических комплексов. К числу таких уникальных памятников относятся получивший широкую известность мавзолей Первого императора Цинь Шихуанди (秦始皇) и другой, гораздо менее известный в научной среде, погребальный комплекс Цао Цао (曹操墓葬). И если первому комплексу памятников посвящена обширная литература, в том числе монографического плана и на русском языке (С.А. Комиссаров, О.А. Хачатурян 2010), то второй, принадлежавшей яркой и знаковой фигуре в китайской истории, деятельность которой нашла подробное отражение в письменной исторической традиции – в романе «Троецарствие» (Ло Гуаньчжун 1984), мало известен и доступен в плане публикации материалов в кругу отечественных специалистов.

Личность Цао Цао (155–220 гг.) весьма многогранна. Это известный автор сочинений по военному искусству, поэт, полководец и министр династии Хань в одном лице. Для Китая Цао Цао является яркой и узнаваемой фигурой национальной истории. В его распоряжении находились многочисленные армии древности – числом до миллиона воинов.

Более 70 ложным курганам приписывали имя Цао Цао. Наконец, 27 декабря 2009 г. Управление памятниками материальной культуры провинции Хэнань на пресс-конференции в Пе-

кине официально сообщило, что в селе Сигаосюэ деревни Аньфэн уезда Аньян провинции Хэнань раскопана могила эпохи Восточной Хань. Историки и археологи подтвердили принадлежность погребального комплекса Вэйскому вану Цао Цао.

Данный погребальный комплекс сориентирован по оси с востока на запад. Это памятник с кирпичными камерами, грандиозными размерами и сложной конструкцией. Под землей комплекс состоит из наклонного коридора, передней и задней камер и четырех боковых комнат. Над землей общая площадь могильного памятника составляет около 800 кв. м.

Данный памятник много раз был подвержен разграблению, поэтому утеряно множество материальных и исторических ценностей. Несмотря на это, археологи обнаружили случайно уцелевший погребальный инвентарь, состоящий из 250 предметов. Здесь имеются золотые, серебряные, бронзовые и железные изделия. Найдены бронзовые пряжки, агатовые бусины, каменное изголовье, погребальные статуэтки из глазурованной керамики и др. А также найдены 59 прямоугольных и закругленных каменных табличек, на которых написаны наименование и количество погребального инвентаря (Цао Цао му..., 2010).

Ценными находками в данном погребальном комплексе считаются мемориальные каменные таблички и останки человека. Помимо костей китайского полководца в мавзолее также были найдены останки двух женщин – супруги Цао Цао и ее служанки (Is the big tomb..., 2010).

По мнению членов Академии общественных наук Китая и известного археолога Лю Цинчжу, специализирующегося на эпохах Хань и Вэй, погребальный комплекс Цао Цао выступает как эпохальный и исторический носитель, так как сообщает достоверную информацию о роли Цао Цао, его посмертном титуле и о его эпохе (Цао Цао му цзан ши..., 2009).

Таким образом, можно сказать, что на примере погребального комплекса Цао Цао мы имеем редкий случай сочетания информации, которую можно почерпнуть из письменной традиции, археологических находок. На данных материалах мы получаем реальную возможность исследования начальной стадии средневековья – времени пока что слабо изученного и дискутируемого как для отечественной, так и зарубежной археологии.

Научный руководитель: д.и.н. А.И. Соловьев

Список литературы

Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. Мавзолей императора Цинь Шихуанди : учебное пособие для студентов отделения востоковедения. – Новосибирск, 2010. – С. 216 с.

Ло Гуаньчжун. Троецарствие : роман / пер. с кит. В. Панасюка ; [подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Рифтина]. – М., 1984. – 791 с.

Цао Цао му цзан си цунь минь цзяо ди ши фа сянь. 曹操墓葬系村民浇地时发现. 2010: [Жители деревни при поливе земли обнаружили погребальный комплекс Цао Цао] // Сайт Управления издательства литературы на иностранных языках КНР под руководством Пресс-канцелярии Государственного Совета КНР http://www.china.com.cn/culture/2010-08/30/content_20826020.htm

Is the Big Tomb in Xigaohue Village Cao Cao's Tomb? 2010. [Большое захоронение в селе Сигаосюэ принадлежит Цао Цао?] // Сайт Народного университета Китая http://xsqks.ruc.edu.cn/Jweb_rdx/EN/abstract/abstract8707.shtml#

Цао Цао му цзан ши чжэнь ши цзя? 曹操墓葬是真是假? 2009. [Захоронение Цао Цао подлинное или нет?] <http://news.3xgd.com/html/200912/28/28088.html>

ДРЕВНЯЯ КАМЕНОЛОМНЯ ИКЭ-БУЛАК-III*

В полевом сезоне 2012 г. в ходе разведочных работ Верхнеамурской археологической экспедицией был обнаружен археологический комплекс Икэ-Булак, находящийся в Борзинском районе Забайкальского края. Комплекс занимает межгорное пространство и южный склон горы, которые являются восточной окраиной пади Икэ-Булак.

В данном комплексе были обнаружены три разновременных памятника, один из которых относится к культуре плиточных могил, существовавшей на территории Забайкалья в конце бронзового – раннем железном веке (Икэ-Булак-I) (Кириллов и др., 2011); другой – к эпохе средневековья (Икэ-Булак-II), третий (каменоломня Икэ-Булак-III) может быть датирован в диапазоне от поздней бронзы – до XIII–XIV вв. Общая площадь комплекса составляет примерно 131 800 м².

В данной статье речь пойдет о каменоломне Икэ-Булак-III, материал которой располагается практически по всему археологическому комплексу, за исключением его северо-восточной части. Каменоломня активно разрабатывалась в период расцвета монгольской империи (XIII–XIV вв.). Однако она использовалась и в более раннее время, поскольку ее материал шел на строительство плиточных могил (Икэ-Булак-I). Отметим, что каменоломня располагается в 30,5 км к юго-западу от Кондуйского дворца, явившегося основным потребителем камня из рассматриваемой каменоломни. Масштабные исследования Кондуйского дворца проводил в конце 50-х гг. прошлого столетия С.В. Киселев. Согласно его данным, здания Кондуйского дворца были аналогичны зданиям комплекса дворца Угэдэя в Каракоруме (Киселев, 1958: 114). Сам дворец имел крестообразную платформу, на поверхности которой проступали «массивные гранитные блоки с цилиндрическими выступами по верху и различные гранитные квадратные плиты, некоторые с квадратным и сквозным отверстием в центре или с наклонно углубленным четырехугольным пазом» (Киселев, 1958: 114–115).

Гранитная квадратная плита подобной формы была найдена нами прямо в каменоломне. Она была оставлена строителями на месте, поскольку процесс отделения плиты от глыбы пошел, видимо, неправильно. Зато мы получили возможность отследить процесс черновой подготовки таких плит и других блоков на месте их заготовок. Судя по всему, гранитные блоки отделяли от скальных глыб при помощи техники перфорирования, предварительно намечая линию, по которой пойдет скол. Следы этой техники хорошо представлены на гранитных базах Кондуйского дворца, на которые устанавливали деревянные колонны, державшие кровлю основного здания.

Гранитные глыбы каменоломни можно поделить на три вида: 1) глыбы, от которых отделили блоки; 2) глыбы, которые наметили для отделения блоков, но не отделили их; 3) глыбы, сочетающие в себе два предыдущих признака. Глыб первого типа было обнаружено более 180; глыб второго типа более 40; глыб третьего типа примерно 20 штук. Материал для гранитных блоков добывали либо прямо на поверхности, либо под землей, для чего рылись шурфы. Шурфы можно поделить на две категории. К первой категории относятся небольшие шурфы округлой формы, диаметром от двух до четырех метров, глубиной не более одного метра. Ко второй категории относятся шурфы внушительных размеров, овальной или вытянуто-овальной формы. Размер таких шурфов колеблется от 6х18 м до 10х30 м, глубина – от двух до пяти метров. В двух больших шурфах, находящихся в северо-западной части комплекса, было зафиксировано большое количество глыб всех трех типов, которые завалены обычными гранитными валунами.

* Работа выполнена при поддержке гранта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг., № 14.132.21.1020.

Работы на таких специфических объектах археологии, как каменоломни, – явление не частое. При этом обычно исследовались мастерские каменного века, тогда как места добычи камня в эпоху бронзы, а особенно каменоломни эпохи средневековья, никем специально не изучались. Именно поэтому открытие, а особенно планируемые нами дальнейшие работы на памятнике Икэ-Булак-III, представляются весьма перспективными. Они позволят не только определить время существования каменоломни, но и отследить в деталях процесс изготовления тех или иных видов каменных блоков на каждом историческом этапе, а также места, куда эти блоки поставлялись. А это, в свою очередь, послужит дополнительным материалом для характеристики камнерезного производства на территории Восточного Забайкалья.

Несомненно, Икэ-Булак-III является, в первую очередь, памятником средневековой истории края, и важно найти дополнительные доказательства его связи с Кондуйским дворцом, поскольку, по представлению известного в Забайкалье краеведа А.К. Кузнецова, каменоломня, материал которой использовался для строительства «Кондуйского храма», находится в другой пади – Могойтуй, расположенной на стыке Борзинского и Александрово-Заводского районов (Кузнецов, 1925). Мы считаем, что, скорее всего, каменоломен было две: в пади Икэ-Булак и в пади Могойтуй. Это, в свою очередь, открывает перспективу дальнейшего исследования, направленного на поиск каменоломни, указанной А.К. Кузнецовым, чтобы сравнить материалы каменоломен между собой, а также с материалами, найденными на Кондуйском дворце.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Е.В. Ковычев

Список литературы

- Кириллов И.И., Кириллов О.И. Культура плиточных могил // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011. – С. 188–190.
- Киселев С.В. Древние города Забайкалья // Советская археология. – 1958. – № 4. – С. 107–119.
- Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. – Владивосток : Изд-во «Книжное дело», 1925. – 63 с.

Е.С. Ренжина

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

МОХЭСКИЕ УКРАШЕНИЯ

Введение. Вопросом мохэских украшений – деталей пояса – занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи. Среди работ отечественных ученых стоит выделить монографию Е.И. Деревянко «Мохэские памятники Среднего Амура», в которой она подробно рассматривает типологию пряжек, бляшек и наконечников пояса мохэ; статью Ю.Г. Никитина и археолога из Кореи Чжун Сук-Бэ «Могильник Чернятино 5, его могилы и находки», а также созданные ими отчеты о раскопках на этом могильнике в 2003–2005 гг. Среди зарубежных исследователей особенно выделяется ученый Ван Пэйсинь со своей статьей «Бронзовые поясные украшения мохэ и чжурчженей и связанные с ними вопросы».

Мохэские украшения можно разделить на две группы: собственно украшения (колокольчики, кольца, серьги) и элементы пояса. Последние будут рассмотрены в этой работе.

Цель работы – систематизировать имеющийся материал о поясных украшениях мохэ на юге Дальнего Востока (Приморье и Приамурье).

Типология. Составные части пояса – бляшки, наконечники ремней и пряжки – имеют свои классификации. Типология этих предметов составлена в основном по их внешнему виду и форме.

Накладные бляшки представлены 15 типами:

1. Прямоугольные, с прямоугольной прорезью в нижней части и краем в виде скошенной грани. Одинарные прикреплялись к ремню шпеньками, двойные имели на лицевой стороне четыре шпенька по углам, на тыльной шпенькам соответствовали четыре отверстия. Шпеньки пробивали ремень, входили в отверстия второй половины и расклепывались.
2. Усложненный вариант первых, с фестончатыми краями и выпуклым ребром в центре, идущим сверху вниз. Внизу перпендикулярно ребру имеется прямоугольная прорезь. Крепились эти бляхи к ремню четырьмя шпеньками.
3. Аналогичные вторым, с фестончатыми краями, с продольным выпуклым ребром в центре, но без прорези. Прикреплялись к ремню шпеньками.
4. Полукруглые, со срезанным нижним краем и узкой прямоугольной прорезью у этого края. Для нашивки на ремень имеются три отверстия.
5. Железные, плоские, прямоугольной формы, с прямо срезанными краями. Прикреплялись к ремню двумя штырьками, расположенными на боковых коротких сторонах.
6. Сердцевидные, с продольным выпуклым ребром.
7. Сдвоенные, строенные, полушаровидные, на одном штифте, прикреплялись к ремню шпеньками.
8. Круглые, с тремя овальными узкими прорезями по окружности, орнаментированные стилизованным растительным узором. Основа у них кожаная. На ремень бляшки нашивались.
9. Овальные, верхний край в виде двух спирально закрученных внутрь концов. На ремень бляшки нашивались.
10. Трехконцевые, похожие на голову быка, с тремя отверстиями для нашивки.
11. Усложненный вариант трехконцевых, с фестончатыми краями.
12. Узкие, прямые, с круглой петлей для нашивки на ремень.
13. С фигурными краями, верх приостренный, низ горизонтально срезанный, в центре выпуклая округлая гофрированная розетка.
14. Округлые, с двумя серповидно срезанными краями на шпеньках.
15. Крестообразные, с насечками.

Наконечники ремней подразделяются на 5 типов:

1. Подпрямоугольные, с верхним прямым краем, с округлым нижним. Состоит из двух пластин.
2. По форме аналогичные первым, но меньше по размерам и урешены спиральным орнаментом.
3. Удлиненной формы, с прямым верхним краем и заостренным нижним, с рельефной и плоской поверхностью.
4. Удлиненной формы, с нижним округлым краем, с вырезанным верхним.
5. Подобные четвертому типу, но с фестончатыми краями.

Пряжки, обнаруженные в мохэских памятниках, имеют подвижные и неподвижные язычки. Можно выделить 7 типов пряжек. К первым четырем относятся бронзовые, к остальным – железные.

1. С овальной рамкой, круглой в сечении, с узким прямоугольным приемником, при помощи которого ремень соединяется с пряжкой.
2. С овальной плоской в сечении рамкой и заостренным на конце щитком, соединенным с ремнем при помощи заклепок, пряжка цельнолитая, то есть щиток неподвижно скреплен с рамкой.
3. С овальной рамкой, чуть изогнутой внутрь, щиток короткий, с округлым концом, пряжка крепилась к ремню шпеньками.
4. С округлой рамкой, плоской в сечении и с узким щитком, 2 стороны которого фестончатые, пряжка цельнолитая.

5. Плоская железная пряжка, округлая в плане, ремень соединен с пряжкой при помощи неподвижного язычка, составляющего одно целое с рамкой.
6. Железная пряжка, без язычка, овальная в плане, с овальной прорезью и петлей, куда продевался ремешок. Найдена с остатками кожаного ремня.
7. Комбинированная пряжка из бронзы и железа. Рамка круглая в сечении, округлой формы, выполнена из бронзы, подвижный язычок в сечении круглый, сделан из железа.

Несомненно, все эти бляшки и пряжки – остатки наборного пояса, передняя часть которого украшалась бляшками с отверстиями (к ним привязывали ремни для сабли, мешочки с трупом и огнивом), а задняя – сердцевидными или полулунными бляхами. Эти пояса характерны для кочевников VII–IX вв. на обширных территориях (от Японии на востоке до Венгрии на западе). Однако аналогии мохэским элементам поясов имеются в Туве, на Алтае, в Сибири, Казахстане, Монголии, на Тянь-Шане, в Башкирии и Средней Азии (Деревянко, 1974: 148–150).

Материал. За годы раскопок собрано 60 бронзовых бляшек, 17 железных, 10 серебряных, 11 бронзовых пряжек, 9 бронзовых бубенчиков, 3 железных, 2 серебряных колокольчика, 11 ременных наконечников, из них 3 серебряных, остальные бронзовые. Наибольшее количество бляшек и пряжек было изготовлено из бронзы, некоторые из них позолочены (Деревянко, 1974:148).

Материал, из которого изготовлены поясные украшения, имеет свою географическую направленность. Если в Приморье больше встречаются бронзовые изделия, то в Приамурье – напротив, железные.

Способы изготовления и орнаментация. Одним из способов изготовления поясных украшений мохэ является литье из металла. Таким образом, например, были изготовлены бронзовые поясные бляшки, найденные в могильнике Чернятино 5.

Бронзовые бляшки, являющиеся поясным украшением, найдены в могиле М.105 (целая), в М.101 и М.72 (по фрагменту) и на раскопе 2/3 (фрагменты 2 бляшек). Бляшка из М.105 целая. В плане прямоугольная. По нижнему краю 8 шариков, по верхнему – 5. Верхние шарики в плане овальные, нижние – округлые. Между шариками имеются пробитые отверстия. Под верхними шариками расположены 3 рельефные линии, ниже них – 5 концентрических кругов, между которыми сверху и снизу пробиты отверстия. Ниже концентрических кругов расположен еще один желобок, а ниже его – три ряда ямочек, некоторые из них пробиты насквозь. Еще ниже – три прямоугольных отверстия, а потом еще три ряда ямочек. На обратной стороне симметрично расположены 4 крепежных уха. С задней стороны верхние шарики углубленные. Видимо, бляшка изготовлена литьем. Сохранность ее очень хорошая. Нижняя часть чуть шире, чем верхняя. Размеры: длина 6,27 см, ширина 4,4–4,5 см, толщина 0,12 см (Чжун Сук-Бэ, Ю.Г. Никитин 2008: с. 240).

Благодаря тому, что были найдены пряжки с подвижными язычками, можно предположить, что еще одним методом изготовления пряжек былаковка.

Форма и орнаментация бляшек и пряжек позволяет утверждать, что центром их производства была Сибирь, но они носят и следы влияния Средней Азии. Наличие в одной могиле одинаковых бляшек и пряжек, а также ременных наконечников свидетельствует о том, что на каждом поясе были бляшки и пряжки одинаковой формы, поверхность которых украшалась одинаковым орнаментом.

В конце VIII в. способ изготовления и орнаментации поверхности бляшек изменился на всей территории степей от предгорий Алтая до бассейна Дона. Кроме литых, часто с гладкой поверхностью в степях Евразии, появились штампованные бляшки из тонкого листа, поверхность большинства из которых покрывалась сложным орнаментом. Неорнаментированные наборы не превышали 10–15%. И только в Сибири процесс неорнаментированных бляшек оставался высоким (около 50 %). В памятниках мохэской культуры количество неорнаментированных бляшек достигает 80% (Деревянко 1974: с. 151).

Культурные связи

Если сопоставить бляшки из мохэских погребений с аналогичными находками тюркских памятников Сибири, Казахстана, Средней Азии, можно с уверенностью сказать, что некоторые пояса мохэ и кочевников соседних территорий очень похожи.

Наборный пояс был совершенно определенного типа. С него, видимо, свисали, как обычно, металлические подвески и другие принадлежности поясного убора. Такие пояса издавна носили кочевники Евразии – тюрки, изображения их имеются на каменных изваяниях Сибири, Монголии, Алтая, Семиречья (Деревянко 1974: с. 150).

Если говорить о находках деталей пояса в Приморье, то можно сказать, что одна из находок в могильнике Чернятино 5 – бляшка из М.105 – имеет абсолютную аналогию в могильнике Сишиган в Бохайчжэне уезда Ниъань, датируемом ранним периодом среднего Бохая, и на памятнике Синие Скалы, в районе р. Аввакумовка в Приморье. Кроме того, близкая к этой бронзовая бляшка раннего Бохая обнаружена на памятнике Чалиба уезда Юнцзи провинции Цзилинь (Чжун Сук-Бэ, Ю.Г. Никитин, 2008: 240–241).

Заключение. Наиболее вероятно, что первые поясные наборы у мохэсцев появляются под влиянием тюркских племен где-то в конце VII – нач. VIII в. С этого времени устанавливаются между названными народами наиболее тесные культурные и экономические связи. Мы рассмотрели только один из частных вопросов, связанных с последствиями этих контактов. Несомненно, что связи были более многогранными и привели к значительному обогащению материальной и духовной культуры этих народов (Деревянко, 1974: 152).

Научный руководитель: д.и.н., проф. Д.Л. Бродянский

Список литературы

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск : Наука, 1975.

Чжун Сук-Бэ, Никитин Ю.Г. Могильник Чернятино-5, его могилы и находки // Тихоокеанская археология. «Столетие великого АПЭ». – Владивосток, 2008. – С. 240–241.

М.А. Рюмишн

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ОСОБЕННОСТИ БАЗЫ ОРУЖЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА У ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ И ИХ КЫШТЫМОВ В XIV–XVIII ВВ.

В изучении военного дела народов южной Сибири эпохи позднего средневековья бесспорный интерес представляет исследование вопросов производства оружия енисейскими кыргызами. Способность к обеспечению военизированных формирований средствами ведения вооруженной борьбы, а следовательно, созданию и развитию собственного военного потенциала во многом определяла исторические судьбы политических объединений древности от средневековья, в том числе и государства енисейских кыргызов, насчитывавшего к рассматриваемому периоду не одну сотню лет своего существования. То обстоятельство, что енисейские кыргызы уже в эпоху раннего средневековья, распространив влияние на просторы Южной Сибири, претендовали на доминирование в районах Центральной Азии, недвусмысленно указывает как на уровень развития их военного искусства, так и на степень развития производственной базы вооружения. Однако события последующих лет, когда после походов монголов XIII в. политическое влияние кыргызов сохранилось лишь над ограниченной территорией Южной Сибири, заставляют обратиться к вопросу о том, как эти события сказались на материальной основе военного дела, в данном случае, производстве оружия.

На сегодняшний день (применительно к исследуемому времени) все еще не решенной остается проблема дефиниций предметов оружейного комплекса, созданных мастерами

собственно енисейских кыргызов и кузнецами иных этнических групп, хотя она уже и затрагивалась ранее в исследовательской литературе. К сожалению, мы не можем подойти к решению поставленной задачи, используя возможности металлографических анализов, способных дать объективные результаты. И не в последнюю очередь по причине высокой деструктивности методики и невозможности обработки с её помощью массового материала (Сунчугашев, 1979: 151; Зиняков, 2006).

Предлагаемые ниже выводы опираются на тезис о том, что енисейским кыргызам принадлежали все сырьевые ресурсы Южной Сибири. Непосредственной базой для оружейного производства являлись горные районы Верхнего Притомья, которые были заселены шорцами, находившимися в вассальной зависимости от кыргызов. Именно отсюда поступала основная часть оружия в качестве дани (Худяков, 2002: 68). Помимо этого кыргызы имели в своём подчинении и некоторые районы горного Алтая, откуда могли получать образцы вооружения как местного так и среднеазиатского происхождения. Бесспорным индикатором состояния оружейной базы для кочевников Евразии являются наконечники стрел как самые массовые находки остатков наиболее популярного средства вооруженного противостояния и хозяйственной деятельности, всегда востребованного – как в мирное, так и в военное время. Несмотря на все издержки и сложности изготовления, метательные снаряды относились к категории расходных материалов, их нужно было иметь много. Именно поэтому наконечники стрел выступают существенным критерием в вопросе обеспечения собственных войск. Значительное количество железных наконечников на памятниках енисейских кыргызов позволяет говорить о том, что оружейная база полностью удовлетворяла существующие потребности. То обстоятельство, что многие их образцы являются весьма трудоемкими и сложными в производстве изделиями определенно указывает на факт наличия у кыргызов развитой и технологической базы обработки металла.

Что касается иных видов вооружения, то в связи с их малым количеством становится сложно установить состояние оружейной базы в указанный период. На данный момент из найденных образцов длинного клинкового оружия из памятников енисейских кыргызов позднего времени известен один меч (вернее его фрагмент) (Худяков, 1984: 107), 2 палаши (один именуется манчжурским и следовательно не имеет отношения к производству его кыргызами) (Скобелев, 2006). Сабли же, в том числе и совсем недавно введенные в научный оборот, происходят из числа случайных находок и датируются послемонгольским временем (Скобелев, 2010: 154).

В письменных источниках сведения об их изготовлении енисейскими кыргызами также отсутствуют. Согласно же имеющимся в них данным сабли в XVII–XVIII вв. производили так называемые «кузнецкие татары» – население Кузнецкого Алатау. Все это позволяет предполагать, что состоявшие на вооружении у енисейских кыргызов палаши и сабли собственно на Енисее в позднем средневековье и в последующее время не производились, несмотря на наличие на данной территории производственной базы в виде значительного числа археологических объектов, связанных с железообработкой.

Подобный вывод справедлив и касательно защитного вооружения, среди археологических к которому относится лишь несколько панцирных пластин. Однако, по сообщениям русских письменных источников, кыргызы использовали множество лат – как металлических, так и из органических материалов, которые они получали от своих кыштымов. Можно предположить, что после того, как енисейские кыргызы стали зависимы от монголов, далее от монгольского государства Алтын-ханов, а после 1666 г. попали под власть джунгар, их собственное железоделательное оружейное производство в ряде отраслей прекратилось. Основная его тяжесть легла на кыштымов, с целью вывести его из поля зрения своих сюзеренов.

Таким образом, даже краткий анализ имеющихся материалов позволяет сделать вывод о том, что масштаб изготовления предметов вооружения для воинских формирований енисейских кыргызов существенно не сократился, а основная его производственная платформа была перенесена к кыштымам ковавшим для своих господ предметы качественного вооружения.

Список литературы

Зиняков Н.В. Железообрабатывающее производство Западной Сибири // Краткие сообщения института археологии. Вып. 220. – М. : Наука, 2006. – С. 125–135.

Скобелев С.Г. Новая находка палаша в позднесредневековом кыргызском погребении на Енисее // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2006. Т. 5, вып. 3 (приложение 2): Археология и этнография. – С. 150–176.

Скобелев С.Г., Рюмшин М.А. Новые материалы по длинноклинковому оружию енисейских кыргызов в развитом и позднем средневековье // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9. вып. 7. Археология и этнография. – С. 144–155.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1979. – 192 с.

Худяков Ю. С., Скобелев С. Г. Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 105–119.

Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и центральной Азии. – Новосибирск, 2002. – С. 65–88.

П.О. Сенотрусова

Красноярск, Сибирский федеральный университет

ЖЕЛЕЗНЫЕ СКРЕБКИ В МАТЕРИАЛАХ МОГИЛЬНИКА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-IV НА НИЖНЕЙ АНГАРЕ

Изучение хозяйственной деятельности средневекового населения Северного Приангарья невозможно без учета и анализа отдельных категорий орудий труда. Важной отраслью хозяйства населения нижнего течения р. Ангары в это время было кожевенное дело. В материалах поселенческих комплексов региона орудия для обработки шкур представлены значительным количеством находок каменных скребков и лоцил (Князева и др., 2011: 197). В то же время находки железных лезвий скребков единичны.

По этой причине хотелось бы подробно остановиться на железных лезвиях скребков для обработки шкур, найденных при раскопках могильника Проспихинская Шивера-IV, расположенного в нижнем течении р. Ангары. На памятнике было зафиксировано 88 средневековых погребений, выполненных по обряду трупосожжения на стороне, датируемых в пределах X–XIV вв. (Мандрыка и др., 2011).

Среди предметов сопроводительного инвентаря было найдено 13 железных S-образных лезвий от скребков (рис. 1), которые залегали в заполнении могильных ям, вместе с другими предметами. Все орудия однотипны, они изготовлены из железных пластин, края которых загибали в противоположных направлениях и затачивали, образуя таким образом два рабочих края. Размеры лезвий скребков различны, длина варьируется от 4,5 см до 9,5 см, ширина – от 1,0 см до 3,5 см, средняя толщина пластин 0,2 см. Отдельно хотелось бы отметить два миниатюрных скребка, длина которых всего 2,2 см и 2,7 см, а ширина 0,5 см (рис. 1 – 1, 2). На рабочих кромках этих изделий следов затачивания не зафиксировано, но по остальным морфологическим признакам они аналогичны остальным предметам этой категории. Сохранность скребков различная, на некоторых зафиксированы следы окалины.

Еще один обломок лезвия подобного скребка был найден во втором культурном слое комплекса Проспихинская Шивера-IV, поселенческий слой носит мешаный характер и датируется в пределах железного века. Железное S-образное лезвие скребка, аналогичное изделиям, найденным на могильнике Проспихинская Шивера-IV, было отмечено и в погребении в устье р. Коды. Авторы работ датировали данный комплекс развитым средневековьем (Леонтьев, Ермолаев, 1992: 17).

Достаточно интересной нам представляется проблема появления и дальнейшего распространения скребков с S-образным лезвием. Наиболее ранние подобные изделия происходят с территории Барабинской лесостепи. Здесь на поселении Туруновка-3 и городище Сопка-1 было найдено 4 железных лезвия скребков также S-образной формы, при этом один рабочий край значительно шире другого и образует небольшую «лопаточку» (Елагин, Молодин, 1991: 92). Авторы работ датируют эти материалы сперановским этапом потчевашской культуры (II–I вв. до н.э. – V–VI в. н.э.) (Елагин, Молодин, 1991: 103).

На территории Северного Приангарья находки лезвий скребков известны как в поселенческих, так и в погребальных комплексах, но они отличаются от материалов могильника Проспихинская Шивера-IV. Лезвие скребка, изготовленное из железной трапецевидной пластины, с загнутым под 90 градусов, заточенным выпуклым рабочим краем, было найдено в культурном слое поселения Проспихинская Шивера-I. На основании типологического анализа инвентаря авторы работ датировали памятник второй половиной I тыс. н.э. (Мандрыка и др., 2012: 42). Еще один железный скребок, но с втульчатый насадом, был найден при раскопках могильника Усть-Кова, датируемого в пределах VIII–X вв. (Леонтьев, Дроздов, 1996: 43). Таким образом, скребки с S-образным железным лезвием на территории Северного Приангарья ранее развитого средневековья нам неизвестны, а находки подобных изделий в Сибири также немногочисленны.

Но в материалах более поздних эпох они известны достаточно широко. Так четыре S-образных лезвия скребков, аналогичные ангарским находкам, были отмечены на городище Частухинский Урий в Юганском Приобье. На основании найденных на городище русских монет, памятник датирован в хронологических рамках XVI – начала XVII вв. (Семенова, 2005: 50).

Следует отметить, что скребки с лезвиями S-образной формы продолжали использоваться сибирскими народами вплоть до этнографической современности. В фондах Красноярского краеведческого музея известно несколько экземпляров подобных орудий (ККМ №1514-25; 1584-3(1), 1584-3(2), 1572-73 и др.). Все скребки однотипны: в центральную часть деревянной рукояти, длиной от 40 до 70 см, вставлялось железное S-образное лезвие. На осмотренных предметах заточка лезвия – односторонняя. В одном случае (ККМ № 1572-73) в рукоять с двух сторон вставлялись два Г-образных лезвия, что в итоге повторяло общую конструкцию двулезвийного скребка с одной пластиной. Лезвия закреплялись в рукояти различными способами: железной скобой, с помощью клея, в некоторых случаях место крепления дополнительно обматывалось веревкой. Следует отметить, что лезвия скребков из этнографической коллекции Красноярского краеведческого музея заужены в центральной части, что отличает их от археологических аналогов. Два экземпляра скребков (ККМ № 1574/30, № 1584-3 (2)) хранятся в фондах музея вместе с дополнительными палками. При работе они подкладывались под шкуру по другую сторону рабочего лезвия, на палках фиксируются сильные следы заложения.

Все скребки данного типа поступили в фонд музея в конце XIX – начале XX вв., в книгах приёма значится, что они происходят из Туруханского края, с рек Таз, Вах и Сым. Сложнее определить этническую принадлежность тех или иных предметов, достоверно известно, что некоторые были собраны А.Я. Тугариновым с могил юраков (ККМ № утерян) (Баташев, 2011: 18). В других случаях мы используем сведения музейного каталога, согласно которому скребки собраны у селькупов (ККМ № 1574/30), самоедов (ККМ № 1584-3 (1), 1584-3 (2) и эвенков (ККМ № 1514-25). Для некоторых находок указан только район происхождения.

Кроме того, скребки с S-образным лезвием известны у хантов, этнографы указывают, что подобные орудия использовались ими для снятия мездры со шкур (Кулемзин, Лукина, 1992, Рис. 15). Таким образом, скребки с S-образным лезвием получили достаточно широкое распространение у коренных сибирских народов, что, по-видимому, объясняется универсальностью их формы.

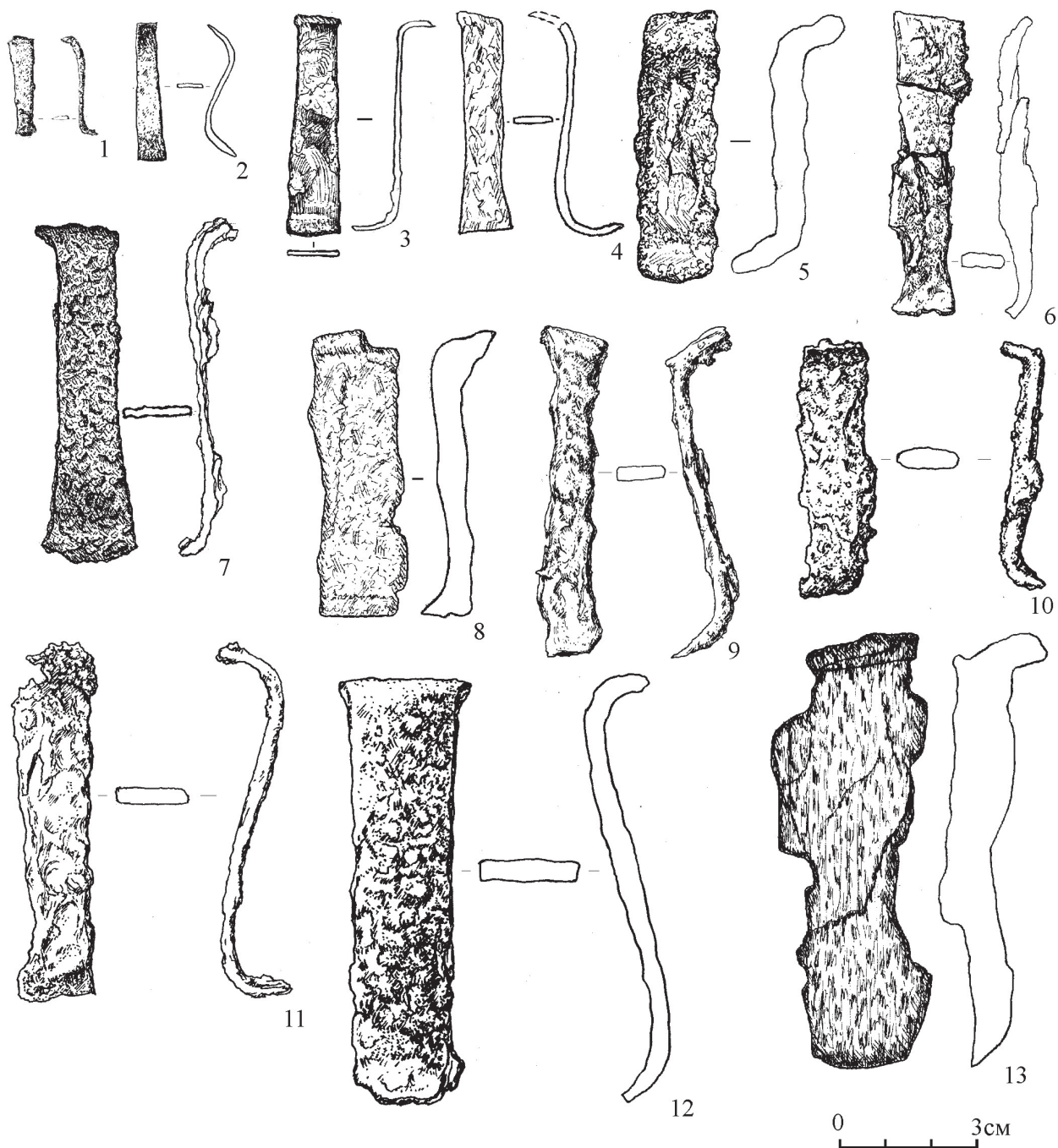

Рис. 1. Железные S-образные лезвия скребков из могильника Проспихинская Шивера-IV
 1 – погребение № 37, 2 – погребение № 34, 3 – погребение № 75; 4 – погребение № 87,
 5 – погребение № 85, 6 – погребение № 22, 7 – погребение № 90, 8 – погребение № 82,
 9 – погребение № 26, 10 – погребение № 16, 11 – погребение № 21, 12 – погребение № 9,
 13 – погребение № 67

В целом, S-образные лезвия скребков для обработки шкур, найденные на могильнике Проспихинская Шивера-IV, отличаются типологическим единообразием. Несмотря на то, что данная форма лезвий скребков появляется на территории Сибири еще на рубеже эр, именно с периода развитого средневековья подобные орудия начинают все чаще использоваться населением таежных районов. В дальнейшем данные скребки получили широкое распространение у сибирского аборигенного населения.

Научный руководитель: к.и.н., доц. П.В. Мандрыка

Список литературы

- Баташев М.С. К истории комплектования фондов этнографии коренных народов Приенисейского края Красноярского краевого краеведческого // Второй век подвижничества. – Красноярск, 2011. – С. 12–32.
- Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тыс. н.э. – Новосибирск : Наука, 1991.
- Князева Е.В., Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Оводов Н.Д. Поселение раннего железного века и средневековья Проспихинская Шивера IV на Ангаре: палеоэкономический аспект // Древние культуры Монголии и Прибайкальской Сибири. – Иркутск, 2011. – С. 193–198.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск : Наука, 1992.
- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 39–46.
- Леонтьев В. П., Ермолаев А.В. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – С. 16–19.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П.О., Бирюлева К.В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск, 2011. – С. 432–436.
- Мандрыка П.В., Титова Ю.А., Князева Е.В., Сенотрусова П.О. 2012. Поселение Проспихинская Шивера-I на Ангаре // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2012. – С. 31–42.
- Семенова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск : Наука, 2005.

М.А. Стоякин

Республика Корея, г. Сеул, Университет Корё

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ВАЛАХ БОХАЯ*

На Дальнем Востоке издревле существовала традиция возведения длинных оборонительных сооружений – пограничных валов. Они, наряду с горными городищами, представляют собой систему фортификационной мысли того общества, указывают на существовавшие конфронтации между народами, о которых порой имеются спорадические записи в письменных источниках. В этом плане изучение оборонительных валов помогает понять не только военно-экономическое состояние общества, но и политическую ситуацию в то время.

Ранее нами была дана краткая характеристика оборонительных валов, расположенных в Маньчжурии, где вкратце было упомянуто и о существовании этих защитных сооружений в Бохае (Стоякин, 2008). В данной работе опишем степень изученности данного памятника, и каким образом он связан с племенем *хэйшуй мохэ*.

В последнее время в провинции Хэйлунцзян (КНР) были исследованы три отдельных участка валов (в Муданьцзяне, Цзяндуне и у оз. Цзиньбоху), объединенных китайскими археологами в один «вал Муданьцзян» по причине того, что они расположены в одном направлении в нижнем и среднем течении р. Муданьцзян и обладают в целом схожей конструкцией (Квон Ынчжу, 2012: 85). Валы с двух сторон окаймлены горными хребтами, протянувшимися в направлении С–Ю. То есть с западной стороны – хр. Чжангуанцайлин, с восточной – хр. Лаоелин. Между ними в том же направлении протекает р. Муданьцзян. Ниже рассмотрим каждый из участков вала.

Участок Муданьцзян, начинаясь с левого берега р. Муданьцзян, от района г. Муданьцзян и Хайлинь, протянулся на С–З через хребты, вдоль ущелий, на высоте 500–600 м. Он сло-

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН №39.

жен из камня с землей, в центральной части – в основном из камня. Высота стены достигает приблизительно 1.8-2 м. На валу отмечено 46 башен, в стене видны бойницы. Из находок представлена бронзовая печать с надписью «печать древнего округа» и бронзовое зеркало. Общая протяженность – 58 км (50 км?) (Ким Хонсу, 2012: 85). Этот вал был открыт уже в 1931 г. В.В. Поносовым, который отнес его к периоду Бохай (Жернаков 1972: 5). Китайские археологи исследовали его в 1979–1984 гг. Тем не менее, конкретных данных по нему очень мало. Он был перестроен в период Восточного Ся с целью воспрепятствовать продвижению монгольских войск. На восточной стороне есть равнинная крепость Наньчэнцзы (Квон Ынчжу, 2012: 85).

Участок в Цзяндуне расположен в одноименном округе, на востоке от г. Нинъань. Он протянулся с юго-востока, начинаясь на вершине горы Наньшань, и заканчивается на северо-западе, у правого берега р. Муданьцзян. Общая протяженность вала – 22 км (28 км?) (Ким Хонсу, 2012: 85). По конструкции – в основном земляной, только на некоторых участках – земляной, с добавлением камня. Вал сильно разрушен распашкой. Сохранившаяся высота – в пределах 2 м, ширина в основании – 5–8 м, вверху – 1.5 м. Местами обнаружены башни, расположенные через каждые 25 м и направленные в северную сторону. Он был обнаружен в 1992 г. Однако о нем практически ничего не известно, даже в современных работах. В любом случае, этот вал также был объединен в «вал у Муданьцзяня», т.е. определен в качестве бохайского (Квон Ынчжу, 2012: 89–90).

Участок у оз. Цзиньбоху расположен недалеко от озера, в 30 км на Ю–З от г. Нинъань. Рядом размещены горные крепости Чжунчуньхэ, Чэнцянлацзы, Чэнцзыхоу. Его направление аналогично предыдущим участкам. Общая протяженность вала составляет 5 км (4,5 км) (Ким Хонсу, 2012: 85; Квон Ынчжу, 2012: 87). Вал датировался периодом Цзинь из-за формы вала и наличия защитных башен, хотя на нем не было обнаружено находок, и эта территория не была тогда пограничной. Однако в статье Цзян Юйкэ (2007 г.) указывается, что пограничные цзиньские валы сооружались для защиты от вторжения монгольской конницы. Поэтому они имели широкий ров, рядом – защитные квадратные участки стен, окольцованные стеной, с башнями. Однако этот вал разнится по конструкции с цзиньским, т.е. он бохайский (Квон Ынчжу, 2012: 88).

Хотя при изучении трех валов в 2008-2010 гг. были найдены дополнительно 1592 м стены (Квон Ынчжу, 2012: 90), тем не менее, нет даже точных данных по длине каждого вала, что мы отобразили в скобках у каждого значения длины. Общая протяженность системы «вал Муданьцзян» превышает 80 км.

«Вал Муданьцзян» был сооружен для защиты от племени *хэйшуй мохэ* Верхней столицы Бохая, расположенной в уезде Нинъань. Эти родственные племена были значительной силой, расположенной на севере от Бохая, куда оно хотело расширить свое влияние. *Хэйшуй мохэ* были против этого, пытались найти поддержку в Танском Китае. А именно, в 720-е гг. было зафиксировано 10 посольств *хэйшуй мохэ* в Тан, в 740-е гг. – 6 посольств (Ивлиев, 2005: 461–462). Первые попытки закончились военным столкновением Бохая и Китая. Начиная возникать новая опасность нападения на Бохай. Кроме того, из-за восстания Ань Лушаня (755 г.) при переносе столицы в Верхнюю столицу необходима была оборонительная система. Поэтому исследователи полагают, что первые годы сооружения вала можно отнести к правлению 3 вана Да Циньмао (737–793 гг.), не позднее того, когда столица была перенесена в Восточную столицу (80-е гг. VIII в.). Хотя вал относительно небольшой, но по его конструкции видно, что были необходимы немалые затраты. При первых ванах, считают исследователи, это было не под силу Бохаю (Квон Ынчжу, 2012: 85–86).

Однако если снова обратится к участкам «вала», то ситуация получается такой. Вал у оз. Цзиньбоху расположен на Ю–З от Верхней столицы, его башни стоят на северной стороне. Выходит, что он был бесполезен для защиты новой столицы. Следовательно, это мог быть самый ранний вал периода проникновения в этот регион Бохая (20–30-е гг. VIII в.). Возмож-

но, он выступал в качестве форпоста против продвижения *хэйшуй мохэ*. На это указывают и его небольшие размеры (4.5 км), по сравнению с остальными, и большое количество горных крепостей поблизости.

Участок в Цзяндуне был сооружен позже, видимо для защиты обширной равнины, где строилась Верхняя столица. Вал расположен уже С–В от столицы, длиннее (25 км), лучше защищен.

И участок Муданьцзян был построен позже всех, автор при этом полностью согласен с перечисленными выше причинами. Он еще длиннее предыдущего, более крепок (сложен из камня). Интересно, что валы по структуре (материалу) и по конструкции разные между собой, возможно, использовали разные технологии. В результате и этих действий посольства *хэйшуй мохэ* в Тан прекратились, что ускорило их дальнейшее подчинение.

Нами были рассмотрены 3 участка вала, объединенных по характеру и целям в одну систему «вал Муданьцзян». Он был сооружен в Бохай, возможно, перестроен в Ляо или Цзинь. Географически выгодное расположение хребтов и реки, видимо, было тем фактором, когда экономически можно было затратить минимальные усилия, построив небольшие валы. Используя преимущества горного рельефа, не только экономически, но и политически и стратегически, закрыв проход через долину реки, оказывали давление на *хэйшуй мохэ*, не давая им легкой дороги, чтобы послать посольство в Тан. Таким образом, валы выполняли и функцию управления территорией.

Научный руководитель: к.и.н. С.В. Алкин

Список литературы

Жернаков В.Н. Владимир Васильевич Поносов. – Мельбурн, 1972.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток, 2005. – С 449–475.

Квон Ынчжу. Пархэ Сангёнсоный ёкса мит чирн ёнгухёнхван: Сангён чхондой пэгён чэкомто (Состояние изучения истории и географии Верхней столицы Бохая: пересмотр ситуации вокруг переноса столицы в Верхнюю столицу) // Вчера, сегодня и завтра Верхней столицы Бохая. – Сеул, 2012. – С. 73–109.

Ким Хонсу. Чунгукый чансончжавончоса хёнхван (Состояние исследования ресурсной базы по оборонительным валам Китая) // Asia Archaeology 2012. – Тэджон, 2012. – С. 79–100.

Стоякин М.А. К вопросу о выделении когурёских оборонительных валов в Маньчжурии // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции / Материалы XLVIII РАЭСК. – Барнаул, 2008. – С. 188–189.

А.А. Суворова, Е.И. Вебер

*Чита, Читинский техникум железнодорожного транспорта
(ЧТЖТ Заб ИЖТ ИрГУПС)*

РАСЧЕТ РЕКОНСТРУКЦИЙ СИГНАЛЬНОГО КОСТРА ГОРОДИЩА УСТЬ-ЧЕРНАЯ ШИЛКИНСКОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДИЩ*

На протяжении нескольких лет в Восточном Забайкалье совместным археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН и Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова исследуется средневековое Усть-Чёрнинское городище, входящее в группу укрепленных поселений мохэских мигрантов в среднем течении р. Шилка от устья р. Кара до устья р. Горбица в Сретенском районе Забайкальского края. С 2006 г. составлены инструментальные

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН №39 «Монголы и тунгусо-маньчжуры».

планы трёх наиболее крупных поселений, проведены широкомасштабные раскопки жилых и хозяйственных комплексов, а также элементов фортификации поселения у с. Усть-Чёрная (Алкин, 2011).

Расположение по Шилке и её притокам, особенности планировки и характер фортификации указывают на то, что шилкинские городища несли охранно-сторожевую функцию, использовались в качестве пунктов контроля над долиной реки. Кроме того, они были местами постоянной или временной дислокации населения.

Целью нашей работы является определение возможности использования различных средств связи между укрепленными поселениями. По итогам полевого сезона 2011 г. нами были сделаны выводы об ограниченности срочной курьерской и невозможности звуковой связи между городищами, что объясняется, прежде всего, рельефом этой местности (Суворова, Вебер и др., 2012: 127–130). Поэтому наиболее эффективным средством связи между укрепленным городищами была, по нашему мнению, визуальная (дымовая) сигнализация. Для расчёта возможных расстояний, на котором могут быть видны зрительные сигналы используется формула $L = \sqrt{I/E_0}$, где L – дальность видимости дыма днём в метрах, I – сила света в свечах и E_0 – порог восприятия в люксах (Шаронов, 1943: 72–74). В дневное время ровный дымовой столб виден на расстоянии до 20 000 м. В ночное время дальность видимости сокращается примерно до 8 000 м.

Для подачи дымового сигнала могли использоваться различные типы костров. Наиболее простым при сооружении является костер шалашевидного или колодезного типа, сооруженный из сухих бревен. Он дает высокое пламя, которое для образования устойчивого плотного дымового сигнала накрывалось хвоей, травой или листьями.

В ходе прошедшего полевого сезона 2012 г. в непосредственной близости от фортификационной системы Усть-Чёрнинского городища были обнаружены остатки двух средневековых конструкций кострового типа, предположительно имеющих отношение к системе визуальной сигнализации (Ахметов, Алкин, 2012). Кострище № 1 находится за территорией городища в 10 м от единственного прохода в системе фортификации, который расположен в западном сегменте системы валов и рвов. Его диспозиция указывает на предпочтительное использование для связи с Чудейским городищем, расположенным вверх по течению р. Чёрной и городищем Витчиха вверх по течению р. Шилка. Кострище № 2 выявлено на скальном выступе в 200 м вниз по склону от юго-восточного угла фортификации. Скорее всего, эта конструкция использовалась для связи с городищами (горным и береговым), которые располагались в пади Проезжая вниз по течению Шилки, а – при наличии промежуточных наблюдательных пунктов – и с городищем Витчиха.

В обоих случаях выявлены остатки конструкции из четырех вертикальных деревянных стоек, для установки которых специально подготавливались небольшие ямки в поверхности.

На основе полученных археологических данных был проведён эксперимент по реконструкции сигнального костра. Основной конструкции были четыре вертикально установленные стойки высотой около 1,8 м. Между ними произведена закладка хвороста. Поверх сооружение накрывалась лапником. В дальнейшем конструкция поджигалась.

Дождливая и ветреная погода времени проведения эксперимента показала, что подготовленная конструкция оказалась излишне высокой. Костер было трудно закрыть от ветра. В результате дым рассеивался без образования стабильного дымового столба. Сложные погодные условия августа, ограниченность времени в конце полевого сезона, а также аномально высокий уровень рек не позволили получить данные по степени видимости дымового сигнала с окрестных городищ. В то же время, и с реки (наблюдатель находился на лодке примерно в 5 км выше по течению Шилки), и из деревни Усть-Чёрная костёр и дым фиксировались. Стелящийся по земле в сторону городища густой дым

накрыл всю его юго-восточную часть, что указывает на возможность использования костров не только как средства сигнализации, но и для отпугивания гнуса от поселения. Известно о подобном использовании дымокурных костров у стойбищ и поселений эвенков Подкаменной Тунгуски (Заплатин, 1966: 92–97.) и на Дальнем Востоке (Арсеньев, 1983: 109–116).

На основе полученного опыта и для подготовки нового этапа эксперимента по реконструкции сигнальных сооружений эпохи средневековья требуется определить оптимальную высоту этих конструкций. Для расчета использовались теорема Пифагора и теорема синусов.

Нижние концы стоек из плотного дерева (предположительно лиственницы), углубленных в землю и поэтому неплохо сохранившихся, образуют в плане правильный прямоугольник. Зафиксированный в разрезе угол наклона стоек примерно равен 80° .

Получаем четыре прямоугольных треугольника. Зная одну сторону и все углы, мы можем найти другие стороны. Возьмем две противоположные стойки, нам известны нижние катеты 22 см (левый треугольник) и 41 см (правый треугольник). Рассчитав гипотенузу левого треугольника, получаем высоту стойки примерно 130 см. Рассчитав общий катет этих треугольников, и гипотенузу правого треугольника по теореме Пифагора определяем высоту второй стойки примерно в 134 см. Расстояние между верхней левой (130 см) и остальными, кроме нижней правой (134 см) одинаково, следовательно, высоты этих стоек также будут равны примерно 130 см.

Таким образом, видно, что стойки костра должны быть определенно ниже, чем в проведенной нами предварительной реконструкции. Тогда будет возможность закрыть костёр от ветра и создать стабильный дымовой столб для связи с другими городищами. Или же «положить» дым в сторону поселения для борьбы с гнусом. Проверка полученного результата будет проведена в ближайшие полевые сезоны, так как в ходе планирования и строительства Шилкинской ГЭС мы можем безвозвратно потерять археологические памятники Шилкинской системы городищ и вместе с ними ответы на поставленные нами вопросы.

Научные руководители: к.и.н. С.В. Алкин, Р.В. Смоляков

Список литературы

Алкин С.В. Шилкинская система городищ // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск : Наука, 2011. – С. 349–351.

Ахметов В.В., Алкин С.В. Разведочные работы в районе Усть-Чёрнинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Т. XVIII. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 160–163.

Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю // В делях Уссурийского края. – М. : Мысль, 1987.

Заплатин М.И. В чертогах Подкаменной Тунгуски. – М. : Мысль, 1968.

Суворова А.А., Вебер Е.И., Кузнецов М.Е., Анохин А. Возможности использования зрительных сигналов населением городищ на реке Шилка // Археология, этнография, антропология Евразии. Исследования и гипотезы : материалы докладов ЛП Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета НГУ – Новосибирск : НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 233–234.

Шаронов В.В. Наблюдение и видимость. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1943.

СЕРЬГИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ ТЮРКСКОГО ПЕРИОДА*

Серьги являются самым распространенным видом украшений в памятниках Горного Алтая VI–X веков. Серьга (устар. усерязь) – украшение, предназначенное для ношения около уха, в мочке уха, в крыле или перемычке носа (Заднепровская, Карпова, Лойко и др., 2004: 56–58). Данный вид украшений был обнаружен в погребениях могильников: Юстыд XIV, к. 1; Юстыд I, к. 8; Юстыд XII, к. 28; Ак-Кобы 3, к. 2; Джолин I, к.10; Балык-Соок I, к. 11; Кудыргэ, могилы 4, 5, 10, 12, 13; Курай IV, к.1; Катанда II (Кубарев, 2005: 59–61; Гаврилова, 1965: 64).

Систематизация серег населения Горного Алтая тюркского периода показала, что в указанное время широкое распространение получили кольцевые серьги. Кольцевые серьги в своей основе имеют металлическое незамкнутое кольцо или полукольцо из круглой в сечении проволоки, пластинчатое или полое внутри. Каждая кольцевая серьга состоит из мочки (дужки) и основания, часто и подвески. Мочка (дужка) – верхняя часть серьги, вдеваемая в ухо. Форма мочки (дужки): дуга высокая или низкая. Основание – нижний сегмент кольцевой серьги. Подвеска – декоративный элемент, который крепиться к основанию серьги. Крючковые серьги состоят из замка в виде крючка, верхушки и часто подвески. Крючок – часть серьги, продеваемая в ухо. Верхушка – одна из основных частей серьги. Она может украшаться с лицевой, а иногда и с оборотной стороны (Заднепровская, Карпова, Лойко и др., 2004: 56–58).

При составлении классификации серег населения Горного Алтая тюркского периода нами учтен опыт изучения украшений гунно-сарматского и тюркского периодов содержащийся в работах Б.Б. Овчинниковой (1990) и С.В. Трифановой (2006). Вся серия серег нами разделена на два раздела по общему контуру изделия, конструктивным особенностям и способу фиксации на ухе. В первый раздел включены крючковые серьги представленные одним отделом. В отдел 1 нами выделено одна крючковая серьга с петлей в основании для фиксации подвески. Во второй раздел вошли кольцевые серьги. Серьги второго раздела выключают три отдела: в отдел 1 вошли серьги со шпеньком на мочке и с выемкой для фиксации подвески в основании, во второй – с выемкой, без шпенька, в третий отдел включена серьга в виде металлического не сомкнутого кольца без дополнительных деталей. В отделе 1 выделены два типа серег: тип 1 выделен по наличию на мочке шарика и тип 2 – по наличию на мочке шпенька. В типе 1 выделены три подтипа по конструкции подвески (рис. 1).

Анализ местонахождения и половозрастной принадлежности серег позволила сделать следующие выводы: мужчины носили по одной серьге, женщины могли носить как две, так и одну серьгу (Овчинникова, 1990: 47; Гаврилова, 1965).

Рассмотренные нами серьги имели широкое распространение на территории Евразии. Известны подобные изделия в памятниках Ближние Елбаны, Старая Преображенка и в памятниках Восточной Европы V-VIII веков (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981: 135, 167). Изображения аналогичных серег известны на каменных изваяниях Алтая, Тувы и Монголии (Овчинникова, 1990: 47; Степи Евразии в эпоху средневековья 1981: 127, Кубарев, 1984: рис. 5).

* Работа выполнена в рамках реализации проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации.

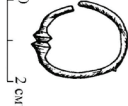
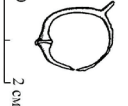

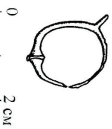
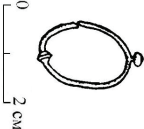

Раздел II Кольцевые			Раздел I Крючковые		
Отдел 3	Отдел 2	Отдел 1			Отдел 1
					
		Тип 2	Тип 1		
					
			Подтип 3	Подтип 2	Подтип 1
					

Рис. 1. Классификация серег Горного Алтая тюркского периода

В результате полученные при классификации серег населения Горного Алтая тюркского времени будут использованы при осуществлении корреляции с другими категориями украшений и позволят выявить особенности локальных вариантов и территориальных групп украшений населения Горного Алтая тюркского времени.

Научный руководитель: к.и.н., доц. В.И. Соёнов

Список литературы

- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. – М.; Л., 1965.
 Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // АСГЭ. – 1940. – Вып 1. – С. 17–21.
 Заднепровская А.Ю., Карпова О.В., Лойко Л.М., Ратникова А.В., Сланикова Л.А., Федорова М.В. Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология : справочник. – СПб., 2003.
 Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984.
 Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005.
 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск, 1990.
 Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.
 Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи : дис. ... канд. ист. наук. – Горно-Алтайск, 2006.

**СТАТУСНЫЕ ВЕЩИ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII–XIX вв.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)***

С помощью археологических исследований учёными были получены коллекции предметов, которые имели статусное значение, играли важную роль в мировоззрении русских Западной Сибири. Влияние традиций коренного населения и оторванность от исходной культурной среды изменяли взгляды русских сибиряков на предметы, их окружающие. Новая среда была более открытой для контактов – сильной была связь населения с прилегающими территориями, о чём говорят интенсивные торговые связи (Вилков, 1990: 32–34).

Письменные источники свидетельствуют нам об уровне благосостояния жителей Западной Сибири, особенно служилых людей. Например, в Дозорной книге Тарского уезда за 1701 г. (РГАДА Ф. 214. Оп.1. Д. 1182. Л. 185–187) мы находим длинный перечень наделов казаков Неупокоевых, жителей деревни Ананьино над озером Ананьинским (15 километров от города Тары, Тарский район Омской области). – «Пашни у него паханые в дуброве две десятины в поле севу по тому ж. Да непаханой земли залежи и пустоши пятнадцать десятин а та у него пашня в доле с племянником его с конным казаком с Васьюкою Федоровым сыном Неупокоевым вверх по Иртышу реке и вверх по Нюхолони реке <...>. Сенных покосов у него под деревней в лугу на сто копен да подле... реки на сорок копен. Скоцкого выпасу четыре десятины все возле сенных покосов и скоцкий выпуск вверх по Иртышу реке на Ананьиной деревне пашенные выпасы на горе в межах в первую сторону от сосняку вверх по реке Пятовой до березняка». Кроме этого казакам от государя полагалось вполне приличное жалование: «А оклад ему Сеньке [Неупокоеву] великого государя жалованья денег семь рублей с четью, а за хлебной полной оклад служит с пашни». Высокие доходы и жалование давали возможность служилым людям выделиться, показать свой достаток и положение.

Население городов XVII – начала XIX веков по своему благосостоянию мало отличалось от деревенского, исключение составляли только купцы и чиновники царской администрации, офицеры-дворяне и крупные промысловики, имевшие более высокий доход и социальное положение. Но и они, для того чтобы подчеркнуть свой статус, использовали те же вещи, что и сельские жители. Это подтверждается археологическим материалом. Так на сельских памятниках Омского Прииртышья – Изюк–I и Ананьино–I, как и в Мангазее (Визгалов, Пархимович, 2008: 37–57), Берёзовском городище, был найден китайский фарфор, который являлся очень дорогим товаром. Таможенные книги говорят, что он был объектом торговли на ярмарках, причём цена его могла доходить до двух рублей за предмет (Вилков, 1990: 56–58). В Мангазее и Берёзовском городище процент найденного фарфора, правда, был несколько меньше, что, вероятно, объясняется удалённостью этих населённых пунктов от основных Западно-Сибирских ярмарок, располагавшихся в Южной части Западной Сибири (Вилков, 1990: 35–42). Китайская фарфоровая посуда имела хождение по сибирским рынкам в период 1604–1756 гг. Скорее всего, её использовали в особых случаях, и один и тот же предмет мог служить долгое время (Татауров, 2011: 308).

Вторую группу статусных предметов представляют украшения. По материалам таможенных книг, уже в начале XVII в. бухарские купцы стали ввозить на территорию

* Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Культура русских в археологических исследованиях: адаптация, трансформация и развитие в условиях Западной Сибири в конце XVI – XVIII вв.».

Сибири китайские бусы (синий одекуй) (Вилков, 1990: 30–35). Исследования Н.П. Довгалюк и Л.В. Татауровой показывают, что, кроме китайских, на памятниках Омского Прииртышья присутствовали голландские и венецианские бусы (Довгалюк, Татаурова, 2010: 43–44).

Считается, что бусы – это признак сельской материальной культуры. Являясь одним из видов женских украшений, бусы составляли определённую группу элитных товаров. В Сибирь европейские бусы попадали по Московско-Сибирскому тракту, по которому в XIX в. стал ввозиться и русский фарфор. Кроме бус на поселении Изюк-I (Большереченский район Омской области) был обнаружен серебряный перстень, подобные находки обнаружены в Мангазее, Берёзове, Томске, Таре, причём не в единичных экземплярах. В городах находки перстней свидетельствуют о большем количестве дворян и царских чиновников.

К третьей группе можно отнести некоторые элементы костюма. На сельских памятниках Омского Прииртышья была обнаружена представительная коллекция кожаной обуви, при анализе которой В.Б. Богомоловым были выделены Западно-Европейские образцы мужской и женской обуви первой половины XVIII в. Такая обувь подчёркивала достаток и высокое положение владельца. На городских памятниках Западной Сибири подобных находок пока не обнаружено (Богомолов В.Б., Кравец Е.В., Татаурова Л.В., 2013: в печати).

При дальнейшей работе с археологическими коллекциями нами могут быть выделены и другие группы статусных вещей, которые имели место в жизни русских сибиряков XVII – начала XIX веков. Пока что мы можем сделать вывод о том, что русское население Западной Сибири пользовалось всеми преимуществами жизни этого региона и стремились подчеркнуть это не только перед коренным населением, но возможно и перед переселенцами из центральной России, живущими в значительно худших условиях (Колесников, 1968: 135–140).

Научный руководитель: к.и.н., доц. Л.В. Татаурова

Список литературы

- РГАДА Ф. 214. Оп.1. Д. 1182. Л. 185–187.
- Богомолов В.Б., Кравец Е.В., Татаурова Л.В. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII–XVIII вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. (В печати).
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. «Мангазее: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.)» – Екатеринбург; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2008. – С. 37–57.
- Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск : Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1990. – С. 30–98.
- Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Стекланные бусы из слоёв сельских поселений Среднего Прииртышья как источник для реконструкции торговых связей русских переселенцев XVII–XVIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. № 2 (42). – С. 37–45.
- Колесников А.Д. Освоение Сибири в эпоху феодализма XVII–XVIII вв. – Новосибирск : Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1968. – С. 135–140.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX вв.). – СПб., 1994. – С. 5–15.
- Мишина М.А. О знаковой природе и семиотическом статусе традиционной куклы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – СПб., 2010. – № 1. – С. 111–112.
- Татауров Ф.С. Изучение школ и художественных стилей «археологического» фарфора XVII-XIX вв. на территории Западной Сибири // Археология, Этнография, Палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия – Материалы LI региональной (VII Всероссийской) конференции студентов и молодых учёных. – Красноярск : ИПК КГПУ, 2011. – С. 308–310.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ КАТАЛОГА ПРЕДМЕТОВ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ С ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ

В настоящее время музеи Сибири располагают значительным количеством археологических материалов. Среди них имеются и предметы, относящиеся к памятникам кыргызской культуры на Алтае. Представительными коллекциями располагает Государственный Эрмитаж (ГЭ, колл. 1554), Алтайский Государственный Краеведческий Музей (АГКМ, колл. 13105, 13170). Но, к сожалению, лишь часть имеющихся предметов более или менее полноценно введена в научный оборот. Возникает необходимость упорядочивания многочисленного материала, который представлен вооружением, конским снаряжением, элементами костюма и предметами быта, обнаруженными при работах на памятниках кыргызской культуры.

Каталогизация археологических фондов, несмотря на более чем полтора века истории, сегодня может считаться направлением музейной работы, находящимся еще только в стадии становления. В этом есть свои положительные стороны – можно использовать опыт, накопленный коллегами при составлении каталогов исторических, этнографических, художественных и других коллекций, но возникают и серьезнейшие проблемы, в первую очередь – отсутствие методологических основ и общепринятых методик каталогизации археологических фондов. Имеющиеся методические рекомендации по описанию и обработке археологических коллекций не закрывают эту лауну, т.к. призваны решать другую задачу (Бородовский, 1984).

Историография каталогизации в отечественной музейной практике небогата. Опыт, накопленный в данной области к середине 1960-х гг., подытожил М.Х. Алешковский, выделив три типа каталогов и подчеркнув актуальность такой работы (Алешковский, 1971: 33). Развитие археологической каталогизации во второй половине XX в. проанализировала Е.А. Черненко, показавшая заметное увеличение числа таких изданий на протяжении 1965–1991 гг. (Черненко, 2001: 245). Проводятся различные конференции и форумы, посвященные каталогизации и публикации музейных фондов. Примером может служить международная конференция «Археография музейного предмета», которая состоялась в г. Москва (март, 2012 г.). Подробную информацию по историографии каталогизации музейных фондов можно почерпнуть из работы Ю.В. Герасимова (2012). Статья посвящена изучению развития и современного состояния каталогизации археологических коллекций в практике российского музейного дела на протяжении XIX–XX вв. Проанализированы предлагавшиеся принципы систематизации фондов и структуры описания коллекций, рассмотрены функциональные модели каталогов. В статье приведены краткие обзоры каталогов археологических фондов музеев Российской империи и СССР, на основе сравнительного анализа показано развитие методики описания и систематизации коллекций.

Систематизация археологических источников – одна из важных задач археологических исследований. Ее проведение возможно также путем создания каталогов и построения баз данных. Обозначилась необходимость дальнейшего проведения исследований и обобщения накопленных знаний на новом уровне. В этом процессе огромное значение имеют издания музейных собраний, а важной формой подачи материала являются каталоги.

В данной статье предлагается вариант публикации материалов памятника кыргызской культуры Чинета-II (курганы № 1, 10–13) из фондов Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Они представлены коллекцией № 185, которая содержит предметы наступательного вооружения, орудия труда, снаряжение верхового коня, костюм человека. Всего насчитывается 116 единиц хранения (курган № 1: № 1–4; курган № 10: № 246–264; курган № 11: № 128–138; курган № 12: № 139–220; курган № 13: № 221–245). Необходимо начать работы

по их описанию, с целью подробной фиксации имеющихся данных. В создаваемом каталоге каждый предмет будет сопровождать краткая аннотация, в которой будут даны отдельные параметры музейного предмета, место находки, датировка, ссылка на публикацию и т.д. Предполагается создание карточек в программе Corel Draw X5, а затем их экспорт в файлы формата JPEG, для дальнейшей верстки в программе Abby Fine Reader и конвертирования готового каталога в формат PDF.

Разработка каталога в данном случае позволит сгруппировать и обработать весь известный массив источников. В перспективе, предполагается, что ее создание положит начало плодотворной деятельности по возобновлению работы по паспортизации объектов археологии на исследуемой территории. Необходимость систематизации этих данных связана прежде всего с интенсивным хозяйственным освоением региона и перспективами организации широкомасштабных археологических раскопок.

Научный руководитель: д.и.н., проф. В.В. Горбунов

Список литературы

Алешковский М.Х. Очерк истории музейной каталогизации археологических источников (в связи с вопросом об эволюции форм научных предметов) // *Обзоры научных каталогов памятников материальной и духовной культуры*. – М., 1971. – С. 33–63.

Бородовский А.П., Глушков И.Г., Матющенко В.И. Методические рекомендации и программы обработки и описания археологических коллекций. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1984.

Герасимов Ю.В. Каталогизация археологических фондов в российских музеях: история и перспективы // *Вопросы музеологии*. – № 1(5). – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 139–147.

Черненко Е.А. Характеристика отечественных археологических каталогов (1956–1991 гг.) // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции VI Берсовские чтения*. – Екатеринбург, 2001. – С. 245–248.

Н.С. Федорова

Чита, Забайкальский государственный университет

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЧИКОЙСКОЕ

Поселение «Чикойское» – новый и своеобразный археологический объект периода освоения русским населением территорию Забайкалья. Исследованных памятников данного периода, по сравнению с археологическими объектами более древних этапов истории Забайкалья не много. Поиск и изучением памятников русской истории на территории Забайкалья занимались: А.Р. Артемьев (Нерчинский, Шилкинский, Аргунский остроги), И.И. Кириллов, Е.В. Ковычев (Иргенский острог, поселение Засопошное), М.В. Константинов (Чикойский Иоано-предтеченский монастырь, декабристский некрополь в г. Петровск-Забайкальский, городища Студёновское, Волковское, стоянка Змеинная горка), С.Б. Верещагин (поселение Старая Чита) (Артемьев, 1999; Верещагин, 2009; Дроботушенко, Филимонов, 2001; Ковычев, 2011; Константинов, 2011).

Поселение «Чикойское» расположено в 1 км восточнее села с. Красный Чикой на правобережной 12-метровой террасе р. Чикой, в зоне гравийного карьера (Забайкальский край, Красночикойский район). Открыто и исследовалось Чикойской археологической экспедицией ЗабГГПУ (ныне ЗабГУ) в 2010 г. Поселение, вероятно, было представлено серией землянок. Полностью сохранилась одна из них. Она была устроена в специально вырытом котловане глубиной до 1,5 м с 3 отвесными стенками и свободной стороной, обращенной к реке. В нем устроен сруб из 7 венцов размером 3,2 x 3,5 м из лиственниц

диаметром до 25 см. От южной стены, обращенной к реке, сохранился только нижний венец, остальные сползли вниз по гравийному уступу. Внутри землянки найдены следы прошитой слюды от оконца, которое, скорее всего, как и дверь, было обращено в сторону реки. Грунтовый пол был покрыт берестой. Вдоль восточной стенки располагалась лежанка из деревянных плах. В центре находился очаг из валунов и самодельных кирпичей. Как можно предположить, дым от очага выходил в окно или дверь. Ближе к северной стене находился стол из 4 горизонтально положенных рубленных по торцам чурок. Сверху землянка перекрыта деревянными плахами и засыпана слоем навоза. На его поверхности найдена русская медная монета «денга». На реверсе в центре монеты линейный ободок, в котором обозначен номинал в две строчки. Под номиналом двойная линия и под ней год чеканки – 1748. Номинал обрамлён по кругу декоративным картушем, сверху розетка с шестью лепестками, а снизу – пальмовая ветвь с лентой. На аверсе изображен двуглавый орел. Такой дизайн «денга» имела до 1757 г., затем вместо орла на ней появилось изображение всадника с копьем старого герба Москвы и Русского государства.

Внутри землянки, на берестяном полу, найдены изделия из глины, камня, кости, металла, дерева, бересты. Наиболее многочисленны находки фрагментов керамических сосудов. Исходя из анализа венчиков установлено, что они принадлежат 16 керамическим изделиям различных форм и размеров, в том числе: горшкам, крынкам, тарелкам. Отощителем теста служил мелко-среднезернистый песок, иногда с включением мелкой дресвы. Вся керамика лепная, со скудной орнаментацией. Она плохо обожжена, профиль имеет различную текстуру, что говорит о неравномерности распределения теплового поля при обжиге сосуда. Некоторые фрагменты сохраняют следы нагара. Орнаментировались в основном венчики и прилегающая часть тулова. Они украшались налепными валиками, с перекрестными насечками; параллельными насечками; вдавленными несквозными отверстиями; крестообразными насечками; штампами в виде колеса и миндалевидных вдавлений. К керамическим изделиям относятся также фрагменты кирпича. Кирпич относится к лекальным. Был изготовлен с помощью специальной формы, а затем залощен руками, о чем говорят оттиски пальцев и небольшие неровности.

В коллекцию, обнаруженную в остатках строения, входят также: 2 железных однолезвийных черешковых ножа; берестяные туюски разных размеров, на одном из которых имеется орнамент в виде ромбов; шило длиной 10 см, из рога, жальце изделия зашлифовано, на противоположном конце имеется отверстие диаметром 1,5 см; костяной нож размерами 13,0 x 1,5 см из лопаточной кости, его рабочая кромка зашлифована; оселок размером 7,0 x 4,5 см, выполненный из каменной плитки; скребок, выполненный на плоском галечном сегменте.

С археологическим материалом обнаружены кости диких и домашних животных. На некоторых из них присутствуют следы от рубки, многие расколоты поперек или вдоль. В целом, материалы полученные в ходе раскопок поселения представляют значительный интерес, как с археологической, так и с исторической стороны. Они ярко иллюстрируют особенности материальной культуры первого русского населения горно-таёжных районов юга Забайкалья.

Научный руководитель: С.Б. Верещагин

Список литературы

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток, 1999.

Верещагин С.Б. Археологические работы в исторической части города Чита // Древнее Забайкалье культура и природа. – Чита, 2009. – С. 126–133.

Чикойский Иоано-предтеченский монастырь // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск, 2011. – С. 334–337.

Ковычев Е.В. Засопошное // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск, 2011.

Ковычев Е.В. Иргенский острог // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск, 2011. – С. 142–143.

Константинов М.В. Змеинная горка // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск, 2011. – С. 133–134.

Константинов М.В. Студёновское городище // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск, 2011. – С. 277.

Константинов М.В. 2011. Декабристский некрополь // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск, 2011. – С. 114–115.

Антропология, этнология и этноархеология

Е.А. Аброськина

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

ОТЧЕТЫ ВОЛОГОДСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОЙ ЖИЗНИ КОМИ-ЗЫРЯН В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Традиционно источниками по этнографическому изучению того или иного народа считались полевые материалы, а также опубликованные научные труды учёных-этнографов: монографии, статьи, очерки. Что касается ежегодных губернаторских отчётов, то их рассматривают чаще всего исключительно как исторические источники.

В своей работе я анализирую отчёты Вологодских губернаторов за 1894–1899 гг. как этнографический источник. Отчеты ежегодно составлялись в Вологде и предоставлялись высшим должностным лицом губернии в Петербург, Министерство внутренних дел. В настоящее время они хранятся в Российском государственном историческом архиве. Этнографами, изучающими традиционное хозяйство коми-зырян, данные этих отчетов не используются.

На основе этих материалов я поднимаю две такие важные этнографические темы, как народонаселение и хозяйство. В своей работе я рассматриваю два уезда Вологодской губернии: Усть-Сысольский и Яренский, потому что именно на этой территории проживало преобладающее в это время над русскими основное количество народа коми (90%, по данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г.). Таким образом, можно, проанализировав отчёты губернаторов Вологодской губернии за указанные годы, сделать вывод о численности населения в данных уездах и о состоянии их хозяйства, а следовательно, и определить периоды демографического роста и спада, а также уровень хозяйственной организации, основные и преобладающие типы хозяйствования коми-зырян.

Исследование основано на ежегодных отчётах Вологодских губернаторов, циркулярах МВД, статистических сведениях о городах Вологодской губернии за 1859–1910 гг.

Вологодская губерния имела в рассматриваемый период в своём составе десять уездов, из которых девять были пограничными (лишь Великоустюгский уезд был внутренним). Вологодская губерния граничила с восемью губерниями: Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Тобольской, Пермской, Вятской, Костромской и Ярославской.

Границы губернии, по влиянию их на местную промышленность и торговлю, могут быть разделены на три разряда.

В первый разряд войдут юго-западная, южная и часть юго-восточной, т. е. граница с губерниями Ярославской, Костромской и Вятской. Эта граница была очень важна для Вологодской губернии, потому что она обеспечивала местную торговлю между соседними территориями: зерном, со стороны Ярославской, Костромской и Вятской губерний, и лесом, со стороны Вологодской.

Второй разряд составляют границы северо-западная (за исключением границы с Олонецкой губернией) и северная, т. е. границы с губерниями Новгородской и Архангельской. Эта граница обеспечивала возможность транзитной торговли для Вологодской губернии. Ввоз в данном случае был не велик, зато выгоды торгового оборота, безусловно, были более значительны: предметы иностранного ввоза в Архангельский порт не могли миновать Вологодской губернии при их транспортировке в глубь России.

Наконец к третьему разряду можно отнести всю восточную часть юго-восточной границы и часть северо-западной, именно границу с Олонецкой губернией. Эта граница не представляет выгод в торговом и промышленном отношении для Вологодской губернии в связи с малонаселённостью этой местности.

Несмотря на своё достаточно выгодное торговое положение, главными занятиями населения Вологодской губернии в рассматриваемый период являются земледелие и скотоводство. Климат губернии не везде одинаков: в юго-западных уездах он довольно умеренный, здесь развиты разные отрасли сельского хозяйства, достаточно плотное расселение. Северо-восточная часть губернии занята преимущественно лесами, поселений мало. Такое разнообразие климатических условий соответственно влияет и на род занятий местных жителей.

Всепопданнейшие отчеты губернаторов являлись официальным показателем уровня развития губернии за отчетный период в экономическом и социальном отношении отчеты. Как показала проделанная работа, в разные периоды времени губернаторские отчеты отражали социальное, экономическое и культурное состояние губернии. Объективность этого документа снижалась только в результате скрывания или смягчения отчетной информации. Вместе с тем при использовании этого источника необходим и учет социально-экономической ориентации каждого отдельного региона.

Процедура сбора первичной информации и ее обработки на губернском уровне показала степень эффективности взаимодействия губернатора почти со всеми губернскими органами.

По мнению А.С. Минакова, «Любой всепопданнейший отчет был лишь формально плодом творчества губернских чиновников. В действительности, сношения губернатора с центральными государственными учреждениями по вопросам составления отчета рисуют нам процесс создания отчета как совместную работу центральных и местных органов. Главный проводник правительственного курса на местах – МВД – проявляло устойчивую заинтересованность вопросами представления отчетов императору в наиболее удобочитаемых формах. Подобная опека со стороны министерства не только не тяготила губернское руководство, но и, наоборот, находила встречные стремления».

Несмотря на то что даже официальные круги справедливо подмечали многие отрицательные стороны всепопданнейших отчетов, последние не превращались в регулярную отписку. Император, быть может выборочно, не полностью, но знакомился с ними, и сведения, содержащиеся в отчетах, встречали определенный интерес с его стороны. Многочисленные царские резолюции на отчетах тому яркий пример. Все они выполнены его рукой. Сегодня пока рано утверждать, насколько важными были некоторые предложения губернаторов и инициировали ли они выработку каких либо крупных политических решений. Тем не менее в ряде случаев отчеты затрагивали вопросы, имевшие актуальность в общегосударственных масштабах.

Однако даже при учете всех вышеперечисленных моментов, думается, что всепопданнейшие отчеты в полной мере не выполняли той функции, ради которой они составлялись. А это в свою очередь влекло за собой и соответствующее отношение к ним как со стороны официальных кругов, так и со стороны современников. Император получал информацию с различной степенью искаженности. Более того, по ряду вопросов в отчет закладывалась заведомо приблизительная информация. Чтобы не быть голословной, приведу пример: в отчёте от 1898 г. говорится, что количество населения достигло 1 436 783 души, а в отчёте от 1899 г. – 1 464 992 души, а это на 4 247 человек больше, чем в 1898 г. При несложном подсчёте получаются разные цифры: по отчёту 1898 г. – 1 436 783 души, а по отчёту 1899 г. – 1 460 745 душ.

Таким образом, проделанная работа обнаружила особенности данного источника, важные в изучении не только широких вопросов социально-экономической истории отдельных районов страны, но и хозяйства и демографии регионов. Конечно, полностью полагаться на этот источник без привлечения других архивных материалов, таких как земская статистика, циркуляры МВД, нельзя. Но, безусловно, отчёт губернаторов даёт нам свежий этнографический источник.

Список литературы и источников

Источники

Отчёт о состоянии Вологодской губернии за 1894 г. РГИА // Ф. 1282. Оп. 3. Д. 16.

Отчёт о состоянии Вологодской губернии за 1895 г. РГИА // Ф. 1282. Оп. 3. Д. 16.

Отчёт о состоянии Вологодской губернии за 1896 г. РГИА // Ф. 1282. Оп. 3. Д. 16.

Отчёт о состоянии Вологодской губернии за 1897 г. РГИА // Ф. 1282. Оп. 3. Д. 16.

Отчёт о состоянии Вологодской губернии за 1898 г. РГИА // Ф. 1282. Оп. 3. Д. 16.

Отчёт о состоянии Вологодской губернии за 1899 г. РГИА // Ф. 1282. Оп. 3. Д. 16.

Очерк промышленности и торговли Вологодской губернии // Справочная книжка для Вологодской губернии на 1856 год. – Вологда, 1856.

Систематический сборник постановлений Усть-Сысольского Вологодской губернии уездного земского собрания за 30 лет (1869–1898 / сост. И.Я. Неклепаев. – Вологда, 1899.

Решения сельского схода крестьян Турьинской волости о недостатке семян для засева полей ЦГА Республики Коми. Ф. 117. Оп. 1. Д. 784. Л. 15–16.

Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времён. – Сыктывкар, 2002.

Литература

Дятлова Н.П. Отчёты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. – Л., 1964.

Индова Е.И. К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. – Вологда, 1973.

Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX веков // Отечественная история. – 2005. – №3.

Немшилова З.Я. В делях Севера. – Сыктывкар, 1983.

Порчинский И.А. Краткие сведения о насекомых, вредящих русскому полеводству. – СПб., 1891.

В.С. Акуленко

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

АНТРОПОГЕНЕЗ КОРЕЙЦЕВ: ВЗГЛЯД ИЗ КНДР

Северокорейские историки и антропологи на нынешнем этапе развития науки КНДР поставлены в жёсткие рамки, очерченные партийным руководством ТПК, с одной стороны, и практически полным отсутствием реальной возможности проводить самостоятельные полевые исследования – с другой. Поэтому современные исследования, связанные с антропогенезом человека, для северокорейских учёных географически ограничены рамками собственной территории, которая, впрочем, достаточно богата находками останков древнейших людей. Что касается теоретической базы, то здесь северокорейские учёные вынуждены выстраивать свои выводы чётко в соответствии с новейшей теорией о так называемой тэдонганской археологической культуре.

Антропогенез рассматривается северокорейскими учёными как линейный процесс поэтапной эволюции человека из человекообразной обезьяны в современный вид человека. Такой взгляд во многом повторяет воззрения советской науки. Однако есть и одно существенное отличие – северные корейцы уверены, что весь процесс эволюции их предков, начиная с нижнего палеолита (а может и раньше), проходил на территории современной КНДР, не допуская миграций извне на протяжении сотен тысяч лет. Иными словами, можно сказать, что северокорейские учёные отчасти являются приверженцами мультирегиональной теории антропогенеза. Причём с начала 1970-х гг. до начала 2000-х гг. процесс изолированного антропогенеза на Корейском полуострове был «отодвинут» северокорейской наукой на сотни

тысяч лет в прошлое, а географически его рамки сузились до долины реки Тэдонган и территории современного города Пхеньян.

Надо полагать, что точкой отсчёта в формировании теории самостоятельного развития корейцев можно считать 1966 г., когда в селе Хунгу уезда Санвон был обнаружен палеолитический памятник Комынмору и сомнений в том, что человек жил на территории Корейского полуострова со времён нижнего палеолита, ни у кого не осталось. Однако основа для построения собственно теории была заложена лишь десятилетие спустя, в 1970-е гг. Тогда археологам удалось обнаружить важные для проведения антропологических исследований останки древних людей (Ким, 2006: 25 – 26). Выдвинутая северокорейскими учёными теория подразумевала самостоятельное формирование в Восточной Азии с центром на Корейском полуострове предков современных корейцев – «древних корейцев» (кор. чосон ет юхёнсарам) начиная с периода неолита (Чосончонса, 1979: 333). Однако параллельно с этим шла работа по формированию новой теории, согласно которой сначала Корейский полуостров, а затем Пхеньян и долина реки Тэдонган, были объявлены одним из центров зарождения человечества.

По мнению северокорейских историков, все найденные в 1970–1980 гг. костяки древних людей: «токчхонского», «сыннисанского», «рёкпхосского», «мандальского» и т. д., представляют собой три эволюционных этапа развития древних корейцев: первобытный человек (кор. «вонъин») – древний человек («коин») – современный человек («синин»), которые жили, соответственно, во времена нижнего, среднего и верхнего палеолита (Сон, 1992: 1–7).

На основе сравнения останков была «доказана» преемственность между ними, а также выдвинута так называемая теория происхождения от коренных жителей, подразумевающая непрерывную генетическую преемственность между палеолитическим населением Корейского полуострова и современными корейцами.

Положение данной теории хорошо передают слова северокорейского историка Чан Учжина: «Древние корейцы связаны кровными узами с людьми современного типа – мандальским или сыннисанским человеком, эволюционировавшими на территории нашей Родины; и все они были предками современных корейцев. Таким образом, корейцы – народ, развившийся на собственной территории, и мандальский человек – предок корейцев» (Ким, 2006: 26).

В наступившем после палеолита мезолите и неолите, как, в прочем, и в бронзовом веке, по мнению северокорейских историков, жили прямые генетические потомки палеолитических насельников Корейского полуострова – «древние корейцы» («чосон ет юхёнсарам»). При этом «обнаруженные» в «гробнице» скелеты «Тангуна» – мифического прародителя всех корейцев – и его «супруги» представляются северокорейскими учёными как те самые «древние корейцы», имеющие прямую генетическую связь с палеолитическими жителями полуострова. Однако проверить достоверность этих фактов не представляется возможным – останки мифического основателя первого корейского государства остаются недоступны для исследователей (Чанъ, 2008: 251).

В недавно озвученном на конференции, посвящённой 65-летию основания Института им. Ким Ирсена, докладе Чон Вончана «Успехи исследования палеолитической культуры Кореи» (Jong, 2011: 47–51), его автор с очень интересной стороны подходит к доказательству непрерывного развития человека на Корейском полуострове. В доказательство теории происхождения от коренных жителей Чан приводит следующие логические построения:

1. Археологические исследования показывают, что многочисленные представители фауны эволюционировали на Корейском полуострове в мезозойскую и кайнозойскую эры, что означает, что Корейский полуостров является прекрасным местом для эволюции вида, а значит, и люди здесь вполне могли эволюционировать.

2. Анализ материалов, найденных в естественных пещерах, говорит о том, что климат Корейского полуострова в четвёртом периоде кайнозойской эры был умеренным и весьма подходил для обитания человека, что автоматически означает, что Корея была одним из регионов мира, где человек обитал с момента своего появления.

3. Из пунктов 1 и 2 следует, что корейцы появились и самостоятельно эволюционировали на Корейском полуострове.

В заключение своего доклада Чан подводит итог многолетнего изучения палеолита Корейского полуострова северокорейскими учёными: «Результаты изучения палеолита Корейского полуострова показывают, что Корея является не только одной из колыбелей человечества, но и доказывают, что корейский народ существует с зари человеческой истории и создал древнюю и блестящую культуру» (Jong, 2011: 50–51).

Однако теория происхождения от коренных жителей не стала вершиной творчества северокорейских историков. В тяжёлые для КНДР 1990 гг. на основе уже разработанных теорий был выдвинут тезис о существовании так называемой тэдонганской археологической культуры и появилась теория о центральном месте Пхеньяна и долины реки Тэдонган в формировании корейского народа. Суть теории сводится к тому, что Пхеньян и его окрестности являются одним из центров зарождения человечества и, естественно, родиной всего корейского народа.

Подтверждением своей теории северокорейские исследователи считают тот факт, что к настоящему моменту в окрестностях Пхеньяна и в долине реки Тэдонган найдено большое количество археологических артефактов, датированных историческими периодами начиная с эпохи нижнего палеолита. Кроме останков жизнедеятельности человека археологи обнаружили здесь и окаменевшие скелеты, морфологический анализ которых, по мнению северокорейских учёных, подтверждают тот факт, что Пхеньян является родиной корейцев. По мнению северокорейских учёных, жители соседней Маньчжурии имеют совершенно иное строение черепа. Это, по мнению корейских теоретиков, является доказательством того, что корейский народ возник в этом регионе раньше других, при этом Пхеньян стал местом его происхождения, формирования его единства и центром всей его деятельности (Тангун, 1994: 138).

По мнению приверженцев теории о центральном месте Пхеньяна в формировании корейского народа, все корейцы, независимо от их места рождения, являются потомками одних и тех же «соотечественников», чьи окаменевшие останки раскопаны в районе Пхеньяна.

Таким образом, понимание процесса антропогенеза северокорейскими учёными представляет собой удивительное сочетание: с одной стороны, будучи приверженцами советской антропологической школы, они разделяют большинство современных взглядов на этот процесс, иногда несколько устаревших (например, представление об антропогенезе как о линейном процессе); но, с другой – они свято верят в исключительность пути своего народа и считают, что он развивался отдельно от остального человечества (контакты отнюдь не исключаются) и превратился буквально из доисторического человека в современного корейца на территории долины реки Тэдонган и современного Пхеньяна.

Научный руководитель: д.и.н., проф. И.А. Толстокулаков

Список литературы

Ким Чонбэ. Хангук кодэсаипмун (Введение в древнюю историю Кореи). Т. 1. – Сеул : Изд-во Тосочхульпхан, 2006.

Сон Енчжон, Пак Енхэ, Ким Ёнган. Очерк корейской истории. – Пхеньян : Изд-во литературы на иностранных языках, 1992. – Т. 1. Вып. 8.

Тангун – родоначальник Кореи. 1994. – Пхеньян : Изд-во литературы на иностранных языках, 1994.

Чань Хеёнъ. Хангугый кодэсарыл хэбуханда (Анализ древней истории Кореи). – Сеул : Омунсхакса, 2008.

Чосончонса (Полная история Кореи). 1979. Т. 1. Пхеньян : Квахак, пэкквасачжончхульханса, 1979.

Jong Bong Chan. 2011. Successes in Research on the Culture of Paleolithic Age of Korea // International Symposium in Commemoration of the 65th Anniversary of the Foundation of Kim Il Sung University (History). – Pyongyang : Kim Il Sung University, 2011.

**«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ»: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В АЛТАЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ XX ВЕКА – ОБРАЗ ЧАЛДОНА У ЖИТЕЛЕЙ
с. ЛУКОВКА ПАНКРУШИХИНСКОГО РАЙОНА**

В рамках глобализации возрастает значение диалога культур, который усиливает понимание, терпимость, бережное восприятие ценностей других народов, дает возможность человеку осознать «свой» национальный облик.

В 2012 г. на территории Панкрушихинского района Алтайского края проходила экспедиция студентов АлтГПА под руководством доктора ист. наук, профессора Т.К. Щегловой. Одним из направлений исследования стал вопрос сохранения в памяти жителей населенных пунктов района сведений, воспоминаний об этнографических группах – старожилов и переселенцев, – их этнодифференцирующих признаках и особенностях. При работе использовались устно-исторические методы – опрос информантов и непосредственное наблюдение. Мы пытались выяснить степень сохранности в сознании человека представлений о том или ином народе, проживающем по соседству, сравнить и выявить отличительные черты «чужого» и «своего».

Информаторы в качестве маркеров этнографических групп выделяют ряд элементов материальной и духовной культуры. Наиболее часто упоминаются следующие этнодифференцирующие признаки групп: особенности говора, хозяйственные традиции, бытовые особенности и характер (психологические особенности) (Пушкарев, 2005: 133).

Население Алтайского края формировалось в процессе колонизации Юга Западной Сибири в течение XVIII–XX веков. Материалы устных источников свидетельствуют о том, что в Алтайском крае сформировались самостоятельные историко-этнографические области и культурный ландшафт. Во всех зонах основой является русское население – свыше 94%. При этом в одних районах края преобладает северорусская культура, в других южнорусская – особенность сложилась в процессе переселения на территорию края крестьян из европейской части России. Помимо русской культуры отличия придают комбинации и вплетения других культур. На территории Алтайского края проживают представители украинской, немецкой, казахской и других культур, с их способностью к адаптации, взаимодействию, интеграции, консолидации и консервации или дифференциации тех или иных этнических традиций (Щеглова, 2011: 73). Профессор Т.К. Щеглова в материалах к Историко-этнографическому атласу Алтайского края проводит параллель: «Образно такое расселение можно сравнить с вышитой салфеткой, где тканевая основа представлена русскими, а вышитый орнамент – украинцами, немцами, казахами и другими народами-переселенцами» (Щеглова, 2011: 73).

В научной литературе челдоны (чалдоны и чолданы) – это одна из групп русских старожилов Сибири. Особенностью этой группы является то, что сведения о ней не зафиксированы в письменных источниках, а само слово было внесено в списки диалектной лексики только в последней трети XIX века. Челдоны в различных документах и текстах конца XIX – XX вв. называются старожилами. Народ же упорно выделяет группу челдонов на уровне диалектной лексики, отчетливо ограничивая ее от других старожилов Сибири.

Проблема в понимании и сохранении образа чалдона на примере жителей с. Луковка Панкрушихинского района появилась при сборе информации членами историко-этнографической экспедиции 2012 г. Местные жители практически не сохранили сведений, воспоминаний о чалдонах. Участники экспедиции по крупницам собирали информацию о них. Рассказывает Ковалёва У.А. 1929 г. р. (с. Луковка): «Чалдоны жили сами для себя. Простых людей не касались. Их и звали чалдонами. А что такое чалдоны, мы не знаем». (Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2012 г.). Сохраняется только название «чалдон», но нет пояснения, кто это.

Жители с. Луковка сохраняют в памяти место, откуда прибыли чалдоны. Афонькин Ф.С. 1931 г. р. объясняет: «В Луковке чалдоны. Человек с Дону. Люди с Дона приезжали сюда.

Может быть 10 семей приехало...». (Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2012 г.). Постепенно накапливаются данные о чалдонах – следуя из названия, они прибыли с Дона. Мелешко А.И. 1936 г. р. повествует: «Чалдоны. Они как-то быстро разговоривали – чеканье. Чалдонами звали таких же русских, как я. Папка с мамкой рязанские, а называли чалдонами. У, чалдонка пришла, называли меня. Швыркаем... Говорили: «Чаю пошвыркаем...» (Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2012 г.).

В процессе исследования устных источников выявляются конкретные черты в представлении жителей – образа «чалдона»: человек с Дона, относящий себя к группе славянских народов, в памяти жителей с. Луковка сохранилась особенность речи – чеканье, это является отличительной чертой.

Не многие жители населенного пункта относят себя к чалдонам – Мелешко А.И., 1936 г. р., называли их чалдонами местными жители и до настоящего времени называют (Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2012 г.). Шебалина Е.А., 1928 г. р., вспоминает в своем интервью одну черту чалдонов: «Луковские чалдоны. Чалдоны в Луковке. Много чалдонов. Они не дружили, по-соседски никто друг к другу не ходит» (Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2012 г.). Отражает отношение между чалдонами и не только, подчеркивая отсутствия желания построения взаимоотношений с односельчанами.

Жители с. Луковка перечисляют в своих интервью черты, качества, с которыми у них ассоциируется слово «чалдон».

И.Н. Коваленко в своей статье «О быте и культуре чалдонов» дает этнографический портрет чалдона с. Камень-на-Оби, определяя: «Русские-чалдоны жили в Томске, Камень-на-Оби до предгорий Алтая» (Коваленко, 1995: 115). Это совпадает со сведениями, полученными в ходе работы с устными источниками. Коваленко И.Н. выделяет черты, особенности чалдонов, описывает их быт повседневности через историю жизни своей семьи.

Образ «чалдона» становится более размытым, состоящим из нескольких черт, сохранившихся в памяти жителей с. Луковка Панкрушихинского района. В интервью жителей населенного пункта отражены особенности «чужой», отличной от «своей» этнографической группы. С течением времени, возможно, из памяти населения с. Луковка полностью исчезнут ассоциации с образом чалдона.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Т.К. Щеглова

Список литературы и источников

Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2012 г. Панкрушихинский район, с. Луковка. Ковалёва У.А. 1929 г. р.

Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2012 г. Панкрушихинский район, с. Луковка. Афонькин Ф.С. 1931 г. р.

Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2012 г. Панкрушихинский район, с. Луковка. Мелешко А.И. 1936 г. р.

Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ, 2012 г. Панкрушихинский район, с. Луковка. Шебалина Е.А. 1928 г. р.

Коваленко И.Н. 1995. О быте и культуре чалдона // От Урана до Енисея. Кн.1. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 115–120.

Пушкарев Б.Б. Исследование этнографических групп восточнославянского населения (конца XIX – начала XX в.в.) в Каменском, Чарышском и Шипуновском районах // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (архиология, этнография, устная история). – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 132–134.

Щеглова Т.К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. науч. конф. – Барнаул, 2011. – Вып. 8. – С. 72–83.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОРЕЙСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ЮГЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

На территории южного Приморья на сегодняшний день известно более 250 памятников, относящихся к широкому культурно-хронологическому диапазону, – от верхнего палеолита до этнографии. Среди них наименее изученными остаются памятники – остатки поселений этнографической современности – являющиеся объектом изучения этноархеологов. При этом анализ и описание этноархеологических объектов сегодня имеет краткий и отрывочный характер.

Этноархеология – научное направление (или даже отдельная формирующаяся наука), возникшее и развивающееся в результате интеграции археологии и этнографии в XX в., призванное решать круг проблем по генезису и динамике общества и культуры человечества, а также их элементов разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем (Шнирельман, 1988).

Объектом исследования этноархеологии служит материальная культура современных народов, а *предметом* – специфика отражения в ней особенностей поведения людей и их социальных взаимоотношений. Для этого проводятся этнографические наблюдения и раскопки поселков и стоянок, сравнительно недавно оставленных людьми, причем данные, полученные от информаторов, сопоставляются с материалами таких раскопок. На этой основе строятся модели, способные служить археологам, изучающим древние памятники, для постановки исследовательских задач и выработки соответствующей стратегии поисках (Глушков, 1995).

Возникшая в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в англо-американской археологии этноархеология базировалась «... на целенаправленном изучении живой культуры для целей археологической реконструкции» (Шнирельман, 1988).

Единицы ученых России работают в области этноархеологии. Совершенно справедливо в литературе отмечается, что «... в отечественной археологии отсутствует сколько-нибудь обобщенный опыт этноархеологических исследований, как в историографическом, так и в археолого-этнографическом плане» (Кенинг, 1997).

В середине XIX – начале XX вв. на русский Дальний Восток переселились выходцы из северных провинций Кореи. До 1938 г. минимум 80% гражданского населения Хасанского района составляли корейцы. На территории района насчитывалось более 300 населенных пунктов. Число их жителей превышало население района сегодня.

Началом переселения корейцев в Россию считаются 60-е гг. XIX в. Однако до сих пор среди исследователей нет единства взглядов о конкретной дате. На сегодняшний день в данном вопросе существуют разные точки зрения. Согласно официально распространенной точки зрения, которую разделяют многие крупные ученые-корееведы как в нашей стране, так и за рубежом, первые корейские семьи появились на территории русского Дальнего Востока в Южно-Уссурийском крае в 1863 или в 1864 г. Это были 13-14 семей общей численностью 65 человек обоего пола. Переселение началось после того, как на это было получено разрешение военного губернатора Приморской области контр-адмирала П.В. Казакевича на переселение корейских семей на постоянное жительство в Россию с перспективой принятия в дальнейшем русского подданства и получения земельного надела. Корейцы тайно от своих властей перешли пограничную реку Туманган (ныне р. Туманная) и на берегу р. Тизинхэ, примерно в 15 верстах от поста Новгородского, основали первое на русской территории корейское село под одноименным названием – Тизинхэ. В том же 1864 г. были основаны Верхнее и Нижнее Янчихе. Все поселившиеся стали заниматься земледелием. Точка зрения о том, что первые корейцы стали появляться в Южно-Уссурийском крае ранее 60-х гг., возможно, еще в 50-х годах XIX в., стала всё чаще встречаться на страницах научных работ российских ученых.

Первоначально (1869–1873 гг.) корейцы заселяли смежные с их исторической родиной приграничные районы, в основном на Посъетском участке в долинах рек Фаташи (Камышевка), Янчихэ (Цукановка), Тизинхэ (Виноградная), Сидими (Нарва). Здесь были основаны такие поселения, как Тизинхэ, Янчихэ, Сидими, Адими, Чапигоу, Краббе и др. Основные поселения, помимо уже названных выше, располагались по корейской границе и по берегу моря до залива Посъет. Заселены они были, прежде всего, корейцами, которые в языковом и культурном отношении старались не смешиваться с русскими крестьянами. Поэтому в нач. XX в. из 53 сел территории большинство были чисто корейскими.

В целях защиты российских интересов со второй пол. XIX в. начинает осуществляться политика освобождения приграничных территорий от всех осевших там «нежелательных элементов» и, в первую очередь, корейских крестьян.

В конце 70-х гг. XIX в. в Приморской и Амурской областях находилось уже 21 корейское селение с числом жителей 6 766 чел. Несмотря на все меры, принимаемые российскими властями, корейские крестьяне продолжали в основном селиться в Южно-Уссурийском крае, главным образом на Посъетском участке в долинах рек Фаташи, Янчихэ, Тизинхэ, Сидими. Освободить от корейцев приграничье и, особенно, Посъетский участок, так и не удалось.

Наше наибольшее внимание вызывает исследование территория полуострова Краббе, где к настоящему времени известно более 30 археологических памятников, хронологически датируемых от неолита до позднего Средневековья.

Первым зафиксировал наличие здесь археологических объектов сотрудник ТИНРО А.И. Разин. Его отчет написан по результатам полевых исследований 1925–1926 гг.

В 1976 г. на полуострове экспедицией Ж.В. Андреевой было обнаружено несколько памятников, датируемых ранним железным веком. К этому же времени относится устное сообщение В.А. Татарникова о средневековом вале на перешейке полуострова.

В 1991 г. на полуострове Краббе работали Южно-Приморский археологический отряд (начальник Ю.Г. Никитин) и Прибрежный археологический отряд (начальник Ю.Е. Вострецов). Было успешно проведено археологическое обследование береговой зоны полуострова, в центральной части оно не дало желаемого результата из-за позднего начала работ – конец августа 1991 г. (Никитин, 1992).

Из объектов на полуострове Краббе наш наибольший интерес вызывают поселения, относящиеся к корейской этнографии: Краббе 3, Краббе 7, Краббе 8, Краббе 11.

В 1996 и 1998 гг. археологический отряд Дальневосточного госуниверситета провел сплошное обследование правого берега р. Гладкая. Маршрут охватил участок от устья р. Гладкая до впадения в нее р. Виноградная, затем – долину р. Виноградная до ее истока и далее – долину р. Дозорная. Было обнаружено 17 новых объектов, ряд из которых можно отнести к этноархеологическим. При этом данные объекты, по мнению их исследователей, представляют целый культурный комплекс (Попов, 1999; Барташев и др., 2007).

На относительно небольшой территории приустьевой части долины реки Гладкая и долины одного из ее притоков (р. Виноградная) были выявлены объекты, предварительно определены как этнографические комплексы XVIII–XIX вв., связанные с корейскими поселениями на юге Приморского края: каменные валы, каменные курганы, насыпные платформы-фундаменты и остатки каменных стен, валообразные сооружения, остатки огороднической деятельности (очищенные от камней и деревьев под огороды площадки с каменными оградками, мелиоративные борозды-влагоотводы), каменоломни для изготовления каменных плит-терочников и сами многочисленные брошенные в разных местах плиты со следами использования, погребальные комплексы в виде грунтовых могил, перекрытых невысокими земляными курганами (Барташев и др., 2007).

Основной задачей этноархеологии можно определить изучение закономерностей и механизмов превращения «живой» культуры в «мертвую», иначе сказать, этнографической культуры в археологическую. Познание этих закономерностей и механизмов резко увеличивает возможности обратного действия – воссоздавать на археологических материалах «живой»

социокультурный облик древнего населения (Кениг, 1997). И остатки корейских поселений юга Приморского края – прекрасная возможность для этноархеологических исследований.

Научный руководитель: к.и.н. доц. А.А. Крупянка

Список литературы

Батаршев С.А., Крупянка А.А., Попов А.Н. Этноархеологические памятники Хасанского района (Приморье): Проблемы и перспективы изучения // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования (материалы докл. м/н науч. конф.). – Иркутск : ИрТГУ, 2007. – С. 413–416.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник (методика технологической диагностики лепной посуды). – Новосибирск, 1995. – С.1. Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (по материалам тазовских селькупов). – Сургут, 1997. – С. 4.

Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (по материалам тазовских селькупов). – Сургут, 1997. – С. 4.

Никитин Ю. Г. Отчет о результатах археологических исследований на полуострове Краббе в Хасанском районе Приморского края в 1991 году. – Полевой отчет (Архив Крупянка А.А.) – Владивосток, 1992.

Попов А. Н. Археологические исследования в Хасанском районе Приморского края в 1998 году. Полевой отчет (Архив Крупянка А.А.) – Владивосток, 1999.

Участие корейцев в хозяйственной колонизации юга Дальнего Востока России во 2-й половине XIX – начале XX вв. (Некоторые аспекты проблемы) // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке России / отв. ред. И.А. Толстокулаков. – Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2001.

Шнирельман В.А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления. Методы. – М., 1988. – С. 95.

А.С. Астапова

Эстония, Тарту, Тартуский университет

СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОЦИАЛИЗМА

Цель данной работы – анализ современных этнических и политических анекдотов, функционирующих в современной Беларуси, а также о Беларуси, но за ее пределами, в устном и квазиустном общении. Анекдоты собирались на протяжении 2011–2012 гг.

Стоит пояснить, по какой причине я выношу в качестве предмета рассмотрения статьи настолько широкую тему: не просто политические анекдоты в целом, но и этнические. Это связано как раз с особенностями функционирования современного политического анекдота в Беларуси, а также с моей полевой работой, которая оказалась во многом обусловленной этими особенностями и источниками материала.

Прежде всего, анекдоты собирались в ходе интервью как в самой Беларуси, так и за ее пределами. Вопросы интервью были связаны с национальной и политической идентичностью респондентов (чаще всего интервью проводилось среди белорусов, проживающих в Беларуси, а также иммигрировавших в другие страны); помимо прочего, я просила рассказать анекдоты о президенте Беларуси, А.Г. Лукашенко. Однако уже после нескольких интервью стало понятно, насколько некорректной была такая просьба. Об этом свидетельствуют несколько примеров из первых интервью:

[Ты знаешь анекдоты про Лукашенко?] Вообще их большое множество, особенно которые основаны на игре, связанной со словом «Коля». Но я их называть не буду. [Ты боишься?]

Да. [А почему ты боишься? И боятся ли другие люди? Почему?] Кровавая ганьба. [Серьезно?] Нет, серьезно, ганьба. [То есть людей преследуют за это?] Да.

[Какие-нибудь знаешь анекдоты про Лукашенко?] Никаких. Серьезно. Это не тема для шуток. [А как ты считаешь, люди спокойно рассказывают анекдоты именно здесь, в Беларуси, или все-таки побаиваются?] Ну, не знаю, смотря где, при каких обстоятельствах. [А от чего это зависит? Где могут и где не могут?] Не знаю, не могут, допустим, в общественных местах, где там очень много народу, служащие. [А на кухне дома могут?] Вполне. [А почему люди боятся их рассказывать?] Боятся ответственности, ну, не ответственности, а наказания, которые им будут, ну, противоположические. [А это прослушивается, или кто-то доносит?] Ну, стопроцентной информации я не знаю, так что не знаю, в принципе... Мое мнение – то да, телефоны прослушиваются (далее приводит историю, согласно которой его знакомая находилась на месте теракта (взрыва) в Витебске в 2005 году, и сразу после теракта позвонила дочери, чтобы убедиться, что последняя в безопасности. Через несколько дней этой знакомой позвонили из КГБ, сообщив, что зафиксировали ее звонок дочери в районе взрыва, и вызвали ее для дачи свидетельских показаний).

Такие ответы, хотя и не были закономерностью, звучали в половине интервью. Таким образом, стало понятно, что мое желание «выудить» политические анекдоты и фольклор могут идти вразрез с этикой и желаниями самих информантов. Поэтому я посчитала нужным несколько смягчить и переформулировать основные пункты интервью, оставляя, таким образом, информантам свободу выбора, и спрашивала, знают ли они анекдоты про белорусов (кроме того, в целом не настаивая на политической тематике интервью в случае, если информант уклонялся от ответов на вопросы, связанные с политикой). В данном случае интервью проходило намного менее скованно, потому что у информанта была свобода выбора: рассказать более или менее нейтральный анекдот об этнических стереотипах или все же политический (при таком подходе, как оказалось, последний тип анекдотов рассказывается все же чаще).

Второй источник интервью – письменная анкета, основной целью которой было определение процентного соотношения анекдотических сюжетов о Сталине и Чаушеску, унаследованных современными анекдотами о Лукашенко. На ресурсе <https://docs.google.com>, позволяющем проводить действительно анонимные опросы, было заполнено более 100 анкет, действительно анонимных, в т. ч. с ответами на последнюю просьбу написать сами анекдоты. Последний вопрос анкеты был сформулирован следующим образом: *напишите, пожалуйста, какие анекдоты про белорусов, в том числе деятелей белорусской политики или культуры, Вы знаете, и откуда (где прочитали, кто рассказал и так далее)*. Именно ответы на этот вопрос в том числе и послужили источником данной публикации. Чаще всего писали 1 – 2 анекдота, также отвечали, что не знают, не запоминают, не интересуются анекдотами; из-за нежелания печатать анекдот респондент мог произвести поиск по краткому запросу панчлайна, чтобы скопировать его и вставить в анкету.

Кроме того, респонденты (участники устных интервью и опроса), зная о том, какой материал я собираю, иногда через некоторое время после интервью или заполнения анкеты «вспоминали» анекдот и присылали его мне. Такой квазиустный способ передачи, обусловленный развитием Интернета, стал третьим моим источником. Сюда также относятся обмен статусами в Контакте или на Фейсбуке. Я не проводила специального поиска в данном случае, а лишь фиксировала случаи (немногочисленные) появления анекдотов в статусах в данных социальных сетях среди моих друзей.

Таким образом, мною было собрано 42 сюжета, представленные 1–8 вариантами. Приведу вариант самого популярного сюжета, представленного 8 вариантами:

Из тех, что мне припоминается, – про сортировку картошки. [А что про сортировку?] В общем, там такая тема... В общем, сидит Лукашенко, звонит телефон, как же там дальше.... В общем, отвечает: хорошая, плохая, хорошая, плохая... Все в недоумении. В общем, кладет трубку и говорит: «Вот уже картошку без меня перебрать не могут».

П. (м), Таллинн, сентябрь 2011

В дальнейшем я произвела поиск вариантов всех имеющихся анекдотов из других тематических групп. Как показали подсчеты, 32 из 42 сюжетов (то есть около 76% сюжетов) о Беларуси и Лукашенко имеют версии о других политических лидерах или странах (либо о ситуациях, не связанных с национальностями или политическими вопросами). Большинство сюжетов, которые не имеют таких соответствий, строятся на игре слов, которая была бы неприменима к анекдотам о других лидерах или национальностях, либо на реальных высказываниях А.Г. Лукашенко.

Высокий процент анекдотов, имеющих версии в других тематических группах, позволяет предположить, что существует определенное количество универсальных анекдотических сюжетных схем, которые легко изменяются для различных ситуаций, что особенно очевидно для политических анекдотов: в них легко используется новое действующее лицо или меняются обстоятельства действия, что обуславливает их высокую вариативность и продуктивность. Такие заключения, очевидно, можно делать только на основании изучения реально функционирующего устного репертуара, который может сильно отличаться от текстов в Интернете (один из информантов утверждал, что, когда он прочитал анекдоты о А.Г. Лукашенко в Интернете, то обнаружил, что не слышал в реальности ни одного из них, хотя и интересовался анекдотами). Окончательные выводы по этому поводу сложно делать на материале 42 анекдотов об одной стране, однако данная гипотеза, очевидно, подлежит дальнейшему исследованию. Однако уже из данного исследования становится очевидно, что традиция советского политического анекдота (именно варианты сюжетов из периода СССР – наиболее частотны) оказалась ключевой для формирования белорусского постсоциалистического юмора. С большой долей вероятности можно говорить о том, что подобная ситуация свойственна и некоторым другим постсоветским странам, например, России.

Данное исследование было выполнено при поддержке European Social Fund's Doctoral Studies и Internationalisation Programme DoRa, а также гранта «Cultural processes in the changing society: Tradition and Creativity in Post-socialist Humor». Благодарю всех информантов, участвовавших в устных интервью, опросе и приславших анекдоты, а также Михаила Мельниченко за предоставленные материалы и ценные советы, касающиеся данной публикации.

Научный руководитель: д-р филолог. наук Ülo Valk

А-Х.О. Базырчан

Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ОСВЯЩЕНИЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ У ТУВИНЦЕВ

О тотемистических верованиях предков тувинцев позволяют говорить родоплеменные названия и предания о происхождении того или иного рода от какого-либо животного. Изучение тувинских обрядов, связанных с освящением скота, представляет несомненный интерес, поскольку в них отражены воззрения народа на окружающий мир, также это связано с основным занятием населения – скотоводством. Особое отношение выражалось в культуре некоторых домашних животных, осуществлявшемся в форме жертвоприношения или посвящения животного хозяину какого-либо священного природного объекта с целью испросить благополучия для скота и получения хорошего приплода. Также существовал обряд «ыдык салыр» (освятить животное). Обряд освящения животных «мал ыдыктаары» – наиболее ранний обряд древних шаманских представлений. Он имеет непосредственное отношение к обряду ыдык (святыня, священный); ыдыктаар «освящать животное» (Даржаа, 2007: 78;).

В данном случае мы будем рассматривать только обряды и обычаи, связанные с освящением домашних животных. Истоки его восходят к язычеству, когда животных прино-

силы в жертву различным божествам. Ритуальные стороны обряда в разные исторические периоды подвергались изменениям, однако самые существенные перемены, связанные с запретом убивать животных, произошли с утверждением у тувинцев буддийской религии. Согласно представлениям буддизма, всякая жизнь священна и неприкосновенна, поэтому животных, предназначенных для принесения в жертву, перестали умерщвлять, а стали возводить в сан священных (Донгак, 2002: 77). Это также упоминает в своем труде Г.Н. Потанин: «В Урянхайской земле (в системе лухема) кровавые жертвоприношения уничтожены, вероятно, влиянием лам» (Потанин, 1883: 78;). Действительно, в соответствии с верованиями буддистов, всех живых существ на земле убивать нельзя. Если при жизни человек совершал подобные действия, то в следующей жизни, т. е. при перерождении, он может превратиться в животное и унаследует такую же судьбу. В связи с этим в последнее время наблюдается среди тувинцев тенденция, когда мужчины не хотят умерщвлять животных, даже во время обряда, а просто просят других, более молодых, чтобы они сделали это за них.

В своей работе В. Даржаа дает такое объяснение смысла слова ыдык: «в культовом смысле ыдык – это обряд освящения одного из выбранных в собственном стаде домашних животных трех видов: коня, быка и козла, которые для носителей культуры являлись заместителями представителей высших сил. К слову, статус основных представителей Высших сил (Орла, Марала и Медведя) был значительно выше, фактически был приравнен к статусу основных объектов культового почитания (Земле, Солнцу, Воде)» (Даржаа, 2007: 78). Здесь автор имел в виду то, что козел заменяет козерога, животное, так же, как и он, предпочитающее жить на самых вершинах высоких гор, т. е. месте, расположенном ближе всего к Солнцу, при освящении огня. Масть домашнего козла должна была соответствовать масти козерога, после его отпускали в стадо и никогда не трогали. Тем самым делали козла узнаваемым солнцем, под покровительством которого должно было размножаться стадо мелкого рогатого скота. Поэтому напрашивается вывод о том, что они являются продолжателями рода, стада. По мнению ученых В.Я. Бутанаева и М.В. Монгуш, выбор масти и породы священного животного соответствовал названию года рождения хозяина (по животному циклу летоисчисления) и определялся шаманом или ламой (Бутанаев, Монгуш, 2005: 13).

Причина выбора коня в качестве заместителя марала и символа рода заключается в схожести организации табуна с человеческим родом. Табун состоял из косяков, возглавляемых жеребцами. У тувинцев и монголов семьи были организованы по принципу косяка лошадей. Во главе семьи находился хозяин (жеребец, на тув. аскыр), у которого было множество жен (кобылиц). Хозяин отвечал за благополучие семьи и ее безопасность. Если он погибал или слабеет, то семья (косяк) распадалась или попадала к другому хозяину (жеребцу) (Даржаа, 2007: 79). Поэтому коня «ыдык» всегда посвящали хозяину табуна, который был фактически старейшиной (хозяином) рода. Табун, принадлежащий роду, всегда находился под личным присмотром старейшины, возглавлявшем род. Такую картину нам посчастливилось увидеть и во время полевой этнографической экспедиции по изучению материальной и духовной культуры тувинцев Кобдосского аймака Монголии, организованной в июне 2012 г. кафедрой всеобщей истории и археологии исторического факультета ТувГУ под руководством к.и.н., доцента Е.В. Айыжы и Михаилом Резяпкиным, научным консультантом кафедры этнологии МГУ им. Ломоносова. У информанта Монге есть свой табун лошадей. Среди них есть самый главный хозяин – жеребец, который является посвященным, священным, и стоит во главе табуна. Здесь напрашивается вопрос: «Почему именно этого коня освятили, что в нем особенного?». Ответ информанта: «Потому что этот конь синей масти (синий цвет – это цвет неба, который считается символом знатности и богатства), он передался ему от отца как продолжателю рода, также при нем он был лучшим скакуном».

Освящение скота состояло из следующих обязательных элементов: во-первых: «сан салыр» – возжигание можжевельника (артыша), который, по представлениям тувинцев,

обладал защитной силой. Следует отметить, что «сан» на тибетском означает можжевельник. Во-вторых, «судур номчуур» – чтение буддийских молитв при проведении обряда буддийским священником – или «алгыш кылыр» – камлание – при обслуживании обряда шаманом.

В-третьих, омывание животного аржааном – смесью воды и молока, куда добавляли щепотку артыша. Аржаану тувинцы приписывали очищающие функции. В-четвертых, обмазывание рогов, копыт и морды животного топленным маслом, символизовавшим благополучие и сытость. В-пятых, окуривание животного пучком артыша – на тув. «артыжаар». Артыш играл защитную роль. В-шестых, повязывание посвященному скоту разноцветных ритуальных ленточек – чалама (Донгак, 2002: 77-78;). После этого освященного животного отпускают в стадо. Приведем, например, обряд освящения быка. Перед началом церемонии все присутствующие рассаживаются. Обряд проводили возле оваа. Прежде чем строить оваа, под ним закапывали «девять драгоценностей» – полынь, полынь каменую, кусочки железа, меди, стали), щепотку проса, кору лиственницы, золото, серебро. Потом выкапывали столб, на вершине которого устанавливали деревянное изображение быка, обращенное головой на восток. Этот столб носил название «оваа которого хирни» (пупок оваа). Рядом с ним ставили небольшой столик, на него – статуэтку с изображением какого-либо буддийского божества. К столбу приставляли жерди, палки, хворост и строили шалаш, в котором делали вход с востока. Вокруг шалаша размещали молодые зеленые деревца (тал – тальник или шет – молодую лиственницу). Перед шалашом ставили камень, на котором жгли для воскурения можжевельник. Потом священнослужитель сначала проводил обряд окропления ритуальной ложкой девтиглазницей (тос карак) у тувинцев, на четыре стороны света. После этого избранного быка или другое животное подводили к оваа и трижды обводили вокруг курильницы с можжевельником, находящейся перед входом в оваа. Затем его поили аржааном и мыли им же при помощи пучка можжевельника по направлению от головы к хвосту. Рога и ноги быка мазали маслом и обкуривали пучком тлеющего можжевельника, затем привязывали ленты к его ошейнику из волосяной веревки (по-тув. «мончар») и отпускали в свое стадо, а шаман и лама брызгали ему вслед аржааной водой и просили, чтобы он помогал хорошо плодиться и расти скоту, чтобы жители аалов, посвятивших его, жили хорошо и благополучно, избавились от болезней. После всего этого собравшийся народ спускался к подножью горы и начиналось общее пиршество и веселье, устраивали спортивные соревнования. Этот обряд проводился ежегодно. Посвящение ыдыка часто проводилось из-за тяжелой болезни хозяина или кого-либо из членов семьи, для того чтобы этот обряд унес с собой болезнь хозяина и охранял бы в дальнейшем от всяких бед.

После обряда посвящения животного оно становилось «ыдык мал» (святым животным) и неприкосновенным. Следовательно, появляются и система запретов и предписаний: коням, ставшим ыдык мал, не подрезали гриву и хвост; не били по голове; не садились на них верхом; невестке юрты тоже запрещали ездить; запрещалось использовать священного животного в хозяйстве; не забивали на мясо; ягнят святого животного не давали другим (Серен, 1994: 4); нельзя было воровать святых животных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что культ домашних животных очень тесно связан с культурами природы, но при этом имеет отличительные черты. В различных районах посвящение ыдыка был неоднородным, раньше носило родоплеменной характер, потом начали отмечать всем хошуном и сумоном. Выбор масти ыдыка, по мнению ученых, тоже отличался. Несмотря на изменения со стороны буддизма обряд посвящения ыдыка оставил свой традиционный облик. Посвящение в ыдыки домашних животных Тувинцы верили в то, что посвящение в ыдыки домашних животных принесет благополучие, отведет несчастья, болезни.

Список литературы

- Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды Саянских тюрков. – Абакан, 2005. – С. 13–14.
- Даржаа В. К. Тайны мировоззрения тувинцев номадов. – Кызыл, 2007. – С. 78–86.
- Донгак С.Ч. Обряды, связанные с освящением скота у тувинцев // Учен. зап. ТИГИ. – Кызыл, 2002. – Вып. 19. – С. 76–90.
- Полина Серен. Унелиг езулалдар. Цэнгэл тываларынын чанчылдары // Шын. – 1994. – Май 6. – С. 4.
- Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. – СПб., 1883. – Вып. 4. – С. 78–130.

Ю.П. Батурина, М.А. Константинова
Чита, Забайкальский государственный университет

СТАРООБРЯДЦЫ В ТРЁХРЕЧЬЕ

Старообрядчество – направление православия, явившееся следствием раскола Русской православной церкви в результате церковной реформы в 1653–1660 гг. (Константинова, 2006: 98). Данное движение представлено в основном двумя течениями, сформировавшимися к концу XVII в., – поповщиной и беспоповщиной. Царские власти и представители официального православия жестоко преследовали тех, кто относил себя к этому религиозному течению, ссылали их на окраины России, заточали в монастыри, тюрьмы. Так многие старообрядческие семьи оказались в Забайкалье и Приморье, откуда впоследствии бежали на территорию КНР. Они создали к востоку от Харбина селения Коломбо, Чипигу, Медяны, Усть-Шифровая, Романовку, названную так в честь последнего русского царя, и пр. За этой группой крестьян в литературе закрепилось название «маньчжурские старообрядцы» (Аргудяева, 2008: 8).

Трёхречьем (по-китайски Саньхэ цюй) называется территория между тремя реками – Хаул, Дербул и Ганн, которые являются правыми притоками р. Аргунь. Бассейны этих рек расположены в северной части автономной территории Внутренней Монголии (Барги) в Маньчжурии.

Данная тема окончательно не изучена и оставляет множество открытых вопросов: как взаимодействовали между собой православные казаки и старообрядцы; были ли на территории Трёхречья те казаки, которые относили себя к старообрядческой вере; происходило ли смешение культур, или каждая из них развивалась обособленно; каковы были взаимоотношения внутри самого старообрядческого движения (между беспоповцами одного посёлка и другими беспоповцами в Маньчжурии, или беспоповцев и поповцев).

Для рассматриваемого региона заслуживает внимания период исследований опыта адаптации и сохранения русской культуры старообрядцами южной части Дальнего Востока, эмигрировавшими в 1920–1930-е гг. в Маньчжурию. Если в 1920-е гг. это были единичные семьи, поселявшиеся на северо-западе Маньчжурии, в Трёхречье, где уже было сосредоточено значительное число русского казачьего населения, то в 1930-е гг. в восточные районы Маньчжурии переселились десятки старообрядческих семей. Основная причина их эмиграции – бегство от коллективизации и притеснений советской власти. В Китае многие староверы -эмигранты 1920-х – начала 1930- х гг. селились недалеко от Харбина и в Трёхречье, где в конце XIX – начале XX в. сформировалось несколько казачьих и крестьянских, в т. ч. старообрядческих, поселений. В Харбине располагалось Главное бюро по делам эмигрантов (БРЭМ), которое брало на учёт всех российских эмигрантов, в т. ч. и старообрядцев, поддерживая их на первых порах материально. Обратимся к информации о староверах, опубликованной Главным бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. БРЭМ брал на учёт всех российских эмигрантов, благодаря чему мы сегодня имеем возможность познакомиться хотя бы с краткими сведениями о миграции староверов в России, причинах и време-

ни эмиграции в Маньчжурию и их передвижений по этой стране, занятиях старообрядцев на российской и китайской стороне, некоторых аспектах их общественной деятельности. На каждого человека заполнялась краткая регистрационная анкета с фотографией, в которой указывались полные биографические данные опрашиваемого (Аргудяева, 2008: 61). Дальневосточные староверы поселились отдельными семьями в разных уголках Маньчжурии, в том числе и в Трёхречье. К 1945 г. старообрядческие деревни имели десятки дворов. Например, к лету 1945 г. в Романовке насчитывалось более 40 дворов и свыше 200 жителей. Старообрядческие деревни были заселены преимущественно беспоповцами-часовенными. В начале 1930-х гг. Япония захватила Маньчжурию, в которой было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Опыт обустройства и жизнедеятельности русских крестьян-эмигрантов мог быть полезен японским переселенцам, и власти приложили усилия для изучения быта и особенности жизни старообрядцев-эмигрантов, которые за короткие сроки приспособились к природным и бытовым условиям северо-восточной Маньчжурии.

В последние годы в ряде научных работ поднимается вопрос о судьбе старообрядцев, которые в 1930–49 гг. жили на территории государства «Маньчжоу-Го» (1932–1945). Согласно работе Д. Шеффеля, в Маньчжурии проживали 2–3 тысячи поповцев белокрыницкого согласия и около 500 беспоповцев-часовенников (Игауэ, 2007: 134). Первые жили в основном в Харбине и в нескольких деревнях Трёхречья, пограничном регионе, а вторые – в восточном регионе вокруг города Муданьцзян. Некоторые семьи старообрядцев-эмигрантов первоначально осели в Трёхречье, зарабатывая на жизнь на поденных работах у русских – казаков и старообрядцев-поповцев, – поселившихся здесь ещё в 1920-е годы.

Японские исследователи досконально изучили жизнь и быт старообрядцев деревни Романовки, в т. ч. годовой цикл труда и отдыха, состав питания при разных видах работ и меню по дням; устройство жилых и хозяйственных построек; набор сельскохозяйственных орудий и предметов повседневной жизни, семейно-бытовой уклад, а также особенности общественной и религиозной жизни.

Благодаря японским исследованиям сохранилась довольно полная информация об ещё одном старообрядческом посёлке в Трёхречье – Усть-Шифровая. В 1930-е гг. в северо-восточной Маньчжурии, в Трёхречье, в деревне Усть-Шифровой, которая находилась на правом берегу реки Ган, жили старообрядческие семьи (беспоповцы). По докладу японского института исследования экономики при КВЖД, эта деревня была основана в 1934 г., тогда в ней было только 4 двора, а в 1936 г. уже 15 дворов (Хидэаки Сакамото, 2008: 107). История деревни Усть-Шифровой была коротка и загадочна. Тем не менее постепенно стало ясно то, что в 1930-х гг. здесь жили, работали и молились несколько семей старообрядцев. Их жизнь была бедной и трудной. Они приехали сюда, чтобы сохранить свою исконную веру. Замкнутость и сплочённость новых поселенцев оставили сильное впечатление у жителей соседних деревень, включая японцев. Их следы незаметно исчезли, а в деревне появились новые жители из разных мест Маньчжурии, в т. ч. и другие старообрядцы.

В русских старообрядческих деревнях хозяйство было преимущественно натуральным, основанным на земледелии и скотоводстве. Основу жизни населения составляли земледелие и сопутствующие ему скотоводство и охота. Из зерновых сеяли овес, ячмень, кукурузу, яровые сорта пшеницы и ржи. Анализ материалов японских следователей и информации, полученной от самих жителей старообрядческих посёлков, позволяет констатировать, что основные составляющие материальной культуры (организация поселения, способы строительства жилья, его обустройство и инвентарь, одежда, пища и утварь) старообрядцев в иных этнокультурных условиях не претерпели значительных изменений (Аргудяева, 2008: 267). Однако художник Синсэй Фукуда, который оставил несколько книг о казачестве Трёхречья и о русских жителях в деревнях Маньчжурии, отмечает, что староверы Трёхречья находились под сильным влиянием окружающих их православных казаков, поэтому строгость их религиозной дисциплины стала сильно ослабевать. В этом состояла особенность эмигрантской жизни.

Сейчас много старообрядческих приходов и общин существует по всему миру. Так, например, в Австралии, как сообщает нам автор статьи «Старообрядческие общины и приходы в Австралии (1958–1983 гг.)», их довольно большое количество. В эту страну они попали несколькими волнами эмиграции из Сибири и Дальнего Востока России, в конце 1910-х – начале 1930-х гг. После установления в КНР в 1949 г. власти коммунистического правительства и проведения земельной реформы старообрядцы в числе других русских эмигрантов в конце 1950-х гг. стали покидать Китай, переезжая сначала в Гонконг, а уже оттуда в другие страны, в т. ч. в Австралию и Новую Зеландию (Тимофеев, 2007:2004).

Научный руководитель: д.и.н., проф. М.В.Константинов

Список литературы

Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. – Владивосток : Дальнаука, 2008.

Игауэ Н. Представления о маньчжурских старообрядцах в японских письменных и визуальных материалах (середина XX – начало XXI вв.) // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ, 2007. – С. 107–113.

Константинова Н.Н. Старообрядчество. – Новосибирск : Наука, 2006.

Тимофеев В.В. Старообрядческие общины в Австралии (1958–1983 гг.) // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ, 2007. – С. 107–113.

Хидзаки Скамото. Старообрядческая деревня Усть-Шифровая в Трёхречье // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ, 2007. – С. 107–113.

Т. Р. Бурдаева

*Новосибирск, Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ РУССКОГО РОКА 1980–2000 гг.

В русском роке существуют все те жанры и стили, что и в мировом, однако у него есть и свои национальные особенности. Поэтому русский рок нередко рассматривают как отдельное направление в музыке и поэзии. Нередко лейтмотивом произведения является этническая тематика – элементы русской народной культуры с акцентированной религиозной составляющей. Эта тенденция обнаруживает себя в текстах. Она имеет свои музыкальные (инструменты, манера исполнения), визуальные (внешний вид исполнителей, манера выступления) и контекстуальные (название, символика) особенности. Все это является способами выражения такого понятия, как национальная идея русского рока.

Национальная идея в философском плане – систематизированное обобщение национального самосознания. Национальная идея определяет смысл существования того или иного народа, этноса или нации. Она может выражаться посредством художественных произведений или различных философских текстов и призвана дать ответ на ряд вопросов, характеризующих народ. В частности, вопрос истории и возникновения нации, а также об исторической миссии и о смысле существования. Часто национальная идея имеет религиозный аспект, так как религия является одним из мощных факторов, способствующих объединению народа.

В контексте данной темы национальная идея должна определяться с помощью соответственно текстов произведений, а также еще трех вышеперечисленных пунктов, относящихся к русскому року волны 1980–2000 годов.

Классический системный кризис, предшествующий и способствующий распаду СССР, так же явился катализатором для формирования национальной идеи именно русского рока,

так как до второй половины 1980-х годов по большей части фигурировало понятие «советский рок». Роль в этом сыграло и постановление Черненко от 1984 г., требующее ограничения использования в прессе слова «русский». Рок-музыка в советском союзе была институционализирована – создавались так называемые рок-клубы с соответствующими атрибутами профсоюзов: членскими билетами и плановыми выступлениями. На базе рок-клубов появилась рок-музыка нового поколения – new wave, – традиционно для рок-музыки в Советском Союзе перенятая с Запада. Множество рок-групп тогда играли музыку, если не являющуюся «новой волной» в западном понимании этого термина, то, по крайней мере, очень насыщенную её элементами. Самые известные группы, представлявшие это направление: «Кино», «Аквариум», «Центр», «Телевизор», «Nautilus Pompilius» (периода 1982–1988), «Алиса» (первый альбом «Энергия»), «Оберманекен», «Николай Коперник», а наиболее популярным композитором был Юрий Чернавский. Эту музыку нельзя было назвать советским либо западным роком, и 1991 г. явился началом новой эпохи рока – русского рока. Музыкант группы «ДК», редактор журналов «Русский рок» и «АТАКА» Сергей Жариков пишет об этом следующее: «Все стало вдруг "русским"». После 1991 г. вещи можно было называть своими именами». Тогда же он стал одним из издателей журнала «Русский Рок». Сам он считает этот проект скорее «национал-радикальным», нежели «национально-консервативным». Однако для более прочного закрепления национальной идеи русского рока оказалось необходимым выходить за рамки не только рока, но и музыки вообще. Важным стало четкое обоснование концепции понятия «русский рок», укрепление его на почве постсоветского пространства. И Сергей Жариков стал издавать журнал «АТАКА», на базе которого пытался выступить с национальным, доселе невиданным, контркультурным текстом. Однако более всего на национализацию русского рока оказали влияние непосредственно его исполнители, многие из которых вышли как раз из жанра новой волны. Константин Кинчев, Вячеслав Бутусов, Борис Гребенщиков и Дмитрий Ревякин – наиболее активные распространители тенденции «русского» в рок-музыке с начала 1990-х годов.

Научный руководитель: д.и.н., проф. И.В. Октябрьская

М.В. Вятчина

Эстония, Тарту, Тартуский университет

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЕЛЬСКИХ СВЯТЫНЬ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТА МОНАХИНИ АГНИИ ВАСИЛЬСУРСКОЙ

В данной работе анализируются материалы этнографической экспедиции Казанского федерального университета, собранные летом 2012 г. в поселке Васильсурск Нижегородской области. Особое внимание уделяется вопросу функционирования культа святых в локальной традиции, что в современных исследованиях по антропологии религии соответствует интересу к народному православию (Панченко, 1998: 13).

Названный поселок, находящийся в месте впадения Суры в Волгу, на рубеже XIX – XX вв. был крупным пунктом торговли и речных грузоперевозок, а затем на первое место выдвинулась санаторно-курортная составляющая. На сегодняшний день значительная часть населения представлена дачниками, проживающими в Василе (именно так называют поселок жители) с разной периодичностью.

Достаточно разноплановый сакральный ландшафт местности насыщен текстами, отсылающими к самым разным историческим событиям: строительство посада при Иване Грозном, борьба русских стрельцов с марийскими войсками, разбой Степана Разина и поиски его кладов, приезд Екатерины Второй во время путешествия по империи, отдых в местных здравницах таких известных фигур, как Максим Горький, И.М. Шишкин и т. д.

Вместе с тем происходит порождение новых фольклорных текстов. Так, на местном кладбище находится могила настоятельницы Цивильского монастыря Агнии Васильсурской, в миру – Анны Филипповны Мытиковой. Могила игумень, поселившейся недалеко от Васильсурска после закрытия монастыря и умершей в 1952 г., сегодня, как утверждают местные жители, почитается марийцами. С определением этнической принадлежности Анны Васильсурской сельчане, большая часть которых относит себя к русским, затрудняются: высказываются предположения, что она была чувашкой или марийкой. Представляется значимым тот факт, что в фольклорных текстах Агния Васильсурская безусловно присутствует, но упоминания о ней облакаются во вполне однозначные формулировки: «ей молятся марийцы», «была тут такая чувашка». Уточним, что под «марийцами» понимаются жители окрестных деревень преимущественно с однородным в этническом плане населением, относящиеся, в силу пограничного положения поселка, к Республике Марий-Эл.

Репрезентация марийцев через использование образа другого ведется на самом широком материале: от рассказов о противостоянии «предков» – русских стрельцов марийским войскам – до жалоб на неудобное время работы еженедельного рынка. Будучи единственными поставщиками свежих продуктов, марийцы приезжают торговать очень рано, по меркам местных жителей, которые, в свою очередь, не связаны с циклом животноводческих работ и ограничиваются возделыванием огородов-садов-цветников. Одна из легенд описывает критически опасный момент при очередном нападении на русское поселение беспокойных марийских соседей («язычников»), которые отступили перед появившимся воином-старцем. Позднее эта фигура была опознана ими и соотнесена с образом преподобного Варлаама Хутынского, икона которого хранилась в церкви. Легенда подчеркивает, что святой почитался и почитается как покровитель Васильсурска.

Таким образом, представляются взаимосвязанными фигуры Агнии Васильсурской и тех, кто ее особо почитает. В Васильсурске существует коллективное знание о том, что марийцы обращаются к ней и помнят, что она владела марийским языком. Второй причиной, по которой образ Агнии отчуждается, можно назвать наличие своего покровителя у поселка, Варлаама Хутынского. Не последнюю роль играет то, что инокиня не признана официальной православной церковью, однако васильчане не исключают возможность такого действия («пока не причислена к лику святых»).

Источником устойчивой формы жизнеописания, которая перепечатывается в прессе, является, судя по всему, запись об Агнии Васильсурской в работе иеромонаха Дамаскина Орловского «Мученики, исповедники и подвижники благочестия». Затем последовало упоминание о ней в Православной энциклопедии, где ее жизнеописание отнесено в раздел «За веру претерпевшие и убиенные в России советской». Указывается, что Агния поселилась в лесу и жила там недалеко от Васильсурска, но нигде не уточняется, что она жила при пасеке, о чем рассказывают в поселке. Дополнительные основания для рассказов, как видно из их структуры и упоминаемых фактов, дала публикация в местном журнале. Например, фраза «особо почитается марийцами» впервые встречается у Дамаскина Орловского (Орловский, 1992:15) и затем используется в васильском журнале (Борисова, 2012: 4).

Нужно сказать, что журнал «Васильсурск. Лики провинции» стал одним из самых значимых явлений культурной жизни поселка. Он издается инициативной группой жителей. Примечательно, что издание, с одной стороны, инициирует дискуссии, связанные с историей места, выделение ключевых локусов, которые, вслед за П. Нора, можно назвать местами памяти. С другой стороны, журнал не соответствует привычному дискурсу «лирического краеведения», что можно объяснить большим научным опытом редактора, доцента университета. Журнал доступен как в поселковой библиотеке, так и в Интернете. Появление каждого выпуска становится событием: его читают, обсуждают, на него ссылаются.

Как отмечает А. Мороз, границы «чужести» того или иного персонажа в локальной традиции весьма относительно (Мороз, 2009: 27). Так, воспоминания об Агнии сохраняются как семейная память и транслируются в межпоколенческом диалоге (особенно в отношении внуков семьи, которая приютила настоятельницу после закрытия монастыря). К категории легенд

о прижизненных чудесах можно отнести рассказы об исцелении скота, о молитвах за членов семьи Формозовых, благодаря которым те вернулись живыми с Великой Отечественной войны. В целом стилистика повествований соответствует агиографическому канону (Шеваренкова, 2012: 13): присутствуют рассказы о детстве («из чувашской семьи», «дети остались без матери», «ушли в монастырь»). Далее идет этап «благовествования» и выбора жизненного пути, затем рассказы о «подвигах» (подвижничестве) во время революции, в период разгрома обители, а следом – о приходе в Васильсурск и смерти («тихо умерла»). Акцентируется внимание на «избранность» Агнией Васильсурска, где она хотела быть похоронена. Посмертные чудеса в легендах фиксируются, но в обобщенном виде (к ней приходят, молятся, просят помощи), и здесь уже начинают фигурировать пресловутые «марийцы», коммуникация которых со сферой сакрального четко пространственно ограничивается кладбищем, подобно тому, как и их религиозные обряды четко увязываются со священной рощей и святым ключом.

На примере анализа данного корпуса текстов мы видим, как в локальном пространстве происходит процесс взаимодействия и не-взаимодействия образов двух неравнозначных фигур святых. Здесь нет взаимодополнения женского и мужского компонентов, как происходит, например, с фигурами Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы; не наблюдается процесса замещения и пр. Происходит приписывание статуса «чужого» святого, который, тем не менее, фигурирует в нарративах, но на своеобразной периферии народного культа. Исходя из изученных материалов, можно сделать вывод о том, что во временной перспективе произойдет изменение статусов святых, однако эти процессы могут пройти по нескольким, совершенно разным, сценариям.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Т.А. Титова

Список литературы

- Борисова Е. Как никто больше любить не может // Васильсурск. Лики Провинци. – 2012. – Вып. 4. – С. 4.
- Мороз А.Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. – М. : ОГ, 2009.
- Орловский Д. Агния Васильсурская // Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. – Тверь, 1992. – Кн. 1. – С. 15.
- Панченко А.А. Народное православие. Деревенские святые Северо-Запада России. – СПб. : Алетей, 1998. Шеваренкова Ю.М.
- Новомученица Дунуюшка Суворовская: житие устное и книжное // ЖС. – 2012. – № 1. – С. 11–14.

К.Ю. Гизиева

*Омск, Сибирский филиал Российского института культурологи,
Омский государственный университет*

ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ В УСТРОЙСТВЕ МОГИЛ И КЛАДБИЩ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОМСКА)*

В основу статьи положены материалы, собранные на кладбищах Омска в ходе экспедиции, организованной кафедрой этнографии и музееведения ОмГУ под руководством М.Л. Бережновой.

Если говорить об изучении омских кладбищ, то материал, собранный к настоящему времени, характеризуется изучением истории несохранившихся кладбищ, выявлением сведе-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №12-01-12040в «Информационная система "Культурные ресурсы Омской области"».

ний о могилах захороненных известных деятелей истории и культуры, публикацией рукописей исторических некрополей. Кладбище дает материалы, позволяющие более полно рассмотреть ряд проблем, которые не могут быть раскрыты в полной мере при работе с информаторами в населенном пункте (Минин, 2004: 331). Некрополь – это своего рода летопись, отражающая этапы исторического развития края, поэтому изучение кладбищ позволяет выделить некоторые особенности погребального обряда, его материальной составляющей, а также отношения к смерти посредством анализа надгробных сооружений.

Погребальные сооружения зависят от таких факторов, как мода и материальное состояние семьи. Похоронная мода последних лет – черные каменные полированные памятники с выгравированными фотографиями (часто в полный рост). Если в советское время памятники ставили «как у всех», то теперь заказчику предлагают на выбор десятки моделей.

Еще одна особенность нынешних памятников: часто фотографии на них – не только в рост, но и натурального размера. На кладбище возникает ощущение, что на тебя со всех сторон смотрят десятки людей. Еще одно отличие от прежней эпохи: портрет теперь не прикрепляется, а гравировается прямо на камне. Усопшие взирают на нас с памятников такими, какими были при жизни: в любимых платьях с декольте на вечеринках, хохочущие на отдыхе, играющие на музыкальных инструментах. А еще – с вещами, любимыми при жизни: мобильными телефонами, автомобилями, мягкими игрушками. Часто на обратной стороне памятника помещают и дорогие покойному пейзажи.

Массовые надписи на памятниках, по собранным материалам, появляются с середины XX в. Надписи бывают различными, как правило, пишутся инициалы, позже закрепляется табличка с именем, фамилией и датами рождения и смерти. Часто встречается причудливое смешение гражданского ритуала с церковным. Например, установление на могиле одновременно и православного креста, и портрета умершего человека. Еще в начале XX в. православная церковь неодобрительно относилась к случаям установки на надгробиях портрета покойного, усматривая в этом «выражение людского тщеславия», однако прямых запретов данного обычая никогда не существовало (Булгаков, 1893: 338). «Если хочется, чтобы фотография усопшего была на кладбище, то лучше пристроить ее на оградку сбоку. Тогда не будет возникать такой неудобной ситуации, когда священник на панихиде вынужден чуть ли не молиться на усопшего вместо икон!» (Светлая память! [Сайт]. URL: <http://www.memoiam.ru/main/ritual>).

Встречаются и менее рациональные объяснения, почему, к примеру, кресты имеют ту или иную форму. Так, косая перекладина чаще всего направлена правым концом вверх или, по объяснению информаторов, на восток, так как там родился Господь Бог (МЭЭ ОмГУ, 2005: 14). Реже встречаются кресты с косой перекладиной, направленной вверх левой частью. На одном из омских кладбищ, усилиями православной церкви, оборудован стенд, который указывает на образец правильной формы креста (рис. 1).

Есть поверье, что нельзя убирать с могилы старые кресты, так как это большой грех и грозит бедой родственникам умершего. Поэтому часто встречаются новые металлические обелиски, к которым привязаны старые кресты. Таким образом, деревянный крест играет роль временного сооружения, который ставили при захоронении, а спустя год устанавливается металлический или какой-либо другой памятник (Овсянникова, Чукова, 1990: 60–76) (рис. 2).

Существует традиция повязывать полотенца на крест. Этому действию дано такое объяснение: «покойнику необходимо умыться утром и вытереться» (МЭЭ ОмГУ, 2008: 5об.). А.А. Фролов отмечает особую роль полотенца. Он вспоминает сказки о путешествии в царство смерти, где платок или полотенце используется героем для переправы через реку или для создания препятствия на пути преследующего персонажа (Фролов, 1997: 87–309).

Православная традиция украшения могил весьма аскетична: крест, деревянный или железный, – приличнее всего. Сегодня многие стремятся поставить на могилах монументальные и дорогие памятники – церковь это не запрещает, однако и не приветствует. Но на могилах православных священников или иереев устанавливается скромный крест (рис. 3).

Рис. 1. Образец правильного креста (Северо-Восточное кладбище, Омск, снимок 2005 г.)

Рис. 2. Крест как временное сооружение (Новоюжное кладбище, Омск, снимок 2008 г.)

Рис. 3. Крест на могиле Архиепископа Анатолия (Мемориальное кладбище, Омск, снимок 2008 г.)

Распространенные в советское время звездочки на надгробиях теперь уступили место крестам. Хозяин мастерской по изготовлению надгробных памятников пояснил это так: «Звезда когда-то считалась символом коммунизма, атеизма. Теперь я ставлю около двухсот памятников в год, и только один заказ был со звездой. Были случаи, когда памятник стоял со звездой, но со временем приходил в негодность, и родственники усопшего просили перешлифовать его, только вместо звезды сделать крест. Если в советское время памятники без креста были нормой, то сейчас народ возвращается к старым традициям.

Некоторые информаторы считают, что, «если памятник без креста, то с умершим что-то не в порядке – либо утопленник, либо неотпетый ...» (МЭЭ ОмГУ, 2009: 32).

Особым образом на кладбищах выделяются памятники ветеранам Великой Отечественной войны. Их отличительной особенностью является звезда, расположенная, как правило, в верхней части памятника. Зачастую умерший изображен в военной форме со всеми знаками отличия, иногда можно встретить указание воинского звания (рис. 4).

Эпитафии, которыми снабжены памятники, чрезвычайно разнообразны. Они могут представлять собой как простую констатацию фактов (рождение-смерть), так и содержать дополнительную информацию о человеческих качествах покойного и о чувствах живых. Есть памятники, которые содержат надписи с двух сторон монумента. Информаторами это объясняется тем, что «нечистого боялись, от него буквы и защищали. А сейчас для людей пишут, чтобы знали, кто тут лежит. Раньше раб Божий лежал, чтоб душу никто не беспокоил, напишут со всех сторон, а сейчас с лица только – для людей» (МЭЭ ОмГУ, 2009: 5–5об.).

Интересен вопрос об ориентации могил. Считается, что ориентировка могилы должна быть с запада на восток. Это связано с широко распространенным представлением о том, что «неведомая» страна находится где-то на востоке. Противопоставление восток – запад является в своей основе очень архаичной чертой традиционного мировоззрения, повлиявшей в свое время и на христианскую традицию. Именно это влияние можно усмотреть в ориен-

тации могил с запада на восток, в вере в то, что «Бог строил престолы на востоке, а черт на западе...» (Неуступов, 1901: 168). Однако при проведении работ по планиграфии кладбища совершенно очевидным становится тот факт, что могилы ориентируются очень условно: по расположенным рядом, по забору, дороге или другим объектам, что приводит к большому количеству ошибок. Даже ориентирование по солнцу в условиях Сибири неточно. Поэтому подавляющее большинство могил ориентировано на северо-восток с азимутом от 10 до 80° (север – 0°; восток – 90°).

Рис. 4. Памятник ветерану Великой Отечественной войны (Северо-Восточное кладбище, Омск, снимок 2008 г.)

Кладбище стало не столько местом последнего упокоения для усопших, сколько местом общения с ними для живых. Теперь его внешний вид зависит не от особенностей ритуала и не от представлений о том, что будет после смерти и не от культа предков, а от моды, идеологии и эстетических предпочтений общества.

Научный руководитель: к.и.н., доц. М.Л. Бережнова

Список литературы

Архив МАЭ ОмГУ // Ф. 1. П. 101–7. Материалы этнографической экспедиции ОмГУ 2005 г.

Архив МАЭ ОмГУ // Ф. 1. П. 170–5. Материалы этнографической экспедиции ОмГУ 2008 г.

Булгаков В.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. – М., 1893. – Ч. 2.

Минин А.В. Планиграфия современных кладбищ русских сибиряков как этноархеологический источник // Традиционные культуры и сообщества Северной Азии с древнейших времен до современности: материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Кемерово, 2004. – С. 331–332 .

Неуступов А.Д. 1901. Из преданий и легенд крестьян Васьяновской волости Кадниковского уезда // Этнографическое обозрение. Кн. XLI, № 1: – С. 163–168.

Обсуждение «Ритуальные действия» // Светлая память! [Сайт]. URL: <http://www.memoriam.ru/main/ritual>.

Овсянников О.А., Чукова Т.А. Северные деревянные кресты // Язычество восточных славян. – Ленинград, 1990. – С. 73–76.

Фролов А.А. Пережитки язычества в древнерусской погребальной обрядности // Древняя Русь: пересечение традиций. – М., 1997. – С. 283–309.

Е.И. Глухих

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ОБРЯДНОСТЬ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ПРИАНГАРЬЯ И ПРИИРТЫШЬЯ, СВЯЗАННАЯ С ЖИЛИЩЕМ

Жилище – один из важнейших элементов усадебного комплекса русских старожилов, с которым связано множество семейных традиций. В данной работе представлены новые материалы полевых исследований, полученных автором, работавшей в составе Сибирского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН в старожильческих селах Приангарья и Прииртышья в 2010–2012 гг.

Большое значение придавалось выбору места под строительство дома, которое определяли особым способом. Местные жители говорили: «где теплом повеет, там смело можно ставить избу». Иногда на предполагаемое место под дом укладывали сковороду дном вверх, а на утро переворачивали: если обнаруживали капли росы, то место для строительства не подходило – там было холодно. Хорошим местом для дома считалось то, где часто лежали овцы, коровы. В некоторых селениях по сей день сохраняется поверье о том, что рядом с кладбищем дома лучше не ставить, поскольку хозяева таких домов часто болеют и умирают. Начало строительства нового дома сопровождалось проведением определенных обрядов: хозяева созывали помощь (местн. «помочь»), подмогу в лице родственников и соседей. В благодарность устраивали для них застолье. При закладке дома существовала традиция подсовывать монетки в углы дома «на счастье», «для богатой жизни»; иногда монеты укладывали под матицу – поперечную потолочную балку. На ворота усадьбы подвешивали подкову, она считалась оберегом жилища.

Местные жители издавна верили в то, что за печью живет домовая, дух дома (местн. «дедушка-со/у/седушка», «хозяин»), которого необходимо было подкармливать, забрасывая лепешки в подполье или за печь. Русские старожилы говорили: «С хозяином спорить нельзя, его любить надо: подкладывать кусочки хлебца к печке, где кошек кормят, заодно и он наестся». Некоторым местным жителям удавалось увидеть образ домового, по их рассказам, «хозяин маленький и лохматенький, в лаптях». Часто домовый давал о себе знать скрипом в доме. Некоторые обнаруживали, что предметы меняются местами. Бывали случаи, когда домовый пытался предупредить хозяев о беде или, наоборот, о скорой радости. «Хозяина» нельзя было ни в коем случае выгонять из дома, считалось, что он выть будет или самосожжется, а тогда пожара не избежать.

Были особые обряды в новоселье, например, местные говорили: «Переходишь в новый дом – возьми печину (т. е. кусочек глины), хлеба, соли, открывай подполье и задабривай дедушку-соседушку, а то нападет на скотинушку, задушит, косы наплетет». Когда переезжали на новое место, домового зазывали с собой и перевозили в старом корыте. Прежде чем войти в жилище, обычно запускали кошку, чтобы злых духов отогнать, затем пускали домового. Русские старожилы знали особые наговоры, связанные с новосельем, напри-

мер: «Дедушка-соседушка, пусти нас ночевать, ночку ночевать, да век вековать!», «Дедушка-соседушка! Ангелы-хранители! – Охраните таких-то (по именам), чтобы колдунов отправляли в ад, чтобы грызли осину – снизу до вершины». До сих пор местные встречают приезжих со словами: «Дедушка-соседушка, принимай гостей!» Традицией было заходить в дом с запада на восток, обязательно поклонившись. Было принято говорить хозяевам при встрече: «Мир вашему дому», на что те должны были ответить: «Принимаем с миром».

В русских селениях Приангарья и Прииртышья известно множество необычных случаев, связанных с жилищем. По рассказам местных жителей, в одном из сел Кежемского района Красноярского края произошел пожар, в результате которого сгорели все постройки, кроме зимовья. Как выяснилось позднее, зимовье хозяева строили своими силами и под углы постройки подложили освященные пасхальные яйца.

Многие жители сел рассматриваемых регионов помнят приметы, связанные с жилищем. Одни говорят, что нельзя садиться на порог дома – спина будет болеть; другие никогда не заносят в дом пустое ведро, чтобы не обеднеть и избежать неудач. Уборку в доме обязательно нужно было делать в субботу, в этот же день и баню топить. В оконные рамы хозяева при отъезде часто вставляли спицы и ножи, «чтобы воры не пришли или пожара не случилось».

У всех русских старожилов в доме располагался красный угол (местн. «передний угол», «божница», «подцветка») с иконами – самое почетное место в доме. В праздничные дни он украшался кружевами, рушниками. Были известны случаи, когда изображения на иконах в доме начинали видоизменяться, краски приобретали другие оттенки, и хозяева не могли объяснить происходящего. В одном из селений Вагайского района Тюменской области произошел такой случай: набожный хозяин одного дома увидел, как в соседнем жилище женщина молится, отвернувшись от иконы. Он очень разозлился из-за такого неуважения к святым ликам. Спустя какое-то время хозяин услышал позади себя чей-то голос со словами: «Поставь чучело в огороде». Мужчина последовал этому совету, поставил чучело и заговорил его. Та женщина тяжело заболела и через некоторое время умерла. По селению долгое время ходили слухи, что она была «колдовкой» и могла принести несчастье.

С жилищем люди связывали свою жизнь, все важные события, происходящие в семье. Так, дом считался обжитым только после свадьбы в этой семье или рождения ребенка. Если дом оказывался на неудачном месте, а его жителей преследовали беды и несчастья, то жилище в некоторых случаях разрушали. Многие обряды, приметы, наговоры, связанные с жилищем русских старожилов, сохранились на протяжении всего XX столетия и дошли до наших дней.

Научный руководитель: д.и.н. А.Ю. Майничева

Список литературы

ПМА, 2010, 2011, 2012 – Материалы Сибирского этнографического отряда (начальник отряда д-р ист. наук А.Ю. Майничева).

Информаторы

Быкова Н.И. (1943 г.р.), г. Козьмодемьянск (из д. Проспихино Кежемского района Красноярского края).

Дрогалев В.В. (1985 г.р.), с. Вагай Тюменской обл.

Локтионова В.С. (1936 г.р.), д. Проспихино Кежемского района Красноярского края.

Паньшин А.Г. (1943 г.р.), с. Малая Зоркальцева Тюменской обл.

Плесовских А.К. (1923 г.р.), с. Шишкино Вагайского района Тюменской области.

Страшников (Ведунова) В.В. (1942 г.р.), д. Чадобец Кежемского района Красноярского края.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ТУВИНЦЕВ, СВЯЗАННЫЕ С ЭТНОЭКОЛОГИЕЙ

Исторически сложившееся духовное, культурное наследие народов мира свидетельствует о многообразии их традиций, обычаев, верований и т. д. В них отражается своеобразное познание мира, присущее каждому народу. Именно в познании мира складывается мировоззренческая основа бытия каждого человека, народа – мироощущение, мировосприятие, представление о мире. Соответственно, у каждого народа свое национальное воззрение на мир. Этот феномен выражается в понятии «этническая картина мира». Этническая картина мира формируется исторически, выступает своеобразной матрицей, где отражаются все аспекты жизнедеятельности: обычаи, обряды, ценности и идеалы повседневной жизни, обеспечивающие преемственность культуры.

Тема, связанная с природой Тувы, привлекала внимание многих исследователей. В их работах природа рассматривалась в различных аспектах: во-первых, с точки зрения ее географических характеристик. Уникальность, резкую контрастность природных условий отмечают такие исследователи, как Л.П. Потапов, Т.Б. Будегечи, В.Ю. Сузукей и другие. Во-вторых, с точки зрения шаманского мировосприятия (М.Б. Кенин-Лопсан, В.П. Дьяконова, С.И. Вайнштейн). В-третьих, природа в фольклоре; Н.Г. Курбатский: «В фольклоре вся природа – в ее самом широком понимании – одухотворена, одушевлена, уподоблена человеку: вершина горы, верхушка дерева, верховье реки, а также начало года – это голова. Возвышенность – это спина. Русла, овраги, ветви – это руки. Корни деревьев – это жилы и кровеносные сосуды» (Курбатский, 2001: 156).

В религиозных представлениях народа сложилась целая культовая система почитания природ, которое выражалось в совершении обрядов, молений, освящении тех или иных ее объектов. М. Кенин-Лопсан выделяет девять молений: «моление небу, моление танды (прим. авт. высокогорная тайга), моление огню, моление источнику, моление хам-ыяш (авт. букв. дерево-шаман), моление тел-ыяш (авт. обычно лиственница, ель, растущие от общего корня), моление оваа, моление каналу, моление кожээ (авт. каменные изваяния)» (Кенин-Лопсан, 1993:122).

Рассмотрим те моления, которые связаны только с культами природы. Культ оваа. Оваа – это традиционное культовое сооружение, связанное с почитанием природы, а также представлениями народа о существовании духов местности и духов предков о том, что у каждого объекта природы есть свой оберегающий дух (чер ээзи – дух-хозяин местности, земли; суг ээзи – дух-хозяин воды; даг ээзи – дух-хозяин горы и т. д.). У тувинцев насчитывались четыре вида оваа: буга дозузун оваазы – сооружался на том месте, откуда канал брал свое начало. Второй, самый распространенный, – арт оваазы – располагался на горных перевалах. Третий – тайга оваазы (оваа в честь духов тайги), и четвертый – родовой оваа.

Оваа сооружался в двух формах: самая древняя форма сооружения оваа это куча камней. Вторая форма – оваа в виде конусообразных шалашей из нарезанных ветвей различных деревьев или нагроможденных камней, плит. Места, где сооружались оваа считались священными, поэтому в честь хозяина-духа совершались обряды-моления оваа – «оваа дагыыр». Обряд «оваа дагыыр» обычно проводился летом, совершали ее в основном шаманы, но впоследствии с распространением буддизма в Туве обряд оваа дагыыр совершали и ламы. На эти моления собирались либо жители той или иной местности, либо близкие родственники, т. е. моления на оваа носили родовой, территориальный и административный характер.

С четырех сторон оваа совершался обряд – «сан салыр» (обряд окуривания, жгли можжевельник – артыш кысыр), вешали на ветку кустарника чалама (чалама-лента воспринималась как своеобразное жертвоприношение), брызгали свежесваренным чаем или молоком, угощали духов молочной едой, в честь праздника «оваа дагыыр» устраивали различные состязания. Старший из присутствующих или шаман просил у духов-помощников благополу-

чия, расцветания, это выражалось в алгышах (шаманских песнопениях). Все последующие культы связаны с культом оваа.

Кульг гор. «Гора (скала, пещера) – аналог материнского лона, некий плодоносящий, житнетворный центр, источник рода и одновременно могила сородичей, жилище и могила богатырей. Внутри горы пребывают души, кони, одежда, сокровища. Позднее производительные силы горы стали ассоциироваться с мужским началом» (Келин-Лопсан, 1993:152).

В честь духов гор также сооружались оваа, в основном на самой вершине горы, на горных перевалах.

По тувинским представлениям, путник, переваливающий гору, всегда должен был останавливаться около оваа, преподносить угощение, положить на оваа камень, вешать чалама, просить у духов-хозяев гор, чтобы путь-дорога была белой, удачной.

Кроме этих поклонений тувинцы совершали сложный обряд – посвящения духам гор ыдыков. «Ыдык» (букв. священный), ыдыками называли тех или иных животных, у тувинцев прежде всего ыдыками считался бык, в отдельных районах лошадь (как у алтайцев и хакасов). Основная цель посвящения ыдыков – прежде всего сохранение и благополучие стада. Вкратце обряд посвящения заключался в следующем: быка-ыдыка обводили трижды вокруг оваа, обкуривали можжевельником, мыли аржааном (источником) по направлению от головы к хвосту. Рога и ноги быка мазали топленным маслом, привязывали ленты к его ошейнику и отпускали в стадо с тем, чтобы священный бык оберегал стадо, помогал плодиться. Итак, горы считались местом обитания духов и признавались священными, назывались ыдык-даг (букв. священная гора).

Кульг источников, воды. Тувинцы верили в существование духов-хозяев воды (суг ээлер). На берегах больших рек, возле переправы сооружались оваа. У тувинцев сохранились верования: нельзя осквернять, загрязнять воду – к болезни; нельзя рубить деревья вблизи реки, громко кричать, рыть оросительные каналы – все запреты связаны с тем, что нельзя беспокоить духа воды. Особо почитались истоки рек и источники – аржаан суг (целебная минеральная вода). Приехав к источнику, обращались к хозяину аржаана за помощью, просили избавить от болезней, после молитвы совершали обряд «сан салыр», на сооруженную вблизи источника оваа вешали чалама. Совершали обряд почитания рек также в случае высыхания реки, или источник воды становился объектом почитания рода.

Кульг хам-ыяш (букв. дерево-шаман). Почитание источника объединялось с почитанием отдельных деревьев, растущих вблизи родников или истоков рек. Это относится к деревьям с необычной формой ствола или густым вплетением ветвей, которые называли «хам ыяш». Согласно поверьям, эти деревья считались священными, так как в них обитали духи. М. Кенин-Лопсан отмечает, что «хам-ыяш» – это общее название, тувинцы издревле поклонялись шаманскому дереву – хам-дыт (лиственнице необычной формы), а разные деревья, растущие от общего корня, – это «тел ыяш». На хам ыяш вешивали чалама, молились для испрашивания благополучия рода.

Кульг Танды. Танды – это высокогорная тайга, она, по представлениям тувинцев, священное место, которое имеет своего хозяина. Чтобы охота была удачной, охотник сначала совершал «обряд» поклонения огню. Встретив нескольких зверей, добывали одного, самок старались вообще не убивать. Тувинцы поклоняются тайге, сооружая культовые оваа, для сооружения которой выбирают самую высокую точку горы.

Из всего вышесказанного мы видим, что в традиционной культуре тувинцев природа выступает как источник жизни, она и есть некое связующее звено между микрокосмом и макрокосмом. Человек следует природе, выражает свое отношение через обряды и обычаи. Оберегая и почитая её, он становится частью природы. Природа формирует человека, а он в соответствии с полученными образцами строит свою целостную картину мира. В этой связи с живым космосом степей, гор, рек, лесов формируется кочевая картина мира тувинцев.

Список литературы

- Вайнштейн С.И. Тувинское шаманство. – М., 1964.
Грачев Г.Д. Национальные образы мира. Лекции. – СПб., 1994.
Дьяконова В.П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л., 1976.
Кенин-Лопсан М.Б. Магия тувинских шаманов. – Кызыл, 1993.
Курбатский Н.Г. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). – Кызыл, 2001.

Е.Н. Залётова

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

ЛИСЫ-ОБОРОТНИ И ИХ СВЯЗЬ С МИРОМ МЁРТВЫХ В МИФОЛОГИИ КИТАЯ

Лисы-оборотни известны в культуре Китая издревле: уже в VIII в. до н. э. в китайских текстах появляются упоминания о превращениях в лис: «В тридцать третий год правления Чжоуского Сюань-вана у него родился сын Ю-ван. И в этом же году случилось, что лошадь превратилась в лису» (Гань Бао, 6.105), о волшебных девятихвостых лисах. Сведения эти отрывочны, не дают полной картины, но из них можно сделать хотя бы тот вывод, что в Древнем Китае верили в сверхъестественные возможности лис, отличавшихся от обычных цветом и количеством хвостов.

В III–IV веках н. э. встречу с лисой воспринимали как дурное предзнаменование, лисам приписывали способность насылать болезни и безумие.

После ханьской династии в китайской сюжетной прозе способность к превращениям – в особенности, способность принимать человеческий облик – стали приписывать уже и обыкновенным лисам, не обладающим какими-либо фантастическими внешними признаками (Алимов, 2008: 49).

От ханьской и позднейших эпох до нашего времени дошло множество легенд о лисицах в человеческом облике. Как правило, лисы-оборотни вредят людям: наводят на них чары, заставляя видеть и чувствовать то, чего нет; насылают сумасшествие и болезни; превращаясь в прекрасных дев, соблазняют молодых мужчин и лишают их жизненной силы – поэтому китайская лиса ассоциируется с обманом и соблазнением.

Реже рассматривается вопрос о связи лис-оборотней с загробным миром, хотя существуют тексты, в которых она прослеживается достаточно явно. Так, часто встречаются упоминания о том, что лисы живут в старых могилах (обычно заброшенных): «В Ханьское время Гуанчуаньский ван любил вскрывать могилы. Он разорил могилу Луань Шу. Все знаки достоинства, украшавшие гроб, перегнили без остатка. Оказалась в склепе только белая лиса» (Гань Бао, 2006: 15.375); «В Девятую луну, в девятый день начальной декады мужчины толпой поднялись в горы и во время прогулки услышали голос – кто-то вслух читал книги. Велели слугам поискать, кто это, и те обнаружили в пустом могильном склепе сидящих рядком лисиц» (Гань Бао, 2006: 18.428).

Лиса может выдавать себя за человека, похороненного в той могиле, в которой она вырыла нору, или присваивать фамилию его рода (Алимов, 2008: 52). Человек, пострадавший от лисьих чар, приходя в себя, может обнаруживать, что всё то время, пока он, как казалось, был на пиру, вёл учёные беседы и ухаживал за прекрасными женщинами, на самом деле он провёл на заброшенной могиле (Пу Сун-Лин, 2003: 300).

Ещё одним свидетельством близости лис-оборотней к миру мёртвых может служить описание превращения лисы в человека, приведённое в «Обширных записках годов Тай-пин»

(«Тай-пин гуан цзи»): «Коли захочет стать существом необычайным – нацепит на голову мёртвый череп и кланяется Северному ковшу. Коли череп не слетит наземь, то обращается человеком» (Алимов, 2008: 55).

Среди представлений о лисах-оборотнях есть и такое: дух умершего (как правило, это дух жертвы лисьего колдовства) может превращаться в лисицу (Ли Сян-Минь, «Удивительная встреча в Западном Шу», Пу Сун-лин, «Лиса-наложница»):

«...К несчастью, я попал под власть чар оборотня. Помрачение достигло наивысшей глубины и длилось очень долго. Я умер и стал лисом!» (Алимов, 2008: 66);

«...Я дочь твоего предшественника по службе, меня стала губить лиса, и я скоро умерла, а затем была похоронена здесь, в саду. Однако другие лисы собрались и оживили меня, после чего мне сообщила лисья летучая подвижность» (Пу Сун-Лин, 2003: 85).

Наконец, человек, совершающий недостойные поступки, может быть наказан за это, переродившись в лисицу:

«На самом-то деле я не человек, а лиса с городской стены. Когда-то в прошлом рождении я была второю женою одного человека, вмешивалась во все домашние дела, клеветала на старшую жену, и моя клевета дошла до ушей мужа. С того времени он полюбил меня одну, а старшая жена затосковала и в конце концов умерла от горя. Она рассказала всё чиновникам из мира мрака, и меня подвергли такому вот наказанию» (Алимов, 2008: 176).

В новелле «Записки о Сяо-лянь» из сборника «Высокие суждения у дворцовых ворот», откуда взята вышеприведённая цитата, есть ещё одна интересная деталь: лиса-оборотень просит должным образом похоронить свои останки – так же, как в других текстах просят об этом неупокоенные души умерших.

Таким образом, из приведённых примеров ясно, что лисы-оборотни в китайской культуре тесно связаны со смертью и представлениями о загробном мире. Исследование посвящённых лисам легенд с этой точки зрения представляет интерес.

Научный руководитель к.и.н., доц. О.М. Шевчук

Список литературы

- Алимов. И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. – СПб. : Наука, 2008.
Гань Бао. Записки о поисках духов. – М. : Азбука-классика, 2006.
Пу Сун-лин (Ляо Чжай). Искусство лисьих наваждений. Китайские предания о чудесах. – М. : Изд-во Эксмо, 2003.

И.А. Зотов

Омск, Омский государственный педагогический университет

К ИЗУЧЕНИЮ МОДЕЛЕЙ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В АРХЕОЛОГИИ

Изучение пространственных связей между археологическими объектами традиционно привлекает исследователей. В 1960-х на Западе оформилось даже такое направление, как пространственная археология, опыт которой показывает, что в основе взаиморасположения археологических памятников могут лежать определённые повторяющиеся модели освоения пространства. Так, укрепленные поселки могли являться системообразующим ядром нескольких неукрепленных селищ, составляющих единый хозяйственный комплекс, как это предполагалось, например, в случае с Рафайловским городищем в Среднем Притоболье (Матвеева, 2005: 74). Отмечалось также, что на границах саргатского ареала возводились городища, выполнявшие функцию форпостов (Матвеева, 1997: 63). Во всех подобных примерах подразумеваются неслучайные функциональные связи между археологическими объектами.

Одним из направлений пространственного анализа является моделирование оптимальных структур размещения, в основе которых лежит рациональное стремление людей снизить до минимума затраты энергии на обеспечение жизнедеятельности (Колесников 1992: 31). Предполагалось, что с помощью таких «идеальных моделей» легче будет выявлять еще не открытые археологические памятники, а также функциональные взаимосвязи между ними. Вместе с тем, прежде уже отмечалось, что на выработку поселенческой стратегии при освоении определённой территории влияют разные факторы – как рациональные, так и иррациональные, поэтому изучение пространственных связей носит междисциплинарный характер (Данченко, 1998: 85).

Так, определённые закономерности во взаимоотношениях человека и окружающего пространства находит такая отрасль психологии, как проксемика. Согласно концепции Э. Холла, в зависимости от рода деятельности, привычек, бытовых представлений человек осваивает пространство по определённым критериям. Опираясь категориями пространственной археологии, можно сказать, что проксемика изучает этот процесс в «микромасштабе», ограниченном одним индивидом или небольшой группой лиц. В подобной ситуации допускается пренебрежение рациональными связями объектов, в то время как на уровне «макромасштаба», т. е. от поселения и выше, экономический фактор становится главным при выборе моделей освоения территории (Колесников, 1992: 31).

Отсюда следует, что в подавляющем большинстве случаев стратегия освоения пространства носит групповой характер, отражающий адаптацию коллектива, который, подчиняясь рациональной логике, обживал его с наименьшими экономическими и энергетическими потерями для себя. Однако не всегда рационализм является решающим фактором при освоении определённой территории, тем более что само представление о рациональном может существенно различаться у представителей разных групп населения (Данченко, 1998: 85). Поэтому значение могут иметь малозначачие с экономической точки зрения причины, например, такие как красота местности. Учитывая мифологичность сознания традиционных обществ, можно предположить, что на выбор способов освоения территории могли влиять идеологические представления: одни места могли считаться хорошими и даже священными, другие – проклятыми, не пригодными для обитания.

Адаптивный и ситуативный характер освоения обживаемого пространства проявляется в разнообразии типов поселенческих памятников у одного и того же населения. Так, саргатцы, например, сооружали как хорошо укрепленные городища на коренных террасах Иртыша высотой более 40 м, так и неукрепленные поселки на низких берегах малых рек. Примером могут служить расположенные неподалеку друг от друга городище Карташово и поселение Артын в Муромцевском районе Омской области.

Интересный случай функциональной взаимосвязи объектов разного назначения, образующих единый комплекс, описал С.Г. Скобелев в выступлении на конференции в Омске в октябре 2012 г. На территории горных хакасских крепостей «Све», которые в совокупности образовывали оборонительную систему, практически не выявлено культурного слоя, поскольку местное население не проживало в них постоянно, а использовало лишь в случаях военной опасности. Это выявляет роль еще одного фактора, влияющего на освоение пространства – военно-политического.

В литературе отмечалось, что приход русских колонистов на север Западной Сибири и распространение государственности на эту территорию оказали существенное влияние на изменение поселенческих стратегий аборигенного населения (Черносвитов, 1994: 113).

Данные сюжеты подводят к мысли о том, что при обследовании отдельных районов на предмет выявления археологических памятников нельзя абсолютизировать уже изученные закономерности взаиморасположения объектов. При их механическом переносе на новые территории легко стать заложником шаблонов и стереотипных схем.

То, что археологические разведки на правобережных притоках Иртыша, таких как Туй, Шиш, до сих пор не принесли существенных результатов, позволило С.С. Тихонову сделать вывод о том, что в древности и Средневековье заселялись лишь низовья этих рек (Тихонов, 2003: 245). С учетом того, что эти районы и сегодня богаты рыбой и дичью, можно предположить, что именно это обусловило малочисленность привычных для бассейна Иртыша крупных стационарных поселений в местах промысла, для обеспечения которого и в наши дни используются охотничьи избышки, разбросанные по необжитой тайге. При этом в зависимости от времени года сезонные стоянки могли располагаться в разных местах: летом – вблизи воды, на хорошо продуваемых берегах рек, где меньше гноса. Зимой, напротив, – в защищенных от ветра таежных массивах.

Таким образом, поселенческая стратегия вырабатывалась под влиянием различных факторов как адаптивная реакция на конкретную ситуацию. К тому же обширные пространства Западной Сибири характеризуются сочетанием различных ландшафтных условий, и гибкость системы землепользования являлась залогом успешного выживания традиционных коллективов. Сказанное заставляет усомниться в реальности существования неких жестких и неизменных моделей освоения территории.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Е.М. Данченко

Список литературы

Данченко Е.М. Проблемы использования методов пространственного анализа в изучении археологических объектов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1998. – Т. 3. – С. 85–87.

Колесников М.А. Пространственный анализ в современной археологии // Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы межрегиональной конференции. – М., 1992. – С. 30–32.

Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // Российская археология. – М., 1997. – № 2. – С. 63–78.

Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., Орлова Л.А., Поклонцев А.С. овые исследования Рафайловского городища // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2005. – № 5. – С. 74–95.

Тихонов С.С. Расселение жителей в южно-таежной полосе Среднего Прииртышья в начале XX века // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 6. – С. 245–252.

Черносвитов П.Ю. Освоение крайнего севера. – М., 1994.

О.Ю. Иргит

Кызыл, Тувинский государственный университет

ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ ТИБЕТЦЕВ И ТУВИНЦЕВ. ЦЗАМБА И ДАЛГА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Целью данной работы является изучение продуктов питания жителей Тувы и Тибета на примере цзамбы и далгана. Несмотря на то, что оба продукта являются аналогами друг друга, все же не помешает рассмотреть основные их черты и роль в культуре обоих народов. Для этого будут рассмотрены рецепты приготовления продуктов, их культовое значение, а также полезные свойства. В заключение будет дан сравнительный анализ обоих продуктов, где мы и попытаемся выявить идентичные и отличительные особенности цзамбы и далгана.

Анализ продуктов питания. Цзамба в Тибете. Цзамба – традиционное и основное блюдо тибетцев. Обычно представляет собой муку из слегка поджаренных зёрен ячменя, хотя в иных случаях ее заменяют пшеничной и рисовой мукой. Рецепт приготовления весьма прост. Горсть жареной муки высыпают в чашку, смачивая горячей водой и чаем, приправляют растопленным маслом, далее замешивают пальцами до нужной густоты и заворачивают в форму, чаще всего в виде шариков. Тибетцы используют ее как похлебку, и в любой момент могут полакомиться в сухом виде, просто достав один из шариков из своего кармана, где он обычно завернут в платок.

Многие тибетцы за всю свою жизнь никогда не пробовали ничего другого кроме цзамбы. Они рождались и умирали с этим вкусом во рту. Цзамба – это пища, напиток и утешение. Она подкрепляет силы во время тяжелого физического труда и питает мозг (Ахметшин, 2005: 107). По крайней мере с таким вот хвалебным образом отзывается о цзамбе Ахметшин.

Цзамба также используется в ритуальных целях — щепотки цзамбы бросают в воздух во время многих буддийских ритуалов. Этот ритуал появился ещё в добуддийские времена и служил для того, чтобы умиротворить духов местности и попросить их покровительства и защиты. Затем он был заимствован буддизмом как «символ празднования и радости» и стал использоваться при церемониях рождения ребёнка и похорон.

В настоящее время цзамба особенно известна в связи с новогодними празднованиями, когда ее бросают, распевая молитвы, призывающие удачу в новом году как для себя, так и для других. Также цзамбу бросают во время похорон, чтобы освободить душу умершего.

Интересен момент, запечатленный Ахметшиным во время праздника в монастыре Гумбум, где собирали многофигурные скульптурные композиции из ячьего масла, смешанного с цзамбой и натуральными красителями. Фигуры казались живыми, позиция естественной, платье настоящим. Многие трогали их руками, чтобы удостовериться, не надеты ли на фигурах настоящие меха (Ахметшин, 2005: 161). И, увы, фигурки те были отнюдь не долговечны.

Цзамба чаще всего называют пищей для народа, и бывали случаи, когда для получения их поддержки китайские наместники или же сами тибетцы бесплатно раздавали их бедным слоям населения. В 1956 г. во время движения антикитайских активистов, известных как миман-цзондю, их представители заручались поддержкой народа, раздавая им цзамбу и тибетские деньги (Кычанов, Мельниченко, 2005: 166). Помимо тех активистов в раздаче участвовали и монастыри.

Однако цзамба была не только пищей для простого народа, есть сведения, что знать тоже не брезговала ею. В отчете Гильома де Рубрука упоминается как один из китайских послов «сосал жидкую глину», точнее, кормился тестовидной пищей – цзамбой (Путешествие в восточные страны, 1957: 163).

Далган в Туве. По сути, далган можно назвать аналогом цзамбы со своими отличительными чертами. Сам по себе «далган» в нынешнее время может восприниматься как «мука», что не совсем правильно. Для удобства его называют «арбай далган» – дословно «измельченное зерно». До появления хлеба, привезенного русскими поселенцами, арбай далган был основным продуктом питания в рационе тувинцев.

Тувинцы добавляли в далган саржак (топленое масло), чинге-тараа (просо), а иногда и артыш (можжевельник) благодаря его лекарственным свойствам.

Несмотря на обилие скота и молочных продуктов, араты всегда запасались целыми мешками далгана по той причине, что он меньше портился и мог храниться в течение долгого времени. Представители богатого слоя населения в период голода могли раздавать аратам не только свой скот, но и целые запасы далгана со своей своеобразной кладовой (Маннай-оол, 1987: 187).

Рецепт приготовления далгана тоже очень прост. Обжаренную горсть муки высыпали в чашку и смачивали теплой водой, но чаще всего чаем с молоком. Затем смешивали до

нужной густоты, но тувинцы предпочитали их в более густой форме, сохраняя влагу. Ели готовый продукт прямо в чашке, а брали его с собой только на крайние случаи (Куулар, 2005: 4).

Несмотря на простоту рецепта, куда сложнее было измельчать само зерно ячменя. Сперва необходимо было очистить его от шлаков и камешков. Затем немного смачивали зерна в воде и обжаривали их до нужной кондиции. Измельчали их в двух стадиях: толкли в ступе и мололи на ручной мельнице.

У далгана выявляют такие полезные свойства, как легкая усвояемость организмом и сытность благодаря содержанию злаков. Он весьма полезен для организма, хотя не рекомендован тем, кто страдает от запора (Чульду, 2002: 6).

С приходом буддизма далган также использовался в различных обрядах и жертвоприношениях.

В заключение следует отметить, что технологии приготовления обоих блюд практически идентичны. При этом не стоит также забывать о том, что у продуктов есть иные аналоги, которые имеются у некоторых других кочевых и оседлых народов. Из приведенных выше примеров можно дать следующий сравнительный анализ.

1. В обоих случаях рецепт приготовления крайне прост и предусматривает смачивание имеющихся горстей муки в чашке чая с молоком или горячей воды.

2. Оба продукта были основой рациона кочевых народов. По крайней мере, до тех времен, пока в Туве не стала преобладать роль хлеба в пищевой составляющей.

3. Запасы данного продукта могли использовать для благотворительной раздачи бедным слоям населения.

4. Продукты не портились при длительном хранении и меньше боялись влаги.

5. Оба продукта полезны для организма благодаря содержанию злаков, его высокой энергетичности и легкой усвояемости и сытности.

6. Обрядовость продукта больше связана с влиянием буддизма.

Отличия заметны лишь в культовом значении продуктов. Для Тибета цзамба играет очень символическую роль, выступая как один из главных его достопримечательностей. Для Тувы же далган менее культовый и не может быть полностью использован как один из главных символов культуры. Также различается и состояние готового продукта. Тибетцы носят с собой цзамбу на все случаи жизни, в то время как тувинцы берут их лишь при необходимости, что объясняется частым использованием других продуктов питания для похлебки.

В любом случае схожесть и отличия представленных продуктов лишь поверхностны, так как оба они являются аналогами и их можно найти и у других народов.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Е.В. Айыжы

Список литературы

Ахметшин Н.Х. Тайны и мистификации Тибета. ООО Издательский дом «Вече», 2005. – № 5. – С. 4.

Куулар Ч.Г. Тыва чемнер белеткээри (способы приготовления тувинских блюд) // Энее сезу. – 2005. – № 5. – С. 4.

Кычанов Е.И., Мельниченко Б.И. История Тибета с древнейших времен до наших дней. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005.

Маннай-оол М. Х. История родного края. – Тува : Тувин. кн. изд-во, 1987.

Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. – М., 1957.

Чульдум К. Тыва далган (тувинский далган) // Шын (Правда). – 2002. – №16. – С.6.

**СЕМЬЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА ОСНОВЕ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ ПОЛЯРНОГО ОТРЯДА
ЭТНОЭКСПЕДИЦИИ «УРАЛ – 2012»)***

С 1 по 21 июля 2012 г. Полярным отрядом Этноэкспедиции «Урал – 2012» под руководством А.В. Головнёва проводились этносоциологические исследования в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа по теме «Этнокультурное наследие и идентичность». Одним из основных методов исследования был социологический опрос на основе анкеты «Идентичность и этнокультурное наследие». Опрос местных жителей проводился по анкете, включающей 74 вопроса и разделённой на три блока: «Культурное наследие», «Идентичность» и «Проблемы». В ходе анкетирования было опрошено 97 человек в возрасте от 14 до 87 лет, в т. ч. 73 женщины и 24 мужчины. Среди женщин было 27 ханты, 26 коми, 17 русских и 3 других национальностей. Среди мужчин было 6 ханты, 11 коми, 6 русских и 1 других национальностей. Возраст опрошенных варьировался от 14 до 87 лет. Большую часть респондентов составили жители с. Мужы, являющегося районным центром Шурышкарского района. Часть опрошенных проживает в посёлках Овгорт, Восяхово, Тильтим, Усть-Войкары, Питляр, Ямгорт, Шурышкары.

Анкета не содержит прямых вопросов о роли семьи в жизни опрошиваемых. Однако анализ ответов на вопросы, связанные с национальной идентичностью респондентов, их отношению к своей национальности, а также отношению к однонациональным и смешанным бракам, позволил выявить значительную роль семьи и родственных взаимоотношений в сохранении национальной идентичности русских, коми и ханты Шурышкарского района.

Во время анкетирования жители посёлков, несмотря на то, что они не говорили о своей национальности напрямую, тем не менее давали понять, что этот аспект их идентичности им небезразличен. При ответе на вопрос анкеты «Моя национальность для меня внутреннее чувство / предмет гордости / причина неудобств [выбрать из предложенных вариантов]» подавляющее большинство мнений разделилось между первыми двумя вариантами ответа, притом что на вопрос не ответили всего 9 респондентов из 97. Для 45 ответивших, среди которых 16 ханты (48,5%), 16 коми (34%), 11 русских (48%) и 2 человека других национальностей (50%), их национальность для них – внутреннее чувство. 48 респондентов, среди которых 18 ханты (54,5%), 19 коми (40,5%), 10 русских (43,5%) и 1 человек другой национальности (25%), считают свою национальность предметом гордости. И хотя в обществе существует стереотип о скромности ханты, а некоторые представители коми (как, например, старожил с. Мужы Иосиф Васильевич Артеев) считают зырян негордыми, так или иначе и ханты, и коми чувствуют своё отличие от других народов, в частности от русских, и стремятся (как будет видно из дальнейшего анализа анкет) его сохранить.

При поиске элемента, формирующего идентичность того или иного народа, важным оказался вопрос «Что объединяет человека с людьми его национальности?» Затруднились с ответом на этот вопрос 14 респондентов из 97. Около половины – 46 ответивших – считают, что таким связующим элементом является язык. Так ответили 15 респондентов-ханты (45,5%), 23 коми (49%), 6 русских (26%) и 2 человека других национальностей (50%). Очевидно, язык играет важную роль в самоидентификации человека. В связи с этим встаёт вопрос о сохранении национальных языков. Активнее всего эту проблему обсуждают представители коми. Молодёжь в основном считает изучение коми-языка бесперспектив-

* Работа выполнена при поддержке грантов «Этноэкспедиция “Культурное наследие Урала”» (РГНФ № 12-01-18089/12) и «Аудиовизуальные технологии в актуализации этнокультурного наследия» (госзадание Министерства образования и науки РФ по НИР УрФУ 2012 г.).

ным занятием, в то время как поколение родителей этих молодых людей видит в этом главное средство сохранения живой культуры коми. Например, Валерий Иванович Канев, глава администрации Восяхово, сказал, что в их школе изучают коми язык и хантыйский (единственная такая школа в районе). Однако дети учат коми язык по учебникам, написанным в Сыктывкаре. Сыктывкарский диалект отличается от зауральского, поэтому дети говорят не так, как их родители, и не знают специфических местных слов. Неоднозначно отношение к этой проблеме старшего поколения. Наиболее ярко это отношение к изучению родного языка выразил Иосиф Васильевич Артеев (83 года). С одной стороны, его удручает, что сейчас мало людей говорит по-зырянски. С другой стороны, он утверждает, что некоторые из молодых пробуют говорить на зырянском, но «до того это у них смешно получается, что лучше бы и не говорили». Значительно лучше обстоит дело с хантыйским языком. Сами ханты активно пользуются им в быту и прививают привычку говорить по-хантыйски детям. Кроме того, в районе выходит газета «Северная панорама», имеющая вкладку на хантыйском языке.

Домашняя, семейная среда является тем местом, где национальные традиции и верования постоянно поддерживаются в актуальном состоянии. В частности, участниками экспедиции было замечено, что интернатские дети знают определённые табу («женщине нельзя перешагивать через детские вещи») и ритуальные действия («когда весной в первый раз на реку выходишь, нужно голову речной водой смочить»), хотя и не могут дать им объяснения. В семейной среде формируются и специфические шутки, основанные на знании определённых табу (на Дне рыбака была рассказана история о том, как один мужчина прятал деньги от жены на чердаке, потому что женщинам нельзя залазить на чердак. В связи с этим жена просила соседа слезть на чердак и забрать оттуда деньги, спрятанные её мужем). Интерес вызывают ответы респондентов на вопросы об отношении к смешанным и однонациональным бракам.

Основным трендом ответов на вопросы «[Назовите] преимущества однонационального брака» и «Что влечёт за собой смешанный брак?» было положительное отношение к однонациональным бракам как к одному из средств сохранения национальной идентичности и негативное отношение к смешанным бракам как фактору размывания таковой. В ответе на оба вопроса затруднилось 19 респондентов. На вопрос о преимуществах однонациональных браков 29 респондентов из 97 ответили, что таким образом «сохраняется культура / язык / традиции». Среди давших такой ответ 10 ханты (30%), 9 коми (19%), 8 русских (35%) и 2 человека другой национальности (50%). На вопрос о том, что влечёт за собой смешанный брак, 16 респондентов (5 ханты (15%), 4 коми (8,5%) и 7 русских (30%)) ответили «непонимание» и ещё 16 респондентов (12 ханты (36%), 3 коми (6,4%) и 1 русский (4%)) ответили «потеря культуры / языка / традиций». Из ответов на этот вопрос можно заключить, что более всего опасаются за сохранность в неизменном виде своей культуры респонденты-ханты. С другой стороны, на вопрос «Смешанные браки дают хорошее потомство / связывают разные народы / разрушают народ [выбрать из предложенных вариантов]» 61 респондент ответил «связывают разные народы». Среди них 19 ханты (57,5%), 25 коми (53%), 15 русские (65%) и 2 человека другой национальности (50%). Следующим по популярности был ответ «дают хорошее потомство» – так ответили 34 респондента (11 ханты (33%), 14 коми (30%), 7 русских (30%) и 2 человека другой национальности (50%)). 20 респондентов считают, что смешанные браки разрушают народ (10 ханты (30%), 4 коми (8,5%), 5 русских (22%), 1 человек другой национальности (25%)). От ответа уклонилось только 8 респондентов. Таким образом, брак может выступать не только как способ сохранения национальной идентичности, но и как средство коммуникации между разными народами.

Научный руководитель: член-корр. РАН, проф. А.В. Головнёв

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ БИЗНЕС-СЕТИ: ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ ОПЫТ

Многие страны осознают экономическую выгоду от взаимодействия с зарубежными соотечественниками, в первую очередь от получения денежных переводов. Однако приток денежных переводов не единственный метод использования зарубежной диаспоры в качестве экономического инструмента. Опыт Республики Корея (РК) по созданию транснациональных этнических бизнес-сетей, рассмотренный в данной статье, демонстрирует иную модель экономического взаимодействия с диаспорой.

Корейская диаспора в мире. РК оценивает численность зарубежных корейцев в 7 млн чел., наиболее многочисленные корейские сообщества сформировались в КНР, США, Японии, странах СНГ (Брошюра Фонда зарубежных корейцев, 2010). И, согласно данным Института мировой экономики Петерсона, в 2003 г. финансовое состояние зарубежных корейцев было оценено в 120 млрд долл., что составило $\frac{1}{4}$ ВВП РК в 2003 г. (Им Че Ван, 2004).

Необходимо заметить, что в 1990-е гг. под влиянием общемировых тенденций РК пересмотрела свое отношение к зарубежным соотечественникам. Правительство президента Ким Ён Сама (1993–1998) провозгласило диаспоральную политику внешнеполитическим инструментом в условиях глобализации (Чве Ёнг, 2011: 106). А правительство президента Ким Дэ Чжуна (1998–2003) разработало диаспоральную стратегию для преодоления экономического кризиса как последствия глобализации (Чве Ёнг, 2011: 106–107).

Миграция и становление диаспоральной политики РК. Миграция из Корейского полуострова началась во второй половине XIX в., прежде всего в Китай и Россию, под воздействием тяжелых экономических и политических событий в стране. При президенте Пак Чон Хи (1963–1979) действовала политика отправки трудового населения для борьбы с высоким уровнем безработицы и перенасыщением местного рынка труда (Пак Мёнг Гванг, 2006: 32). Приблизительно в 1980-е гг. произошла смена характера миграции: вынужденная трудовая миграция сменилась миграцией для получения образования и расширения бизнеса (Музей миграционной истории РК, 2010: 17).

Активизация южнокорейской диаспоральной политики произошла в 1990-е гг., с того времени был учрежден Фонд зарубежных корейцев, принят закон о статусе зарубежных соотечественников, проведены исследования и разработаны основные направления по взаимодействию с диаспорой (Ким 2012: 86). РК налаживает связи, осуществляет поддержку культурной и образовательной деятельности национально-культурных организаций корейцев за рубежом, предоставляет упрощенный визовый режим и право трудовой деятельности в РК и проч. (Сайт зарубежных корейцев, 2012).

Создание транснациональных этнических бизнес сетей. Таким образом, политика по созданию транснациональных этнических бизнес сетей не является единственной стратегией правительства РК по взаимодействию с зарубежными соотечественниками. Однако именно эта политика заслуживает отдельного внимания.

Началом данной политики можно считать проведение первого Собрания мирового корейского бизнеса (World Korean Business Convention) при поддержке Торговой ассоциации зарубежных корейцев (Overseas Korean Trader's Association, ОКТА) в 1998 г. (Чве Ёнг, 2011: 113). В 2002 г. Собрание было переименовано в Собрания мирового корейского бизнеса Хансанг, и успешно проводится уже при поддержке Фонда зарубежных корейцев (Чве Ёнг, 2011: 113). С 2002 г. было проведено 10 ежегодных собраний, на которые приглашаются представители южнокорейского бизнеса (см. таблицу), а также представители международного бизнеса из числа зарубежных корейцев (Сайт Собрания мирового корейского бизнеса Хансанг, 2012).

Количество участников Собрания мирового корейского бизнеса Хансанг

	1-е 2002	2-е 2003	3-е 2004	4-е 2005	5-е 2006	6-е 2007	7-е 2008	8-е 2009	9-е 2010	10-е 2011
Граждане Республики Корея	116	326	669	820	1071	1847	2003	2315	2300	3008
Граждане других стран	852	937	937	697	1214	1146	1337	1190	975	1002
Итого	968	1263	1606	1517	2285	2993	3340	3505	3275	4010

Источник: Сайт Собрания мирового корейского бизнеса Хансанг <http://hansang.korean.net>

Из таблицы только по количеству участников можно судить об успешности данного мероприятия. В 2011 г. количество участников достигло рекордного уровня, а также было заключено свыше 4,6 тыс. контрактов на общую сумму 264 млн долл. (Сайт Собрания мирового корейского бизнеса Хансанг).

Подобные этнические бизнес-сети действуют на основе некоего этнического доверия, а также знания локального рынка и особенностей местного бизнеса. Это может быть рассмотрено в качестве ответа на политику отправки трудового населения из РК, которая осуществлялась в прошлом. Другими словами, создание транснациональных этнических бизнес-сетей также может рассматриваться как возмещение «утечки мозгов», имевшей место в прошлом, путем использования экономического потенциала зарубежных соотечественников для развития международной торговли и бизнеса.

Создание и развитие этнических бизнес-сетей – это выигрышная стратегия для обеих сторон, как для страны исхода, так и для принимающего мигрантов общества. По мнению исследователя Фуллилова, этнические бизнес-сети имеют ряд преимуществ:

1. Зарубежные соотечественники могут стимулировать двустороннюю торговлю между принимающим обществом и страной исхода.
2. Диаспора может мобилизовать другие денежные потоки, кроме денежных переводов и торговли (инвестиции, фонды и проч.).
3. Появляется возможность возвращения мигрантов в страну исхода с богатой базой иностранного образования («обратная утечка мозгов» как это происходит в Индии) (Фуллилов, 2008: 3435).

Таким образом, опыт РК в создании транснациональных бизнес-сетей демонстрирует, как диаспоральная политика страны может перейти от полемической стадии обсуждения проблем диаспоры к реальным практикам. А также это приводит к мысли об иной модели взаимодействия с зарубежными соотечественниками, отличной от патерналистского или прагматического отношения к диаспоре. Данная модель в большей мере иллюстрирует возможность паритетного взаимодействия страны исхода с диаспорой.

Научный руководитель: д.и.н., проф. И.В. Октябрьская

Список литературы

Брошюра Фонда зарубежных корейцев за 2010 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1283437318546&query=>

Им Че Ван. 2004. Чжевуханиёнгуэ чжунёсонква пангхянг (Значение и направления исследований зарубежных корейцев). // Зарубежные соотечественники. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dongprnews.net/news/articlePrint.html?idxno=2227>

Ким Е.В. Корейская диаспора и стратегии Республики Корея по взаимодействию с ней // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 2. – С. 83–86.

Пак Мёнг Гванг. Сэге какгукче чжевудонгпхочжонгчеге кочальквасисачжом (Наблюдение за текущими событиями диаспоральной политики по странам мира). Отчет о диаспоральной политике исследовательской группы по проблемам зарубежных корейцев при Национальной ассамблее // Материалы семинара Исследовательской группы по проблемам зарубежных корейцев при Национальной ассамблее. – Сеул, 2006. – 87 с.

Сайт Собрания мирового корейского бизнеса Хансанг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hansang.korean.net>

Сайт Фонда зарубежных корейцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=User&pageId=1328006198603&query

Хангук иминса пакмульгван (Музей миграционной истории Кореи) / ред. Пэ Чжун Хван. – Инчхон : Изд-во Музея миграционной истории Кореи, 2010. – 214 с.

Чве Ёнг. Хангукква чжунггук чжевудонгпхочжонгчек пигё (Сравнение диаспоральной политики Республики Корея и КНР: дис. ... канд. полит. наук. – Сеул. 2011. – 176 с.

Fullilove M. World Wide Webs. Diasporas and the international systems, Sydney: Lowy Institute Paper 22. Lowy Institute for International Policy. Double Bay, NSW : Longueville Medi, 2008. – 195 p.

А.А. Конгу

Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

РОДОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ ТУВИНЦЕВ КОБДОССКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Тувинцы – один из тюркоязычных народов России, проживает в Южной Сибири в Республике Тыва. Помимо России, этнические группы тувинцев расселены на территории Монголии и Китайской Народной Республики. В связи с этим изучение их родоплеменного состава на современном этапе является актуальным, так как может пролить свет на вопросы этногенеза и этнической истории не только тувинцев, но и других тюрко-монгольских народов Центральной Азии.

В данной статье автором предпринята попытка на основе имеющейся научной литературы и полевых наблюдений составить картину родоплеменного состава тувинцев Кобдосского аймака Монголии. Материалы собраны на основе полевых этнографических экспедиций в Кобдосский аймак Монголии в июле 2011 г. в рамках прохождения языковой стажировки в Международной летней школе изучения иностранных языков на базе Ховд их сургууль, организованной учебно-информационным центром Тувинского государственного университета; этнографической экспедиции в июле–августе 2012 г. в рамках учебной полевой практики студентов исторического факультета ТувГУ по специальности «Зарубежное регионоведение», организованной кафедрой всеобщей истории и археологии, руководитель – к.и.н., доцент Е.В. Айыжы.

На территории Монголии этнические группы тувинцев проживают в Кобдосском, Баян-Ульгийском и Хубсугульском аймаках. Так, в Кобдосском аймаке они сосредоточены в сумоне Буянт, где и велись наши полевые исследования.

Этнических тувинцев называют «мончак», а сами они называют себя «тува». Распространены и другие экзоэтнонимы. Так, М.В. Монгуш пишет: «Всех остальных тувинцев в Монголии чаще всего называют «урианхай», иногда «уйгур», но в последнее время намечается тенденция называть их «тува» (Монгуш, 1995: 31).

Перед тем как перейти к описанию родоплеменного состава кобдинских тувинцев, нам хотелось бы сначала дать пояснение некоторым терминам родства, и в первую очередь определить значение термина «родоплеменная группа», без раскрытия которого невозможно полное и правильное понимание изучаемой проблемы. На тувинский язык родоплеменная группа переводится как *«торел-аймак болуктер»*. Н.А. Сердобов, исследовавший родоплеменные группы в связи с изучением этногенеза тувинцев, писал: «В Туве, как и в некоторых других регионах Саяно-Алтайского нагорья, хорошо прослеживаются прежние этнические образования, условно именуемые родоплеменными группами. Под ними мы понимаем далеких потомков определенных родов и племен, унаследовавших в своих именах и фамилиях соответствующие этнонимы и осознающих, в той или иной степени, свою принадлежность к конкретным этническим общностям. Связующим, объединяющим фактором для членов таких групп является общность их происхождения (реальное или берущее свое начало еще в древней мифологии родство)» (Сердобов, 1971: 23, 1993: 68).

Имеется еще один термин, близкий к указанному. Интересен он архаичностью, устойчивостью в генетической памяти народа. Отражая иные, древние родовые отношения, этот термин демонстрирует удивительную способность трансформироваться от понятия степени родства родовой группы к понятию принадлежности к целому этносу, как понятие «национальность». Термин *«соок»* переводится как кость, костный, порода, качество. Заметим, при вопросе, какой он «кости», причем слово «торель», как правило, уже не употребляется, всегда получаем ответ: «я тувинец» (Биче-оол, 2001:191).

У тувинцев Кобдосского аймака до настоящего времени сохраняется деление на родовые группы и подгруппы. Так, по сравнению с титульным этносом, кобдинские тувинцы употребляют термин «соок» в значении «род» и называют ту родоплеменную группу, к которой он принадлежит. Так, при знакомстве очень важно уточнить принадлежность к роду. Вот пример, записанный нами на диктофон:

«- Экии! (Здравствуйте!)»

- Экии! (Здравствуйте!)»

- Адынарны кым дээр? (Как вас зовут?)»

-Мээн адым Монге (Меня зовут Монге)»

-Кандыг сооктуг силер? (К какому сеоку вы принадлежите/ Из какого вы сеока?)»

- Соогум чаг-тыва (Я из рода чаг-тыва).

Эти же вопросы были заданы респондентам в Республике Тыва. Так, в 2011 г. в Тес-Хемском районе Тувы при проведении анкетирования среди школьников мы получили следующие ответы (приводим пример ответов одного ученика):

«Фамилия – Соян, имя – Эрес, отчество – Кан-оолович.

Дата рождения – 21.10.1994.

Место рождения – село Самагалтай.

Соок – тувинец».

Таким образом, термин «соок» у тувинцев России уже не идентифицируется с принадлежностью к какой-либо отдельной родоплеменной группе. Данный термин заменен словом «фамилия», тогда как у кобдинских тувинцев «соок» отождествляется и принадлежностью к роду и в значении «национальность».

Теперь перейдем к составлению картины родоплеменного состава тувинцев. У нашего информатора Монге из рода Донгак, мы узнали следующее. Приводим его слова, записанные на диктофон: *«В Ховде каждый тувинец принадлежит к тому или иному сеоку. У нас есть сеоки: чаг-тыва, который делится на сарыг чаг-тыва и кара чаг-тыва, адай тыва, донгак. При этом сеок донгак называют тос донгак (девять донгаков), иргит (адай-иргит), хаалык.*

Когда-то чаг-тыва был одним большим родом. Потом два брата из этого рода между собой договорились о том, что один род надо разделить на два. Ты будешь главой рода сарыг чаг-тыва, а я буду главой кара чаг-тыва. Вот так они и разделились». Такие же сведения о родоплеменных группах тувинцев дали и другие наши информаторы.

Большинство сеоков кобдинских тувинцев дробится на несколько подразделений, обычно на 2, 3, 7, 9. Так, по словам наших информаторов сеок «хойук» состоит из 9 подразделений: *хаа-хойук, монгуш-хойук, казак-хойук, шанагаши-хойук* и т. п.; при этом они входят в группу «донгак», т.е. объединены с этим родом во главе. Информаторы сообщили, что этот род (группу) обычно именуют «тос донгак» (девять донгаков); сеок «иргит» из 4 – *адай иргит, чоот (чооду) иргит, калчан иргит, беглиг иргит*; сеок «чаг-тыва» и «соян» из 2 – *кара чаг-тыва и сарыг чаг-тыва; ак соян, кара соян*. Помимо указанных родов, мы также зафиксировали следующие этнонимы: *соян, чооду, чоод-иргит, сарыглар, шанагаши, хаалар*. Самыми многочисленными и главными являются следующие родоплеменные группы: чаг-тыва, донгак, адай иргит, хойук. Отметим, что этнонимы чаг-тыва и адай изучены Б.И. Татаринцевым (Татаринцев, 1995:102–116).

Интересно то, что подобный родоплеменной состав тувинцев нами был зафиксирован и у тувинцев Китая во время этнографической экспедиции в Синьцзянь-Уйгурский автономный район в сентябре-октябре 2012 г. По этому поводу М.В. Монгуш пишет: «Означает ли это, что земли Северо-Западной Монголии и Синьцзяня некогда являлись частью этнической территории тувинцев, где происходило формирование вышеупомянутых родоплеменных групп? По всей вероятности, этнографической науке еще предстоит ответить на этот вопрос» (Монгуш, 1995:38).

Таким образом, родоплеменной состав тувинцев Кобдосского аймака Монголии несколько различается от состава тувинцев России. В частности, у них встречаются названия таких родов, как *чаг-тыва, мончак, шанагаши, хойук (хойюк)*, этимология которых будет изучаться в дальнейшем.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.А. Никишенков

Список литературы

Биче-оол С.М. Система родства у тувинцев // Гуманитарные исследования в Туве: сб. науч. ст. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – С. 190–202.

Монгуш, М. В. 1995. Тувинцы в Китае: проблемы истории, языка и культуры // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. 1995.– Вып. 18. – С. 30–55.

Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. – Кызыл : Тув. кн. изд., 1971.

Сердобов Н.А. Современное расселение носителей тувинских этнонимов: [обследовано 24 449 семей в 1970] // Содействие. – 1993. – №17 (51). – С. 68.

Татаринцев Б.И. 1995. Два тувинских этнонима (адай, чаг-тыва) // Учен. зап. –1995. – Вып. 18. – С. 102–116.

Е.А. Коптяева

Омск, Омский государственный университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ В СРЕДЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ГОРОДА ОМСКА

Народная медицина является широко распространенной отраслью народных знаний. Люди стараются передать лечебные знания и традиции из поколения в поколение с максимальной степенью сохранности. Но даже в самом консервативном обществе традиции все же подвержены изменениям. Целью данной работы является исследование представлений о народной медицине среди молодежи города Омска (на примере студентов высших учебных заведений).

Для получения информации по данной теме было проведено анкетирование студентов омских вузов. Все респонденты были разделены на две группы: студенты Омской государственной медицинской академии (далее ОмГМА) и студенты с немедицинской специализацией. Каждая группа состояла из ста человек. Всем респондентам был предоставлен один и тот же список вопросов.

Вначале респондентам было предложено ответить на вопрос: «Что именно они понимают под словосочетанием «народная медицина»?»

Согласно научному определению, народная медицина – это часть альтернативной медицины, которая включает в себя знания о болезнях, методах и средствах лечения, которые передаются в народе из поколения в поколение.

Обобщенное мнение студентов ОмГМА, заключается в том, что народная медицина это методы лечения, основанные на ненаучном знании, передающемся из поколения в поколение. В качестве основных средств и методов называются следующие.

1. Использование средств растительного происхождения (отвары, полоскания, настойки).
2. Воздействие на психику больного (в т. ч. и самовнушение).
3. Методы с иррациональной основой (заговоры, ритуалы).

При анализе ответов на эти же вопросы студентов с немедицинской специализацией был сделан вывод о том, что народная медицина – древние знания, передающиеся из поколения в поколение, зачастую научно не обоснованные.

В качестве средств и методов были указаны:

1. Средства растительного происхождения.
2. Использование продуктов питания в качестве лечебных средств.

Студенты с немедицинской специализацией практически не упоминали об иррациональных средствах и методах лечения.

При этом стоит отметить такой момент, что, отвечая на вопрос об известных им методах и средствах народной медицины, и студенты ОмГМА, и студенты других омских вузов называли методы и средства, по большей части рационально обоснованные: использование лекарственных растений, отвлекающей терапии (припарки, горчичники), апитерапии (лечение продуктами пчеловодства). Но на вопрос: «Как называют человека, который лечит при помощи народной медицины?», ответы достаточно часто отражали либо иррациональные черты народной медицины: «бабушка», «ведунья», «шаман», «колдун», – либо пренебрежительное отношение к данной области знаний: «шарлатан».

Также был рассмотрен такой момент, как связь религии и народной медицины. Всем опрошенным необходимо было ответить на ряд вопросов, связанных с их религиозной принадлежностью и отношением религии, которой они придерживаются, к народной медицине.

При анализе ответов студентов-медиков была выявлена следующая картина.

По большей части бытует мнение, что использование средств и методов народной медицины не возбраняется их религией (61%). Чуть меньшее количество респондентов ответили, что не знают об отношении религии к использованию народной медицины (35%). И 4% респондентов ответили, что их религия запрещает обращение к народной медицине. При более глубоком рассмотрении данных выяснилось, что наибольшее количество опрошенных считают себя православными – 66% от общей массы опрошенных. Людей, указавших себя как атеистов или принадлежащих к «своей религии», оказалось по 13,5%. Меньше всего среди респондентов оказалось мусульман – 7%.

Если рассматривать вопрос отношения религии к народной медицине с учетом религиозной принадлежности опрашиваемых, то выясняется, что больше всего людей, считающих, что их религия одобряет (или не запрещает) использование методов народной медицины, среди тех, кто придерживается так называемой иной или же своей религии, – 75%, а 25% против (приводились такие аргументы, как «все, что избавляет от страданий, – благо»). Далее идут представители православной религии: 60% опрошенных считают, что их религия за использование методов и средств народной медицины, 35% не знают об

отношении церкви к народной медицине и лишь 5% считают, что церковь запрещает обращаться к народным целителям. Среди мусульман раскладка мнений такова: 50% считают, что их религией не возбраняется обращение к народной медицине, 50% не знают точного ответа.

Когда те же вопросы были заданы студентам с немедицинской специализацией, то были получены следующие ответы. Если не учитывать дробления на религиозную принадлежность, то в основной своей массе респонденты считают, что религия не запрещает обращения к народной медицине – 67%; 28% затруднились дать точный ответ. И только 5% считают, что религия осуждает использование методов народной медицины.

При более детальном рассмотрении, выяснилось, что опрошенных можно разделить на три группы: православные, атеисты, сторонники «иной» веры. Сторонники православной конфессии в большинстве своем считают, что религия одобряет использование средств и методов народной медицины (65%), 29% точно не знают, и 6% считают, что церковь категорически запрещает использование народной медицины. Респонденты, указавшие приверженность «иной» («своей») веры, по большей части тоже считают, что их религия и использование народной медицины не противоречат друг другу, – 47%. Но также есть ответившие на данный вопрос отрицательно (33%). 20% ответили, что не знают или же не задумывались над данным вопросом.

Чтобы выявить изменения, происходящие с представлениями о народной медицине, ответы полученные от студентов были сопоставлены с данными, полученными из источников литературы. С исламской точки зрения, вопросы жизни и смерти, в конечном счете, зависят от Аллаха. Ни один человек не способен даровать жизнь или отогнать смерть. Сегодняшние мусульмане имеют самые разные подходы к медицине и здравоохранению. Некоторые из них, особенно жители сельской местности, не имеющие доступа к современным медицинским учреждениям, полностью отвергают современную медицину. Большинство таких людей полагаются на молитву в сочетании с элементами народной медицины. Поэтому сегодня довольно часто встречаются народные целители, оперирующие такими средствами, как вода, лечебные травы, амулеты, масла, мед, а также чтение Корана. Противоположностью им являются мусульмане светских взглядов, которые мало знают Коран и его заповеди, столь же мало знакомы с высказываниями Пророка по медицинским вопросам, поэтому предпочитают полностью полагаться на современную медицину. Однако подавляющее число мусульман занимают место где-то посередине между этими двумя группами. Они верят, что молитва, обращение к Аллаху, чтение Корана, повторение зикра играют важную роль в излечении и процессе выздоровления, но это не мешает им признавать положительные стороны современной медицины.

Православная церковь также не осуждает обращение к методам народной медицины. Еще в конце XIX – начале XX в. священники часто выступали и в роли местных врачей-терапевтов, аккумулируя в себе как народные знания и наблюдения, так и достижения современной им медицинской науки, которые они пытались внедрить в практику народной медицины. Священники сами указывали на плохое состояние с медицинским обслуживанием в регионе, как об основном факторе развития народной медицины. Некоторые из них считали народно-медицинские знания явлением отсталым и вредным. Однако, по их словам, народные лечебные средства и приемы, основанные на опыте, были очень действенными (Волохина, 2007). Также респондентам необходимо было ответить на вопрос, сами они стали бы обращаться к методам народной медицины или нет.

Студенты Омской государственной медицинской академии в основной своей массе признают действенность методов народной медицины; 67% опрошенных либо уже обращались, либо не отрицают возможности немедицинского лечения; 33% категорически против. Ответы на тот же вопрос студентов с немедицинской специализацией показали абсолютно такой же расклад: 67% считают обращение к народной медицине возможным для себя, 33% приемлют помощь лишь классической медицины.

Таким образом, несмотря на различное отношение к народной медицине в каких-то конкретных вопросах, к примеру, о взаимосвязи народной медицины и религии, в целом студенты как медицинской, так и немедицинской специализации сходятся во мнении относительно полезности и действенности народной медицины. И большая часть признает полезность и практическую значимость этой отрасли народного знания.

Научный руководитель: к.и.н., доц. И.В. Чернова

Список литературы

Волохина И.В. Государство, церковь и развитие медицины в Западной Сибири XIX – начала XX вв. (по материалам ГАОО и периодики) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX вв. : межрегион. науч. конф. – Новосибирск, 2007. [Электрон. документ]. Режим доступа: http://hum.sbras.ru/25_26_09_15.htm

Омер Ибрахим. Религиозные убеждения формируют отношение к вопросам здоровья // Ислам для всех. 17.08.2011. Режим доступа: <http://islam.com.ua/articles/today/health/762/?pid=13>

О.А. Кудрявцева

Магадан, Северо-Восточный государственный университет

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ЧУКЧЕЙ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В данной работе проводится исследование погребальных обрядов чукчей, их характерные черты, традиции, а также изменение традиций со временем, трансформации и появление новаций. В соответствии со сложившимися представлениями о жизни после смерти и в зависимости от специфических экологических и социальных условий у чукчей сложились следующие виды захоронения: трупосожжение и оставление тела на земле.

Погребение поверхностное, на земле, осуществлялось таким образом: по прибытии на место, избранное покойником, выбирают ровную площадку и, отмерив на ней участок, соответствующий размерам человеческого тела, окружают его камнями, образуя вытянутый овал (Богораз, 1934: 179).

При сжигании трупа совершались такие же обряды, что и при выносе в тундру. Различие было лишь в том, что перед сжиганием вынимались внутренности, надрезались все сухожилия, чтобы при сжигании тело не шевелилось, что считалось плохим знаком. С тела не снимали ни одежду, ни ремни. Покойника клали сверху на костер и закрывали дровами. Несгоревшие части тела зарывали в горячую золу от костра (Богораз, 1934: 182).

До тех пор пока на костер не положат тело покойника, считается, что злой дух – «келе» – может проникнуть в костер и помешать погребению. Костровище оберегают сначала две женщины с травяными повязками на рукавах и на поясе – люди-вороны. Любой человек, ставший на это место, становится вороном и защищает его от духов. Он должен оставаться на месте и издавать звуки, которые издают вороны. Тогда для келе он будет только птицей, а не человеком. Если через несколько дней после похорон появлялось северное сияние, то считалось, что душа умершего ушла в другой мир (Гурвич, 1980: 149).

Перед самым погребением совершался ряд действий. Обряд начинался с одевания тела в смертную одежду, которая по обычаю заготавливалась заранее, в особенности для стариков. После смерти с умершего снимали всю одежду, включая ожерелья и амулеты. Затем покойника клали во внутренний полог. Подстилкой и покрывалом для него служили две шкуры. Считалось неприличным показывать тело умершего «дневному свету», поэтому его укрывали, в особенности лицо и гениталии (Богораз, 1934: 185).

Похоронный обряд совершался на следующий день после смерти. Утром, в день похорон, оленеводы убивают двух оленей. Перед входом в шатер разводят небольшой костер,

которому приносят обычные жертвы. После этого две, три или четыре пары ближайших родственников умершего входят во внутренний полог и приступают к одеванию покойника. Эти родственники называются «проводятые». Еду, которая предназначена покойнику, складывают на шкуре, прикрывающей тело. На шкуре, около рта умершего, делают отверстие и просовывают туда кусочки мяса и жира для того, чтобы покойник получил свою долю пищи (Богораз, 1934: 186).

Как уже было сказано выше, обряд начинался с одевания тела в погребальную одежду. Все женщины, которые принадлежат семье умершего, должны как можно быстрее кроить и шить эту одежду. В редких случаях и случаях крайней необходимости для одежды покойника могли использовать новые неношенные вещи из семейного запаса.

При выборе шкур для одежды покойника отдается предпочтение белым шкурам как для мужской, так и для женской одежды. Подошвы обуви должны быть сделаны из шкуры лахтакка. Считалось, что обувь не должна быть сделана из оленьего камуса, так как олений камус не годится для ходьбы в стране мертвых. Женщинам голову прикрывали капюшоном кухлянки. К мужской меховой рубахе пришивали капюшон, чулки и нижние штаны часто не надевали. Шкуры, употребляемые для одежды покойника, не должны быть окрашены ольхой. Одежду шьют нитками из нечерненных сухожилий. Погребальная одежда у чукчей раскладывалась на шкуре, покрывающей тело покойника. К одежде для мужчины добавляли нож в новых ножнах, копье, лук со стрелами, точильный камень в кожаном футляре, трубку и кисет с табаком, чашку или миску и три маленьких мешка для провизии. Для женщины вместо копья и лука кладут скребок и рабочий мешок с иголками и наперстками (Богораз, 1934: 181). Помимо оставленных принадлежавших покойнику вещей, закалывали тех оленей, на которых он ездил (Вдовин, 1965: 225). С убитых оленей снимают упряжь. Возле тела разбрасывают по земле кусочки сала, начиненных кишок, принесенных специально для этих целей.

Около тела кладут самые необходимые вещи. Среди предметов личного употребления, указанных выше, интересно отметить, что покойнику часто оставляют маленькое деревянное изображение байдары. Байдара может послужить мертвецу в той части дороги, которую приходится совершать по воде. Нарту и упряжь ломают и режут (освобождая душу вещей), складывая в общую кучу. Трупы оленей оставляют на могиле. На некотором расстоянии от головы покойника кладут две связки рогов, по одной с каждой стороны (Вдовин, 1965: 227).

Современные похороны в сельской местности представляют собой смешение прошлых традиций и новаций. Так же, как в былые годы, в доме умершего в первый день собираются родственники, знакомые, близкие. Женщины некоторое время громко оплакивают покойного, потом все садятся пить чай, кушать. Пищу приносят с собой те, кто идет на «встречу» с умершим. Во время употребления пищи все должны быть веселыми, оживленными, вспоминать только о хорошем, чтобы покойник слышал все и рассказал об этом всем родственникам, ушедшим к «верхним людям».

В былые времена шаманы «беседовали» с умершим, определяя, что произойдет в то или иное время. В наши дни таких «бесед» не бывает, но остальные традиции исполняются. Обычай оставлять с покойником его любимые вещи существует у многих северных народов. Отправляя умершего к «верхним людям», живые оставляли с ним все то, что, по их мнению, пригодится ему в иной жизни. Прежде это были ножи, поделки из моржового клыка, теперь – современная бытовая техника. Нередко у посетителей современных кладбищ в городах и селах Чукотки вызывает удивление то, что на могилах умерших коренных жителей можно увидеть сломанный радиоприемник, магнитофон или фотоаппарат. А с некоторых пор – и части от старых компьютеров (http://www.ng.ru/ngregions/2006-03-20/15_chukchi.html).

Погребальные обряды народов северо-востока являются недостаточно изученными. При анализе собранных материалов предоставляется возможность проследить динамику развития погребальных обрядов от древности до наших дней.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.А. Орехов

Список литературы

http://www.ng.ru/ngregions/2006-03-20/15_chukchi.html

Богораз В.Г. Краткий отчет об исследовании чукоч колымского края // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. – 1899. – Т. 30. – № 1. – С. 1–51.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М. : Наука, 1991.

Богораз В.Г. Чукчи. Религия. – Л. : Изд-во ин-та народов севера ЦИК СССР, 1934. – С. 175–194.

Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М ; Л. : Наука, 1965. – С. 220–230.

Гурвич И.С. Семейная обрядность народов Сибири. – М. : Наука, 1980. – С. 147–152.

Никольский Д.П. О чукчах Колымского округа. Оригинальная версия // Оттиски из «Русского Антропологического Журнала». – 1900. – № 2.

В.С. Кучеренко

*Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

«ЛЕГЕНДА О КУАНЬ-ЮНЕ»: ФОЛЬКЛОРНЫЙ ИСТОЧНИК В ЭТНОГРАФИИ

Работа посвящена анализу «Легенды о Куань-Юне» – самого объемного и содержательного из известных исторических преданий Приморья. Легенда зафиксирована в XIX–XX вв. в Приморье, Приамурье, Маньчжурии и Китае среди маньчжуров, удэгейцев, нанайцев и китайцев. Основу сюжета в наиболее полных вариантах предания составляет описание военного конфликта правителя Нингуты Цзинь-я-тайцзы с князем Сучана Куань-Юном, завершившегося гибелью последнего и переходом его земель под контроль соседней Маньчжурии (Арсеньев, 1947: 286–294). Легенда представляет большой интерес как источник для изучения культуры и этнической истории населения региона в период 2-й пол. XII в. по XVII в., слабо отраженный в письменных источниках.

Хотя ключевые проблемы анализа предания, связанные с его происхождением (авторство, время, место и условия возникновения), не имеют пока убедительного решения, текст легенды неоднократно рассматривался исследователями в контексте этнической истории и этнографии региона.

В решении проблемы происхождения предания ключевое место занимает выявление соотношения записей и текста, наиболее близкого к первоначальному, т. е. к гипотетическому первоисточнику. Известные нам версии «Легенды о Куань-Юне» представляют небольшую часть некогда бытовавшей генеалогии версий. Нами были проанализированы записи легенды: фрагментарная запись П. Кафарова (Арсеньев, 2005: 119), В.А. Альфтана (Альфтан, 1896: 32–40), три версии легенды в записи В.К. Арсеньева – «Легенда о Куа Юне», 1906 г., «Легенда о Куаюне», 1907 г. и недатированная «Легенда о Куань-Юне» (Березницкий, 1993: 439; Арсеньев, 1947: 305–308; Арсеньев–1907: 83–87), опубликованный и архивный тексты «О Сагди Коюне» А.Ф. Старцева (Старцев, 1974: 80–85; Старцев, 2007: 10–25), «Коюнь» В.В. Подмаскина (Подмаскин, Киреева, 2010: 32). Учитывались данные о двух утраченных версиях (С.Н. Браиловского, А.Ф. Старцева). Таким образом, известно 8 сохранившихся версий, 2 утраченных.

Первый этап анализа включает в себя разделение версий на основании времени, места записи и этноса-носителя. По совокупности внешних признаков можно судить о хронологическом соотношении вариантов. Отчетливо выделяются поздние варианты 1970-х гг. («О Сагди Коюне», «Коюнь») и ранние – тексты Кафарова, Арсеньева, Альфтана, датируемые рубежом XIX–XX вв. Сведения о кафаровском варианте не позволяют выяснить его место среди комплекса версий. Остальные версии разделены нами на маньчжурские, включающие тексты Арсеньева, и приморские, или удэгейские, включающие остальные известные версии.

Разделение проводилось по нескольким критериям: этносу-носителю, территории, заявленной авторами записей в качестве первоначального ареала её распространения, а также упоминанию в тексте территории, где якобы происходили события легенды. Хотя наиболее ранние тексты обоих типов близки по месту и времени записи, обстоятельства их фиксации позволяют сделать вывод о существенных различиях между ними. Так, сведения, полученные Арсеньевым, позволяют судить о бытовании легенды на территории Маньчжурии в сер. XIX в., а также о существовании письменного первоисточника предания. Следует заметить, что эти данные относятся только к версиям Арсеньева. Эти обстоятельства, а также тот факт, что маньчжуры – единственный народ, когда-либо живший на всей территории бытования легенды, позволяют сделать вывод о заимствовании легенды о Куань-Юне из маньчжурской традиции и, соответственно, генетической преемственности приморских вариантов по отношению к маньчжурским. Такое разделение помогает избежать двусмысленности в вопросе происхождения легенды, возникающей в результате классификации вариантов на «аборигенные» и «маньчжурские», или «китайские».

Это предположение находит подтверждение при разборе сюжета и реалий легенды. Различия между маньчжурскими и удэгейскими вариантами соответствуют закономерностям, характерным для фольклорных текстов при переходе в иную культурную среду (Аникин, 1984: 107–108) с более низким уровнем развития хозяйства. Как показало сопоставление эпизодов сюжета маньчжурских вариантов с удэгейскими, первые содержат больше эпизодов; в них подробно описаны действия героев, объекты и т. п. Удэгейские варианты объединяют легенды-вставки, акцент на местные события и особенности стиля. При сравнительном изучении сюжетов в них обнаруживаются упрощения, сокращения, перестановка эпизодов и персонажей.

Одним из важнейших показателей близости версий к гипотетическому первоисточнику выступает степень сохранности упоминаний объектов и топонимов. Наибольшую сохранность топонимов и указаний на объекты демонстрируют арсеньевские варианты, сохранившие также этимологию имен и названий. Альфтанский вариант демонстрирует большую сохранность, чем более поздние старцевские версии. Итак, маньчжурские варианты В.К. Арсеньева отличаются от остальных по объему, стилю, сюжету, реалиям. Полнота и логичность сюжета и описаний позволяют считать их вариантами, максимально сохраняющими первоначальный вид легенды о Куань-Юне. Таким образом, можно предполагать маньчжурское происхождение легенды.

Особую проблему представляет датировка легенды. Время возникновения предания исследователи оценивали по-разному – между чжурчжэньским временем и XIX в. Гипотезы датировки легенды чжурчжэньским временем, предложенные В.Е. Ларичевым (Ларичев, 1966: 20–36, 219–220) и А.Ф. Старцевым (Старцев, 2007: 10–28, 70, 74–78), опираются на аналогии, выбранные из различных записей и не образующие цельного сюжета. Более перспективной представляется гипотеза, согласно которой легенда основана на реальных событиях, предшествовавших запустению края. Это предположение, высказанное ещё В.К. Арсеньевым (Арсеньев, 1947: 289–290), было уточнено А.Л. Мезенцевым (Мезенцев, 2004: 30–33). Проанализировав реалии арсеньевского варианта, он пришёл к выводу о возникновении легенды в конце XIV – XV вв.

В качестве наиболее вероятного времени создания легенды можно назвать XIV–XV вв. (для маньчжурских версий). Арсеньевский вариант признан нами основным текстом предания. Концом XIX в. можно датировать появление удэгейских версий. В то же время версии происхождения легенды разработаны недостаточно, ни одна из них не получила полного подтверждения. Перспективы дальнейшего изучения «Легенды о Куань-Юне» связаны с выработкой приемлемой версии происхождения легенды, определения места этого источника в истории народов региона.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.Ф. Старцев

Список литературы

Альфтан В.А. Общий очерк движения 5 охотничьих команд 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 г. // Труды ПОИРГО за 1895 г. – Хабаровск, 1896. – С. 32–40.

Аникин В.А. Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов. – М., 1984.

Арсеньев В.К. 1907. Путевой дневник № 4. Маршрут 1907 г. от бухты Рында по побережью моря до р. Нантоху, затем обратно до Кусуна и по этой последней через Сихотэ-Алинь на р. Бикин) // Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 83–87.

Арсеньев В.К. Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии // Соч. – Т. 4. – Владивосток, 1947. – С. 286–294.

Арсеньев В.К. По следам легенд // В глубь веков. История южного Приморья / сост. Д.В. Усатая, С.В. Кабелев, И.А. Сакай, Р.А. Подобедов. – Находка, 2005. – С. 106–114.

Березницкий С.В. Фольклорные тексты. Легенда о Куа Юне // Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. – Владивосток, 2003.

Ларичев В.Е. Тайна каменной черепахи. Документальная повесть об одном археологическом поиске. – М., 1966.

Мезенцев А.Л. Куань-Юн – легендарная реальность? // Уссурийский краеведческий вестник. Статьи и очерки. – Уссурийск, 2004. – Вып. № 3. – С. 10–33.

Подмаскин В.В., Киреева И.В. Коюнь // Удэгейские мифы, легенды, сказки. – Владивосток, 2010. – С. 32.

Старцев А.Ф. 1974. Материальная культура удэгейцев (середина XIX – 70-е гг. XX в.). Научный отчет за 1974 г. Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН // Ф.13. Оп. 1. Д. 45. Л. 80 – 85.

Старцев А.Ф. «Наследник» Золотой империи. – Владивосток, 2007.

Е.М. Лаврищук

Магадан, Северо-Восточный государственный университет

«ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ» В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБЯДНОСТИ ОМОЛОНСКИХ ЭВЕНОВ

Представления о едином верховном божестве у эвенов не определены и во многом связаны с христианскими представлениями. Они считают, что верховное божество когда-то создало мир и более не вмешивается в его судьбу. Не имеют они понятия и о конце мира. Мир по представлениям эвенов состоит из трех сфер: верхний – мир божественных существ, представления о нем также определены, так как сведений очень мало; средний – мир живых людей; и нижний – мир мертвых. По сравнению с миром живых людей в мире мертвых иное время года, умершие там занимаются тем же, чем они занимались в мире живых, не зная горя и страданий. По представлению эвенов, душа умершего может через некоторое время вернуться в средний мир в виде новорожденного младенца, члена той семьи, в которой недавно умер человек. При выборе имени младенцу существовал особый обряд определения, кто же из умерших родственников вернулся в данную семью (Бурыкин, 1992).

В прошлом у эвенов существовало два способа погребения – воздушный и наземный. Омолонские эвены о воздушном способе помнят частично, а наземный способ сохранился до наших дней. Хоронят покойника на третий день после смерти. Все эти три дня готовятся к погребальному обряду, одевают и шьют одежду только родственники. По представлениям эвенов, хоронить человека обязательно нужно было в специально изготовленной для этого нарядной одежде. Раньше погребальную одежду заранее не готовили. Она должна была быть сшита уже после смерти человека. В настоящее время специальную погребальную одежду имеют немногие старики. Чаще всего вместо погребальной одежды используют

обычный национальный костюм. Если чего-то не хватает из традиционной одежды, например торбаса, нагрудника, то родственники стараются дополнить последний наряд умершего. Все веревочки на торбасах, кукашке, седле завязывают крепко на узел и отрезают, чтоб не было лишнего. Делается это для того, чтобы, когда покойник будет идти на тот свет, его не смогли поймать, чтобы он дошел благополучно до места. Если их не отрезать, то его могут схватить за лишнюю веревку и не отпустить. На кукашке умершей женщины орнамент из бисера, если он широкий, отрезают половину. Много бисера на одежде покойного быть не должно, ибо на том свете он весь станет камнем и покойник не сможет двигаться и сесть на оленя. На торбасах и рукавицах делают на кончиках дырочки, чтобы покойник никого не забрал. Если дырочек нет, то он может забрать кого-нибудь из своей семьи.

Покойника, одетого в погребальную одежду, выносили не через дверь яранги (уркэ), а с той стороны, где лежал и болел покойник. Через дверь яранги выносить было нельзя, считалось большим грехом, так как через дверь должны входить или выходить только живые. Гроб проносили один или два раза по ходу солнца вокруг могилы умершего и опускали его на веревках.

Обязательным был обряд умерщвления оленей, покойницам обычно забивают три оленя, покойникам – два. Молодого оленя забивали на похороны, чтобы кормить костер и подать на стол. Обряд кормления костра. Эвены считают, что пищу за покойника «принимал» огонь очага. Для кормления костра мелко нарезают мясо, забитого оленя и ягель. Кормят костер из посуды покойника. Кровь не едят, обмазывают ею халтай и крест. Сооружения халтай – жилища для жизни покойника в мире мертвых. Строили из трех-четырех тонких жердей в виде неправильной треугольной пирамиды, напоминающей остов тунгусского чума. Кроме халтай, обязательным было также сооружение биркэн – специальной площадки для имущества покойника (лабаз). Ее устраивали на сучьях деревьев или на специальной треноге из жердей. Сюда укладывали седла, вьючные сумы с вещами, которые предварительно приводили в негодность. Там же помещалась оленья голова с рогами, косточки, шкуры (Тураев, 1997).

На крышке гроба делают небольшую дырочку в районе груди покойника, чтобы душа спокойно ушла в мир иной. Если дырочки не будет, то его душа выйти не сможет. На макушке креста вырезают деревянную птичку, которая символизирует покойника.

После похорон, придя домой, родственники покойника завязывают жилку с тремя бисеринками рабочим, которые помогали на похоронах. Это делается для того, чтоб у них не болели руки. Ее нужно было носить, пока не упадет сама. Сегодня надевают жилку с бисеринками все, даже сами родственники.

Поминают покойника дома – на девятый и сороковой дни после похорон. Считается, что через сорок дней дух покойника начинает ходить где-то поблизости, после сорокового дня может уйти дальше. Посещают могилу умершего только через три года, когда приезжают, пьют чай, «кормят» костер, уезжают и больше не возвращаются. За три года покойник должен успеть побывать в тех местах, где он был, и собрать разбросанные им волосы и ногти, чтоб успеть уйти с земли. Поэтому при жизни волосы и ногти эвены сжигают.

Современное кладбище в селе Омолон несет на себе отпечаток традиции не только эвенов, но и других национальностей коренных малочисленных народов Севера. К сожалению, погребальный обряд на сегодняшний день утрачивает свою значимость среди молодого поколения эвенов.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.А. Орехов

Список литературы

Бурыкин А.А. Религиозные верования эвенов и христианство // История и культура эвенов. – Магадан : Кн. изд-во, 1992. – С. 11–13.

Тураев В.А. (отв. редактор) История и культура эвенов. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – С. 115–117.

К ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА У ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТРОГЛИФОВ)

Костюм – это важнейший элемент материальной и духовной культуры общества. Понятия «одежда» и «костюм» во многом сходны, но имеют существенные отличия. Одежда включает в себя различные виды изделий: платье, обувь, головные уборы, украшения. Предметы одежды, связанные единством назначения и использования человеком, дополненные аксессуарами, причёской и т. д., составляют костюм. Костюм в древности был рассчитан на массовое восприятие и был сложной знаковой системой.

Особенно важное значение для реконструкции древнего и средневекового костюма имеют наскальные рисунки. «В тени» остается разработка вопросов, связанных с внешним обликом женщин, отраженных в петроглифах. В настоящей работе мы ограничимся материалами с памятников наскального искусства Минусинской котловины, Тувы и Алтая. Анализ наскальных сцен этого ареала позволяет проследить историю развития женского костюма по меньшей мере от эпохи энеолита до современности.

Один из наиболее загадочных персонажей, относимых большинством исследователей к эпохе энеолита и трактуемых как изображения женщин – так называемые решетчатые фигуры, известные главным образом на памятнике Калбак-Таш (Алтай) (Кубарев, 2002: 17). Аналогии имеют место среди петроглифов Чулуута (Сев. Монголия) (Новгородова, 1984: 48). Изображения объединяются устойчиво повторяющимися деталями: «бахрома» по краям туловища, ряд вертикальных параллельных линий в нижней части, иногда пятиугольная фигура, заполненная «ёлочкой» (в верхней части), ниже уровня пояса – треугольник, пересечённый вертикальной чёрточкой (знак пола?). Голова или отсутствует, или передана в виде простого выступа. Рук нет, или они показаны раскинутыми в позе адорации. Э.А. Новгородова все антропоморфные фигуры из Чулуута (в т. ч. и наиболее близкие к калбак-ташским) отнесла к изображениям матерей-прародительниц (Новгородова, 1984: 89). По мнению же Д.Г. Савинова, «решетчатые» фигуры, представляющие собой изображения каких-то мифологических (или реально существовавших) культовых построек в виде ступенчатых и конических «чумообразных» сооружений, связанных функционально с образом женщины (оформлены в виде женской фигуры), – это «женщина-дом» (Савино, 2012: 209).

Тем не менее такие элементы «решетчатых фигур», как «бахрома», широкая юбка (полосатая или клетчатая), ряд вертикальных линий, напоминающих ленты, можно отнести к элементам одежды ритуального назначения.

Эпохой бронзы датируются сцены с женскими персонажами в парадных ритуальных одеяниях, вероятно, священных лоскутных, в головных уборах в виде бычьих рогов со свисающими с них лентами-чалама, в колоколовидных или подквадратных юбках, они представлены в молитвенной позе и изображены на скалах Бижигтик-Хая (Тува). Элементы одежды здесь тщательно проработаны. Горизонтальные и вертикальные линии внутриконтурного заполнения фигур образуют узор в виде клеток. Женщины держат в руках атрибуты, напоминающие змеиные тела, или ведут на привязи быков (Дэвлет, 2012: 3).

Особое место занимает *окуневское искусство*, в котором образ женского божества является одним из центральных. Гравировки на стенках каменных погребальных ящиков кургана Разлив X реалистично демонстрируют одежду окуневских женщин. Ю.Н. Есин отмечает, что у окуневских женщин были популярны длинные распущенные волосы, (в одном случае закрытые особым платком), серьги из нескольких бронзовых колец, наряжались они в длинные платья (Есин, 2010: 47). По всей видимости, повседневной причёской был «пучок» на затылке, для участия в погребальном обряде волосы распускались. Одежда была раз-

нообразна – широкие шубы и узкие, подчёркивающие фигуру, платья. Одежда украшалась вышивкой или аппликацией. Иногда можно выявить и головные уборы: помимо платка, у одной из женских фигур показана шляпа, напоминающая берет.

Материалы *раннего железного века* практически не дают информации об одежде, в т. ч. и женской. Среди таштыкских рисунков можно отметить серию изображений, представляющих собой своеобразные «процессии» из междуречья Июсов, где показаны стройные женские (?) персонажи в длинных одеждах и изящных головных уборах (Рыбаков, 2011: 100). Среди изображений *эпохи средневековья* некоторыми авторами выделяется образ богини Умай (могильник Кудыргэ) (Руденко, Глухов, 1927: 51, рис.18). Они полагают, что это женское божество изображалось в «трехрогом» головном уборе. В последнее время эта версия подвергнута критике, поскольку в таких уборах изображались как женщины, так и мужчины (Худяков, 2010: 93103). Среди петроглифов Сыын-Чурека (Тува) описан сюжет «умыкания невесты», где представлена фигура женщины в длинном платье (Вайнштейн, 1975: 204). У нее стройное тело и высокая причёска. Еще один сюжет назван в литературе «принцессы в экипажах», он выделен по монгольским петроглифам (Новгородова, 1984: 115, рис. 52), но аналогичные экипажи зафиксированы и в Минусинской котловине на Улазах (Мухарева, Советова, 2011: 69, рис. II). Внутри двухколесного экипажа показаны фигуры пассажира (?) со своеобразной причёской на голове или в высоком головном уборе, остальное остается «за кадром».

Большее разнообразие одежды представлено в *народных рисунках* хакасов, алтайцев, тувинцев. В них женские персонажи переданы в национальной одежде, украшениях, иногда в обуви на каблуках (Пяткин и др., 1995, табл. 5, рис. XIX). Порой одежды показаны с детально проработанными узорами. Среди тувинских рисунков Ортаа-Саргола изображены женщины с причёсками, в основном с разнообразными косами, со сложными высокими головными уборами (Дэвлет, 2012: 30, рис. XI). Реально сохранившаяся тувинская одежда и тем более сведения о причёсках немногочисленны, поэтому наскальные изображения XVII – начала XX в. приобретают характер первоисточника (Дэвлет, 2012: 31). Иногда рисунки дают возможность определить статус женщины. Например, у хакасов возраст и общественное положение женщин подчеркнуты двумя косами, поскольку две косы носили у них только взрослые замужние женщины (Кызласов, Леонтьев, 1980: 73).

Таким образом, женский костюм является важным историко-культурным источником, даёт ценнейшие (часто – незаменимые) сведения о статусе, общественной роли, а также об отношении к женщине в разные исторические эпохи.

Научный руководитель: д.и.н., проф. О.С. Советова

Список литературы

Вайнштейн С.И., Денисова Н.П. Новые материалы по археологии и этнографии Тувы // Полевые исследования института этнографии 1974 года. – М. : Наука, 1975. – С. 196–205.

Дэвлет М.А. Человек и его место в системе мироздания (по материалам петроглифов бассейна Верхнего Енисея) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии: Тр. САИПИ. – Вып. 9. – М. ; Кемерово, 2012. – С. 3–34.

Есин Ю.Н. Тайны богов древней степи. – Абакан : ХакНИИЯЛИ, 2010.

Кубарев В.Д. Наскальное искусство Алтая. – Новосибирск ; Горно-Алтайск, 2002.

Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. – М. : Наука, 1980.

Мухарева А.Н., Советова О.С. О некоторых сюжетах петроглифов горы Большой Улаз на Среднем Енисее // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии: Тр. САИПИ. – Вып. 9. – М. ; Кемерово, 2011. – С. 67–75.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М. : Наука, 1984.

Пяткин Б.Н., Советова О.С., Миклашевич Е.А. Петроглифы Оглахты-V (публикация кол-лекции) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С. 86–108.

Руденко С., Глухов И. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. – 1927. – Т. 3, вып. 2 – С. 37–52.
Рыбаков Н.И. Отдельная манихейская миссия на Ююсы // Наскальное искусство в современном обществе : материалы междунар. науч. конф. – Т. 2. – Кемерово, 2011. – С. 100–109.

Савинов Д.Г. «Женщина-дом – архетипический образ в искусстве первых скотоводов Южной Сибири // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. – Томск, 2012. – С. 206–215.

Худяков Ю.С. Об изображениях божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2010. – № 3 (15). – С. 93–103.

А.А. Лонаева

Магадан, Северо-Восточный государственный университет

СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТА КОЛМЫСКИХ ЭВЕНОВ

В данной работе вводятся в оборот новые материалы о семантике орнамента колымских эвенов, полученные в результате опроса коренного населения Магаданской области.

Орнамент эвенской одежды – составная часть традиционного костюма. По нему можно определить, кем изготовлена вещь, в нём отражаются художественные способности каждой мастерицы.

Орнамент эвенов не имеет таких территориальных отличий, как, например, эвенкийский, он более однообразен и более выдержан по колориту. Орнаментальные мотивы отличаются простотой и строго геометрическим характером: квадраты, прямоугольники, треугольники, ромбы. Изображения животных как составной части узоров не встречаются. В композиционном отношении орнамент разнообразен, но не сложен (Иванов, 1954: 253–254).

Среди технических приемов орнамента эвенов имеются также характерные для коряков и чукчей вышивка разноцветными сухожильными нитками и орнамент из переплетенных цветных ремешков.

Цветовая гамма орнаментов довольно устойчива, но не неизменна. Традиционные цвета эвенского шитья бисером – белый, голубой, черный, в небольшом количестве красный. Поле, на котором обычно размещается орнамент, обычно голубое или черное, реже белое; линии, образующие элементы орнамента, черные или белые, красный бисер чаще всего используется только для вставок в центре отдельных элементов композиции.

В эвенском орнаменте проявляется архаичный синкретизм средств выражения человеческих мыслей и чувств. При этом наблюдается действительное многообразие семантических форм орнаментальных изображений. Это искусство служит практически универсальным языком описания явлений действительности. Вопрос изобразительности в орнаменте также не менее важен, поскольку является моторным отражением действительности. Геометрические преобразования, обобщения и стилизация реальных объектов являются способом художественного осмысления окружающего мира (Петрова, 1999: 15–16).

Некоторые из элементов орнамента, как известно, имеют реальное смысловое значение и информационное содержание: например чередование темных и светлых полосок может означать изображение следов, а треугольнички – сопки. Семантика элементов орнамента может быть неоднозначной. У эвенов по информационному содержанию рисунка бисерного корсажа на торбасах можно узнать даже о жизненном пути их обладателя, семейном положении, материальном обеспечении (История и культура эвенов, 1992: 73–74).

В росписи орнамент из кругов имел свою ритмику, создавая свой «негатив» – темные узоры в виде дуг с бокаловидными промежутками между ними. Оба узора были одинаково ритмичными и равноценными в художественном отношении. Таким образом, мог возникнуть и сформироваться орнамент из дуг с утолщениями на месте их соединений (История и культура эвенов. 1992: 75).

Основная масса способов эвенского орнамента приходится на шитьё бисером. Бисерные элементы орнамента имеют определенное название и семантику: солнышко, круг (*мэрэ-тыкэгчэ*), личико (*итыкагча*), цветок (*нёчэкэгчэ*), паук (*атакикагча*), ноготь (*остакикагча*), коготь (*когчиликагча*), рог (*таньякикагча*), домик, чумик (*утэкэгчэ*), птички, птичий след (*чукачан хэрэчэн*), сдвоенные круги в виде восьмерки (*огэлтэчэ*), ромб (*комэликгэгчэ*). Эти элементы орнамента, образующие определенную композицию, встречаются на подоле праздничного костюма, в нижней части традиционного передника, на полосе, корсаже, верхней части праздничных женских унтов (Беляева, 1959: 36).

Орнамент в одежде обладал определенной сакральной силой, играя роль оберега или носителя определенных позитивных качеств человека. Он придавал владельцу данной вещи чувство защищенности от злых сил и врагов, уверенности и неуязвимости, силу и мужество. Так, например, изображения в орнаменте круга, солнца или элемента орнамента «паук» означали благопожелание и выполняли охранительную функцию (Попова, 1981: 45–46).

Иногда рассказывают, что бисером, оленьим волосом и окрашенными в разные цвета кусочками кожи в виде определенных элементов орнамента и композиции могла быть вышита, сюжетно изображена целая сказка. Например: «В одном стойбище жило много девушек (рисунок «итыкагча» – личики). У одной из них любимый уехал куда-то далеко-далеко на олене (рисунок «хашча» – смешанный) – черные точки на белом фоне. Девушка ждала своего любимого, подумала, что он никогда не вернется к ней и решила утопиться в реке. А река вот-вот вскроется (рисунок: черная полоса на голубом поле, это вода поверх льда выступила). В воде сидит паук (рисунок: «атакикагча» – пауки). Паук говорит девушке: «Ты это что надумала? Иди скорей домой, твой любимый сейчас вернется». Девушка вернулась к своим и вскоре приехал ее любимый, все обрадовались и начали танцевать хэде – эвенский танец (рисунок: фигурки «итыкагча» – личики)» (Иванов, 1954: 59–60).

Орнамент имел и сакральный характер, часто выполняя роль оберега. Когда использовалась вышивка, то, как правило, располагалась она по швам и краям одежды, чтобы «мешать» проникновению злых духов в одежду. Считалось, что мужской орнамент оберегал охотника и давал ему силу.

Элемент орнамента в виде круга с точкой в центре чаще всего ассоциируется с глазом. Это обстоятельство не противоречит предположению о значении кружковых узоров как изображения неба и небесных светил, так как «глаз» и «солнце» иногда семантически связаны между собой.

Современная культура колымских эвенов представляет собой причудливое переплетение традиций и инноваций. В этих условиях им еще предстоит найти оптимальную модель своего будущего. Однако, как и у всех народов Севера, их дальнейшая этническая судьба будет зависеть от возможности и степени сохранения и развития языка, традиционных отраслей хозяйства и культурных традиций. Важную роль здесь играет и сохранение традиционного орнамента как части традиционной культуры и мировоззрения.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.А. Орехов

Список литературы

Беляева А.В. Культура и быт эвенов в XIX–XX вв. О работе этнографического отряда // Краеведческие записки. – Магадан, 1959. – Вып. 2. – С. 35–37.

Василевич Г.М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. 11. – С. 48–49.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX века. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М. ; Л., 1954. – 207 с.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник // Труды АН СССР. – 1963. – С. 253–262.

История и культура эвенов. – Магадан, 1992. – С. 73–75.

История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки. – СПб. : Наука, 1987.

Петрова С.И. Традиционная одежда и мировоззрение наших предков. – Якутск, 1999. – С. 15–16.

Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья. 1917–1977 гг. – Магадан, 1981. – С. 45–46.

Филиппова З.И. Эвенский женский костюм // Розовая чайка. – 1992. – №1. – С. 14–17.

Д.С. Лугоненко

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

ОБРАЗ САДА В ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И НАРОДНОМ ПРАВОСЛАВИИ

Одним из следствий социальных перемен последних десятилетий стал рост интереса к новым эколого-экономическим проектам, к культуре садоводства и его идеологии. Для анализа феномена современного массового российского садоводства необходимо обратиться к истокам традиции, в рамках которой сложился концепт «сада», занявший важное место в системе ценностей и картине мира Старого света, в т. ч. в русской традиционной культуре и народном православии. Важными для понимания «образа сада», в т. ч. и его современного прочтения, являются библейские сюжеты, воспринятые впоследствии народным православием и отразившиеся в фольклорных текстах русских.

В ветхозаветном прочтении рай – это Эдемский сад, который создал Бог и поселил там первых людей (Быт. 2:8). Создание рая и «насаждение» сада выступали как тождественные понятия (Бондаренко, 2003: 12), являющиеся метафорами творения жизненного пространства, неотделимыми от создания человека как такового. Вслед за Богом, выступившим в роли творца и, следовательно, первого садовника, первочеловеку было определено «возделывать» и «хранить» сад. (Быт. 2:15). Эдемский сад, будучи отправной точкой человеческого бытия, являлся тем местом, из которого происходила жизнь и из которого разворачивалось время-пространство (Бондаренко, 2003: 14). Райский сад изначально представлял собой закрытое пространство – некий ограниченный со всех сторон локус. Его утрата представлялась в виде изгнания за пределы сада, врата которого был поставлен охранять Херувим (Быт. 3:24). Известно, что и сам первочеловек был призван охранять Эдемский сад (Быт. 2:15), т. е. райский сад предстает как некая ценность, то, что необходимо оберегать.

Со времени создания текстов Песни Песней образ «запертого сада» вошел в любовную лирику Старого света в качестве устойчивой метафоры невесты, обладание которой уподобляется обретению рая (райскому наслаждению). Сопутствующие этому образы мифологемы «заключенного колодезя» и «запечатанного источника» стали аллегорией девственности и непорочности (Песнь Песней 4:12). Позднее, уже в Средние века, эти образы были широко освоены европейской культурной традицией. Образ «сада огражденного» (*hortus conclusus*) стал отождествляться с Девой Марией и ее непорочностью, что послужило основой для популярного сюжета «Богородица заключенная». К этому сюжету примыкало и представление, отраженное в средневековой гимнографии, где сад являлся олицетворением спасения и изолированности от греха. Поэтому ключевым элементом средневековой иконографии сада становится ограда (Лихачев, 1998: 60).

Христианство, являясь одной из доминант развития европейского и, шире, евразийского культурного пространства, оказало определяющее влияние на формирование многих этнических (этно-конфессиональных) картин мира. Мифологема «сад как рай» получила свое развитие и осмысление в русской культуре, пронизанной идеями, концептами и образами народного православия. Образ сада был адаптирован к русской традиции и получил в ней дальнейшее развитие. В свадебной обрядности образ сада символизировал добрачную жизнь девушки от момента рождения до вступления в брак. Для фольклорных текстов характерно устойчивое отождествление сада с девичьей невинностью, чистотой, и счастливой жизнью (Тропкина, Рябцева, 2010: 145). На уровне мифоритуальной традиции происходило отождествление сада и рая, как символа счастливого, беззаботного бытия «под волей батюшкиной, негой матушкиной». Так, характерен обряд «расставания с красотой», являющийся символическим переходом девушки в категорию замужних женщин, вследствие которого невеста теряет девичество и свое «Я» (Бернштам, 1982: 56), ассоциирующиеся с образом сада. Образ сада также соотносился со «своим», родовым пространством. Прощаясь с «красотой», девушка расставалась и родительским домом, со своим «зеленым садиком» и тем самым приобретала новый возрастной и социальный статус (Любимова, 2004: 78).

Особое место плодового дерева в русской традиционной культуре обусловлено его исключительной близостью к человеку. Фруктовые деревья и сад в целом, безусловно, принадлежат культурному пространству, возделанному и облагороженному человеком. Они отделены от внешнего мира физической границей (забором) и выступают как часть освоенной (родовой) территории. В рамках данной модели происходит отождествление человека и сада, человека и дерева, а в жизни фруктового дерева, как и в жизни человека, акцентируются моменты рождения и смерти, периоды расцвета, плодоношения и увядания. Это прослеживается как на уровне фольклорных текстов, так и на уровне обрядовых действий, связанных с локусом сада. В классической работе А.Н. Афанасьева приведены многочисленные примеры этой символической взаимосвязи: ребенка приобщают к энергии роста, свойственной фруктовому дереву; бесплодная женщина «заимствует» у дерева способность к плодоношению и пр. (Афанасьев, 1994: 211). В обрядовых практиках одним из символических способов воздействия на рост и развитие ребенка (новорожденного) являлся обычай сажать дерево по случаю его рождения (Агапкина, 1994: 84). В некоторых случаях дерево могло получать имя ребенка, что символизировало их глубокую взаимосвязь. В случае болезни ребенка оно предвещало его будущую судьбу: если ветки начинали сохнуть, считалось, что ребенок может умереть, если оставались зелеными – верили, что выздоровеет (Денисова, 1995: 59, 94).

Фольклорные и этнографические материалы показывают, что территория сада выступает как пограничное пространство, о чем свидетельствуют обычаи закапывать в саду детский послед, или выливать под садовое дерево воду, в которой купали новорожденного (Агапкина, 1994: 89). Послеродовые ритуалы, подчеркивает А.К. Байбурин, совершались по схеме погребального обряда (Байбурин, 1993: 42). К этому же семантическому кругу в славянской традиции относился обычай хоронить в саду под деревом некрещеных или мертворожденных детей. На территории Орловской и Курской губерний место для похорон некрещеного или мертворожденного ребенка выбирали в зависимости от того, хотели ли его родители иметь в будущем детей; если хотели, то ребенка хоронили под каким-нибудь фруктовым деревом, если нет, то под сухим или старым (Денисова, 1995: 56). Также в саду хоронили незаложных покойников. Как отмечает О.В. Голубкова, один из распространеннейших в устно-поэтической традиции был мотив древа на могиле: славяне чаще всего сажали на могилах плодовые и вечнозеленые деревья, что, согласно их представлениям, должно было обеспечить возможность реинкарнации души в растительном мире: «Душа в землю уйдет и травой порастет» (Голубкова, 2009: 21). Сад, таким образом, выступал как маргинальная территория, обозначающая подвижную границу своего и чужого миров. Сад был символом потустороннего мира, или входа в него.

В бинарной системе координат, присущей человеку традиционного общества, пространство сада занимало промежуточное место и обозначало подвижную границу своего и чужого миров. Анализируя маргинальную позицию сада, можно согласиться с мнением И.И. Свириды о том, что образ сада разными способами был соединен с образом *arbor mundi* и благодаря этому соотносился с подземным, земным и небесным миром, с макрокосмом и микрокосмом (Свирида, 2007: 310). Подобные смысловые коннотации, возникающие в народном православии, в традиционной обрядности и в символическом строе русской литературы, формировали широкий контекст образа сада в русской традиции. Он трансформировался от эпохи к эпохе, от монастырской, крестьянской, усадебной культуры к культуре дачи.

Научный руководитель: д.и.н., проф. И.В. Октябрьская

Список литературы

Агапкина Т.А. Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. – М., 1994. – С. 84–107.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. Т. 3. – М. : Индрик, 1994.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб. : Наука, 1993.

Бернштам Т.А. Обряд «расставания с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сб. МАЭ. XXXVIII. – Л., 1982. – С. 43–66.

Бондаренко Н.А. 2003. Сад, рай, текст: аллегория сада в немецкой религиозной литературе позднего Средневековья // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Simposium». – Вып. 31. – С. 9–12.

Голубкова О.В. Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009.

Денисова И.М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. – М. : Изд-во ИАЭ РАН, 1995.

Лихачев Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – М. : Согласие, 1998.

Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2004.

Свирида И.И. Естественный ландшафт и сад в русском сознании: от игумна Даниила до Карамзина // Ландшафты культуры. Славянский мир. – М., 2007. – С. 308–325.

Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Образ сада в русской поэзии второй половины XX века и русском фольклоре // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 4(30). – С. 144–149.

Я.С. Михайлова

Красноярск, Сибирский федеральный университет

УСТАНОВКИ НА МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РУССКОГО ЭТНОСА ГОРОДА КРАСНОЯРСКА

Красноярск на сегодняшний день представляет собой многонациональный и поликонфессиональный мегаполис со сложной этнической системой и, следовательно, многокультурными этническими установками. Понятие установок в теории межэтнических отношений является одним из ключевых. Согласно официальному определению, межэтнические установки представляют собой установки на взаимодействие – негативное или позитив-

ное – с представителями других национальностей в любой сфере жизнедеятельности (Арутюнян, 1999: 124).

Для выявления современных установок на межэтническое взаимодействие в молодежной среде города Красноярска был проведен социологический опрос, в ходе которого было опрошено 150 человек, преимущественно студентов различных вузов города. Необходимо отметить, что опрос был направлен на выявление этнических установок в молодежной среде именно русского этноса, поскольку на сегодняшний день, согласно официальным данным Всероссийской переписи населения 2010 г., русские доминируют в численном отношении на территории края (93,3% от общей численности населения). Соответственно, преимущественно от установок на взаимодействие именно русских зависит общая картина межэтнических отношений в регионе. Наиболее представительные диаспоры среди нерусских национальностей: украинцы (1,4%), татары (1,3%), немцы (0,8%), азербайджанцы (0,6%), армяне (0,4%), киргизы (0,3%) и узбеки (0,2%).

В анкете для опроса содержалось семь вопросов, два из которых являлись «открытыми». Также респондентам необходимо было указать такие параметры как национальность и пол.

При ответе на первый вопрос анкеты «Интересна ли Вам культура других народов?», мнения респондентов разделились следующим образом:

Да – 54,6%; скорее да – 29,3%; скорее нет – 9,3%; нет – 6,6%. Большинство респондентов показали существование интереса к культурам других народов, что говорит об отсутствии изначально негативного предубеждения и отрицательных установок к иной культуре.

Второй вопрос анкеты звучал следующим образом: «На Ваш взгляд, возможны ли в настоящее время в Красноярске конфликты на национальной почве?» Ответы были следующими: определенно да – 38,6%; скорее да – 35,3%; скорее нет – 16%; определенно нет – 4,3%. Несмотря на то что Красноярск является территорией с довольно стабильными позитивными межэтническими отношениями, большинство респондентов уверены, что в настоящее время возможны конфликты на национальной почве. Это говорит о существовании нерешенных проблем и нарастании напряженности в межэтническом взаимодействии.

Третий вопрос представлял собой развернутую таблицу, в которой респондентам предлагалось высказать свое отношение к следующим национальностям: американцам, кавказцам (армянам, азербайджанцам и др.), евреям, китайцам, африканцам, немцам, народам Средней Азии (гаджикам, киргизам, узбекам и др.), украинцам, цыганам, чеченцам, татарам, народам Сибири (якутам, тувинцам и др.).

Респондентам необходимо было выбрать, на каком уровне они готовы общаться с представителями каждой из национальностей.

Наибольшее неприятие в молодежной среде русского этноса (определяется по графе «не пускал бы в Красноярский край») вызывают цыгане (47%), чеченцы (40%), народы Средней Азии (32,6%), кавказцы (31,3%) и китайцы (22,6%). Такие негативные установки на общение с данными этносами можно объяснить следующими причинами: недовольство трудовой миграцией (преимущественно с Кавказа и Средней Азии), которая значительно обостряет межгрупповое соперничество (Стефаненко, 2006: 204), опасениями населения по поводу «желтой угрозы» (в отношении китайцев), наркобизнес (цыгане) и многими другими.

Наиболее положительные установки на общение (по графе «готов видеть среди членов своей семьи») по отношению к украинцам (34%) и немцам (25,3%). Также положительную окраску имеет уровень общения, обозначенный по графе «готов видеть среди близких друзей». Наибольший процент набрали американцы (30,6%), африканцы (22,6%), народы Сибири (20,6%) и также украинцы (22,6%).

Наиболее нейтральный уровень общения (готов видеть среди жителей Красноярского края) респонденты выбрали со следующими национальностями: евреями (24%) и татарами (26,6%).

При ответе на вопрос об идее «Россия для русских» чуть более трети респондентов отнеслись к ней положительно (превалирует вариант ответов «поддерживаю» – 36,6%). Такие

показатели свидетельствуют о существовании националистических взглядов в молодежной среде русского этноса города Красноярска.

На вопрос: «Согласны ли Вы с мнением, что русские в России подвергаются дискриминации, испытывают различные ущемления и обиды?» – большинство респондентов ответили «скорее нет» (33,3%), однако совокупность положительных ответов («определенно да» – 23,3% и «скорее да» – 22,6%) достаточно высока, что говорит об определенном дискомфорте русских в процессе межэтнического взаимодействия. В следующем открытом вопросе респондентам было предложено указать, в чем именно проявляются данные ущемления и дискриминации. Среди наиболее популярных ответов были следующие:

- мигранты занимают рабочие места (многие респонденты указывали неправильную миграционную политику);
- власть «закрывает» глаза на произвол выходцев с Кавказа – коррупция в суде. («наших» бьют в клубах, а кавказцы откупаются);
- мигранты с Кавказа и Средней Азии не уважают традиции, вероисповедание и культуру русского народа (агрессивное поведение, «как будто они здесь хозяева»);
- власть ограничивает самосознание русского этноса (в качестве примера некоторые респонденты приводили 282 ст. УК РФ «О разжигание межнациональной и межконфессиональной розни»).

Среди прочих были следующие ответы: «игнорирование государствообразующего и титульного статуса русского этноса»; «торгуют везде, обсчитывают, обманывают»; «терроризм»; «экстримизм в национальных республиках».

Ответы на данный вопрос показали, что существует проблема некомфортного этнического самочувствия русских в иноэтничной среде в связи с некоторыми ущемлениями и притеснениями.

Седьмой вопрос был многоуровневым. Первая часть вопроса «Имеются ли национальности, к которым Вы испытываете неприязнь» предполагала два варианта ответа: «да» (57,4%) и «нет» (42,6%). Вторая часть вопроса («Если да, то к каким?») предполагала открытый ответ респондентов, для выявления возможного негативного отношения в сторону национальностей, не указанных в таблице. Однако результаты оказались схожими. Большинство респондентов испытывают негативное отношение к цыганам, к различным этносам Кавказа (особенно выделяя дагестанцев и азербайджанцев), народам Средней Азии (особо выделяя таджиков). Также многие респонденты указали на неприятие к еврейскому этносу и тувинцам, негативное отношение к которым таблица не выявила. Среди неуказанных в таблице народов были упомянуты эстонцы (2 чел.), пакистанцы (1 чел.) и грузины (1 чел.).

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. В молодежной среде русского этноса Красноярска довольно значительны негативные установки на межэтническое взаимодействие, что связано с большим количеством объективных факторов. Отношение к тем или иным этносам определяется численной представленностью в Красноярском крае, фактором частоты взаимодействия с этносами в прошлом, этническими стереотипами, бытующими в молодежной среде и т. д.;
2. Большое количество молодых людей имеют претензии к государственной национальной политике в области межэтнических отношений;
3. У значительной части молодежи неуправляемая, незаконная миграция вызывает негативное отношение или опасения по поводу возможного ухудшения межнациональных отношений.

Научный руководитель: д.и.н., проф. В.П. Кривоногов

Список литературы

- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.В., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., – 1999.
Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. – М. : Аспект пресс, 2006.

ТУВИНСКИЕ ПОДУШКИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня невозможно представить жизнь современного человека без подушки. Откуда появились они, какова история подушек? Отмечено, что первые подушки найдены в древнеегипетских пирамидах в виде изогнутых дощечек с изображением богов, и они служили для сохранения причёсок во время сна.

Деревянными подушками благополучно пользовались и в Японии. В Китае они изготавливались из металла, фарфора и камня и были прямоугольной формы, в виде подставки. Самые мягкие, первые подушки стали появляться в Греции. Сначала к ним относились недоверчиво, позднее, когда люди оценили комфорт и получаемое удовольствие, подушки стали наполняться пером и пухом, добытыми на охоте, хотя подушки, набитые пухом, считались роскошью. Характеризуя женское рукоделие тувинок, сосредоточим внимание на традиционных народных формах. По найденным источникам и собранным источникам выделяются основные направления женского рукоделия тувинок при изготовлении национальной подушки сыртык.

Классификация тувинских подушек (9 предметов):

1. Послед (уруг сырты);
2. Пуповинная подушка (чоок сыртык);
3. Подушка для кровати (орун сыртыгы);
4. Кожаная подушка (алгы сыртык);
5. Подушка-обувь (идик сырты);
6. Подушка-рукав (чен сыртык);
7. Подушка седло (эзер сыртык);
8. Подушка предплечье (ожун сыртык);
9. Подушка камень (даш сыртык).

Вплоть до недавнего времени тувинцы-скотоводы пользовались своеобразной валиковой подушкой -сыртык, которую обычно шили из кожи (реже из ткани). Боковуюлицевую сторону делали плоской, зашивая в нее прямоугольную дощечку, которую обтягивали орнаментированной кожей или тканью. Подушка, лежавшая в изголовье постели, всегда была обращена украшенной стороной к центру юрты и привлекала внимание. В ней же хранили различные мягкие вещи.

Аппликации и тиснения, украшавшие кожаные сыртыки, включали в себя в основном модификации узла, различные завитки. Довольно часто зашивались на сыртыки круглые металлические бляхи, монеты, пуговицы. Обычно в центре композиции на сыртыке располагался медальон, окруженный прямоугольным пояском из выпуклой линии, вокруг которой идет бордюры из повторяющихся элементов. Причем если узоры наносятся техникой аппликации, то прямоугольная линия вокруг медальона выполняется тиснением.

Сыртык – прямоугольный валик, с одного торца богато отделанный, а другой стороной обращен к стене юрты. В них женщины хранили свои личные, интимные вещи. Туда же прятали волосы ребенка после праздника первой стрижки волос. Там же могли хранить кусочки очень дорогого в прежние времена сахара. Таким образом, подушка для женщины была и сейфом, и шкатулкой для дорогих вещей.

В старину тувинский «сыртык» украшали драгоценными и полудрагоценными камнями, а также золотом и серебром. Цвета камней обычно были белыми, красными или синими. Разукрашенные разнообразными орнаментами подушки символизировали достаток, покой в семье, благополучие и здоровье детей.

Сегодня изделия, изготовленные вручную, популярны и востребованы благодаря удобству, экономичности и простоте. Уставшее от перегрузок информации сознание стремится

ся к «настоящему» — к корням, к первоисточникам. Все используемые материалы имеют природное происхождение, а их выбор зависит от желания, образа жизни и финансовых возможностей человека. В настоящее время такие подушки покупают в качестве подарка, например на свадьбу. Национальные традиции и интересный дизайн делают эту продукцию действительно хорошим сувениром.

Научный руководитель: к.и.н. доц. Е.В. Айыжы

Е.Н. Налетова

Чита, Забайкальский государственный университет

КУЛЬТ ОБОО В ШАМАНИЗМЕ СОВРЕМЕННЫХ БУРЯТ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В данной работе рассматривается вопрос о создании священных мест – обоо, виды обоо на территории Забайкальского края и их символическое значение в бурятском шаманизме.

В настоящее время мы переживаем период возрождения традиционных верований того или иного народа. После своеобразного «идеологического вакуума» девяностых годов двадцатого столетия наступило время возвращения и обращения людей к религии. По этой причине обрядовые действия постепенно превращаются из объекта изучения в объект культурного воспроизводства, возвращаясь в нашу жизнь в новом модернизированном виде.

На территории Забайкальского края процесс возрождения традиционных верований наиболее ярко проявился на примере бурятского шаманизма. Шаманские обоо – священные места, на которых совершается поклонение хозяину места, приобретают все большую популярность как у представителей бурятского этноса, так и у русского населения нашего края. В связи с этим вопросы, связанные с созданием обоо и их символическим значением, являются весьма актуальными.

В этнографическом плане по определению Ф.Я. Кона, обоо – «это алтарь хозяина места, духа, владеющего данной местностью» (цит. По: Михайлов, 1980: 164). Интересно то, что если в работах исследователей XIX – начала XX веков обоо рассматривается преимущественно только как груда камней либо веток, то современные исследователи и шаманы относят к обоо также священные коновязи и деревья. Создание обоо, как правило, преследует две цели: во-первых, создание места, где служителю культа – шаману – становится доступна сила Мирового центра – гол, благодаря ее символическому воплощению; во-вторых, данное символическое воплощение гол является для верующих местом почитания духа местности – эжина.

В бурятском шаманизме обоо могут принимать самый разный вид. Это и коновязи – сэргэ, и священное дерево – бариса, и груды камней. Исследователь шаманизма Сарангэрэл в работе «Зов шамана. Древние традиции и духовные практики» отмечала: «Их отличительная черта – вертикальность, будь то груды камней, хвороста или живые деревья, все они олицетворяют собой единение трех миров и единение времени и пространства. Отсюда их великая шаманская сила» (Сарангэрэл). Именно это позволяет судить нам, сколь велико значение обоо в бурятском шаманизме.

Коновязи – сэргэ – в большинстве случаев устанавливались у дороги. Верующие могли оставить у сэргэ свои подношения духам – монеты, сладости и спички. Важность сэргэ для представителей бурятского этноса обусловлена их изначально кочевым образом жизни. В бурятском шаманизме коновязи – сэргэ – сооружали по двум событиям в жизни человека – свадьбе и смерти. Если род человека прекращал свое существование и наследовать его сэргэ было некому, коновязь уничтожалась. В данном случае сэргэ выступала своеобразным символом жизненности. Обычно на сэргэ и деревья, расположенные рядом со священным местом, повязывают ленты – залаа. Залаа также повязываются и на деревья вблизи обоо – груды камней.

Собирая обоо из камней, шаманы обходили место по направлению движения солнца, складывая камни друг на друга. В груду камней обычно втыкали несколько веток, украшенных зала и выражающих уважение к духам данной местности. Считается, что добавляя камни к уже существующему обоо, шаман также выражает свое почтение эжинам. Данный тип обоо символизирует другое воплощение гол – Мировую гору.

При совершении обрядовых действий шаманами наиболее часто используется обоо бариса – «священное дерево». Бариса сооружается при проведении семейных и коллективных молебствий, посвящениях шаманов и представляет собой одно или несколько (в зависимости от особенностей проводимого обряда) молодых деревьев. Часто в шаманизме бурят используются заранее выкопанные и установленные на месте проведения обряда деревья. На территории Забайкальского края в роли бариса обычно выступают молодые березы без разветвлений.

В качестве примера можно рассмотреть сооружение бариса во время тайлгана Айралжан хатан, проведенного 26 мая 2012 года на территории г. Читы совместно представителями РОШ «Тэнгэри» (г. Улан-Удэ), МРОШ «Мунхэ Тэнгэри» (п. Агинское) и РОШ «Хун шу-буун» (г. Чита). В Айралжан хатан приняли участие четырнадцать шаманов – представителей данных организаций. Целью коллективного молебна являлось возрождение традиций и обычаев бурятского этноса на территории Забайкальского края. При проведении обряда было сооружено обоо – березовая роща. Перед бариса был расположен столик из рабочих берез, на который устанавливали подношения духам – молоко, забеленный чай, тарелку с хлебом, печеньем, конфетами и маслом. Также рядом со столом с подношениями духам местности размещали приготовленную тушу барана, убитого с соблюдением определенных ритуалов. В начале обряда шаманы садятся за накрытые столы – тахилы – для призвания духов, лицом к северу (божествам) и спиной к верующим. При этом мужчины должны располагаться по правой стороне, женщины – по левой. Считается, что пришедшие духи проверяют правильность подготовки к молебну и затем призывают остальных духов. После успешного завершения этой части обряда шаманы приступали к оживлению березовой рощи.

Для того чтобы деревья стали истинным воплощением гол, шаманы проводили специальные обряды оживления деревьев, окуривая их (окуривание проводится по ходу солнца), делая подношения духу дерева. Березы были украшены лентами – залаа. На нижнюю половину дерева привязывали желтые и красные ленты (символизируют золочение), на верхнюю – синие и белые (символизируют серебрение). Совершая данное действие, шаманы выражали свое почтение духам, а также чистоту своих помыслов. На верхушки берез принято привязывать синие хадаки – шелковые шейные платки в виде шарфа, подносимые в знак уважения духам и божествам. Хадаки подносили к обоо, держа обеими руками ладонями вверх, показывая свое почтение. Также при оживлении берез к деревьям прикрепляли фигурки животных и птиц, что символизировало силы животного мира. После оживления березовой рощи шаманы входили в транс, призывая духов предков (онгонов). Хозяйке горы Хулюхан было преподнесено угощение бараном. Шаманы призывали духа бога Нойона (главный бог Байкальского региона), а также призывали хозяйку местности Хулюхан. Затем было совершено отправление подарка божествам от всех присутствующих (брызгание белой пищей), зачитывание списков присутствующих. После камлания шаманов обрядовые действия окончились.

Данный вид обоо символизирует в бурятском шаманизме тургэ – Мировое древо. В этом понимании корни дерева означают прошлое или нижний мир, ствол – настоящее, срединный мир, а ветви – будущее и верхний мир. Бариса воплощает собой единение всех этих составляющих внутри гол – Мирового центра.

Рассматривая цели сооружения современных обоо, а также цели проведения обрядовых действий, во время которых верующие прибегают к сооружению священных мест, мы можем сделать вывод, что если в XIX – начале XX веков шаманисты преследовали только цель удовлетворения своих религиозных потребностей, то антирелигиозная кампания тридцатых

годов XX века имела свои последствия. Около восьмидесяти лет представители бурятского этноса были лишены возможности проводить коллективные молебны. Так, на территории г. Читы Айралжан хатан был первым коллективным обрядовым действием, проведенным после антирелигиозных кампаний советского правительства. Именно поэтому первоочередной целью современных шаманистов становятся возрождение культуры и истории бурятского этноса, шаманских обычаев и традиций как основ изначального вероисповедания коренных народов Забайкалья. Всё это мы можем проследить на примере проводимых в настоящее время коллективных обрядовых действий.

Анализ символического значения обоо показывает, что священные места играли огромную роль в духовной жизни бурятского народа. Исследователь бурятского шаманизма Т.М. Михайлов писал: «Обоо – не только место пребывания бога или духа, но и религиозный центр, храм, святыня в рамках определенной этнической или административно-территориальной единицы» (Михайлов, 1980: 166). Зачастую обрядовые действия были немыслимы без сооружения обоо. Священные места, будучи воплощением Мирового центра, помогали служителям культа в их путешествиях между мирами, а также в их общении с высшими силами. Также и в обыденной жизни, не прибегая к помощи шаманов, верующие с помощью обоо могли выразить свое почтение духам и предкам, обратиться к ним с просьбами. Примечательно и то, что часть русского населения Забайкальского края обращается к обоо, принимая участие в шаманских обрядовых действиях, а также совершая подношения духам той или иной местности. Так, большой популярностью пользуются священные места, расположенные на Титовской сопке, Алханае, Яблоновом хребте (Жеребцов и др., 2000: 45). Создание обоо является неотъемлемой частью жизни бурятского этноса и не только помогает при совершении обрядовых действий, но и способствует сохранению уникальной культуры и истории бурят Забайкалья.

Научный руководитель: к.и.н., доц. И.И. Разгильдеева

Список литературы

Жеребцов Ю.В., Теруков С.В., Янков А.Г. Алханай, природно-культурный комплекс // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т. II. – Новосибирск : Наука, 2000.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по 18 век). – Новосибирск : Наука, 1980.

Сарангэрэл. Зов шамана. Древние традиции и духовные практики // Сборник материалов о магии и колдовстве. – URL: <http://dreamsilver-taro.narod.ru/libr/metod/metodik/shaman/sarang/index.htm> (дата обращения: 17. 06. 2011).

Е.Н. Стародубцева

Абакан, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА РАНИХ КОЧЕВНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ТАГАРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ)

Изучение социальной структуры древних и средневековых народов является одним из перспективных направлений современной отечественной археологии. Реконструкция социальной организации кочевников Евразии является одним из важных направлений в номунологии.

Социальная структура представляет собой «каркас» общества, который обеспечивает гармоничное сочетание всех его частей в едином целом. Составляющими элементами могут выступать социальные институты, группы и общности разных типов (Крадин, Тишкин, Харинский, 2005: 45).

Термин «ранние кочевники» появился в рамках советской исторической науки. В 1939 г. М.П. Грязновым был написан параграф «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана». В этой работе, опираясь на археологические данные по Алтаю и сопредельным территориям, Грязнов ввел в научный терминологический аппарат понятие формационного характера «эпоха ранних кочевников», которая охватывала восемь столетий (VII в. до н.э. – I в. н.э.) и подразделялась на три этапа: 1) майэмирский (VII–V вв. до н.э.); 2) пазырыкский (V–III вв. до н.э.); 3) шибинский (II в. до н.э. – I в. н.э.). Археологические материалы, характеризующие каждый из этапов, по мнению исследователя, позволили «проследить последовательные изменения в хозяйственной и социальной жизни племен» всей эпохи ранних кочевников (Крадин, Тишкин, Харинский, 2005: 9). По сути дела, М.П. Грязнов не делал принципиальной терминологической разницы между понятиями «эпоха ранних кочевников» и «культура ранних кочевников». Применительно к кочевничеству в этом плане сформировалась концепция, согласно которой кочевые культуры евразийских степей технологически подразделялось на два хронологических периода: эпоху ранних кочевников и эпоху поздних кочевников.

Эпоха ранних кочевников – это время формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов, период племенных союзов и «военной демократии», а эпоха поздних кочевников – это время функционирования сложившегося кочевничества (Тишкин, Дашковский, 2004: 74).

В этот термин не нужно вкладывать какое-либо социально-экономическое или культурное содержание. Его можно использовать как синоним термину «древние кочевники», предложенному А.М. Хазановым (Хазанов, 1975: 272).

Таким образом, эпоха ранних кочевников – это конкретный исторический период от конца эпохи бронзы до начала становления государств, для которого характерна определенная модель культуры, основанная на полукочевом или отгонном скотоводстве со всеми присущими ему атрибутами и соответствующим уровнем развития социальных отношений, идеологии и искусства (Тишкин, Дашковский, 2004: 78). При этом должна учитываться региональная специфика отдельных археологических культур.

Памятники тагарской культуры – первый источник для развития археологии Сибири. Могильники очень многочисленны и внушительны. Особый вклад в историю изучения тагарской культуры внесли такие ученые, как Д.Г. Мессершмидт, Ф.И. Страленберг, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, М.А. Кастрен, В.В. Радлов (XVIII–XIX вв.). Но научное исследование курганов началось значительно позже. Связано оно с именами отечественных археологов-любителей – Д.А. Клеменца, И.П. Кузнецова-Красноярского и А.В. Адрианова (Вадецкая, 1981: 80).

Отсутствие обобщающих работ по изучению социальной структуры общества ранних кочевников тагарской культуры Минусинской котловины обращает нас к истории изучения проблемы в соседних регионах, Горном Алтае и Туве. Памятниками, в первую очередь привлекающими взгляд исследователей, стали царские погребения в курганах пазырыкской культуры на Горном Алтае (Пазырык, Башадар, Туэкта и др.), в больших курганах алды-бельской культуры в Турано-Уюкской котловине в Туве, а также в Салбыкских курганах тагарской культуры в Минусинской котловине.

История исследования ранних кочевников Евразии в дореволюционной, советской и современной российской науке насчитывает длительный период времени.

Изучение памятников номадов началось во второй половине XIX в. (А.А. Бобринский, А.А. Спицын, А.С. и П.С. Уваровы, В.В. Радлов, Н.И. Веселовский, Н.Е. Бранденбург, А.В. Адрианов и др.).

В истории изучения социальной структуры общества ранних кочевников можно выделить четыре этапа (Крадин, Тишкин, Харинский, 2005: 17). Первый этап (1920-е – начало 1930-х гг.) совпал с ранним этапом становления советской науки и характеризовался относительной свободой выбора различных подходов. Одни исследователи придерживались мнения о первобытной природе кочевых обществ, другие считали, что номады создавали

государственность. Второй этап (1934 – середина 1950-х гг.) связан с доминированием теории «кочевого феодализма». Третий этап (1956–1990 гг.) связан с некоторым ослаблением идеологического пресса над общественными науками после XX съезда КПСС. Появились различные интерпретации номадизма. В результате оформилась концепция дофеодального и раннеклассового характера рассматриваемых обществ. Четвертый этап – современный, он начался после распада Советского Союза.

На первом этапе в дискуссиях об общественном строе ранних кочевников скифская тематика занимала одно из центральных мест. М.И. Ростовцев полагал, что социальная структура скифского государства включала несколько компонентов: 1) главный царь, подчиненные ему цари трех царств, номархи и аристократия царских скифов; 2) остальная часть царских скифов, которая группировалась вокруг аристократических лидеров в дружины и являлась для основного населения таким же господствующим классом скифов-завоевателей; 3) аристократия скифов-кочевников; 4) скифы-земледельцы с господствующим классом либо из местной аристократии, либо из аристократии царских скифов; 5) нескифские племена, во главе с местной аристократией, поддавшейся влиянию скифской культуры; 6) подневольное и зависимое население в среде скифов-царских, положение которого не конкретизировалось (Хазанов, 1975: 25).

Рассмотрим второй этап изучения. М.П. Грязнов выделил три группы курганов, соответствующих социальному статусу погребенных, учитывая особенности погребального обряда населения Горного Алтая скифского времени: 1) бедные; 2) более богатые (средние); 3) огромные курумы. Определенный интерес социальная история «пазырыкского» общества вызывала у С.И. Руденко, который, как М.П. Грязнов и С.В. Киселев, предложил в зависимости от монументальности сооружений подразделить курганы скифского времени на три основных группы, соответствующих социальному статусу умерших людей. Он выделил: 1) погребения рядовых номадов; 2) курганы знати (племенной и/или родовой); 3) погребения вождей племен. Исследования М.П. Грязнова, С.В. Киселева и С.И. Руденко в этот период внесли значительный вклад не только в изучение социальной истории кочевников, но и в целом в разработку методики палеосоциологических реконструкций.

Исследования ранних кочевников в третий период достигли своего максимального размаха. В 1960–1980-е гг. в Северном Причерноморье, Казахстане, Алтае, Туве и Хакаско-Минусинской котловине кочевнических погребений было изучено больше, чем за все предыдущие годы. Не менее важны исследования рядовых погребений скифов и хунну. В 1980 г. А.Д. Грач в своей монографии «Древние кочевники в Центре Азии» на основе анализа особенностей погребального обряда подразделил курганы скифского времени Алтая и Тувы на: 1) царские; 2) рядовой дружинной аристократии; 3) погребения людей низших социальных групп (Грач, 1980: 46). А.С. Суразаков, опираясь на те же критерии, выделил ещё одно, четвертое, звено: 1) рядовые кочевники; 2) главы семейно-родственных групп или родов; 3) племенная аристократия; 4) вожди племён.

Анализ отечественных разработок в археологии по проблемам социальной структуры кочевников позволяет сделать некоторые обобщающие выводы относительно принципов изучения общественных систем номадов и перспективных задач в этой сфере. Следует указать, что изучение «царских» и «элитных» курганов играет особую роль в развитии социальной археологии. Социальное устройство пазырыкского общества изучено довольно хорошо на основе комплексного анализа элементов погребального обряда. Однако социальная структура тагарского общества на данный момент изучена недостаточно. Отсутствие обобщающих работ по данной тематике открывает перспективу для будущих исследователей. Перспективным направлением также остается разработка критериев выделения отдельных социальных групп населения, разработка и совершенствование новых методик социальных реконструкций.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л. : Наука, 1986.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. –М. : Наука, 1980.
- Крадин Н.Н., Тишкин А.А., Харинский А.В. Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2005.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004.
- Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М. : Наука, 1975.

Л.А. Никитина

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

КОРЕЙСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСА)

История появления корейских переселенцев на территории российского Дальнего Востока начинается во второй половине XIX в., когда Российское правительство, с целью скорейшего заселения Приамурского края, 26 марта 1861 г. издало закон в виде «временных правил», согласно которому в Амурской и Приморской областях разрешалось селиться всем желающим (Петров, 2000). Бедственное и бесправное положение крестьян в Корее, нищета и голод способствовали началу активного переселения корейцев в Россию. Историю их иммиграции на Дальний Восток России, по географическим критериям, можно разделить на 3 этапа: 1) 1864–1870 гг.,

2) 1870–1897 гг., 3) 1897–1930-е гг.

1-й этап 1864–1870 гг. Расселение в приграничных землях (Посьетский округ). Приблизительная численность населения – 7500 чел. Основное население до 1867 г. располагалось в трех селах, недалеко от современного поселка Посьет. В 1869 г. после переселения на территорию Посьетского участка около 6,5 тыс. корейцев началось их стихийное расселение. Важным фактором, способствующим усилению корейской иммиграции на Дальний Восток России на первом этапе, являлось успешное устройство корейских крестьян на русской территории, которые получили возможность спокойно возделывать такое количество земли, какое они были только в силах обработать, а также их привлекало отсутствие налогов (Петров, 2000).

2-й этап 1870–1897 гг. Приблизительная численность корейского населения составила 24 300 чел. Общее количество населенных пунктов в настоящее время невозможно установить. На этом этапе администрацией было принято решение об отселении корейских иммигрантов вглубь Приморья, началось заселение Уссурийского района и восточных районов Приморья. Были созданы новые корейские села в окрестностях Никольска (современного Уссурийска), а также на реках Сучан, Лефу, Даубихэ и Цимухе. (Барбенко, 2008: 17–23). Отселение корейцев проводилось даже за государственный счет

3-й этап 1897–1930-е гг. Характеризовался массовым расселением корейцев по всей территории Приморья и за его пределы. В 1900-е годы поток мигрантов из Кореи в Приморскую область значительно возрос, особенно после аннексии Кореи Японией в 1910 г., когда часть корейцев спасалась от оккупантов. В 1914 г. общая численность корейского населения в Приморье составила 64 тыс. чел. В 1924 г. уже 100 тыс. чел., в 1931 г. – 159 тыс. чел. К этому моменту территория расселения корейцев охватывала весь Приморский край, отдельные группы проживали также в Хабаровском крае, Амурской области, на о. Сахалин и п-ове Камчатка (Петров, 2001).

Начиная с середины 1930-х годов советское правительство сталорассматривать вопрос об отселении всех корейцев населения с территории Приморского края и всего Дальнего Востока в Среднюю Азию. В 1937 г. все они были депортированы с территории Приморья.

К настоящему времени в нашем распоряжении имеется несколько групп источников, касающихся проблем корейских иммигрантов в Приморье. Первая и наиболее изученная группа – это *официальные документы (хроники) и архивные данные*. Она включает в себя материалы переписки официальных лиц, ежегодные отчеты и ведомости по областям, статистические данные всероссийских и региональных переписей населения, рапорты, прошения, жалобы, прочие сохранившиеся официальные документы. Вторую группу составляют *неофициальные публикации*. К ней относятся периодическая печать («Владивосток». 1883–1906 гг., «Уссурийский край». 1914–1916 гг., «Вестник Азии». 1909–1916 гг.), труды российских и зарубежных исследователей, краеведов, путешественников конца XIX – начала XX вв. (Ф.Ф. Буссе, В.К. Арсеньев, В.И. Кирилов и др.) и работы ученых советского и современного периодов (Пак Б.Д., Кузин А.Т., Петров А.И., Чернолуцкая Е.Н., Караман В.Н., Барбенко Я.А. и др.). Еще одной интересной группой источников являются исторические карты, которые требуют отдельного изучения. На этих картах нанесены населенные пункты, в которых проживали корейские иммигранты, не упомянутые в официальных хрониках и данных о переписи населения.

Существующие письменные источники дают нам богатый фактический и статистический материал, но не отражают общей картины о проживании корейских переселенцев, их культуре, а также специфику условий проживания в Приморском крае. Очень часто заселения территории происходило стихийно. Корейские поселенцы расселялись далеко за пределы отведенных им территорий сел и деревень, часто самовольно уходили в таежные районы, селились небольшими группами по 2-3 усадьбы (Арсеньев, 2007: 72-73). Таким образом, официальные хроники могут нам дать лишь частичное представление о численности населения и территории проживания корейцев в Приморье в конце XIX – начале XX вв. В этой ситуации лишь *археологические источники* могут предоставить интересующую нас информацию, в связи с этим, их необходимо выделить в отдельную группу. Целенаправленное археологическое изучение корейских поселений в Приморье пока еще не проводилось, однако известно большое количество эпизодических находок, которые можно сопоставить с письменными источниками. Так, во время археологического обследования полуострова Краббэ в 1991 г., было выявлено 30 археологических памятников, на 12 из которых отмечены следы деятельности корейцев (остатки строений, колодцев, могил, обломки керамической посуды и пр.) (Никитин, 1991). Проживание корейцев на полуострове Краббэ подтверждается архивными данными, однако нет информации о конкретном расположении поселений. Остатки корейских усадеб были обнаружены во время археологической разведки в горно-таежной зоне в верховьях реки Кроуновки, к западу от современного г. Уссурийска, вне территорий, отведенных для корейских сел (Телелюев, 2012). Остатки корейского жилища с системой отопления типа *ондоль* было обнаружено при раскопках поселения Чернятино-2 в Октябрьском районе Приморья (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008).

В данном случае археологические источники дают нам представление о хозяйственной модели корейских переселенцев и модели их расселения, устройстве их быта. Наиболее важным и интересным моментом является сопоставление данных письменных и археологических источников. К настоящему моменту ясно, что для дальнейшего изучения культуры корейцев в Приморье необходимы археологические исследования, а возможно, и этноархеологические (включающие в себя интерпретацию сделанных находок).

Список литературы

- Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 7 т. – Т 1. – Владивосток, 2007.
- Барбенко Я.А. Отношения русских крестьян и корейских переселенцев на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – первой трети XX вв. // Ойкумена. – № 3. – Владивосток, 2008. – С. 17–23.
- Никитин Ю.Г. Отчет об археологических разведках в Хасанском районе Приморского края в 1991 г. – Сеул, 1991.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Отчет об археологических исследованиях на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2007 г. Сеул, – 2008.

Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России в 60–90-е годы XIX века. – Владивосток, 2000.

Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. – Владивосток, 2000.

Телелюев А.Ю. Отчет об археологических разведках в Уссурийском и Октябрьском районах Приморского края в 2012 г. – 2012.

Ю.С. Новикова

Омск, Омский государственный университет им.Ф.М. Достоевского

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Украинцы Западной Сибири не коренной народ на данной территории. В эпоху аграрных реформ, а затем и в результате процесса массового раскулачивания степные и лесостепные районы Западной Сибири были заселены выходцами из Украины. Поскольку строительство украинцев Западной Сибири кажется малоразработанной проблемой, его исследование кажется особо актуальным.

Как правило, переселяемые крестьяне селились на территории, которые очень сильно отличались от тех, на которых они проживали ранее. Именно поэтому первоначально возводимые жилища имели традиционные черты. Большинство респондентов жалуется на отсутствие достаточного количества леса, который можно было бы использовать для возведения домов (МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о. 6. Л. 5-5об). Строго регламентировался и размер усадеб, что, естественно, сказывалось на внешнем виде жилища и построек (МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о. 3. Л. 3об). Как правило, строили, копируя возведенные местным населением конструкции, и довольно редко пытались приспособить принятые на родине схемы к новым условиям. Главным принципом при возведении строений для переселенцев была вынужденная экономия на всем.

Чаще всего дом был земляным с каркасной конструкцией, выполненной из дерна. Это позволяло строить довольно теплые и наименее затратные в суровых сибирских условиях дома. Традиционные украинские срубные дома в Западной Сибири широкого распространения не получили.

Стены землянок возводились из пластов дерна, который нарезался в форме кирпичей. Внутри дом углублялся (на метр и более), образуя полуземлянку. В стенах делали небольшие оконные проемы, в которые устанавливались бесставневые окна. Сверху стены прикрывались двускатной крышей. Она устраивалась на двух балках-козлах, соединенных центральной толстой березовой балкой. Эта балка, в свою очередь, накрывалась «слыжами» – крепкими палками из березы или осины. Затем крыша сверху крылась тонкими деревцами осины, слоем плотного дерна и обмазывалась глиной, а также накрывалась озерным плосколистным камышом (по-украински «очеретом»), тростником или осокой, широко распространенными в степной и лесостепной полосе Западной Сибири. Стены промазывались глиной и снаружи, и изнутри. Пол в жилище вплоть до 1950-х гг. был глинобитным. Посреди землянки устанавливалась печь, конструкция которой с самого начала была заимствована у местного населения. Ввиду отсутствия традиционного топлива, жилище отапливалось кизяком или сухой соломой. Печь занимала довольно большую часть помещения и имела непременно лежанки и полати. Довольно часто снаружи на трубу устанавливался керамический гончарный оголовок – «начувальник», имевший вычурную форму и несущий в себе характерные черты культуры малороссов.

Другим распространенным видом жилища сибирских переселенцев была саманная хата. Чаще всего это было одно- или двухкамерное строение. Активное строительство саманных

домов развернулось в 1950–1960-е гг. Кирпич из самана был в то время самым распространенным материалом и весьма дешевым. Он обладал хорошими теплоизоляционными свойствами, такими важными в сибирских условиях. Для изготовления кирпичей глина смешивалась с водой, соломой и жидким навозом, после чего производилось активное замешивание состава ногами людей и животных (лошадей) в вырытых в земле ямах. Затем полученную смесь закладывали в специальные деревянные формы-«станки» и подсушивали. Полученные кирпичи складывали в форме хорошо продуваемых пирамид на открытом воздухе.

Кроме жилых помещений из самана возводились и хозяйственные постройки: дровники, загоны для скота. Технология строительства была одинаковой: кирпичи плотно укладывались друг на друга и скреплялись раствором из глины. Швы тщательно затирались на три раза глиной с добавлением навоза и мелкой соломы. После этого дом белился белой глиной (МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о.3. Л. 3об–4). Окон ставили большое количество, небольших по размерам. Кое-где на них навешивались резные ставни с росписью (МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о.4. Л. 14об–15об). Крыши возводились ранее описанным способом, но вскоре он стал вытесняться применением стропильной конструкции. Таким образом стали появляться дома с двух-, трех- и четырехскатными крышами.

Стены и потолок жилища белили, нередко расписывали: «Разрезали напополам картошку, вырезали на ней цветок, макали в синьку и оставляли отпечаток на печи. Кто умел рисовать – рисовали петухов» (МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о. 10. Л. 7об-8). С появлением нового кровельного материала, – такого как шифер, рубероид, обшивка, – стены саманных домов стали закрываться. Это сняло проблему постоянного подновления наружной поверхности стен.

Для возведения хозяйственных построек использовалась конструкция стен, имевшая в своей основе сплетенный из прутьев каркас. Такие стены набивались сухим навозом и обмазывались глиной или саманом, что позволяло сохранить тепло в суровом континентальном климате. Постройки переселенцев сохранили свои традиционные малороссийские черты: они были многочисленны и узкоспециализированны.

Не будучи хозяйственной постройкой, баня занимала в архитектурно-строительном комплексе переселенцев особое положение. Она была редкостью во многих сельских поселениях среди украинцев и южновеликорусов. К концу же 30-х гг. XX в. почти в каждом дворе были бани, практически без изменений заимствованные у местного населения. Первоначально они были устроены «по-черному», а затем стали строиться с дымоходными трубами.

В северных районах лесостепной и в южно-таежной зонах были распространены рубленые просторные двухкамерные пятистенки с деревянным полом. В таких домах были большие оконные проемы с резными ставнями, стропильная четырехскатная крыша, покрытая тесом. Этот вид жилища позволяет проследить тесную взаимосвязь украинского компонента населения с русским. Сейчас наиболее распространенным вариантом жилища является дом, сложенный из обожженного кирпича. Такие постройки, однако, не несут в себе каких-либо явных этнолокальных черт.

Таким образом, можно сказать о том, что все же традиционные черты украинской строительной культуры в условиях Омского Прииртышья постепенно сдают свои позиции. Этот процесс имел место с самого начала переселения и был продиктован местными условиями. Многие традиционные способы строительства и организации строений оказались невозможными на новом месте и были заменены традиционными для этой территории. Таким образом, можно говорить о трансформации традиционного украинского строительства. У современного поколения украинцев Омской области в обиход входят ранее не доступные строительные материалы, приемы, способы строительства. Но в целом сохранившиеся дома и постройки представляют собой памятники народной архитектуры, запечатлевшие смешение традиции и новых компонентов культуры. Именно поэтому необходимо дальнейшее исследование архитектуры и строительства украинцев Среднего Прииртышья.

Список литературы

Ащепков Е. Русское народное зодчество в Западной Сибири. – М. : Издательство академии архитектуры СССР, 1950.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956. – С. 3 – 454.

Коровушкин Д.Г. Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007.

МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о. 3. Л. 3об.

МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о. 3. Л. 3об–4.

МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о. 3. Л. 9-9об.

МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о.4. Л. 14об–15об.

МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о. 6. Л. 5-5об.

МЭЭ ОмГУ, 2012 г. П.о. 10. Л. 7об-8.

М.В. Норкина

Магадан, Северо-Восточный государственный университет

АРКТИЧЕСКОЕ ЖИЛИЩЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ (ЭКОЛОГИЯ, КОНСТРУКЦИЯ)

Тундровые ландшафты располагаются циркумполярно (т.е. окружая полюс) к югу от арктических, на северной окраине Евразии и Северной Америки. Они близки к арктическим ландшафтам продолжительной суровой зимой, многолетней мерзлотой, безлесьем, низкой биологической продуктивностью. Суровый климат тундры замедляет почвообразование. Почвенный покров, как и растительный, мозаичен. Здесь формируются насыщенные влагой почвы с торфянисто-перегнойным горизонтом, под которым находится однородная вязкая толща. Лесотундра образует переходную полосу между тундрой и тайгой.

Условия Арктики во многом определяли социальный заказ, воплощенный в конструкции жилища: максимально эффективное сохранение тепла, защита от внешних негативных факторов, оптимальная организация внутреннего и внешнего пространства, оптимальное ландшафтное решение. Для народов Северо-Восточной Азии характерны полуземлянки столбовой конструкции. В центре ямы вкапывались 4–6 несущих столбов кровли. Стены укреплялись горизонтальными бревнами (археологические культуры бирнирк, туле), вертикальными бревнами (археологические древнеберингоморская, лахтинская, древнекоряжская) или горизонтально-вертикальным креплением (археологические культуры канчаланская, лахтинская). Для лучшего сохранения тепла, по этнографическим данным (Арутюнов, Сергеев, 1975; Леонтьев, 1983), сверху из бревен возводилась пирамидальная крыша, которая обкладывалась травой, дерном и засыпалась землёй так, что издали выглядела как небольшой холм. У большинства жилищ делалось два выхода: зимний – через оставленное в крыше отверстие и летний – в виде узкого, длинного коридора. Посередине одной из боковых сторон жилища пристраивался коридор-лаз, пол которого был ниже пола жилища, чтобы не проникал холодный воздух.

В зависимости от времени года чукчи и коряки использовали для проживания два типа жилищ. Яранга – летнее жилище, полуземлянка – зимнее. Типы жилищ тундровых и береговых чукчей и коряков, а также расположение населенных пунктов определял характер их экономики. Яранга (археологически фиксируется только кольцевая обкладка) – шатер, круглый в плане, высотой 3,5–4,7 м и диаметром 5,7–8 м. Деревянный каркас из жердей опирался на треножник из толстых шестов, связанных кожаным ремнем через отверстия в их верхней части. Деревянный остов яранги покрывали (мехом наружу) шкурами оленей, сшитыми

обычно в 2 полотнища. Края шкур накладывали один на другой и скрепляли (связывали) пришитыми к ним ремнями. Свободные концы ремней в нижней части привязывали к нартам или тяжелым камням, что обеспечивало покрытие неподвижность. Для наружного покрытия требовалось 40–50 оленьих шкур. В ярангу входили между двух половин покрытия, откидывая в стороны их края. Для зимы использовали новые покрытия (иногда двойные), для лета – бывшие в употреблении. Пастухи, перегонявшие стадо на новое пастбище, жили в небольших ярангах с легким покрытием и маленьким спальным пологом (Вдовин, 1965; 1987; Леонтьев, 1958–1970, 1973).

Очаг находился в центре яранги, под дымовым отверстием. Самым теплым местом яранги и полуземлянки был полог. Напротив входа, у задней стены, устанавливали спальное помещение – полог – в виде параллелепипеда, сшитого из самых толстых шкур мехом внутрь. Форма полога поддерживалась при помощи шестов, пропущенных через множество петель, пришитых к шкурам по линиям конфигурации. Концы шестов опирались на стойки с развилками, а задний шест привязывался к каркасу яранги. Средний размер полога – 1,5 м в высоту, 2,5 м в ширину и около 4 м в длину. Пол полога застилался циновками, поверх них – толстыми шкурами. Постельное изголовье – два продолговатых мешка, набитых обрезками шкур, – находилось у выхода. Укрывались одеялом, сшитым из нескольких оленьих шкур. Полог принадлежал одной семье. Иногда в яранге или полуземлянке было 2 полога. У приморских чукчей в XVIII–XIX вв. каркас яранги сооружался как из дерева, так и из костей кита. Покрывалась яранга моржовыми шкурами (как и у эскимосов) и не имела дымового отверстия. Полог также изготавливали из моржовой шкуры. Состоятельные чукчи имели пологи 9–10 м в длину, 3 м в ширину и 1,8 м в высоту. Освещались и обогревались такие пологи, как и у всех автохтонов, жирниками с использованием китового или тюленьего жира. Внутри полога вдоль стен протягивали ремни, на которых сушили одежду и обувь. В конце XIX в. для покрытия яранг, особенно в летнее время, стали использовать парусину и др. прочные материи (Вдовин, 1965, 1987; Леонтьев, 1958–1970, 1973).

В жилище устраивали и «ловушки для холода» из ям и вертикальных камней.

Поселения приморских жителей располагались так, чтобы было удобно наблюдать за передвижением морского зверя: в основании выдающихся в море галечных кос, на возвышенных местах, которые летом хорошо просушивались солнцем и ветром.

Наиболее древним типом жилища эскимосов была каменная постройка с углубленным в землю полом (нынлю). Стены складывали из камней и китовых ребер, верхние концы которых перекрещивались. Каркас покрывали моржовыми шкурами, обкладывали толстым слоем дерна, камнями и сверху еще раз покрывали шкурами. Особым типом зимнего жилища у эскимосов (Руденко, 1947) и керексов (Иохельсон, 1908: 468) было снежное иглу. Иглу строили во время зимних охотничьих экспедиций. Летнее жилище эскимосов – палатка из шкур моржей с каркасом из деревянных жердей или соединенных в длинные жерди рогов оленей, моржовых или китовых костей, связанных ремнями. Низ крыши крепили большими камнями. Пол мостили костями черепа и лопатками кита. В постоянном жилище делали два выхода: летний и зимний. Стены коридора крепили позвонками кита. Отверстие в крыше служило для освещения и проветривания. Если землянку строили с одним входом, то летом ее покидали, оставляя для просушки, и жили во временных шалашах. В XVII–XVIII вв. полуподземное жилище стало сменяться каркасной постройкой мын'тыг'ак, похожей на чукотскую ярангу. Основанием ее служила двойная каменная стенка высотой до 130 см, которую внутри засыпали землей, снаружи обкладывали дерном и покрывали моржовыми шкурами. На этом основании закрепляли остов крыши из жердей, также покрытый моржовыми шкурами. Круглое в плане жилище внутри разделялось на холодную часть (натык) и теплый полог (агра). Летнее жилище – четырехугольная палатка (пыльюк), формы косоусеченной пирамиды, причем стенка со входом была выше противоположной. Каркас ее из бревен и жердей покрывали моржовыми шкурами. Внутри устанавливали полог из оленьих шкур (Меновщиков, 1959; Файнберг, 1964).

В конце октября, когда байдара вытаскивалась из воды на берег, закрывалась дверь коридора-лаза. Она прочно закладывалась сухой травой и засыпалась землёй. После этого, чтобы попасть в юрту, нужно было спускаться по бревну-стремянке, специально для этих целей поставленному вертикально к верхнему отверстию. Очень тяжёлые вещи, а также больных и немощных стариков поднимали и опускали в юрту при помощи ремней.

Сведения о полуземлянке кереков дополняет Леонтьев: «Пол... засыпался галькой. Вдоль стен тянулся земляной выступ, на него, обычно, клали различные хозяйственные вещи. Когда усиливались морозы и выпадал снег, к землянке пристраивался длинный коридор из снега» (Леонтьев, 1983: 164; 1976). Максимальное число проживающих в одном жилище зависело от размеров жилой площади и колебалось от 15 в однокамерном жилище до 50 человек в многокамерном жилище. В.И. Иохельсон (1908: 356) сообщал, что на крыше корякской полуземлянки сооружалось из бревен воронкообразное устройство, служившее для защиты верхнего входа от снежных заносов.

У приморских коряков, чукчей, ительменов и индейцев из группы атапасков существовало два входа: зимний – через дымовое отверстие – и летний – боковой (Иохельсон, 1908: 31). Многокамерные жилища (способ расширения жизненного пространства одного комплекса) с внутренними туннелеобразными переходами известны у ряда этнических групп, населяющих Северо-Восточную Азию и Северную Америку: эскимосов, приморских чукчей (Окладников, 1946), алеутов (Иохельсон, 1908: 34). Круглые полуземлянки с боковым выходом характерны для раннего этапа развития ряда культур. Это свидетельство общей традиции и единого центра распространения данного типа жилищ. Изменение размера и планировки жилища часто связывают с социальными изменениями. В развитии древнекорякской культуры наблюдается трансформация жилищ от округлого с боковым выходом к прямоугольному с округленными углами и боковым выходом и затем к восьмиугольному в плане с летним и зимним выходами. Увеличение размеров древнекорякского жилища Р.С. Васильевский (1973) связывает с изменениями в социальном строе: становлением большой патриархальной семьи. Аналогично происходит трансформация жилищ у древних ительменов: от округлой в плане полуземлянки с боковым выходом к прямоугольной с округлыми углами, а затем к прямоугольному в плане жилищу больших размеров с летним и зимним выходами (Дикова, 1983: 96). Эти изменения отчасти, возможно, были связаны с развитием общественных отношений. Появление большого, иногда многокамерного жилища у эскимосов, начиная с пунукского времени, Руденко также связывает с процессом становления патриархальной семьи (Руденко, 1947: 115).

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.А. Орехов

Список литературы

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М. : Наука, 1969. – 204 с.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М. : Наука, 1975. – 240 с.

Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск : Наука, 1971.

Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л., 1987.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. – М. : Наука, 1977.

Дикова Т.М. Новые данные к характеристике к Кончаланской стоянке // История и культура народов Северо-Востока СССР, 1964. – Вып. 8. – С. 41–53.

Иохельсон В.И. Древние и современные полуподземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. – СПб., 1908.

Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. – М. : Наука, 1983.

- Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки. 1958–1970. – Новосибирск, 1973.
- Меновщиков Г.А. Эскимосы. – Магадан, 1959.
- Орехов А.А. Древняя культура северо-западного Берингоморья. – М. : Наука, 1987.
- Окладников А.П., Нарышкин В.В. Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове (древнее поселение на реке Канчалан) // Советская этнография. – 1955. – № 1.
- Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. – Л. : Главсевморпуть, 1947.
- Файнберг Л.А. Общественный строй эскимосов и алеутов. – М., 1964.

Е.А. Окладникова

Санкт-Петербургский экономический университет

ГЛУБИНЫ И ПРОСТРАНСТВА ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТЫ

Аннотация: Уже пять лет в Санкт-Петербурге действует научно-просветительный проект «Номо Eurasicus» в глубинах и пространствах истории». В рамках проекта осуществлялась поддержка научных изысканий в области теории и истории культуры народов как древней, так и современной Евразии, распространения исторических и культурологических знаний в широкой социальной среде и обновления общекультурной компетентности современного студенчества – нового поколения созидателей интеллектуальной истории и социокультурной реальности. Основными итогами проекта стало: 1) проведение пяти научных конференций (2008, 2009, 2010, 2011, 2012); выпуск 4 томов трудов участников конференций; 2) проведение выставки памятников наскального искусства Евразии «Номо Eurasicus»: звёзды, животные, люди» (2009) совместно с ИИМК РАН, Домом учёных РАН, Русским Музеем, Ассоциацией изучения памятников наскального искусства (Кемерово); 3) создание фильма «Сибирь – Земля обетованная» (2008) (реж. О. Смакова, Москва – США); 4) участие в национальном проекте «Образование» и связанной с ним инновационной образовательной программе РГПУ им. А.И. Герцена «Гуманитарные технологии в социальной сфере» (2008); 5) в рамках этой программы подготовка серии научных трудов и учебной литературы, содержание которой базируется на междисциплинарном взаимодействии философских, социальных, гуманитарных и культурологических областей знания; 6) создание сайта проекта. Научно-просветительная работа, проведенная в рамках проекта за последние пять лет, позволяет не только подвести итоги, но и наметить перспективы работы на будущее. Одной из таких перспектив является продолжение совместных действий участников проекта в области интеграции исследований археологов, историков, этнологов и социологов, культурных антропологов, экономистов, работающих над изучением жизни народов древней и современной Евразии. Другой перспективой является просветительная работа среди молодого поколения – жителей Евразийского континента, в частности российского студенчества. Цель такой работы: сохранение и приумножение духовности, наведение мостов контактов исторической памяти. Третьей перспективой является вклад участников проекта не только в сохранение уникального культурного наследия народов Евразии, но и изучение возможностей продуктивной работы этого наследия в системе современной экономики, в частности такой его отрасли, как индустрия туризма.

Ключевые слова: Евразия, история, культура, археология, социология, просвещение, исследования.

26 октября 2012 г. в Санкт-Петербургском экономическом университете состоялась научная конференция ««Номо Eurasicus» в духовных и социальных реалиях времени». Если тематика прошлой конференции (2011 г.) касалась вопросов философии и социологии про-

странства, то тематика конференции 2012 г. была посвящена вопросам философии и социологии времени, но традиционными оставались вопросы культурно-исторического наследия народов Евразии, проблемы изучения и практики освоения историко-культурного наследия народов Евразии, социологические проблемы изучения современного евразийского общества. Конференция «Homo Eurasicus» в духовных и социальных реалиях времени» – часть научно-просветительного проекта ««Homo Eurasicus» в глубинах и пространствах истории».

Пять лет назад, в 2008 г., этот проект был задуман и впервые осуществлён как научно-просветительный, в год, когда праздновалось столетие со дня рождения археолога, академика А.П. Окладникова. Его научная деятельность прошла под знаком изучения древней и современной истории народов Сибири и Евразии в целом. Его творческое наследие является образцом методологии междисциплинарного изучения сложнейших проблем истории, археологии, культурологии, этнологии, этнографии, антропологии, палеоантропологии, палеоэтнографии и ряда других наук, предметом которых было Евразийское пространство в целом.

Реализация проекта преследовала следующие цели: 1) аналитика междисциплинарных проблем, связанных с мономерным постижением особенностей историко-, антропо-, социо- и культурогенеза, и прежде всего их ранних форм. Интеграция наук в изучении человека сегодня становится мейнстримом научной деятельности научных и университетских центров страны; 2) публикация материалов и исследований по археологии, истории, этнографии и социологии древнего и современного населения Евразии, целью которой является формирование следующих информационных баз: археологической, исторической, этнографической и социологической; 3) превращение сугубо научного обсуждения исторических проблем в пусковой момент для объединения учёных в деле обновления современной общекультурной подготовки российской молодёжи. В системе современного гуманитарного образования очень остро стоит вопрос о полноценном представлении отечественного культурного наследия на уровнях как общего, так и высшего образования. Удивительно, но те выдающиеся открытия, которые сделаны археологами, историками, этнографами, филологами, культурологами в области изучения истории культуры нашей Евразии, до сих пор не вошли в основную учебную литературу и редко используются в качестве источников в широкой научно-просветительской деятельности. Поэтому инновационная образовательная деятельность и современные гуманитарные технологии должны быть связаны с пересмотром содержания учебно-методических комплексов, посвященных отечественному культурному наследию. От того, как изложена многовековая отечественная культурная традиция, зависит формирование современной общекультурной компетентности россиян, становление их культурной идентичности и формирование чувства гордости за Отчество. К сожалению, до сих пор представление большей части российской молодежи о собственном историческом наследии не выходит за пределы знаний о двух столицах и еще некоторых городах России. Они забывают, что культура Отечества существовала и существует в глубинах истории от палеолита до современности и в пространствах от Кольского полуострова до Чукотки, от мыса Диксона до Новороссийска...

Работа участников проекта предполагала поддержку научных изысканий в области теории и истории культуры народов как древней, так и современной Евразии, распространения исторических и культурологических знаний в широкой социальной среде и обновления общекультурной компетентности современного студенчества – нового поколения созидателей интеллектуальной истории и социокультурной реальности.

Итогом работы авторов проекта стало:

1. проведение пяти научных конференций (2008, 2009, 2010, 2011, 2012);
2. выпуск 4 томов трудов участников конференций;
3. проведение выставки памятников наскального искусства Евразии ««Homo Eurasicus»: звёзды, животные, люди» (2009) совместно с ИИМК РАН, Домом учёных РАН, Русским Музеем, Ассоциацией изучения памятников наскального искусства (Кемерово).

4. Создание фильма «Сибирь – Земля обетованная» (2008) (реж. О. Смакова, Москва – США).
5. Участие в национальном проекте «Образование» и связанной с ним инновационной образовательной программе РГПУ им. А.И. Герцена «Гуманитарные технологии в социальной сфере» (2008). В рамках этой программы подготовлена серия научных трудов и учебной литературы, содержание которой базируется на междисциплинарном взаимодействии философских, социальных, гуманитарных и культурологических областей знания. Вследствие этого обсуждение проблематики данной конференции было задумано организаторами в интегративном ключе.
6. Создание сайта проекта.

Комплексность подходов авторов статей сборников, в которых публиковались материалы конференций, к изучению древних культур, разнообразие тематики, новизна имманентны как духу авторов сборника, так и личности А.П. Окладникова как учёного. А.П. Окладников был сторонником комплексных исследований в области гуманитарного знания. Возможно, причиной тому был его сибирский характер, определивший широту его научных интересов и взглядов. Родная река Алексея Павловича – Лена – течет по бескрайним просторам Северо-Восточной Азии. Само мощное и величественное течение этой полноводной сибирской реки – «Большой воды», как её называют эвенки, располагает исследователя, рождённого на её берегах, к широте и глубине размышлений, стимулирует желание взглянуть на объект изучения с «высоты птичьего полёта», будоражит мысль и требует заглянуть за исторический горизонт, погрузиться в глубины времени. Комплексный подход к изучению археологических памятников тесно связан с присущим научному творчеству А.П. Окладникова глобальному взгляду на исторические процессы, как протекавшие на просторах древней Евразии, так и наблюдаемые сегодня в рамках евразийской цивилизационной общности народов.

Глубины Евразийской истории не могут быть поняты вне современной научной картины мира и современных социокультурных потребностей общества. Даже античные авторы полагали, что невозможно рассматривать историю как отрасль гуманитарного знания, обращенную только в прошлое, а средневековые арабские путешественники указывали на когнитивную функцию любой экспедиции, научного путешествия, полевого исследования. «...Кто путешествует – тот познаёт», – писали они. Изучение прошлого важно, главным образом, тем, что оно даёт ключи к пониманию человеческой истории вообще, а главное – процессов социального и экономического развития сегодняшнего дня. Следование глобальному подходу в изучении культурогенетических процессов, происходивших и ныне происходящих на просторах Евразии, – одна из наиболее актуальных тем современной археологии, истории, социологии и культурологии.

Например, археологические находки, сделанные археологами на просторах Евразии и Ангары, в частности, свидетельствуют о широком распространении скифо-сибирского звериного стиля среди разноэтничного населения Евразийского континента. Чем обусловлено сходство культур на такой обширной территории? Языком, мифологией, идеологией, происхождением, хозяйством – кочевым скотоводством? Сложно однозначно ответить. Не везде мы можем утверждать, что создателями памятников древнего искусства были этносы, говорящие на языках иранской группы, но все-таки основа этого единства была заложена в эпоху бронзы, когда на той же территории появились изображения колесниц, запряженных лошадьми. Это явилось знаком массовых передвижений степных народов в горные страны и оазисы Внутренней Азии, а затем обратным их передвижением по Великому поясу Евразийских степей до границ Европы.

Идеи исследований А.П. Окладникова в области этногенеза, этнической истории и культурогенеза (в частности его представления о непрерывности этнического субстрата Сибири от палеолита до современности) нашли отражение в работах участников проекта под углом зрения генетического подхода.

Тематика последних конференций (2011, 2012) посвящена образам пространства и времени в менталитете народов Евразии. Пространство и время, наравне с информацией, ком-

муникацией и энергией, уже давно являются основными категориями философского и естественно-научного дискурса. Эти темы являются не только объектами исследований научных дисциплин, включая историческую семиотику, но и предметами прямого практического и экономического интереса (например работы в области популяризации памятников историко-культурного наследия народов Евразии в индустрии туризма).

Выявление, описание, интерпретация археологических материалов, подтверждающих существование сакральных ландшафтов, т.е. именно тех ландшафтов, которые создавал и в которых пребывал человек евразийский в древности, – тема обсуждения участников конференции по проекту «Homo Eurasicus» – 2011.

Сакральный ландшафт древности – загадочный исторический феномен. Не один приключенческий фильм и сериал, начиная с эпопеи об Индиане Джонсе и заканчивая «Библиотекарем», был вдохновлен магией легенд, окутывающих сакральные ландшафты и связанные с ними археологические памятники.

Сакральный ландшафт как загадочный исторический феномен привлекал и привлекает мысль геополитиков, которые ищут основания своих политических «раскладов», мифологизируя реальные географические ландшафты. Апологеты национально-освободительных движений используют понятие «сакральный ландшафт» для обоснования источников строительства новой государственности и удовлетворения своих националистических интересов и устремлений. Эзотерики, маги, экстрасенсы всех типов создали обширную литературу, в которой важное место занимает информация о «местах силы» и сакральном ландшафте.

Концептуальные подходы к изучению сакрального ландшафта как историко-географического феномена содержатся в работах представителей гуманитарной географии. Они разработали три концепции «культурного ландшафта»: 1) этнокультурную, 2) средовую и 3) аксиологическую. Этнокультурная концепция «культурного ландшафта» получила распространение среди культурологов, историков, этносоциологов; средовая – среди ландшафтоведов, а аксиологическая – среди философов.

Концептуальное осмысление феномена сакральных ландшафтов среди историков, культурологов, археологов, а также специалистов в области социологии культуры, духовной жизни и поведенческой географии имеет некоторые общие черты с научными подходами в изучении пространства в физике и математике. Например, и гуманитарии, и представители точных наук изучают виртуальные свойства пространств. Только физики и математики работают с относительными пространствами, а философы, культурологи и археологи – с социально обусловленными. Так, гуманитарии рассуждают о географическом ландшафте как результате исторического процесса. Сакральные пространства древней Евразии, согласно гуманитарным концепциям пространства, возникли в результате воздействия на природу таких сил, как общество, культура, человеческое сознание. Поэтому для описания сакральных пространств они используют понятия «душа пространства», «дух или гений места», «одухотворенные, освященные традицией ландшафты» и др. Представители точных наук используют в изучении пространства более абстрактные понятия: в физике – «размерность», «виртуальность пространства», «множественные пространства», «многомерные пространства», в геодезии – «межевание», «топография», «картография» и др.

Сакральный ландшафт – это часть сакрализованного, т.е. особым образом осмысленного человеком пространства. Как полагает один из авторов статей настоящего сборника, выдающийся российский археолог Д.Г. Савинов, мысленная «работа» с ландшафтом, которая выражается в его поэтизации, сакрализации, мысленной перепланировке и т.п., является необходимой частью земного бытия человека. Метафорически можно сказать, что сама история вращается вокруг сакральных ландшафтов, сохраняясь и воссоздаваясь ими.

Круг проблем, которые связаны с изучением сакральных ландшафтов, огромен. Они включают проблемы классификации и типологии сакральных ландшафтов. Особый круг исследовательских проблем касается практик сакрализации отдельных частей земной поверхности путем поэтизации и мифологизации/демонизации географических пространств

(геополитический подход), социологизации природных ландшафтов, т.е. осмысления людьми ландшафта как социального факта (Э. Дюркгейм). Участники проекта старались приблизиться к решению этих проблем с разных сторон, применяя различные исследовательские методики, используя разнообразный эмпирический материал. Поэтому историко-культурный феномен «сакральный ландшафт» рассматривается на страницах настоящего сборника объемно, с разных сторон. Объемное видение проблем, связанных с исследованием ландшафтов, позволяет выделить три уровня существования сакрального ландшафта: 1) реальный географический (т.е. социальный, разворачивающийся в исторической перспективе), 2) виртуальный географический (например, тот уровень, на котором древнее население Евразии соотносило реальный ландшафт с уровнями модели мира) и 3) мифологический и ритуальный (т.е. ландшафт как место совершения обрядовых действий).

Таким образом, научно-просветительная работа, проведенная в рамках проекта за последние пять лет, позволяет не только подвести итоги, но и наметить перспективы работы на будущее.

Одной из таких перспектив является продолжение совместных усилий участников проекта в области интеграции разработок археологов, историков, этнологов и социологов, культурных антропологов, экономистов, работающих над изучением жизни народов древней и современной Евразии.

Другой перспективой является просветительная работа среди молодого поколения – жителей Евразийского континента, в частности российского студенчества. Цель такой работы: сохранение и приумножение духовности, наведение мостов контактов исторической памяти.

Третьей перспективой является не только вклад участников проекта в сохранение уникального культурного наследия народов Евразии, но и изучение возможностей продуктивной работы этого наследия в системе современной экономики, в частности такой его отрасли, как индустрия туризма.

Список источников

Фильм «Сибирь – земля обетованная». – URL: <http://youtube.com/watch?v=ZFfOW0ghbwA> (дата обращения: 01.02.2013).

Сайт проекта Homo Eurasicus. – URL: http://homo.eurasicus.land.ru/names_years.htm.

Е.А. Пашенцева

Южно-Сахалинск, Сахалинский областной краеведческий музей

ИСТОРИЯ НИВХСКОГО СЕЛЕНИЯ ВИСК-ВО В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX вв.

Подробное этнографическое изучение народов, населяющих остров Сахалин, началось во второй половине XIX века. Безусловно, что все селения коренных народов, обнаруженные исследователями, образованы в предшествующие исторические периоды, однако сведения о времени их возникновения отсутствуют. Объединяет их расположение, соответствующее образу жизни и традиционному типу хозяйства того или иного народа, населяющего остров Сахалин.

Первые упоминания о селении Виск-во — месте проживания нивхов — содержатся в рапорте участника Амурской экспедиции 1851–1855 гг. Н.К. Бошняка, который приводит сведения о четырех юртах в селении Виск-во на западном побережье Сахалина (Алексеев, 1974: 188).

В фундаментальном труде Л.И. Шренка «Об инородцах Амурского края» содержится описание типов жилищ народов Сахалина. Исследователь отмечает, что на северо-западном побережье острова, которое испытывает наиболее сильное влияние соседнего Приаму-

рья, зимние жилища относятся преимущественно к так называемому «китайскому типу», т. е. являются наземными постройками с окнами, глинобитными печами и отопительной системой типа кан. В селении Виск-во Л.И. Шренк насчитал пять зимников «китайского типа» при отсутствии зимних жилищ «полуподземного типа», широко распространенных на остальной территории Северного и Центрального Сахалина (Шренк, 1899: 20).

В 1891 г. Л.Я. Штерберг, проводя перепись населения сахалинских туземцев, описывает селение Виск-во как одно из крупнейших в северной части острова (116 человек). В составе хозяйства селения насчитывалось 23 лодки, 22 ружья, 273 нартовых собаки. 15 человек ежегодно ходили на заработки в Николаевск (Штернберг, 2003: 46).

В 1908 г., в связи со свирепствовавшей среди коренного населения Северного Сахалина оспой, распоряжением военного губернатора направлена экспедиция под руководством В.А. Штейгмана с целью принятия санитарных мер среди инородческого населения. Врач, побывав в стойбище Виск-во, отметил, что этого селения эпидемия не коснулась, и привил от оспы 108 человек (Доклад, 1995: 50).

С момента установления на Северном Сахалине советской власти (1925 год) руководство острова стало уделять большое внимание положению коренных народов. Так, в 1926 году Сахалинский окружной революционный комитет в целях улучшения экономического положения, культурного просвещения, медицинского обслуживания признает необходимым укрупнение мелких нивхских стойбищ (Воронина 2007: 201).

19 августа 1930 г. был образован Западно-Сахалинский туземный районный исполнительный комитет (ТузРИК) с центром в стойбище Виск-во Рыбновского района, расположенном на северном берегу залива Байкал (ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.). В подчинении ТузРИКа находились туземные советы ряда нивхских селений. В последующих документах селение Виск-во обозначается по-разному: стойбище Виск-во, село Виски, село Тузрик (по месту расположения туземного комитета). В настоящей статье используется первоначальное название селения – Виск-во.

В 1931 г. в селении Виск-во начинает строиться показательная деревня с множеством домов и хозяйственных построек (ГИАСО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.). В том же году началось строительство казённого здания для ТузРИКа и школы-интерната на 40 мест (ранее школа располагалась в нивхском зимнем жилище) (ГИАСО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 4. Л. 59.). По распоряжению ТузРИКа построена амбулатория № 14 Наркомздрава, которая обслуживала не только туземное население, но и близлежащие русские села и рыбные промыслы, возведена баня, топившаяся не менее одного раза в месяц. Воду для пищи и хозяйственных нужд брали из колодцев (ГИАСО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 19, 42.).

Ко времени появления ТузРИКа на полуострове Виски существовало несколько рыболовческих артелей, которые в целях увеличения мощности рыболовческих колхозов были объединены в один колхоз «Красный Байкал», расположенный в районе селения Виск-во. Помимо данного колхоза на полуострове размещался рыбный промысел «Виски» (ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 27. Л. 66).

Размещение учреждений и строений ТузРИКа отражено на плане участка земельного отвода колхоза «Красный Байкал» и стойбища Виски (рис. 1). В соответствии с планом они располагались на левом берегу ручья Зимник, в 500 метрах к западу от полуострова Виски. Селение состояло из трёх рядов построек, разделённых двумя улицами. В его центральной части находилась площадь, на северо-востоке от нее – здание РИК (районный исполнительный комитет), на юго-западе – школа, на востоке – колодец. Несколько поодаль, приблизительно в 50 метрах к северо-востоку от площади, отмечено здание больницы (ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 27. Л. 66).

Период существования Западно-Сахалинского ТузРИКа был недолгим. 5 декабря 1933 года областным исполнительным комитетом принято постановление, в соответствии с которым Западно-Сахалинский туземный районный исполнительный комитет объединялся с Рыбновским под названием «Рыбновский национальный исполнительный комитет» (ГИАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 18. Л. 25.). Центр Рыбновского района находился на Промысле № 5 (в 1952 году переименован в пос. Рыбновск) (Подпечников, 1997: 88).

ПЛАН

участка земли отведенного для концентрации туземного колхоза «Красный Байкал»
стойбище «Виски». Рыбновского района Сахалинской области. Схема ситуации и
ограничения произведены Сах зем партией Т.В.П. в 1932 году. План составлен по
истинному меридиану. Склонение магнитной стрелки западное 11 02

Рис. 1. План участка земли, отведенного для концентрации туземного колхоза «Красный Байкал»
стойбище «Виски». 1932 год (ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 27. Л. 66)

В послевоенные годы вновь произошла реорганизация. В январе 1947 г. в районе существовало 9 рыболовецких колхозов. В соответствии с постановлением правительства 7 из них, в том числе колхоз на мысе Виски, переселены в полном составе на Южный Сахалин (Воронина, 2007: 202).

В 1962 г. решением Сахалинского облисполкома 17 населенных пунктов «как фактически не существующие», в их числе Тузрик, были ликвидированы (Подпечников, 1997: 91).

Таким образом, в истории нивхского селения Виск-во в рассматриваемый отрезок времени условно выделяются два этапа. В рамках первого этапа Виск-во существует как нивхское селение, исторически возникшее на выгодном местоположении. К началу XX века оно являлось одним из крупнейших нивхских поселений на острове. Селение Виск-во располагалось на полуострове Виски, закрывающим вход в богатую рыбой лагуну Байкал. Население имело возможность вести промысел в водах как Сахалинского залива, так и лагуны Байкал. От города Николаевска в устье Амура до селения Виск-во дорога проходила по самому доступному и короткому пути — зимой по льду, а летом по водам Сахалинского залива и Амурского лимана. Нивхи, проживающие здесь, вероятно, имели приработок, выступая в роли наёмных перевозчиков почты и других грузов, о чем свидетельствует большое количество лодок и нартовых собак в селении. С последним обстоятельством, по-видимому, связан и рост численности населения к началу XX в.

Второй этап связан с проведением Советским государством курса на коллективизацию коренного населения и его концентрацию. Проведение данной политики приводит к росту

населения селения Виск-во, появлению в нём колхоза, учреждений социально-бытового и культурного профиля. Однако уже к началу второй половины XX в. положение резко меняется – административным центром становится посёлок Рыбновск, а местом концентрации нивхов северо-западного побережья острова Сахалин – село Некрасовка (бывшее селение Помры). Эти события вызвали чрезвычайно быстрый и, вероятно, вынужденный отток населения из селения Виск-во, а затем и ликвидацию его как населённого пункта.

В настоящее время на месте, где когда-то существовало крупное нивхское селение, сохранились лишь остатки былых строений, которые безжалостно разрушают море и ветер.

Список литературы

Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849–1855 гг. – М. : Мысль, 1974.

Административно-территориальное деление Сахалинской области. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное издательство, 1986.

Воронина Е.В. Мыс Виски // Вестник Сахалинского музея. – 2007. – С. 201–203.

Доклад о действиях экспедиции начальника ее, врача, коллежского советника Штейгмана, командированного военным губернатором острова летом 1908 года // Труды государственного архива Сахалинской области. – 1995. – № 1. – С. 47–87.

Подпечников В.Л. История населенных пунктов Рыбновского побережья // Краеведческий бюллетень. – 1997. – № 2. – С. 79–98.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. – СПб. : Императорская академия наук, 1899. – Т. 2.

Штернберг Л. Я. 2003. Данные об инородческих селениях, расположенных между мысом святой Марии и постом Александровским в Александровском округе, на основании детальной переписи произведенной в 1891 г. Л.Я. Штернбергом // Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века. – Южно-Сахалинск : СОКМ, Ин-т наследия Бронислава Пилсудского. – С. 45–47.

ГИАСО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1.

ГИАСО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 4.

ГИАСО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 18.

ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 24.

ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 27.

Приложение № 1

Динамика численности населения нивхского селения Виск-во с середины XIX до середины XX вв.

Годы	Численность	Количество домов
1852	60 человек	4 юрты
1855	-	5 зимников «китайского типа»
1891	116 человек (55 мужчин, 61 женщина)	7 юрт
1908	122 человека (62 мужчины и 60 женщин)	21 юрта
1926	139 человек (11 человек в селе Виски)	-
1931	126 человек (15 человек в селе Виски)	-
1937	233 человека (75 человек в селе Виски)	-
1947	-	4–5 домов

(Алексеев 1974: 186; Шренк 1899: 52; Штернберг 2003: 45; ГИАСО. Ф. 1170. Оп. 3. Д. 22. Л. 19; Административное 1986: 47; ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 26. Л. 10; Административное 1986: 51; Воронина 2007: 202).

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВИСК-ВО

В 1979 году С.В. Горбуновым обнаружено скопление остеологических остатков на мысе Виски в Охинском районе Сахалинской области. В 1980 году к месту находки выехали сотрудники Сахалинского областного краеведческого музея (СОКМ) под руководством В.О. Шубина. Отрядом собрана крупная коллекция костей, разбросанных по обнажению склона песчаной дюны. Культурно-хронологически собранную коллекцию В.О. Шубин соотносит с сахалинскими нивхами (Шубин и др., 1984: 28).

В 2006 году исследования в северо-западной части острова проводила научный сотрудник СОКМ Е.В. Воронина. В ходе работ автором зафиксированы остатки летнего селения на полуострове Виски, собрана коллекция инвентаря, относящегося к культуре нивхов (СОКМ НА. Оп. 3. Д. 655. Л. 55–56).

В 2012 году при проведении археологической разведки участка северо-западного побережья сотрудниками Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ в районе мыса Виски переобследован и выявлен ряд объектов, включая поселение Виски-1, поселение и курганный могильник Виски-2 пункты 1–3 (рис. 1). Описание этих объектов представлено в настоящей статье.

Рис. 1. План расположения объектов культурного наследия, выявленных в 2012 году

Поселение Виски-1 располагается на одноимённом полуострове, в его центральной части. На поверхности присутствуют множественные дефляционные выдувы.

Поселение включает следующие объекты. На подмытом штормами обрывистом склоне дюны фиксируются остатки наземного жилища № 1, представленные остатками опорных столбов и рухнувшей кровли, крытой берестой. Широкое использование в быту бересты характерно для нивхов острова Сахалин. Вокруг жилища, а также у основания дюны собран подъёмный материал (деревянный ковш, кожаный ремешок, фрагмент латунной пряжки ремня и др.). Внешний вид и степень сохранности находок позволяют предполагать время существования жилища – в первой половине XX века.

Остатки жилища № 2 располагаются в 300 метрах к востоку от жилища № 1 в размытой штормами ложбине между двумя дюнами. В центральной части почвенного обнажения

фиксируются остатки железной печи. Наличие печи прямо указывает на то, что в данном месте располагалось жилище. На это указывает также обнаружение двух корродированных топоров. По словам местного рыбака Ю.В. Петрова, в этом месте после сильных штормов он собирает бронзовые изделия и монеты. Собранную коллекцию Ю.В. Петров передал в Учебный музей археологии СахГУ. Типологически бронзовые украшения имеют прямые аналогии в культуре нивхов. По легенде на советских монетах, датированных 1923–1936 гг., а также степени сохранности артефактов и их внешнему облику предполагаем существование жилища № 2 – в первой половине XX века.

Жилища № 3–6 расположены в ложбинах между песчаными дюнами с интервалом от 70 до 300 метров друг от друга. Все они представляют собой песчаные холмики высотой 0,5–0,7 м, размерами 8×8 – 10×10 м. На поверхности холмиков видны торчащие доски, разбросан хозяйственно-бытовой инвентарь.

Поселение Виски-1 имеет прямые этнографические и исторические параллели. При соотнесении границ поселения с топографическим планом колхоза «Красный Байкал», составленным в 1932 году, видно, что на данном участке в рассматриваемый период располагалось селение Виски (ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 27. Л. 60).

При обследовании территории, прилегающей к полуострову, выявлен ряд объектов, получивших название «Полуостров Виски Поселение 2». Объекты локализованы в трёх пунктах. Поселение Виски-2 пункт 1 расположено на левобережной террасе ручья Байкальский. Объекты данного пункта представлены тремя прямоугольными в плане западинами жилищ подземного (8×5×2,5 м) и полуподземного типов (10×10×0,6 и 8×5×1 м). По периметру западин фиксируется обваловка. Стенки западин крутые, не оплывшие. В восточном углу западины № 3 фиксируются остатки бревенчатой обкладки и часть дверного косяка со следами крепления железной петли. Предполагаемое время существования западин – первая половина – середина XX века.

Объекты пункта 2 поселения Виски-2 более разнообразны. Здесь представлены: 1) остатки наземных сооружений; 2) жилищные западины полуподземного типа; 3) концентрические возвышения, окружённые по периметру ямками – типологически интерпретируемые как остатки погребений в курганных насыпях (Василевский, Грищенко, 2012: 37).

Остатки наземных сооружений представлены прямоугольными в плане наземными объектами (внутри них фиксируются остатки полуистлевших брёвен перекрытия). Сопоставление планиграфических данных с планом земельного участка колхоза «Красный Байкал» 1932 года показывает, что обнаруженные объекты в целом коррелируют с планом и являются остатками здания Районного исполнительного комитета, школы, больницы. К этому же периоду относятся, вероятно, обнаруженные остатки колодца. Данные наблюдения подтверждаются топонимикой. Так, на топографической карте середины 1980-х годов в описываемом районе обозначено урочище Тузрик, указывающее на место размещения Туземного районного исполнительного комитета и одноимённого села.

На плане 1932 года видим, что ручей Байкальский в те годы носил другое название – Зимник (ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 27. Л. 60). По этнографическим описаниям известно, что сахалинские нивхи вели полуседлый образ жизни, совершая сезонные перекочёвки из летних селений (летников) в зимние (зимники). По описанию Л.И. Шренка, «часто летники и зимники с одним и тем же населением располагаются в непосредственной близости одни от других» (Шренк, 1899: 10).

На втором пункте поселения Виски-2 зафиксировано несколько прямоугольных в плане западин размерами от 5×5×0,8 до 9×9×1,3 м. Западины окружены валом и небольшими, размерами от одного до двух метров в диаметре и 0,3–0,5 м в глубину, ямками.

По сведениям Л.И. Шренка, в 1860-х гг. в селениях северо-западного побережья от селения Тальвант-тигр-во до селения Помрь встречаются только наземные зимние жилища китайского образца, типа *чадрыф* (Шренк, 1899: 21). Таким образом, обосновано предположение, что обнаруженные на поселении полуподземные жилища имеют более раннюю историю.

Одну из самых интересных групп объектов представляют округлые в плане насыпи, окружённые небольшими ямками или ровиками. В центральной части насыпей, как правило, расположена неглубокая западина. Размеры насыпей 6×6 – 8×8 м при высоте 0,3–0,5 м. Ямки в среднем от 0,5 до 1 м в диаметре, при глубине 0,2–0,4 м. Большинство объектов подобного типа расположено на пункте 3 поселения.

В этнографической литературе описание сооружений, соответствующих описанным выше насыпям, отсутствует. Археологическое изучение объектов данного типа – распространённых только в пределах Северного Сахалина – в последние годы продвинулось вперёд благодаря раскопкам двух подобных сооружений на поселениях Лебединый-1 [Грищенко, Кашицын] (Василевский, Грищенко, 2012: 37) и Большой Гаромай-4 [Василевский, Можяев] (Архив СЛАЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. Оп. 1. Д. 28). На основании проведённых работ исследователи делают вывод, что насыпи являются сооружениями курганного типа, возведёнными на месте ритуального погребения – кремации. Один из изученных объектов относится к эпохе неолита, второй – палеометалла.

В связи с приведёнными выше данными вопрос о культурно-хронологической принадлежности и возрасте обнаруженных на поселении Виски-2 сооружений курганного типа представляется интересным, но пока остаётся открытым.

Изложенный в статье материал позволил прийти к следующим выводам. Основная часть выявленных в районе полуострова Виски и на его территории объектов соотносится с культурой нивхов острова Сахалин и описанным в литературе селением Виск-во. Данный вывод подтверждается анализом подъёмных сборов, внешним видом и морфологическими особенностями выявленных объектов, а также данными архивных документов и этнографической литературы. Основная часть находок относится к историческому периоду: началу – первой половине XX века, то есть отражает заключительный этап существования селения Виск-во, включая образованные на его территории селение Виски и село Виски (Тузрик). В то же время предполагаем, что жители селения Виски в рассматриваемый период продолжали использовать территорию села Виски (Тузрик) и прилегающие к нему земли в качестве зимнего поселения. На существование в предшествующие эпохи на данной территории зимника (тогда как летник находился на открытом к морю полуострове) указывают данные топонимики и часть выявленных объектов – западин древних жилищ полуподземного типа на поселении Виски-2 пункт 2. Открытым остаётся вопрос о культурно-хронологической принадлежности курганного комплекса, выявленного на поселении Виски-2. Территориально он соотносится с нивхским селением, но для формулирования каких-либо выводов о принадлежности курганов нивхскому селению необходимо их дальнейшее археологическое изучение методами раскопок. Перспективным также является изучение комплекса поселений Виски-1 и Виски-2 как объектов, обладающих признаками как археологического, так и этнографического источника.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.А. Василевский

Список литературы

Василевский А.А., Грищенко В.А. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.) // Учёные записки Сахалинского государственного университета. – Южно-Сахалинск, 2012. – Вып. 9. – С. 29–41.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. – СПб. : Императорская академия наук, 1899. – Т. 2.

Шубин В.О., Косухина Г.И., Прокофьев М.М. Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея на Северном Сахалине (1978, 1980–1981 гг.). – Южно-Сахалинск : СОКМ, 1984.

Архив СЛАЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. Оп. 1. Д. 28.

ГИАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 27.

НА СОКМ. Оп. 3. Д. 655.

**«МАЛЕНЬКИЙ ДАГЕСТАН»:
ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В РОССИЙСКОЙ АРМИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)**

Воинский устав РФ предполагает равнозначное отношение ко всем военнослужащим, независимо от их этнической принадлежности. Однако реальное межэтническое взаимодействие в армейских коллективах зачастую сопровождается серьёзными конфликтами. Эта проблема возникает, главным образом, в среде солдат срочной службы. Особенно остро межэтнический конфликт проявляется в воинских частях, имеющих специфическое название «Маленький Дагестан», в которых значительную долю контингента составляют военнослужащие – выходцы с Северного Кавказа. Данная проблема ранее в научной литературе не поднималась, тем не менее, актуальность её изучения определяется отсутствием каких-либо разработанных механизмов регулирования конфликтов на почве межэтнических отношений в Российской армии. Источником послужили воспоминания и личные впечатления, полученные автором во время прохождения воинской службы в 2008–2009 гг.

Прежде чем переходить непосредственно к анализу проблемы межэтнического взаимодействия, необходимо раскрыть специфику неформальных отношений в воинском коллективе. Они характеризуются наличием разнообразных по форме и содержанию вертикальных и горизонтальных связей. Наиболее известным примером таких отношений является *дедовщина* – тип неформальной иерархии в воинском коллективе, возникающий между старослужащими и молодым пополнением солдат срочной службы. Гораздо менее известен тип неформальной иерархии в среде солдат одного призыва. Данная иерархия имеет трёхчастную структуру: *перца*, *нормальные пацаны* и *флегмы*. *Перца* – это лидеры коллектива, способные им управлять. Именно поэтому их чаще всего назначают *старшими* (а впоследствии они могут войти в сержантский состав), и они становятся ответственными за распределение работ. Тогда неформальные отношения, сложившиеся в коллективе, получают официальное признание. *Перца* часто используют своё положение в личных целях, занимаются вымогательством (иными словами, перераспределением денег в коллективе). *Флегмы* – эксплуатируемая часть коллектива. Как правило, они выполняют самые грязные и унижительные с точки зрения военнослужащих работы. В воинских коллективах существуют и неформальные равноправные связи – это различные *землячества* (региональные, этнические и пр.).

Отличие «Маленького Дагестана» от «обычной» воинской части заключается в том, что верхнее звено в неформальной иерархии занимают солдаты – выходцы с Северного Кавказа, которые также отвечают за распределение работ и денег, «следят за порядком» и используют «подчинённых» в своих личных целях, могут заниматься вымогательством. Однако эти военнослужащие одновременно противопоставляют себя всей армейской системе в целом, поскольку категорически отказываются выполнять что-либо, кроме обязанностей *старших*, игнорируют построения, занятия, не выполняют приказы и пр. При этом офицеры исправить ситуацию не могут. Более того, офицеры сами часто прибегают к помощи этих солдат.

«Маленький Дагестан», по сути, представляет собой очень сплочённое землячество в пределах одного гарнизона (хотя отмечаются спорадические связи между северокавказскими землячествами разных гарнизонов). Оно отличается безусловной поддержкой всех землячков. Землячество может существенно поддерживаться северокавказской диаспорой, проживающей в соседних с воинской частью сёлах. Такая сплочённость позволяет землячеству управлять большинством, в полном соответствии с теорией элит Г. Моски (Моска 1997: 121). В северокавказском землячестве существует своя иерархия. Во-первых, у него обязательно есть лидер (*nana*), во-вторых, есть разделение на *старослужащих* и *молодых*.

Молодые «следят за порядком» ежедневно, *старики* – только в «особых» случаях. Выделяя себя из числа солдат других национальностей, члены землячества называют себя *нерусскими*, тогда как всех прочих называют *русскими*. В землячество не входят люди, исповедующие ислам, но не принадлежащие к народам Северного Кавказа. Таким образом, религиозный фактор не играет никакой роли в самоидентификации северокавказского землячества. Кроме того, верующий может завоевать у землячества уважение независимо от конфессиональной принадлежности.

Следует уделить особое внимание вопросу механизмов, к которым прибегает землячество для управления большинством. Оно умело сочетает устрашение с принципами воровской морали, что в какой-то степени делает их власть в коллективе легитимной. Кроме того, землячество сохраняет сложившиеся в коллективе отношения, т.е. грязную работу будет выполнять именно *флегма*. Таким путём создаётся определённый баланс, однако он не устраняет напряжения, а лишь поддерживает ситуацию латентного конфликта, который, хоть и редко, но прорывается наружу – тогда происходят серьёзные стычки. Сказывается и более низкое положение большинства, и отношение офицеров к землячеству, и экстремальные условия службы в целом. Кроме того, обострить ситуацию могут воспоминания о чеченских конфликтах 1994–1996 и 1999–2000 гг.

По мнению В.И. Самойлова, «отношения такого рода проявляются <...> там, где вышестоящая формальная организация лишает членов <...> группы возможности удовлетворять на приемлемом уровне материальные и социальные потребности <...> как это имеет место в среде заключённых или же военнослужащих» (Самойлов, 2006: 18). Данный тезис находит подтверждение на фактическом материале. Дело в том, что офицеры в качестве дисциплинарного взыскания широко применяют метод *наказания коллективом*, когда за проступок одного человека ответственность несёт весь коллектив в целом. В большинстве армейских коллективов есть люди, которые в силу разных причин не справляются с заданием или выполняют его неправильно. Таких военнослужащих и называют *флегмами* (иногда *косячниками*). Получается, что коллектив должен, если он хочет избежать подобного наказания, решить «внутренние проблемы» самостоятельно и заранее, до того, как *флегма* себя «покажет» перед командованием. Тогда за их «воспитание» берутся *перца*, используя при этом далеко не гуманные методы.

В этнографической литературе подобные отношения описаны на примере коллектива заключённых. Например, Л. Самойлов указал на «сходство уголовной среды с первобытным обществом», включающее свои обряды инициации, табуирование, разделение на высшую, среднюю и низшую касты, и т.д. (Самойлов, 1990: 101–104). Он полагает, что причина сходства кроется в психофизиологической природе человека, сформировавшейся 40 тыс. лет назад, то есть человек приспособлен жить именно при родовом строе. Архаизация же проявляется в условиях дефицита культуры (Там же: 103–104). В.Р. Кабо, в свою очередь, подчеркнул наличие разницы между воспроизводством архаических структур в современную эпоху и классическим первобытным обществом: архаизация возникает в условиях борьбы за выживание, а не вследствие сохранения «пережитков» (Там же: 112–113).

Явление архаизации происходит и в армейском коллективе. В таком случае между военнослужащими создаются весьма специфические отношения, имеющие, в том числе, этническую окраску. Следует согласиться с В.Р. Кабо, что причина их появления – пребывание коллектива в экстремальных условиях: постоянное физическое и психологическое напряжение, моральное унижение, коллективная ответственность, ограниченность материальных и духовных ресурсов. В таких условиях разные этносы выстраивают свои стратегии поведения. Нельзя не заметить, что проблема межэтнического взаимодействия в дальневосточных воинских частях не является сугубо армейской. Здесь отражаются противоречия и конфликты, существующие в современном российском обществе.

Список литературы

- Кабо В.Р. Структура лагеря и архетипы сознания // Советская этнография. – 1990. – № 1. – С. 108–113.
- Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли, 1997. – Т. II. – С. 118–134.
- Самойлов В.И. Реформирование военной организации российского общества: функциональный подход // Вестник МГУ. – 2006. – № 1. – Серия 18. Социология и политология. – С. 3–23.
- Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. – 1990. – № 1. – С. 96–108.

У.В. Светачева

Абакан, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

ЖИЛИЩЕ В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Жилище, являясь своеобразным сакральным пространством, укрытием человека от внешнего мира, находилось в тесной связи со сферой духовной, ритуальной. А.К. Байбурин отмечает, что связанные со строительством жилища обряды воссоздают идеальный образ дома, а также идеальный образ семьи, проживающей в нем, а потому их с равным основанием можно рассматривать как обряды, посвященные созданию социальной микроструктуры (Байбурин, 1983: 15). М. Элиаде было введено понятие иеротопии – создания сакральных пространств, рассмотренного как особый вид творчества (Лидов, 2012). В своей статье мы рассматриваем несколько групп обрядовых действий русского населения юга Средней Сибири, связанных с жилищем: обряды при закладке дома, обряды, связанные с новосельем, и поверья, связанные с домовым.

Существовали приметы для выбора места будущего дома: на предполагаемом будущем подворье раскладывали кусочки коры или бересты. Утром смотрели, где наиболее сухая нижняя сторона. Могли все это оставить на месте на несколько дней, чтобы затем узнать, кто поселился под корой или дощечкой: если муравьи или дождевые черви, то место вполне пригодно для строительства дома (Андюсев, 2006: 132). Существовали и специальные гадания для выбора места. Для этого пекли три или четыре булочки, приносили их на подносе (за пазухой) в предполагаемое место и роняли на землю. В зависимости от того, как они упадут, определяли, стоит ли строить в этом месте будущий дом (Верник 2005: 63; Андюсев 2006: 276–277). Зерно и хлебные изделия часто выступают в роли индикатора и наделены устойчивым кругом значений: богатство, плодородие. Выпечка хлеба в ритуальных целях всегда связана с идеей возникновения, зарождения начала, создания чего-то нового (Байбурин, 1983: 41–44).

А.А. Верником записана следующая примета: «При кладке первого венца замечали, куда упадет стружка от первого удара топором. Если она вылетит за пределы будущего дома, мечь неблагоприятно и нужно подыскивать другое, если же стружка упадет внутрь сруба, это хороший знак и можно продолжать строительство» (Верник, 2005: 63–64).

В советский период многие поверья, связанные со строительством жилища, были забыты. В этом вопросе стали чаще руководствоваться рациональными практическими соображениями. Но некоторые поверья сохранились, например, дом нельзя было строить на дороге. «Когда хотели строить дом, узнали, что там проходила дорога и отступили на 20 метров» (Кочеткова, 1937).

В системе представлений восточных славян построенный, но не заселенный жильцами дом становится отдельным, выделенным из остального пространства объектом. Он еще не принадлежит к сфере «культуры», но уже выделен из «природы», а потому возникает не-

обходимость действий, направленных на вытеснение природного начала и окончательного инкорпорирования дома в область освоенного (Байбурин, 1983: 104). К.А. Авдеева отмечала такие традиции: при переходе в новый дом или на квартиру сначала вносили икону и хлеб-соль, потом петуха и курицу, а устроившись, делали новоселье, угощали родных и знакомых обедом, а потом все присутствующие при новоселье посылали хлеб-соль» (Авдеева, 1843: 115). Новоселье в Енисейской губернии называлось «влазины». Считалось, что в новый дом надо переходить только на «полный» месяц, при переходе звали с собой домового (Андюсев, 2006: 204).

Одним из главных явлений в сакрализации жилища следует назвать веру в домового. Среди чалдонов распространены обращения к нему «хозяин», «соседко». Часто он представлялся в облике умершего члена семьи или схож внешне с живущим хозяином дома. Народное сознание пронизано верой в то, что домашний дух является постоянным, действенным участником жизни людей, семьи (Прищепа, 2002: 8). Представления о домовом наиболее устойчивые, даже сейчас можно услышать истории о домашнем духе. «Было. Я сама, когда папку судили, на печке сижу, а из подполья, ну, кошка не могла же поднять такой ящик с луком. А потом, как бы домовый плакал, плакал, аж выл. А вот недавно, год или два назад, у дочери у Маши, она встала и заплетенные – заплетенные волосы» (Алексейчик, 1938). Нельзя было, принеся в дом дрова, бросать их – домовый мог испугаться громкого звука (Кочеткова, 1937).

Важным моментом является ориентация жилища и представления о внутреннем пространстве. Ориентируя жилище, человек тем самым связывает его со своими представлениями об организации мира. А.К. Байбурин говорит о трех критериях классификации внутреннего пространства жилого помещения: расположение печи, переднего угла и направление, в котором повернуто устье печи. Точкой отсчета является вход в жилище (Байбурин, 1983: 125). Дверь в избе русских старожилов обычно делалась «к солнцу», а печь устанавливалась в углу у стены, в которой находилась входная дверь, что соответствовало севернорусским традициям (Верник, 2005: 64). В с. Идринском нами отмечены печи, расположенные у стены слева от входа, устьем к двери, что характерно для западнорусского типа (Байбурин, 1983: 125). Печной угол считался грязным в отличие от остального чистого пространства избы, а потому его стремились отгородить от остального помещения. (Баранов, 1999: 46). Во внутреннем пространстве жилища выделяется несколько сакральных мест: углы, прежде всего красный и печной, печь, стол – центр жилища. У русских старожилов региона красный угол располагался между стеной, выходящей на улицу и во двор (Пейзен, 1903: 310–313). На самом почетном месте под иконами садился глава семьи и гость. Постели на пристенных лавках обязательно размещались головой к изголовью, ложиться ногами к иконе считалось «грешным». Головой в передний угол клали покойника (Андюсев, 2006: 199). Даже в советское время красный угол в некоторых домах сохранялся (Селегина, 1932).

Одной из главных черт жилого пространства является противопоставление внешнему миру, его ограниченность. В этой связи важно отметить роль такой границы – порога. Существовал ряд примет, например, через порог нельзя давать деньги (Кочеткова, 1937). Важную роль играла матица. «Матица дом держит», – говорили сибиряки. На матицу в избе подвешивалась на гибкой жерди кровать для младенца (Андюсев, 2006: 137). Укладка матицы являлась кульминационным моментом строительства дома (Мазалова, 1999: 101).

Научный руководитель: к.и.н., К.М. Торбасаев

Список литературы

- ПМА, Алексейчик Любовь Григорьевна. 06.11.1938, с. Идринское.
ПМА, Кочеткова Любовь Александровна, 28. 08. 1937, с. Идринское.
ПМА, Селегина Анастасия Петровна, 02.02.1932, с. Идринское.
Авдеева К.А. Записки о старом и новом русском быте. – СПб., 1843.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – М. : Наука, 1983.

Баранов Д.А., Баранова О.Г., Мадлевская Е.Л., Соснина Н.Н., Фишман О.М., Шангина И.И. Русская изба. – СПб. : Искусство, 1999.

Верник А.А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинской котловины (2 половина XIX – нач. XX в.). – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2005.

Лидов А.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Электронная научная библиотека. – URL: <http://www.rusarch.ru> (дата обращения: 21. 09. 2011).

Мазалова Н.Е. Человек и дом: тождество русских представлений // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. – СПб., 1999. – С. 101–110.

Пейзен Г. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. Из путевого журнала 1857 г., 1903.

Прищепа Е.В. Представления о домашнем духе русских старожилов Хакасско-Минусинского края. – Абакан : Изд-во ХГУ, 2002.

Р.А. Смирных

Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

СОВРЕМЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К НАРОДНОЙ МУЗЫКЕ И ЕЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВУ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ОМСКА

Поиски национальной самобытности, национальной идентификации в истории отечественного музыкознания не новы. На протяжении не только десятилетий, но и столетий в музыкознании предпринимались попытки осознать природу русского музыкального искусства. В исследованиях, посвященных истории развития в России гитары, скрипки, арфы, фортепиано, отмечается огромное значение русской народной музыки для формирования отечественной исполнительской и композиторской школ (Имханицкий, 1998: 9).

Для того чтобы проанализировать современное отношение к народной музыке и ее исполнению в городской среде Омска, нами была составлена анкета по изучению народных инструментов в культуре города. Данные, полученные с ее помощью, позволяют судить не только об отношении к народной музыке, но и о степени распространенности народных инструментов в любительской среде.

Всего в исследовании приняло участие пятьдесят человек, которые были разделены на три возрастные категории: от 15 до 20 лет, от 21 до 30 лет и старше 31 года. Как видно из данных таблицы по первому вопросу, наименьшую симпатию народная музыка вызывает у лиц от 15 до 20 лет (всего 53 % респондентов), тогда как у более старших возрастных групп она пользуется гораздо большей популярностью (71 % и 87 % соответственно). Связано это, с одной стороны, со спецификой самой народной музыки, которая в определенной степени восходит к истокам и многовековым традициям того или иного этноса, а с другой – со спецификой данной возрастной группы. «Сейчас молодежь стесняется играть на народных инструментах и петь народные песни – это действительно так. Время сейчас такое. Дети боятся быть несовременными» («Тараторим.Ру» – Набережные Челны, городской форум: Обсуждение «Как вы относитесь к народной музыке?»): электронный ресурс).

Сложнее ситуация образовалась с ответами на третий вопрос. Респонденты всех возрастных групп продемонстрировали плюрализм в предпочтениях различных видов народной музыки, однако у каждой группы людей были самые популярные варианты ответов. Так, среди всех лиц младше 31 года наибольшей популярностью (46 %) пользуется инструментальная музыка, в то время как у людей старше 31 года (48 %) самым популярным ответом

стало «хоровое пение». Некоторые респонденты указывали даже любимые хоровые коллективы: Хор имени М.Е. Пятницкого и Кубанский казачий хор (Архив МАЭ ОмГУ: 40). Примечательно, что некоторые респонденты, выбравшие в качестве предпочтительного направления в народной музыке фольклорные ансамбли, уточняли, что их любимым направлением является фолк-рок.

Таблица 1

Отношение к народной музыке в целом

Вопросы	Возраст, лет		
	15–20	21–30	31 и более
1. Нравится ли Вам русская народная музыка? а) Да б) Нет в) Другое	9 8 –	12 5 –	14 2 –
3. Какую народную музыку Вы предпочитаете слушать? а) Фольклорные ансамбли б) Инструментальная в) Хоровое пение г) Никакая д) Другое	5 9 6 2 1	4 10 3 2 –	4 6 10 1 –
4. Какое исполнение народной музыки Вам нравится? а) Запись на носителе б) Концертное в) В компании д) Другое	2 12 6 –	3 7 4 3	2 12 7 –
5. Какие русские народные инструменты Вы могли бы назвать? а) Балалайка б) Гусли в) Баян\аккордеон\гармонь г) Гитара д) Другое	9 6 7 3 3	12 8 10 2 2	8 6 13 7 3
6. Как Вы считаете, в каких ситуациях исполнительство на народных инструментах наиболее уместно? а) Досуг (отдых) б) Праздник в) В любой ситуации д) Другое	5 10 5 1	2 4 10 2	5 7 7 1
7. Как Вы думаете, пользуется ли популярностью в современной городской среде игра на народных инструментах? а) Да б) Нет	2 15	5 12	7 9

Составлено по: Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 216. 50 л. (материалы анкетирования «Изучение народных инструментов в современной городской среде»).

Что касается предпочтительной формы исполнения народной музыки, то у всех возрастных групп ответы оказались примерно схожими, и самым популярным ответом стало «концертное исполнение». Любительское же исполнение в компании стало вторым по популярности ответом, но это очевидно, что любая музыка, народная в том числе, гораздо привлекательнее звучит что называется «живьем», поэтому вариант «запись на носителе» оказался не столь популярным. Однако некоторые респонденты, выбирая вариант «в компании» уточняли, что немаловажную роль играет исполнительский уровень самого музыканта: «Зависит от качества исполнения, да и от самого исполнителя» (Архив МАЭ ОмГУ: 27). Нам представляется, что именно критерий исполнительского уровня музыканта, играющего на народных инструментах, является решающим в том, что преобладающей формой прослушивания народной музыки является концертное исполнительство, где мастерство музыканта чаще всего несоизмеримо выше, чем у простых любителей. В подтверждение нашей гипотезы можно привести слова К.В. Чистова: «Подлинная однородность духовной культуры этноса развивается не в фольклорной сфере, а в сфере профессиональных форм литературного, музыкального и т.д. творчества, подобно тому, как общенациональный язык развивается как письменный литературный язык» (Чистов, 1986: 39).

Пятый вопрос не включал в себя уже готовые варианты ответов с примерами конкретных народных инструментов, но для удобства интерпретации мы взяли наиболее часто упоминаемые респондентами инструменты. Сразу бросается в глаза, что отдельным пунктом была выделена гитара. 17 % лиц младше 20 лет, 11 % лиц от 21 до 30 лет и целых 43 % людей старше 31 года назвали гитару в числе известных им народных инструментов. Очевидно, что гитару в числе народных инструментов возможно рассматривать только при условии, что народность музыкального инструмента стоит понимать как массовость его распространения.

При ответе на шестой вопрос большинство представителей всех возрастных групп отметили, что наиболее подходящей ситуацией для исполнительства на народных инструментах является праздник. Как отмечает И.И. Земцовский, народная музыка и, в частности, народная песня обладают широтой функций в народном быту. Очень сильна связь народной песни с бытом, с трудовой деятельностью: это песни, сопровождающие различные виды труда, – бурлацкие, покосные, прополочные, жатвенные, молотильные. Другой вид – это обрядовые песни, сопровождающие земледельческие и семейные обряды и как раз-таки празднества, – колядки, масленичные, веснянки, купальские, свадебные, похоронные, игровые, календарные и т.п. (Земцовский, 2012). Но в условиях городской среды происходит трансформация всех вышеперечисленных функций народной песни. Любая традиция, попадающая в новую среду, начинает к ней приспосабливаться или постепенно исчезает. Народная песня, адаптируясь к городской культуре, теряет часть своих функций, что объясняется, в том числе, различием между укладами и обычаями в городе и деревне, и становится, по большому счету, либо средством забавы или увеселения на праздниках, либо средством творческого самовыражения этнических музыкальных коллективов. Но тем не менее 56 % среди респондентов от 21 до 30 лет и 29 % от 31 года и старше выбрали ответ «в любой ситуации», что позволяет нам сделать вывод о том, что сфера применения народной песни все еще остается достаточно обширной, хоть это и не носит регулярный характер.

Шестой вопрос из представленной анкеты не предполагал вариантов ответов для респондентов. Однако вполне логично было сгруппировать все полученные данные в два пункта: те, кто считает, что исполнительство на народных инструментах пользуется популярностью в современной городской культуре, и, соответственно, те, кто с ними не согласен. Как видно, большинство респондентов, притом всех возрастных категорий, считают, что в условиях современного города исполнительство на народных инструментах не пользуется популярностью.

Наконец, лишнее подтверждение получает тезис о непопулярности исполнительства на народных инструментах в современной городской среде в ходе исследования ответов респондентов на вопросы анкеты: «Умеете ли Вы играть на каких-либо инструментах?» и

«Хотели бы научиться играть, и на каких?» 62 % от всех опрошенных не умеют играть ни на каком инструменте, но 37 % из них (абсолютное большинство) в качестве предпочтительного инструмента для обучения назвали гитару.

Итак, вывод из полученных нами в ходе исследования данных можно сформулировать следующим образом: в современной городской среде народная музыка является популярным жанром только у старших слоев населения. Исполнительство же на народных инструментах как более узкая составляющая народной музыки вызывает определенный интерес и у лиц младшего возраста. Однако общей тенденцией для всех возрастных категорий можно назвать то, что все они признают непопулярность исполнительства на народных инструментах в современной городской среде. Мало кто из респондентов лично знаком с подобными исполнителями и мало кто хотел бы уметь играть на народных инструментах. Самым предпочтительным музыкальным инструментом для обучения сейчас является гитара – инструмент, считающийся русским народным только с точки зрения массовости распространения.

Научный руководитель: к.и.н., доц. А.Н. Блинова

Список литературы

Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета (МАЭ ОмГУ). Ф. 1. Д. 216.

Земцовский И.И. Народная песня // Песни советского человека. – URL: <http://www.norma40.ru/articles/narodnaya-pesnya.htm> (дата обращения: 13.10.2012).

Имханицкий М.И. Сколь народны народные инструменты? // Народник. – 1998. – № 1. – С. 24–31.

Обсуждение «Как вы относитесь к народной музыке?» // Тараторим.Ру – Набережные Челны, городской форум. – URL: <http://www.taratorim.ru/muzyka/kak-otnosites-narodnoy-muzyke-t522.html> (дата обращения: 13.10.2012).

Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. – Л. : Наука, 1986.

Е.С. Суворина

Кемерово, Кемеровский государственный университет

РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДОВ МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Переход Монголии от авторитарно-социалистической модели развития к демократической и принятая в 1992 году обновленная Конституция декларирует светский характер государства (статья 9) и свободу вероисповедания для его населения (статья 16). С 1990-х гг. начался процесс возрождения буддийской сангхи и распространения по стране целого ряда инокультурных конфессий (Сабиров, 2004б).

Традиционно Монголия считается вторым после Тибета оплотом буддизма. В начале XX века здесь насчитывалось 747 монастырей и кумирен и более 100 тыс. монахов, что составляло примерно треть мужского населения страны (Сабиров, 2012: 475). Широко известно, что политика Монгольской народно-революционной партии (МНРП), проводимая в большевистском ключе, была направлена на сведение роли ламаистской церкви в жизни населения к минимуму. Это осуществлялось главным образом через физическое уничтожение ламства и разрушение монастырей, а также путем издания Постановлений ЦК МНРП, направленных на изъятие имущества у монастырей и запрещающих отдавать детей в монастыри (Кузьмин, Оюунчимэг, 2010–2011: 133–138). После фактического уничтожения буддийской сангхи в 1930-е гг. (Сабиров, 2004а: 127) процессы «религиозного ренессанса» в 1990–2000-е гг. обретают своеобразный этнокультурный оттенок. Данная ситуация «религиозного плюрализма»

подробно описана Р.Т. Сабировым в его кандидатской диссертации и в ряде смежных публикаций (Сабиров, 2004а; Сабиров, 2004б; Сабиров, 2005; Сабиров, 2012).

По результатам проведенной в 2010 г. переписи населения Монголии из группы лиц старше 18 лет верующими себя назвали 61,4 %, причем буддистов от общего числа населения – 53,0 %, мусульман – 3,0 %, шаманистов – 2,9 %, христиан – 2,1 %, приверженцев прочих конфессий – 0,4 % (Хун ам, орон сууцны 2010 оны..., 2010).

В данных тезисах мы обратим внимание на региональные особенности религиозного ландшафта Монголии.

Проживающие на западе Монголии казахи, составляющие 88,7 % населения Баян-Улгийского аймака и 11,5 % Ховдского аймака, традиционно исповедуют суннитский ислам. В 1990 г. для возрождения религиозных традиций казахов было создано Общество монгольских мусульман. На общественном телевидении работает редакция казахских программ, организованная при поддержке дипмиссии Республики Казахстан и правительства Монголии (Кимеев, Терентьев, Акулова, Ширин, Батсуурь, 2012: 155–156). Казахскими этнологами проводятся исследования по определению архитектурных особенностей в конструкции мечетей Монголии (Ажигали, Турганбаева, 2004). Также к мусульманам относятся хотоны – небольшой тюркоязычный народ, проживающий в Тариалан сумоне Увского аймака. В поселке, несмотря на заметную долю монголизации хотонов, имеется мечеть, где жители регулярно справляют мусульманские обряды.

Сложность буддийской догматики и незнание большинством селян тибетского языка, необходимого для чтения сутр, приводит к тому, что основой народной религии монголов в сумонах являются, как и прежде, традиционные верования, именуемые Р.Т. Сабировым «автохтонными» (Сабиров, 2005). В комплекс традиционных верований большинства сельского населения входит почитание объектов природы (неба, небесных тел, окружающего обжитого пространства, гор, деревьев, водных источников и т.д.), духов местности (почитание обо), культ посвященных животных сэтэров, ритуалы календарно-обрядового цикла ламаистского календаря, повседневные астрологические наблюдения и поверья. Но для отведения необходимых обрядов (чаще всего обрядов жизненного цикла) приглашается лама.

Практически в каждой юрте есть буддистский календарь с индивидуальными рекомендациями для каждого, чаще всего составленный дербетским ламой-астрологом Лхасрангийн Тэрбиш. В основном это и является стержнем религиозных воззрений большинства сельских жителей.

На севере Монголии, в таёжной местности Хубсугульского аймака проживают цаатаны и дархаты – традиционные приверженцы шаманизма.

Что касается самой столицы, то Улан-Батор сегодня – это своеобразный микрокосм со всеми прилегающими характеристиками. «Религиозный плюрализм» здесь проявляется как нигде ярко. Наряду с буддизмом распространение здесь получает христианство (католическая, православная и протестантская церкви). Возрождаемый в 1990-е гг. буддизм встретил множество проблем, в том числе и финансовые. Поэтому значительное число монастырей на территории Монголии так и пребывают в развалинах. А некоторые, как и при социализме, продолжают оставаться объектами музейного показа. Например, большая часть построек старейшего монастыря Монголии Эрдэнэ-Дзу (1585 г.) находится в явном запустении, служба ведется в одном дугане, остальные отданы под музейную экспозицию. Целиком музеем является бывший монастырь Чойжин-ламын-сум, расположенный в центре Улан-Батора и зажатый со всех сторон высотными новостройками.

Подводя итог, отметим, что связанные на протяжении всей истории Монголии политические и религиозные процессы и сегодня неотделимы. Атеистическая пропаганда социалистического периода нанесла непоправимый вред религиозной ситуации в Монголии. И сегодня в условиях экономического неблагополучия эта страна делает первые шаги на пути к религиозному возрождению, имеющему свои региональные особенности.

Научный руководитель: д.и.н., доц. Л.Ю. Китова

Список литературы

- Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Казахские мечети Монголии // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Алматы; Омск, 2004. – С. 112–115.
- Кимеев В.М., Терентьев В.И., Акулова А.С., Ширин Ю.В., Батсуурь Лхагвасурэн. Очерки Западной Монголии. Т.1. Традиции и современность. – Кемерово : Примула, 2012.
- Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. Буддизм и революция в Монголии // Буддизм России, 2010–2011. – № 43. – С. 124–141.
- Сабилов Р.Т. Буддийская сангха в Монголии: конец 1980-х – 2003 гг. // Восток: история, филология, экономика. – Вып. 3. – М., 2004а. – С. 127–147.
- Сабилов Р.Т. Религиозная ситуация в Монголии: конец 1980-х – 1990-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004б.
- Сабилов Р.Т. Автохтонные верования и шаманизм в Монголии после 1990 г. // Вестник Московского университета. – 2005. – № 4. – Сер. 13. Востоковедение. – С. 20–37.
- Сабилов Р.Т. Где «центр» тибетского буддизма в современном мире? // Цырендоржиевские чтения – 2012 (V): Тибетская цивилизация и кочевые народы Евразии: кросскультурные контакты, 2012. – С. 470–486.
- Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын ур дун (Результаты переписи населения Монголии 2010 года), 2010. – URL: <http://www.toollogo2010.mn>

В.И. Терентьев

Кемерово, Кемеровский государственный университет

НАЦИОНАЛИЗМ ПО-МОНГОЛЬСКИ: ИСТОКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ*

Поиск или конструирование общенациональных идентичностей наиболее остро стоит в ряду этнических проблем большинства постсоциалистических стран. В этом плане можно провести параллель между ситуациями в России и Монголии. В нашей стране сегодня идет активный процесс разработки государственной национальной политики, в котором одно из главных мест занимает понятие «российская гражданская нация», вызвавшее при обсуждении поток разногласий. В бывшей «шестнадцатой республике» также существуют свои проблемы создания концепции единой гражданской нации. Ниже мы остановимся лишь на некоторых из них, поскольку панорамное рассмотрение истоков монгольского национализма в данной статье, ограниченной объемами, крайне затруднительно.

1. В этнопроцессуальной практике современной Монголии термин «монгол» в качестве этнонима практически не используется. В Конституции Монголии, принятой 13 января 1992 года, используются формулировки «народ Монголии» и «граждане Монголии», то есть «монгол» – это, в первую очередь, политоним. Трудность формирования общемонгольской национальной идентичности и, соответственно, единой гражданской нации заключается в этническом составе населения. По состоянию на конец 2010 года он выглядел следующим образом: халха (82,40 %), казахи (3,86 %), дербеты (2,75 %), баяды (2,15 %), буряты (1,71 %), захчины (1,25 %), дариганга (1,04 %), урянхай (1,01 %) и ещё свыше 15 этнических групп (Хун ам, орон сууцны 2010 оны..., 2010). Налицо многонациональный характер кажущейся

* Исследование выполнено при поддержке АВИЦП «Развитие научного потенциала ВШ» Министерства образования и науки РФ по теме «Изучение тюркско-монгольского (ойратского) этнокультурного наследия и систем традиционного природопользования этносов российской и западномонгольской части Алтае-Саянского экорегиона».

щегося нам моноэтническим государства. И отсюда вытекает следующий момент, связанный с вопросом о времени возникновения монгольской нации.

2. Сама проблема сложения монголов как нации достаточно подробно освещена в статье польского этнолога З. Шмыта. По его мнению, существует две версии: нация сформировалась в эпоху Чингис-хана в начале XIII в., либо в начале XX в. во время национально-освободительного движения за независимость (Шмыт, 2011: 63–67). Советские этнографы полагали, что процесс формирования монгольской социалистической нации в 1960-е гг. завершился (Ральдин, 1968: 35), что вполне применимо, но только к монголоязычному большинству.

3. Если рассмотреть историко-культурное районирование территории Монголии, то можно выделить несколько обладающих самобытной идентичностью регионов. К таковым, например, относится Западная Монголия – бывший Кобдоский округ (XIX – нач. XX в.), входивший в XVII – XVIII вв. в состав Джунгарского ханства. Сейчас на её территории в основном проживают потомки этнополитической общности джунгаров (вышеуказанные дербеты, баяды, захчины и др.) и казахи. Помимо Западной Монголии в историческую область современной страны – Халха – входят четыре аймака, в основном с халхаским населением. На западе межэтническая напряженность существует между монголоязычными этническими общностями и казахами. На вопрос, адресованный к казахам, «как вы относитесь к смешанным бракам?», один из информантов из сумона Толбо аймака Баян-Улгий нам ответил: «За казаха выходить (или жениться на казашке) можно, а если выйдет за монгола (или женится на монголе) – убью».

4. Обращение к историческому прошлому и его героизация – основа создания общегосударственной идентичности. Несомненно, что данный подход актуализируется в центральноазиатских постсоветских странах в условиях разложения прежней национальной идентичности и продолжающегося социально-экономического кризиса. Символом монгольской нации сегодня становится Чингис-хан, за упоминание имени которого в советские годы могли подвергнуть репрессии. Ему устанавливаются огромные статуи, его именем названы фирмы, гостиницы и т.д., несмотря на то, что Чингис-хан давно включен в иерархию буддийских божеств и сонм шаманистских духов. И, как верно отметил З. Шмыт, образ хана, используется, скорее, в качестве маркетингового бренда, а не как сакральный символ (Шмыт, 2011: 70). Но данное величие актуально исключительно для халхаских потомков, ибо у западных монголов существуют свои культурные герои, такие, как хан Галдан-Бошогу, один из прославленных ханов Джунгарии, памятник которому установлен на площади города Ховд – административного центра Западной Монголии, или Зая-пандита – создатель ойратского (западномонгольского) письма «Тод бичиг». К слову, Галдан-Бошогу провел несколько победоносных сражений против Халхи в 1688–1695 гг.

5. Почти половина всего населения проживает в столице Улан-Баторе, и ежегодно его численность увеличивается за счет постоянной миграции из аймаков. Диалог «коренных» и «понаехавших» выливается в конфликты по отношению к последним и проявляется чаще всего на бытовом уровне негативным отношением к недавним провинциалам с обозначением их словом «худоо» (монг. «деревня», «деревенщина»). Таким образом, происходит определенное напряжение в социальных связях.

6. У большинства индигенного населения национализм также выражается в негативном отношении к китайцам, а также в ухудшающемся отношении к другим иностранцам (среди молодежи – к евреям и арабам). Причиной этого кроются в действиях средств массовой информации. К любопытным выводам в этом плане приходит этносоциолог Д.В. Ушаков (Ушаков, 2011: 11–12).

7. Пожалуй, один из наиболее острых вопросов – статус немонголоязычных этнических общностей (казахов, тувинцев) и система предоставления им национально-культурных автономий.

Несмотря на вышеуказанные коллизии, народ Монголии объединяет общий монгольский язык, единая система государственного управления и государственных институтов, единые

стандарты образования, а также, пожалуй, одну из главенствующих ролей в объединении играет монгольский ламаизм. Особенно ярко гражданская нация монголов манифестируется в период общегосударственных выборов (как, например, выборы Правительства Монголии в июле 2012 г.), а также во время поистине всенародных праздников – Наадам и Цагаан-сар.

Итак, истоки межэтнической напряженности в Монголии кроются в следующем:

- а) полиэтничный состав государства;
- б) ойрато-казахские (шире: монголо-казахские) противоречия в повседневных жизненных практиках;
- в) несоответствие создаваемой государственной этнополитической идеологии социокультурным воззрениям нехалхаского населения;
- г) бытовой антагонизм между коренными улан-баторцами и новоприбывшими;
- д) проблемы предоставления «национальным» меньшинствам национально-культурных автономий;
- е) негативное отношение монголов (в понимании данного термина как политонима) к представителям некоторых «немонгольских» национальностей.

В целом, подводя черту, следует указать один немаловажный факт: межэтническая напряженность в Монголии взаимосвязана или, скорее, базируется на депрессивной социально-экономической ситуации, господствующей на большей части территории страны и прежде всего – в Западной Монголии.

Научный руководитель: д.и.н., проф. В.М. Кимеев

Список литературы

Ральдин Х.Ц. Этнический состав современного населения Монгольской Народной Республики // Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. – М., 1968. – С. 11–35.

Ушаков Д.В. Природные и этнокультурные факторы в формировании межэтнических установок молодежи Северо-Западной Монголии // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : материалы III межрегион. конф. с междунар. участием. – Кызыл, 2011. – С. 6–12.

Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын ур дун (Результаты переписи населения Монголии 2010 года), 2010. – URL: <http://www.toologo2010.mn>

Шмыт З. Нация и этничность в Монголии // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 58–70.

К.А. Тишкина

Барнаул, Алтайский государственный университет

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ М.В. ШВЕЦОВОЙ НА АЛТАЕ*

В июне 1888 г. политссылные Сергей Порфирьевич и Мария Васильевна Швецовы получили право свободного проживания на территории Сибири. Вскоре они поселились в г. Барнауле, где принимали активное участие в мероприятиях, проводимых Обществом любителей исследования Алтая (однодневная перепись населения г. Барнаула, обследование положения переселенцев в Алтайском округе и т.д.). В ноябре 1896 г. Швецовы переехали в г. Омск, где продолжили исследовательские занятия. Так, в 1897 г. Мария Васильевна Шве-

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», шифр № 2012-1.1-12-000-3001-017.

цова стала членом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО) (Исследователи Алтая, 2000: 239).

В 1897 г. Сергей Порфирьевич Швецов получил предложение Главного управления Алтайского округа произвести на территории Горного Алтая статистико-экономическое обследование так называемых «калмыцких стойбищ» – мест проживания инородцев. Вместе с ним в поездку на Алтай отправилась и Мария Васильевна. Она помогала супругу в сборе информации и параллельно осуществляла собственные этнографические наблюдения. В центре внимания исследовательницы была духовная культура алтайских инородцев (Круссер, 1993: 74). После обработки собранных материалов 28 октября 1897 г. на заседании сотрудников ЗСО ИРГО М.В. Швецова выступила с сообщением «Об алтайских калмыках». В докладе уделялось внимание внешнему облику алтайских инородцев, их историческим преданиям, религиозным верованиям, описанию быта (Колесников, 2000: 258).

В 1898 г. результаты исследования с приложением рисунков орудий труда, бытовых сцен, археологических памятников были опубликованы в «Записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического Общества». Мария Васильевна воспроизвела зафиксированные легенды местного населения, отметила влияние христианства на бытовую сторону жизни алтайцев. Так, например, она указала, что национальный костюм носили только некрещеные, алтайцы-христиане одевались как русские люди. М.В. Швецова отметила радушие и вежливость алтайцев. Большое впечатление на неё произвели песни. Она отмечала красоту их исполнения и певучесть (Швецова, 1898а: 33).

Летом 1898 г. ЗСО ИРГО выделил средства для продолжения этнографических исследований М.В. Швецовой. С июня по октябрь Мария Васильевна осуществляла обследование мест проживания так называемых «поляков» – русских старообрядцев, высланных из Польши на Алтай во второй половине XVIII в. (Давидович, 2010: 41). Она побывала в нескольких волостях Змеиногорского и Барнаульского округов. Благодаря ходатайству перед Томским губернатором Марии Васильевне было разрешено работать с документами в архивах Главного Управления Алтайского округа и горных контор – Змеиногорской и Риддерской. Кроме того, ей позволили занятия в волостных архивах (Швецова, 2007: 426). Из архивных документов М.В. Швецовой удалось выявить важные сведения, касающиеся истории заселения Алтая староверами.

Кроме архивных изысканий она занималась фиксацией уникального фольклорного материала. М.В. Швецовой было записано множество песен (свадебных, уличных, хороводных) и причитаний. В результате экспедиционной поездки ей также удалось собрать коллекцию из 155 образцов ткачества, которые впоследствии были рассортированы по видам тканого материала: 10 холстов, 2 льняные крашенины, 22 полотна, 105 пестрядей, 1 армячина, 7 образцов рельефного мелкоузорчатого и 8 многоремизного ткачества. Большая часть собрания происходила из с. Анисимовское Боровлянской волости Барнаульского округа (Томилов, 1993: 9).

В октябре 1898 г. в помещении музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества прошла выставка этнографических предметов, собранных М.В. Швецовой во время экспедиции. Вниманию посетителей были представлены орудия труда, связанные с пчеловодством, различные предметы домашней утвари, образцы ткачества (Томилов, 1981: 87). Впоследствии данное собрание пополнило музей ЗСО ИРГО.

На заседании членов ЗСО ИРГО 10 ноября 1898 г. Мария Васильевна выступила с докладом «Из поездки в Риддерский край», содержание которого было опубликовано в «Записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» (Отчеты, 1902: 33). Мария Васильевна предприняла подробное описание положения жителей так называемого Риддерского края. По указу Сената 1779 г. все население Риддерского края было разделено на крестьян и горнорабочих. Крестьяне в основном занимались разведением скота, так как неблагоприятный климат не позволял успешно развивать земледелие. Крестьянское население отбывало заводские повинности с начала зимы до конца апреля.

Горнорабочие трудились на рудниках весь год. М.В. Швецова считала, что тяжелая работа горнорабочих отразилась на образе их повседневной жизни. Исследовательница отмечала факты грубости в семьях, распушенность в поведении людей. Мария Васильевна заявила о проблеме алкоголизма среди населения Риддерского края. «Пьют все: взрослые и дети, мужчины и женщины...», – отмечала она (Швецова, 1898б: 9). В своей работе М.В. Швецова уделяла внимание традициям риддерцев. Она представила подробное описание свадебного обряда с песнями и причитаниями.

23 декабря 1898 г. М.В. Швецова выступила на общем собрании членов ЗСО ИРГО с сообщением «История поселения поляков на Алтае». Впоследствии материалы доклада, дополненные приложением как обычных, так и обрядовых песен и причитаний, распространенных только среди поляков, были опубликованы в «Записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». В своем труде Мария Васильевна уделяла внимание описаниям жилищ, одежды, хозяйственной деятельности староверов.

Следует упомянуть, что ряд исследователей (С.И. Гуляев, Н.М. Ядринцев) проявляли интерес к изучению жизни переселенцев из европейской части страны на территории Алтая. Однако изучением быта старообрядцев кроме М.В. Швецовой никто не занимался. «В литературе об алтайских поляках имеется очень мало указаний, да и те касаются более исторической высылки их в Сибирь», – отмечала исследовательница (Швецова, 2007: 425).

Мария Васильевна Швецова внесла значительный вклад в осуществление этнографических исследований Алтая в конце XIX в. Публикации М.В. Швецовой являются ценнейшим источником для изучения быта, хозяйства и духовной культуры различных групп населения региона. Марии Васильевне удалось собрать уникальный фольклорный материал, обширные этнографические коллекции.

Научный руководитель: д.и.н., проф. Ю.М. Гончаров

Список литературы

Давидович О.М. Научная деятельность женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Женщина в истории России XVIII–XXI. Восьмые Щаповские чтения : материалы Всероссийской науч. конф., Иркутск, 1 октября 2010 г. – Иркутск, 2010. – С. 37–49.

Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века : биобиблиографический словарь. – Барнаул : Изд-во Алт. полигр. комбината, 2000.

Колесников А.А. Мария Швецова. Контур личности // Алтайский сборник. – Барнаул, 2000. – Вып. XX. – С. 255–262.

Круссер Р.Г. Исследователи Южной Сибири С.П. и М.В. Швецовы // Из истории юга Западной Сибири. – Кемерово, 1993. – С. 68–75.

Отчеты о деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. – Омск : Типография Окр. штаба, 1902.

Томилов Н.А. Этнографические коллекции в омских музеях // Советская этнография. – 1981. – № 5. – С. 84–95.

Томилов Н.А. Предметы хозяйства русских в этнографическом фонде Омского государственного объединенного исторического и литературного музея // Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. – Томск, 1993. – С. 7–12.

Швецова М. Алтайские калмыки // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Омск, 1898а. – Кн. XXIII. – С. 1–34.

Швецова М. Из поездки в Риддерский край // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Омск, 1898б. – Кн. XXV. – С. 1–27.

Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. – Барнаул, 2007. – Т. 2. – С. 425–494.

КУЛЬТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДОВ ДРЕВНЕГО АМУРА НА МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА КАЛИНОВКА-1

Изучаемый археологический памятник Калиновка, писаница - 1, находится в Магдагачинском районе Амурской области, в районе села Кузнецово. В данном месте находится вертикально отвесный каменный останец, выделяющийся формой и параметрами относительно преобладающей поверхности сглаженных форм и ориентированный основными плоскостями в сторону долины Амура. Одна из основных особенностей состоит в присутствии значительных по площади выходов палеозойских гранитов, прорезающих протерозойские структуры. Археологический памятник, прежде всего, является писаницей и представляет собой комплекс древних наскальных рисунков, выполненных красной охрой на отвесных плоскостях выделяющейся в рельефе местности скальной отдельности. Кроме этого, скала изрисована современными надписями, выполненными в разные годы краской различного цвета и состава. Этим, к сожалению, нанесён непоправимый урон данному археологическому объекту. Вместе с тем, изучаемый памятник в окрестностях села Кузнецово содержит и вещественные предметы материальной культуры, именуемые в дальнейшем артефактами. Отмеченные литологические слои, вмещающие так называемые горизонты обитания, находятся непосредственно под плоскостями с рисунками. Таким образом, в широком смысле археологический памятник в устье реки Калиновка представляет собой два объекта исследования – сфера изучения наскальных изображений и область исследования горизонтов обитания, вскрываемых в процессе археологических раскопок.

Данный памятник датируется примерно 12 тыс. лет до н.э., представляя громадухинскую археологическую культуру, и, предположительно, служил религиозным, культовым потребностям древнего человека. В результате археологических раскопок на данном памятнике было обнаружено большое количество различных артефактов: каменных сколов (отщепов, пластин) с явными следами человеческой деятельности, наконечников стрел, орудий (каменные ножи, скребки), фрагментов керамической посуды, а также каменных проколов, которые могли использоваться в ритуальных целях. Автору данного доклада представляется важным остановиться на рассмотрении одного из найденных артефактов, который представляет особый интерес.

Данная находка была сделана во время раскопок на археологическом памятнике Калиновка-1 летом 2012 года. При снятии первого горизонта культуросодержащего слоя одним из участников экспедиции был обнаружен каменный предмет конусообразной формы (рис. 1).

Рис. 1. Изделие из камня

Длина предмета 21,1 см, ширина нижней части 6,7 см, верхней – 4,6 см. Нижняя (широкая) часть артефакта представляет собой плоскую, обтертую поверхность, что позволяет предположить, что его использовали как пест для перетирания, например злаков. Верхняя, узкая, часть предмета обработана таким образом, чтобы придать ему фаллическую форму, что может свидетельствовать о наличии культа мужского начала (Забияко, 2006:1100) и использовании предмета в ритуалах, связанных с земледелием (Забияко, 2006:16), где животворящая сила зерна могла ассоциироваться с детородной силой мужского семени. Любопытно также, что несколькими годами ранее на этом же археологическом памятнике был найден интересный камень, отдаленно напоминающий женскую фигуру. находка была условно названа «калиновской венерой» (по аналогии с палеолитическими венерами). Точно сказать, была ли «венера» изготовлена или принесена откуда-либо специально для ритуальных целей, сложно, но возможно, в свете последних находок, предположить, что она, как и каменный пест, играла свою важную роль в ритуалах плодородия, связанных с зарождением земледелия.

Научный руководитель: д-р филос. наук А.П. Забияко

Список литературы

- Айслер Риан. Чаша и клинок. – М. : Древо жизни, 1993.
- Деревянко А.П. В поисках оленя золотые рога. – Благовещенск : Амурское отделение Хабаровского книжного издательства, 1978.
- Забияко А.П. Аграрные культы // Религиоведение : энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 16–17.
- Забияко А.П. Богини-Матери культ // Религиоведение : энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 120–121.
- Забияко А.П. Фаллические культы // Религиоведение : энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 1100.
- Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск : ВО «Наука», 1994.
- Сапунов Б.С., Петров В.Г., Сапунов И.Б. – Благовещенск : Амурский государственный университет, 2000.

Н.А. Федорова

Магадан, Северо-Восточный государственный университет

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ КОРЯКОВ В XVIII–XX вв. В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Традиционно семья определяется как основанное на браке и кровном родстве объединение людей, связанное общностью быта и взаимной ответственностью, где важную роль играют семейные традиции, включающие «элементы социального и культурного наследия и передающиеся из поколения в поколение» (Касьянов, Нечипуренко, 2001). Семейные традиции уникальны для каждого народа – основываясь на общественных, религиозных и исторических традициях и обрядах они претерпевают некоторые изменения, творчески преобразуются, дополняются. Сегодня проявилась негативная «тенденция отхода молодежи от культуры и языка своего народа, которая привела к нивелированию культурной самобытности народов, духовному обнищанию молодежи, неустойчивости и потере ценностных ориентиров. Исчезают традиции трудолюбия, многие духовно-нравственные ценности, обычаи культа предков, деформируется тысячелетняя традиция целомудрия, теряется духовность» (Киле 2006: 4). В этой связи актуально обращение к семейным традициям малочисленных народов.

На территории Севера Дальнего Востока России проживают народы, которые продолжают хранить память о своей истории, обычаях, традициях и передают эти знания из поколения в поколение. Одним из таких народов являются коряки.

Первые сведения о семейной обрядности и традициях коряков встречаются в материалах путешественников, должностных лиц и ученых, начиная с XVIII века. Один из участников Второй Камчатской экспедиции – Я.И. Линденау – собрал и систематизировал историко-этнографические материалы о народах Севера. В «Описании народов Сибири (первая половина XVIII века)» (1983) есть глава, посвященная семейной жизни коряков, где подробно описаны обряд отработки невесты, свадебная церемония, отношения между мужем и женой, особенности родовспоможения и пр. Другой участник этой экспедиции – С.П. Крашенинников – в «Описании земли Камчатки» (1994) в главе «О коряцком народе» представил обширный материал о материальной культуре коряков, их образе жизни, быте, об отношениях в семье между супругами и их детьми.

В XIX веке накопление материалов продолжалось. Интересна работа Н.В. Слюнина – участника Охотско-Камчатской экспедиции (1895–1898) – «Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание» (1902), где содержится подробное описание Камчатского края, местных народов, статистические таблицы, фотографии и карты. В книге собраны сведения о занятиях, материальной и духовной культуре коряков, в том числе и о семейной жизни.

В начале XX века наиболее полно рассмотрел аспект семейно-брачных отношений коряков В.И. Иохельсон. В монографии «Коряки. Материальная культура и социальная организация» (1997) он писал о положении корячек до замужества, о запретах браков между родственниками, о сватовстве и обработке невесты, о браке, о положении женщины в семье, об институте левирата, о многоженстве и многомужестве, об обращении с детьми и отношении к старикам.

В конце 1920-х годов изучением коряков занимался С.Н. Стебницкий. Основу его монографии «Очерки этнографии коряков» (2000) составили личные наблюдения автора, информация, полученная им от коряков в результате бесед, документов и периодической печати. Он использовал и материалы своих предшественников. Новые данные С.Н. Стебницкий постоянно соотносил с более ранним материалом, стараясь проследить динамику культурного процесса. Семейно-брачные отношения коряков подробно описаны в главе «Вопросы социальной организации коряков», где говорится, что «основной экономической единицей коряцкого общества была большая патриархальная семья», а «браки у коряков были экзогамными».

В.В. Антропова в монографии «Культура и быт коряков» (1971) в главе «Общественные и семейные отношения» описала семью и брак у коряков в дореволюционный период (XIX – начало XX века), а в главе «Коряки в годы Советской власти» – изменения в семейных отношениях коряков после революции.

Взаимовлияние культуры коряков и культур соседних народов показал в «Очерках этнической истории коряков» И.С. Вдовин (1973). В его работе содержатся новые по сравнению с предыдущими периодами взгляды на семью, брак, семейные отношения коряков.

Материал для реконструкции и анализа семейно-бытовой обрядности коряков имеется в работе В.В. Горбачевой «Обряды и праздники коряков» (2004). Автор исследовала свадебные обряды, обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка.

Важным источником для изучения семейной жизни коряков являются произведения устного народного творчества, которые содержатся в сборниках «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, керекы, коряки и ительмены)» (1974), «Легенды и мифы Севера» (1985) и др. Здесь можно найти много ценных сведений об обычаях, связанных с такими событиями жизненного цикла, как свадьба, рождение детей и пр.

Сходство многих элементов социальной организации и духовной культуры коряков с другими народами ставит вопрос о сравнительном анализе их семейных традиций. В связи с этим большой интерес представляют работы В.Г. Богораза «Материальная культура чук-

чей» (1991), И.С. Вдовина «Очерки истории и этнографии чукчей» (1965). Богата сведениями о схожих и отличительных чертах культуры коряков и чукчей «История Чукотки» под редакцией Н.Н. Дикова (1989), где отмечается, что «как и чукчи, коряки сохранили пережитки родовых институтов: кровную месть, сорорат, брак путем «хватания» и др.». В «Описании земли Камчатки» Г.В. Стеллера (1991) в главе «О брачных обрядах ительменов» можно проследить сходные черты в обрядности коряков и ительменов – это обычаи «отработки» невесты, обряд «хватания», которые были неотъемлемыми элементами семейно-брачной обрядности и у коряков.

Проанализировав работы, посвященные семейной жизни коряков, условно можно выделить несколько этапов ее изучения:

I этап – дореволюционный период. На этом этапе с XVIII века появляются первые сведения о семейной жизни коряков и начинается процесс накопления материалов по данной теме в работах русских исследователей, миссионеров, участников различных экспедиций. В их числе С.П. Крашенинников, В.Г. Стеллер, Я.И. Линденау, Н.В. Слюнин, В.И. Иохельсон, В.Г. Богораз и др.

II этап – советский период. Несмотря на жесткую политизацию во всех сферах общества в этот период, продолжались изучение народов Севера и систематизация материалов, полученных в предыдущий период. Одной из особенностей этого этапа является появление новых подходов к изучению многих тем. Этот период отличается многообразием поднимаемых проблем – от влияния социалистического строительства на экономику, быт, культуру коренных народов Севера, в том числе и коряков, заканчивая этногенезом коряков. На этом этапе существенный вклад в изучение истории и культуры коряков внесли С.Н. Стебницкий, В.В. Антропова, И.С. Вдовин, И.С. Гурвич и др.

III этап – современный период. На современном этапе изучение истории и культуры коряков продолжается, идет большая работа по переизданию многих работ, которые были недоступны широкой массе читателей и исследователям ранее. Для этого этапа характерно создание сайтов в сети Интернет, которые помогают дополнить наше представление об истории и культуре коряков не только фактическим, но иллюстративным материалом. Можно отметить многообразие ежегодных конференций как регионального, так и всероссийского и международного уровней. На этих мероприятиях рассматриваются различные аспекты семейно-брачных отношений народов Сибири, Дальнего Востока, в том числе и коряков.

Обзор работ по теме исследования показал, что несмотря на опубликованные источники и литературу, специального исследования семейной жизни коряков не проводилось. В связи с этим представляется перспективным на основе этнографических источников систематизировать имеющиеся данные, а также дополнить их материалами о современной семейной обрядности коряков.

Научный руководитель: к.и.н., доц. И.Ю. Понкратова

Список литературы

- Антропова В.В. Культура и быт коряков. – Л. : Наука, 1971.
Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М. : Наука, 1991.
Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л. : Наука, 1965.
Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. – Л. : Наука, 1973.
Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. – СПб. : Наука, 2004.
История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М. : Наука, 1989.
Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб. : Наука, 1997.
Касьянов В., Нечипуренко В. 2001. Социология права : словарь специальных терминов // Национальная социологическая библиотека. – URL: <http://voluntary.ru/dictionary/616/word/tradici> (дата обращения: 31.12.2012).

Киле А.С. Предисловие // Традиционная национальная культура дальневосточных этносов : сборник исследовательских работ учащихся учреждений общего и дополнительного образования Хабаровского края, 2006. – С. 4.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский : Камшат, 1994.

Легенды и мифы Севера. – М. : Современник, 1985.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан, 1983.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, керекы, коряки и ительмены). – М. : Наука, 1974.

Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. – СПб., 1902.

Стебницкий С.Н. Очерки этнографии коряков. – СПб. : Наука, 2000.

У.Т. Ховалыг

Кызыл, Тувинский институт гуманитарных исследований

ТРАДИЦИОННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ТУВИНСКИХ ШАХМАТНЫХ ФИГУРОК

Распространение и развитие шахмат в Центральной Азии связано с популярностью этой древней игры среди кочевников. В Тыве и Монголии мастера-литейщики, камнерезы вырабатывали свои традиции изготовления и особый художественный стиль изображения шахматных фигурок и досок. Вместе с этими процессами связано появление особой шахматной терминологии.

Традиции тувинцев по изготовлению и изображению шахмат стали объектом исследований в научных трудах С.И. Вайнштейна, И.У. Самбу и др. Одним из первых путешественников-исследователей, который подробно описал тувинские шахматы (по тув. «шыдыраа») был русский ученый Ф.Я. Кон. В его дорожных заметках коротко описаны термины и правила этой древней игры в Тыве конца XIX – начала XX вв. (Кон, 2002: 96). Выдающийся этнограф С.И. Вайнштейн внес существенный вклад в изучение традиционной культуры тувинцев. Он подробно исследовал традиции резчиков по дереву и кости, мастеров-камнерезов, кузнецов-литейщиков по изготовлению и изображению шахматных фигурок (Вайнштейн, 1974: 87, 122, 172). По предположению С.И. Вайнштейна, шахматы впервые стали известны тувинцам благодаря монголам, которые в свою очередь переняли их от тибетцев в XVI в., а последние – из Индии вместе с буддизмом (Вайнштейн, 2009: 247).

Тувинский археолог и этнограф И.У. Самбу изучил историю и развитие шахмат в Тыве. Кроме того, он проанализировал труды исследователей и путешественников XIX–XX вв., которые оставили свои заметки о тувинских шахматах (Самбу, 1978: 10–11). В результате своих исследований И.У. Самбу пришел к выводу, что шахматы в Тыву проникли в VI в. н. э., еще до того, как они претерпели изменения в комбинациях (Там же: 47–48).

Короли в тувинских шахматах чаще всего изображаются в виде хана или нояна. Эти главные фигуры шахматной игры в работах тувинских мастеров нередко отличаются друг от друга не только цветом, но и изображением лица и одежды. Ферзь («мерзе») чаще всего изображается в образе хищного животного из семейства кошачьих – льва («арзылан»). В некоторых тувинских шахматах ферзи изображены в виде медведя («адыг»), собаки («ыт»), тигра («пар»), птицы Гаруды («Хаан-Херети»). Эта мифическая царь-птица часто появляется в тувинских героических эпосах как один из их персонажей. Наверняка тувинский шахматный термин «мерзе» восходит к названию древнеиранского титула «везир» («наставник», «советник») (Фирдоуси, 1985: 132).

Места фигурок слонов на игральной доске в тувинских шахматах занимают фигурки верблюдов («тевелер»). Отсутствие фигурок слонов в тувинских шахматах не означает, что тувинцы не знали об их существовании. В тувинском языке имеется слово «чаан», который переводится на русский язык как «слон». Тувинское название этого животного скорее всего происходит от терминов «јаган», «јаҗа», «јаҗан», зафиксированных еще в древнетюркских письменных памятниках Восточного Туркестана и Средней Азии, таких как «Сутра золотого блеска» (X в. н. э.), «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и «Дивану лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари, написанных в XI в. (ДТС, 1969: 224, 233; Тугушева, 1991: 48; Erdal, 2004: 80). Кроме того, в национальной тувинской борьбе «хүреш» имеется титул «Чаан», который присуждается борцам.

Вслед за фигурками верблюдов в тувинских шахматах располагаются фигурки коней («аьттар»), а самые крайние, угловые клетки занимают птицы Гаруды, а иногда и драконы («улулар»). Наверняка данный персонаж появился в тувинском фольклоре и народном искусстве под влиянием древнеиндийской и древнеиранской доисламской мифологии. Скорее всего, распространение элементов древневосточных цивилизаций в культуре кочевых народов Центральной Азии связано с проникновением буддизма в первой половине I тыс. н. э. из Афганистана в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и другие восточные страны.

Изображения фигурок птицы Гаруды или драконов в тувинских шахматах встречаются в работах тувинских мастеров конца XIX – начала XX вв. Под влиянием буддийского искусства Тибета и Монголии обычно угловые клетки на игральной доске тувинских шахмат занимают изображения символов бесконечного счастья («өлчей удазыны»). Если даже угловые фигурки на доске изображены по разному, тувинцы их называют «тергелер» (в пер. с тув. «телеги», «колесницы»).

Пешки в тувинских шахматах называются «оолдар» (в пер. с тув. «мальчики», «парни»), но довольно часто в агальматолитовых и металлических тувинских шахматах их изображают в виде львов, собак, а в некоторых случаях в образе птиц и зайцев.

Разнообразие шахматных фигурок и досок увеличивается в работах тувинских мастеров. В первую очередь, это связано с коммерческой деятельностью народных умельцев, которые ради выгодной продажи своих изделий ориентируются на запросы покупателей. Вместе с тем уменьшилось изготовление металлических шахмат, большая часть которых хранятся в Национальном музее Республики Тыва. Практически все они были приобретены у авторов во времена советской власти в Тыве. Некоторые из них были изготовлены тувинскими мастерами еще в конце XIX – первой половине XX вв.

Наиболее схожими с шахматными изделиями тувинских мастеров являются работы монгольских умельцев. Тем не менее у них тоже есть свои изобразительные традиции, которые не встречаются в Тыве. Например, слон в монгольских шахматах служит верблюд, но изображается он неодинаково. Встречаются и верблюжонок со своей матерью, верблюд с мальчиком, два дерущихся верблюда (Майдар, 1981: 96). Таким образом, традиции изготовления и изображения шахматных фигурок и досок в Тыве являются уникальными и самобытными. В связи с этим можно смело говорить о шахматном искусстве тувинцев.

Тувинские мастера, изготавливающие не только традиционные шахматы, но и другие произведения искусства, с давних времен занимаются творчеством целыми поколениями. Это такие знаменитые в Тыве и мире мастера, как Х.К. Тойбухаа и его сын Д.Х. Дойбухаа, Р.А. Аракчаа и ее сын В.В. Аракчаа, семьи Байынды и Черзи, а также другие.

Всеобщая любовь тувинцев к шахматам настолько сильна, что родители иногда дают имена своим детям в честь названия любимой народной игры, т. е. Шыдыраа (в пер. с тув. «шахматы»). Например, имя известного в Тыве кузнеца, мастера на все руки тоже называется именно так, Ооржак Шыдыраа Хыйыр-оолович.

Шахматы и все, что с ними связано, получило среди тувинцев особую популярность, что отразилось в их искусстве, фольклоре, этнонимии и повседневной жизни.

Список литературы

- Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М. : Наука, 1974.
- Вайнштейн С.И. Загадочная Тува. – М. : ООО «Домашняя газета», 2009.
- Древнетюркский словарь (ДТС).– Л. : Наука, 1969.
- Кон Ф.Я. За пятьдесят лет // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века). – Кызыл, 2002. – С. 69–108.
- Майдар, Дамдинжавын. Памятники истории и культуры Монголии. – М. : Мысль, 1981.
- Самбу И.У. Тувинские народные игры. Историко-этнографический очерк. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1978.
- Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). – М. : Наука, 1991.
- Фирдоуси, Абу-ль-Касим Туси. Гав и Талханд (рассказ о происхождении шахмат) // Избранные переводы / М.М. Дьяконов, И.М. Дьяконов. – М., 1985. – С. 88–134.
- Erdal, Marcel. A Grammar of Old Turkic. – Leiden : Brill, 2004.

А.В. Чалбак

Кызыл, Тувинский государственный университет

РОЛЬ ДОРОДОВЫХ ОБРЯДОВ И ОБЫЧАЕВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ В СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

Традиционно девочку с детства готовили к будущему материнству, ведению домашнего хозяйства, она приобретала навыки быть хозяйкой своей юрты. С этими знаниями и навыками она могла отделиться от родителей, выйти замуж в пятнадцать, семнадцать лет и стать мамой (Доржу, 2011: 223). Но из-за тяжелых экономических и антисанитарных условий, имеющих ряд специфических причин, смертность во время родов была высокой. Роды проходили трудно, иногда могли затягиваться до трех суток, в большей части имели неблагоприятный исход как для матери, так и для ребенка. Период младенчества у тувинцев, как и у других народов Центральной Азии, начинается не с момента рождения, а с момента зачатия. Следовательно, дородовой период значился важным возрастным этапом. Общество создавало благоприятную эмоциональную и психологическую атмосферу вокруг младенческого возраста. Поэтому даже при отсутствии или появлении первых профессиональных работников в области медицины, в частности гинекологии, акушерства и педиатрии, важную роль играли наработанные многовековым опытом предков дородовые обряды и обычаи, запреты и предписания. Эти традиции направлены на вовлечение нового человека в социум еще с периода внутриутробного развития, чтобы ребенок был желанным и любимым матерью, отцом и всем родом. Соблюдение этих традиций носило абсолютный характер, нарушение же строго осуждалось. К примеру, рассмотрим следующие обряды и обычаи, связанные с беременностью.

Обряд приобретения у шамана идола «уруг-ээрени». По представлениям тувинских шаманов, во Вселенной существует три мира: верхний мир – Курбусту бурган, нижний мир – духи эрликены, темный мир – эрлик ораны. Человек живет в нижнем мире, его окружают различные духи, в том числе злые, вызывающие болезни – кара-бук, аза. Некоторые шаманы называли мир, в котором живет человек, Средним миром, а мир Эрлика – Нижним.

Со всей сферой воспроизводства тесно связано такое понятие, как «уруг куду» – кут ребенка (зародыш), наличие которого обеспечивает возможность и нормальное протекание беременности: это «жизненная сила» является тем, что сохраняет и держит ребенка в среднем (нижнем) мире. Если у женщины наблюдались нарушения репродуктивной функции и она не могла забеременеть или если роды были неблагоприятными, то тогда могли изгото-

вить у шамана «уруг-ээрени» (дух-охранитель) – специальный «ээрен», сложный изобразительный комплекс различных духов-охранителей, который будет держать жизненную силу ребенка в этом нижнем мире, позволит женщине родить и иметь много детей, а также охранять их от злых духов и болезней. Но чаще всего до свадьбы молодой пары сторона невесты могли изготовить вместе с приданным эти «ээрены» – семейных изображений духов-покровителей, пришитых на шелковой ткани, которые должны располагаться на женской стороне юрты, так как они были хранителями домашнего очага, благополучия, стражами здоровья женщин и детей (Соломатина, 1988: 190).

Обряд окуривания беременной женщины. Если будущая мать чувствовала себя плохо, шаман или старший и мудрый в роду артышом (можжевельником) окуривал ее и духа – охранителя «уруг-ээрени». Волшебные свойства можжевельника (артыша) помогали девушке на психологическом уровне избавиться от тревоги, успокоиться, поднять настроение – духовно очиститься, а антисептические свойства – очистить, дезинфицировать внутриюрточное пространство.

Буддийские обряды для будущей матери. С проникновением буддизма на территорию Тувы родильный обряд у тувинцев имел смешанный характер. В родовых запретах, а также и в других обрядах в целом, буддийским элементам уделялось небольшое место. Например, в монографии М.В. Монгуш «История буддизма в Туве» для благополучного разрешения будущей матери от бремени и сохранения жизни будущему ребенку крайне желательно было в самом начале беременности, затем на седьмом и девятом месяцах заказывать специальные пуджу в хурээ. Могли также пригласить буддийских лам в дом для совершения предохранительных обрядов, в основном это чтение сакральных молитв, и изготовления для беременной охранительных и защитных амулетов. Тем не менее автор утверждает, что приоритетное значение все-таки имели различные древние по происхождению магические обряды, которые сохранены до сегодняшнего времени.

Обряд поклонения и почитания священного дерева Тел. В течение многих веков, из года в год тувинцы, как и их предки, проводили коллективные моления объектам природы. Для них характерны девять освящений: неба, тайги, огня, родника, дерева-шамана, дерева Тел, оваа, начала оросительного канала, каменного изваяния.

Один из таких обрядов – Тел ыяш дагыыры (Обряд освящения дерева Тел). Дерево Тел – это редко встречающееся двуствольное дерево, растущее из одного корня. Бывает так, что лиственница и ель вырастают в одном месте, питаются как бы одним корнем. Такие деревья нельзя рубить, так как род может прерваться.

Беременные женщины молились им, чтобы ребенок родился здоровым. На таких местах разбрызгивали молоко и подвешивали ритуальную ленточку «чалама», прося милостыню о рождении здорового ребенка, чтобы их род никогда не прерывался. Г.Д. Сундуй пишет, что человеческая жизнь в традиционных представлениях тувинцев исходит из природы, и поэтому, соответственно, человек уподобляет себя природе. По мнению автора, «Тел ыяш» символизирует генетическое здоровье потомков, поскольку исторически у тувинцев, как и у многих народов, не допускалось вступление в брак людей, состоящих в близких родственных связях. Он предполагает возможность того, что этот обычай, наряду с другими факторами, выполняет роль сохранения генофонда (Сундуй, 2009: 64–65).

Обычай толкования и предсказания сна. Традиционное общество умело толковать сны. Считалось, что женщине увидеть себя беременной во сне – дурной знак, который предвещал долговременные неприятности, а рождение ребенка означало конец неприятностям. Например, нахождение или кража во сне женских принадлежностей более высокого статуса (ценные камни, серебряные украшения и др.) означало рождение девочки с богатым будущим (Сундуй, 2009: 66–67).

Обычай гадания пола ребенка. Запрета на гадание пола ребенка не было, окружающие «знатоки» старались угадать по приметам, по форме округлости живота и активности ребенка в чреве матери. Принято считать, что если у беременной женщины лицо мягкое,

нежное, то родиться девочка, а если появляются пятнышки-сегменты, то родиться мальчик. Если форма живота круглая, выступает вперед и острая, то родиться мальчик, а если форма овальная и тянется вниз, то девочка. Если ребенок постоянно бьется в животе – родится девочка, если изредка, но проворно – мальчик.

Обычай пожелания семье ребенка определенного пола. У тувинского народа существовал также не менее интересный обычай «оол азы кыс уругну кузээри» – желать или пожелать ребенка определенного пола. Например, если в одной семье рождались только девочки, то к отцу девочек подходил дедушка или другой знакомый старше него мужчина и, говоря благопожелания о рождении сына, дарил свое «оттук» – огниво. А если жена рожала только мальчиков, то бабушка или самая старшая и мудрая женщина в роду приходила к хозяйке этой юрты и, приговаривая благопожелания о даровании девочки, дарила «сога-аш-даш» – специальный камень для помола растений, чая или соли (Сундуй, 2009).

Таким образом, тувинцы старались оградить будущих матерей от всевозможных нервных срывов, отрицательных эмоций, опасностей, в том числе от сверхъестественных с помощью магических действий и традиционных представлений. Защищали путем трепетного отношения к беременной женщине, обрядами и обычаями, предназначенными для нее. Роль родовых традиций значима и необходима для сохранения в первую очередь здоровья будущей матери и ее ребенка. Так, например, беременная девушка училась адекватно реагировать на любые изменения, управлять своим эмоциональным состоянием, вести себя сдержанно, фильтровать свои мысли, речь, действия, в том числе училась осознанному отношению к ребенку, к тому, что она несет ответственность за своего будущего ребенка. В целом, традиции, связанные с беременностью, наряду с другими факторами готовили беременную девушку к самой прекрасной и ответственной роли – быть матерью. Родить, а потом уже самой воспитывать молодое поколение в духе тех же самых традиций, обрядов и обычаев, систем запретов и предписаний.

Научный руководитель: к.и.н., доц, Е.В. Айыжы

Список литературы

Доржу З.Ю. Тувинская семья: тенденции ее жизнедеятельности // Омский научный вестник. – Серия Общество. История. Современность. – № 1 (95). – Омск, 2011. – С. 223–227.

Соломатина С.Н. Материалы о материнстве и младенчества у западных тувинцев. – Омск, 1988. – С. 188–195.

Сундуй Г.Д. Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. – Кызыл : Институт развития национальной школы, 2009.

Н.В. Чирков

Благовещенск, Амурский государственный университет

ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОЛОНХО КАК ИСТОЧНИК РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДА САХА

Олонхо (*якут. олонхо*) – своеобразный жанр якутского фольклора, представляющий собой собрание старинных эпических сказаний и выраженный в виде художественного неповторимого и органичного сочетания поэтической речи и выразительного разнохарактерного пения якутского народа (Ойунский, 2007: 6). Истоки формирования героического эпоса олонхо восходят к концу I тыс. н.э., приблизительно к VIII–IX вв. (Уткин, 2010: 223). Через развитую систему мифологических мотивов и представлений якутского народа прослеживается целостная картина мировосприятия тюрко-монгольских традиций.

Якутские олонхо отличаются исключительной масштабностью, исполняются в стиле эпического пения. Олонхо исполнялись так называемыми *олонхосутами* – мастерами словесного искусства, носителями эпических традиций народа саха.

Стиль якутского эпоса отличается гиперболизацией, сложными конструкциями построения сюжетов. В сюжетах олонхо используется множество архаизмов и символики. Одной из главных черт олонхо как жанра является его своеобразный историзм.

Представления о происхождении и устройстве мира в системе якутского мировоззрения, запечатленные в устно-эпическом творчестве, составляют особый пласт религиозно-мифологического осмысления первопричин и первоначал всего сущего бытия. Любое олонхо начинается с описания картины мироздания. По мифологическим представлениям народа саха, Вселенная включает в себя трехуровневое мировое пространство, которое имеет соответствующую стратификацию: Верхний мир (*Уоһээ Дойду*), Нижний мир (*Орто Дойду*) и Средний мир (*Аллараа Дойду*) (Уткин, 2006: 38). Существует несколько различных интерпретаций сюжета мироздания.

Космогонические представления саха, отраженные в эпическом наследии, подчеркивают сверхъестественное божественное сотворение мира. Одним из самых распространенных сюжетов мироздания в олонхо выступает миф, согласно которому главенствующий бог якутского пантеона *Урунҕ Айыы Тойон* сотворил землю, воздух и человека (Ойунский, 2007: 16).

Среди представлений якутов о всеобщих сущностях и мировом первоначале особо выделяется категория священного мирового дерева – *Аал Луук Мас*. Образ мирового дерева *Аал Луук Мас* представляет собой модель единой системы сосуществования человека и окружающей его природы. Посредством художественного воображения в сюжетах олонхо, трансформированного в мировоззренческое сознание, утверждается единый принцип мироздания: стройность, системность, неразделимая связь всех трех миров.

В якутском олонхо описывается древняя история народа саха, его божественное происхождение, в частности отображены многочисленные сведения о фантастическом происхождении племени *Айыы-аймаһа* (дословно с якут. – «родственники божества») – первопредков якутов (Уткин, 2010: 22). В дальнейшем от племени *Айыы-аймаһа* произошло племя *Ураанһай саха* (этническое самоназвание якутов). В якутском олонхо явно показана прямая зависимость человеческой жизни от трансцендентного мира, представленная в образе добрых божеств Верхнего мира и небесных исполинов *айыы*. Главный принцип жизнеутверждения в олонхо выражен в идее признания божественности и величия каждого человека на «Земле Олонхо» (Рахлеева, 1997: 64).

В якутском эпическом наследии мифологические мотивы выстраиваются в систему пространственно-образных форм восприятия мира. Отношение человека к природе и к миру космоса выражено образными представлениями о двух противоположных началах: Небесном и Земном, которые в этом мире проявлены как категориальные понятия Добра (*айыы*) и Зла (*абаасы*) (Уткин, 2010: 63). Идея неразрывного существования человека и Верхнего Мира пронизывает всю сюжетную линию олонхо. Связь человека и небесного первоначала осуществляется посредством взаимодействия души человека, составляющими частями которой являются разум, воля и сознание, и Вселенского Разума – в лице главенствующего божества *Урунҕ Айыы Тойона*.

В якутском олонхо особое внимание уделяется описанию обустройства жизни человека на Земле. Дается общая картина мироустройства, а также противостоящих начал и противодействующих сил. В якутском олонхо представлена четырехчленная (горизонтальная) и трехчленная (вертикальная) структура пространственных отношений. Четырехчленная структура включает в себя соотношения: восток – запад, север – юг. Трехчленная структура включает в себя систему существования трех миров: Верхний мир (*Уоһээ Дойду*), Средний мир (*Орто Дойду*), Нижний мир (*Аллараа Дойду*) (Уткин, 2010: 60).

Кроме того, в эпическом пространстве мироощущения присутствуют помимо образных ассоциативных восприятий тенденции одухотворять окружающий мир и природные явле-

ния. Сюжеты якутского олонхо располагают набором имен и прозвищ различных духов, олицетворяющих материальную и духовную среду. В якутском олонхо практически все божеества антропоморфны (Уткин, 2010: 70).

Таким образом, можно сказать, что якутская религиозно-мифологическая система на основе эпического наследия разработала специфическое восприятие человеком окружающего пространства и сформировала особое отношение человека к сверхъестественной трехчленной системе мироустройства. Все это нашло непосредственное отражение в социальной жизни, в бытовом укладе северного народа саха. Героический эпос олонхо в период своего развития и начальной стадии бытования воспринимался якутами как некое «божественное откровение». Вся якутская мифология, религиозные представления, народная мудрость выступала как «великое достояние», унаследованное народом саха от своих предков. «Великое достояние» заключало в себе древнее знание о мире, о различных закономерностях мира, соотношении жизни человека с высшими божественными сущностями *айыы*. Первый человек, первый защитник племени *айыы* на срединной «Земле Олонхо» имеет свои родословные корни от верховных небожителей. Все это показывает всеединство Вселенского мира, где Земля и ее обитатели чувствуют свою исходность, зависимость от небесной силы *айыы*.

Научный руководитель: д. филос. н., проф. А.П. Забияко

Список литературы

Ойунский П.А. Якутский героический эпос «Ньургун Боотур Стремительный». – М. : ИПЦ «ДИК», 2007.

Рахлеева Н.Н. Этические принципы якутского олонхо // Илин: историческо-культурологический журнал. – 1997. – № 3–4 (11–12). – С. 60–64.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993.

Уткин К.Д. Сборник трудов: в 16 кн. Кн. 4: Древнеякутские корни: типологические параллели / К.Д. Уткин; [науч. ред. К.Е. Гагарина]; Якут. гос. с.-х. акад., каф. яз. и культуры, Музей меценатства и центр духовности «Тулаһа». – Якутск : Бичик, 2006.

Уткин К.Д. Сборник трудов: в 16 кн. Кн. 5: Предфилософия олонхо: антитеза натурализма супранатурализму / [науч. ред. К.Е. Гагарина, к.п.н.]; Якут. гос. с.-х. акад., каф. яз. и культуры, Музей меценатства и центр духовности «Тулаһа». – Якутск : Бичик, 2010.

Федорова Л. 2010. Олонхо и духовность // Земля олонхо. – URL: <http://olonkholand.ru/olonkho-i-tengrianstvo> (дата обращения: 15.12.2012).

О.А. Чум

Кызыл, Тувинский государственный университет

СВЯЩЕННАЯ СТРЕЛА – ХРАНИТЕЛЬ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ТУВИНЦЕВ

Стрелу тувинцы обозначают двумя терминами – «**ок**» и «**согун**». Присутствие двойного обозначения связано с достаточно длительным по времени параллельным использованием лука и огнестрельного оружия тувинцами. Интересно, что с появлением нового вида оружия ему присвоили наименование стрелы «**ок**», а стрелу обозначили иным словом – «**согун**» (Даржа, 2007: 136). Стрела у тувинцев ассоциировалась с судьбой, жизненным путем человека. Статус **ыдык** – «священный» – присваивался не стреле, а судьбе конкретного человека. Единственным предназначением стрелы было «уничтожение живых организмов», символизируя собой судьбу человека (Даржа, 2007: 136).

Траектория полета стрелы напоминает параболу, с которой и ассоциировался жизненный путь или судьба человека (Даржа, 2007: 137). Стрела производилась только из «культовых материалов» – листовенницы, перьев орла. Использовались сухожилия и клей, сваренный из рога марала. Наконечники старались выполнять из серебра или желтого металла (золото, бронза, латунь) (Даржа, 2007: 165).

Стрелу тувинцы использовали в обрядах жизненного цикла. Сакральный обряд – *дой*, освящающий жизнь человека на всех ее этапах. Тувинцы считают, что каждому человеку в жизни посвящают три праздника – «дой» *кижи уш дойлуг болур* (каждый человек имеет три «доя»): получение имени, свадьба как сакральный обряд зарождения новой жизни и похороны. Ритуал освящения Стрел был связан со стрижкой волос детей в трехлетнем возрасте. Дой и связанный с ним культ Стрелы в традиционном понимании символизировал собой акт вступления человека в Средний мир. Дой для мальчиков, по сути, сводится к ритуалу «оживления Священной стрелы», сопровождаемому застольем (Даржа, 2007: 145).

Волосы ребенка стригли и складывали в специально приготовленный мешочек «*кежик хавы*» счастья из хорошо выделанной кожи (домашней козы или козерога). Дой и обряд обрезания волос проводили и девочкам, и мальчикам. Культ Стрелы при проведении этого праздника – только мальчикам. Праздник проводился следующим образом. Родители ребенка извещали представителей обеих родов и друзей о времени и месте проведения обряда. Готовят *дой* родители и родственники по линии отца. Первым остригает прядь волос ребенку самый старший мужчина, представляющий род матери *даай*. Он отрезает небольшую прядь волос со «своей стороны» головы ребенка и передает прядь волос матери ребенка, произносит благопожелания, предлагает имя и дарит подарок. После него подходят по очереди остальные приглашенные по старшинству, процедура повторяется. Левая сторона считается стороной матери, правая – отца. Поэтому родственники по линии матери остригают волосы с левой стороны головы ребенка. По линии отца – с правой. Мать ребенка-мальчика кладет остриженные волосы в заранее приготовленный кошель и передает его отцу. Отец привязывает его к древку стрелы (Даржа, 2007: 147).

Оживление стрелы. После окончания стрижки волос шаман приступал к оживлению Священной стрелы «*ыдык ок диргизер*». Акт оживления выражался в креплении к древку стрелы округлой формы зеркала из бронзы, покрытого серебром. Его привязывали сразу после оперения. Все действие сопровождалось заклинаниями шамана (Даржа, 2007: 147).

Следом за зеркалом к древку Священной стрелы привязывали мешочек с волосами ребенка. Помимо волос в него обязательно кладут зерно (просо-тараа), камешек и немного земли с ближайшей Священной горы, на которой род отца проводил обряд поклонения Солнцу. Камень (землю) и просо в мешочек клал старейшина (дед) ребенка по линии отца или шаман.

Состоятельные люди привязывали также отдельный мешочек, в который клали «девять священных камней»: золото, серебро, медь, сталь, коралл, бирюзу, лазурит, перламутр и жемчужину. Камни считались драгоценностью и олицетворяли собой «кежик» – счастье. Сразу за зеркалом относительно недавно начали также привязывать ленты пяти цветов: синего, желтого, красного, зеленого и белого (Даржа, 2007: 148). Цвета лент означают: синий – небо, желтый – буддизм, красный – огонь, зеленый – стоит на земле прочно, белый – железо. Разноцветные ленты и «девять священных камней» являются результатом влияния буддизма. В соответствии с древней тувинской традицией, к Священной стреле кроме волос ребенка, камешка (или земли) со Священной горы, зерен проса и зеркала обычно ничего не крепят. Допускалось использование оберегов *ээрэн* или амулетов, имеющих непосредственное отношение к культу Неба: клык Марала, коготь Медведя, перо Орла. Каждый из перечисленных предметов имел особую сакральную функцию, например, атрофированные резцы марала служили

оберегом для мужчин. Иные предметы являются результатом индивидуального «творчества» шаманов или «особых пожеланий» родителей (Даржа, 2007: 145–148).

В прошлом Священная стрела была в каждой юрте. Эту стрелу освящал самый сильный шаман. Священная стрела являлась хранителем семейного благополучия, оберегом для детей от болезней и злых духов. Считалось, что души детей находятся в священной стреле. И если дети заболели, то приглашали шамана и «угощали» священную стрелу. Для этого резали барана и ставили перед священной стрелой сваренный курдюк, умиротворяя тем самым разгневанную святыню (Кенин-Лопсан, 2006).

У алтайцев стрела выполняла роль магического культового орудия в эпоху материнского рода, у алтайцев, как у целого ряда других племен Саяно-Алтайского нагорья, стрела и лук являются принадлежностью весьма древнего женского божества, покровительницы детей Умай (Потапов, 1934: 74).

По представлениям хакасов, богиня Умай – это духовная мать всех детей, живущих на Земле, и покровительница беременных женщин. Древний культ связан с рождением и обереганием грудного ребенка. Последу хакасы придавали особое значение: считалось, что он сохраняет плод в утробе матери и от него зависит судьба ребенка. Существовал обряд «кормление и захоронение последа»: послед мыли водой, смазывали маслом, положив в бересту, и хранили у изголовья кровати три дня. На третий день устраивали почетное захоронение последа. Собирались только старики и старухи. Они приносили с собой подарки для ребенка, мальчику обязательно дарили три стрелы, а девочке – три перламутровых пуговицы (бусины) (Бутанаев, 1984: 94).

Отец ребенка выкапывал в юрте ямку, причем для последа девочки – на женской половине, а мальчика – на мужской. Необходимо было выбрать такое место, куда не будет наступать нога, так как считалось, что если захоронить послед в таком месте, где ходят люди, то ребенок вырастет морально подавленным. Дно ямки застилали белым войлоком или берестой. Затем аккуратно укладывали послед в белый матерчатый мешочек, отпускали его в ямку. При захоронении последа мальчика делали лучок со стрелой и погребали вместе с ним. Затем послед сверху закрывали белой материей и засыпали. Белый мешочек и покрывало, а также лучок со стрелой, 9 и 7 березовых палочек должны были «охранять послед» (Бутанаев, 1984: 95).

Несомненно, до появления шаманского бубна стрела, как и лук, исполняла роль культового орудия. У алтайцев шаманская сила означает обладание стрелой, а титул «великий», «сильный» означает кама (шамана) обладающего стрелой, ныне – магической силой, передаваемого по наследству через связь с умершими предками-шаманами (Потапов, 1934: 74).

Таким образом, в традиционной культуре не только тувинцев, но и алтайцев, хакасов и других племен Саяна-Алтая, стрела являлась священной, так как она была хранителем семейного благополучия, оберегом для детей от болезней и злых духов.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Е.В. Айыжы

Список литературы

- Даржа В.К. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. – Кызыл : Тув. кн. изд-во, 2007.
Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. – Кызыл : Наука, 2006.
Грачева Г.Н., Бутанаев В.Я. Культ Богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири, 1984. – С. 93–105.
Потапов Л.П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // Советская этнография. – 1934. – № 3. – С. 64–76.

**СЕМАНТИКА ФЕСТИВАЛЬНО-ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ ГОРНЫЙ АЛТАЙ:
ОТ СОВЕТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА
К СОВРЕМЕННОМУ БРЭНДИНГУ РЕГИОНА**

Праздник (фестиваль) в настоящее время не является основной формой досуга, не обязательно связан с памятными датами или календарным циклом, однако увеличение количества и разнообразия подобных мероприятий говорит об увеличении актуальности фестивального движения, т.к. фестиваль продолжает нести значительную смысловую нагрузку. Являясь одним из способов проведения культурной политики региона, он дает повод к регулярному обновлению материально-технической базы культурно-досуговых учреждений, показывает отношение муниципалитетов к некоторым вопросам культурной политики, способствует развитию творческих коллективов, демонстрирует достижения региона и государства в различных сферах – культурной, производственной и даже политической. Современные фестивали в Горном Алтае могут не иметь государственной поддержки, будучи организованы на коммерческой основе, однако и в их основу заложены определенные ценностные установки.

Горный Алтай – национальный субъект Российской Федерации, а значит наряду с ценностями общекультурного характера здесь с конца 1980-х – начала 1990-х годов актуальны вопросы этничности, сохранения самобытности и богатства этнической культуры алтайских народов, межкультурного взаимодействия, обращения к уникальной природе и древнему прошлому Алтая как к источнику национальной гордости. Подобная тематика прослеживается в большинстве фестивальных мероприятий региона.

В данной статье прослежено изменение смыслового наполнения и символического значения массовых празднично-фестивальных мероприятий на территории Республики Горный Алтай с советских времен до настоящего времени, сделана попытка определить форму их проведения и значение в жизни социума. Проводится классификация всего многообразия празднично-фестивальных мероприятий на основе их организационной структуры с целью выявить общие тенденции развития и то, как преломлялись в рамках этих мероприятий вопросы культурного развития территории на основе ее социальных, природных, исторических ресурсов.

Классификация:

1. Смотры народного творчества / художественной самодеятельности. На Алтае такие мероприятия известны с 1940-х годов. В 1982 г. проходили посвященные 60-летию образования СССР и 60-летию Горно-Алтайской автономной области празднества, во время которых происходило «внедрение новой обрядности» – официальной, общегосударственной. Сценарный план театрализованного представления содержал основную идею: необходимость и правильность объединения русского и алтайского народов в едином государстве. Древняя история в ходе представления символически связывалась с историей текущего периода: от сюжетов на исторические темы празднество переходило к демонстрации современных на тот момент спортивных и промышленных достижений.
2. Профессиональные праздники, связанные со спецификой территории. В частности, День пастуха задумывался с целью включить в сферу культурного обслуживания (а значит, идеологического воздействия) алтайских пастухов, вынужденных уходить вместе со стадами на высокогорные пастбища на значительную часть года. Такой рабочий режим делал эту социальную прослойку несколько маргинальной, «оторванной от коллектива», не получающей социалистического просвещения в должном объеме,

каковой пробел должен был восполнить День животновода, проводившийся осенью, во время перехода на зимние пастбища.

3. Общерусские народные праздники
4. Этнические праздники алтайцев и других этносов, населяющих Саяно-Алтайский регион, как правило, в виде «реконструкций», имеющие в основе древние праздники календарного цикла: Чага-Байрам, Тюрюк-Байрам, Эл-Ойын, Наурыз – это мероприятия, актуализирующие традиционные культурные ценности, апеллирующие к богатству культуры народов Алтая, ее современным проблемам.
5. Новые праздники на основе культурных традиций. Межрегиональный фестиваль-конкурс «Янгар кожонг», Республиканский народный праздник «Тастаракай» памяти артиста В. Тишкишева, Республиканский фестиваль творческой молодежи «Чике-Таманская весна».
6. Дни села, города, деревни, района.
7. Фольклорные и этнофестивали: «Живая Вода», «ВОТЭТНО», «Дети Солнца». Возникшие на основе этнических традиций, эти мероприятия в настоящий момент отражают потребность определенного класса городских жителей в «бегстве от города». Представляют собой синтез разнообразных музыкальных стилей, оздоровительных практик, духовных и эзотерических учений, ремесел и творческих техник и т.п.

В семантике фестивалей наблюдаются две тенденции: Алтай как историческая родина коренных алтайских народов и Алтай как «место силы», «райский уголок» для городских жителей, стремящихся вырваться из стремительного темпа городской жизни.

Научный руководитель: д.и.н., доц. И.В. Октябрьская

Т.С. Ябыштаев

Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ РОДА У АЛТАЙЦЕВ*

На рубеже 1980–1990-х гг. в Республике Алтай в период национально-культурного возрождения сформировалось родовое движение алтайцев. Одним из его проявлений явились собрания сёока-рода, называемые родовыми праздниками (*сёэктин байрамы*). Их основой конструирования стало родовое сознание, сохранившееся в советское время в семейно-родственной среде. Впервые праздник рода был проведен в 1989 году, когда начали актуализироваться этнокультурные символы алтайцев: юрта-айыл, коновязь, тамга, природные атрибуты сёока (дерево, гора, животное), родовой флаг, возрожденный зайсанат. По одним данным, у алтайцев насчитывается около 30 сёоков-родов (Тадина, 2005: 255), а по другим – более 80 (Тюхтенева, 2009: 53). Первыми осознавшими необходимость в проведении таких мероприятий стали сёоки-роды *майман*, *тодош*, *кыпчак*, *иркит* и *мундус*. В 2012 году инициативная молодежь организовала посредством Интернета «он-лайн Курултай алтайских родов».

На основе полевых сведений, собранных в 2011–2012 гг., рассматривается практика проведения родовых праздников на примере родов *тонжаан*, *чапты*, *тёлёс* и *ара*. Сбор материала велся на алтайском языке, языке изучаемого этноса, с применением метода непосредственного наблюдения.

Для проведения родового праздника представители сёока избирают исполнительный комитет (*бүдүречи күрее*), обязанности которого – разработка сценария, повестки дня и проекта решений предстоящего мероприятия. Место и время проведения объявляется в газете «Алтайдын Чолмоны», выходящей на алтайском языке, и программах регионального теле-

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 13-11-04005а(р).

видения ГТРК «Эл Алтай». С целью придания сакральности родового события его дата назначается на период новолуния, а место проведения – на родовой территории или в районе проживания большинства его представителей.

Ранним утром в день проведения праздника старейшины рода совершают ритуал почитания, называемый «*мүргүл*». Для этой цели берут белые ленты (*жалама*), можжевельник (*арчын*), молоко и угощение (лепешки, сыры) и поднимаются на восточный склон горы. Там со словами благопожелания повязывают белые ленты на березу, разжигают небольшой костер и четное количество раз кропят молоком в сторону восхода солнца. Этими действиями выражается почитание природы Алтая и испрашивание благословения предстоящему мероприятию.

На массовых празднествах алтайцев обычно устанавливают юрту (*айыл*) и коновязь (*чакы*). С постройкой айыла на месте праздника образуется «определенная зона одомашненности» (Жуковская, 1988: 24). Здесь же готовят ритуальное угощение – мясной суп (*көчө*) из конины / баранины и ячменной крупы. В картине мира алтайцев человек с его жильем и скотом, живущий отдельно от дикой природы, придя в нее, заявляет о себе своими символами, каковыми выступают жилище-айыл и коновязь (Тадина, 2011: 151–152). На родовом празднике сёока тонжаан, проведенном в июне 2011 г., в айыле были представлены родовые легенды, генеалогии нескольких семей и биографии знаменитых личностей рода.

Перед началом родового праздника проводится процедура регистрации участников – в журнале записывают имя, фамилию, возраст, место проживания, работы, учебы и сёок-род. Число прибывших сородичей оглашается, что важно для определения половозрастного состава и региона проживания представителей рода. Следует сказать, что участники могут быть из других родственных сёоков-родов. Так, на праздник сёока *тодош* приезжают из родов *очы*, *чапты*, *каал*, а сёока *кыпчак* – из родов *мундус* и *кергил*. Здесь принимают участие племянники, к числу которых относятся те, у кого мать из рода, организующего праздник. Кроме того, присутствуют из сватовских сёоков. Например, роды *тодош* и *майман* из долины р. Каракол являются сватовскими.

Современный праздник сёока открывается ритуалом торжественного поднятия родового знамени «*мааны*», заимствованным из советского периода, из которого вышло старшее поколение. На светлом (зеленом, желтом) фоне родового знамени изображены священное животное и тамга сёока. Так, на знамени рода *тёлес* (июль 2012 г.) начертан олень, как почитаемое животное, и тамга рода «*шире*» (престол). Следует отметить, что если айыл, коновязь и тамга остаются традиционными этнокультурными атрибутами, то родовое знамя конструируется в наши дни. Обычно на собрании рода оговариваются цвет, размеры и даже материал, из которого оно будет изготовлено.

Как показывает практика проведения родовых праздников, ключевым вопросом остается избрание главы рода – зайсана (*жайсан*). В настоящее время избраны 12 зайсанов, объединенные в общественную организацию «Совет зайсанов» для решения внутриэтнических проблем. Впервые такую должность возродил сёок майман в 1989 году (Кыдыева, 1994: 55). Среди выдвинутых кандидатов зайсаном становится тот, кто набирал большинство голосов. Ему вручают старинный знак власти – плетку «*чылбыр*». Новый зайсан формирует исполнительный комитет «*бүдүречи күрее*», в состав которого входят заместители «*темичи*» из районов проживания представителей сёока-рода. Известны случаи, когда люди, попавшие в чрезвычайную ситуацию, обращались к зайсану за помощью. На заседании обсуждаются социальные проблемы: помощь престарелым, методы борьбы с алкоголизацией общества, нарушение обычая родовой экзогамии, возрождение родовой взаимопомощи и пр. В то время как старшие обсуждают насущные проблемы, молодежь участвует в состязаниях: борьба, конные скачки, стрельба из лука, бег тонжанов, поднятие камня, алтайское конное поло «*Көк Бөрү*» (Ябыштаев, 2011: 201–209). В них выявляются сильнейшие рода, награждаемые традиционным даром (конем или овцой). В завершение праздника всех участников угощают за столом национальными мясными и молочными блюдами.

Родовая территория, где периодически в 3–4 года проводится праздник, маркируется стелой «*кѳжѳ таи*», на которой высечена тамга. Она означает родовой знак, причем у каждого сѳока он свой. Тамга сѳока кыпчак именуется «*сулук*», что означает «удила», потому что изображена в виде конских удил. Тамга сѳока тодош названа «*тоскуур*» и схематически напоминает корыто; тамга сѳока чапты «*ай*» – полумесяц. Родовые тамги становятся популярными, их можно видеть на параде родовых знамен, на открытии праздника Эл Ойын, на футболках и даже на автомобилях. Популярность родовых праздников объясняется живучестью системы сѳоков и связанных с ней атрибутов и символов рода.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Н.А. Тадина

Список литературы

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М. : Наука, 1988. – С. 195.

Кыдыева В.Я. О празднике алтайских сѳоков (послепраздничные размышления о празднике и не только о нем) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. – М. : ИЭА РАН, 1994. – С. 51–57.

Тадина Н.А. О трех линии родства и авункулат у алтайцев // Алгебра родства. – СПб., 2005. – Вып. 9. – С. 255–265.

Тадина Н.А. Картина мира как основа коммуникативной культуры алтайцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень : ИПОС СО РАН. – 2011. – № 1 (14). – С. 146–153.

Тюхтенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай. – Элиста, 2009. – С.147.

Ябыштаев Т.С. Игра Кѳк бѳрѳ как социокультурный знак самоидентификации алтайцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень : ИПОС СО РАН. – 2011. – № 2 (15). – С. 201–209.

Музееведение и охрана историко-культурного наследия

И.В. Аболонкова

Кемерово, Кемеровский государственный университет

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ГОРЫ ТЕПСЕЙ (ФАКТОРЫ РАЗРУШЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ)*

«Повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности представляет собой пагубное обеднение достояния всех народов мира».

*Из Конвенции о сохранении всемирного культурного наследия,
XVII сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, 1972 г.*

В настоящее время проблема сохранения памятников наскального искусства становится все более актуальной. Эти памятники, являющиеся неотъемлемой частью нашего культурно-исторического наследия, создавались на протяжении тысячелетий, а разрушаются за десятилетия. О трагическом влиянии Красноярского водохранилища на петроглифы Минусинской котловины написано уже немало (Савинов, 2011а; Шер, 1980: 147). В разные годы здесь работали многие исследователи из разных научных центров (Ленинграда / Санкт-Петербурга, Москвы, Минусинска, Абакана, Красноярска, Кемерово). Наряду с документированием памятника и решением других исследовательских задач проводился мониторинг степени сохранности рисунков (Миклашевич, 2007: 28, 29 рис. 15; Советова, Миклашевич, 1998; Arts Asiatiques, 1993 и др.).

Не удивительно, что именно этот регион стал объектом интереса участников Международного полевого семинара «Сохранение, консервация и музеефикация памятников наскального искусства», организованного Сибирской Ассоциацией исследователей первобытного искусства в 2002 г. (Миклашевич, 2002; Савинов, 2011б: 48). В ходе этого семинара отечественные и зарубежные специалисты, среди которых были представители смежных отраслей науки, проводили широкомасштабное исследование памятников этого микрорайона, названного Д.Г. Савиновым «Тепсейским» «по имени самой известной в историческом плане горы» (Савинов, 2011а: 22).

В 2012 г. на петроглифическом комплексе Тепсей работы по мониторингу наскальных плоскостей были продолжены Тепсейским отрядом КемГУ под руководством О.С. Советовой. Уровень воды в водохранилище был ниже обычного, что позволило практически беспрепятственно обследовать скальные выходы береговой линии горы, сплошь покрытые белым илистым налетом по причине долгого пребывания в воде. Это вызывало определенные трудности при выявлении петроглифов. Едва различимую под слоем ила выбивку, а порой лишь ее остатки, удавалось обнаружить только после расчистки плоскости. Часть рисунков, расположенных на нижних ярусах береговой линии и опубликованных ранее (Blednova et al., 1995), так и не удалось найти. Возможно, их постигла участь некогда находящейся в неплохой сохранности плоскости с изображением быка (№ 21.2, по Шеру) (там же, pl. 84: ph. 10). Уже в 1997 г. она находилась в весьма удручающем состоянии (Миклашевич, 2002: 22), а в 2002 г. ее вовсе не удалось обнаружить (там же). Видимо, эти рисунки, как и многие другие петроглифы Минусинской котловины, были разрушены в результате паводков, ледоходов и каменных обрушений. Следует отметить, что в настоящее время в месте впадения Тубы

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0954.

в Енисей береговая линия Тепсея буквально завалена каменными глыбами. Способствует этому постоянная переработка берега, происходящая под действием вод Красноярского водохранилища, что ставит под угрозу не только плоскости, находящиеся непосредственно у воды, но и те, которые расположены на некотором расстоянии от ее уровня.

Строительство водохранилища явилось своеобразным катализатором и для биообрастателей (природный фактор). Интенсивному росту лишайников здесь способствуют не только такие факторы, как определенный микрорельеф плоскости и вид лишайников, достаточное количество воды, тепла, света и «пищи» (Миклашевич, Мухарева, 2011: 240), но и общее повышение влажности в зоне водохранилища. По нашим наблюдениям, за двадцать лет, прошедших со времени исследований, проводившихся французскими специалистами (Arts Asiatiques, 1993), увеличения размеров трещин в основном не зафиксировано, но активный рост лишайников продолжается. К сожалению, стоит констатировать, что в некоторых случаях поверхность камня, долгое время покрытая лишайником, после расчистки оказывается буквально «съеденной» им. Подтверждения этому неоднократно случалось фиксировать на Тепсее, как и сильно выветренные, имеющие полости и отслоения скальной корки плоскости с рисунками. Однако в некоторых случаях этому способствует также и деятельность человека (антропогенный фактор). Нам пришлось наблюдать многочисленные случаи вандализма по отношению к петроглифам. Нередко облюбовавшие Тепсейские берега туристы и рыбаки устраивают у прибрежных скал (в том числе и у плоскостей с рисунками) свалки мусора, разводят костры, губительным образом влияющие на поверхность камней (сажа, растрескивание и проч.). Еще одним поистине вопиющим примером отрицательного влияния человека является обилие посетительских надписей прямо на древних изображениях. Особенно много таковых встречается на тех участках памятника, которые имеют хорошие подходы. Здесь также отмечены попытки подновления рисунков и загадочные стрелки, указывающие на скальные выходы с петроглифами, о возникновении которых можно лишь догадываться. Посетительские надписи, к сожалению, встречаются довольно часто на памятниках Хакасско-Минусинской котловины. Также нередко сюда привозят детей из различных образовательных учреждений. Однако результаты такого «воспитания» молодого поколения порой шокируют специалистов. Подобное наблюдали участники международного семинара в 2002 г., когда антропоморфный персонаж одной из плоскостей Тепсея был обведен красной и черной красками (Миклашевич, 2002: 23). Но порой краска появляется на памятнике не только по вине туристов и школьников. На многих участках Тепсея были обнаружены следы черной краски, оставшиеся здесь, судя по всему, после непрофессиональной попытки копирования на микалентную бумагу.

Таким образом, по-прежнему является чрезвычайно актуальной полная документация этого уникального памятника, также как и вопрос его сохранения.

Научный руководитель: д.и.н., проф. О.С. Советова

Список литературы

Миклашевич Е.А. О проекте САИПИ по сохранению, консервации и музеефикации памятников наскального искусства // Вестник Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – 2002. – № 5. – С. 7–11.

Миклашевич Е.А. Проблема затопления памятников водохранилищами и публикация старых материалов // Исследование наскального искусства Северной и Центральной Азии в 1995–1999 гг. Труды САИПИ, 2007. – Вып. II. – С. 27–30.

Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды САИПИ, 2011. – Вып. VII. – С. 239–246.

Савинов Д.Г. Проект программы «Тепсейский петроглифический микрорайон» (сохранение, консервация и использование) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды САИПИ, 2011а. – Вып. VII. – С. 23–26.

Савинов Д.Г. Тепсей, петроглифический микрорайон и возможности его изучения // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Т. 1. – Кемерово, 2011б. – С. 48–53.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Современное состояние памятников наскального искусства на Енисее и проблема контактного копирования // Международная конференция по первобытному искусству : тез. докл. – Кемерово, 1998. – С. 161–163.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М. : Наука, 1980.

Arts Asiatiques. Annales du muse`e national des Art asiatiques – Guimet et du muse`e Cernuschi. 1993. T. XLVIII. Extrait.

Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. 1995. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris.

А. Бурыкина

Барнаул, Алтайский государственный университет

ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДАРВИНОВСКОГО МУЗЕЯ С ЛЮДЬМИ, ИМЕЮЩИМИ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Музей – это место, куда люди приходят для того, чтобы узнать что-то новое, расширить свой кругозор и отдохнуть. Но музей и его экспонаты могут быть доступны не каждому. Трудности доступа к информации испытывают лица с ограниченными возможностями – инвалиды. Отклонения в здоровье мешают полноценно воспринимать окружающий мир, в том числе экспозиции музеев, что порождает чувство одиночества и оторванности от общественной жизни (Клюкина, 2012: 8). Численность инвалидов в мире растет, поэтому проблема вовлечения их в общественные отношения становится всё более актуальной в наши дни. Один из музеев, который активно ведет работу с инвалидами, – это Государственный Дарвиновский музей в Москве.

Нашей целью является проанализировать формы и методы работы Дарвиновского музея для того, чтобы в дальнейшем, используя опыт данного музея, разработать собственную методику работы с людьми, имеющими ограниченные возможности, для барнаульских музеев.

Музей обладает целым рядом достоинств, которые отличают его от других учреждений культуры и за которые его особо ценят посетители. Для инвалидов эти особенности – возможность получения эстетического удовольствия, информации, расширение круга общения (Ваньшин, 2005: 7). Поэтому очень важно найти подход к каждой категории инвалидов, чтобы они могли почувствовать себя частью общества.

Дарвиновский музей одним из первых музеев России стал активно внедрять новые методы работы с инвалидами и адаптировать экспозиции в соответствии с их потребностям (Морозова, 2012). Более 80 лет Дарвиновский музей обслуживает посетителей с ограниченными возможностями. Основатель и первый директор музея А.Ф. Котс проводил экскурсии для слепых студентов с середины 1920-х годов. В Дарвиновском музее ведётся большая культурно-образовательная деятельность инвалидов: действует множество кружков, проходят праздники. Руководство музея внимательно относится к посетителям и предложениям, которые от них поступают. Среди подобных предложений было одно, связанное с проведением творческих выставок инвалидов (Ваньшин, 2011: 24). Ежегодно музей предоставляет свои выставочные площади для творческих работ аутичных детей, детей из коррекционных школ, а также взрослых инвалидов и т.д. Первая подобная художественная выставка была проведена в 2003 году (Галич, 2011: 28–29). Это дало возможность инвалидам почувствовать себя частью общества, увидеть, что у них есть перспективы к самореализации.

Специально для инвалидов в Дарвиновском музее разработаны и проводятся экскурсии, каждая из которых рассчитана на отдельную их категорию, с инвалидами также проводятся интерактивные занятия с демонстрацией живых насекомых (занятие для слепых «Превращение бабочки») и с использованием остеологических, палеонтологических и зоологических учебных коллекций.

В газете «Вечерняя Москва» Дарвиновский музей называют «своеобразной музейной базой, где отработывалась концепция» систематизированной работы с инвалидами: «... там звучат голоса птиц, к чучелам животных можно прикоснуться пальцами, к тому же все экспонаты снабжены брайлевскими этикетками». Они принимают по три экскурсии в день (только для инвалидов-колясочников).

В музее созданы условия для свободного перемещения по всей экспозиции на колясках. Сотрудники музея при необходимости могут оказывать помощь. Работает подъемник для посетителей с проблемами опорно-двигательного аппарата; есть туалет увеличенного размера со специальными поручнями. Для слепых посетителей разработан маршрут движения по экспозиции, включающий знакомство со скульптурами и реконструкциями вымерших животных и древних людей; подобран ряд экспонатов для тактильного осмотра (Портал для людей с ограниченными возможностями здоровья: Электронный ресурс). В Дарвиновском музее исходят из принципа компромисса: учитывают условия для удобного посещения его как инвалидами, так и остальными посетителями. Здесь важен «универсальный дизайн» – образованная в процессе подготовки среда, которая была бы комфортна для всех категорий посетителей (Ваньшин, 2011: 26).

В Дарвиновском музее считают необходимым наладить систематическое обучение музейного персонала, чтобы обеспечить инвалидам наибольшие удобства для его посещения (Клюкина, 2012: 9). В музее работают специальные сотрудники (методисты), занимающиеся организацией обслуживания инвалидов. Музей является научно-методическим центром Российской Федерации по оказанию научно-методической помощи в области естественнонаучного музееведения для естественнонаучных отделов и отделов природы исторических и краеведческих музеев, естественнонаучных музеев Российской Федерации, независимо от их ведомственной принадлежности.

Стоит особо отметить, что Дарвиновский музей внес существенный вклад в адаптацию экспозиции музея для инвалидов разных категорий, значительная часть его экспозиций рассчитана на осмотр инвалидами. Здесь регулярно проводятся обучающие семинары. Например, 26 апреля 2012 г. состоялся обучающий семинар «Другие», посвященный особенностям социо-культурной реабилитации людей с нарушением умственного развития и аутизмом. На данном семинаре специалисты поделились своим опытом работы, рассказали об особенностях взаимодействия с этой категорией посетителей.

Благодаря внедрению новых форм и методов работы с инвалидами Государственный Дарвиновский музей является примером для других музеев страны, в которых тоже начинает активно распространяться практика работы с инвалидами. Нам хотелось бы применить некоторые интересные наработки данного музея, адаптировав их к барнаульским музеям.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Н.П. Иванова

Список литературы

Ваньшин С.Н. Организация в музеях выставок инвалидов и адаптация выставок для восприятия людьми с ограничениями здоровья // Творчество инвалидов – неограниченные возможности. Организация в музеях выставок инвалидов и адаптация выставок для восприятия людьми с ограничениями здоровья : материалы обучающего семинара 18 октября 2011 года, Москва. – М. : Изд-во ГДМ, 2011. – С. 23–27.

Ваньшин С.Н., Ваньшина О.П. Социокультурная реабилитация инвалидов музейными средствами. – М. : ГДМ, 2005.

Галич М.М. Организация выставок инвалидов и для инвалидов в Дарвиновском музее // Творчество инвалидов – неограниченные возможности. Организация в музеях выставок инвалидов и адаптация выставок для восприятия людьми с ограничениями здоровья : материалы обучающего семинара 18 октября 2011 года, Москва. – М. : Изд-во ГДМ, 2011. – С. 28–34.

Клюкина А. Музей и социализация инвалидов // Музей. – 2012. – № 2. – С. 8–9.

Морозова Т. Более половины объектов культуры в Москве приспособлены для инвалидов. – URL: http://domurfo.ru/news/2011/07/07/bolee_poloviny_ob_ektov_kul_tury (дата обращения: 07.04.2012).

Портал «Музеи России». – URL: <http://www.museum.ru/N22762> (дата обращения: 10.04.2012).

Портал для людей с ограниченными возможностями здоровья // Новости. – URL: <http://www.dislife.ru/flow/theme/5684> (дата обращения: 10.04.2012).

Сайт Государственного Дарвиновского музея // Для инвалидов: «МУЗЕЙ БЕЗ БАРЬЕРОВ». – URL: http://www.darwin.museum.ru/_forvisitors/?dir=invalid (дата обращения: 09.04.2012).

Сайт Государственного Дарвиновского музея // Конференции и семинары. – URL: http://www.darwin.museum.ru/_forvisitors/?dir=invalid (дата обращения: 09.04.2012).

*А.В. Веженко, Д.Н. Лысенко, В.Е. Матвеев, Н.С. Муратов, А.Л. Заика
Красноярск, ООО «Красноярская Геоархеология»,
КГПУ им. В.П. Астафьева*

НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БОГУЧАНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Археологические исследования Нижнего Приангарья имеют практически 300-летнюю историю (Дроздов и др., 2001; Заика, 2005), на территории региона обнаружено более сотни археологических объектов (стоянки, могильники, наскальные рисунки) (Дроздов и др., 1989; Заика и др., 1997). Вместе с тем каждый полевой сезон открывает новые страницы древней истории Нижней Ангары. В данной статье отражены результаты работ, проведенных в полевой сезон 2012 г. отрядом ООО «Красноярская геоархеология» в рамках археологической разведки по проекту магистрального нефтепровода «Куюмба – Тайшет» в Богучанском районе Красноярского края.

В 6 км севернее п. Ангарский, на 4-метровом террасовидном уступе левого берега р. Ельчимо (правый приток р. Ангара), возвышающемся над заболоченной, покрытой мхом местностью, зафиксирован оплывший котлован землянки, подквадратный в плане, размером 4x4 м и до 2,3 м глубиной. Профиль котлована представляет собой равнобедренную трапецию, расширяющуюся к вершинам у дневной поверхности. Пол и стены землянки укреплены бревнами небольшого диаметра (0,12–0,16 м) и щеплеными досками без использования гвоздей. Заложённые шурфы, сделанные в непосредственной близости от обнаруженного объекта, материала не дали. Предварительная датировка выявленного объекта археологического наследия (далее ВОАН) Ангарский. Поселение Мунтуль-1 – XVIII–XIX вв.

В среднем течении р. Ангара была обследована покрытая смешанным лесом 4-9 м вторая надпойменная правобережная терраса, протяженностью порядка 5,5 км, с северо-запада ограниченная устьем р. Иркиннеева и д. Иркиннеево, с юго-востока постепенно выположенная. Террасу пререзает малый водоток – р. Ельчимо. В 3 км юго-восточнее д. Иркиннеево был зафиксирован подъемный материал в виде двух буровато-красных неорнаментированных фрагментов лепного керамического сосуда. В результате заложения шурфов выявлены два культуросодержащих горизонта.

В культуросодержащем горизонте № 1, зафиксированном на глубине 0,2–0,3 м, в слое светло-бурой супеси обнаружены следующие изделия из камня: два долотовидных орудия подтреугольной и трапецевидной в плане формы, наконечник стрелы, скобель, слегка подретушированный фрагмент шлифованного орудия, призматические пластины, отщепы. Сырьем послужили алевролитовый песчаник и кремнистые породы. Керамического материала в слое не зафиксировано. Слой датируется эпохой неолита.

В культуросодержащем горизонте № 2, зафиксированном на глубине 1,6–2,2 м, в слое рыжевато-бурого песка с супесчаными прослойками черного цвета, обнаружены колотые и жженые остеологические останки, предположительно, отнесенные к плейстоценовой фауне. Учитывая уровень залегания находок, следы оказанного на них воздействия, а также характер остеологических останков, данный слой, предположительно, датируется нами финальной стадией палеолита. ВОАН получил название Иркинеево. Стоянка Ельчимо-3.

Помимо этого, на вышеописываемой террасе на основании сборов подъемного материала было выделению 8 местонахождений. Археологические находки представлены многочисленными орнаментированными и неорнаментированными фрагментами лепных керамических сосудов, каменными призматическими пластинами, ножевидным орудием, скребком, нуклеусом, отщепами, фрагментами железоплавильной печи, костяным жалом составного рыболовного крючка. ВОАН, предположительно, датируются широким временным диапазоном: «неолит – средневековье». Объекты получили название Иркинеево. Местонахождение Ельчимо-4-11.

Октябрьский. Местонахождение Хожо-1. В 11 км севернее п. Октябрьский, на 1 м террасы левого берега р. Хожо (правый приток р. Чуна), в 45 м от уреза воды, в заброшенном лагере лесозаготовителей, на ровном участке, поверхность которого подверглась активному техногенному воздействию, зафиксированы экспонированные на поверхности фрагменты неорнаментированного лепного керамического сосуда. На данном этапе работ объект предварительно датируется временным диапазоном «ранний железный век – средневековье».

Иркинеево. Стоянка Матвеевская площадь-1. В 11,6 км северо-западнее п. Пинчуга, в 3,5 км южнее д. Иркинеево, на 18-метровой, покрытой смешанным лесом надпойменной террасе выявлен культуросодержащий горизонт. В обнаруженном культурном горизонте, залегающем на глубине 0,3–0,4 м, в слое светло-бурой супеси с включением обломочных пород зафиксирован следующий каменный материал: фрагменты орудий и заготовок, ножевидные орудия, шлифованный, трапецевидный в плане топор с забитым лезвием, призматические пластины, проколка, отщепы. Сырьем послужили алевролитовый песчаник, кремнистые породы. Керамический материал представлен 25 неорнаментированными, а также 5 орнаментированными фрагментами лепного сосуда. Два рыжевато-бурых орнаментированных фрагмента лепных керамических сосудов характеризуются немного отогнутым наружу венчиком, приостренным к заovalенному устью. Венчики с внешней стороны орнаментированы двумя горизонтальными рядами овальных пальцевых вдавлений, устье – диагональными насечками. Внутренняя сторона плечика одного из фрагментов покрыта нагаром.

Фрагмент лепного тонкостенного керамического сосуда серовато-буроватого цвета орнаментирован штампом в виде отступающих наклонных полосок, исходящих из горизонтальной линии.

Фрагмент серовато-буроватого прямого венчика лепного керамического сосуда, приостренного к прямо срезанному устью. С внешней стороны орнаментирован прочерченными диагональными линиями, а также рассеченным выпуклым бугорком – «жемчужиной» в приустьевой части, образованным путем вдавления с внутренней стороны венчика.

Сероватый фрагмент отогнутого наружу венчика лепного керамического сосуда с заovalенным устьем. Шейка украшена овальным вдавлением, плечико – двумя горизонтальными налепными валиками с пальцевыми защипами. Внутренняя часть плечика покрыта нагаром.

Культурный горизонт, предположительно, датирован ранним железным веком.

Пинчуга. Стоянка Бурбукан-1. В 7 км юго-западнее п. Пинчуга, в 0,6 км северо-восточнее впадения р. Бурбукан в р. Пинчуга (левый приток р. Анагара), на 4 м возвышенности, покрытой смешанным лесом, в пойме р. Пинчуга, в ходе земляных работ зафиксирован культуросодержащий горизонт. На глубине 0,2–0,25 м, в слое гумусированной супеси с включением обломочных пород, обнаружен фрагмент керамического сопла, части железоплавильной печи, железные шлаки. Культуросодержащий горизонт, предположительно, датируется эпохой Средневековья.

Таким образом, в результате произведенных исследований было выявлено 14 ранее не известных объектов археологического наследия, что позволяет расширить археологическую карту течения Нижней Ангары. Согласно предварительным данным, время существования данных объектов охватывает длительный период – начиная с финального этапа верхнего палеолита и вплоть до этнографической современности. Данные не окончательны и требуют доработки и дальнейших исследований, также как и ВОАН, зафиксированные на основании сборов подъемного материала, требуют работ по установлению характера залегания, границ распространения культуросодержащих слоев, что позволит определить более точную датировку и культурную принадлежность объектов.

Список литературы

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Ермолаев А.В. Археологическая карта нижнего течения Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск, 1989. – Вып. 1. – С. 190–193.

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Леонтьев В.П. К истории археологических исследований в Северном Приангарье // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. – Томск : Изд-во ТГУ, 2001. – С. 122–124.

Заика А.Л. История изучения петроглифов Нижней Ангары // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск : РИО ГОУ ВПО КГПУ, 2005. – Вып. 4. – С. 127–147.

Заика А.Л., Каява А.В., Емельянов И.Н. Новые петроглифы Нижней Ангары // Дуловские чтения. – Иркутск : Изд-во ИГПИ, 1997. – С. 122–126.

А.Д. Дубов, А. Г. Анпилогов

Магадан, Северо-Восточный государственный университет

ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Использование географо-информационных систем (ГИС) с достаточно широким спектром возможностей делают актуальным выведение археологии Севера Дальнего Востока России (СДВР) на общий уровень в освоении современных средств анализа и вычисления. Проведенное ранее нами исследование (Дубов, 2012: 358–361) показало, что технологии цифрового зонирования, картографирования и построения виртуальной модели археологического объекта повсеместно используются в центральных регионах России последние десятилетия, а за рубежом еще ранее – начиная с середины прошлого века. Рассмотренные нами работы отечественных исследователей Сибири, стажировки в научных европейских центрах (Германия, Финляндия) показали, что геоинформационные технологии становятся неотделимым компонентом археологической науки.

Проанализировав методику ГИС для использования ее при создании комплексной карты археологических объектов СДВР, мы пришли к выводу, что наиболее оптимальной платформой для АГИС СДВР является программное обеспечение ArcInfo, которое способно решать такие задачи, как систематизация археологических объектов в ГИС, статистическая обработка данных, публикация в web-пространстве и пр.

Были предложены этапы внедрения геоинформационных систем в археологию СДВР. Это создание рабочей группы, подбор оптимальных компьютерных программ, реализующих функции АГИС, и их апробация, оснащение проекта специализированным инструментарием, таким как компьютеры, приемники GPS, тахеометр, карты, космоснимки и аэрофотоснимки, лицензионная программа.

Частично этапы проекта были реализованы, что сделало возможным создать геоинформационную карту «Археологические объекты Охотского побережья Магаданской области». При этом использовалось программное обеспечение ArcInfo 10 Lab Kit компании ESRI, которое позволило перевести базу данных об археологических объектах в электронный реестр, интегрированный в геоинформационной карте, создать информационный сайт «Археология. Магаданская область», включающий археологическую карту и базу данных об археологических культурах и памятниках Охотского побережья.

Для выполнения проекта было выбрано Охотское побережье Магаданской области. В карте обобщен фактический материал по археологическим объектам Охотского побережья Магаданской области от неолитической стоянки Шельтинга I на западе и до древнекоряжской стоянки Имповеем на востоке.

Источниками для формирования геоинформационной карты и составления базы данных, определения координатной привязки объектов стали опубликованные данные об археологических объектах из работ Н.Н. Дикова (1977, 1979), Т.М. Диковой (1974), Р.С. Васильевского (1971), А.И. Лебединцева (1990, 1997, 1999, 2006, 2010), А.А. Орехова (1984, 1985, 1999, 2003а, 2003б, 2004, 2005, 2010), А.А. Прута, С.Б. Слободина (2006) и др.

При составлении базы данных для археологической ГИС-карты были использованы такие данные археологических памятников, как координаты объекта, номер объекта, название объекта, датировка объекта по С14 и/или календарная дата, тип памятника, административный район, регистрационный номер объекта, датировка, культура.

Для базы данных был собран материал о 12 памятниках Токаревской культуры, входящих в ареал Магаданской области, о 51 объекте Древнекоряжской культуры, о 4 объектах без определенной культурной принадлежности. Объекты послойно отображались на карте.

Не все объекты, внесенные в базу данных, удалось отобразить на карте (стоянки Школьная, Березовая, Архинджа, Рыбачье, Комар, Антара, Кушка и др.). Это связано с рядом проблем. Так, практически все объекты не имеют точного местоположения – документация по ним если и имеется, то далеко не полная. К тому же в первые годы археологического изучения Охотского побережья после проведенных разведок коллекции вывозились в фонды музеев за пределы Магаданской области; в 1990-е годы практиковались работы на объектах без Открытого листа, что позволяло исследователям не отчитываться в Отделе полевых исследований Института археологии РАН и, соответственно, данные об этих объектах хоть и содержатся в публикациях, уточнить их сегодня не представляется возможным. Часть объектов на Охотском побережье была открыта геологами или сотрудниками заповедника «Магаданский», которые передавали обнаруженные ими археологические материалы в лабораторию истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН (г. Магадан), где проводился только анализ артефактов и только на основании аналогий определялись культурная принадлежность объектов, их датировки.

Составление базы данных и нанесение уже известных объектов на карту позволило определить ряд потенциальных для исследования мест, критериями выделения для которых стали наличие удобных для проживания бухт и устьев нерестовых рек. Это побережье бухты Лужина, Мотыклейского залива, бухты Мелководной, Кекурного залива, территория от Ямской губы до устья р. Таватум, побережье полуострова Тайгонос. Кроме этого, в связи с неопределенной информацией и природным разрушением, необходимо обследовать открытые ранее объекты древнекоряжской культуры: Марчекан, мыс Чирикова, Мыс Скалистый, поселения Река Авара, Наргабьен, Орочан, Сиглан, Сивуч, Нантанджа, Кип-Кич, Иткилан, Кейтэван, Варганчик, жертвенник на острове Буян, Таватум, Наяхан, Кушка, Мыс Варха-

ламский, у Мыса Первого, у Мыса Таран, Архинджа, Рыбачье, Комар, Бургаули, Антара, у Мыса Алевина.

Проведенная работа явилась первым опытом по внедрению геоинформационной системы в археологию Севера Дальнего Востока России. Возможно, не все объекты учтены, не исключены погрешности в местоположении некоторых памятников. Авторы будут признательны за любые замечания и предложения, которые помогут уточнить, дополнить карту археологических объектов Охотского побережья Магаданской области, а также скорректировать геоинформационную карту археологических объектов Севера Дальнего Востока России.

Научный руководитель: к.и.н., доц. И.Ю. Понкратова

Список литературы

- Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск, 1971.
- Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. – М. : Наука, 1977.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). – М. : Наука, 1979.
- Дикова Т.М. Археологические памятники Магаданской области. – Магадан, 1974.
- Дубов А.Д. Геоинформационные системы в археологии и перспективы их использования на Севере Дальнего Востока России // Сборник работ инновационных проектов молодых ученых по результатам Всероссийского конкурса студентов, аспирантов и молодых ученых в области социально-гуманитарных наук. – Ульяновск : ООО «Колор-Принт», 2012. – С. 358–361.
- Дубов А.Д. Сайт «Археология Магаданской области». – URL: <http://archmagadan.webnode.ru/> (дата создания: 27.10.2012).
- Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л. : Наука, 1990.
- Лебединцев А.И. Разведочные работы на Охотском побережье // Материалы и исследования по археологии Севера Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Магадан, 1997. – С. 67–91.
- Лебединцев А.И. Становление и развитие приморского хозяйства в Северном Приохотье и на Камчатке // История, археология и этнография Северо-Востока России. – Магадан, 1999. – С. 42–69.
- Лебединцев А.И. Древнекорякская стоянка Маячная // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. – Магадан, 2006. – С. 160–163.
- Лебединцев А.И. Стоянка мыс Скалистый на полуострове Кони // VI Диковские чтения. – Магадан, 2010. – С. 128–130.
- Лебединцев А.И., Кузьмин Я.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Северного Приохотья (Дальний Восток России) // VI Диковские чтения. – Магадан, 2010. – С. 116–120.
- Орехов А.А. Древнекорякское жилище поселения Атарган // Краеведческие записки. – Магадан, 1984. – Вып. XIII. – С. 193–198.
- Орехов А.А. Древнекорякское поселение Атарган // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России (Магаданская область и Чукотка). – Магадан, 1995. – С. 23–27.
- Орехов А.А. Предварительные результаты исследования древних поселений у м. Алевина (Охотское побережье, Древнекорякская культура) // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан, 1999. – С. 60–80.
- Орехов А.А. Новые данные к характеристике Древнекорякской культуры // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2003а. – С. 279–284.

Орехов А.А. Светлая 2 – новый памятник Древнекорякской культуры // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий, 2003б.

Орехов А.А. Древнекорякское поселение Светлая 2 на полуострове Старицкого // Вестник СМУ.– Магадан, 2004. – Вып. 3. – С. 47–52.

Орехов А.А. Модели приморской адаптации Берингоморья и Охотоморья (канчаланская и древнекорякская культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток, 2005. – С. 319–356.

Орехов А.А. Комплекс жилища 3 древнекорякского поселения Алевина I // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 92–105.

Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России (Магаданская область и Чукотка). – Магадан, 1994.

Прут А.А., Лебединцев А.И., Слободин С.Б. Новые археологические памятники побережья полуострова Старицкого (Северное Приохотье) // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. – Магадан, 2006. – С. 164–175.

С.В. Калугина

Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ г. ОМСК В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ ПРАЗДНОВАНИЯ 300-ЛЕТИЯ ГОРОДА

Празднование 300-летия г. Омска накладывает огромную ответственность и нагрузку на социальную, экономическую и туристическую сферы самого города и всей области. Особое место здесь принадлежит культурному и природному наследию региона, в которое входят уникальные археологические памятники, историко-культурные и храмовые комплексы, памятники природы.

Задача любого развитого сообщества состоит в необходимости продемонстрировать важное значение памятников археологического наследия, идентифицировать их с конкретной эпохой, государством, донести до сознания населения данного региона и туристов ощущение принадлежности и сопричастности к древним традициям. Современное общество как никогда ранее ощущает себя тесно связанным с глубоким прошлым человечества и рассматривает ранние фазы развития как очень важные и неотъемлемые этапы своей истории, через которые осуществляется преемственность и неразрывная связь прошлого с настоящим и будущим. Это делает проблему сохранения и использования археологического наследия одной из актуальных в период подготовки к празднованию 300-летия г. Омска.

Памятники археологического наследия неразрывно связаны с окружающей средой, и концепция их охраны, изучения, использования не может строиться без учета антропогенного фактора. Особым направлением в региональных проблемах археологического наследия выступает восстановление и музеефицирование памятников.

На территории города к настоящему времени известно несколько десятков памятников археологии: стоянок, поселений, городищ, могильников, «кладов» и отдельных находок.

Среди памятников археологического наследия г. Омска, которые могут и должны стать объектами туризма и широкого экскурсионного посещения во время празднования 300-летия, надо прежде всего отметить памятники археологии «Омская стоянка», «Большой лог» и историко-культурный комплекс «Омская крепость», расположенные непосредственно на территории города.

Комплекс памятников «Омская стоянка» расположен на левом берегу Иртыша в районе Ленинградского моста и профилактория «Восход». Точно очертить территорию древних стоянок и могильника нельзя, так как топографическая съемка памятников в прежние годы

не проводилась. Омская стоянка открыта в 1918 году врачом и краеведом Сергеем Александровичем Ковлером (1881–1960) (Кони́ков, 1998: 5).

К сожалению, богатая история изучения и известные фамилии в ряду исследователей не спасли стоянку от уничтожения и частичного ее «погребения» под современными постройками: ныне на месте стоянки, а если точнее, над стоянкой, высится здание профилактория (Кони́ков, 1996: 107).

В 1988 году на месте комплекса памятников «Омская стоянка» началось строительство здания профилактория; при рытье котлована были разрушены значительные площади памятника. Параллельно строительству археологи Омского педагогического института вели охранные раскопки, в ходе которых впервые удалось открыть часть полуназемного неолитического жилища и неолитический могильник – один из древнейших некрополей на омской земле (Кони́ков, 1998: 8–11).

В 2008 году Государственный исторический музей и Омское производственное объединение «Радиозавод имени А.С. Попова» в рамках реализации задач по сохранению и пропаганде культурного исторического наследия на условиях государственно-частного партнерства подписали Соглашение о сотрудничестве по изучению и сохранению памятника археологического наследия «Омская стоянка».

Соглашением предусмотрено проведение научно-исследовательских работ на памятнике археологического наследия «Омская стоянка», оказание научной, методической и консультационной помощи, организация совместных выставок и экспозиций, издание сборников научно-исследовательских материалов о памятниках Сибирского археологического наследия.

Инициативу завода уже поддержала федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия, а также Общественная палата Российской Федерации.

С учетом подготовки к празднованию 300-летия со дня основания Омска данный историко-культурный комплекс может и должен быть подвергнут музеефикации. Здесь было бы целесообразным создать музей под открытым небом. Нахождение подобного музея в черте города является еще одним его уникальным преимуществом. Научная реконструкция и музеефикация комплекса памятников «Омская стоянка» приведет к широкому общественному резонансу, он, безусловно, станет объектом постоянного интереса туристов, особенно школьников и студентов.

В Омске есть две зоны, которые хранят дух истории, – это территория Омской крепости как место рождения города и «Стоянка Омская», которая свидетельствует о том, как далеко вглубь прошлого уходят корни цивилизации в нашем регионе.

«Омская стоянка», расположенная по соседству с памятником природы «Птичья гавань» (Энциклопедия Омской области, 2010: 252), мемориалом Победы, в комплексе может и должна составить единую уникальную историко-культурную зону.

Другим брендом Омской области может стать памятник археологии Большой Лог (городище кулайской археологической культуры), расположенный в черте города, в 12 километрах от устья реки Оми. Памятник был открыт в 1937 г. школьником Иваном Калугиным. На Большом Логу существовал крупный позднекулайский поселок, имевший площадь до двух гектаров, а кулайские жилища занимали всю территорию памятника.

В 1990-е годы территорию памятника распахали, вокруг были возведены дачные кооперативы. В результате изменений конфигурации памятника его площадь сократилась и составляет ныне около 2500 кв. м. (Кони́ков, 1995: 49), хотя прежде она оценивалась в 3000 кв. м. (Чернецов, Мошинская, 1951: 78) и даже в 6000 кв. м. (Генинг, Голдина, 1967: 145).

К сожалению, этот памятник не вошел в план сохранения культурного наследия г. Омска, а также не нашел своего покровителя. Для сохранения памятника не требуется много средств, необходимо только огородить территорию памятника и сделать ее охраняемой. Вне всякого сомнения, уникальность этого исторического памятника, его месторасположение на

Оми и красота привлечет туда туристический бизнес. Городище можно будет реконструировать, разместить там музей археологических находок ирменской, кулайской, самодийских культур и более поздней культуры сибирских татар.

Особый интерес представляет историко-культурный комплекс «Омская крепость». От второй Омской крепости остался лишь небольшой комплекс зданий, часть из которых уже находится в аварийном состоянии. Строить вторую крепость начали в 1768 г., так как первая не отвечала всем требованиям обороноспособности.

В июле 2009 г. Омским градостроительным советом было принято решение о реконструкции историко-культурного комплекса, а 10 июня 2010 г. начаты работы. Это уникальный проект по восстановлению исторической части г. Омска, осуществляемый в рамках приоритетного направления муниципальной политики по сохранению культурного наследия (Демченко, 2011: 7).

Вопреки общемировым тенденциям значение археологических и культурно-исторических памятников в социально-экономической и культурной жизни региона пока невелико. Мировая и общероссийская практика показала, что наиболее правильным с научной точки зрения и эффективным с экономической точки зрения является создание музеев-заповедников, в состав которых входит не только территория археологического или исторического культурного памятника, но и прилегающие ландшафтные зоны исторической среды обитания человека.

Весьма сложным и мало разработанным является вопрос об аренде или продаже памятников истории и культуры, об аренде территорий охранных зон памятников и использовании их в хозяйственных целях. Четкая юридическая регламентация данной проблемы, основанная на глубоком научном анализе и индивидуальном подходе к конкретным объектам культурного наследия, должна стать неотъемлемой составляющей региональной политики.

Научный руководитель: к.и.н., доц. М.А. Корусенко

Список литературы

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Поселение Большой Лог у г. Омска // V Уральское археологическое совещание. – Сыктывкар, 1967. – С.145–148.

Герасимов Ю.В., Калугина С.В., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Историко-культурное (археологическое) обследование северо-западного сектора историко-архитектурного комплекса «Омская крепость» // Омская крепость: историко-культурное наследие : сб. материалов Омской городской науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. – Омск : Издат. дом «Наука», 2011. – С. 28–32.

Демченко В.М. Современное состояние и перспективы развития историко-культурного общественного комплекса «Омская стоянка» // Омская крепость: историко-культурное наследие : сб. материалов Омской городской науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. – Омск : Издат. дом «Наука», 2011. – С. 7–12.

Конилов Б.А. Городище Большой Лог и история исследования кулайских древностей в Омском Прииртышье // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Часть первая. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1995а. – С. 49–52.

Конилов Б.А. Омская стоянка – выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1996. – № 4.

Конилов Б.А. Комплекс памятников «Омская стоянка»: археологические открытия и находки. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. – 42 с.

Лебедева Н.И. Омская крепость: этапы застройки северо-западного сектора // Омская крепость: историко-культурное наследие : сб. материалов Омской городской науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. – Омск : Издат. дом «Наука», 2011. – С. 16–21.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – Вып. XXXVII. – С.78–87.

Энциклопедия Омской области: в 2 т. / под общ. ред. В.Н. Русакова. – Омск : Омское книжное изд-во, 2010. – 592 с.: ил., цв. вклейки.

Официальный сайт Радиозавода имени А.С. Попова. – URL: [http:// www. relero.ru](http://www.relero.ru)

Н.С. Кирьянов

*Якутск, Музей археологии и этнографии,
Северо-Восточный федеральный университет*

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ СБОРОВ В ХОДЕ РАБОТ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ МАМОНТА В 2011–2012 гг. В МЕСТНОСТИ «МУУС-ХАЯ» УСТЬ-ЯНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

В 2011–2012 гг. сотрудниками Музея мамонта Института прикладной экологии Севера Северо-Восточного федерального университета (ИПЭС СВФУ) им. М.К. Аммосова производилась палеонтологическая экспедиция в Усть-Янском районе Республики Саха (Якутия), в 40 км выше пос. Казачий, в местности «Муус-Хая» (*якут.* Ледяная гора). В археологической литературе данная территория больше известна под объединенным названием Янская стоянка (Сопливая гора), раскопками которой на протяжении многих лет занимается сотрудник Института истории материальной культуры РАН В.В. Питулько (Питулько, Павлова, 2010). Горы Муус-Хая и Сопливая являют собой находящиеся рядом два визуально обособленных останца, одинаково приуроченные к уровню третьей надпойменной террасы левого берега р. Яна, но расположенные по разные стороны устья протоки Диринг-Аян: Муус-Хая – ниже по течению, Сопливая – выше по течению.

В ходе работ палеонтологической экспедиции было произведено промывание грунта из II надпойменной террасы горы Муус-Хая с использованием сита, в результате чего получена археологическая коллекция каменных изделий количеством более 200 предметов. В ноябре 2012 г. сотрудником Музея мамонта Семеном Григорьевым данная коллекция была передана сотруднику Музея археологии и этнографии Николаю Кирьянову для изучения, а также представлена краткая справка о месте и способе ее получения. Сам автор тезисов на местах работ не присутствовал и обрабатывал материал в лаборатории Музея археологии и этнографии. В настоящее время работа над коллекцией не завершена, но предварительно можно высказать некоторые наблюдения общего порядка:

1. Точное стратиграфическое местоположение данных предметов не определено;
2. Общий облик и характер обработки изделий, а также близость палеолитической стоянки Янская указывают преимущественно на их доголоценовый возраст;
3. Основным исходным материалом для изделий послужили сланцевые породы (кремнистые сланцы, глинистые сланцы);
4. Часть изделий покрыты белой патиной, некоторые заметно заветрены, том числе и в местах сколов и негативов снятия;
5. Представленные изделия разнотипны, но в основном представлены категорией слабовыраженных преформ, или заготовок, различными отходами производства (отщепы, осколки, обломки), а также предметами неясного функционального назначения. Четко оформленные орудия составляют наименьший процент от общего числа;
6. Четко выделяется унифасиальный характер обработки изделий, на что уже обращал внимание В.В. Питулько;

7. Самым ярким предметом коллекции, по нашему определению, является скребок высокой формы, выполненный на обломке. Размеры: 6,4x5,5x3,9 см. Галечная корка гладкая, с незначительными шероховатостями; сохранилась на тыльной и на верхней частях орудия. Лезвие округлое, с переходом на тыльную сторону, обработано ступенчатой ударной ретушью, а также частично пластинчатыми сколами; кромка лезвия обработана мелкой притупляющей ретушью. На нижней стороне орудия не наблюдается никаких следов намеренных ударов или попыток скола.

По завершению камеральных исследований будет подготовлена итоговая работа, суммирующая все полученные результаты.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.Н. Алексеев

Список литературы

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. – СПб. : Наука, 2010.

А.С. Кокарева

Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕРИОД НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Говоря о военных конфликтах, вторжениях и т.п., редко принимается во внимание судьба объектов культурного наследия. А ведь культурное наследие принадлежит обществу и нуждается в защите. В истории немало примеров, когда культурно-историческое наследие разрушали, уничтожали, расхищали. Историография вопросов о защите и сохранении памятников культурного наследия в вооружённом конфликте обширно представлена западными учёными. Возможно, это объяснимо тем, что в странах Европы и США распространено мнение, что корни западной цивилизации можно найти именно на территории стран Ближнего Востока.

Мир всегда выражает своё сожаление по поводу утраты какого-либо объекта культурного наследия в ходе военных действий. Начиная с Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, стали разрабатываться ряды мер: модернизируется кодекс поведения вооруженных сил, отображения системы вывесок и т.д. Как пример, бело-голубой щит, который прикрепляется к наружным стенам важных культурных сооружений. Он предназначен для привлечения внимания военных офицеров и обязует офицеров к защите здания от повреждений во время военных действий. Этические вопросы часто воспринимаются как нейтральный, неполитизированный свод правил и предписаний, который мало кто стремится соблюдать. На защиту прошлого приходится подниматься его исследователям: историкам и археологам.

Подобные события произошли в период Иракской войны 2003–2011 гг. Американский морской пехотинец Бостон Глоб (Boston Globe) в одном интервью произнёс: «Нас просят стать друзьями тем людям, которых мы убивали. Сейчас мы должны охранять древности, которые они сами и воруют» (Hamilakis, 2003: 105). Расхищение культурных ценностей весьма распространено. После падения «тирании режима Саддама Хусейна» активизировались грабители и «чёрные копатели». Ущерб, нанесённый ими культурно-историческому наследию Ирака, неоценим. Характерный пример – разграбление Иракского национального музея в Багдаде. Неизвестные грабили музей на протяжении 48 часов и похитили около 15 тысяч экспонатов (Гуляев, 2004: 406). Точное число похищенных предметов неизвестно, поскольку все инвентарные книги были уничтожены грабителями. Тогда многие археоло-

ги направили гневную реакцию на коалиционные силы, которые были обязаны обеспечить должную защиту музеям, раскопкам и пр. Вовлечение археологов в процесс защиты культурного наследия в этой войне началось раньше. Многие из них посещали Пентагон, указывая на величину риска, который будет существовать для истории. Один из специалистов даже предоставил координаты пяти тысяч мест, на которых не должно было быть бомбардировок (Hamilakis, 2003: 106).

«Война в Ираке пробудила аппетит на ближневосточные артефакты. Сейчас частные коллекционеры пристально следят за конфликтом. С развалом экономики проще всего отправить людей копать», – пишет журналистка и археолог по совместительству Джоанна Фарчах Баджали. Поэтому 7 статья Резолюции СБ ООН 1483, которую приняли в мае 2003 г., утверждает, что торговля иракскими культурными ценностями запрещена, если существуют обоснованное подозрение, что они были незаконно вывезены из Ирака после принятия Резолюции СБ ООН 661 (1990). Мониторинг рынка искусств, основанный на исследованиях продаж трёх известнейших аукционов мира, Sotheby's, Christie's и Bonhams, показывает, что с апреля 2003 г. продажи иракских артефактов медленно снижаются и уже к 2004 г. полностью прекращаются. Торговля прекратилась на аукционах, но продолжилась в Интернете. В один день, 5 декабря 2006 г., во Всемирной сети было как минимум 55 сайтов, которые предлагали на продажу иракские древности (Brodie, 2009: 65). Замечу: дилеры не использовали слово «Ирак» в качестве географического идентификатора, его заменяли маркером «Месопотамия». Это может указывать на то, что они могли не иметь точных данных о месте происхождения, либо были осведомлены, что многие из этих объектов контрабанда.

Аналогичная ситуация происходит и на территории Сирии. В авторитетном журнале Time в сентябре 2012 г. представлялось интервью с мелким контрабандистом, который рассказал, что предметы, имеющие какую-либо ценность, превратились в обменную валюту: «Повстанцы нуждаются в оружии, а древности простой способ купить его».

В довоенный период 12 % национального дохода Сирии составлял туризм. Ущерб, нанесённый культурному наследию в ходе войны, вполне может лишить бюджет Сирии этого дохода. В дополнение ко всему Старый город в Дамаске, Босре, Халебе, памятники Пальмиры, замки Крак-де-Шевалье и Кальбат-Салах-ад-Дин, а также древние поселения в Северной Сирии – шесть памятников, входящих в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Сирии, повреждены в ходе боевых действий. По заявлению Эммы Канлиф (Emma Cunliffe), профессора археологии Даремского университета, большинство этих повреждений нельзя будет устранить. С момента ведения в Сирии боевых действий Эмма Канлиф так и не смогла туда попасть, и её данные были взяты со страницы Facebook «Syrian Heritage Under Threat», которую ведут местные добровольцы. Сирийские музеи не могут обеспечить должной защиты своим экспонатам и фондам, поэтому вопрос о разграблении стоит в Сирии очень остро (Baker, 2012).

До тех пор, пока в стране, не имеющей возможности обеспечить защиту от мародёров, варваров и просто грабителей, при этом располагающей бесценными артефактами, которые не исследованы полностью, но которые располагаются буквально под ногами, ни о каком сохранении культурно-исторического наследия не может быть и речи. А ведение боевых действий в таких районах, с точки зрения археологии, является преступлением и влечёт за собой «вырывание листов из книги истории».

Научный руководитель: к.и.н., А.С. Вдовин

Список литературы

- Гуляев В.И. Шумер, Вавилон, Ассирия. 5000 лет истории. – М. : Алетея, 2004.
Кузнецов Д.В. Приложения // Иракский кризис. Очерк событий. Документы и материалы. – Благовещенск, 2006. – С. 101–265.
Baker A. Syria's Looted Past: How Ancient Artifacts Are Being Traded for Guns // TIME. – 2012. – № 37.

Brodie N. The Market in Iraqi Antiquities 1980–2008 // International Scientific and Professional Advisory Council of the United Nations. – Milan, 2009. – С. 63–74.

Dolff-Bonekämper G. Cultural Heritage and Conflict: the view from Europe // Museum International. – 2010. – Vol. 62. – P. 14–19.

Hamilakis Y. Iraq, Stewardship and the Record. An Ethical Crisis for Archaeology // Public Archaeology. – 2003. – Vol. 3. – P. 104–111.

Е.И. Кочкина

*Красноярск, Красноярский государственный
педагогический университет*

МУЗЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Красноярский городской музей был основан в 1889 г. В 1903 г. передан в ведение Красноярского подотдела Русского географического общества. В связи с ростом коллекций появилась необходимость в специальном помещении, и в 1913–1914 годах началось строительство существующего здания по проекту красноярского архитектора Л.А. Чернышева (Ярошевская, 1989: 5). Первая мировая война, революции и гражданская война, наложили свой отпечаток на работу музея. В это время должность директора Красноярского городского музея занимал А.Я. Тугаринов – учёный-орнитолог. В годы Первой мировой войны недостроенное здание музея отдали под солдатские казармы (Ярошевская, 1989: 6). Работа сотрудников музея не прекращалась даже во времена войны и революций.

Данный период (1917–1919 гг.) слабо отражен в литературе, прослеживается тенденция, при которой после имперской сразу дают характеристику советской музейной системы 20-х гг. XX в., пропуская важный момент становления новой государственности, изменения системы культурных ценностей и музейного дела. Советская власть не обратила внимания на музей, который во время войны закрывают для посещения (Баташев, 2011: 19) «ввиду полной невозможности размещения хотя бы половины имеющихся материалов» (Свободная Сибирь. № 279: 4). В действующее здание музея время от времени вторгались солдаты, пытались устроить в нем наблюдательный пункт. Достройка здания отошла в далекое будущее, музей находился в помещении старых гостиных рядов, где только в одной комнате была возможность работать, а в остальных зимой температура опускалась до -12 °С (АКККМ О/ф. Оп. 01. Д. 355: 2).

В начале июня 1918 г. музей организует экспедицию в Минусинскую котловину для сбора валерианы, стародубки и солодки. По итогам поездки Г.П. Миклашевская подготовила выставку о лекарственных растениях края (Макаров 1989: 35).

В июне 1918 г. в Сибири пала советская власть, а новое здание музея уже находилось в состоянии разрушения (АКККМ О/ф. Оп. 01. Д. 355: 2). С провозглашением в ноябре 1918 г. А.В. Колчака Верховным Правителем произошла определенная стабилизация, это способствовало оживлению исследовательских работ на территории Енисейской губернии, что отразилось на росте коллекций (Карнаухова, 2011: 282).

После двух предшествующих лет, когда приток коллекций значительно понизился. Всего в 1917 г. цифра поступлений достигла 700 предметов, поднявшись в 1918 г. до 1884, а в 1919 г. – до 3932 единиц (АКККМ О/ф. Оп. 01. Д. 356: 1). Импульс научной деятельности дало создание Института исследования Сибири, в организации которого участвовал и А.Я. Тугаринов. В недостроенном здании музея расположились чешские воинские части. Коллектив музея спасает архив духовной консистории, одна из воинских частей исполь-

зовала бумагу вместо дров. А.Я. Тугаринов организовал перевозку архива, который стал в музее первым крупным документальным фондом о прошлом края (АКККМ О/ф. Оп. 01. Д. 355: 2).

12 февраля 1919 г. исполнилось 30 лет существования Музея. Политические события не позволили заметно отметить эту дату в жизни учреждения, распорядительный комитет подотдела Географического общества решил ограничиться устройством заседания, посвященного годовщине, куда были приглашены все близко стоящие к музею лица, жертвователи и сотрудники (АКККМ О/ф. Оп. 01. Д. 356: 1).

В Красноярском музее появляются новые сотрудники, из которых в области археологии специализируются Н.К. Ауэрбах, Г.Н. Сосновский и пленный австрийский археолог Г.К. Мергарт. В конце 1918 г. возвращается В.И. Громов, в 1919 г. передавший палеонтологическую коллекцию в музей (Ауэрбах, 2003: 35). В течение 1919 г. А.Я. Тугариновым, Н.К. Ауэрбахом, В.И. Громовым, Г.П. Сосновским, А.Л. Яворским обследованы Афонтова гора, Военный городок, Ладейки, Переселенческий пункт и другие стоянки. Исследователей заботила угроза разрушения памятников археологии самовластными застройками (Акимова, 2006: 10). Ценным научным приобретением для музея стала археолого-этнографическая коллекция ученого-исследователя А.П. Ермолаева, собранная в Урянхайском крае. (Свободная Сибирь. № 239: 3). Через А.Я. Тугаринова поступило пожертвование от этнолога-зоолога Академии наук В.Д. Кожанчикова – научно обработанная коллекция чешуйчато-крылых южной части Енисейской губернии (Свободная Сибирь. № 200: 4). Значительные поступления музею в 1919 г. обеспечили И.И. Горбовец, занимавшийся комплектованием этнографического материала, и Доможиров, передавший в этнографический фонд коллекцию, собранную экспедицией Южнорусской общеземской организации (Баташев, 2011: 19). В декабре 1919 г. поступает коллекция купца Данилова, «которая была самой большой из известных коллекций минусинских древностей. Эта коллекция содержит 490 бронзовых предметов, серию артефактов железного века в удовлетворительной степени, в том числе миниатюрные медные украшения (АКККМ О/ф. Оп. 01. Д. 1045: 34).

К концу 1919 г. создан отдел литературных изданий, начиная с первого издания XIX в. Создан отдел войны и революции (Д. 77: 16). В действующей армии собирались материалы для данного отдела, характеризующие боевую жизнь 4-го Енисейского стрелкового полка. 4-й полк состоял из уроженцев и жителей Енисейского края и г. Красноярска, и поэтому сохранение среди материалов музея данных о них являлось чрезвычайно важным для истории края (АКККМ О/ф. Оп. 01. Д. 76: 12). 14 декабря 1919 г. музей посетили представители городского самоуправления. В финансовом отношении положение музея было бедственным (Свободная Сибирь. № 279: 4). В декабре 1919 г. решено было переименовать Красноярский музей в Музей Приенисейского края (АКККМ О/ф. Оп. 01. Д. 72: 45), также были определены задачи музея: в нем должны быть наглядно представлены все особенности Приенисейского края. Отмечено, что представляется возможным начать с весны организацию Ботанического сада. Здесь должны быть созданы музей и аудитория под открытым небом (АКККМ О/ф. Оп. 01. Д. 75: 17).

В январе 1920 года в Красноярске была восстановлена советская власть. От интервентов и белогвардейцев остались голод, холод, болезни. Отопление музея было расстроено (Макаров, 1989: 37). Большая заслуга музея Приенисейского края и его сотрудников в годы революций и гражданской войны состоит в сохранении и приумножении коллекций музея.

Научный руководитель: к.и.н., доц. А.С. Вдовин

Список литературы

Акимова Е.В., Вдовин А.С., Чеха В.П. Валерьян Иннокентьевич Громов (1896–1978). Красноярский период // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Т. 1. – Красноярск, 2006. – С. 9–12.

АККМ – Архив Красноярского краевого краеведческого музея О/ф. Оп. 01. Д. 355. Л. 48.
АККМ О/ф. Оп. 01. Д. 356. Л. 25.

Ауэрбах К.Н., Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Оводов Н.Д. В.И. Громов. Красноярские истоки научной деятельности // Древности Приенисейской Сибири, 2003. – Вып. 2. – С. 35–41.

Баташев М. К истории комплектования фонда этнографии коренных народов Приенисейского края Красноярского краевого краеведческого музея // Второй век подвижничества. – Красноярск, 2011. – С. 12–19.

Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С., Васильев А.Д., Выдрин Е.В. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). – Красноярск : РИО КГПУ, 2001.

ГАКК Государственный архив Красноярского края. Ф 217. О. 1. Д. 72. Л. 48.

ГАКК. Ф. 217. О. 1. Д. 73. Л. 16.

ГАКК. Ф. 217. О. 1. Д. 75. Л. 29.

ГАКК. Ф. 217. О. 1. Д. 77. Л. 29.

Карнаухова Л., Сичкарь Н. Второй век подвижничества : сб. науч. ст. – Красноярск, 2011. – С. 280–287.

Макаров Н.П., Яворский А.Л. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. – Красноярск, 1989. – С. 21–43.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея. – Ф. 54. Д. 1045. Л. 34.

Свободная Сибирь. – 11 сент. 1919. – № 200 (596). – С. 8.

Свободная Сибирь. – 29 окт. 1919. – № 239 (635). – С. 8.

Свободная Сибирь. 17 дек. 1919. – № 279 (675). – С. 8.

Ярошевская В.М. Музей вчера, сегодня, завтра // Век подвижничества. – Красноярск, 1989. – С. 3–15.

А.А. Лазина

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДВФУ. ИСТОРИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ. ПЕРСПЕКТИВЫ

История Музея археологии и этнографии ДВФУ насчитывает более 30 лет. В первой половине 70-х годов на историческом факультете университета по инициативе доцента Давида Лазаревича Бродянского создается Археологический музей, который пополняется уникальными экспонатами от палеолита до средневековья из раскопок на территории Приморья, собираемыми во время археологических экспедиций преподавателями и студентами факультета.

В конце 70-х годов на историческом факультете кандидатом исторических наук Эмилией Николаевной Осокиной формируется этнографический музей, основу которого составили предметы переселенцев и удэгейцев: одежда, предметы культа, предметы труда и быта, фотографический материал, записи рассказов первых переселенцев. В начале 80-х годов археологический и этнографический музеи были реорганизованы в факультетский Музей археологии и этнографии.

Первоначально фонды и экспозиционные залы музея располагались в двух небольших комнатах Дальневосточного государственного университета. В начале 1998 года ректор ДВГУ В.И. Курилов принимает решение создать Учебный музей – наряду с Музеем истории университета, Зоологическим музеем и Музеем редкой книги был представлен Музей археологии и этнографии. В 1999 г. музей обрел постоянную прописку в историческом здании Педагогического института по адресу Океанский проспект, 37, где он располагается и в настоящее время.

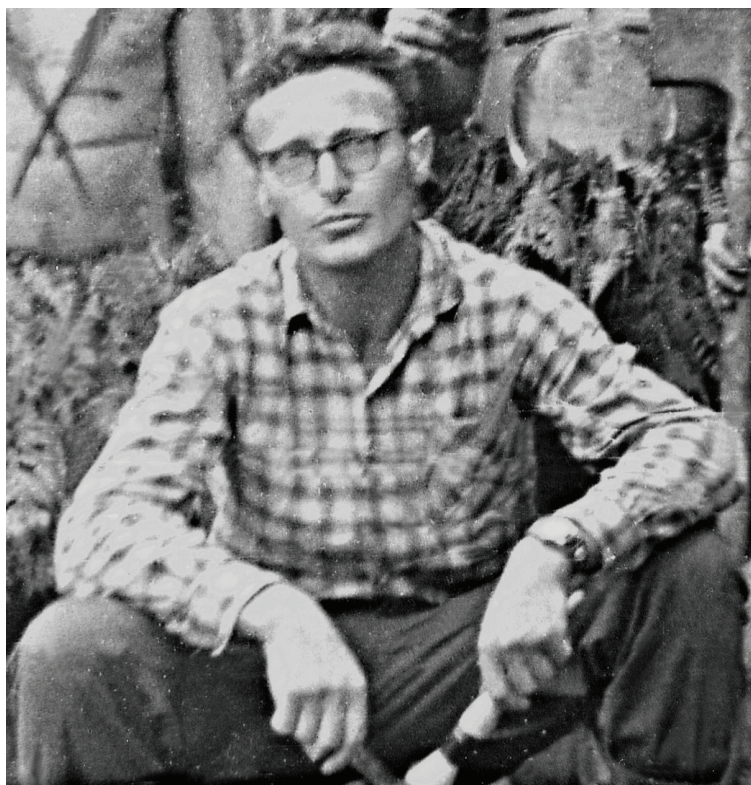

Рис. 1. Давид Лазаревич Бродянский

Рис. 2. Эмилия Николаевна Осокина

Музей археологии и этнографии обладает собранием археологических и этнографических объектов, которое насчитывает более 300 тыс. единиц хранения. Все они являются результатом более чем сорокалетних экспедиционных исследований университетских археологов и этнографов на территории края. Фонды располагают крупнейшими на Дальнем Востоке верхнепалеолитическими коллекциями, в числе которых материалы опорных памятников верхнего палеолита восточного побережья Тихого океана – Устиновка, Суворово, Илистая. Уникальные для тихоокеанского региона неолитические предметы бойсманской культуры также нашли место в постоянных экспозициях.

Рис. 3. Экспозиционный зал Музея археологии и этнографии ДВФУ

Этнографическая коллекция не менее значительна. Вещи, отражающие быт удэгейцев, русских переселенцев в Приморье конца XIX – начала XX вв., сегодня в числе раритетов. Снаряжение и одежда охотника-удэгейца, замечательная по содержанию коллекция сувениров – ритуальных фигурок народа удэге и наряд шаманки с культовыми предметами вызывают интерес у каждого посетителя. Коллекция наглядно показывает быт русского и удэгейского этноса, а также хранит предметы промышленного и кустарного производства первой половины – середины XX века.

Уникальна восточная коллекция музея: она содержит вещи, которые покажутся интересными этнографам региона Восточной Маньчжурии, где перемешались национальные традиции корейцев, китайцев, маньчжуров и малых народов Дальнего Востока. Некоторые этнографические экспонаты не имеют аналогов в Сибири и на Дальнем Востоке: огнестрельное оружие XIX в. из Китая, самурайские доспехи XVI в., одежда и предметы культа народов Приморья.

Основная цель деятельности музея – обеспечение учебно-исследовательской работы и проведение музейной практики для студентов исторического факультета ДВФУ. Имеющаяся источниковая база музея используется для чтения обзорных и тематических экскурсий по археологии Приморья, для научной работы по древней истории Дальнего Востока преподавателями, аспирантами и студентами, специализирующимися на кафедре всеобщей истории, археологии и антропологии.

Помимо вышесказанного, музей проводит большую работу по просвещению и культурному образованию среди населения Приморского края: экскурсии для учащихся школ, лицеев, гимназий, студентов других вузов г. Владивостока и Приморского края.

Музей проводит значительную научную работу: при музее работает аспирантура по специальности «Археология», с 1999 г. 5 сотрудников защитили кандидатские диссертации, основой которых являлись музейные коллекции. В музее реализуются гранты российских фондов, международные проекты. Кроме того, сотрудники музея выполняют значительный объем охранно-спасательных археологических мероприятий на памятниках, для которых существует угроза разрушений природного и антропогенного характера.

Предметом деятельности музея является:

- проведение занятий для студентов ДВФУ;
- выявление, собирание, хранение и изучение музейных предметов и музейных коллекций;
- музеефикация археологических объектов;
- популяризация исторического наследия древнего Приморья;
- научно-исследовательская деятельность, направленная на изучение и сохранение наследия Приморского края, публикация музейных фондов;
- экспертные и охранно-спасательные мероприятия на объектах культурного наследия региона.

Основная задача музеев – накопление и сохранение культурного и природного наследия. В этой связи целесообразно проводить научные экспедиции, научно-исследовательские и экспертные работы во взаимодействии с учебными и научными структурами университета. Собранный полевой материал поступает в фонды музеев. Для этого в структуре музея предусмотрено научно-исследовательское подразделение – Краеведческий НИИ с научными лабораториями и отделами экспертиз.

Учебно-полевые студенческие практики и экспедиционные научные работы являются основными источниками формирования коллекционного и экспозиционного фондов Музея археологии и этнографии ДВФУ. Участвующие в этом процессе студенты закрепляют на практике полученные теоретические навыки, овладевая практической составляющей профессиональной деятельности в соответствии с уровнем подготовки выпускников вузов.

При поступлении в лаборатории музея проводятся камеральные работы, полная фиксация поступивших археологических предметов, которая позволяет создать условия для длительного хранения объектов. Каждый предмет заносится в учетно-регистрационные журналы, систематизируется по коллекциям. При проведении камеральных работ частично выполняются реставрационные работы. Реставрационные работы на этом этапе проводятся фрагментарно, например, составление фрагментов керамики. В проведении камеральных работ вместе с сотрудниками музея участвуют студенты исторического факультета университета, интересующиеся археологией и музейным делом. Как правило, это студенты, получившие первое знакомство с археологией во время участия в полевых работах и увлекшиеся археологией.

По результатам полевого сезона проводятся временные выставки. Лучшие, эксклюзивные предметы установленной археологической культуры подготавливаются и выставляются в экспозиционных залах.

Рис. 4. г. Владивосток, археологический памятник Назимова-1, 2012 г.

Часть найденных при археологических исследованиях предметов после их изучения, систематизации передаются университетом в районные краеведческие музеи той местности, где проводились археологические раскопки. При этом передаваемые предметы сопровождаются пояснительными записками, характеризующими археологические и исторические особенности этих предметов.

На данный момент большое значение имеет вопрос переезда Музея археологии и этнографии и всего Учебно-научного музея в целом на территорию современных кампусов ДВФУ на о. Русский. В планах вторичной стройки объектов ДВФУ до 2025 г. заложено строительство музейного комплекса с площадью около 25 тыс. кв. м, в котором значительное место будет уделено археологии и этнографии.

Сотрудники музея под руководством заведующего и директора Учебно-научного музея ДВФУ А.Н. Попова активно занимаются научно-исследовательской деятельностью: участвуют в международных археологических раскопках (Япония, Монголия), в международных и региональных российских археологических и этнографических конференциях. На базе музея проводятся учебно-полевые и музейные практики со студентами I–IV курсов Школы гуманитарных наук ДВФУ: историками, археологами и антропологами. С коллекциями музея работали специалисты-археологи из Японии, Англии и Америки.

Сообщения о музее нередко появляются в выпусках новостей местных теле- и радиоканалов, на страницах местных газет и журналов.

Большим успехом пользуются проводимые музеем экскурсии, лекции и историко-познавательные мероприятия, а общая численность посетителей превышает 10 тысяч человек в год. В планах музея – расширение экспозиционного пространства с помощью виртуального и интерактивного оборудования.

Список литературы

- Положение об Учебно-научном музее Дальневосточного федерального университета.
Попов П.Н., Старостин Б.К., Лазина А.А. Учебно-научный музей ДВФУ. История, современность, перспективы // Власть книги: альманах. – Владивосток : Издательский дом ДВФУ, 2013.
Поправко Е.А. Музееведение. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2005. – 232 с.
Старостин Б.К., Попов А.Н., Волвенко И.Е., Лазина А.А. Концепция развития Учебно-научного музея ДВФУ.
Информационный портал Учебно-научного музея ДВФУ <http://museum.wl.dvfu.ru/>

А.А. Маркс

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЕРЕВЯННЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА

Умревинский острог – первый административный пункт Российского государства на территории современной Новосибирской области – был основан в 1703 г. на правом берегу р. Оби чуть выше устья ее малого притока р. Умревы (Бородовский, Горохов, 2009: 12–15). Это оборонительное сооружение, просуществовав около 200 лет, было заброшено и полностью исчезло с карт к концу XIX столетия. На рубеже XX–XXI веков расположение этого археологического памятника было вновь локализовано, проведены исследования, позволившие выявить фундамент юго-западной набережной башни и тыновые стены с северной, западной и южной сторон острога. В 2003 г., в связи с празднованием 300-летия возведения Умревинского острога (Бородовский, Горохов, 2008а), на месте, где выявлен столбчатый фундамент башни, была воспроизведена ее натурная реплика (Бородовский, Горохов, 2009: 213, рис. 89). Конструктивной основой этого сооружения стали башни Казымского (Юильского) острога, возведенные, по дендрохронологическим данным, в 40-е годы XVIII столетия (Бородовский, 2011: 29), что синхронно письменным и нумизматическим данным (закладная монета) сооружения юго-западной набережной башни Умревинского острога.

За прошедшие десять лет кроме башни была реконструирована часть южной тыновой стены и помост, что позволило получить оборонительные сооружения Умревинского острога, используемые для наблюдений в рамках экспериментальной археологии.

Основной задачей экспериментально-археологических исследований деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога являлась проверка нескольких гипотез, выдвинутых в ходе полевых исследований.

Согласно одной из них, юго-западная набережная башня на заключительном этапе своего существования, сильно наклонившись в сторону берега, вследствие ветхости разрушилась и была сожжена, как и башня Ляпинского острога. Свидетельством этого были интенсивная линза со следами горения со стороны берега во рву острога и отсутствие свай в канавке фундамента на углу основания башни у реки (Бородовский, Горохов, 2009: 43).

Следует подчеркнуть, что использование свайного фундамента, известного в древнерусских оборонительных сооружениях с XI века как «столпье», на участке сооружения Умревинского острога было далеко не случайно. Для этой территории характерны достаточно слабые, подвижные грунты, на которых возводились свайные деревянные фундаменты вплоть до недавнего этнографического времени.

Десять лет существования реконструированной юго-западной набережной башни подтвердили выдвинутую гипотезу о крене башни ее достаточно сильной деформацией

в сторону реки. Об этом отчетливо свидетельствует залом крепежной балки фрагмента западного тына, пристроенного к башне в 2003 г. Изгиб вовнутрь этого крепежного элемента составил более 10 градусов. Усадка конструкции в сторону реки составила около 10 см. Такие темпы проседания башни спустя еще несколько десятилетий вполне могут привести не только к ее существенному крену в сторону реки, но и падению перед последующим сожжением. Еще одним сопутствующим фактом таких разрушений в дальнейшем является отсутствие выявленных в ходе археологических раскопок деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога, следов действий для продления сроков использования деталей деревянных конструкций (свай фундамента и тыновин). Основания этих элементов, помещенные в грунт, были не осмолены и не обожжены. Отсутствие такой обработки привело к тому, что уже к 2012 г. часть оснований свай реконструированной башни выгнило.

При экспериментальной реконструкции южного тына Умревинского острога изучался целый ряд вопросов его сооружения, как представленный в ходе археологических исследований, так и не получивший отражения в археологическом источнике. В ходе изучения северного, западного и южного тына было установлено, что тыновины изготавливались двумя различными способами. Небольшое количество тыновин было вытесано из цельных стволов деревьев диаметром до 20–25 см, тогда как их большая часть производилась из колотых на две половины заготовок для тыновины. Такие статистические, технологические особенности и стратиграфические данные (перекрытие внутренним углом юго-западной набережной башни участка тыновой стены) позволили выявить не менее двух строительных периодов Умревинского острога (Бородовский, Горохов, 2010: 166), имеющих явные параллели с данными письменных источников о его функционировании и состоянии деревянных оборонительных сооружений.

Основой экспериментальной реконструкции участка южного тына Умревинского острога стал факт использования цельных стволов деревьев, которые заготавливались в непосредственной близости от места Умревинского острога, на расстоянии от 100 до 1000 м. Современный лес в окрестностях Умревинского острога, судя по материалам дендрохронологических исследований (Бородовский, Слюсаренко, Мыглан, Горохов, 2008: 310; Бородовский, 2011: 28), достаточно молод. Средний возраст большинства деревьев в более чем 8-километровой округе составляет не более 80–100 лет. При этом деревья для заготовки тыновин, несмотря на свою небольшую толщину в некоторых случаях, также могут иметь возраст до 100 лет, хотя большинство из них к моменту рубки просуществовали от 20 до 25 лет. Такие деревья произрастали, как правило, в глубине леса и вследствие естественной конкуренции с другими растениями имели длинный и тонкий ствол, пригодный для изготовления от двух до трех тыновин длиной до 4,5 м.

Экспериментальная заготовка этих тыновин позволила установить, что их обработкой могли заниматься от двух до шести человек. Это вполне соответствует ограниченным людским ресурсам русских первопроходцев при сооружении первых острогов на территории Сибири. Кроме того, использование тыновин из цельных стволов на первом этапе строительства было более чем оправданно, поскольку изготовление тыновин из колотых бревен было более сложным и трудоемким процессом, требующим более тщательной отборки исходного материала.

Около 70 метров южного тына, установленного десять лет назад, позволило выявить еще целый ряд интересных наблюдений. Во-первых, свежесрубленные и сухие стволы деревьев, использованные для изготовления тыновин, имели совершенно различную степень усадки в готовой тыновой стене. Со временем, после усыхания, зазоры между свежесрубленными деревьями для изготовления тыновин значительно увеличивались. Очевидно, это обстоятельство, наряду с постепенным выгниванием оснований тыновин, привело к их замене на колотые из двух половинок древесного ствола. Такая техника, судя по археологическим на-

блюдениям, давала более качественные результаты – края тыновин плотно прилегали друг другу (Бородовский, Горохов, 2009: 152, рис.18, 2).

Другой проблемой тыновой стены Умревинского острога, выявленной в ходе ее экспериментального возведения, стал ее сильный наклон по мере удаления тыновин от края юго-западной набережной башни. Компенсировать эту деформацию позволяло сооружение помоста с внутренней стороны тына. Поэтому такой конструктивный элемент выполнял, очевидно, несколько функций – от передвижения по тыновым оборонительным сооружениям до их дополнительно укрепления. Судя по материалам археологических исследований Умревинского острога, такие стяжки тына производились через каждые 18–20 м. Это подтверждается находками железных скоб и столбовых отверстий от оснований тынового помоста (Бородовский, Горохов 2008б: 76).

В целом восстановление части деревянных оборонительных сооружений (башни и тына) Умревинского острога позволило не только осуществить музеефикацию одного из археологических памятников периода русского освоения Сибири, но и создать модель острога для археолого-экспериментальных исследований.

Научный руководитель: д.и.н., проф. А.П. Бородовский

Список литературы

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 242 с.

Бородовский А.П. Дендрохронологические исследования русских острогов в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 27–35.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Современное историко-культурное значение Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008а. – С. 142–148 .

Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии, 2008б. – Вып. 4 (36). – С. 70–82.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Ранний строительный период деревянных оборонительных сооружений русских острогов в Сибири (по картографическим, археологическим и дендрохронологическим данным) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. 16. – Новосибирск, 2010. – С. 164–167.

Бородовский А.П., Слюсаренко В.Ю., Мыглан В.С., Горохов С.В. Результаты дендрохронологических исследований в Новосибирском Приобье (на рубеже XX–XIX веков) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск ; Омск, 2008. – С. 308–312.

А. Моторина

Барнаул, Алтайский государственный университет

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЯ

Россия – многонациональное государство. Сегодня на территории Российской Федерации проживает более 150 этносов, принадлежащих к различным языковым группам и национальностям, разным религиозным конфессиям, проживающим в различных регионах и имеющим своеобразный уклад жизни. Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации является частью общего наследия человечества в различных об-

ластях деятельности, мощным средством сближения народов России, этнических групп и утверждения их культурной самобытности.

Согласно Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия (2003 г.), нематериальное культурное наследие – это «обычаи, формы, представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» (Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия: электронный ресурс).

В последние годы мировое сообщество придаёт особое значение охране нематериальной культуры. Под эгидой ЮНЕСКО введена новая номинация – памятники нематериальной культуры. Это прежде всего разнообразные проявления народной традиционной культуры – фольклор, народные художественные промыслы, бытовые традиции и т.д. Из российских объектов в список особо ценных видов нематериального наследия ЮНЕСКО включены устное народное творчество и культурные традиции старообрядцев Забайкалья. Это пока единственный объект подобного рода от нашей страны. Однако Российская Федерация имеет большие возможности представительства в этой номинации в связи с сохранностью многих промыслов и производств, фольклорных традиций, других проявлений живой традиционной культуры в различных регионах страны.

В соответствии с выполнением Программы мероприятий по реализации Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы, утвержденной Приказом Министерства культуры Российской Федерации за № 267 от 17 декабря 2008 года, в 2009 г. завершена работа по созданию пилотного варианта электронного Реестра объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации (Материалы к учебному семинару..., 2009: 2). Для создания такого Реестра требуется скоординированная работа специалистов различных субъектов РФ, использование накопленного российского и зарубежного опыта, подготовка квалифицированных кадров, способных проводить работу по выявлению и учету объектов нематериального населения.

Определенные шаги в этом направлении предприняты и на Алтае. Так, в 2008 г. Правительством Республики Алтай принят Закон № 120-РЗ «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» (от 5 декабря 2008 г.), а вслед за ним утверждено Постановление от 16 марта 2009 г. № 50 «Об утверждении порядка формирования государственного реестра и проведения экспертизы объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай» (Материалы к учебному семинару..., 2009: 14–19). Хотелось бы отметить пункт закона, относящийся к знаниям и обычаям о природе и Вселенной, под которым в первую очередь нужно подразумевать определение сакральных мест, священных территорий. Священные территории и объекты являются одними из базовых аспектов культурного наследия, представляя неотъемлемую часть культурного ландшафта. В марте 2012 г. Правительством Республики Алтай принято Положение «О сохранении и развитии сакральных мест Республики Алтай», т.к. там собран достаточно большой материал по почитаемым горам, священным родовым объектам, тотемным животным, родовым подразделениям.

В Алтайском крае принята краевая целевая программа «Культура Алтайского края» на 2011–2015 годы, а также Ведомственная целевая программа «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» на 2012–2014 годы. Всего на мероприятия, направленные на сохранение нематериального культурного наследия по программе «Культура Алтайского края», заложена сумма в 2 млн 970 тыс. руб. Предполагается, что доля мероприятий по сохранению нематериального культурного наследия в общем объеме услуг организаций культуры составит от 15 до 17 %.

В Алтайском крае также началось составление электронного каталога объектов нематериального культурного наследия народов России. Каталог представляет собой информационную систему с базой данных об устных традициях, исполнительских искусствах, обычаях и т.д., связанных с традиционными ремеслами народов России. В 2012 году краевым экспертным советом управления по культуре и архивному делу приняты ряд объектов из научного архива и фольклорно-этнографического фонда Государственного художественного музея Алтайского края, в их числе «Традиционный свадебный обряд староверов-поляков Солонешенского района»; «Календарные традиции староверов-поляков Солонешенского района»; «Народная проза староверов-поляков Солонешенского района»; «Технология изготовления традиционного праздничного мужского костюма старожильческого населения Солонешенского района»; «Песенный фольклор с. Первокаменка Третьяковского района»; «Традиционный фольклор казаков с. Плоское Третьяковского района»; «Родильно-крестильная обрядность Бийского района Алтайского края»; «Весенне-летние игры крестьян Бийского района Алтайского края»; «Валяльный промысел села Солоньки Смоленского района Алтайского края». Эти объекты представляют собой наиболее яркие и характерные явления традиционной культуры старожилов Алтайского края и имеют огромную историческую ценность.

Кроме того, в Алтайском крае создан Интернет-ресурс «Традиционная народная культура Алтайского края», призванный познакомить посетителей данного сайта с уникальными образцами традиционной народной культуры Алтайского края, профильными центрами и учреждениями.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Н.П. Иванова

Список литературы

Ведомственная целевая программа «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» на 2012–2014 годы // Программы Управления Алтайского края по культуре и архивному делу. – URL: http://www.culture22.ru/programs/vedomstvenna_1.html (дата обращения: – 08.01.2013).

Выступления Председателя Госсобрания – Эл Курултай Республики Алтай И.И. Белекова на IV парламентском форуме «Историко-культурное наследие России» (г. Кострома, 05.10.2012 г.) // Публичные депутаты Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай. – URL: http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1140:2012-10-05-08-03-02&catid=8:2011-02-08-06-10-19&Itemid=68 (дата обращения: 08.01.2013).

Долгосрочная целевая программа «Культура Алтайского края» на 2011–2015 годы // Программы Управления Алтайского края по культуре и архивному делу. – URL: http://www.culture22.ru/programs/kraevaja_celev_5.html (дата обращения: 08.01.2013).

Материалы к учебному семинару по вопросам формирования Реестра объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации / сост. И.В. Козлова. – М., 2009. – 52 с.

Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (Париж, 17 октября 2003 г.) // UNESCO. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf> (дата обращения: 08.01.2013).

Объекты традиционной культуры русских старожилов Алтайского края вошли в электронный каталог объектов нематериального культурного наследия народов России // Новости Управления Алтайского края по культуре и архивному делу. – URL: http://www.culture22.ru/news/obekty_tradi.html (дата обращения: 08.01.2013).

Традиционная народная культура Алтайского края. – URL: <http://alttradition.ru/> (дата обращения: 08.01.2013 г.).

МУЗЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ: ОПЫТ РОССИЙСКИХ И АЛТАЙСКИХ МУЗЕЕВ

Музейных педагогов, социологов и специалистов других музейных профессий часто волнует вопрос – что зритель «выносит» из музея. Чаще всего под таким багажом подразумеваются вещи нематериальные: новые знания, впечатления, образ музея и т.д. Однако память человека (и в особенности – ребенка) устроена так, что дольше всего хранит впечатления, имеющие некоторое материальное подтверждение – не зря у посетителей музеев так велико стремление сфотографироваться на фоне понравившегося экспоната или приобрести сувенир. Одним из таких полезных напоминаний о музее становятся музейные издания (Леонова, 2012: 12).

И взрослые, и дети рады, если им предлагают нечто особенное, созданное специально для них. Приятным сюрпризом являются музейные издания: путеводители по отдельным разделам постоянной экспозиции, листки активности, отличающиеся особым дизайном и интерактивностью: с заданиями, активизирующими познавательную деятельность (Леонова, 2012: 12). Музейные издания – это особый инструмент взаимодействия музеев с посетителями. Если подумать, то основной аудиторией в музеях являются дети. Именно дети с родителями считаются основными покупателями сувенирной и издательской продукции.

Опираясь на данные выводы, музей МВЦ «Тульские древности» разработал пакет сувенирной и издательской продукции, адаптированной к детской аудитории. Фирменная продукция музея стала логическим продолжением интерактивных детских музейных программ. Так, сувенирный киоск в музее предлагает детям: конструктор «Юный реставратор», знакомящий с азами реставрации; творческие задания для школьников «Заморочки»; творческие задания «Археологическая пирамида» на основе археологической экспозиции «Поступь веков» и т.п. (Палецкая, 2011: 12). В этом направлении движутся практически все крупные музеи России, такие, как Государственный Дарвиновский музей, ГМИИ им. Пушкина, Государственный Эрмитаж, Государственный биологический музей им. К.А. Тимирязева и т.д.

Если обратиться к опыту региональных музеев, например г. Барнаула, то результаты будут незначительными. Но следует отметить, что в марте 2011 г. в Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ) прошла презентация необычной детской книги, которая призвана стать для младших школьников путеводителем в изучении природы под названием «Азбука природы». Красочно иллюстрированная и яркая, а главное – интересная и увлекательная. Оторваться от нее непросто даже взрослому. А что уж говорить о детях, которые с живым любопытством воспринимают все, что происходит в большом мире вокруг них. Вот только хороших книжек, которые бы детям помогли в этом, к сожалению, очень немного. Авторский коллектив, состоящий из педагогов и методистов Алтайского краевого детского экологического центра, исправили ситуацию и создали такую книгу о природе Алтайского края.

В результате появилась яркая и интересная «Азбука природы», написанная живым и понятным языком, со стихотворениями, загадками и интересными фактами, часть из которых известны далеко не всем взрослым. Например, знаете ли вы, что муравьи никогда не спят? Или что самые быстрые насекомые – это стрекозы, которые развивают скорость до 57 километров в час? И взрослым, и педагогам будет полезно прочитать эту книгу – чтобы суметь ответить своему ребенку, познающему окружающий мир, на его бесчисленные «почему».

По замыслу авторов «Азбука природы» призвана стать для детей своеобразным путеводителем к познанию окружающего мира. На страницах книги можно совершить путешествие в горы, побывать на лугу и в лесах. И все же в «Азбуке» собраны только азы, то есть

самые первые знания, но они как раз и помогут пробудить в ребенке интерес в природе края, а продолжить ее изучение можно самостоятельно, ведь существует много талантливых изданий о природе Алтайского края. Данная книга может стать активным помощником перед посещением экспозиций АГКМ (Панфило, 2011: 16).

Данное алтайское издание напоминает популярные музейные книги для домашнего чтения. Вернее, их правильней было бы назвать книгами для рассматривания, поскольку в отличие от классических научных музейных изданий здесь читатель видит иллюстрацию, прежде чем получить массу контекстной теоретической информации. Такой подход автоматически ставит ребенка в активную исследовательскую позицию: ему самому предлагается изучить предмет, раздобыть информацию о нем, а не получить ее в готовом виде. Дети не нуждаются в предисловиях и преамбулах, напротив, различного рода введения и отступления могут лишь разрушить зарождающийся интерес.

Такая книга может служить для подготовки к посещению музея, помогает родителю сориентироваться в том, что лучше показать и как об этом рассказать ребенку, на что обратить внимание при посещении музея. В книге для домашнего чтения обычно отсутствует единый сюжет – это набор «историй» об отдельных экспонатах, которые могут быть сгруппированы по определенным темам. Поэтому такую книгу можно читать в любом порядке, как бы мысленно выстраивая каждый раз новую экспозицию воображаемого музея (Леонова, 2012: 64–65).

Существующие издания в Барнаульских музеях не рассчитаны на детскую аудиторию. Это прежде всего каталоги по экспозициям и выставкам, классические путеводители, а также монографии, научные сборники, например, Алтайский сборник и Краеведческие записки Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ) и т.д. Радует выпуск разнообразных открыток и буклетов, особенно в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая, АГКМ и в Государственном художественном музее Алтайского края. Однако тексты в них чаще повествовательные и назидательные, нет никаких вопросов, занимательных заданий. Те, для кого понятны такие тексты, уже давно подружились с музеем, а заинтересовать обыкновенного ребенка эти книжки не смогут («Музейные издания – это, прежде всего, инструмент коммуникации...», 2012: 10).

Отсюда следует, что барнаульские музеи только-только вступают на путь выпуска изданий для детей по сравнению с другими музеями России, не говоря уже о зарубежном опыте. Возможно, для этого нужен какой-то стимул. И им вполне могла бы стать выставка подобных изданий для детей, что послужило бы в качестве своеобразного обмена опытом, идеями между музеями. Примером может послужить прошедшая в ноябре 2012 г. в г. Барнауле Третья выставка краевых изданий для детей и юношества «Свежая строка». Выставка проходила в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая. На выставке было представлено более 200 изданий – это книги, изданные краевой писательской организацией, сборники детских стихов и рассказов, созданные в рамках образовательных учреждений, школьные газеты и журналы, печатная продукция и т.д. Также были организованы мастер-классы авторами изданий, представленных на выставке для педагогов, работающих с детьми.

Таким образом, издания для детей в виде книг для домашнего чтения, интерактивные путеводители – это лишь несколько из видов изданий, которые современные музеи предлагают для детей. С каждым годом их становится больше в российских музеях. Качественный (но не обязательно – дорогой) дизайн, краткий и увлекательный текст, понимание особенностей возрастной группы, на которую ориентируется издание, интерактивность – вот критерии, которыми стоит руководствоваться музейным специалистам при подготовке таких изданий (Леонова, 2012: 19). Это касается и региональных музеев, которым следует обратить внимание на этот пробел в своей деятельности.

Список литературы

- Леонова О. Музейные издания для детей. Книги для домашнего чтения // Музей. – 2012. – № 7. – С. 16–19.
- Леонова О. Музейные издания для детей // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. – М., 2012. – С. 62–83.
- Палецкая Е. Овеществленная память // Музей. – 2011. – № 1. – С. 10–13.
- Панфило Е. Азбука природы. Учебник для самых юных экологов // Природа Алтая. – 2011. – № 6. – С. 16.
- «Музейные издания – это, прежде всего, инструмент коммуникации...» // Музей. – 2012. – № 7. – С. 4–10.

О.Г. Нихайёва

Барнаул, Алтайский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОХРАНЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Система международного права об охране историко-культурного наследия – это множество норм права, которые регулируют отношения между субъектами международного публичного права, возникающие в связи с созданием, выявлением, сохранением, освоением, популяризацией и передачей будущим поколениям культурных ценностей во всех их проявлениях.

В настоящее время в России отсутствуют полноценные исследования международного законодательства в сфере охраны историко-культурного наследия. Между тем накопился внушительный объем источников международного права, в том числе международных договоров РФ, затрагивающих данную проблемную область. Российская Федерация является участником основных конвенций по вопросам охраны культурного наследия в рамках ЮНЕСКО и Европейского содружества. К настоящему времени действует система международно-правовых норм в области охраны памятников истории и культуры.

Наш соотечественник Н.К. Рерих, осознав значение исторических, культурных памятников для развития человечества, уже в 30-е гг. разработал договор в защиту объектов культуры, который вошёл в историю как «Пакт Рериха» и был подписан рядом государств 15 апреля 1935 г. Основные положения Пакта вошли в Гагскую конвенцию 1954 г. Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта принята 14 мая 1954 г., Исполнительный регламент и Протокол стали первыми международными соглашениями, в которых объединены нормы по охране культурных ценностей в случае вооружённых столкновений. В ней отмечается, что ущерб, наносимый культурным ценностям любого народа, является ущербом для всего человечества. Конвенция ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 12 декабря 1956 г. Ратификация – процесс придания юридической силы документу. До ратификации такой документ, как правило, не имеет юридической силы и не обязателен для нератифицировавшей стороны.

В 1970 г. была принята Парижская конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Она призвана предотвращать хищения и незаконную торговлю культурными ценностями. Конвенция ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1988 г.

В 1972 году на Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Конвенция о защите всемирного культурного и природного наследия, которая вступила в силу в декабре 1975 г. В Конвенции даётся определение понятий «всемирное культурное и природное наследие». Конвенцией установлено, что государства – участники Конвенции по возможности стремятся

проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определённых функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования. Конвенция вступила в силу для СССР 12 января 1989 г.

24 июня 1995 года была принята Римская конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях. Её задачей стало обеспечение дальнейшего сокращения незаконной торговли культурными ценностями путём создания более современного механизма их возврата. Конвенция подписана Россией согласно распоряжению Президента РФ от 29 июня 1996 г., но не ратифицирована.

В 2001 г. в Париже была принята Конвенция об охране подводного культурного наследия, которая продемонстрировала, что в деле сохранения подводного культурного наследия главным является вопрос о праве собственности на затонувшее судно и находящееся на нём имущество. В настоящее время в силу не вступила, поскольку необходимо, чтобы ее ратифицировали 20 стран, пока их 14. Россия ее не ратифицировала.

Международная Конвенция об охране нематериального культурного наследия, принятая 17 октября 2003 г. в Париже и вступившая в силу 20 апреля 2006 г., признаёт, что процессы глобализации и социальных преобразований служат источниками серьёзной угрозы деградации, исчезновения и разрушения нематериального культурного наследия. Эта Конвенция также не ратифицирована Россией.

Документом, в котором раскрывается понятие культурного разнообразия, стала Конвенция 2005 г. об охране и поощрении форм культурного самовыражения, вступившая в силу 18 марта 2007 г., в которой подчеркивается, что «культурное разнообразие является общим наследием человечества и что необходимо дорожить им и сохранять его на благо всех, и что культурное разнообразие создает богатый и многообразный мир, который расширяет диапазон выбора и обеспечивает питательную среду для человеческих возможностей и ценностей, являясь, таким образом, движущей силой устойчивого развития для сообществ, народов и наций» (Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения: электронный ресурс). Этот документ также не ратифицирован Россией.

Таким образом, охрана объектов историко-культурного наследия относится к тем областям общественных отношений, где международное сотрудничество необходимо. Анализ основных международных законодательных актов, касающихся защиты культурного наследия, позволил выделить круг проблем, вынесенных мировым сообществом на публичное рассмотрение. Это такие проблемы, как защита культурных ценностей в случае вооружённого конфликта; предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности; необходимость включения охраны культурного и природного наследия в программы общего планирования государств – участниц договоров; сокращение незаконной торговли культурными ценностями; охрана подводного и археологического культурного наследия и право собственности на него и др. Все эти проблемы можно решить только совместными усилиями многих государств и разработкой соответствующей нормативно-правовой базы.

Научный руководитель: к.и.н., доц. Н.П. Иванова

Список литературы

Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36185.html (дата обращения: 27.10.12).

Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакт Рериха) // Электронная библиотека международного центра Рерихов. – URL: <http://lib.icr.su/node/1384> (дата обращения: 27.10.12).

Конвенция о защите всемирного культурного и природного наследия // Правовая база Всемирного наследия. – URL: <http://nasledie.org.ru/conven.html> (дата обращения: 27.10.12).

Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36255.html (дата обращения: 27.10.12).

Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. – URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/instreet/Rcultdiversityconv.html> (дата обращения: 27.10.12).

Конвенция об охране нематериального культурного наследия. – URL: unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf (дата обращения: 27.10.12).

Конвенция об охране подводного культурного наследия. – URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/underwater_heritage.pdf (дата обращения: 27.10.12).

Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям. – URL: <http://www.law7.ru/base44/part0/d44ru0550.htm> (дата обращения: 27.10.12).

О.В. Ооржак

Кызыл, Тувинский государственный университет

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Этнокультурный туризм объединяет различные формы туристской активности. В настоящее время этнологами, культурологами, социологами, психологами и другими специалистами смежных наук накоплен ценный практический опыт в изучении этнокультурного аспекта общественного бытия, который следует истолковывать как имеющий непосредственное отношение к культуре этнических, субэтнических, этносоциальных или этнотерриториальных групп. В экономических и политических исследованиях последних десятилетий акцент все больше смещается в сторону этнокультурной тематики. Подавляющее большинство современных масштабных маркетинговых исследований в развитых странах не обходится без этнокультурной составляющей. Более того, согласно прогнозам экспертов, путешествия с этнокультурной мотивацией станут во второй четверти нынешнего столетия одним из самых динамичных видов международного туризма (Бутузов, 2013: 3).

Этнокультурный фактор во многом определяет ценность того или иного объекта туристского интереса. В частности, выбор путешественником конкретных экскурсионных объектов для посещения чаще всего продиктован интересом к культурно-историческому наследию соответствующей страны или региона в целом. Процесс глобализации объективно способствует расширению всесторонних, в том числе туристских, связей между разными регионами России и странами, нередко расположенными на значительном удалении друг от друга. Согласно статистике последних десятилетий, доля межконтинентальных поездок среди туристских путешествий неуклонно возрастает. Это свидетельствует об усилении интереса потенциальных туристов к культуре других стран, в особенности экзотических.

К этнокультурному наследию Тувы относятся памятники материальной и духовной культуры тувинского, русского и других народов нашего края. Памятники материальной культуры – древние оросительные каналы Центральной Тувы (тувинцы были не только скотоводами, но и искусными земледельцами), остатки оборонительных сооружений, развалины городищ и крепостей (VIII–X вв. н.э.), исторические архитектурные сооружения более позднего времени (например, развалины буддийских монастырей, культовых сооружений (XVIII–XIX вв.)).

К памятникам духовной культуры можно отнести письменные памятники предков тувинцев с орхоно-енисейскими текстами, сохранившиеся на каменных стелах, скалах (VI–XIII вв.), древние каменные скульптуры, изображающие воинов (VII–X вв.), оленные камни скифского времени, петроглифы – наскальные рисунки, датируемые скифскими и сармат-

скими эпохами (VIII–III вв. до н.э.), различные поминальные и курганные сооружения (VI–X вв.). Особый интерес среди памятников духовной культуры представляют курганы Аржаан-1 и Аржаан-2, расположенные в долине реки Уюк, известной как «Долина царей». Курган Аржаан-1 исследован археологической экспедицией в 1971–1974 гг. и датируется VIII в. до н.э. Его материалы свидетельствуют о высоком развитии декоративно-прикладного искусства в скифском зверином стиле. Курган Аржаан-2, раскопки которого начаты в 2001 году, датируется VI веком до н.э. При раскопках обнаружена неразграбленная могила «царя» и «царицы», а найденные вещи свидетельствуют о расцвете скифской культуры.

К памятникам духовного наследия относятся обычаи и обряды, связанные шаманской религией, которые до сего времени являются живым явлением; различные театрализованные представления буддийской религии; национальная борьба «Хуреш»; жемчужина тувинского фольклора – горловое пение с его многочисленными стилями исполнения; известный в России народный ансамбль «Октай», пропагандирующий самобытную традиционную культуру староверов Верховья Енисея и др.

2010 год в Республике Тува был официально объявлен Годом туризма, что должно привлечь внимание к ее туристической отрасли и подтолкнуть ее к дальнейшему развитию. Созданы несколько республиканских программ и к ним привлечены муниципальные образования, в том числе культурные учреждения. Главной задачей, которую определил глава республики Ш.В. Кара-оол, является развитие этнокультурного туризма в республике. В связи с этим созданы образцово-хозяйственное стойбище «Тыва аал – Тос-Булак», туристические комплексы «Алдын-Булак» и «Монгун-Булак», а также поддержка мастерских по изготовлению тувинских юрт и внутреннего убранства. В последнее время заметно увеличился интерес к событийным, экскурсионным и религиозным турам по Туве.

В республику приезжают по туристическим путевкам лица, осуществляющие деловые, научные, культурные, общественно-политические, спортивные и иные контакты. Основной поток туристов приходится на летнее время года во время празднования животноводов «На-адым» и Дня Республики Тыва, Международного симпозиума «Хоомей», международного фестиваля «Устуу Хурээ», посещение историко-археологических памятников (крепость «Пор-Бажын», «Долина Царей», Верхне-Чаданского Хурээ), лечебно-оздоровительных туристических баз и, конечно, главного центра хранения традиционной культуры – Национального музея Республики Тыва.

Создатель и руководитель этнокультурного комплекса «Алдын-Булак» К. Донгак считает, что его основными задачами являются изучение и популяризация самобытного фольклора, традиций, обычаев народов Тувы. На сегодняшний день с «Алдын-Булаком» заключены договоры с туристическими фирмами Хакасии, Красноярска, Новосибирской области. Комплекс «Алдын-Булак» считается лучшим проектом в Российской Федерации, наряду с такими проектами, как «Золотое кольцо России»; один из древнейших городов России – Дербент (Республика Дагестан), туристический комплекс «Забайкалье» и этнографический музей под открытым небом «Верхняя Березовка» в Республике Бурятия, культурно-образовательный туристический центр «Этномир» в Калужской области.

На сегодняшний день «Алдын-Булак» является местом активного посещения гостями республики, желающими познакомиться с этнической самобытностью тувинцев. Создана культурная программа для гостей – это своеобразное путешествие в древнюю историю: знакомство с уникальным горловым пением, получение мастер-класса по горловому пению, игре на национальных инструментах, участие в интерактивных познавательных представлениях, таких, как показательные выступления по национальной борьбе «Хуреш», а также по стрельбе из лука, дегустация традиционной национальной кухни. Посетители смогут обучаться традиционным для кочевника ремеслам, участвовать в приготовлении национальных молочных продуктов, знакомиться с бытом чабана, ужинать и устроиться на ночлег в его семье. Юрта-ресторан входит в число самых экзотичных ресторанов мира по рейтингу сайта restorannoff.ru.

Основными проблемами развития этнотуризма являются, во-первых, отсутствие качественной информационной продукции; во-вторых, отсутствие мероприятий по созданию, поддержке и продвижению туристских брендов Тувы; в-третьих, недостаточное размещение информации о туристическом потенциале в СМИ и в изданиях; в-четвертых, отсутствие финансирования на проведение рекламных пресс-туров, семинаров и презентаций с целью развития туризма в нашей республике. По мнению специалистов, к числу основных проблем, с которыми приходится сталкиваться на пути успешного развития туризма в Туве, следует отнести недостаток квалифицированных кадров и компетентных управляющих персоналом, налаживание авиасообщения в республике с другими регионами страны, Монголией и Китаем, отдаленность республики от международных путей сообщения, неразвитость транспортной инфраструктуры, малочисленность гостиничной базы.

В 2013 г. Тува получит 45 млн рублей из федерального бюджета на инвестпроекты в сфере туризма. Республика вошла в число первых 18 пилотных регионов, на базе которых в 2013–2014 годы будут реализованы проекты по созданию туристско-рекреационных и автотуристских кластеров. Правительством России утверждена специальная Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011–2018 годы». И Туве в ней отводится одно из важных мест, так как республика обладает красивой природой, богатым культурно-историческим наследием, а также большими запасами целебных вод. Однако реализация крупных, в том числе туристских, инвестиционных проектов на территории республики напрямую связана с решением её транспортной проблемы. Грузоперевозки и большая часть пассажирских перевозок пока осуществляются в Туве автотранспортом. Железная дорога Кызыл – Курагино, проект которой только осуществляется, станет двигателем для всех кластеров тувинской экономики, в том числе этнокультурного туризма.

Научный руководитель: к.и.н., доц. А.О. Дыртык-оол

Список литературы

- Бутузов А.Г. Этнокультурный туризм : учеб. пособие. – М. : КноРус, 2013. – 248 с.
Донгак К. Опыт создания и продвижения этнокультурных туристских объектов на примере этнокультурного комплекса «Алдын-Булак // Центр Азии. – 2011. – № 30, 5–11 авг.

А.В. Торопчина

Кемерово, Кемеровский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБРАБОТКИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЕ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ» КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В настоящее время информационные технологии (ИТ) широко внедрены во все сферы деятельности мирового сообщества, в том числе музеев, где используются прежде всего для обработки и систематизации разнообразных фондовых материалов. При этом первые публикации, знакомящие с опытом применения компьютеров как в зарубежных музеях, так и в отечественных, появились ещё в начале 1980-х годов (Ноль, 2007: 3). Одним из первых музеев, который стал применять ИТ для обработки своих коллекций, стал Эрмитаж, где благодаря активным действиям заведующего Отделом музейной информатики Я.А. Шера, к 1977 году был подготовлен демонстрационный вариант обработки двух археологических коллекций: античная художественная бронза и петроглифы Центральной Азии. Первая была примером каталожного описания, вторая демонстрировала возможности научной работы, а

именно сравнительного анализа стиля наскальных изображений (Шер, 2006: 8). Демонстрация прошла успешно, и хотя подобные проекты в то время по целому ряду причин не могли быть широко использованы во всех музеях страны, была впервые представлена теоретическая возможность внедрения ИТ в музейное дело (Ноль, 2007: 3).

В настоящее время ИТ широко используются как в музейном деле в целом, так и для обработки и систематизации археологического материала, хранящегося в музейных фондах или размещенного в экспозиции. При этом ИТ не являются исключительной прерогативой столичных музеев, как это было 30–40 лет назад. Сегодня небольшие провинциальные музеи могут также активно применять ИТ в своей деятельности, одним из примеров чего является использование ИТ при обработке и систематизации археологических коллекций в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

Не имея финансовой возможности для оснащения типовыми базами данных (БД) типа АИС-Музей или КАМИС, сотрудники музея пошли по пути «индивидуальной» компьютеризации, осуществляемой самим музеем исходя из конкретных нужд и экономических ресурсов. В начале 1990-х гг. при участии программиста Д.А. Смирнова была разработана первая БД археологических коллекций, позволяющая хранить и обрабатывать текстовую информацию и графические изображения (Белоусова, Касатикова, 2005: 140). В 1997 году при участии программиста Д.Е. Кондрашина была разработана более совершенная база данных для этнографических коллекций, позволяющая хранить описания и изображения предметов, создавать их типологию и классификацию, осуществлять их поиск и выборку по заданным признакам (Кимеева, Белоусова, 2008: 60). Опираясь на полученные разработки, аналогичная БД стала создаваться вскоре и для археологических коллекций.

С целью обработки и систематизации всех хранящихся в музее материалов в первой половине 2000-х гг. производится обновление имеющейся БД, в результате которого была разработана программа «Электронный музейный комплекс», активно используемая по настоящее время (программист – С.В. Крюков). Она предназначена для хранения в структурированном виде сведений о музейных коллекциях и предметах отдельно по каждому реквизиту; позволяет вести детальный учет и получать выходные документы, необходимые для учета (инвентарные книги, научные паспорта, инвентарные карточки и т.д.); настроена на три основных блока информации, необходимых для музейной и научной деятельности – учетно-хранительский, каталожный и индивидуальный. Программа имеет достаточно гибкий интерфейс, позволяющий настроить БД на любую систему описания коллекций и предметов и отличается экономичностью затрат (Боброва, 2011: 281).

Аспекты практического применения программы «Электронный музейный комплекс» многогранны и активно используются в различных областях музейной деятельности. Одно из направлений – подготовка и издание «Каталога коллекций музея» (2004, 2006, 2008), пользующегося популярностью у археологов, этнографов, студентов высших учебных заведений, а также музейных работников. С 2005 года начала разрабатываться идея создания цифровой версии имеющихся выпусков печатного «Каталога...», и к 2009 году работа по созданию программной оболочки электронного «Каталога коллекций...» была завершена (разработка С.В. Крюкова). В настоящее время электронный «Каталог...» постоянно пополняется (Боброва, 2011: 281). Еще одним из аспектов стало создание сайта музея КемГУ – <http://museum.kemsu.ru>, функционирующего с 2004 года. Структура сайта в электронном виде отражает структуру существующего музея. Среди музейных сайтов области он был признан одним из лучших образовательных ресурсов (Белоусова, 2011: 129).

Таким образом, результатом последних десяти лет работы музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ в сфере информатизации стала разработка и внедрение программного продукта «Электронный музейный комплекс», включающего в себя электронную БД, печатный и электронный каталоги музейных коллекций по археологии, этнографии, зоологии и энтомологии, сайт музея и прочие компоненты. Все это способствовало, с одной

стороны, обработке и систематизации археологических коллекций музея, насчитывающих в настоящее время более 280 тысяч единиц хранения, с другой – популяризации коллекций через сайт, а также печатную и электронную версии каталогов.

Научный руководитель: к.и.н., доц. А.Н. Мухарева

Список литературы

Белоусова Н.А. Основатели музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета // Музей и наука : материалы междунар. науч. конф. – Кемерово, 2011. – С. 9–14.

Белоусова Н.А., Касастикава Л.Ю. Археологическая экспозиция музея Кемеровского государственного университета «Археология, этнография и экология Сибири» // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2005. – С. 139–142.

Боброва Л.Ю. Опыт использования информационных технологий и перспективы дальнейшего развития отдела археологии музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ // Музей и наука : материалы междунар. науч. конф. – Кемерово, 2011. – С. 278–284.

Белоусова Н.А., Боброва Л.Ю., Кимеева Т.И., Мухарева А.Н., Шрайбман О.Б. Музей «Археология, этнография и этнология Сибири» Кемеровского государственного университета в Интернете <http://museum.kemsu.ru> // Глобализация и пути сохранения традиционной культуры : сб. ст. междунар. практ. конф. – Кемерово, 2009. – С. 283–290.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово : СКИФ, 2004. – Вып. 1.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово : СКИФ, 2006. – Вып. 2.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово : СКИФ ИПП «Кузбасс», 2008. – Вып. 3.

Кимеева Т.И., Белоусова Н.А. К вопросу о формировании новых форм изучения и сохранения материального историко-культурного наследия в вузовских музеях (к XX – нач. XXI в.) // Культуры народов Северной Евразии. – Томск, 2008. – С. 60–65.

Ноль Л.Я. Информационные технологии в деятельности музея. – М., 2007.

Шер А.Я. Первые шаги отдела музейной информатики в Эрмитаже (1975–1985 гг.) // Информационные технологии в музее. – СПб., 2006. – Вып. 2. – С. 4–9.

Е.В. Федотова

Новосибирск, Новосибирский государственный университет

АСПЕКТЫ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ 2012 ГОДА В УСТЬЕ РЕКИ КАТА

Охранно-спасательные работы в настоящее время занимают значительную долю от общих археологических работ и при этом их процентное соотношение постоянно растет. Если в 1999–2001 гг. доля спасательных исследований составляла в среднем 60 % от всех видов археологических работ, то в 2008–2011 гг. – уже более 70 % (Энговатова, 2012). Так, следуя идее сохранения культурного наследия, в которой представляется, что любые раскопочные работы в конечном итоге приводят к уничтожению памятника, российская археологическая наука приближается к странам с более развитым в этом отношении законодательством, где доля бюджетных археологических исследований по планам НИР минимальна.

Один из важных аспектов спасательных работ – сроки. Охранно-спасательные работы позволяют эффективно исследовать большие площади в короткие сроки, что происходит без помощи финансирования со стороны заинтересованных лиц. Структурированный гра-

фик охранно-спасательных работ балансирует на трех ограничениях: содержание проекта, стоимость, время. Таким образом, изменение содержания проекта может повлечь за собой изменение сроков и стоимости, сжатые сроки могут вызвать увеличение стоимости и уменьшение содержания, небольшой бюджет может вызвать увеличение сроков и уменьшение содержания.

Следующий аспект охранно-спасательных работ – качество. Не всегда верно утверждать, что короткие сроки предрекают собой некачественный результат. В данном случае велика роль крупных госучреждений типа академических институтов с мощной базой привлечения научных сотрудников, научно-технического персонала. Широкое финансирование позволяет использовать методы естественных наук в датировании, консервации, реставрации и пр.

Наиболее важным в охранно-спасательных раскопках, в отличие от «бюджетных», является аспект четкого и точного определения границ охраняемого объекта археологического наследия. Проводя охранно-спасательные раскопки, оберегая их от техногенного или естественного разрушения, необходимо очень точно определить границы и охранные зоны памятников, которые могут перекрывать друг друга. В качестве примера можно представить комплекс памятников в устье р. Ката, правобережного притока р. Ангара (объекты археологического наследия Деревня Ката, Ката-1, Ката-2, Усть-Ката-1, Усть-Ката-2, Усть-Ката-3) – комплекс проявился в результате охранно-спасательных процедур. Несмотря на то, что о наличии памятников было известно по предварительным археологическим работам, выявленные археологические объекты поставлены на учёт только в 2007 г.

С 2007 г. охранно-спасательные работы на территории комплекса памятников в устье р. Ката проводит археологическая экспедиция БoГЭС СО РАН. В целом, масштабность работ, выполняемых Богучанской археологической экспедицией в Усть-Илимском районе Иркутской области в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС, велика. Исследования рассматриваемого комплекса памятников проводились в 2007 г. (Е.О. Роговской, С.П. Таракановский), 2008 г., 2010 г. (Е.О. Роговской), 2011 г. (Амзараков 2012; Ковалева 2012), 2012 г. (Постнов, Выборнов, Яровой, 2012: 470).

Памятники имеют довольно широкие хронологические границы (от палеолита до этнографической современности). Таким образом, спасательная археология отходит от узкой хронологической специализации, требует широкого круга исследователей. В результате решаются различного рода вопросы по сложной периодизации.

Рассматриваемые в данной работе памятники различны по своему характеру. Стоянки Ката-1, Ката-2 принадлежат эпохам палеолита (древнее 250 тыс. л. н.), верхнего палеолита – мезолита (25–15 тыс. л. н. – 12 тыс. л. н.) соответственно.

По-своему интересна стоянка Усть-Ката-1. В результате рекогносцировочных работ 2010 г. зафиксирована ситуация многослойного залегания ископаемых культурных остатков от позднего палеолита до эпохи раннего железного века. Из числа наиболее значимых находок 2011 г. можно выделить костяное лезвие составной остроги.

Стоянка могильник Усть-Ката-2 в целом отмечается высокой концентрацией находок. Раскоп 2012 г. вскрыл слои, содержащие артефакты от эпохи неолита до русского времени. Находки четырех нефритовых тесел, трех погребений и бронзовой антропоморфной личности выделяют данный памятник из числа прочих, что определяет высокий научный интерес к его дальнейшему исследованию, крайнюю перспективность дальнейших охранно-спасательных работ. В коллекции археологического материала также имеются и костяные изделия. Благодаря своему содержанию объект принадлежит к разряду ключевых памятников, отражающих этап перехода от неолитических культур к эпохам бронзы и железного века.

Стоянка Усть-Ката-3 относится к эпохе неолита – палеометалла (6–7 тыс. л.н. – 1–1,5 тыс. л. н.). Орудийный набор представлен выразительными изделиями из камня: наконечники, тесла, топоры с ушками, скребла, относящиеся к эпохе неолита. Массовый материал включает развалы орнаментированных керамических сосудов, скопления отщепов,

каменных осколков и обломков. Интерес представляет хорошо сохранившийся материал эпохи Средневековья – предметы быта, вооружения и украшения.

Объект археологического наследия поселение Деревня Ката представляет уникальные возможности по исследованию новых источников, касающихся славянского деревянного зодчества XVII–XVIII вв.

В раскопе 2012 г. на стоянке Усть-Ката-2 были обнаружены строения XIX–XX веков: церковь, землянки. Хронологически они соотносятся с поселением Деревня Ката. Дальнейшее изучение обнаруженных построек позволит показать роль славянского населения в проблематике освоения Средней Сибири. Кроме того, перспективно дальнейшее включение материалов поселения Деревня Ката в общий контекст корпуса источников по археологическим объектам Приангарья – одного из крупнейших регионов Восточной Сибири. С помощью этнографических данных возможна реконструкция деятельности славянского населения XVIII–XX вв.

Таким образом, объединив всё вышесказанное, спасательная археология является одним из важнейших видов археологической деятельности. Привлечение финансовых инвестиций в данной области позволяет обеспечить полный объем необходимых исследований.

Масштабные исследования могут быть осуществлены только при помощи профильных специалистов (в том числе специалистов в области естественных наук), предоставляющих дополнительную информацию об археологическом объекте.

Кроме того, необходимо совершенствование методологии проведения охранно-спасательных работ и законодательства в отношении охраны археологических памятников, позволяющее предотвратить их преждевременное разрушение.

Научный руководитель: к.и.н. А.В. Постнов

Список литературы

Амзараков П.Б. О раскопках на объекте археологического наследия регионального значения «Стоянка Усть-Ката-1» в Усть-Илимском районе Иркутской области в 2011 г., 2012.

Ковалева О.В. Отчет о раскопках на объекте археологического значения «Стоянка Усть-Ката-2» в Усть-Илимском районе Иркутской области в 2011 г. Т. 1. – 2012.

Постнов А.В., Выборнов А.В., Яровой Б.П. Исследования стояночного комплекса Усть-Ката-2 в Северном Приангарье в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 18. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 470–472.

Энговатова А.В. Спасательная археология в России (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН) // Российская археология. – 2012. – № 4. – С. 141–150. – М. : Институт археологии РАН, 2012.

Содержание

История, теория и методология археологии	3
<i>Н.С. Гончарова</i> ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ СЕРЕДИНЫ 60–80-х гг. XX в.	3
<i>Э.Р. Исмайылова</i> КЕМЕРОВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	5
<i>И.Н. Коробейников, М.В. Вавулин</i> К ВОПРОСУ О КОМПЬЮТЕРНЫХ ТРЕХМЕРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ В АРХЕОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ КУЛЬТУРЫ ВАРЫ-ХАДЫТА.....	8
<i>А.С. Кравцова</i> КОНЦЕПЦИЯ М. МОЗЛИ О ВЛИЯНИИ ПРИМОРСКОЙ АДАПТАЦИИ НА ЗАРОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	10
<i>И.А. Мейкшан</i> ИЗУЧЕНИЕ ЭЛИТЫ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1900–1940 гг.: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ.....	13
<i>К.В. Моряхина</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПЕРМСКОЙ ЧУДИ КАК ОБ УГОРСКОЙ НАРОДНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	15
<i>Н.А. Николаев</i> ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОРТОЛОВ.....	17
<i>Т.С. Паршикова</i> ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1960-е гг.	18
<i>О.М. Сазонова</i> ИССЛЕДОВАНИЕ 1940 ГОДА ПЕТРОГЛИФОВ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ ЭКСПЕДИЦИЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.....	21
<i>М.А. Станишевская</i> ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАЛЛУРГИИ И МЕТАЛЛООБРАБОТКИ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ.....	23
<i>З.Ч. Ухинов, К.А. Смолин</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ДРЕВНИХ МОНГОЛОВ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В XIX–XXI вв.	24
<i>Д.О. Ялин, Л.Е. Гладышев</i> ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ.....	26
Междисциплинарные исследования	29
<i>Д.А. Гурулёв</i> КАМЕННОЕ СЫРЬЕ СТОЯНКИ АПЛИНСКИЙ ПОРОГ (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ).....	29
<i>А.С. Кузнецов</i> ПОВСЕДНЕВНАЯ ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА: ПО УСТНЫМ МАТЕРИАЛАМ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	31

<i>Я.Е. Лукерина</i> МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЛОШАДЕЙ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ.....	34
<i>Ф.С. Малков</i> 3D-ФОРМАТ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ РАБОТ.....	37
<i>Д.С. Попытаев</i> СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	39
<i>А.Ю. Рассадников</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ (МИНЕРАЛЬНОГО ПИТАНИЯ) КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА ПО ЭТНОАРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ НА УКРЕПЛЕННОМ ПОСЕЛЕНИИ КАМЕННЫЙ АМБАР (ОЛЬГИНО).....	41
<i>А.В. Рыков</i> ПИТАНИЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ.....	44
<i>Д.В. Селин</i> ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ШТАМПОВ НА ПОСУДЕ ПРИИРТЫШЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.....	46
<i>Ю.О. Снигирев</i> КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	48
<i>А.И. Юрченко</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ПАЛЕОПОЧВОВЕДЕНИЯ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ В ПОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКА АВТОДРОМ-2).....	50
<i>И.В. Прокопенко</i> ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОСТЯНЫХ ПРОКОЛОК С КРАСНОЯРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ЮЖНО-ТАЕЖНОЕ ПРИИРТЫШЬЕ).....	54
<i>А.Н. Шатров</i> ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОДЕЗИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ.....	56
Археология палеолита-мезолита.....	57
<i>А.С. Антипов</i> КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ОТЛОЖЕНИЙ НЬЯПАНСКОЙ СТАДИИ САРТАНСКОГО ОЛЕДЕНЕНИЯ ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ).....	57
<i>А.В. Барков</i> КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ СЛЕДОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЯГКИХ КАМЕННЫХ И ОРГАНИЧЕСКИХ ОТБОЙНИКОВ ПО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМ ДАННЫМ.....	60
<i>Н.Е. Белоусова</i> РАННЕВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ КАРА-БОМ: ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	62
<i>Е.Н. Бочарова</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕ МЕЗОЛИТА.....	65

<i>Ю.А. Вандышева</i>	
КРАСКИ И ИХ ПОЛУЧЕНИЕ В ДРЕВНОСТИ.....	67
<i>А.В. Глухов</i>	
ПРОЦЕСС ОБРАБОТКИ ШКУР И КОЖИ ВРЕМЕН ПАЛЕОЛИТА.....	69
<i>Н.С. Кирьянов</i>	
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ.....	71
<i>В.А. Коваленко</i>	
«АТИПИЧНЫЕ» ОРУДИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «ВАРВАРИНА ГОРА» (ЗАБАЙКАЛЬЕ).....	72
<i>М.Б. Козликин</i>	
ОРУДИЙНЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ.....	74
<i>М.С. Колташов</i>	
МЕТОДЫ АНАЛИЗА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ С ПОВЕРХНОСТНЫМ ЗАЛЕГАНИЕМ АРТЕФАКТОВ.....	77
<i>А.М. Кузнецов</i>	
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ОСТРОВ ЛИСТВЕННИЧНЫЙ В ОБЩИХ ПРОБЛЕМАХ АНГАРСКОГО НЕОЛИТОВЕДЕНИЯ.....	79
<i>Г.Д. Павленок, К.К. Павленок</i>	
ИТОГИ РАБОТ НА СТОЯНКЕ УСТЬ-КЯХТА-3 (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ) В 2012 ГОДУ.....	82
<i>Д.В. Смычагина</i>	
МЕТОДЫ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗНАКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ХОТЫК, ЗАБАЙКАЛЬЕ).....	85
<i>Е.А. Филатов Е.А, Н.С. Федорова</i>	
ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ УСТЬ-МЕНЗА-16.....	87
<i>А.М. Хаценович</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ НА МНОГОСЛОЙНОМ АМЯТНИКЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ХАРГАНЫН-ГОЛ-5, СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ.....	89
<i>А.Н. Чеха</i>	
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ТЕРРИТОРИИ МАТЕРИКОВОЙ ЧАСТИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	91
<i>А.В. Шалагина</i>	
ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ТРОНКИРОВАННО-ФАСЕТИРОВАННЫХ ИЗДЕЛИЙ НИЖНИХ СЛОЕВ КОМПЛЕКСА ГРОТА ОБИ-РАХМАТ (УЗБЕКИСТАН).....	94
<i>Н.И. Шилин</i>	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЕЩЕРНЫХ КОМПЛЕКСОВ И ПАМЯТНИКОВ ОТКРЫТОГО ТИПА НА УРАЛЕ.....	96
<i>С.В. Шнайдер</i>	
МЕЗОЛИТ ЗАПАДНОГО ПАМИРО-ТЯНЬ-ШАНЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ТУТКАУЛ).....	98
Археология неолита.....	102
<i>Т.С. Година</i>	
НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО КЕРАМИКЕ ОСИПОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА ХАРПИЧАН-4).....	102

<i>Н.А. Дубиненков, Е.И. Ридкина</i> ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА ЮЖНОТАЁЖНОЙ ЗОНЫ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ.....	104
<i>Д.А. Иванова</i> «УЗОР В ФОРМЕ ОБЛАКА»: ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ КЕРАМИКИ СТИЛЯ КАМЭГАОКА.....	107
<i>С.А. Маслодудо</i> ПОСЕЛЕНИЕ БУДУЛАН (ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ). НОВЫЕ ДАННЫЕ.....	109
<i>А.Е. Мешкова</i> ИЗДЕЛИЯ НЕУТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ИЗ ГЛИНЫ.....	112
<i>Е.Н. Николаев</i> КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНОК АЙЫЫ ТААЙБЫТ – I, II.....	114
<i>И.В. Уланов</i> КЕРАМИКА УСТЬ-БЕЛОЙ. ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ.....	115
<i>А.В. Юманова</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УКРАШЕНИЙ В КАМЕННОМ ВЕКЕ УРАЛА: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	119
<i>А.Ю. Юракова</i> О ДВУХ ГРУППАХ «ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНЫХ» КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА – РАННЕГО МЕТАЛЛА СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ И БАРАБЫ: К ПРОБЛЕМЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ.....	121
Археология бронзового века.....	124
<i>А.В. Акименко</i> РИТУАЛЬНАЯ ПОСУДА ПОСЕЛЕНИЯ ТАНАЙ 4.....	124
<i>И.В. Баженова, А.Е. Мосина</i> ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ЖАЛГЫЗ-ТОБЕ В ГОРНОМ АЛТАЕ.....	126
<i>И.А. Батаргина</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ГРАВИРОВАННЫХ ГАЛЕК (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛА ИЗ МЕСТНОСТИ АК-ДАГ).....	129
<i>М.А. Волошина</i> ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС УСТЬ-ВЕРЕЯ-2 ЭПОХИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ.....	131
<i>Д.М. Дашилхамаев</i> НОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗВАЯНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА АНХАБАЙ.....	133
<i>А.А. Дудко</i> ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА СТОЯНКИ КОДА-2 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ).....	136
<i>А.В. Князева</i> К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРЯДА КРЕМАЦИИ У НОСИТЕЛЕЙ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	139
<i>Е.С. Культикова</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАВИРОВОК В ИСКУССТВЕ КАМЕННОГО ВЕКА УРАЛА.....	141
<i>Д.С. Леонтьева</i> КАРТОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ.....	143

<i>К.Н. Митрофанова</i> ПРЕДМЕТЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	145
<i>Р.В. Муштапов</i> ОСОБЕННОСТИ КОЛУМБИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В ДОИСПАНСКОЕ ВРЕМЯ.....	147
<i>А.А. Присекайло</i> РЕКОНСТРУКЦИЯ УЗДЫ СО СТЕРЖНЕВИДНЫМИ ПСАЛИЯМИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ.....	149
<i>Я.С. Пятыгина</i> ПОГРЕБАЛЬНО-ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НА ОЗЕРАХ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ.....	151
<i>Ю.С. Савицкая</i> ГОРА ХРУСТАЛЬНАЯ – ПАМЯТНИК НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ГОРНОМ АЛТАЕ.....	153
<i>Н.В. Солдаткин</i> АРХИТЕКТУРА ОКРУГЛОПЛАНОВЫХ СИНТАШТИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	156
<i>Ал.Ал. Ткачёв</i> К ВОПРОСУ О РИТУАЛАХ ОСТАВЛЕНИЯ ЖИЛИЩ.....	159
<i>Е.В. Трусова</i> К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АФАНАСЬЕВСКОЙ И ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУР.....	161
<i>К.В. Ходячих</i> К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ КОПЫТНЫХ ЖИВОТНЫХ НА КЕРАМИЧЕСКОМ СОСУДЕ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛГЕТ.....	164
<i>Д.В. Шрам</i> «РЕАЛЬНОЕ» И «МИФИЧЕСКОЕ» В СИМВОЛИКЕ ОКУНЕВСКИХ ИЗВАЯНИЙ.....	166
Археология раннего железного века.....	169
<i>Г.Д. Билялова</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВА КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНА В ХУННСКУЮ ЭПОХУ.....	169
<i>И.В. Боричевский</i> БРОНЗА И ЖЕЛЕЗО В КОМПЛЕКСЕ ЖИЛИЩА 1 ПОСЕЛЕНИЯ АРИНАЙ-1 (ЛАХТИНСКАЯ КУЛЬТУРА, ЧУКОТСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ).....	173
<i>А.Х. Гильмитдинова</i> ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕТСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ).....	175
<i>И.В. Гридасова</i> КОМПЛЕКС КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВАЯ-2: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ (ПРИМОРЬЕ, РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК).....	177
<i>Н.Н. Головченко</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА, ОТНОСЯЩЕГОСЯ К ОДЕЖДЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ).....	181

<i>Т.А. Голубцева</i> РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ТАШТЫКЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА МАРКЕЛОВ МЫС II).....	182
<i>С.П. Дударёк, Д.Н. Лохов</i> БРОНЗОВОЕ ЗООМОРФНОЕ СКУЛЬПТУРНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ.....	185
<i>А.В. Иващенко</i> ТАШТЫКСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ПОДВЕСКИ В ВИДЕ ПРОТОМ ЖИВОТНЫХ: ВОПРОСЫ СЕМАТИКИ.....	187
<i>О.С. Комина</i> ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПЛЕМЕН ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ НА ТЕСИНСКОМ ЭТАПЕ (III–I вв. до н.э.).....	190
<i>Н.А. Константинов</i> ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ).....	191
<i>Е.А. Константинова</i> ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ.....	194
<i>Б.В. Лазин</i> ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НАЗИМОВА-1 В ГОРОДЕ ВЛАДИВОСТОКЕ.....	197
<i>О.С. Лихачева</i> КОПЬЯ И ДРОТИКИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ.....	199
<i>М.Ю. Лысов</i> ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВСТРЕЧАЕМОСТИ И СООТНОШЕНИЯ РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ ВООРУЖЕНИЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	201
<i>А.С. Новикова</i> ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ 2012 г. В ОКРЕСТНОСТЯХ УЛУСА УСТЬ-СОС.....	203
<i>Кюджин Пак</i> ЖЕЛЕЗНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ РАЙОНА ЦЗИЛИНЬ КНР.....	206
<i>В.В. Речкалова</i> ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ VII–VI вв. до н.э. АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ ЕВРАЗИИ.....	207
<i>Е.К. Сатина</i> ОБРАЗ ВОЛКА В ИСКУССТВЕ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ (АНАЛИЗ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПРИЕМОВ).....	210
<i>М.О. Сидорова</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛАЙСКИХ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ РЁЛКИНСКОЙ И ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУР.....	213
<i>Т.В. Суховольских</i> АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ХОЛМОГОРСКОГО КЛАДА (ОПЫТ КОМПОЗИЦИОННОГО АНАЛИЗА).....	215

<i>А.С. Тарасова</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗОЛОТЫХ АППЛИКАЦИЙ С ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ И КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУР.....	216
<i>А.А. Тимощенко, М.В. Быкова, Е.Н. Бочарова</i> НОВАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОАН О. КАМЕННЫЙ (60 КМ) I).....	218
<i>В.И. Шуберт</i> К ВОПРОСУ О МИРНОМ СОСУЩЕСТВОВАНИИ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ И КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУР ПО МАТЕРИАЛАМ КИРЕЕВСКОГО III ГОРОДИЩА.....	221
Археология средневековья.....	223
<i>К.Т. Акматов</i> СЦЕНЫ ОХОТЫ В ПЕТРОГЛИФАХ СЕВЕРНОГО ПРИИССЫККУЛЯ (КЫРГЫЗСТАН).....	223
<i>В.В. Ахметов</i> КОГУРЁСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ КОРЕИ.....	223
<i>А.В. Веренская</i> ПРИБАЙКАЛЬСКИЕ ПЛАСТИНЫ ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ (ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	225
<i>Н.О. Викулова</i> КОЛЛЕКЦИЯ ФАРФОРОВОЙ И ФАЯНСОВОЙ ПОСУДЫ ПОСЕЛЕНИЯ «СТАРАЯ ЧИТА».....	229
<i>П.В. Дорошенко</i> НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА – IV.....	231
<i>Н.Б. Евстигнеева</i> ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ГОРОДОВ СИБИРИ.....	233
<i>А.Ю. Емельянова</i> АРОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ ПРИУРАЛЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	235
<i>М.Г. Конюшкина</i> ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ ОЛЬХОНСКИХ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.	238
<i>А.П. Корчагин</i> СВИНЬЯ И КАБАН В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.....	240
<i>П.К. Ломов</i> СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗООМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ).....	242
<i>Е.С. Моисеева</i> КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ ПРИМОРСКОГО КРАЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ).....	244
<i>Е.Ю. Никитин</i> БОХАЙСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ПЕРИФЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА ЧЕРНЯТИНО-5).....	246
<i>Н.Ш. Николаева</i> ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЦАО ЦАО.....	248
<i>А.А. Номоконов</i> ДРЕВНЯЯ КАМЕНОЛОМНЯ ИКЭ-БУЛАК-III.....	250
<i>Е.С. Ренжина</i> МОХЭСКИЕ УКРАШЕНИЯ.....	251

<i>М.А. Рюмишин</i>	
ОСОБЕННОСТИ БАЗЫ ОРУЖЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА У ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ И ИХ КЫШТЫМОВ В XIV–XVIII ВВ.	254
<i>П.О. Сенотрусова</i>	
ЖЕЛЕЗНЫЕ СКРЕБКИ В МАТЕРИАЛАХ МОГИЛЬНИКА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-IV НА НИЖНЕЙ АНГАРЕ.....	256
<i>М.А. Стоякин</i>	
НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ВАЛАХ БОХАЯ.....	259
<i>А.А. Суворова, Е.И. Вебер</i>	
РАСЧЕТ РЕКОНСТРУКЦИЙ СИГНАЛЬНОГО КОСТРА ГОРОДИЩА УСТЬ-ЧЕРНАЯ ШИЛКИНСКОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДИЩ.....	261
<i>И.В. Суразакова</i>	
СЕРЬГИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ ТЮРКСКОГО ПЕРИОДА.....	264
<i>Ф.С. Татауров</i>	
СТАТУСНЫЕ ВЕЩИ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII–XIX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	266
<i>А.Н. Толкацкий</i>	
ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ КАТАЛОГА ПРЕДМЕТОВ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ С ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ.....	268
<i>Н.С. Федорова</i>	
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЧИКОЙСКОЕ.....	269
Антропология, этнология и этноархеология.....	272
<i>Е.А. Аброськина</i>	
ОТЧЕТЫ ВОЛОГОДСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОЙ ЖИЗНИ КОМИ-ЗЫРЯН В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	272
<i>В.С. Акуленко</i>	
АНТРОПОГЕНЕЗ КОРЕЙЦЕВ: ВЗГЛЯД ИЗ КНДР.....	274
<i>Д.В. Алекса</i>	
«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ»: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В АЛТАЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ XX ВЕКА – ОБРАЗ ЧАЛДОНА У ЖИТЕЛЕЙ с. ЛУКОВКА ПАНКРУШИХИНСКОГО РАЙОНА.....	277
<i>Г.Г. Алексеев</i>	
ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОРЕЙСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ЮГЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ.....	279
<i>А.С. Астапова</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОЦИАЛИЗМА.....	281
<i>А-Х.О. Базырчап</i>	
ОСВЯЩЕНИЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ У ТУВИНЦЕВ.....	283
<i>Ю.П. Батурина, М.А. Константинова</i>	
СТАРООБРЯДЦЫ В ТРЁХРЕЧЬЕ.....	286
<i>Т.Р. Бурдаева</i>	
ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ РУССКОГО РОКА 1980–2000 ГГ.	288

<i>М.В. Вятчина</i> К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЕЛЬСКИХ СВЯТЫНЬ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТА МОНАХИНИ АГНИИ ВАСИЛЬСУРСКОЙ.....	289
<i>К.Ю. Гизиева</i> ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ В УСТРОЙСТВЕ МОГИЛ И КЛАДБИЩ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОМСКА).....	291
<i>Е.И. Глухих</i> ОБРЯДНОСТЬ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ПРИАНГАРЬЯ И ПРИИРТЫШЬЯ, СВЯЗАННАЯ С ЖИЛИЩЕМ.....	296
<i>Б.В. Доржу</i> ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ТУВИНЦЕВ, СВЯЗАННЫЕ С ЭТНОЭКОЛОГИЕЙ.....	298
<i>Е.Н. Залётова</i> ЛИСЫ-ОБОРОТНИ И ИХ СВЯЗЬ С МИРОМ МЁРТВЫХ В МИФОЛОГИИ КИТАЯ.....	300
<i>И.А. Зотов</i> К ИЗУЧЕНИЮ МОДЕЛЕЙ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В АРХЕОЛОГИИ.....	301
<i>О.Ю. Иргит</i> ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ ТИБЕТЦЕВ И ТУВИНЦЕВ. ЦЗАМБА И ДАЛГА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ).....	303
<i>М.С. Калугина</i> СЕМЬЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ОСНОВЕ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ ПОЛЯРНОГО ОТРЯДА ЭТНОЭКСПЕДИЦИИ «УРАЛ – 2012»).....	306
<i>Е.В. Ким</i> ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ БИЗНЕС-СЕТИ: ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ ОПЫТ.....	308
<i>А.А. Конгу</i> РОДОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ ТУВИНЦЕВ КОБДОССКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	310
<i>Е.А. Коптяева</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ В СРЕДЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ГОРОДА ОМСКА.....	312
<i>О.А. Кудрявцева</i> ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ЧУКЧЕЙ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ.....	315
<i>В.С. Кучеренко</i> «ЛЕГЕНДА О КУАНЬ-ЮНЕ»: ФОЛЬКЛОРНЫЙ ИСТОЧНИК В ЭТНОГРАФИИ.....	317
<i>Е.М. Лаврищук</i> «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ» В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБЯДНОСТИ ОМОЛОНСКИХ ЭВЕНОВ.....	319
<i>Ю.М. Ладыгина</i> К ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА У ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТРОГЛИФОВ).....	321
<i>А.А. Лопаева</i> СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТА КОЛМЫСКИХ ЭВЕНОВ.....	323
<i>Д.С. Лугоненко</i> ОБРАЗ САДА В ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И НАРОДНОМ ПРАВОСЛАВИИ.....	325

<i>Я.С. Михайлова</i> УСТАНОВКИ НА МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РУССКОГО ЭТНОСА ГОРОДА КРАСНОЯРСКА.....	327
<i>А.А. Монгуш</i> ТУВИНСКИЕ ПОДУШКИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ.....	330
<i>Е.Н. Налетова</i> КУЛЬТ ОБОУ В ШАМАНИЗМЕ СОВРЕМЕННЫХ БУРЯТ ЗАБАЙКАЛЬЯ.....	331
<i>Е.Н. Стародубцева</i> СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ТАГАРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ).....	333
<i>Л.А. Никитина</i> КОРЕЙСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСА).....	336
<i>Ю.С. Новикова</i> СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ.....	338
<i>М.В. Норкина</i> АРКТИЧЕСКОЕ ЖИЛИЩЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ (ЭКОЛОГИЯ, КОНСТРУКЦИЯ).....	340
<i>Е.А. Окладникова</i> ГЛУБИНЫ И ПРОСТРАНСТВА ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТЫ.....	343
<i>Е.А. Пашенцева</i> ИСТОРИЯ НИВХСКОГО СЕЛЕНИЯ ВИСК-ВО В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.	347
<i>П.А. Пашенцев</i> ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВИСК-ВО.....	351
<i>Д.С. Рыговский</i> «МАЛЕНЬКИЙ ДАГЕСТАН»: ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА).....	354
<i>У.В. Светачева</i> ЖИЛИЩЕ В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ.....	356
<i>Р.А. Смирных</i> СОВРЕМЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К НАРОДНОЙ МУЗЫКЕ И ЕЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВУ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ОМСКА.....	358
<i>Е.С. Суворина</i> РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДОВ МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	361
<i>В.И. Терентьев</i> НАЦИОНАЛИЗМ ПО-МОНГОЛЬСКИ: ИСТОКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ.....	363
<i>К.А. Тишкина</i> ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ М.В. ШВЕЦОВОЙ НА АЛТАЕ.....	365

<i>Л.В. Федорова</i> КУЛЬТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДОВ ДРЕВНЕГО АМУРА НА МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА КАЛИНОВКА-1.....	368
<i>Н.А. Федорова</i> СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ КОРЯКОВ В XVIII–XX ВВ. В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ.....	369
<i>У.Т. Ховалыг</i> ТРАДИЦИОННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ТУВИНСКИХ ШАХМАТНЫХ ФИГУРОК.....	372
<i>А.В. Чалбак</i> РОЛЬ ДОРОДОВЫХ ОБРЯДОВ И ОБЫЧАЕВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ В СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ МАТЕРИ И РЕБЕНКА.....	374
<i>Н.В. Чирков</i> ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОЛОНХО КАК ИСТОЧНИК РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДА САХА.....	376
<i>О.А. Чит</i> СВЯЩЕННАЯ СТРЕЛА – ХРАНИТЕЛЬ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ТУВИНЦЕВ.....	378
<i>Е.Е. Щербина</i> СЕМАНТИКА ФЕСТИВАЛЬНО-ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ГОРНЫЙ АЛТАЙ: ОТ СОВЕТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА К СОВРЕМЕННОМУ БРЭНДИНГУ РЕГИОНА.....	381
<i>Т.С. Ябыштаев</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ РОДА У АЛТАЙЦЕВ.....	382
Музееведение и охрана историко-культурного наследия.....	385
<i>И.В. Аболонкова</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ГОРЫ ТЕПСЕЙ (ФАКТОРЫ РАЗРУШЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ).....	385
<i>А. Бурыкина</i> ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДАРВИНОВСКОГО МУЗЕЯ С ЛЮДЬМИ, ИМЕЮЩИМИ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ.....	387
<i>А.В. Веженко, Д.Н. Лысенко, В.Е. Матвеев, Н.С. Муратов, А.Л. Заика</i> НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БОГУЧАНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.....	389
<i>А.Д. Дубов, А.Г. Антилогов</i> ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	391
<i>С.В. Калугина</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ г. ОМСК В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ ПРАЗДНОВАНИЯ 300-ЛЕТИЯ ГОРОДА.....	394
<i>Н.С. Кирьянов</i> ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ СБОРОВ В ХОДЕ РАБОТ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ МАМОНТА В 2011–2012 гг. В МЕСТНОСТИ «МУУС-ХАЯ» УСТЬ-ЯНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ).....	397

<i>А.С. Кокарева</i> КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕРИОД НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ.....	398
<i>Е.И. Кочкина</i> МУЗЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	400
<i>А.А. Лазина</i> МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДВФУ. ИСТОРИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ. ПЕРСПЕКТИВЫ.....	402
<i>А.А. Маркс</i> РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЕРЕВЯННЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА.....	407
<i>А. Моторина</i> НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЯ.....	409
<i>Г.В. Наушенко</i> МУЗЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ: ОПЫТ РОССИЙСКИХ И АЛТАЙСКИХ МУЗЕЕВ.....	412
<i>О.Г. Нихаёва</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОХРАНЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	414
<i>О.В. Ооржак</i> ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	416
<i>А.В. Торопчина</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБРАБОТКИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЕ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ» КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	418
<i>Е.В. Федотова</i> АСПЕКТЫ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ 2012 ГОДА В УСТЬЕ РЕКИ КАТА.....	420

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ АТР

Междисциплинарный аспект

**Материалы докладов ЛШ Региональной
(IX Всероссийской с международным участием)
археолого-этнографической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых**

24–30 марта 2013 г.
Владивосток

Редакторы: *И.А. Гончарук, Д.С. Гусарова, В.В. Прищепя,
С.А. Прудкогляд, Г.В. Самигулина, Л.М. Смирнова,
В.А. Снурницына, Т.Л. Федотова, Л.Ф. Юринова*
Технический редактор *Н.Е. Бунькина*
Компьютерная верстка *Е.А. Прудкогляд*
Оформление обложки *С.В. Филатов*

Подписано в печать 07.03.2013.
Формат 60×84 / 8. Усл. печ. л. 50,68. Уч.-изд. л. 50,00.
Тираж 500 экз. Заказ 67.

Издательский дом Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано в типографии
Издательского дома Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56